

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СО Ч И Н Е Н И Я

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПУБЛИЦИСТИКА-ФИЛОСОФИЯ-ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРЕПИСКА

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М

XIX

ЧАСТЬ I

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

К. МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ТРЕТИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**КНИГА III: ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА,
ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ**

ПЕРЕВОД

Н. П. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА,

ПРОВЕРЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. АДОРАТСКОГО и М. САВЕЛЬЕВА

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА

При подготовке III тома «Капитала» в перевод И. И. Степанова-Скворцова внесены поправки того же характера, что и в предыдущие томы.

Перевод сверен с подготовленным Энгельсом изданием III тома «Капитала» (1894 г.), причем устранен ряд вкрапившихся в перевод ошибок и недостатков.

Отдельные вызывавшие сомнения места немецкого издания слпчены с имеющейся в ИМЭЛ рукописью Маркса, а также с первоисточником, причем выявлен и устранен ряд погрешностей.

Том подготовил т. А. Ф. Кон.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Наконец, мне удалось опубликовать эту третью книгу главной работы Маркса, окончание ее теоретической части. При издании второй книги в 1885 г. я думал, что третья книга, если не считать, конечно, некоторых очень важных отделов, представит, пожалуй, только технические затруднения. Так оно и было в действительности; но тех трудностей, которые предстояли мне именно в этих важнейших отделах целого, я в то время совсем не предвидел, равно как не предвидел и других препятствий, которые должны были так сильно замедлить подготовку книги.

Прежде всего и больше всего мешала мне продолжающаяся слабость зрения, сводившая на протяжении ряда лет к минимуму время, которое я мог уделять письменным занятиям, и еще теперь лишь в виде исключения позволяющая мне браться за перо при искусственном освещении. К этому присоединились другие неотложные работы: новые издания и переводы прежних работ Маркса и моих, следовательно пересмотры, предисловия, дополнения, часто невозможные без нового изучения, и т. д. Прежде всего английское издание первой книги, за текст которого в конечном счете отвечаю я и которое поэтому отняло у меня много времени. Кто хоть сколько-нибудь следил за огромным ростом международной социалистической литературы за последние десять лет и в особенности за числом переводов прежних работ Маркса и моих, тот признает, что я имел основания радоваться, что очень ограничено число языков, на которых я мог быть полезен переводчикам и, следовательно, был обязан не отказываться от просмотра их работ. Но рост литературы был только симптомом соответственного роста самого международного рабочего движения. А это налагало на меня новые обязанности. С первых дней нашей общественной деятельности на Маркса и на меня пала основательная работа по посредничеству между национальными движениями социалистов и рабочих различных стран; работа эта возрастала соответственно усилению всего движения. Но между тем как Маркс и в этой

области брал главное бремя труда на себя, после его смерти постоянно нарастающая работа падала на меня одного. Между тем непосредственные сношения отдельных национальных рабочих партий между собой стали с тех пор, и, к счастью, изо дня в день все более становятся, общим правилом; несмотря на это, к моей помощи еще прибегают гораздо чаще, чем мне бы того хотелось, исходя из интересов моей теоретической работы. Но кто, подобно мне, более пятидесяти лет активно участвовал в этом движении, для того вытекающие из него работы являются неотложной обязанностью, требующей немедленного исполнения. Как в шестнадцатом столетии, так и в наше бурное время чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции.

Так как я живу в Лондоне, эти партийные сношения осуществляются зимой главным образом в письменной форме, а летом— по большей части лично. Вследствие этого, а также вследствие необходимости следить за ходом движения в постоянно возрастающем количестве стран и за еще сильнее растущим количеством органов печати, для меня оказалось невозможным работы, не допускающие никакого перерыва, выполнять иначе, как зимой, преимущественно в первые три месяца года. Когда человеку перевалило за семьдесят лет, мейнертовские ассоциативные волокна мозга работают с какой-то непреодолимой медленностью; перерывы в трудной теоретической работе преодолеваешь уже не так легко и не так быстро, как раньше. Поэтому выходило так, что работу одной зимы, если она не была вполне доведена до конца, приходилось в следующую зиму в значительной части проделывать заново; это и случилось как раз с наиболее трудным пятым отделом.

Как увидит читатель из последующих данных, работа по редактированию этой книги существенно отличалась от редактирования второй книги. Для третьей книги имелся только один первоначальный набросок, к тому же изобиловавший пробелами. Обыкновенно начало каждого особого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отделано стилистически. Но чем дальше, тем более эскизной и неполной становилась обработка рукописи, изложение содержало все больше отступлений по поводу возникавших в ходе исследования побочных вопросов, причем работа по окончательному расположению материала откладывалась до позднейшего времени; все длиннее и запутаннее становились периоды, в которых выражались мысли, записанные *in statu nascendi* [в про-

цессе их зарождения]. Во многих местах почерк и изложение слишком ясно выдают вторжение и постепенное развитие тех вызванных чрезмерным трудом приступов болезни, которые сначала все более и более мешали автору в его самостоятельной работе и, наконец, по временам делали ее совершенно невозможной. И не удивительно. Между 1863 и 1867 гг. Маркс не только подготовил две последние книги «Капитала» вчерне, а первую книгу в готовом для печати виде, но еще выполнил гигантскую работу, связанную с основанием и развитием Международного Товарищества Рабочих. Но вследствие этого уже в 1864 и 1865 гг. обнаружались серьезные признаки тех расстройств в здоровье Маркса, по вине которых не он сам закончил обработку II и III книг.

Моя работа началась с того, что я продиктовал всю рукопись с оригинала, который даже я часто лишь с трудом мог разобрать, и таким образом получил удобочитаемую копию, что одно отняло уже довольно много времени. Лишь после этого могла начаться настоящая редакция. Я ограничил ее самым необходимым: всюду, где это допускала ясность, по возможности сохранил характер первоначальной наброска, даже не зачеркивал отдельных повторений там, где они, как это обыкновенно бывает у Маркса, каждый раз касаются предмета с новой стороны или по крайней мере передают его в иных выражениях. В тех случаях, когда мои изменения или добавления не носят чисто редакционного характера или когда я вынужден был обрабатывать приведенный Марксом фактический материал и делать из него собственные, хотя и возможно более выдержанные в духе Маркса, выводы, в таких случаях все место поставлено в прямые скобки и отмечено моими инициалами*. В моих подстрочных примечаниях скобки кое-где отсутствуют; но там, где они помечены моими инициалами, я отвечаю за все примечание.

В рукописи, — как это само собою понятно для первого наброска, — имеются многочисленные указания на те пункты, которые впоследствии должны были получить разработку, причем эти обещания не во всех случаях были исполнены. Я сохранил их, так как они дают представление о намерениях автора относительно будущей разработки.

А теперь перейдем к отдельным вопросам.

Для первого отдела главной рукописью можно было воспользоваться лишь с большими ограничениями. В самом начале ее помещены все математические вычисления отношения между нормой при-

* [В настоящем издании прямые скобки заменены витыми. *Ред.*]

бавочной стоимости и нормой прибыли (что составляет нашу главу III), тогда как предмет, изложенный в нашей главе I, обсуждается лишь позже и мимоходом. В этом случае оказали помощь два начала переработки, каждое в 8 страниц in folio; но и они не везде разработаны с надлежащей связностью. Из них составила глава I в ее теперешнем виде. Глава II взята из главной рукописи. Для главы III имелся целый ряд неоконченных математических вычислений, а также целая почти законченная тетрадь, относящаяся к семидесятым годам и представляющая в уравнениях отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли. Мой друг Сэмюэль Мур, выполнивший также большую часть английского перевода первой книги, взялся обработать для меня эту тетрадь, к чему он в качестве старого кембриджского математика был несравненно более способен. Из его резюме я составил затем главу III, пользуясь для этого кое-где и главной рукописью. Из главы IV имелось только заглавие. Но так как рассматриваемый здесь пункт — влияние оборота на норму прибыли — имеет решающее важное значение, то я обработал его сам, вследствие чего вся эта глава в тексте и поставлена в скобках. При этом оказалось, что в действительности данная в главе III формула нормы прибыли для того, чтобы сделаться общезначимой, нуждается в некоторой модификации. Начиная с пятой главы, главная рукопись является единственным источником для остальной части отдела, хотя здесь также оказалось необходимым сделать очень много перестановок и дополнений.

Для следующих трех отделов, если не говорить о стилистической редакции, я почти сплошь мог придерживаться оригинала рукописи. Отдельные ее места, в большинстве случаев касающиеся влияния оборота, были обработаны в соответствии со вставленной мною главой IV; они также заключены в скобки и отмечены моими инициалами.

Главное затруднение представлял отдел V, в котором притом рассматривается запутаннейший предмет всей книги. И как раз здесь во время работы застиг Маркса один из упомянутых тяжких приступов болезни. Следовательно, это — не готовый набросок и даже не схема, очертания которой пришлось бы заполнить, а лишь самое начало работы, которое нередко представляет собою неупорядоченную кучу записей, заметок, материалов в форме выписок. Сначала я пытался закончить этот отдел, как это мне до некоторой степени удалось с первым отделом, заполняя пробелы и обрабатывая выраженные лишь в форме намека отрывки, чтобы отдел этот хоть приблизительно представлял собой все то, что наме-

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, erster Theil.

Buch III:

Der Gesamtprozess der kapitalistischen Produktion.

Kapitel I bis XXVIII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Das Recht der Uebersetzung ist vorbehalten.

Hamburg

Verlag von Otto Meissner.

1894.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ I ЧАСТИ III ТОМА «КАПИТАЛА»

(Уменьшено)

ревался дать автор. По меньшей мере три раза я делал такую попытку, но всякий раз безуспешно, и в потере на это времени заключается главная причина запоздания. Наконец, я убедился, что этим путем дело не пойдет. Мне пришлось бы просмотреть всю обширную литературу этой области, и в конце концов у меня получилось бы нечто, но это не было бы книгой Маркса. Мне не оставалось ничего иного, как отказаться от дальнейших попыток в этом направлении и по возможности ограничиться упорядочением того, что имелось, сделав лишь самые необходимые дополнения. И таким образом весной 1893 г. я закончил главную работу над этим отделом.

Из отдельных глав главы XXI—XXIV были в основном разработаны. Главы XXV и XXVI потребовали пересмотра фактического материала и включения материала, находившегося в других местах. Главы XXVII и XXIX можно было почти целиком дать по рукописи; напротив, главу XXVIII местами пришлось расположить иначе. Но настоящее затруднение началось с XXX главы. Начиная отсюда, приходилось приводить в надлежащий порядок не только фактический материал, но и самый ход мыслей, ежеминутно прерываемый вводными предложениями, отступлениями и т. д. и потом получающий дальнейшее развитие в другом месте, часто совершенно мимоходом. Таким образом XXX глава составила путем перестановок и исключений отдельных отрывков, для которых находилось употребление в другом месте. XXXI глава снова оказалась разработанной в более связной форме. Но затем в рукописи следует длинный отдел, озаглавленный: «Путаница» [«Die Konfusion»], представляющий собой сплошные извлечения из парламентских отчетов о кризисах 1848 и 1857 гг., в которых сгруппированы суждения двадцати трех лиц делового мира и писателей-экономистов о деньгах и капитале, об отливе золота, о чрезмерной спекуляции и пр., местами сопровождаемые краткими юмористическими комментариями. Здесь в лицах, как задающих вопросы, так и отвечающих на них, достаточно представлены почти все ходячие взгляды того времени на отношение денег и капитала, и Маркс хотел критически и сатирически рассмотреть обнаруживающуюся при этом «путаницу» на тот счет, что является на денежном рынке деньгами и что — капиталом. После многих попыток я убедился, что составление этой главы невозможно; материал, в особенности в тех случаях, когда он сопровождается комментариями Маркса, я использовал там, где это допускала связность изложения.

Затем следует в довольно упорядоченном виде то, что помещено мною в главе XXXII, но непосредственно за этим — новая группа

выписок из парламентских отчетов о всевозможных предметах, затрагиваемых в этом отделе, перемешанная с более или менее пространными или краткими замечаниями автора. К концу извлечения и комментарии все более концентрируются вокруг вопроса о движении денежного металла и колебаниях вексельного курса и заканчиваются опять всевозможными дополнительными замечаниями. Напротив, глава XXXVI «Докапиталистические отношения» была вполне обработана.

Из всего этого материала, начиная с «Путаницы», поскольку он уже не был помещен раньше, я составил главы XXXIII — XXXV. Конечно, дело не обошлось без значительных вставок с моей стороны для установления связи. Поскольку эти вставки не чисто формального свойства, они прямо обозначены как принадлежащие мне. Таким способом мне, наконец, удалось поместить в тексте все сколько-нибудь относящиеся к делу суждения автора; ничего не было опущено, кроме незначительной части выписок, в которых или только повторялось то, что уже было приведено в каком-нибудь другом месте, или же затрагивались пункты, которыми рукопись ближе не занимается.

Отдел о земельной ренте был разработан много полнее, хотя и он отнюдь не приведен в порядок, как это явствует уже из того, что в главе XLIII (в рукописи самый конец отдела о ренте) Маркс нашел необходимым вкратце напомнить общий план всего отдела. И это было тем более желательно для издания, что рукопись начинается главой XXXVII, за которой следуют главы XLV — XLVII и только после того — главы XXXVIII — XLIV. Больше всего работы потребовали таблицы дифференциальной ренты II и открытие, что в главе XLIII совершенно не был исследован подлежащий здесь рассмотрению третий случай этого вида ренты.

Для этого отдела о земельной ренте Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные изучения. В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках сделавшиеся в России неизбежными после «реформы» 1861 г. статистические исследования и другие издания о земельной собственности, доставлявшие ему русскими друзьями с желательной полнотой, делал из них выписки и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. При разнообразии форм землевладения и эксплуатации земледельческих производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда. К сожалению, Марксу не удалось осуществить этот план.

Наконец, седьмой отдел был закончен в рукописи, но только как первый набросок, бесконечные периоды которого приходилось расчленять для того, чтобы сделать пригодными для печати. Из последней главы имеется только начало. Здесь предстояло рассмотреть соответствующие трем главным формам дохода — земельной ренте, прибыли и заработной плате — три крупных класса развитого капиталистического общества: землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих, и необходимо связанную с их существованием классовую борьбу как фактически данное порождение капиталистического периода. Подобные итоговые обобщения Маркс обыкновенно откладывал до окончательной редакции, незадолго до печатания, причем новейшие исторические события с неизменной правильностью доставляли актуальнейший иллюстративный материал для его теоретических положений.

Цитат и иллюстраций здесь, как уже и во II книге, значительно меньше, чем в первой. Цитаты из книги I приводятся с указанием страниц 2-го и 3-го изданий *. Там, где в рукописи имеется ссылка на теоретические суждения прежних экономистов, большею частью приводится только имя, а самую цитату предполагалось привести при окончательной обработке. Конечно, мне все это так и пришлось оставить. Из парламентских отчетов использованы только четыре, но они использованы довольно широко. Эти отчеты следующие:

1) Reports from Committees (Нижней палаты), т. VIII, Commercial Distress, т. II, ч. I. 1847—48. Minutes of Evidence. — Цитированы как Commercial Distress, 1847—48.

2) Secret Committee of the House of Lords on Commercial Distress 1847. Report printed 1848. Evidence printed 1857 (потому что в 1848 г. он считался слишком компрометирующим). — Цитируется как C. D. 1848—1857.

3) Report: Banc Acts, 1857. — То же, 1858. — Отчеты комитета Нижней палаты о влиянии банковых актов 1844 и 1845 гг. Со свидетельскими показаниями. — Цитируется как В. А. (иногда также В. С.) 1857, resp. [соответств.] 1858 г.

К четвертой книге — история теории прибавочной стоимости — я приступлю, как только это будет для меня сколько-нибудь возможно.

* [В настоящем русском издании они даются по 4-му немецкому изданию с указанием соответствующих страниц русского перевода ИМЭЛ. — Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVII. *Ред.*]

В предисловии ко второму тому «Капитала» я должен был почитаться с теми господами, которые к тому времени подняли большой крик, желая найти «в Родбертусе тайный источник теории Маркса и его несравненного предшественника». Я дал им случай показать, «что в состоянии дать экономия Родбертуса»; я приглашал их показать, «каким образом может и должна образоваться равная средняя норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но как раз на его основе». Те самые господа, которые тогда, исходя из субъективных или объективных оснований, но, как правило, из оснований каких угодно, только не научных, провозглашали доброго Родбертуса экономической звездой первой величины, все без исключения не дали никакого ответа. Напротив, другие люди сочли стоящим труда заняться этим вопросом.

В своей критике II тома («*Conrads Jahrbücher*», XI, 1885 г., стр. 452—465) профессор В. Лексис поднял этот вопрос, хотя и не пожелал дать прямого решения. Он говорит: «Разрешение этого противоречия» (между законом стоимости Рикардо — Маркса и равной средней нормой прибыли) «невозможно, если рассматривать различные виды товаров *отдельно* и если их стоимость должна быть равна их меновой стоимости, а эта последняя равна или пропорциональна их цене». Как полагает Лексис, это возможно лишь при том условии, если «отказаться от измерения стоимости трудом для отдельных видов товара и иметь в виду лишь товарную продукцию *в целом* и ее распределение между целыми классами капиталистов и рабочих... Из всего общественного продукта рабочий класс получает только известную часть... Другая часть, достоящаяся классу капиталистов, образует прибавочный продукт в марксовском смысле слова, а потому и... прибавочную стоимость. Затем члены класса капиталистов распределяют между собой эту совокупную прибавочную стоимость *не* соответственно числу занятых ими рабочих, а пропорционально величине капитала, представляемого каждым из них, причем земля также принимается в расчет как капитальная стоимость». Идеальные стоимости Маркса, определяемые единицами труда, воплощенными в товарах, не соответствуют ценам, но могут «рассматриваться как исходный пункт сдвига, который приводит к действительным ценам. Последние обуславливаются тем, что равные капиталы требуют равновеликих доходов». Вследствие этого некоторые капиталисты будут получать за свои товары цену более высокую, а другие цену более низкую, чем идеальная стоимость этих товаров. «Но так как потери и прибавки в прибавочной стоимости взаимно погашаются в пределах класса капиталистов

то в целом величина прибавочной стоимости оказывается такою же, как если бы все цены были пропорциональны идеальным стоимостям товаров».

Как мы видим, вопрос здесь далеко не решен, но, хотя расплывчато и поверхностно, в общем все же *поставлен* правильно. А это действительно больше, чем мы можем ожидать от кого бы то ни было, кто, подобно этому автору, с известной гордостью называет себя «вульгарным экономистом»; это прямо поразительно, если сравнить с тем, что дали другие вульгарные экономисты и о чем речь будет позже. Правда, вульгарная экономия Лексиса особого рода. Он говорит, что доход на капитал, конечно, можно вывести по способу Маркса, но ничто не *обязывает* к такому пониманию. Напротив, вульгарная экономия имеет свой способ объяснения, по меньшей мере более приемлемый: «Капиталистические продавцы, производитель сырья, фабрикант, оптовый торговец, розничный торговец—получают доход от своих предприятий вследствие того, что каждый из них продает дороже, чем покупает, следовательно повышает на известный процент себестоимость товара. Только рабочий не в состоянии сделать подобной надбавки к стоимости; вследствие своего неблагоприятного положения по отношению к капиталисту он вынужден продавать свой труд за такую цену, какой он стоит ему самому, именно за необходимые средства существования... таким образом эти надбавки к цене по отношению к покупающим наемным рабочим сохраняют свое полное значение и обуславливают перенесение известной части стоимости всего продукта в руки класса капиталистов».

Не требуется больших усилий мысли, чтобы убедиться, что это «вульгарно-экономическое» объяснение прибыли на капитал практически ведет к такому же результату, как и теория прибавочной стоимости Маркса; что, по представлению Лексиса, рабочие находятся совершенно в таком же «неблагоприятном положении», как и у Маркса; что они совершенно так же оказываются обманутыми, потому что каждый не-рабочий может продавать выше цены, а рабочий не может; и что на основе этой теории может быть построена по крайней мере столь же поверхностная система вульгарного социализма, какая создана здесь, в Англии, на основе теории потребительной стоимости и предельной полезности Джевонса—Менгера. Я даже думаю, что, если бы господину Джорджу Бернарду Шоу была известна эта теория прибыли, он был бы способен ухватиться за нее обеими руками, дать отставку Джевонсу и Карлу Менгеру и на этом камне вновь воздвигнуть фабианскую церковь будущего.

Но в действительности эта теория — только парафраз теории Маркса. Откуда же покрываются все надбавки к цене? Из «совокупного продукта» рабочих. И именно вследствие того, что товар «труд», или, как говорит Маркс, товар рабочая сила, должен продаваться ниже его цены. Потому что если общее свойство всех товаров состоит в том, что их можно продавать дороже издержек производства, и если труд представляет единственное исключение из этого и постоянно продается лишь по издержкам производства, то он продается именно ниже той цены, которая является общим правилом в этом вульгарно-экономическом мире. Добавочная прибыль, достаемая вследствие этого капиталисту, resp. [соответств.] классу капиталистов, именно в том и состоит и в конечном счете только потому и может получиться, что рабочий, воспроизведя возмещение цены своего труда, должен еще сверх того производить продукт, за который он не получает платы, — прибавочный продукт, продукт неоплаченного труда, прибавочную стоимость. Лексис — человек в высшей степени осторожный в выборе выражений. Он нигде не говорит прямо, что вышеприведенное понимание — его собственное; но если это так, то совершенно ясно, что мы имеем здесь дело не с одним из тех обычных вульгарных экономистов, о которых он сам говорит, что каждый из них в глазах Маркса «в лучшем случае только безнадежно слабоумен», а с марксистом, облачившимся в костюм вульгарного экономиста. Произошло ли такое переодевание преднамеренно или непреднамеренно, этот психологический вопрос нас здесь не интересует. Тот, кто захотел бы выяснить это, быть может, исследует также, каким образом оказалось возможным, что такой несомненно умный человек, как Лексис, одно время мог защищать такую бессмыслицу, как биметаллизм.

Первый, кто действительно попытался дать ответ на вопрос, был д-р *Конрад Шмидт* в работе: «Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes», изд. Dietz, Stuttgart 1889. Шмидт пытается согласовать детали образования рыночной цены как с законом стоимости, так и со средней нормой прибыли. Промышленный капиталист получает в своем продукте, во-первых, возмещение авансированного им капитала, во-вторых, прибавочный продукт, за который он ничего не заплатил. Но, чтобы получить этот прибавочный продукт, он должен авансировать свой капитал на производство, т. е. он должен применить определенное количество овеществленного*труда, чтобы иметь возможность присвоить этот прибавочный продукт. Следовательно, для капиталиста этот авансированный им капитал есть количество овеществленного труда,

КАПИТАЛЪ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА

изданное подъ редакціей Фридриха Энгельса

Переводъ съ нѣмецкаго

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Книга III

ПРОЦЕССЪ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА
ВЗЯТЫЙ ВЪ ЦѢЛОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1896

Титульный листъ перваго русскаго изданія I части III тома «Капитала»

(Уменьшено)

общественно необходимое для того, чтобы создать ему этот прибавочный продукт. Это относится и ко всякому другому промышленному капиталисту. А так как по закону стоимости продукты обмениваются друг на друга пропорционально труду, общественно необходимому для их производства, и так как для капиталиста трудом, необходимым для изготовления его прибавочного продукта, является как раз прошлый труд, накопленный в его капитале, то из этого следует, что прибавочные продукты обмениваются пропорционально капиталам, требующимся на их производство, а не пропорционально *действительно* воплощенному в них труду. Следовательно, доля, приходящаяся на каждую единицу капитала, равна сумме всей произведенной прибавочной стоимости, разделенной на сумму употребленных на это капиталов. Поэтому равные капиталы в равные промежутки времени приносят равную прибыль, и это происходит таким образом, что исчисленные так издержки производства [Kostpreis] прибавочного продукта, т. е. средняя прибыль, прибавляются к издержкам производства оплаченного продукта, и по этой повышенной цене продается и то и другое, и оплаченный и неоплаченный продукт. Устанавливается средняя норма прибыли, хотя, как думает Шмидт, средние цены отдельных товаров определяются согласно закону стоимости.

Конструкция в высшей степени остроумная, она совершенно по гегелевскому образцу, но имеет то общее с большею частью гегелевского, что она неправильна. Если закон стоимости должен иметь *непосредственное* значение и для средних цен, то и прибавочный продукт и продукт оплаченный — в этом отношении между ними нет различия — должны продаваться в соответствии с общественно необходимым трудом, требующимся для их изготовления и употребленным на это. Закон стоимости с самого начала обращается против возникшего из капиталистического способа представления взгляда, будто накопленный прошлый труд, из которого состоит капитал, не только есть определенная сумма готовой стоимости, но как фактор производства и образования прибыли обладает свойством создавать стоимость, следовательно представляет источник большей стоимости, чем та, какую он сам имеет; закон стоимости прочно устанавливает, что такое свойство принадлежит только живому труду. Что капиталисты ожидают равной прибыли, пропорциональной величине своих капиталов, следовательно смотрят на авансированные ими капиталы как на сего рода издержки производства их прибыли, это известно. Но если Шмидт пользуется таким представлением, чтобы при помощи него привести в согласие с законом стоимости цены, вычисленные в соответствии со средней нормой

прибыли, то он таким образом упраздняет самый закон стоимости, присоединяя к нему в качестве соопределяющего фактора представление, стоящее в полном противоречии с этим законом.

Или накопленный труд наряду с живым трудом создает стоимость. В таком случае закон стоимости недействителен.

Или он не создает стоимости. Тогда доводы Шмидта несовместимы с законом стоимости.

Шмидт отклонился от правильного пути в момент, когда он был уже очень близок к решению задачи, так как он думал, что нужно во что бы то ни стало найти математическую формулу, которая дала бы возможность показать соответствие средней цены каждого отдельного товара с законом стоимости. Но если здесь, будучи совсем близко к цели, он последовал по ложному пути, то остальное содержание брошюры показывает, с каким пониманием он сделал из обеих первых книг «Капитала» дальнейшие выводы. Ему принадлежит честь самостоятельного открытия правильного объяснения до того времени необъясненной тенденции нормы прибыли к понижению, — объяснения, данного Марксом в третьем отделе третьей книги; ему принадлежит также заслуга выведения торговой прибыли из промышленной прибавочной стоимости и целый ряд замечаний о проценте и земельной ренте, в которых предвосхищены им вещи, развитые Марксом в четвертом и пятом отделах третьей книги.

В одной позднейшей работе («Neue Zeit», 1892—93, №№ 3 и 4) Шмидт пытается притти к решению иным путем. Этот путь сводится к тому, что среднюю норму прибыли устанавливает конкуренция благодаря тому, что она заставляет капитал переходить из отраслей производства с недостаточной прибылью в другие отрасли, где получается избыточная прибыль. Что конкуренция — великая уравнительница прибылей, это не ново. Но Шмидт стремится показать, что эта нивелировка прибылей тождественна со сведением продажной цены товаров, производимых в избыточном количестве, к такой стоимостной мере [Werthmass], которую общество может заплатить за них согласно закону стоимости. Почему и это не могло привести к цели, достаточно явствует из разъяснений Маркса в самой книге.

После Шмидта к проблеме приступил *П. Фирман* («Conrads Jahrbücher», dritte Folge, III, стр. 793). Я не останавливаюсь на его замечаниях о других сторонах изложения у Маркса. Они основываются на недоразумении, будто Маркс дает определения там, где он в действительности развивает, и на непонимании того, что у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений. Ведь само собой разумеется, что, когда

вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а развивают в их историческом, resp. [соответств.] логическом, процессе образования. После этого станет, конечно, ясно, почему Маркс в начале первой книги, где он исходит из простого товарного производства, являющегося для него исторической предпосылкой, чтобы затем в дальнейшем изложении перейти от этого базиса к капиталу, — почему он при этом начинает именно с простого товара, а не с формы, логически и исторически вторичной, не с товара, уже капиталистически модифицированного этого Фиреман, конечно, никак не может понять. Эти и другие второстепенные вещи, которые могли бы дать повод еще к кое-каким возражениям, мы предпочитаем оставить в стороне и переходим прямо к сущности дела. Тогда как теория учит Фиремана, что прибавочная стоимость при данной норме прибавочной стоимости пропорциональна числу приложенных рабочих сил, опыт показывает ему, что при данной средней норме прибыли прибыль пропорциональна величине всего вложенного капитала. Фиреман объясняет это тем, что прибыль — явление лишь условное (для него это означает: принадлежащее определенной общественной формации, вместе с ней существующее и исчезающее); ее существование связано только с капиталом; последний, если он достаточно силен для того, чтобы вынудить себе прибыль, ставится конкуренцией в необходимость ограничиться получением нормы прибыли, равной для всех капиталов. Без равной нормы прибыли капиталистическое производство было бы прямо невозможно; эта форма производства предполагает, что для каждого отдельного капиталиста масса прибыли при данной норме прибыли может зависеть только от величины его капитала. С другой стороны, прибыль состоит из прибавочной стоимости, из неоплаченного труда. Каким же образом происходит при этом превращение прибавочной стоимости, величина которой определяется эксплуатацией труда, в прибыль, величина которой определяется величиной требующегося для этого капитала? «Просто таким образом, что во всех отраслях производства, где отношение между... постоянным и переменным капиталом наибольшее, товары продаются выше их стоимости, а это означает также, что в тех отраслях производства, где отношение постоянного капитала к переменному капиталу = $c : v$ наименьшее, товары продаются ниже их стоимости, и что только там, где отношение $c : v$ представляет определенную среднюю величину, товары отчуждаются по их истинной стои-

мости... Представляет ли это несовпадение отдельных цен с их соответственными стоимостями опровержение принципа стоимости? Отнюдь нет. Ибо благодаря тому, что цены одних товаров поднимаются выше стоимости в такой же степени, в какой цены других товаров падают ниже их стоимости, общая сумма цен остается равной общей сумме стоимостей... в конце концов это несовпадение устраняется». Такое несовпадение представляет «возмущение» [«Störung»]; «но в точных науках возмущение, которое можно предвидеть, обыкновенно никогда не рассматривается как опровержение известного закона» [стр. 806 и 808].

Сравните с этим соответствующие места главы IX, и вы найдете, что Фиреман действительно затронул здесь решающий пункт. Но сколько посредствующих звеньев потребовалось бы еще и после этого открытия, чтобы Фиреман мог выработать полное очевидное решение проблемы, — это показывает незаслуженно холодный прием, которым встречена его столь значительная статья. Как ни много людей интересовалось проблемой, все они еще боялись на ней обжечься. И это объясняется не только несовершенной формой, в которой Фиреман оставил свое открытие, но и бесспорными недостатками как его понимания изложения у Маркса, так и его собственной общей критики этого изложения, основанной на таком понимании.

Если представляется случай осрамиться на каком-нибудь трудном деле, то за господином профессором *Юлиусом Вольфом* в Цюрихе дело никогда не станет. Вся проблема, рассказывает он нам («*Conrads Jahrbücher*», 1891, dritte Folge, II, стр. 352 и сл.), разрешается при помощи относительной прибавочной стоимости. Производство относительной прибавочной стоимости основывается на увеличении постоянного капитала сравнительно с переменным. «Прирост постоянного капитала предполагает прирост производительной силы рабочих. Но так как этот прирост производительной силы (путем удешевления жизни для рабочего) влечет за собою прирост прибавочной стоимости, то устанавливается прямое отношение между возрастанием прибавочной стоимости и возрастанием доли постоянного капитала во всем капитале. Увеличение постоянного капитала свидетельствует об увеличении производительной силы труда. При неизменяющемся переменном и возрастающем постоянном капитале прибавочная стоимость должна поэтому возрастать в согласии с Марксом. Вот какой вопрос был задан нам» [стр. 358].

Правда, Маркс в сотне мест первой книги говорит прямо противоположное; правда, утверждение, будто по Марксу при уменьшающемся переменном капитале относительная прибавочная стои-

мость возрастает в таком же отношении, как возрастает постоянный капитал, столь изумительно, что для него трудно подыскать парламентское выражение; правда, господин Юлиус Вольф каждой строчкой доказывает, что он ни относительно, ни абсолютно ничего не понял ни в абсолютной, ни в относительной прибавочной стоимости; правда, он сам говорит: «С первого взгляда кажется, что здесь находишься поистине в вертепе несообразностей» [стр. 361], что, кстати сказать, единственно правильное замечание во всей его статье. Но что же из того? Господин Юлиус Вольф так горд своим гениальным открытием, что не может удержаться, чтобы не воздать за это посмертной хвалы Марксу и эту свою собственную непомерную бессмыслицу не превознести как «новое доказательство той проницательности и дальновидности, с какой набросана его (Маркса) критическая система капиталистического хозяйства»!

Дальше еще лучше: господин Вольф говорит: «Рикардо выдвинул два положения. Во-первых: равные затраты капитала — равная прибавочная стоимость (прибыль), во-вторых: равные затраты труда — равная (по массе) прибавочная стоимость. И вопрос заключался тогда в том, как одно согласуется с другим. Однако Маркс не признавал такой постановки вопроса. *Он без сомнения показал (в третьей книге),* что второе утверждение не представляет безусловного следствия закона стоимости, что оно даже противоречит его закону стоимости и, следовательно... должно быть прямо отвергнуто» [стр. 366]. И затем он исследует, кто из нас двоих заблуждался, я или Маркс. Что он сам пребывает в заблуждении, об этом он, конечно, не думает.

Если бы я захотел проронить хоть одно слово по поводу этого великолепного места, это значило бы оскорбить моих читателей и не понять всей комичности положения. Я прибавлю к этому только следующее: с такой же смелостью, с какой он уже тогда мог сказать, что «Маркс в третьем томе без сомнения показал», он пользуется случаем, чтобы сообщить профессорскую сплетню о том, будто вышеупомянутая работа Конрада Шмидта «прямо инспирирована Энгельсом» [стр. 366]. Господин Юлиус Вольф! В том мире, в котором живете и действуете вы, может быть, и принято, что человек, который публично ставит перед другими проблему, втихомолку сообщает ее решение своим личным друзьям. Что вы на это способны, я вам охотно верю. Что до таких низостей не приходится опускаться в том мире, где вращаюсь я, докажет вам настоящее предисловие.

Едва Маркс умер, как господин *Ахилл Лориа* поспешил опубликовать статью о нем в «Nuova Antologia» (апрель 1883 г.): сначала биография, переполненная ложными данными, затем критика

общественной, политической и литературной деятельности. Материалистическое понимание истории Маркса здесь фальсифицировано и искажено с таким апломбом, который позволяет угадать великую цель. И эта цель была достигнута: в 1886 г. тот же господин Лориа издал книгу: «La teoria economica della costituzione politica», в которой он возвестил изумленным современникам, как свое собственное открытие, историческую теорию Маркса, так основательно и так умышленно искаженную им в 1883 г. Конечно, теорию Маркса он свел здесь к довольно филистерскому уровню; исторические иллюстрации и примеры также пестрят ошибками, непростительными и для школьника четвертого класса; но что до всего этого? Открытие того, что политические условия и события всегда и всюду находят свое объяснение в соответствующих экономических условиях, было сделано, как доказано упомянутой книгой, отнюдь не Марксом в 1845 г., а господином Лориа в 1886 г. По крайней мере он счастливо уверил в этом своих соотечественников, а с того времени, как его книга появилась на французском языке, — и некоторых французов, и может теперь важничать в Италии как автор новой исторической теории, создавшей эпоху, пока тамошние социалисты не найдут времени повыщипать у *illustre Loria* краденые павлиньи перья.

Но это лишь один маленький образец приемов господина Лориа. Он уверяет нас, что все теории Маркса основываются на *сознательном* софизме (*un consaputo sofisma*); что Маркс не смущался паралогизмами даже в тех случаях, если он сам *видел в них таковые* (*sapendoli tali*) и т. д. И после того, как он в целом ряде подобных пошлых рассказней сообщил своим читателям все необходимое для того, чтобы они увидели в Марксе карьериста *à la Loria*, который достигает своих маленьких эффектов при помощи таких же мизерных, негодных шарлатанских приемов, как наш падуанский профессор, он может теперь сообщить им важную тайну, а вместе с тем и нас возвращает к норме прибыли.

Господин Лориа говорит: по Марксу масса прибавочной стоимости (которую господин Лориа отождествляет здесь с прибылью), произведенной в капиталистическом промышленном предприятии, зависит от примененного в нем переменного капитала, так как постоянный капитал не приносит никакой прибыли. Но это противоречит действительности, потому что на практике прибыль зависит не от переменного капитала, а от всего капитала. И Маркс сам видит это (I, гл. XI) и соглашается, что факты по внешней видимости противоречат его теории. Как же разрешает он это противоречие? Он отсылает своих читателей к еще не появившемуся следующему тому.

Об этом томе Лориа уже раньше сказал *своим* читателям, что он не верит тому, чтобы Маркс хотя бы одно мгновение думал о его написании, и теперь он торжествующе восклицает: «Итак, я справедливо утверждал, что этот второй том, которым Маркс постоянно угрожает своим противникам и который, однако, никогда не появится, что этот том, весьма вероятно, служил хитроумной уверткой, которую Маркс применял в тех случаях, когда у него нехватало научных аргументов (*un ingegnoso spediente ideato dal Marx a sostituzione degli argomenti scientifici*)». И, кто теперь не убедился, что Маркс стоит на такой же высоте научного шарлатанства, как *l'illustre Logia*, с тем пива не сварить.

Итак, вот что мы узнали: по мнению господина Лориа, теория прибавочной стоимости Маркса абсолютно несовместима с фактом общей равной нормы прибыли. Но вот появилась вторая книга и вместе с тем публично предложенный мною вопрос как раз об этом самом пункте. Если бы господин Лориа был одним из нас, стыдливых немцев, он пришел бы в некоторое смущение. Но он — смелый южанин, он происходит из жаркого климата, где, как он может утверждать, беззастенчивость является до некоторой степени естественным условием*. Вопрос о норме прибыли предложен публично. Господин Лориа публично объявил его неразрешимым. И именно потому он теперь превзойдет самого себя, разрешив его публично.

Такое чудо произошло в «*Conrads Jahrbücher*», *neue Folge*, т. XX [1890], стр. 272 и сл., в статье о вышеупомянутой работе Конрада Шмидта. После того, как он узнал от Шмидта, как образуется торговая прибыль, для него сразу все стало ясно. «Так как определение стоимости рабочим временем дает преимущество тем капиталистам, которые вкладывают большую часть своего капитала в заработную плату, то непроизводительный» (следует сказать — торговый) «капитал может заставить этих пользующихся преимуществом капиталистов платить ему более высокий процент» (следует сказать — прибыль) «и создать равенство между отдельными промышленными капиталистами... Так, напр., если промышленные капиталисты *A, B, C* употребляют на производство по 100 рабочих дней каждый и постоянного капитала соответственно 0, 100 и 200, а заработная плата за 100 рабочих дней содержит в себе 50 рабочих дней, то каждый капиталист получает прибавочную стоимость в 50 рабочих дней, а норма прибыли составляет 100% для первого, 33,3% для второго и 20%

* [Непереводимая игра слов: *Unverfrorenheit* обозначает одновременно и «беззастенчивость» и «незамерзаемость». *Ред.*]

для третьего капиталиста. Но если четвертый капиталист *D* накопляет непроизводительный капитал в 300, который предъявляет притязание на получение от капиталиста *A* процента (прибыли) «стоимостью в 40 рабочих дней и от капиталиста *B* — процента стоимостью в 20 рабочих дней, то норма прибыли капиталистов *A* и *B* понизится до 20%, как у *C*, а капиталист *D* с капиталом в 300 получит прибыль в 60, т. е. норму прибыли в 20%, как и остальные капиталисты».

С такой поразительной ловкостью, в один миг, *l'illustre Loria* разрешил тот самый вопрос, который он за десять лет перед тем объявил неразрешимым. К сожалению, он не открыл нам тайны, откуда «непроизводительный капитал» находит силу для того, чтобы не только вытащить у промышленников эту их избыточную прибыль, превышающую среднюю норму прибыли, но и удержать ее у себя в кармане совершенно так же, как земельный собственник кладет себе в карман в виде земельной ренты добавочную прибыль арендатора. В самом деле, при этом купцы взимали бы с промышленников дань, совершенно аналогичную земельной ренте, и таким путем устанавливали бы среднюю норму прибыли. Конечно, торговый капитал, как это достаточно известно всякому, очень существенный фактор в установлении общей нормы прибыли. Но только литературный авантюрист, который в глубине души плюет на всю политическую экономию, может позволить себе утверждение, что торговый капитал обладает волшебной силой поглощать всю избыточную прибавочную стоимость, превышающую общую норму прибыли, притом поглощать прежде, чем последняя установлена, и превращать ее в земельную ренту для себя самого, притом еще так, что для этого ему не требуется никакой земельной собственности. Не менее удивительно утверждение, будто торговый капитал всегда находит тех промышленников, прибавочная стоимость которых как раз достигает лишь средней нормы прибыли, и что он почитает за честь для себя до некоторой степени облегчить участь этих несчастных жертв закона стоимости Маркса, продавая их продукты без особого вознаграждения, даже без всякой комиссии. Каким надо быть шарлатаном, чтобы вообразить себе, будто Маркс нуждался в подобных жалких фокусах!

Но в полном блеске своей славы наш *l'illustre Loria* выступает только тогда, когда мы сравниваем его с его северными конкурентами, напр. с господином Юлиусом Вольфом, который ведь тоже известен не со вчерашнего дня. Каким мелким брехуном кажется Вольф рядом с итальянцем даже в своей толстой книге «Sozialismus

und kapitalistische Gesellschaftsordnung»! Как беспомощно, я чуть было даже не сказал как скромно, выглядит он по сравнению с тем благородным дерзновением, с каким маэстро выдает за нечто само собой разумеющееся, что Маркс не более, не менее такой же, как и все другие люди, что он совершенно такой же сознательный софист, паралогист, хвостун и шарлатан, как сам господин Лориа, что Маркс всякий раз, когда попадает в затруднительное положение, обещает публике дать окончание своей теории в следующем томе, который он, как это ему самому очень хорошо известно, и не может и не собирается выпустить! Безграничная отвага, соединяющаяся с чрезвычайной изворотливостью и умением выходить из самых невозможных положений, героическое равнодушие к полученным пинкам, стремительно быстрое присвоение чужих работ, назойливое шарлатанство рекламы, организация успеха при помощи шумихи друзей, — кто может сравниться с ним во всем этом?

Италия — страна всего классического. С того великого времени, когда там взошла заря современного мира, эта страна произвела величественные характеры недостижимого классического совершенства, от Данте до Гарибальди. Но времена унижения и чужеземного господства оставили ей и другие классические характеры, среди них два особенно рельефных типа: Станарелля и Дулькамару. Классическое единство обоих воплотилось, как мы видим, в нашем l'illustre Logia.

В заключение я должен повести своих читателей за океан. В Нью-Йорке господин доктор медицины *Георг Штибелинг* также нашел решение задачи, и притом в высшей степени простое. Настолько простое, что ни один человек ни по ту, ни по сю сторону океана не захотел признать его, вследствие чего он пришел в великий гнев и в бесконечном ряде брошюр и газетных статей по обеим сторонам океана горько жаловался на такую несправедливость. Хотя в «*Neue Zeit*» ему сказали, что все его решение основывается на ошибке в вычислениях, но это не могло его беспокоить. Маркс тоже делал ошибки в вычислениях, однако во многих вещах оказался прав. Итак, посмотрим на решение Штибелинга.

«Я беру две фабрики, работающие одинаковое время с одинаковым капиталом, но при различном отношении постоянного и переменного капитала. Весь капитал $(c + v)$ я принимаю $= y$ и обозначаю разницу в отношении постоянного к переменному капиталу через x . Для фабрики I $y = c + v$; для фабрики II $y = (c - x) + (v + x)$. Следовательно, норма прибавочной стоимости для фабрики I $= \frac{m}{v}$, а для

фабрики $\Pi = \frac{m}{c+v}x$. Прибылью (p) я называю всю прибавочную стоимость (m), на которую увеличивается весь капитал y , или $c+v$, в течение данного времени; следовательно, $p = m$. Поэтому норма прибыли для фабрики I $= \frac{p}{y}$, или $\frac{m}{c+v}$, и точно так же для фабрики II $= \frac{p}{y}$, или $\frac{m}{(c-x) + (v+x)}$, т. е. точно так же $= \frac{m}{c+v}$. Следовательно, проблема... разрешается таким образом, что на основе закона стоимости при употреблении одинакового капитала и одинакового времени, но неодинаковых количеств живого труда, равная средняя норма прибыли происходит от изменения нормы прибавочной стоимости» (*G. C. Stiebeling: «Das Werthgesetz und die Profitrate»*, изд. John Heinrich, New-York [1890 г., стр. I]).

Как ни прекрасно, как ни ясно вышеприведенное вычисление, однако мы вынуждены предложить господину д-ру Штибелингу один вопрос: откуда он знает, что сумма прибавочной стоимости, которую производит фабрика I, совершенно равна сумме прибавочной стоимости, произведенной на фабрике II? Относительно c , v , y и x , следовательно о всех остальных факторах расчета, он нам прямо говорит, что они одинаковой величины для обеих фабрик, но об m ни слова. Но из того, что он алгебраически обозначает оба упоминаемые здесь количества прибавочной стоимости через m , это отнюдь не следует. Напротив, это есть именно то, что должно быть доказано, так как г. Штибелинг без всяких оценок и прибыль p отождествляет с прибавочной стоимостью. Тут возможны только два случая: или оба m равны, каждая фабрика производит одинаковые количества прибавочной стоимости, следовательно при одинаковом общем капитале — и одинаковое количество прибыли, а в таком случае г. Штибелинг уже наперед предполагает то, что он должен еще доказать; или же одна фабрика производит большую сумму прибавочной стоимости, чем другая, и в таком случае весь его расчет падает.

Господин Штибелинг не побоялся ни труда, ни издержек для того, чтобы нагромоздить на этой своей ошибке в расчете целую грудку вычислений и преподнести их публике. Я могу дать ему успокоительное заверение, что почти все они одинаково неверны и что там, где они в виде исключения правильны, они доказывают нечто совершенно иное, чем то, что он желает доказать. Так, сравнивая данные американских цензов 1870 и 1880 гг., он указывает на фактическое понижение нормы прибыли, но объясняет это совершенно ошибочно и думает, что теория Маркса о никогда не изменяющейся,

неподвижной норме прибыли должна быть исправлена по указаниям практики. Но вот из третьего отдела предлагаемой третьей книги следует, что эта приписываемая Марксу «неподвижная норма прибыли» — чистая выдумка и что тенденция нормы прибыли к понижению основывается на причинах, диаметрально противоположных тем, которые приводит д-р Штибелинг. У господина д-ра Штибелинга намерения несомненно добрые, но, если желаешь заниматься научными вопросами, необходимо прежде всего научиться читать сочинения, которыми хочешь воспользоваться, так, как их написал автор, и прежде всего не вычитывать из них того, чего в них нет.

Итог всего исследования: и по отношению к поставленному вопросу кое-что сделано опять-таки только школой Маркса. Фирман и Конрад Шмидт, читая эту третью книгу, могут быть совершенно довольны каждой своей частью их собственных работ.

Ф. Энгельс.

Лондон, 4 октября 1894 г.

КНИГА ТРЕТЬЯ

**ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА,
ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ**

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПРИБЫЛЬ И НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НОРМУ ПРИБЫЛИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА И ПРИБЫЛЬ.

В первой книге были исследованы те явления, которые представляет капиталистический процесс производства, взятый сам по себе, как непосредственный процесс производства, причем оставались в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется процессом обращения, который составил предмет исследования второй книги. Там, — именно в третьем отделе, при рассмотрении процесса обращения как опосредствования общественного процесса воспроизводства, — оказалось, что капиталистический процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения. Что касается задачи этой третьей книги, то она не может заключаться в том, чтобы представить общие рассуждения относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и описать те конкретные формы, которые возникают из процесса движения капитала, рассматриваемого как целое. В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым вид [Gestalt] капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его вид в процессе обращения, выступают лишь в качестве особых моментов. Видоизменения [Gestaltungen] капитала, как мы их развиваем в этой книге, шаг за шагом приближаются, таким образом, к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства.

Стоимость всякого капиталистически произведенного товара *Ст.* [стоимость] изображается в формуле: $Ст. = c + v + m$. Если из этой стоимости продукта вычесть прибавочную стоимость *m*, то

останется только эквивалент или стоимость, возмещающая в товаре капитальную стоимость $c + v$, израсходованную в виде элементов производства.

Если, напр., производство известного товара вызвало затрату капитала в 500 ф. ст.: 20 ф. ст. на снашивание средств труда, 380 ф. ст. на материалы производства, 100 ф. ст. на рабочую силу, и если норма прибавочной стоимости составляет 100%, то стоимость продукта $= 400_c + 100_v + 100_m = 600$ ф. ст.

По вычете прибавочной стоимости в 100 ф. ст. остается товарная стоимость в 500 ф. ст., и она просто возмещает израсходованный капитал в 500 ф. ст. Эта часть стоимости товара, возмещающая цену потребленных средств производства и цену примененной рабочей силы, возмещает лишь то, чего стоит товар для самого капиталиста, и потому образует для него издержки производства товара.

То, чего стоит товар капиталисту, и то, чего стоит самое производство товара, это во всяком случае — две совершенно различные величины. Та часть товарной стоимости, которая состоит из прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда. Однако так как на основе капиталистического производства рабочий, вступив в процесс производства, сам образует составную часть функционирующего и принадлежащего капиталисту производительного капитала и, следовательно, действительным производителем товара является капиталист, то издержки производства товара для него представляются действительной стоимостью [Kost] самого товара. Если мы издержки производства назовем k , то формула: $Cm. = c + v + m$ превращается в формулу: $Cm. = k + m$, или товарная стоимость = издержкам производства + прибавочная стоимость.

Таким образом подведение различных частей стоимости товара, лишь возмещающих затраченную на его производство капитальную стоимость, под категорию издержек производства, с одной стороны, служит выражением специфического характера капиталистического производства. То, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой *капитала*; то, чего товар действительно стоит, — затратой *труда*. Поэтому капиталистические издержки производства товара количественно отличны от его стоимости, или действительных издержек его производства; они меньше, чем товарная стоимость, так как, раз $Cm. = k + m$, то $k = Cm. - m$. С другой стороны, издержки производства товара отнюдь не являются такой рубрикой, которая существует лишь в капиталистическом счетоводстве. Обособление этой части стоимости практически постоянно дает о себе знать в дей-

Ch. I.

Dieu. 1. de l'exploration de l'humanité

Le Capital Humain et l'Économie

1) Le Capital Humain

(Le Capital Humain, c'est-à-dire l'ensemble des connaissances, des compétences, des expériences, des capacités de l'individu, qui sont accumulées et qui peuvent être utilisées pour produire de la richesse.)

Le Capital Humain est un concept qui a émergé dans les années 1960, principalement grâce aux travaux de l'économiste américain Gary Becker. Il s'agit d'un type de capital qui est accumulé par l'individu à travers l'éducation, la formation, l'expérience et les compétences acquises.

Le Capital Humain est considéré comme un facteur de production essentiel, car il permet à l'individu de produire de la richesse de manière plus efficace que le capital financier ou le capital physique. Il est également considéré comme un facteur de croissance économique, car il permet à l'économie de passer d'une économie à faible technologie à une économie à haute technologie.

Le Capital Humain est un concept qui a été largement utilisé dans les politiques publiques, en particulier dans le domaine de l'éducation et de la formation. Les gouvernements ont commencé à investir massivement dans l'éducation et la formation, car ils ont compris que cela était essentiel pour créer une main-d'œuvre qualifiée capable de produire de la richesse.

Le Capital Humain est un concept qui a été largement utilisé dans les politiques publiques, en particulier dans le domaine de l'éducation et de la formation. Les gouvernements ont commencé à investir massivement dans l'éducation et la formation, car ils ont compris que cela était essentiel pour créer une main-d'œuvre qualifiée capable de produire de la richesse.

Le Capital Humain est un concept qui a été largement utilisé dans les politiques publiques, en particulier dans le domaine de l'éducation et de la formation. Les gouvernements ont commencé à investir massivement dans l'éducation et la formation, car ils ont compris que cela était essentiel pour créer une main-d'œuvre qualifiée capable de produire de la richesse.

ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ МАРКСА К I СТРАНИЦЕ III ТОМА «КАПИТАЛА»

(Уменьшено)

ствительном производстве товаров, так как из товарной формы эту часть посредством процесса обращения снова и снова приходится превращать обратно в форму производительного капитала и, следовательно, на возмещенные издержки производства необходимо снова и снова покупать элементы производства, потребленные на производство товара.

Напротив, категория издержек производства не имеет никакого отношения к образованию стоимости товара или к процессу возрастания стоимости капитала. Если я знаю, что $\frac{5}{6}$ товарной стоимости в 600 ф. ст., т. е. 500 ф. ст., составляют лишь эквивалент, стоимость, возмещающую затраченный капитал в 500 ф. ст., и потому достаточны только для того, чтобы вновь купить вещественные элементы этого капитала, то я от одного этого еще не знаю ни того, как произведены эти $\frac{5}{6}$ стоимости товара, составляющие издержки его производства, ни того, как произведена последняя шестая, составляющая прибавочную стоимость в нем. Исследование, однако, покажет, что издержки производства приобретают в капиталистическом хозяйстве ложную видимость категории, относящейся к самому производству стоимости.

Возвратимся к нашему примеру. Если мы предположим, что стоимость, произведенная одним рабочим в течение одного среднего общественного рабочего дня, представлена в денежной сумме = 6 шилл. = 6 марок, то авансированный капитал в 500 ф. ст. = $400_c + 100_m$ будет представлять собою новую стоимость, произведенную в $1\frac{2}{3}$ десятичасовых рабочих дней, из которых $1\frac{1}{3}$ рабочих дня кристаллизованы в стоимости средств производства = 400_c , $\frac{1}{3}$ — в стоимости рабочей силы = 100_m . Следовательно, если норма прибавочной стоимости = 100%, производство самого вновь создаваемого товара стоит затраты рабочей силы = $100_m + 100_m = 200_m$, десятичасовых рабочих дней.

Далее, нам известно (см. книгу I, гл. VII, стр. 173 и сл. [русск. перев. стр. 232 и сл.]), что стоимость вновь произведенного продукта в 600 ф. ст. складывается из: 1) снова появляющейся стоимости постоянного капитала в 400 ф. ст., израсходованного на средства производства, и 2) из вновь произведенной стоимости в 200 ф. ст. Издержки производства товара = 500 ф. ст. заключают снова появившиеся 400_c и половину вновь произведенной стоимости в 200 ф. ст. (= 100_m), следовательно два совершенно различных по своему происхождению элемента товарной стоимости.

Благодаря целесообразному характеру труда, затраченного в течение $1\frac{2}{3}$ десятичасовых дней, стоимость потребленных средств

производства суммой в 400 ф. ст. перенесена с этих средств производства на продукт. Таким образом эта старая стоимость вновь проявляется как составная часть стоимости продукта, но она не возникает в процессе производства *этого* товара. Она только потому существует как составная часть товарной стоимости, что раньше существовала как составная часть авансированного капитала. Следовательно, израсходованный постоянный капитал возмещается той частью товарной стоимости, которую он сам присоединяет к товарной стоимости. Таким образом этот элемент издержек производства имеет двойственное значение: с одной стороны, он входит в издержки производства товара, потому что является той составной частью товарной стоимости, которая возмещает израсходованный капитал; а, с другой стороны, он лишь потому является составной частью товарной стоимости, что он представляет собою стоимость израсходованного капитала, или потому, что средства производства стоят столько-то.

Совершенно обратное с другой составной частью издержек производства. $66\frac{2}{3}$ дней труда, израсходованного во время производства товара, образуют новую стоимость в 200 ф. ст. Из этой новой стоимости одна часть лишь возмещает авансированный переменный капитал в 100 ф. ст., или цену примененной рабочей силы. Но эта авансированная капитальная стоимость отнюдь не входит в образование новой стоимости. При авансировании капитала рабочая сила оплачивается как *стоимость*, но в процессе производства она функционирует как *созидатель* стоимости. На место той стоимости рабочей силы, которая фигурирует при авансировании капитала, в действительно *функционирующем* производительном капитале выступает сама живая, созидаящая стоимость — рабочая сила.

Различие между этими разными составными частями товарной стоимости, которые вместе образуют издержки производства, тотчас бросается в глаза, как только наступает изменение в величине стоимости: в одном случае израсходованной постоянной, в другом случае израсходованной переменной части капитала. Пусть цена одних и тех же средств производства, или постоянная часть капитала, повысится с 400 ф. ст. до 600 ф. ст. или, наоборот, упадет до 200 ф. ст. В первом случае повысится не только издержки производства товара с 500 ф. ст. до $600_c + 100_v = 700$ ф. ст., но и сама товарная стоимость повысится с 600 ф. ст. до $600_c + 100_v + 100_m = 800$ ф. ст. Во втором случае упадут не только издержки производства с 500 ф. ст. до $200_c + 100_v = 300$ ф. ст., но и сама товарная стоимость — с 600 ф. ст. до $200_c + 100_v + 100_m = 400$ ф. ст. Так как израсходованный постоян-

ный капитал переносит на продукт свою собственную стоимость, то, при прочих равных условиях, стоимость продукта возрастает или падает соответственно абсолютной величине этой капитальной стоимости. Предположим, наоборот, что при прочих равных условиях цена прежней массы рабочей силы возрастает со 100 ф. ст. до 150 ф. ст. или, напротив, падает до 50 ф. ст. Хотя издержки производства в первом случае повышаются с 500 ф. ст. до $400_c + 150_v = 550$ ф. ст., а во втором случае падают с 500 ф. ст. до $400_c + 50_v = 450$ ф. ст., но в обоих случаях товарная стоимость остается неизменной = 600 ф. ст.: в первом случае = $400_c + 150_v + 50_m$, во втором случае = $400_c + 50_v + 150_m$. Авансированный переменный капитал не присоединяет к продукту своей собственной стоимости. Напротив, вместо его стоимости в продукт вошла новая стоимость, созданная трудом. Поэтому изменение в абсолютной величине стоимости переменного капитала, поскольку оно служит выражением лишь изменения в цене рабочей силы, нисколько не изменяет абсолютной величины товарной стоимости, так как ничего не изменяет в абсолютной величине новой стоимости, создаваемой текущей рабочей силой. Напротив, такое изменение оказывает влияние лишь на отношение величин тех двух составных частей новой стоимости, из которых одна образует прибавочную стоимость, а другая возмещает переменный капитал и потому входит в издержки производства товара.

Общим для обеих частей издержек производства, — в нашем случае $400_c + 100_v$, — является только одно: обе они суть части товарной стоимости, которые возмещают авансированный капитал.

Но с точки зрения капиталистического производства это действительное положение дела необходимо проявляется в превратном виде.

Капиталистический способ производства отличается от способа производства, основанного на рабстве, между прочим, тем, что стоимость, гесп. [соответств.] цена рабочей силы, представляется здесь как стоимость, гесп. как цена, самого труда, или как заработная плата (книга I, гл. XVII). Поэтому переменная часть стоимости авансированного капитала выступает в виде капитала, израсходованного на заработную плату в виде капитальной стоимости, оплачивающей стоимость, гесп. цену, всего труда, израсходованного на производство. Если мы, напр., предположим, что средний общественный рабочий день 10-часовой продолжительности воплощается в количестве денег = 6 шилл, то авансированный переменный капитал в 100 ф. ст. будет денежным выражением стоимости, произведенной в $333\frac{1}{3}$ десятичасовых рабочих дня. Но эта стоимость заку-

пленной рабочей силы, фигурирующая при авансировании капитала, не составляет ни одной части действительно функционирующего капитала. Вместо нее в процесс производства вступает сама живая рабочая сила. Если степень эксплуатации последней составляет, как в нашем примере, 100%, то она расходуется в течение $666\frac{2}{3}$ десятичасовых рабочих дней и потому присоединяет к продукту новую стоимость в 200 ф. ст. Но при авансировании капитала переменный капитал в 100 ф. ст. фигурирует как капитал, затраченный на заработную плату, или как цена труда, выполненного в течение $666\frac{2}{3}$ десятичасовых дней. 100 ф. ст., деленные на $666\frac{2}{3}$, дают нам в качестве цены десятичасового рабочего дня 3 шилл., стоимость, созданную в течение пятичасового труда.

Если мы сравним авансированный капитал, с одной стороны, и товарную стоимость — с другой, то мы получим:

I. Авансированный капитал в 500 ф. ст. = 400 ф. ст. капитала, израсходованного на средства производства (цена средств производства), + 100 ф. ст. капитала, израсходованного на труд (цена $666\frac{2}{3}$ рабочих дней, или заработная плата за них).

II. Товарная стоимость в 600 ф. ст. = издержкам производства в 500 ф. ст. (400 ф. ст., цена израсходованных средств производства, + 100 ф. ст., цена затраченных $666\frac{2}{3}$ рабочих дней) + +100 ф. ст. прибавочной стоимости.

В этой формуле часть капитала, затраченная на труд, только тем отличается от части капитала, затраченной на средства производства, напр. на хлопок или уголь, что она служит для оплаты вещественно отличного элемента производства, но отнюдь не тем, что в процессе образования стоимости товара, а потому и в процессе возрастания стоимости капитала, она играет функционально отличную роль. В издержках производства товара цена средств производства возвращается такой, как она уже фигурировала при авансировании капитала, и возвращается именно потому, что эти средства производства были целесообразно использованы. Совершенно так же в издержках производства товара цена, или заработная плата, за $666\frac{2}{3}$ рабочих дней, затраченных на его производство, возвращается именно такой, как она уже фигурировала при авансировании капитала, — и возвращается именно потому, что это количество труда затрачено в целесообразной форме. Мы видим лишь готовые, существующие стоимости, — те части стоимости авансированного капитала, которые входят в образование стоимости продукта, — но не видим элемента, создающего новую стоимость. Различие между постоянным и переменным капиталом исчезло. Все в целом издержки

производства в 500 ф. ст. приобретают теперь двойное значение: во-первых, они представляют собою ту составную часть товарной стоимости в 600 ф. ст., которая возмещает капитал в 500 ф. ст., затраченный на производство товара; и, во-вторых, сама эта составная часть стоимости товара существует лишь потому, что раньше она существовала как издержки на примененные элементы производства, на средства производства и труд, т. е. как авансированный капитал. Капитальная стоимость возвращается как издержки производства товара потому и постольку, что и поскольку она была израсходована как капитальная стоимость.

Тем обстоятельством, что различные составные части стоимости авансированного капитала затрачены на вещественно различные элементы производства, — на средства труда, сырье, вспомогательные материалы и труд, — обусловливается лишь одно: что на издержки производства товара придется вновь купить эти вещественно различные элементы производства. Напротив, по отношению к образованию самих издержек производства заявляет о себе только одно различие, различие между основным и оборотным капиталом. В нашем примере 20 ф. ст. были засчитаны на снашивание средств труда ($400 - 20$ ф. ст. на снашивание средств труда + 380 ф. ст. на производственное сырье). Если до производства товара стоимость этих средств труда была = 1 200 ф. ст., то после его производства она существует в двух видах: 20 ф. ст., — как часть товарной стоимости, $1\ 200 - 20$, или 1 180 ф. ст., — как оставшаяся стоимость средств труда, находящихся, как и раньше, во владении капиталиста, или как элемент стоимости не его товарного капитала, а его производительного капитала. В противоположность средствам труда производственное сырье и заработная плата целиком затрачиваются на производство товара, а потому и вся их стоимость входит в стоимость произведенного товара. Мы видели, как эти различные составные части авансированного капитала по отношению к обороту приобретают формы основного и оборотного капитала.

Итак, авансированный капитал = 1 680 ф. ст.: основной капитал = 1 200 ф. ст. плюс оборотный капитал = 480 ф. ст. (= 380 ф. ст. в производственном сырье плюс 100 ф. ст. в заработной плате).

Издержки производства товара, напротив, = только 500 ф. ст. (20 ф. ст. на снашивание основного капитала, 480 ф. ст. на оборотный капитал).

Однако это различие между издержками производства товара и авансированным капиталом подтверждает лишь одно: что издержки

производства товара образуются исключительно капиталом, действительно затраченным на его производство.

В производстве товара применяются средства труда стоимостью в 1 200 ф. ст., но из этой авансированной капитальной стоимости в производстве теряются только 20 ф. ст. Поэтому примененный основной капитал лишь частично входит в издержки производства товара, так как в его производстве он израсходован лишь частично. Примененный оборотный капитал целиком входит в издержки производства товара, потому что он целиком израсходован в его производстве. Но что же доказывает это, как не то, что потребленные основные и оборотные части капитала, про гата [пропорционально] величине их стоимости, одинаково входят в издержки производства соответственного товара и что эта составная часть стоимости товара вообще обязана своим происхождением лишь капиталу, израсходованному на его производство? Если бы это было не так, то нельзя было бы понять, почему авансированный основной капитал в 1 200 ф. ст. не присоединяет к стоимости продукта не только тех 20 ф. ст., которые утрачены им в процессе производства, но и тех 1 180 ф. ст., которые не утрачены им в этом процессе.

Итак, это различие между основным и оборотным капиталом в отношении исчисления издержек производства лишь подтверждает кажущееся возникновение издержек производства из затраченной капитальной стоимости или той цены, в которую обходятся самому капиталисту израсходованные элементы производства, включая сюда и труд. С другой стороны, в отношении создания стоимости, переменная, затраченная на рабочую силу, часть капитала прямо отождествляется здесь с постоянным капиталом (частью капитала, состоящей из материалов производства) под рубрикой оборотного капитала, и таким образом завершается мистификация процесса возрастания стоимости капитала¹.

До сих пор мы рассматривали только один элемент товарной стоимости — издержки производства. Мы должны теперь посмотреть и на другую составную часть товарной стоимости, на избыток над издержками производства, или на прибавочную стоимость. Итак, прибавочная стоимость представляет собою прежде всего избыток стоимости товара над издержками его производства. Но так как издержки

¹ Какая путаница может возникнуть из-за этого в головах экономистов, показано в книге I, гл. VII, 3, стр. 185—191, на примере Н. В. Сениора. [См. *К. Маркс: «Капитал», т. I. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVII, стр. 245—251.*]

производства равны стоимости израсходованного капитала, в вещественные элементы которого они и совершают постоянно обратное превращение, то этот избыток стоимости представляет собою прирост стоимости капитала, издержанного на производство товара и возвращающегося из своего обращения.

Раньше мы уже видели, что, хотя m , прибавочная стоимость, возникает лишь из изменения стоимости v , переменного капитала, и потому по своему источнику представляет собою просто приращение переменного капитала, однако по окончании процесса производства она в такой же мере образует прирост стоимости $c + v$, всего израсходованного капитала. Формула $c + (v + m)$, которая указывает, что m производится вследствие превращения определенной капитальной стоимости v , авансированной на рабочую силу, в текучую величину, следовательно вследствие превращения постоянной величины в величину переменную, может быть представлена точно так же в виде $(c + v) + m$. До производства у нас был капитал в 500 ф. ст. После производства у нас имеется капитал в 500 ф. ст. плюс прирост стоимости в 100 ф. ст.²

Однако прибавочная стоимость представляет особое приращение не только к той части авансированного капитала, которая входит в процесс возрастания стоимости, но и к той части, которая не входит в него; следовательно, — приращение стоимости не только к тому издержанному капиталу, который возмещается из вырученных издержек производства товара, но вообще ко всему капиталу, вложенному в производство. До процесса производства у нас была капитальная стоимость в 1 680 ф. ст.: 1 200 ф. ст. основного капитала, который вложен в средства труда и из которого только 20 ф. ст. в возмещение снашивания входят в стоимость товара, плюс 480 ф. ст. оборотного капитала в материалах производства и заработной плате. После процесса производства у нас имеется 1 180 ф. ст. как составная часть стоимости производительного капитала плюс товарный капитал в 600 ф. ст. Если мы сложим эти две суммы стоимости, то окажется, что капиталист владеет теперь стоимостью в 1 780 ф. ст. Если он

² «В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с v , с частью капитала, превращенной в рабочую силу, что, следовательно, $v + m = v + \Delta v$ (v плюс прирост v). Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством, что вследствие возрастания своей изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был = 500, теперь он = 590» (книга I, гл. VII, 4, стр. 175 [К. Маркс: «Капитал», т. I. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVII, стр. 235]).

вычет из этого весь авансированный капитал в 1 680 ф. ст., то у него остается приращение стоимости в 100 ф. ст. Итак, 100 ф. ст. прибавочной стоимости в такой же мере составляют приращение стоимости вложенного капитала в 1 680 ф. ст., как и той его доли в 500 ф. ст., которая израсходована во время производства.

Теперь для капиталиста ясно, что это приращение стоимости вытекает из производительных процессов, предпринятых с капиталом, что, следовательно, оно вытекает из самого капитала, так как оно получается после процесса производства, а до этого процесса его не было. Что касается прежде всего капитала, израсходованного на производство, то кажется, будто прибавочная стоимость возникает одинаково из различных элементов его стоимости, израсходованных на средства производства и труд: ведь эти элементы одинаково участвуют в образовании издержек производства. Они в одинаковой мере присоединяют к стоимости продукта свои составляющие авансированный капитал стоимости и не различаются между собой как постоянная и переменная величины стоимости. Это становится очевидным, если мы на один момент представим себе, что весь израсходованный капитал состоит или исключительно из заработной платы или исключительно из стоимости средств производства. Тогда в первом случае мы имели бы вместо товарной стоимости $400_c + 100_v + 100_m$ товарную стоимость $500_v + 100_m$. Затраченный на заработную плату капитал в 500 ф. ст. представляет собою стоимость всего труда, употребленного на производство товарной стоимости в 600 ф. ст., и как раз поэтому образует издержки производства всего продукта. Но единственным известным нам процессом создания этой товарной стоимости является такое образование этих издержек производства, при котором стоимость израсходованного капитала снова служит в качестве составной части стоимости продукта. Как возникает та ее составная часть в 100 ф. ст., которая образует прибавочную стоимость, мы не знаем. То же самое было бы во втором случае, когда товарная стоимость была бы $= 500_c + 100_m$. В обоих случаях мы знаем, что прибавочная стоимость возникает из данной стоимости потому, что эта стоимость авансирована в форме производительного капитала, — безразлично, в форме ли труда или в форме средств производства. Но, с другой стороны, авансированная капитальная стоимость не может образовать прибавочной стоимости лишь по той причине, что она израсходована и потому образует издержки производства товара. Как раз в той мере, в какой она образует издержки производства товара, она образует не прибавочную стоимость, а лишь эквивалент, стоимость, возмещающую израс-

ходованный капитал. Следовательно, поскольку она образует прибавочную стоимость, она образует ее не в своем специфическом свойстве израсходованного капитала, а вообще как авансированный и потому примененный капитал. Поэтому прибавочная стоимость в одинаковой мере ведет свое происхождение как от той части авансированного капитала, которая входит в издержки производства товара, так и от той части, которая не входит в издержки производства, словом, — одинаково от основной и оборотной составных частей примененного капитала. Весь капитал — как средства труда, так и материалы производства и труд — вещественно служит создателем продукта. В действительный процесс труда вещественно входит весь капитал, хотя только некоторая часть его входит в процесс возрастания стоимости. Быть может, именно в этом лежит причина того, что он лишь частично участвует в образовании издержек производства, но целиком участвует в образовании прибавочной стоимости. Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость ведет свое происхождение одновременно от всех частей приложенного капитала. Рассуждения можно было бы значительно сократить, если грубо и просто сказать вслед за Мальтусом: «Капиталист *ждет* одинакового барыша от всех частей авансированного им капитала»³.

Прибавочная стоимость, представленная таким образом как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращенную форму *прибыли*. Следовательно, известная сумма стоимости является капиталом потому, что она затрачена для того, чтобы получить прибыль⁴, или прибыль появляется потому, что известная сумма стоимости употребляется как капитал. Если прибыль мы обозначим посредством p , то формула $St. = c + v + m = k + m$ превращается в формулу $St. = k + p$, или *товарная стоимость = издержкам производства + прибыль*.

Следовательно, прибыль, как мы здесь имеем ее сначала перед собою, есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в мистифицированной форме, которая, однако, необходимо возникает из капиталистического способа производства. Так как в образовании издержек производства, как оно выступает на поверхности явлений, нельзя обнаружить никакого различия между постоянным и переменным капиталом, то источник изменения стоимости, совершаю-

³ *Malthus*: «Principles of Political Economy», 2-е изд., London 1836, стр. 268.

⁴ «Капитал это то, что расходуют с целью получить прибыль». *Malthus*: «Definitions in Political Economy». London 1827, стр. 86.

щегося во время процесса производства, приходится перенести с переменной части капитала на весь капитал. Так как на одном полюсе цена рабочей силы выступает в превращенной форме заработной платы, то на противоположном полюсе прибавочная стоимость выступает в превращенной форме прибыли.

Как мы видели, издержки производства товара меньше, чем его стоимость. Так как $Cm. = k + m$, то $k = Cm. - m$. Формула $Cm. = k + m$ лишь при том условии сводится к $Cm. = k$, товарная стоимость = издержкам производства товара, если $m = 0$, — случай, который никогда не встречается на основе капиталистического производства, хотя при особых рыночных конъюнктурах продажная цена товаров может падать до или даже ниже издержек производства.

Поэтому если товар продается по его стоимости, то реализуется прибыль, равная избытку его стоимости над издержками его производства, следовательно равная всей прибавочной стоимости, заключающейся в товарной стоимости. Но капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его ниже его стоимости. До тех пор, пока продажная цена товара выше издержек его производства, хотя бы она и была ниже его стоимости, все время будет реализоваться часть заключающейся в нем прибавочной стоимости, следовательно во всяком случае будет получаться прибыль. В нашем примере товарная стоимость = 600 ф. ст., издержки производства = 500 ф. ст. Если товар продается за 510, 520, 530, 560, 590 ф. ст., то он продается ниже его стоимости соответственно на 90, 80, 70, 40, 10 ф. ст., и, однако, от его продажи выручается прибыль соответственно в 10, 20, 30, 60, 90 ф. ст. Между стоимостью товара и издержками его производства, очевидно, возможен неопределенный ряд продажных цен. Чем больше тот элемент товарной стоимости, который состоит из прибавочной стоимости, тем больше на практике область этих промежуточных цен.

Этим объясняются не только повседневные явления конкуренции, как, напр., известные случаи продажи по пониженным ценам (*underselling*), ненормально низкий уровень товарных цен в определенных отраслях промышленности⁵ и т. д. Основной закон капиталистической конкуренции, непонятый до сих пор политической экономией, закон, регулирующий общую норму прибыли и определяемые ею так называемые цены производства, основывается, как мы увидим

⁵ Ср. кн. I, гл. XVIII, стр. 511—512. [См. *К. Маркс: «Капитал», т. I. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVII, стр. 601.*]

позже, на этой разнице между стоимостью товара и его издержками производства и на вытекающей из нее возможности с прибылью продавать товар ниже его стоимости.

Низшая граница продажной цены товара дана издержками его производства. Если он продается ниже издержек его производства, то израсходованные составные части производительного капитала не могут быть вполне возмещены из продажной цены. Если этот процесс продолжается, то авансированная капитальная стоимость исчезает. Уже с этой точки зрения капиталист склонен считать издержки производства действительной *внутренней* стоимостью товара, потому что это — цена, необходимая для простого сохранения его капитала. Но к этому присоединяется еще то обстоятельство, что издержки производства товара суть та покупная цена, которою сам капиталист оплатил производство товара, следовательно покупная цена, определяемая самим процессом производства товара. Поэтому реализуемый при продаже товара избыток стоимости, или прибавочная стоимость, представляется капиталисту избытком продажной цены товара над его стоимостью, а не избытком его стоимости над издержками его производства, так что выходит, как будто прибавочная стоимость, заключающаяся в товаре, не реализуется посредством его продажи, а возникает из самой продажи. Мы уже ближе выяснили эту иллюзию в книге I, гл. IV, 2 («Противоречия всеобщей формулы капитала»), теперь же на один момент возвратимся к той форме, в которой ее вновь выдвинули Торренс и др., изображая ее шагом вперед, сделанным политической экономией по сравнению с Рикардо.

«Естественная цена, которая состоит из издержек производства или, другими словами, из затраты капитала на производство или фабрикацию товара, не может заключать в себе прибыли... Если фермер затрачивает на возделывание своих полей 100 кварталов зерна и получает за то 120 кварталов, то 20 кварталов, представляя избыток продукта над затратами, образуют его прибыль; но было бы абсурдно называть этот избыток, или прибыль, частью его затрат... Фабрикант затрачивает известное количество сырья, орудий и средств существования для труда и получает за это известное количество готового товара. Этот готовый товар должен иметь более высокую меновую стоимость, чем то сырье, те орудия и средства существования, посредством авансирования которых он приобретен». Поэтому, заключает Торренс, избыток продажной цены над издержками производства, или прибыль, ведет свое происхождение от того, что потребители «при помощи непосредственного или околь-

ного (circuitous) обмена дают несколько большее количество всех составных частей капитала, чем стоит их производство»⁶.

В самом деле, избыток над данной величиной не может образовывать части этой величины, а потому и прибыль, избыток товарной стоимости над затратами капиталиста, не может образовать части этих затрат. Следовательно, если в образование стоимости товара не входит никакого иного элемента, кроме стоимости, авансированной капиталистом, то не понятно, каким образом из производства может выйти бóльшая стоимость, чем та, которая вошла в него, — получилось бы, что нечто возникает из ничего. Однако Торренс отделяется от этого созидания из ничего лишь таким способом, что переносит его из сферы производства товаров в сферу обращения товаров. Прибыль не может получиться из производства, говорит Торренс, потому, что иначе она уже содержалась бы в издержках производства, следовательно не было бы никакого избытка над этими издержками. Прибыль не может получиться из обмена товаров, отвечает ему Рамсей, если она уже не имелась в наличии до обмена товаров. Сумма стоимости обмениваемых продуктов, очевидно, не изменяется вследствие обмена продуктов, сумму стоимости которых она собой представляет. Она остается после обмена такой же, какой была до обмена. Здесь следует заметить, что Мальтус⁷ прямо ссылается на авторитет Торренса, хотя сам он иначе объясняет продажу товаров выше их стоимости или, вернее, не объясняет этого, так как все аргументы этого рода по существу неизбежно сводятся к знаменитому в свое время отрицательному весу флогистона.

В обществе, где господствует капиталистическое производство, даже некапиталистическим производителем владеют капиталистические представления. В своем последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще замечательный по глубокому пониманию реальных отношений, метко изображает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких денежных затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом двух зайцев за раз. Он сберегает расходы на заработную плату и все больше и больше опутывает петлями ростовщической сети кре-

⁶ R. Torrens: «An Essay on the Production of Wealth». London 1823, стр. 51—53 и 349.

⁷ Malthus: «Definitions in Political Economy». London 1853, стр. 70, 71.

стьянина, которого все быстрее разоряет, отвлекая его от работ на собственном поле.

Нелепое представление, будто издержки производства товара составляют его действительную стоимость, а прибавочная стоимость происходит из продажи товара выше его стоимости, что, следовательно, товары продаются по их стоимостям, если их продажная цена равна издержкам их производства, т. е. равна цене средств производства, потребленных на них, плюс заработная плата, — это нелепое представление Прудон с обычным для него шарлатанством, корчащим из себя научность, возгласил как новооткрытую тайну социализма. Это сведение стоимости товаров к издержкам их производства образует в действительности основу его народного банка. Раньше было показано, что различные составные части стоимости продукта можно представить в пропорциональных частях самого продукта. Если, напр. (книга I, гл. VII, 2, стр. 182 [русск. перев. стр. 242]), стоимость 20 ф. пряжи составляет 30 шилл.—именно, 24 шилл. средства производства, 3 шилл. рабочая сила и 3 шилл. прибавочная стоимость, — то эту прибавочную стоимость можно представить в виде $\frac{1}{10}$ продукта = 2 ф. пряжи. Если эти 20 ф. пряжи будут теперь проданы по их издержкам производства за 27 шилл., то покупатель получит 2 ф. пряжи даром, или товар будет продан на $\frac{1}{10}$ ниже своей стоимости; однако рабочий так же, как и раньше, доставил свой прибавочный труд только покупателю пряжи, а не капиталистическому производителю пряжи. Было бы совершенно ошибочно предполагать, что если бы все товары продавались по издержкам их производства, то результат фактически получился бы такой же, как если бы все товары продавались выше издержек их производства, но по их стоимостям: если даже предположить, что стоимость рабочей силы, продолжительность рабочего дня и степень эксплуатации труда повсюду одинаковы, то все же массы прибавочной стоимости, заключающиеся в стоимостях различных видов товара, в зависимости от различного органического строения капитала, авансированного на их производство, отнюдь не будут равны⁸.

⁸ «Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу» (книга I, гл. IX, стр. 270 [см. *К. Маркс: «Капитал», т. I, гл. IX. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVII, стр. 337*]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НОРМА ПРИБЫЛИ.

Всеобщая формула капитала такова: $D - T - D'$, т. е. известную сумму стоимости пускают в обращение для того, чтобы извлечь из него бóльшую сумму стоимости. Процесс, порождающий эту бóльшую сумму стоимости, есть капиталистическое производство; процесс, реализующий ее, есть обращение капитала. Капиталист производит товар не ради самого товара, не ради его потребительной стоимости или своего личного потребления. Продукт, который в действительности интересует капиталиста, — это не сам осязаемый продукт, а избыток стоимости продукта над стоимостью потребленного на него капитала. Капиталист авансирует весь капитал, не обращая внимания на различные роли, которые составные части капитала играют в производстве прибавочной стоимости. Он одинаково авансирует все эти составные части с той целью, чтобы не только воспроизвести авансированный капитал, но и произвести известный избыток стоимости по сравнению с ним. Стоимость переменного капитала, авансируемого им, он может превратить в бóльшую стоимость лишь посредством обмена его на живой труд, посредством эксплуатации живого труда. Но он может эксплуатировать труд только в том случае, если он одновременно авансирует и условия для осуществления этого труда, — средства труда и предмет труда, машины и сырье, — т. е. если он ту сумму стоимости, которая имеется у него, превратит в форму условий производства; как и вообще он только потому является капиталистом, только потому вообще может взяться за процесс эксплуатации труда, что он как собственник условий труда противостоит рабочему как владельцу только рабочей силы. Уже раньше, в первой книге, было показано, что как раз то обстоятельство, что этими средствами производства владеют не-рабочие, превращает рабочих в наемных рабочих, не-рабочих — в капиталистов.

Для капиталиста безразлично, смотреть ли на дело таким образом, как будто он авансирует постоянный капитал для того, чтобы

извлечь барыш из переменного, или же таким образом, как будто он авансирует переменный капитал для того, чтобы увеличить стоимость постоянного; таким ли образом, как будто он затрачивает деньги на заработную плату для того, чтобы придать машинам и сырью более высокую стоимость, или же таким образом, как будто он авансирует деньги на машины и сырье для того, чтобы получить возможность эксплуатировать труд. Хотя прибавочную стоимость создает только переменная часть капитала, однако создает ее лишь при том условии, если авансированы и другие части — необходимые для труда условия производства. Так как капиталист может эксплуатировать труд лишь путем авансирования постоянного капитала, так как он может увеличить стоимость постоянного капитала лишь путем авансирования переменного, то в его представлении эти капиталы совпадают, и это тем более, что действительный уровень его дохода определяется отношением не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, не нормой прибавочной стоимости, а нормой прибыли, которая, как мы увидим, может оставаться одной и той же и тем не менее выражать различные нормы прибавочной стоимости.

К издержкам производства продукта относятся все составные части его стоимости, которые оплачены капиталистом или эквивалент которых он бросил в производство. Для того, чтобы капитал просто сохранился или был воспроизведен в своих первоначальных размерах, эти издержки должны быть возмещены.

Стоимость, заключающаяся в товаре, равна тому рабочему времени, которого стоит его производство, а сумма этого труда состоит из оплаченного и неоплаченного труда. Напротив, для капиталиста издержки производства товара состоят только из той части овеществленного в нем труда, которую он оплатил. Заключающийся в товаре прибавочный труд ничего не стоит капиталисту, хотя рабочему он совершенно так же стоит труда, как и оплаченный, хотя он совершенно так же, как оплаченный, создает стоимость и входит в товар как элемент, образующий стоимость. Прибыль капиталиста получается оттого, что он может продать нечто, чего он не оплатил. Прибавочная стоимость, resp. [соответств.] прибыль, состоит как раз из избытка товарной стоимости над издержками производства, т. е. из избытка всей суммы труда, заключающейся в товаре, над заключающейся в нем оплаченной суммой труда. Таким образом прибавочная стоимость, каково бы ни было ее происхождение, есть избыток над всем авансированным капиталом. Следовательно, этот избыток стоит в таком отношении ко всему капиталу, которое выра-

жается дробью $\frac{m}{K}$, где K означает весь капитал. Таким образом мы получаем *норму прибыли* $\frac{m}{K} = \frac{m}{c+v}$ в отличие от *нормы прибавочной стоимости* $\frac{m}{v}$.

Отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу называется *нормой прибавочной стоимости*; отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу называется *нормой прибыли*. Это — два различных измерения одной и той же величины, которые вследствие различия масштаба выражают в то же время различные пропорции или отношения одной и той же величины.

Превращение прибавочной стоимости в прибыль следует вывести из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, — не наоборот. И в самом деле, исходным пунктом исторически была норма прибыли. Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости представляют собою относительно нечто невидимое, некую сущность, подлежащую раскрытию путем исследования, между тем как норма прибыли, а потому и форма прибавочной стоимости, прибыль, обнаруживается на поверхности явлений.

Что касается отдельного капиталиста, то ясно: единственное, что его интересует, это — отношение прибавочной стоимости, или того избытка стоимости, с которым он продает свои товары, ко всему капиталу, авансированному на производство товара; между тем как определенное отношение этого избытка к особым составным частям капитала и его внутренняя связь с этими частями не только не интересуют капиталиста, но его интерес заключается как раз в том, чтобы окутать туманом это определенное отношение и эту внутреннюю связь.

Хотя избыток стоимости товара над издержками его производства возникает в непосредственном процессе производства, но реализуется он только в процессе обращения; и дело тем легче приобретает видимость, будто он возник из процесса обращения, что в действительности, среди конкуренции, на действительном рынке, от отношений рынка зависит, будет или не будет и в какой степени будет реализован этот избыток. Нет надобности распространяться о том, что если товар продается выше или ниже своей стоимости, то имеет место лишь иное распределение прибавочной стоимости и что это иное распределение, изменение отношения, в котором различные лица делят между собою прибавочную стоимость, ничего не изменяет ни в величине, ни в природе прибавочной стоимости. В действительном процессе обращения не только совершаются превра-

щения, которые мы рассмотрели в книге II, но они совпадают с действительной конкуренцией, с куплей или продажей товаров выше или ниже их стоимости, так что для отдельного капиталиста реализуемая им самим прибавочная стоимость в такой же мере зависит от взаимного обмана, как и от непосредственной эксплуатации труда.

В процессе обращения наряду с рабочим временем вступает в действие время обращения, соответственно ограничивающее массу прибавочной стоимости, которую можно реализовать за известный промежуток времени. На непосредственный процесс производства оказывают определяющее влияние и другие моменты, возникающие из обращения. И тот и другой — и непосредственный процесс производства и процесс обращения — постоянно переходят один в другой, проникают друг друга и таким образом постоянно представляют в ложном виде свои характерные разграничительные признаки. Производство прибавочной стоимости, как и стоимости вообще, приобретает в процессе обращения, как показано раньше, новые определения; капитал проходит круг своих превращений; наконец, из своей, так сказать, внутренней органической жизни он вступает в отношения внешней жизни, в отношения, где противостоят друг другу не капитал и труд, а, с одной стороны, капитал и капитал, с другой стороны, индивидуумы, опять-таки просто как покупатели и продавцы; время обращения и рабочее время перекрещиваются на своем пути, и таким образом кажется, будто и то и другое одинаково определяет прибавочную стоимость; та первоначальная форма, в которой противостоят друг другу капитал и наемный труд, замаскировывается вмешательством отношений, которые кажутся независимыми от нее; сама прибавочная стоимость представляется не продуктом присвоения рабочего времени, а избытком продажной цены товара над издержками его производства, благодаря чему эти последние легко могут показаться его действительной стоимостью (*valeur intrinsèque*), так что прибыль кажется избытком продажной цены товаров над их имманентной стоимостью.

Правда, в непосредственном процессе производства природа прибавочной стоимости постоянно доходит до сознания капиталиста, как это уже при рассмотрении прибавочной стоимости показала нам его алчность к чужому рабочему времени и т. д. Но: 1) сам непосредственный процесс производства есть лишь переходящий момент, который постоянно переходит в процесс обращения, как последний переходит в него, так что с большей или меньшей ясностью пребывающая в процессе производства догадка об источнике создавае-

мого в нем дохода, т. е. о природе прибавочной стоимости, является не более, как моментом, равносильным с представлением, будто реализуемый избыток происходит от такого движения, которое является независимым от процесса производства, возникает из самого обращения и принадлежит капиталу независимо от его отношения к труду. Недаром даже современные экономисты, как Рамсей, Мальтус, Сениор, Торренс и т. д., прямо ссылаются на эти явления обращения, как на доказательства того, будто капитал просто в своем вещном существовании, независимо от его общественного отношения к труду, которое только и делает его капиталом, является, наряду с трудом и независимо от труда, самостоятельным источником прибавочной стоимости. — 2) Под рубрикой издержек, к которой заработная плата относится совершенно так же, как цена сырья, снашивание машин и т. д., выжимание неоплаченного труда выступает лишь как сбережение на оплате одной из статей, входящих в издержки, лишь как понижение оплаты определенного количества труда: совершенно так же, как происходит сбережение, когда удастся дешевле купить сырье или уменьшить снашивание машин. Таким образом выжимание прибавочного труда утрачивает свой специфический характер; его специфическое отношение к прибавочной стоимости затемняется; этому сильно способствует и облегчает это, как показано в книге I, отдел VI, то обстоятельство, что стоимость рабочей силы представлена в форме заработной платы.

Благодаря тому, что все части капитала одинаково кажутся источниками избыточной стоимости (прибыли), капиталистическое отношение мистифицируется.

Однако тот способ, которым прибавочная стоимость посредством перехода через норму прибыли превращается в форму прибыли, представляет собою только дальнейшее развитие того перепутывания субъекта и объекта, которое совершается уже в процессе производства. Уже там мы видели, как все субъективные производительные силы труда представляются производительными силами капитала. С одной стороны, стоимость, прошлый труд, господствующий над живым трудом, персонифицируется в капиталисте; с другой стороны, рабочий, напротив, выступает только как рабочая сила — как предмет, как товар. Из этого искаженного отношения необходимо возникает уже в самом простом производственном отношении соответствующее превратное представление, вызванное этим отношением сознание, которое, опираясь на превращение и модификации собственно процесса обращения, развивается дальше.

Как можно убедиться на примере школы Рикардо, попытка

представить законы нормы прибыли непосредственно законами нормы прибавочной стоимости или наоборот является совершенно ошибочной. Конечно, в голове капиталиста между ними нет различия. В выражении $\frac{m}{K}$ прибавочная стоимость соизмеряется со стоимостью всего капитала, который авансирован на ее производство и частью потреблен в этом производстве целиком, частью же только применен к производству. Отношение $\frac{m}{K}$ фактически выражает степень возрастания стоимости всего авансированного капитала; т. е., будучи взято в соответствии со своей внутренней, отвечающей его содержанию, зависимостью и природой прибавочной стоимости, оно показывает, каково отношение той величины, на которую изменяется переменный капитал, к величине всего авансированного капитала.

Величина стоимости всего капитала сама по себе не стоит ни в каком внутреннем отношении к величине прибавочной стоимости, по крайней мере не стоит непосредственно. По своим вещественным элементам весь капитал минус переменный капитал, — т. е. постоянный капитал, — состоит из вещественных условий осуществления труда — из средств труда и материала труда. Для того, чтобы определенное количество труда реализовалось в товарах, а потому и образовало стоимость, требуется определенное количество материала труда и средств труда. В зависимости от особого характера присоединяемого труда существует определенное техническое отношение между массой труда и массой тех средств производства, к которым должен быть присоединен этот живой труд. Таким образом постольку существует определенное отношение и между массой прибавочной стоимости, или прибавочного труда, и массой средств производства. Если, напр., труд, необходимый для производства заработной платы, составляет 6 часов ежедневно, то рабочий, чтобы доставить 6 часов прибавочного труда, чтобы создать прибавочную стоимость в 100%, должен работать 12 часов. Он потребляет в эти 12 часов вдвое больше средств производства, чем в эти 6 часов. Но от этого прибавочная стоимость, присоединяемая им в 6 часов, еще не становится ни в какое непосредственное отношение к стоимости средств производства, потребленных в эти 6 или хотя бы в эти 12 часов. Эта стоимость не имеет здесь никакого значения; важно только, чтобы имелась технически необходимая масса. Дешевы ли, дороги ли сырье или средства труда, это совершенно безразлично, если только они обладают требуемой потребительной стоимостью и имеются в предписываемой техникой пропорции к тому живому труду, который подле-

жит поглощению. Если мне известно, что в один час перепрядается x фунтов хлопка, стоящих a шиллингов, то мне, конечно, известно также, что в 12 часов перепрядается $12x$ фунтов хлопка $= 12a$ шиллингов, и тогда я могу вычислить отношение прибавочной стоимости к стоимости этих 12-ти совершенно так же, как к стоимости этих 6-ти. Но при этом отношение живого труда к стоимости средств производства привходит лишь постольку, поскольку a шиллингов служат именем для x фунтов хлопка; так как определенное количество хлопка имеет определенную цену, то и обратно — определенная цена может служить показателем определенного количества хлопка, пока цена последнего не изменится. Если я знаю, что для того, чтобы присвоить 6 часов прибавочного труда, я должен заставить работать 12 часов, следовательно должен иметь в готовности хлопка на 12 часов, и если я знаю цену этого количества хлопка, которое требуется на 12 часов, то косвенным путем устанавливается отношение между ценой хлопка (как показателем необходимого количества) и прибавочной стоимостью. Наоборот, от цены сырья я никогда не могу умозаключить к той массе сырья, для прядения которой потребуется только один, а не 6 часов. Следовательно, нет никакого внутреннего, необходимого отношения между стоимостью постоянного капитала, а потому и между стоимостью всего капитала ($= c + v$), и прибавочной стоимостью.

Если норма прибавочной стоимости известна и величина ее дана, то норма прибыли выражает не что иное, как то, что она есть в действительности: иное измерение прибавочной стоимости, измерение ее стоимостью всего капитала, а не стоимостью той части капитала, из которой и при помощи обмена которой на труд она непосредственно возникает. Но в действительности (т. е. в мире явлений) дело обстоит наоборот. Прибавочная стоимость дана, но дана как избыток продажной цены товара над издержками его производства; причем остается тайной, откуда происходит этот избыток, — из эксплуатации ли труда в процессе производства, из надувательства ли покупателей в процессе обращения, или из того и другого. Дано, далее, отношение этого избытка к стоимости всего капитала, или норма прибыли. Исчисление этого избытка продажной цены над издержками производства в его отношении к стоимости всего авансированного капитала очень важно и естественно, так как благодаря этому действительно отыскивается то числовое отношение, в котором самовозрастает стоимость всего капитала, или отыскивается степень возрастания его стоимости. Следовательно, если исходить из этой нормы прибыли, то нет никакой возможности вывести отсюда

специфическое отношение между избытком и той частью капитала, которая затрачена на заработную плату. В одной из позднейших глав мы увидим, какие забавные промахи делает Мальтус, когда он пытается, идя этим путем, проникнуть в тайну прибавочной стоимости и ее специфического отношения к переменной части капитала. На что указывает норма прибыли как таковая, так это, напротив, на то, что избыток стоит в одинаковом отношении к равновеликим частям капитала, который с этой точки зрения вообще не обнаруживает никаких внутренних различий, кроме различия между основным и оборотным капиталом. Да и это различие обнаруживается лишь потому, что избыток исчисляется двояким способом. Именно, во-первых, как простая величина: избыток над издержками производства. В этой первой форме избытка весь оборотный капитал входит в издержки производства, между тем как из основного капитала в них входит только снашивание. Далее, во-вторых: отношение этого избытка стоимости ко всей стоимости авансированного капитала. Здесь в исчисление входит стоимость всего основного капитала совершенно так же, как стоимость оборотного. Итак, оборотный капитал оба раза входит одинаковым способом, между тем как основной капитал в одном случае входит иным способом, а в другом — таким же способом, как оборотный капитал. Таким образом различие между оборотным и основным капиталом навязывается здесь как единственное различие.

Следовательно, избыток, если он, выражаясь языком Гегеля, обратно отражает себя от нормы прибыли в себе самом, или, говоря иначе, если избыток ближе характеризуется нормой прибыли, он выступает как избыток, который ежегодно или в определенный период обращения производится капиталом сверх его собственной стоимости.

Поэтому, хотя норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости, между тем как прибавочная стоимость и прибыль представляют в действительности одно и то же и равны также в числовом выражении, тем не менее прибыль есть превращенная форма прибавочной стоимости, форма, в которой ее происхождение и тайна ее наличного бытия [Dasein] затемнены и изглажены. В самом деле, прибыль есть форма проявления прибавочной стоимости, причем последнюю лишь посредством анализа удастся вылупить из первой. В прибавочной стоимости отношение между капиталом и трудом обнажено; в отношении капитала и прибыли, — т. е. капитала и прибавочной стоимости, проявляющейся с одной стороны, как реализованный в процессе обращения избыток

над издержками производства товара, а с другой, как избыток, получающий более близкое определение при посредстве его отношения ко всему капиталу, — *капитал* выступает как *отношение к себе самому*, как отношение, в котором он как первоначальная сумма стоимости отличается от новой стоимости, созданной им же самим. Что он производит эту новую стоимость во время своего движения через процесс производства и процесс обращения, — это имеется в сознании. Но каким образом это совершается, это теперь затемнено и, как кажется, происходит от принадлежащих самому капиталу сокровенных свойств.

Чем дальше прослеживаем мы процесс возрастания стоимости капитала, тем более мистифицируется капиталистическое отношение и тем менее раскрывается тайна его внутреннего организма.

В этом отделе норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости; напротив, прибыль и прибавочная стоимость рассматриваются как одна и та же числовая величина, только в различной форме. В следующем отделе мы увидим, как отчуждение идет дальше и как прибыль выражается величиной, которая и численно отлична от прибавочной стоимости.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОТНОШЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К НОРМЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Как сказано в конце предыдущей главы, мы предполагаем здесь, как и вообще во всем этом первом отделе, что сумма прибыли, приходящаяся на данный капитал, равна всей сумме прибавочной стоимости, произведенной посредством этого капитала в течение данного периода обращения. Следовательно, мы пока отвлекаемся от того, что эта прибавочная стоимость, с одной стороны, распадается на различные производные формы: процент на капитал, земельная рента, налоги и т. д., и что, с другой стороны, она в большинстве случаев не совпадает с прибылью в том виде, как прибыль эта присваивается в силу общей средней нормы прибыли, о чем речь будет во втором отделе.

Поскольку прибыль предполагается количественно равной прибавочной стоимости, ее величина и величина нормы прибыли определяются отношениями простых числовых величин, которые даны или могут быть определены для каждого отдельного случая. Таким образом исследование движется сначала в чисто математической области.

Мы сохраняем обозначения, применявшиеся в первой и второй книгах. Весь капитал K разделяется на постоянный капитал c и переменный капитал v и производит прибавочную стоимость m . Отношение этой прибавочной стоимости к авансированному переменному капиталу, следовательно $\frac{m}{v}$, мы называем нормой прибавочной стоимости и обозначаем ее посредством m' . Следовательно, $\frac{m}{v} = m'$, и потому $m = m'v$. Если эту прибавочную стоимость относить не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, то она называется прибылью (p), а отношение прибавочной стоимости m ко всему капиталу K , следовательно $\frac{m}{K}$, называется нормой прибыли p' . Мы получаем таким образом:

$$p' = \frac{m}{K} = \frac{m}{c+v};$$

если мы вместо m подставим его выше найденную величину $m'v$, то мы получим:

$$p' = m' \frac{v}{K} = m' \frac{v}{c + v},$$

каковое уравнение можно выразить также в пропорции:

$$p' : m' = v : K,$$

норма прибыли относится к норме прибавочной стоимости, как переменный капитал ко всему капиталу.

Из этой пропорции следует, что p' , норма прибыли, всегда меньше m' , нормы прибавочной стоимости, потому что v , переменный капитал, всегда меньше K , суммы $v + c$, переменного и постоянного капитала; это — за исключением единственного, практически невозможного случая, когда $v = K$, когда, следовательно, капиталист совсем не авансирует ни постоянного капитала, ни средств производства, а лишь заработную плату.

В нашем исследовании надо обратить внимание, между прочим, еще на ряд других факторов, которые определяющим образом воздействуют на величину c , v и m и потому заслуживают краткого упоминания.

Во-первых, *стоимость денег*. Ее мы можем принимать повсюду постоянной.

Во-вторых, *оборот*. Этот фактор мы оставим пока в стороне, потому что его влияние на норму прибыли исследуется в одной из последующих глав. {Здесь же мы, забегаая вперед, упомянем только один пункт, именно, что формула $p' = m' \frac{v}{K}$ строго верна только для *одного* оборота переменного капитала, но что мы можем сделать ее правильной и для годового оборота, если вместо m' , простой нормы прибавочной стоимости, поставим $m'n$, годовую норму прибавочной стоимости, причем n обозначает число оборотов переменного капитала в течение одного года (см. кн. II, гл. XVI, 1). — Ф. Э. }

В-третьих, следует принять во внимание *производительность труда*, влияние которой на норму прибавочной стоимости подробно исследовано в книге I, отдел IV. Но она может оказывать также и прямое влияние на норму прибыли, по крайней мере отдельного капитала, если, как показано в книге I, глава X, стр. 280—281 [русск. перев. стр. 348—349], этот отдельный капитал работает с большей производительностью, чем общественно средняя, доставляет продукты по стоимости более низкой, чем общественная средняя стоимость таких же товаров, и потому реализует добавочную прибыль. Но этот случай мы оставляем здесь в стороне, так как и в этом отделе

мы все еще исходим из предположения, что товары производятся при общественно нормальных условиях и продаются по своим стоимостям. Следовательно, в каждом отдельном случае мы исходим из предположения, что производительность труда остается постоянной. В самом деле, капитал, вложенный в известную отрасль промышленности, своим стоимостным строением, т. е. определенным отношением переменного к постоянному капиталу, всякий раз выражает определенную степень производительности труда. Следовательно, если это отношение изменяется не по такой причине, как простое изменение стоимости вещественных составных частей постоянного капитала или изменение заработной платы, то изменение должна претерпеть и производительность труда, и потому мы довольно часто будем иметь возможность наблюдать, что изменения, совершающиеся с факторами s , v и m , предполагают в то же время и изменения в производительности труда.

То же самое относится и к трем остальным факторам: *продолжительности рабочего дня, интенсивности труда и заработной плате*. Их влияние на массу и норму прибавочной стоимости подробно исследовано в первой книге. Итак, понятно, что, хотя ради упрощения мы всегда исходим из предположения, что эти три фактора остаются постоянными, тем не менее изменения, совершающиеся с v и m , могут предполагать изменения величины этих трех определяющих их моментов. Здесь следует лишь кратко напомнить, что заработная плата действует на величину прибавочной стоимости и высоту нормы прибавочной стоимости обратно тому, как действует продолжительность рабочего дня и интенсивность труда; что повышение заработной платы уменьшает прибавочную стоимость, между тем как удлинение рабочего дня и повышение интенсивности труда увеличивают ее.

Если мы предположим, что капитал, напр., в 100 с 20 рабочими при десятичасовом труде и общей заработной плате 20 в неделю производит прибавочную стоимость в 20, то мы получим:

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \quad p' = 20\%.$$

Пусть рабочий день без повышения заработной платы будет удлинен до 15 часов; благодаря этому вся вновь произведенная 20 рабочими стоимость повысится с 40 до 60 ($10 : 15 = 40 : 60$); так как v , уплаченная заработная плата, остается прежняя, то прибавочная стоимость с 20 повышается до 40, и мы получаем:

$$80_c + 20_v + 40_m; \quad m' = 200\%, \quad p' = 40\%.$$

Если, с другой стороны, при десятичасовом труде заработная плата с 20 упадет до 12, то мы будем иметь так же, как и вначале,

всю вновь созданную стоимость в 40, но теперь она будет делиться по-иному: v понижается до 12 и потому дает для m остаток в 28. Следовательно, мы получаем:

$$80_c + 12_v + 28_m; \quad m' = 233\frac{1}{3}\%; \quad p' = \frac{28}{92} = 30\frac{10}{23}\%.$$

Итак, мы видим, что как удлинение рабочего дня (или соответственное повышение интенсивности труда), так и понижение заработной платы повышает массу, а потому и норму прибавочной стоимости; наоборот, повышение заработной платы при прочих равных условиях понизило бы норму прибавочной стоимости. То-есть если v возрастает вследствие повышения заработной платы, то это служит выражением не увеличения, а только более дорогой оплаты известного количества труда; m' и p' не повышаются, а понижаются.

Уже здесь видно, что изменения в рабочем дне, интенсивности труда и заработной плате не могут наступить без одновременного изменения v и m и отношения между ними, а потому и p' , отношения m к $c + v$, ко всему капиталу; и точно так же ясно, что изменения отношения m к v тоже предполагают изменения по меньшей мере в одном из только что упомянутых трех условий труда.

В этом обнаруживается как раз особое органическое отношение переменного капитала к движению всего капитала и возрастанию его стоимости, равно как и его отличие от постоянного капитала. Постоянный капитал, поскольку дело касается образования стоимости, важен лишь благодаря той стоимости, которой он обладает; причем для образования стоимости совершенно безразлично, представляет ли постоянный капитал в 1 500 ф. ст. 1 500 тонн железа, скажем по 1 ф. ст., или 500 тонн железа по 3 ф. ст. Количество действительного вещества, в котором представлена стоимость постоянного капитала, совершенно безразлично для образования стоимости и для нормы прибыли, которая изменяется в обратном направлении с этой стоимостью, в каком бы отношении ни стояло увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала к той массе вещественных потребительных стоимостей, в которой он представлен.

Совершенно иначе обстоит дело с переменным капиталом. Здесь важна в первую очередь не та стоимость, которой он обладает, не тот труд, который овеществлен в нем, а эта стоимость как простой показатель всего труда, который приводится переменным капиталом в движение и который не выражен в переменном капитале; разница между всем этим трудом и трудом, выраженным в самом переменном капитале, а потому трудом оплаченным, или та часть этого труда, которая создает прибавочную стоимость, оказывается как раз тем

больше, чем меньше труд, содержащийся в самом переменном капитале. Пусть рабочий день в 10 часов равен десяти шиллингам = десяти маркам. Если необходимый труд, возмещающий заработную плату, а следовательно переменный капитал, = 5 часам = 5 шилл., то прибавочный труд = 5 часам и прибавочная стоимость = 5 шилл.; если необходимый труд = 4 часам = 4 шилл., то прибавочный труд = 6 часам и прибавочная стоимость = 6 шилл.

Итак, если величина стоимости переменного капитала перестает служить показателем массы труда, приводимой им в движение, и, напротив, изменяется даже мера этого показателя, то вместе с тем норма прибавочной стоимости претерпевает изменение в противоположном направлении и в обратном отношении.

Теперь мы переходим к тому, чтобы применить к различным возможным случаям приведенное выше уравнение, выражающее норму прибыли $p' = m' \frac{v}{K}$. Мы будем изменять значение одного за другим отдельных факторов $m' \frac{v}{K}$ и устанавливать влияние этих изменений на норму прибыли. Таким образом мы получим различные ряды случаев, в которых мы можем видеть или последовательные изменения условий действия одного и того же капитала или же различные одновременно существующие один возле другого капиталы, привлекаемые к сравнению, напр. капиталы в различных отраслях промышленности или в различных странах. Поэтому, если понимание некоторых из наших примеров, как примеров последовательных во времени состояний одного и того же капитала, покажется натянутым или практически невозможным, то это возражение отпадет, если мы посмотрим на них как на сравнение независимых капиталов.

Итак, мы выделяем в произведении $m' \frac{v}{K}$ оба его множителя, m' и $\frac{v}{K}$; сначала мы возьмем m' как постоянную величину и исследуем влияние возможных изменений $\frac{v}{K}$; потом мы предположим, что дробь $\frac{v}{K}$ есть постоянная величина, и заставим m' проделать возможные изменения; наконец, мы предположим, что все факторы изменяются, и этим исчерпаем все случаи, из которых могут быть выведены законы, касающиеся нормы прибыли.

I. m' не изменяется, $\frac{v}{K}$ изменяется.

Для этого случая, охватывающего несколько частных случаев, можно составить общую формулу. Если мы имеем два капитала K и K_1 , с соответственными переменными составными частями v и v_1 ,

с общей для обоих нормой прибавочной стоимости m' и нормами прибыли p' и p'_1 , то

$$p' = m' \frac{v}{K}; \quad p'_1 = m' \frac{v_1}{K_1}.$$

Если мы теперь определим отношение K и K_1 , а также v и v_1 , предположим, напр., что значение дроби $\frac{K_1}{K} = E$, а дроби $\frac{v_1}{v} = e$, то $K_1 = EK$ и $v_1 = ev$. Теперь, подставив в прежнее уравнение полученные таким образом величины для p'_1 , K_1 и v_1 , мы получим:

$$p'_1 = m' \frac{ev}{EK}.$$

Но из прежних двух уравнений мы можем вывести и еще одну формулу, превратив их в следующую пропорцию:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m' \frac{v_1}{K_1} = \frac{v}{K} : \frac{v_1}{K_1}.$$

Так как величина дроби не изменится, если числитель и знаменатель помножить на одно и то же число, то мы можем $\frac{v}{K}$ и $\frac{v_1}{K_1}$ свести к процентным числам, т. е. предположить, что и K и $K_1 = 100$. Тогда у нас будет $\frac{v}{K} = \frac{v}{100}$ и $\frac{v_1}{K_1} = \frac{v_1}{100}$, и мы можем в приведенной пропорции отбросить знаменатели; мы получаем:

$$p' : p'_1 = v : v_1; \quad \text{или:}$$

при двух произвольно взятых капиталах, функционирующих с равной нормой прибавочной стоимости, нормы прибыли относятся друг к другу, как переменные части капитала, взятые в процентном отношении к соответствующим целым капиталам.

Эти две формулы охватывают все случаи изменений $\frac{v}{K}$.

Прежде чем исследовать эти случаи в отдельности, еще одно замечание. Так как K представляет сумму c и v , постоянного и переменного капитала, и так как норма прибавочной стоимости, подобно норме прибыли, обыкновенно выражается в процентах, то вообще удобно предполагать сумму $c + v$ тоже равною сотне, т. е. выражать c и v в процентах. Для определения, правда не массы, а нормы прибыли, безразлично, скажем ли мы: капитал в 15 000, из них 12 000 постоянный и 3 000 переменный капитал, производит прибавочную стоимость в 3 000; или же сведем этот капитал к процентам:

$$\begin{aligned} 15\,000 K &= 12\,000_c + 3\,000_v (+ 3\,000_m) \\ 100 K &= 80_c + 20_v (+ 20_m). \end{aligned}$$

В обоих случаях норма прибавочной стоимости $m' = 100\%$, норма прибыли $= 20\%$.

То же самое, когда мы сравниваем друг с другом два капитала, напр. с предыдущим другой капитал:

$$\begin{aligned} 12\ 000\ K &= 10\ 800_c + 1\ 200_v (+ 1\ 200_m) \\ 100\ K &= 90_c + 10_v (+ 10_m), \end{aligned}$$

где в обоих случаях $m' = 100\%$, $p' = 10\%$ и где сравнение с предыдущим капиталом оказывается много нагляднее в процентной форме.

Напротив, если дело касается изменений, совершающихся с одним и тем же капиталом, то лишь изредка можно воспользоваться процентной формой, потому что она почти всегда стирает эти изменения. Если от процентной формы:

$$80_c + 20_v + 20_m$$

капитал переходит к процентной форме:

$$90_c + 10_v + 10_m,$$

то не видно, возникло ли изменившееся процентное строение $90_c + 10_v$ вследствие абсолютного уменьшения v , или вследствие абсолютного увеличения c , или же вследствие того и другого. Для этого мы должны располагать абсолютными числовыми величинами. Но при изучении последующих отдельных случаев изменений все сводится к тому, каким образом произошли эти изменения: превратились ли $80_c + 20_v$ в $90_c + 10_v$ таким способом, что, напр., $12\ 000_c + 3\ 000_v$ вследствие увеличения постоянного капитала при не изменившемся переменном капитале превратились в $27\ 000_c + 3\ 000_v$ (в процентах $90_c + 10_v$), или же они приняли эту форму вследствие уменьшения переменного капитала при не изменившемся постоянном капитале, т. е. вследствие перехода в $12\ 000_c + 1\ 333\frac{1}{3}_v$ (в процентах тоже $90_c + 10_v$), или, наконец, вследствие изменения обоих слагаемых, напр., $13\ 500_c + 1\ 500_v$ (в процентах опять $90_c + 10_v$). Мы должны последовательно рассмотреть как раз все эти случаи, и потому нам приходится отказаться от удобств процентной формы или прибегать к ней лишь во вторую очередь.

1) m' и K не изменяются, v изменяется.

Если v изменяет свою величину, K может остаться неизменным лишь вследствие того, что другая составная часть K , именно постоянный капитал c , изменяет свою величину на такую же сумму, как v , но в противоположном направлении. Если K первоначально $= 80_c + 20_v = 100$, а потом v уменьшается до 10 , то K может остаться $=$

$= 100$ лишь при том условии, если c повышается до 90; $90_c + 10_v = 100$. Вообще говоря, если v превращается в $v \pm d$, в v , увеличенное или уменьшенное на d , то, чтобы были удовлетворены условия рассматриваемого случая, c должно превратиться в $c \mp d$, должно измениться на такую же сумму, но в противоположном направлении.

Точно так же при неизменности нормы прибавочной стоимости m' , но при изменении переменного капитала v масса прибавочной стоимости m должна измениться, так как $m = m'v$, а в $m'v$ один множитель, именно v , изменил свою величину.

Предположения нашего случая, кроме первоначального уравнения:

$$p' = m' \frac{v}{K},$$

посредством изменения v дают второе уравнение:

$$p'_1 = m' \frac{v_1}{K},$$

в котором v перешло в v_1 , а p'_1 , получившаяся вследствие этого изменившаяся норма прибыли, должна быть найдена.

Она определяется посредством соответствующей пропорции:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m' \frac{v_1}{K} = v : v_1.$$

Или: при неизменности нормы прибавочной стоимости и неизменности всего капитала, первоначальная норма прибыли относится к норме прибыли, возникшей вследствие изменения переменного капитала, как первоначальный переменный капитал относится к измененному.

Если капитал был первоначально, как выше:

- I. $15\ 000\ K = 12\ 000_c + 3\ 000_v$ ($+ 3\ 000_m$), а теперь он:
 II. $15\ 000\ K = 13\ 000_c + 2\ 000_v$ ($+ 2\ 000_m$), то в обоих случаях $K = 15\ 000$ и $m' = 100\%$, а норма прибыли I, 20% , относится к норме прибыли II, $13\frac{1}{3}\%$, как переменный капитал I, $3\ 000$, к переменному капиталу II, $2\ 000$, следовательно $20\% : 13\frac{1}{3}\% = 3\ 000 : 2\ 000$.

Переменный капитал может или повыситься или понизиться. Возьмем сначала пример, когда он повышается. Пусть капитал будет первоначально составлен и функционирует следующим образом:

$$I. 100_c + 20_v + 10_m; K = 120, m' = 50\%, p' = 8\frac{1}{3}\%.$$

Пусть теперь переменный капитал повысится до 30; тогда, согласно предположению, чтобы весь капитал остался попрежнему $= 120$, постоянный капитал должен понизиться со 100 до 90. Произ-

веденная прибавочная стоимость, при той же норме прибавочной стоимости в 50%, должна повыситься до 15. Следовательно, мы получаем:

$$\text{II. } 90_c + 30_v + 15_m; K' = 120, m' = 50\%, p' = 12\frac{1}{2}\%$$

Будем сначала исходить из предположения, что заработная плата не изменилась. Тогда другие факторы нормы прибавочной стоимости — рабочий день и интенсивность труда — тоже должны остаться неизменными. Следовательно, увеличение v (с 20 до 30) может иметь только тот смысл, что рабочих применяется больше наполовину. В таком случае и вся вновь произведенная ими стоимость тоже повышается наполовину, с 30 до 45, и распределяется, как и раньше, в размере $\frac{2}{3}$ на заработную плату и $\frac{1}{3}$ на прибавочную стоимость. Но одновременно с увеличением числа рабочих понизился постоянный капитал, стоимость средств производства, со 100 до 90. Следовательно, мы имеем перед собой случай уменьшающейся производительности труда, связанный с одновременным уменьшением постоянного капитала; возможен ли экономически этот случай?

В земледелии и добывающей промышленности, где было бы легко понять уменьшение производительности труда, а потому и увеличение числа занятых рабочих, этот процесс — в рамках капиталистического производства и на его базисе — связан не с уменьшением, а с увеличением постоянного капитала. Если бы даже упомянутое уменьшение c было обусловлено простым понижением цены, отдельный капитал лишь при совершенно исключительных обстоятельствах мог бы совершить переход от I ко II. Но по отношению к двум независимым капиталам, которые вложены в различных странах или в различные отрасли земледелия или добывающей промышленности, не было бы ничего удивительного в том, если бы в одном случае применялось больше рабочих (откуда и больший переменный капитал), которые работают с менее ценными или более скудными средствами производства, чем в другом случае.

Если же мы отбросим предположение, что заработная плата остается неизменной, и объясним повышение переменного капитала с 20 до 30 тем обстоятельством, что заработная плата увеличилась наполовину, то перед нами будет совершенно иной случай. То же самое число рабочих, — скажем 20 рабочих, — и впредь работает с тем же самым или незначительно уменьшившимся количеством средств производства. Если рабочий день остается неизменным, напр. 10 часов, то вся вновь произведенная стоимость тоже остается неизменной: теперь, как и раньше, она = 30. Но эти

30 будут целиком употреблены на то, чтобы возместить авансированный переменный капитал в 30; прибавочная стоимость исчезла бы. Но у нас было предположено, что норма прибавочной стоимости не изменяется, т. е., как и в I, остается = 50%. Это возможно лишь при том условии, если рабочий день будет увеличен наполовину, до 15 часов. Тогда 20 рабочих в 15 часов произвели бы общую стоимость в 45, и все условия были бы соблюдены:

$$\text{II. } 90_c + 30_v + 15_m; K' = 120, m' = 50\%, p' = 12\frac{1}{2}\%.$$

В этом случае эти 20 рабочих не потребуют средств труда, орудий, машин и т. д. более, чем в случае I; придется увеличить наполовину только количество сырого материала или вспомогательных материалов. Следовательно, при понижении цен на эти материалы переход от I ко II, согласно нашим предположениям, был бы экономически весьма вероятен даже для отдельного капитала. И капиталист за свою потерю, от которой он мог бы пострадать вследствие понижения стоимости его постоянного капитала, был бы по меньшей мере отчасти вознагражден повышением прибыли.

Предположим теперь, что переменный капитал не увеличивается, а уменьшается. В таком случае нам стоит только перевернуть наш прежний пример, взять II как первоначальный капитал и от II перейти к I.

II. $90_c + 30_v + 15_m$ превращается тогда в:

I. $100_c + 20_v + 10_m$, и ясно, что вследствие такой перестановки ничего не изменяется в условиях, регулирующих соответственные нормы прибыли и их взаимное отношение.

Если v с 30 понизится до 20 потому, что при возрастании постоянного капитала будет занято рабочих меньше на $\frac{1}{3}$, то перед нами будет здесь нормальный случай современной промышленности: повышающаяся производительность труда, подчинение больших масс средств производства при посредстве меньшего числа рабочих. Что такое движение необходимо связано с одновременно наступающим понижением нормы прибыли, это обнаружится в третьем отделе этой книги.

Но если v с 30 понижается до 20 потому, что занято прежнее число рабочих, но по более низкой заработной плате, то при неизменности рабочего дня вся вновь произведенная стоимость осталась бы, как и раньше, = $30_v + 15_m = 45$; так как v понизилось до 20, то прибавочная стоимость повысилась бы до 25, норма прибавочной стоимости — с 50% до 125%, что противоречило бы нашему предположению. Чтобы сохранились условия нашего случая, прибавочная

стоимость, при норме в 50%, должна, напротив, понизиться до 10, следовательно вся вновь произведенная стоимость — с 45 до 30, а это возможно лишь при сокращении рабочего дня на $\frac{1}{3}$. Тогда мы получаем, как раньше:

$$100_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 8\frac{1}{3}\%.$$

Конечно, нет надобности упоминать о том, что такого сокращения рабочего времени при понижении заработной платы на практике не было бы. Впрочем, это пока безразлично. Норма прибыли является функцией нескольких переменных, и, если мы желаем узнать, как влияют эти переменные на норму прибыли, мы должны по порядку исследовать обособленное влияние каждой из них, — безразлично, мыслимо ли экономически такое изолированное влияние по отношению к одному и тому же капиталу или же нет.

2) *m'* не изменяется, *v* изменяется, *K* изменяется вследствие изменения *v*.

Этот случай отличается от предыдущего только по степени. Вместо того, чтобы *c* уменьшалось или увеличивалось настолько, насколько увеличивается или уменьшается *v*, *c* остается здесь неизменным. Но при современных условиях крупной промышленности и сельского хозяйства переменный капитал представляет собою относительно лишь небольшую часть всего капитала, и потому уменьшение или возрастание последнего, поскольку оно определяется изменением первого, тоже относительно невелико. Если бы мы опять исходили из капитала:

I. $100_c + 20_v + 10_m; K = 120, m' = 50\%, p' = 8\frac{1}{3}\%$,

то он превратился бы, напр., в:

II. $100_c + 30_v + 15_m; K = 130, m' = 50\%, p' = 11\frac{1}{13}\%$.

Противоположный случай уменьшения переменного капитала опять-таки иллюстрировался бы обратным переходом от II к I.

Экономические условия в существенном были бы такие же, как в предыдущем случае, поэтому они не требуют повторного изложения. Переход от I ко II предполагает уменьшение производительности труда наполовину; чтобы управиться с 100_c , во II требуется наполовину больше труда, чем в I. Этот случай может встретиться в земледелии⁹.

Но в то время, как в прошлом случае весь капитал оставался неизменным, потому что постоянный капитал превращался в пере-

⁹ Здесь в рукописи стоит: «Исследовать позже, в какой связи стоит этот случай с земельной рентой».

менный или наоборот, здесь, при увеличении переменной части, происходит связывание дополнительного капитала; при уменьшении переменной части, — высвобождение капитала, прилагавшегося до того времени.

3) m' и v не изменяются, c , а потому и K изменяются.

В этом случае уравнение:

$$p' = m' \frac{v}{K} \text{ изменяется в: } p'_1 = m' \frac{v}{K_1}$$

и посредством зачеркивания множителей, находящихся на обеих сторонах, приводит к пропорции:

$$p'_1 : p' = K : K_1;$$

при равенстве норм прибавочной стоимости и равенстве переменных частей капитала нормы прибыли стоят в обратном отношении к величине капиталов, взятых в целом.

Если перед нами, напр., три капитала или три различных состояния одного и того же капитала:

I. $80_c + 20_v + 20_m$; $K = 100$, $m' = 100\%$, $p' = 20\%$;

II. $100_c + 20_v + 20_m$; $K = 120$, $m' = 100\%$, $p' = 16\frac{2}{3}\%$;

III. $60_c + 20_v + 20_m$; $K = 80$, $m' = 100\%$, $p' = 25\%$, то получаются такие отношения:

$$20\% : 16\frac{2}{3}\% = 120 : 100 \text{ и } 20\% : 25\% = 80 : 100.$$

Ранее данная общая формула изменений $\frac{v}{K}$ при неизменяющемся m' была такова:

$$p'_1 = m' \frac{ev}{EK}; \text{ теперь же она превращается в: } p'_1 = m' \frac{v}{EK},$$

так как v не претерпевает изменений, и потому множитель $e = \frac{v_1}{v}$ становится здесь = 1.

Так как $m'v = m$, массе прибавочной стоимости, и так как m' и v остаются неизменными, то и m не затрагивается изменением K ; масса прибавочной стоимости остается такой же, как была перед этим изменением.

Если бы c упало до нуля, то p' было бы = m' , норма прибыли была бы равна норме прибавочной стоимости.

Изменение c может возникнуть или вследствие простого изменения стоимости вещественных элементов постоянного капитала или вследствие изменения технического строения всего капитала, т. е. вследствие изменения производительности труда в соответственной отрасли производства. В последнем случае повышение производительности общественного труда, совершающееся с развитием

крупной промышленности и сельского хозяйства, приводило бы к тому, что переход происходил бы (в только что приведенном примере) в последовательности от III к I и от I ко II. То количество труда, которое оплачивается 20-ю и производит стоимость в 40, справлялось бы сначала с массой средств труда стоимостью в 60; при повышении производительности и неизменяющейся стоимости масса уже применяемых средств труда возросла бы сначала до 80, потом до 100. Обратная последовательность обусловила бы уменьшение производительности; то же самое количество труда было бы в состоянии привести в движение меньше средств производства, производство сократилось бы, как это может случиться в земледелии, горном деле и т. д.

Сбережение на постоянном капитале с одной стороны повышает норму прибыли, а с другой — высвобождает капитал, следовательно важно для капиталистов. Позже мы ближе исследуем этот пункт, а также влияние изменения цены элементов постоянного капитала, особенно сырья.

И здесь снова оказывается, что изменение постоянного капитала одинаково действует на норму прибыли, вызвано ли это изменение увеличением или уменьшением вещественных составных частей с или же простым изменением их стоимости.

4) m' не изменяется, v , c и K все меняются.

В этом случае остается в силе прежняя общая формула измененной нормы прибыли:

$$p'_1 = m' \frac{ev}{EK}.$$

Из нее следует, что при неизменной норме прибавочной стоимости:

а) Норма прибыли падает, если E больше, чем e , т. е. если постоянный капитал увеличивается таким образом, что весь капитал возрастает относительно быстрее, чем переменный капитал. Если капитал от $80_c + 20_v + 20_m$ переходит к строению $170_c + 30_v + 30_m$, то m' остается = 100%, но $\frac{v}{K}$ падает с $\frac{20}{100}$ до $\frac{30}{200}$, несмотря на то, что увеличились как v , так и K , и норма прибыли соответственно падает с 20% до 15%.

б) Норма прибыли остается неизменной только в том случае, если $e = E$, т. е. если дробь $\frac{v}{K}$ при кажущемся изменении сохраняет прежнюю величину, т. е. если числитель и знаменатель будут помножены или разделены на одно и то же число. $80_c + 20_v + 20_m$ и $160_c + 40_v + 40_m$, очевидно, имеют одну и ту же норму прибыли в 20%,

потому что m' остается $= 100\%$, а $\frac{v}{K} = \frac{20}{100} = \frac{40}{200}$ в обоих примерах имеет одно и то же значение.

с) Норма прибыли повышается, если e больше, чем E , т. е. если переменный капитал возрастает относительно быстрее, чем весь капитал. Если $80_c + 20_v + 20_m$ превращается в $120_c + 40_v + 40_m$, то норма прибыли повышается с 20% до 25% , потому что m' не изменилось, а $\frac{v}{K} = \frac{20}{100}$ увеличилось до $\frac{40}{160}$, с $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$.

При изменении v и K в одном направлении мы могли бы представить это изменение величин таким образом, как будто обе до известной границы изменяются в одном и том же отношении, так что до этой границы $\frac{v}{K}$ остается неизменным. За этой границей стала бы изменяться лишь одна из двух величин, и мы таким образом сведем этот более сложный случай к одному из предыдущих, более простых.

Если, напр., $80_c + 20_v + 20_m$ переходит в $100_c + 30_v + 30_m$, то в процессе этого изменения отношение v к c , а потому и к K , будет оставаться неизменным вплоть до тех пор, пока не будет достигнуто $100_c + 25_v + 25_m$. Следовательно, до этих пор и норма прибыли остается не затронутой изменением. Таким образом в качестве исходного пункта мы можем принять теперь $100_c + 25_v + 25_m$; мы находим, что v увеличилось на 5, до 30_v , а благодаря этому K увеличивается со 125 до 130, и, следовательно, получаем второй случай — случай простого изменения v и вызванного этим изменения K . Норма прибыли, которая первоначально была 20% , вследствие этого присоединения 5, при прежней норме прибавочной стоимости повышается до $23\frac{1}{13}\%$.

Такое же сведение к более простому случаю могло бы иметь место, если бы даже v и K изменяли свою величину в противоположном направлении. Если бы мы опять исходили, напр., из $80_c + 20_v + 20_m$ и постарались бы перейти к форме $110_c + 10_v + 10_m$, то при изменении до $40_c + 10_v + 10_m$ норма прибыли осталась бы прежняя, именно 20% . Вследствие присоединения к этой промежуточной форме 70_c норма прибыли упадет до $8\frac{1}{3}\%$. Следовательно, мы свели этот случай опять-таки к случаю изменения одной единственной переменной, именно c .

Таким образом одновременное изменение v , c и K не дает никаких новых точек зрения и в последнем счете всегда приводит к случаю, когда изменяется только один фактор.

Даже единственный еще остающийся случай фактически уже исчерпан, именно тот случай, когда v и K численно сохраняют

прежнюю величину, но их вещественные элементы претерпевают изменения стоимости, когда, следовательно, v означает изменившееся количество приводимого в движение труда, c — изменившееся количество приводимых в движение средств производства.

20_v в выражении $80_c + 20_v + 20_m$ первоначально представляли заработную плату 20 рабочих по 10 рабочих часов в день. Пусть заработная плата каждого повысится с 1 до $1\frac{1}{4}$. Тогда 20_v оплачивают не 20, а только 16 рабочих. Но если эти 20 в 200 рабочих часов производили стоимость в 40, то эти 16 при 10 часах в день, следовательно в общей сложности в 160 рабочих часов, произведут стоимость только в 32. По вычете 20_v на заработную плату от 32 останется тогда всего 12 на прибавочную стоимость; норма прибавочной стоимости понизилась бы со 100% до 60%. Но так как, согласно предположению, норма прибавочной стоимости должна остаться неизменной, то рабочий день должен быть удлиннен на $\frac{1}{4}$, с 10 до $12\frac{1}{2}$ часов; если 20 рабочих при 10 часах в день, = 200 рабочим часам, производят стоимость в 40, то 16 рабочих при $12\frac{1}{2}$ часах в день, = 200, произведут такую же стоимость, и капитал $80_c + 20_v$ произвел бы, как и раньше, прибавочную стоимость в 20.

Наоборот: если заработная плата понижается таким образом, что 20_v составляют заработную плату 30 рабочих, то m' может остаться неизменным лишь при том условии, если рабочий день будет сокращен с 10 до $6\frac{2}{3}$ часов. $10 \times 20 = 6\frac{2}{3} \times 30 = 200$ рабочим часам.

Насколько при таких противоположных предположениях выражение стоимости c в деньгах может остаться неизменным, хотя оно представляет количество средств производства, изменившееся соответственно изменившимся отношениям, это в существенном уже рассмотрено выше. В своем чистом виде этот случай возможен лишь как совершенно исключительный.

Что касается такого изменения стоимости элементов c , которое увеличивает или уменьшает их массу, но оставляет неизменной сумму стоимости c , то, пока оно не влечет за собою изменения величины v , оно не затрагивает ни нормы прибыли, ни нормы прибавочной стоимости.

Таким образом мы исчерпали все возможные случаи изменения v , c и K в нашем уравнении. Мы видели, что при неизменяющейся норме прибавочной стоимости норма прибыли может понижаться, оставаться неизменной или возрастать, так как самого незначительного изменения в отношении v к c , resp. [соответств.] к K , достаточно для того, чтобы изменить и норму прибыли.

Далее, оказалось, что при изменении v всегда достигается граница, когда неизменяемость m' становится экономически невозможной. Так как всякое одностороннее изменение c тоже должно дойти до границы, когда v не может более оставаться неизменным, то оказывается, что для всех возможных изменений $\frac{v}{K}$ существуют границы, за которыми m' тоже должно сделаться изменяющимся. Это взаимодействие различных переменных нашего уравнения еще яснее выступит при исследовании изменений m' , к чему мы теперь и переходим.

II. m' изменяется.

Общая формула норм прибыли при различных нормах прибавочной стоимости, — безразлично, остается ли $\frac{v}{K}$ неизменным или, в свою очередь, изменяется, — получится у нас, если уравнение:

$$p' = m' \frac{v}{K},$$

мы превратим в другое:

$$p'_1 = m'_1 \frac{v_1}{K_1},$$

где p'_1 , m'_1 , v_1 и K_1 означают изменившиеся величины p' , m' , v и K . Мы тогда получаем:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m'_1 \frac{v_1}{K_1},$$

а отсюда:

$$p'_1 = \frac{m'_1}{m'} \times \frac{v_1}{v} \times \frac{K}{K_1} \times p'.$$

1) m' изменяется, $\frac{v}{K}$ не изменяется.

В этом случае мы получаем уравнения:

$$p' = m' \frac{v}{K}; \quad p'_1 = m'_1 \frac{v}{K},$$

в которых $\frac{v}{K}$ имеет равную величину. Поэтому получается такое отношение:

$$p' : p'_1 = m' : m'_1.$$

Нормы прибыли двух капиталов одинакового строения относятся друг к другу как соответственные нормы прибавочной стоимости. Так как в дроби $\frac{v}{K}$ важны не абсолютные величины v и K , а лишь отношение между ними, то это относится ко всем капиталам одинакового строения, какова бы ни была их абсолютная величина.

$$\begin{aligned} 80_c + 20_v + 20_m; \quad K = 100, \quad m' = 100\%, \quad p' = 20\% \\ 160_c + 40_v + 20_m; \quad K = 200, \quad m' = 50\%, \quad p' = 10\% \\ 100\% : 50\% = 20\% : 10\%. \end{aligned}$$

Если абсолютные величины v и K в обоих случаях одинаковы, то нормы прибыли относятся друг к другу, кроме того, как массы прибавочной стоимости:

$$p' : p'_1 = m'v : m'_1v = m : m_1.$$

Например:

$$80_c + 20_v + 20_m; m' = 100\%, p' = 20\%$$

$$80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\%$$

$$20\% : 10\% = 100 \times 20 : 50 \times 20 = 20_m : 10_m.$$

Теперь ясно, что при капиталах одинакового строения — одинакового абсолютно или в процентных числах — нормы прибавочной стоимости могут быть различны лишь при том условии, если различны или заработная плата, или продолжительность рабочего дня, или интенсивность труда. В трех случаях:

$$\text{I. } 80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\%$$

$$\text{II. } 80_c + 20_v + 20_m; m' = 100\%, p' = 20\%$$

$$\text{III. } 80_c + 20_v + 40_m; m' = 200\%, p' = 40\%$$

вся вновь произведенная стоимость составляет в I — 30 ($20_v + 10_m$), во II — 40, в III — 60. Это могло произойти трояким способом.

Во-первых, если заработная плата различна, следовательно если 20_v в каждом отдельном случае служат выражением неодинакового числа рабочих. Предположим, что в I заняты 15 рабочих 10 часов при заработной плате в $1\frac{1}{3}$ ф. ст. и что они производят стоимость в 30 ф. ст., из которых 20 ф. ст. возмещают заработную плату, а 10 ф. ст. остаются на прибавочную стоимость. Если заработная плата понижается до 1 ф. ст., то может быть занято в течение 10 часов 20 рабочих; тогда они производят стоимость в 40 ф. ст., в том числе 20 ф. ст. на заработную плату и 20 ф. ст. на прибавочную стоимость. Если заработная плата понижается еще больше, до $\frac{2}{3}$ ф. ст., то может быть занято 30 рабочих по 10 часов; они производят стоимость в 60 ф. ст., из которых по вычете 20 ф. ст. на заработную плату останется еще 40 ф. ст. на прибавочную стоимость.

Этот случай: неизменное в процентном отношении строение капитала, неизменяющийся рабочий день, неизменяющаяся интенсивность труда, изменение нормы прибавочной стоимости, вызванное изменением заработной платы, представляет единственный случай, когда оправдывается положение Рикардо: «Прибыль будет высока или низка в точном соответствии с тем, низка или высока будет заработная плата» («Principles of Political Economy etc.», гл. I, отд. II, стр. 18. Works of D. Ricardo, изд. Mac Culloch 1852. [Ср.

Рикардо: «Начала политической экономии и податного обложения». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 16.]).

Или, *во-вторых*, если интенсивность труда различна. Тогда, напр., 20 рабочих при одинаковых средствах труда при 10 рабочих часах в день производят за день в I — 30, во II — 40, в III — 60 штук определенного товара, каждая штука которого, кроме стоимости потребленных на нее средств производства, представляет новую стоимость в 1 ф. ст. Так как в каждом случае 20 штук = 20 ф. ст. возмещают заработную плату, то на прибавочную стоимость остаются в I—10 штук = 10 ф. ст., во II—20 штук = 20 ф. ст., в III — 40 штук = 40 ф. ст.

Или, *в-третьих*, рабочий день — различной продолжительности. Если 20 рабочих при одинаковой интенсивности труда работают в I девять, во II двенадцать, в III восемнадцать часов в день, то весь их продукт 30 : 40 : 60 стоит в отношении 9 : 12 : 18, и так как заработная плата каждый раз = 20, то на прибавочную стоимость опять остается 10, соответственно 20 и 40.

Итак, повышение или понижение заработной платы действует в обратном направлении, повышение или понижение интенсивности труда и удлинение или сокращение рабочего дня действует в одном и том же направлении на уровень нормы прибавочной стоимости, а потому, при неизменности $\frac{v}{K}$, и на норму прибыли.

2) m' и v изменяются, K не изменяется.

К этому случаю относится пропорция:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m'_1 \frac{v_1}{K} = m'v : m'_1 v_1 = m : m_1.$$

Нормы прибыли относятся друг к другу, как соответственные массы прибавочной стоимости.

Изменение нормы прибавочной стоимости при неизменности переменного капитала знаменовало изменение величины и распределения вновь произведенной стоимости. Одновременное изменение v и m' тоже всегда предполагает иное распределение вновь произведенной стоимости, но не всегда — изменение ее величины. Возможны три случая:

а) v и m' изменяются в противоположном направлении, но на одинаковую величину, напр.:

$$\begin{aligned} 80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\% \\ 90_c + 10_v + 20_m; m' = 200\%, p' = 20\%. \end{aligned}$$

Вновь произведенная стоимость одинакова в обоих случаях, следовательно одинаково и количество доставленного труда; $20_v + 10_m = 10_v + 20_m = 30$. Различие заключается только в том, что в первом случае 20 уплачивается на заработную плату и 10 остается на прибавочную стоимость, между тем как во втором случае заработная плата составляет всего 10, а потому прибавочная стоимость 20. Это — единственный случай, когда при одновременном изменении v и m' число рабочих, интенсивность труда и продолжительность рабочего дня остаются неизменными.

б) Изменение m' и v совершается опять в противоположном направлении, однако не на одну и ту же величину. В таком случае перевес оказывается или на стороне изменения v или на стороне изменения m' .

- I. $80_c + 20_v + 20_m; m' = 100\%, p' = 20\%$
- II. $72_c + 28_v + 20_m; m' = 71\frac{3}{7}\%, p' = 20\%$
- III. $84_c + 16_v + 20_m; m' = 125\%, p' = 20\%$.

В I за вновь произведенную стоимость в 40 уплачивается 20_v , во II за вновь произведенную стоимость в 48 уплачивается 28_v , в III за вновь произведенную стоимость в 36 уплачивается 16_v . Как вновь произведенная стоимость, так и заработная плата изменились; но изменение вновь произведенной стоимости означает изменение доставленного количества труда, следовательно или числа рабочих, или продолжительности труда, или интенсивности труда, или одновременно нескольких из этих трех факторов.

с) Изменение m' и v совершается в одинаковом направлении; в таком случае одно усиливает действие другого.

- $90_c + 10_v + 10_m; m' = 100\%, p' = 10\%$
- $80_c + 20_v + 30_m; m' = 150\%, p' = 30\%$
- $92_c + 8_v + 6_m; m' = 75\%, p' = 6\%$.

И здесь во всех трех случаях вновь произведенная стоимость различна, именно: 20, 50 и 14; и это различие в величине соответствующего каждому случаю количества труда опять сводится к различию числа рабочих, продолжительности труда, интенсивности труда или нескольких, гезр. [соответств.] всех, этих факторов

3) m', v и K изменяются.

Этот случай не дает новых точек зрения и разрешается общей формулой, данной под II, когда m' изменяется.

Итак, действие изменений величины нормы прибавочной стоимости на норму прибыли допускает следующие случаи:

1) Если $\frac{v}{K}$ остается неизменным, то p' увеличивается или уменьшается в том же отношении, как m' .

$$80_c + 20_v + 20_m; m' = 100\%, p' = 20\%$$

$$80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\%$$

$$100\% : 50\% = 20\% : 10\%.$$

2) Если $\frac{v}{K}$ движется в одинаковом направлении с m' , т. е. увеличивается или уменьшается, когда увеличивается или уменьшается m' , то p' повышается или понижается относительно сильнее, чем m' .

$$80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\%$$

$$70_c + 30_v + 20_m; m' = 66\frac{2}{3}\%, p' = 20\%$$

$$50\% : 66\frac{2}{3}\% < 10\% : 20\%.$$

3) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m' , но относительно слабее, чем m' , то p' повышается или понижается относительно слабее, чем m' .

$$80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\%$$

$$90_c + 10_v + 15_m; m' = 150\%, p' = 15\%$$

$$50\% : 150\% > 10\% : 15\%.$$

4) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m' , и относительно сильнее, чем m' , то p' повышается, хотя m' понижается, или p' понижается, хотя m' повышается.

$$80_c + 20_v + 20_m; m' = 100\%, p' = 20\%$$

$$90_c + 10_v + 15_m; m' = 150\%, p' = 15\%,$$

m' повысилось со 100% до 150%, p' понизилось с 20% до 15%.

5) Наконец, если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m' , но изменяет свою величину точно в том же отношении, как и m' , p' остается неизменным, хотя m' повышается или понижается.

Только этот последний случай и требует еще некоторого рассмотрения. Как выше, при изменениях $\frac{v}{K}$, мы видели, что одна и та же норма прибавочной стоимости может получать выражение в разнообразнейших нормах прибыли, так здесь мы видим, что в основе одной и той же нормы прибыли могут лежать очень различные нормы прибавочной стоимости. Но в то время, как, при неизменности m' , всякого изменения в отношении между v и K достаточно для того, чтобы вызвать отличие в норме прибыли, здесь, при изменении вели-

чины m' , требуется строго соответственное обратное изменение величины $\frac{v}{K}$ для того, чтобы норма прибыли осталась прежняя. Для одного и того же капитала или для двух капиталов в одной и той же стране это возможно лишь в весьма исключительных случаях. Возьмем, напр., капитал

$$80_c + 20_v + 20_m; K = 100, m' = 100\%, p' = 20\%$$

и предположим, что заработная плата понижается настолько, что теперь на 16_v можно иметь такое же число рабочих, которому раньше уплачивалось 20_v . В таком случае, при неизменных прочих условиях, высвободится 4_v , и мы получим:

$$80_c + 16_v + 24_m; K = 96, m' = 150\%, p' = 25\%.$$

Теперь для того, чтобы p' было $= 20\%$, как прежде, весь капитал должен был бы возрасти до 120, следовательно постоянный капитал до 104:

$$104_c + 16_v + 24_m; K = 120, m' = 150\%, p' = 20\%.$$

Но это было бы возможно лишь в том случае, если бы одновременно с понижением заработной платы произошло изменение в производительности труда, которое потребовало бы такого изменения в строении капитала; или же если бы денежная стоимость постоянного капитала повысилась с 80 до 104; коротко говоря, — если бы произошло такое случайное совпадение условий, которое совершается лишь в исключительных случаях. В действительности такое изменение m' , которое не обуславливает одновременного изменения v , а потому и изменения $\frac{v}{K}$, мыслимо только при вполне определенных обстоятельствах, именно в таких отраслях промышленности, в которых прилагается только основной капитал и труд, а предмет труда дается природой.

Но при сравнении норм прибыли в двух странах дело обстоит иначе. Одна и та же норма прибыли здесь служит в действительности выражением по большей части различных норм прибавочной стоимости.

Итак, из всех пяти случаев вытекает, что повышающаяся норма прибыли может соответствовать понижающейся или повышающейся норме прибавочной стоимости, понижающаяся норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости, неизменяющаяся норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости. Что повышающаяся, понижающаяся или неизменная норма прибыли тоже может соответство-

вать неизменяющейся норме прибавочной стоимости, это мы видели в пункте I.

Итак, норма прибыли определяется двумя главными факторами: нормой прибавочной стоимости и стоимостным строением капитала. Влияние этих двух факторов можно кратко резюмировать следующим образом, причем строение мы можем выражать в процентах, так как здесь безразлично, от какой из двух частей капитала исходит изменение:

Нормы прибыли двух капиталов или одного и того же капитала в двух последовательных различных состояниях

равны:

1) При одинаковом в процентном отношении строении капиталов и одинаковой норме прибавочной стоимости.

2) При неодинаковом в процентном отношении строении капиталов и неодинаковой норме прибавочной стоимости, если равны произведения норм прибавочной стоимости на выраженные в процентах переменные части капиталов (произведения m' на v), т. е. если равны массы прибавочной стоимости, взятые в процентном отношении ко всему капиталу ($m = m'v$), другими словами, если в обоих случаях множители m' и v стоят в обратном отношении друг к другу.

Они не равны:

1) При равном в процентном отношении строении капиталов, если нормы прибавочной стоимости неравны; при этом нормы прибыли относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости.

2) При равной норме прибавочной стоимости и неравном в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как переменные части капиталов.

3) При неодинаковой норме прибавочной стоимости и неодинаковом в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как произведения $m'v$, т. е. как массы прибавочной стоимости, взятые в процентном отношении ко всему капиталу¹⁰.

¹⁰ В рукописи имеются еще очень подробные вычисления разности между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли ($m' - p'$); она обладает разнообразными любопытными особенностями, и ее движение обнаруживает случаи, когда обе нормы удаляются друг от друга или сближаются друг с другом. Эти движения можно изобразить и в виде кривых. Я отказываюсь от воспроизведения этого материала, так как он менее важен для ближайшей цели этой книги. Здесь достаточно будет просто обратить на это внимание тех читателей, которые захотят проследить это далее. — Ф. Э.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЛИЯНИЕ ОБОРОТА НА НОРМУ ПРИБЫЛИ.

{Влияние оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, было рассмотрено во второй книге. Вкратце его можно резюмировать таким образом: так как для оборота требуется время известной продолжительности, на производство не может быть употреблен одновременно весь капитал; следовательно, часть капитала постоянно должна лежать праздно, — в форме ли денежного капитала, запасного ли сырья, готового, но еще не проданного товарного капитала, или долговых требований, для которых еще не наступил срок; капитал, действующий в активном производстве, т. е. при создании и присвоении прибавочной стоимости, постоянно уменьшается на эту часть, и в том же самом отношении постоянно сокращается производимая и присваиваемая прибавочная стоимость. Чем короче период оборота, тем меньше по сравнению со всем капиталом эта праздно лежащая часть капитала; и, следовательно, при прочих равных условиях, тем больше становится присваиваемая прибавочная стоимость.

Во второй книге подробно показано, как сокращение периода оборота или одного из его двух отделов — времени производства и времени обращения — повышает массу производимой прибавочной стоимости. Но так как норма прибыли служит лишь выражением отношения произведенной массы прибавочной стоимости ко всему капиталу, занятому в ее производстве, то ясно, что всякое такое сокращение повышает норму прибыли. То, что раньше, во втором отделе второй книги, сказано относительно прибавочной стоимости, в такой же мере относится и к прибыли и норме прибыли и не нуждается здесь в повторении. Мы намерены отметить лишь несколько главных моментов.

Главное средство сокращения времени производства — повышение производительности труда, что обычно называют прогрессом промышленности. Если благодаря этому не будет вызвано одновременно значительное усиление общих затрат капитала вследствие

установки дорогих машин и т. д. и следовательно — понижение нормы прибыли, исчисляемой на весь капитал, то последняя должна повыситься. И это несомненно совершается при многих из новейших успехов металлургии и химической промышленности. Вновь открытые методы изготовления железа и стали Бессемера, Сименса, Джиля-криста-Томаса и др. при сравнительно незначительных издержках сокращают до минимума процессы, чрезвычайно продолжительные в прежнее время. Изготовление ализарина или красильного вещества крапа из каменноугольного дегтя, и притом посредством фабричных установок, которые уже раньше были в ходу для изготовления красок из каменноугольного дегтя, дает в немного недель такой же результат, который раньше требовал годы; один год требовался для произрастания крапа, а потом еще несколько лет корни оставляли для созревания, прежде чем употреблять их на крашение.

Главное средство для сокращения времени обращения — усовершенствование путей сообщения. И в этом отношении последние пятьдесят лет совершили революцию, которую можно сравнить только с промышленной революцией последней половины прошлого века. На суше устланные битым камнем дороги оттеснены на задний план железной дорогой, на море медленное и нерегулярное парусное сообщение — быстрым и правильным пароходным сообщением, и весь земной шар опутан телеграфной проволокой. Суэцкий канал собственно только и открыл Восточную Азию и Австралию для пароходных сообщений. Время обращения для товаров, отправляемых в Восточную Азию, еще в 1847 г. составляло по меньшей мере двенадцать месяцев (см. кн. II, стр. 235 [русск. перев. стр. 267]), теперь оно сведено почти к стольким же неделям. Два великих очага кризисов 1825—1857 гг., Америка и Индия, вследствие этого переворота в средствах сношений приблизились к европейским промышленным странам на 70—90% и таким образом утратили большую часть своей подрывной способности. Время оборота в такой же мере сократилось для всей мировой торговли, и дееспособность занятого в ней капитала повысилась более чем вдвое или втрое. Что это не осталось без влияния на норму прибыли, понятно само собою.

Чтобы представить в чистом виде влияние оборота всего капитала на норму прибыли, мы должны предположить, что все остальные условия для сравниваемых двух капиталов одинаковы. Следовательно, кроме нормы прибавочной стоимости и рабочего дня, пусть будет одинаково и строение капиталов, выраженное в процентах. Возьмем теперь капитал A строения $80_c + 20_p = 100 K$, совершающий

при норме прибавочной стоимости в 100% два оборота в год. В таком случае годовой продукт будет:

$160_c + 40_v + 40_m$. Но для определения нормы прибыли мы исчисляем эти 40_m не к обернувшейся капитальной стоимости в 200, а к авансированной капитальной стоимости в 100 и таким образом получаем $p' = 40\%$.

Сравним с ним капитал $B = 160_c + 40_v = 200 K$ с такой же нормой прибавочной стоимости в 100%, но оборачивающейся лишь один раз в год. Тогда годовой продукт будет такой же, как выше:

$160_c + 40_v + 40_m$. Но эти 40_m на этот раз следует исчислять на авансированный капитал в 200, что даст для нормы прибыли только 20%, т. е. только половину нормы для А.

Из этого следует: при капиталах одинакового процентного строения, при одинаковой норме прибавочной стоимости и одинаковом рабочем дне, нормы прибыли двух капиталов стоят в обратном отношении ко времени их оборотов. Если в двух сравниваемых случаях неодинаковы или строение, или норма прибавочной стоимости, или рабочий день, или заработная плата, то этим, конечно, будут вызваны и дальнейшие различия в норме прибыли; но они независимы от оборота и потому здесь не интересуют нас; к тому же они рассмотрены уже в главе III.

Прямое влияние сокращения времени оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, заключается в достигаемом таким способом повышении деятельности переменной части капитала, о чем см. кн. II, гл. XVI: «Оборот переменного капитала». Там оказалось, что переменный капитал в 500, совершающий десять оборотов в год, за это время присваивает столько же прибавочной стоимости, как переменный капитал в 5 000, который при той же норме прибавочной стоимости и той же заработной плате совершает только один оборот в год.

Возьмем капитал I, состоящий из 10 000 основного капитала, годовое снашивание которого составляет $10\% = 1\,000$, 500 постоянного оборотного и 500 переменного капитала. При норме прибавочной стоимости в 100% переменный капитал оборачивается десять раз в год. Для упрощения предположим во всех следующих примерах, что оборотный постоянный капитал совершает оборот за время такой же продолжительности, как переменный, что в большинстве случаев и на практике оказывается приблизительно верным. Тогда продукт одного такого периода оборота будет:

$$100_c \text{ (снашивание)} + 500_c + 500_v + 500_m = 1\,600,$$

а продукт целого года с десятью такими оборотами:

$$1\ 000_c \text{ (снашивание)} + 5\ 000_c + 5\ 000_v + 5\ 000_m = 16\ 000,$$

$$K = 11\ 000, \quad m = 5\ 000, \quad p' = \frac{5\ 000}{11\ 000} = 45\frac{5}{11}\%.$$

Возьмем теперь капитал II: основной капитал 9 000, его годовое снашивание 1 000, оборотный постоянный капитал 1 000, переменный капитал 1 000, норма прибавочной стоимости 100%, число оборотов переменного капитала в год 5. Следовательно, продукт за каждый период оборота переменного капитала будет таков:

$$200_c \text{ (снашивание)} + 1\ 000_c + 1\ 000_v + 1\ 000_m = 3\ 200,$$

а весь годовой продукт при пяти оборотах:

$$1\ 000_c \text{ (снашивание)} + 5\ 000_c + 5\ 000_v + 5\ 000_m = 16\ 000,$$

$$K = 11\ 000, \quad m = 5\ 000, \quad p' = \frac{5\ 000}{11\ 000} = 45\frac{5}{11}\%.$$

Возьмем, далее, капитал III, в котором нет совсем основного капитала, оборотный же постоянный составляет 6 000 и переменный капитал 5 000. Пусть при норме прибавочной стоимости в 100% он оборачивается один раз в год. В таком случае весь продукт за год будет:

$$6\ 000_c + 5\ 000_v + 5\ 000_m = 16\ 000,$$

$$K = 11\ 000, \quad m = 5\ 000, \quad p' = \frac{5\ 000}{11\ 000} = 45\frac{5}{11}\%.$$

Следовательно, во всех трех случаях мы получаем одинаковую годовую массу прибавочной стоимости = 5 000, и так как весь капитал во всех трех случаях тоже одинаков, именно = 11 000, то получаем и одинаковую норму прибыли в $45\frac{5}{11}\%$.

Напротив, если бы при капитале I у нас было не 10, а только 5 годовых оборотов переменной части, то дело обстояло бы иначе. Тогда продукт одного оборота был бы:

$$200_c \text{ (снашивание)} + 500_c + 500_v + 500_m = 1\ 700.$$

Или годовой продукт:

$$1\ 000_c \text{ (снашивание)} + 2\ 500_c + 2\ 500_v + 2\ 500_m = 8\ 500.$$

$$K = 11\ 000, \quad m = 2\ 500, \quad p' = \frac{2\ 500}{11\ 000} = 22\frac{8}{11}\%.$$

Норма прибыли понизилась наполовину, так как время оборота удвоилось.

Итак, масса прибавочной стоимости, присваиваемая в течение года, равна массе прибавочной стоимости, присваиваемой в один период оборота *переменного* капитала, умноженной на число таких оборотов в год. Если мы присваиваемую за год прибавочную стоимость, или прибыль, назовем M , присваиваемую за один период оборота прибавочную стоимость — m , число оборотов переменного капитала в год — n , то $M = mn$, и годовая норма прибавочной стоимости $M' = m'n$, как показано уже в книге II, гл. XVI, 1).

Само собою разумеется, что формула нормы прибыли $p' = m' \frac{v}{K} = m' \frac{v}{c+v}$ верна лишь при том условии, если v числителя равно v знаменателя. В знаменателе v представляет всю ту часть всего капитала, которая в среднем была употреблена как переменный капитал на заработную плату; v числителя в первую очередь определяется только тем, что оно произвело и присвоило известное количество прибавочной стоимости = m , отношение которой к этому v , отношение $\frac{m}{v}$, есть норма прибавочной стоимости m' . Только таким путем уравнение $p' = \frac{m}{c+v}$ превратилось в другое: $p' = m' \frac{v}{c+v}$. Теперь v числителя ближе определяется тем, что оно должно быть равно v знаменателя, т. е. всей переменной части капитала K . Другими словами, уравнение $p' = \frac{m}{K}$ лишь при том условии можно без ошибки превратить в уравнение $p' = m' \frac{v}{c+v}$, если m означает прибавочную стоимость, произведенную за один период оборота переменного капитала. Если m составляет только некоторую часть этой прибавочной стоимости, то хотя $m = m'v$ верно, но это v здесь меньше, чем v в $K = c + v$, потому что оно меньше, чем весь переменный капитал, затраченный на заработную плату. Но если m составляет более чем прибавочную стоимость от одного оборота v , то часть этого v или даже все v функционирует дважды: сначала в первом, потом во втором, — *геср.* [соответств.] во втором и дальнейших, — оборотах; следовательно, это v , которое производит прибавочную стоимость и представляет сумму всей выданной заработной платы, более, чем v в $c + v$, и потому вычисление становится неверным.

Для того, чтобы формула годовой нормы прибыли сделалась вполне верной, мы должны вместо простой нормы прибавочной стоимости поставить годовую норму прибавочной стоимости, т. е. вместо m' поставить M' или $m'v$. Другими словами, m' , норму прибавочной стоимости, или, что сводится к тому же, v , переменную часть капитала, заключающуюся в K , мы должны помножить на n ,

на число оборотов этого переменного капитала в год, и таким образом у нас получится: $p' = m' n \frac{v}{K}$ — формула для вычисления годовой нормы прибыли.

Но какова именно величина переменного капитала в известном предприятии, этого в большинстве случаев не знает и сам капиталист. В восьмой главе второй книги мы видели и в дальнейшем еще увидим, что единственное различие в капитале, которое навязывается капиталисту как существенное, есть различие основного и оборотного капитала. Из кассы, в которой хранится часть оборотного капитала, имеющаяся в его руках в денежной форме, — если она не лежит в банке, — он берет деньги на заработную плату, из той же самой кассы берет деньги на сырье и вспомогательные материалы, и те и другие деньги записывает в один и тот же счет кассы. А если бы даже ему пришлось вести особый счет выдаваемой заработной платы, то хотя этот счет в конце года и показал бы выплаченную на нее сумму, т. е. vn , но не показал бы величины самого переменного капитала v . Чтобы выяснить последний, капиталисту пришлось бы сделать особый подсчет, пример которого мы сейчас приведем.

Для этого возьмем хлопчатобумажную прядильную фабрику с 10 000 мюльных веретен, описанную в книге I, стр. 180—181 [русск. перев. стр. 240—241], и предположим, что данные, относящиеся к одной неделе апреля 1871 г., сохраняют свое значение на целый год. Основной капитал, заключающийся в машинах, составляет 10 000 ф. ст. Оборотный капитал не был указан; предположим, что он составлял 2 500 ф. ст., — довольно высокая цифра, однако оправдываемая тем предположением, которое мы все время должны делать, именно, что нет места кредитным операциям, следовательно постоянному или временному пользованию чужим капиталом. Недельный продукт по своей стоимости был составлен из 20 ф. ст. на снашивание машин, 358 ф. ст. авансированного оборотного постоянного капитала (плата за наем помещения 6 ф. ст., хлопок 342 ф. ст., уголь, газ, масло 10 ф. ст.), 52 ф. ст. затраченного на заработную плату переменного капитала и 80 ф. ст. прибавочной стоимости, следовательно:

$$20_c (\text{снашивание}) + 358_c + 52_v + 80_m = 510.$$

Итак, еженедельное авансирование оборотного капитала составляло $358_c + 52_v = 410$, и его строение в процентах $= 87,3_c + 12,7_v$. При исчислении на весь оборотный капитал в 2 500 ф. ст. это дает 2 182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала.

Так как вся затрата на заработную плату составила в год 52 раза по 52 ф. ст., следовательно 2 704 ф. ст., то оказывается, что переменный капитал в 318 ф. ст. обернулся в течение года почти точно $8\frac{1}{2}$ раз. Норма прибавочной стоимости была $\frac{80}{52} = 153\frac{11}{13}\%$. По этим данным мы вычислим норму прибыли, подставив в формулу $p' = m'n \frac{v}{K}$ величины: $m' = 153\frac{11}{13}$, $n = 8\frac{1}{2}$, $v = 318$, $K = 12\ 500$; итак:

$$p' = 153\frac{11}{13} \times 8\frac{1}{2} \times \frac{318}{12\ 500} = 33,27\%.$$

Для проверки мы воспользуемся простой формулой $p' = \frac{m}{K}$. Вся прибавочная стоимость, или прибыль, составляет в год 80 ф. ст. $\times 52 = 4\ 160$ ф. ст., а это, будучи разделено на весь капитал в 12 500 ф. ст., дает почти столько же, как выше, 33,28%, чрезвычайно высокую норму прибыли, которая объясняется лишь крайне благоприятными в данный момент условиями (очень низкие цены хлопка наряду с очень высокими ценами пряжи) и которая в действительности несомненно имела место не на протяжении всего года.

В формуле $p' = m'n \frac{v}{K}$, как сказано, $m'n$ представляет то, что во второй книге названо годовой нормой прибавочной стоимости. В приведенном сейчас случае она составляет $153\frac{11}{13}\% \times 8\frac{1}{2}$; или по точному подсчету $1\ 307\frac{9}{13}\%$. Следовательно, если некий простак [Biedermann]* всплеснул руками перед чудовищностью годовой нормы прибавочной стоимости в 1 000%, приведенной в одном примере во второй книге, то он, быть может, успокоится на факте годовой нормы прибавочной стоимости свыше 1 300%, приведенном здесь для него из действительной практики Манчестера. Во времена величайшего процветания, каких мы, правда, уже давно не переживали, такая норма не представляет ничего редкого.

Кстати сказать, мы имеем здесь перед собою пример действительного строения капитала в современной крупной промышленности. Весь капитал распадается на 12 182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала, итого 12 500 ф. ст. Или в процентах $97\frac{1}{2}_c + 2\frac{1}{2}_v = 100 K$. Только сороковая доля всего капитала, — но повторно более восьми раз в год, служит для выдачи заработной платы.

Так как, конечно, лишь немногим капиталистам приходится в голову производить такие вычисления применительно к своим собственным предприятиям, то статистика почти совершенно молчит

* [Игра слов: Biedermann — простак и в то же время — фамилия редактора «Deutsche Allgemeine Zeitung». *Ред.*]

об отношении постоянной части всего общественного капитала к переменной части. Только американские цензы дают то, что возможно при современных отношениях: сумму заработной платы, выданной в каждой отрасли предпринимательства, и полученных прибылей. Как ни подозрительны эти данные, — потому что они основываются лишь на не проверяемых сообщениях самих промышленников, — тем не менее они в высшей степени ценны и представляют все, что имеется у нас по этому предмету. В Европе мы слишком щепетильны для того, чтобы требовать таких разоблачений от наших крупных промышленников. — *Ф. Э* }.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЭКОНОМИЯ В ПРИМЕНЕНИИ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА.

І. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Увеличение абсолютной прибавочной стоимости, или удлинение прибавочного труда, а следовательно и рабочего дня, при неизменной величине переменного капитала, т. е. при том же числе рабочих, получающих номинально ту же заработную плату, — причем безразлично, оплачивается или не оплачивается сверхурочное время, — относительно понижает стоимость постоянного капитала по сравнению со стоимостью всего капитала и переменного капитала и повышает таким образом норму прибыли, опять-таки независимо от роста массы прибавочной стоимости и от возможного повышения нормы прибавочной стоимости. Размер основной части постоянного капитала — фабричные здания, машины и т. п. — остается неизменным, работают ли с его помощью 16 или 12 часов. Удлинение рабочего дня не требует новых затрат на эту наиболее дорого стоящую часть постоянного капитала. Кроме того, стоимость основного капитала воспроизводится благодаря этому в течение меньшего количества периодов оборота, следовательно сокращается время, на которое она должна быть авансирована, чтобы получилась определенная прибыль. Удлинение рабочего дня повышает поэтому прибыль даже в том случае, если сверхурочное время оплачивается, и, в известных границах, даже в том случае, если оно оплачивается выше, чем нормальные рабочие часы. Постоянно растущая при современной промышленной системе необходимость увеличивать основной капитал была поэтому главным стимулом, побуждавшим алчных до прибыли капиталистов удлинять рабочий день ¹¹.

Иные условия имеют место при постоянном рабочем дне. В этом случае для увеличения массы эксплуатируемого труда (мы здесь отвлекаемся от вычетов из заработной платы или от понижения заработной платы ниже ее нормального уровня) необходимо увеличить

¹¹ «Так как на всех фабриках очень значительная часть основного капитала вложена в строения и машины, то прибыль будет тем больше, чем больше число часов, в течение которых эти машины будут находиться в работе» («Reports of Insp. of Fact., 31-st October 1858», стр. 8).

число рабочих, а вместе с тем в известном отношении и массу основного капитала, строений, машин и т. д. Или же, если увеличивается интенсивность труда или соответственным образом повышается производительность труда и вообще производится больше относительной прибавочной стоимости, то в отраслях производства, применяющих сырье, растет масса оборотной части постоянного капитала, так как в данный промежуток времени перерабатывается больше сырья и т. п., и, во-вторых, возрастает количество машин, приводимых в движение тем же числом рабочих, а следовательно и соответственная часть постоянного капитала. Возрастание прибавочной стоимости сопровождается таким образом возрастанием постоянного капитала, возрастающая эксплуатация труда сопровождается вздорожанием тех условий производства, при помощи которых эксплуатируется труд, т. е. сопровождается возрастанием затрат капитала. Таким образом норма прибыли вследствие этого, с одной стороны, уменьшается, а с другой стороны, повышается.

Целый ряд текущих расходов остается почти или совершенно одинаковым как при более длинном, так и при более коротком рабочем дне. Расходы надзора меньше при 500 рабочих и 18-часовом дне, чем при 750 рабочих и 12-часовом дне. «Издержки ведения дела на фабрике при десятичасовом труде почти так же высоки, как и при двенадцатичасовом» («Reports of Insp. of Fact., October 1848», стр. 37). Государственные и коммунальные налоги, страхование от огня, жалованье различным постоянным служащим, обесценение машин и различные другие расходы фабрики остаются неизменными при длинном и коротком рабочем дне. По мере сокращения производства они возрастают за счет прибыли («Reports of Insp. of Fact., October 1862», стр. 19).

Продолжительность времени, в течение которого воспроизводится стоимость машин и других составных частей основного капитала, практически определяется не тем временем, в течение которого они просто существуют, а общей продолжительностью того процесса труда, в течение которого они функционируют и используются. Если рабочие должны трудиться 18 часов вместо 12, то это составляет три лишних дня в неделю, неделя превращается в полторы недели, два года — в три. Если сверхурочное время не оплачивается, то рабочие сверх нормального прибавочного времени отдают еще даром неделю на каждые две недели, год — на каждые два года труда. Таким образом воспроизводство стоимости машин ускоряется на 50% и занимает лишь $\frac{2}{3}$ того времени, которое было бы необходимо при иных условиях.

В этом исследовании, точно так же как в исследовании колебаний цены сырого материала (глава VI), мы, чтобы избежать бесполезного усложнения вопроса, исходим из предположения, что масса и норма прибавочной стоимости даны.

Как уже было указано при анализе кооперации, разделении труда и роли машин, экономия в условиях производства, характеризующая производство в крупном масштабе, в существенном возникает благодаря тому, что условия эти функционируют как условия общественного, общественно-комбинированного труда, следовательно — как общественные условия труда. Они потребляются в процессе производства сообща, совокупным рабочим, вместо того, чтобы потребляться в раздробленной форме массой не связанных между собою рабочих или, в лучшем случае, рабочими, лишь в ничтожной степени непосредственно связанными отношениями кооперации. На крупной фабрике с одним или двумя центральными двигателями издержки на эти двигатели возрастают не в той пропорции, в какой растет количество лошадиных сил двигателей, а следовательно и возможная сфера их действия; издержки на передаточные механизмы растут не в той пропорции, как масса рабочих машин, которым они сообщают движение; сам остов рабочей машины удорожается не в той пропорции, в какой увеличивается число орудий, которыми она действует как своими органами, и т. д. Далее, благодаря концентрации средств производства сберегаются издержки на всякого рода постройки, не только на мастерские в собственном смысле слова, но также на помещения для складов и т. п. То же самое имеет место по отношению к расходам на отопление, освещение и т. п. Другие условия производства остаются те же самые, независимо от того, много или мало людей используют их.

Но вся эта экономия, вытекающая из концентрации средств производства и их массового применения, предполагает, как свое существенное условие, сосредоточение и совместные действия значительного числа рабочих, т. е. общественное комбинирование труда. Следовательно, она вытекает из общественного характера труда точно так же, как прибавочная стоимость вытекает из прибавочного труда каждого отдельного рабочего, рассматриваемого изолированно. Даже те постоянные усовершенствования, которые здесь возможны и необходимы, возникают в целом и исключительно из общественного опыта и наблюдений, которые делает возможным и доставляет производство, осуществляемое совокупным, комбинированным в крупном масштабе рабочим.

То же самое приходится сказать и о другой крупной области

экономии в условиях производства. Мы имеем в виду обратное превращение экскрементов производства, так называемых отбросов, в новые элементы производства той же самой или другой отрасли промышленности, — процессы, при помощи которых эти так называемые экскременты снова вводятся в кругооборот производства, а следовательно и потребления — производительного или индивидуального. И эта область сбережений, которой мы впоследствии коснемся несколько ближе, есть результат общественного труда в крупном масштабе. Только при таком масштабе отбросы получают в столь значительных массах, что они сами становятся снова предметом торговли, а следовательно новыми элементами производства. Только как отбросы коллективного производства и, следовательно, производства в крупном масштабе получают они это значение для производственного процесса, остаются носителями меновой стоимости. Эти отбросы, независимо от той роли, которую они выполняют в качестве новых элементов производства, удешевляют, в той мере, в какой они могут быть вновь проданы, издержки на сырье, так как к этим издержкам всегда причисляется нормальный отброс материала, т. е. то его количество, которое в среднем должно быть потеряно при обработке. Уменьшение издержек на эту часть постоянного капитала повышает *pro tanto* [соответственно] норму прибыли при данной величине переменного капитала и данной норме прибавочной стоимости.

Раз прибавочная стоимость дана, норма прибыли может быть увеличена только путем уменьшения стоимости постоянного капитала, необходимого для производства товара. Поскольку постоянный капитал входит в производство товаров, постольку приобретает значение не его меновая стоимость, а исключительно его потребительная стоимость. Сколько труда способен впитать в себя лен на прядильной фабрике, зависит не от его стоимости, а от его количества, раз дан уровень производительности труда, т. е. уровень технического развития. Равным образом та помощь, которую машина оказывает, напр., трем рабочим, зависит не от ее стоимости, но от ее потребительной стоимости как машины. На одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой — хорошая машина может быть дешева.

Возросшая прибыль, которую капиталист получает благодаря тому, напр., что хлопок или прядильные машины стали дешевле, является результатом возросшей производительности труда, правда, не в прядильном производстве, а в производстве машин и хлопка. Чтобы овеществить данное количество труда и, следовательно,

присвоить данное количество прибавочного труда, требуется теперь меньше затрат на условия труда. Уменьшаются издержки, необходимые для того, чтобы присвоить определенное количество прибавочного труда.

Мы уже говорили о сбережениях, которые получаются в процессе производства благодаря совместному применению средств производства совокупным рабочим, — общественно-комбинированным рабочим. Дальнейшие сбережения в затратах постоянного капитала, вытекающие из сокращения времени обращения (причем существенным материальным моментом является развитие средств сообщения), мы рассмотрим ниже. Но уже здесь должно быть упомянуто об экономии, получающейся благодаря непрерывному усовершенствованию машин, а именно: 1) благодаря улучшению их материала, напр. замене дерева железом; 2) благодаря удешевлению машин вследствие улучшения фабрикации машин вообще; причем, хотя стоимость основной части постоянного капитала с развитием труда в широком масштабе непрерывно возрастает, она возрастает далеко не в той же степени¹²; 3) благодаря специальным усовершенствованиям, которые позволяют уже имеющимся машинам работать дешевле и успешнее, как, напр., усовершенствование паровых котлов и т. п., о чем некоторые подробности будут даны ниже; 4) благодаря уменьшению количества отбросов при усовершенствованных машинах.

Все, что уменьшает снашивание машин и вообще основного капитала в течение данного периода производства, не только удешевляет отдельный товар всилу того, что каждый отдельный товар воспроизводит в своей цене причитающуюся на его долю часть снашивания, но в то же время сокращает соответственные затраты капитала на этот период. Ремонтные работы и т. п., поскольку они необходимы, причисляются к первоначальным издержкам на машины. Их уменьшение вследствие большей прочности машин уменьшает *pro tanto* [соответственно] цену последних.

Всякая экономия подобного рода характеризуется опять-таки тем, что в большинстве случаев она возможна лишь при наличии комбинированного рабочего и зачастую может быть осуществлена лишь при работах, организованных в еще более широком масштабе; следовательно, она требует еще более значительного комбинирования рабочих непосредственно в процессе производства.

Но, с другой стороны, развитие производительной силы труда

¹² См. Юр о прогрессе в постройке фабрик.

в *одной* отрасли производства, — напр. в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., — которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно естественных наук и их применения, является здесь условием уменьшения стоимости, а следовательно и издержек на средства производства в *других* отраслях промышленности, напр. в текстильной промышленности или земледелии. Это само собою понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средство производства в другую отрасль промышленности. Его бóльшая или меньшая дешевизна зависит от производительности труда в той отрасли производства, из которой он выходит как продукт; в то же время она является не только условием удешевления тех товаров, в производство которых входит данный товар как средство производства, но и условием уменьшения стоимости постоянного капитала, элементом которого становится здесь данный товар, а следовательно условием повышения нормы прибыли.

Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной прогрессивным развитием промышленности, состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в *одной* отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в *другой* отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплуатируемого непосредственно самим этим капиталистом. Указанное развитие производительной силы в последнем счете всегда сводится к общественному характеру труда, приведенного в деятельность, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естествознания. Капиталист использует здесь выгоды всей системы общественного разделения труда. Развитие производительной силы труда в подразделении, лежащем вне данной отрасли промышленности, в подразделении, доставляющем этой последней средства производства, — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно повышает норму прибыли.

Повышение нормы прибыли совершается еще иным путем: не вследствие экономии на труде, производящем постоянный капитал, а вследствие экономии в применении самого постоянного капитала. Благодаря концентрации рабочих и их кооперации в широком масштабе сберегается, между прочим, постоянный капитал. Одни и те же

постройки, приспособления для отопления и освещения и т. п. обходятся относительно дешевле при производстве в крупном, чем при производстве в мелком масштабе. То же самое следует сказать о двигательных и рабочих машинах. Стоимость их, хотя и возрастает абсолютно, относительно падает по сравнению с растущим расширением производства и величиной переменного капитала или массой рабочей силы, приводимой в движение. Та экономия, которой данный капитал достигает в своей собственной отрасли производства, состоит прежде всего и непосредственно в экономии на труде, т. е. в сокращении оплачиваемого труда своих собственных рабочих; между тем упомянутая выше экономия сводится, напротив, к тому, чтобы осуществлять это возможно большее присвоение чужого неоплаченного труда возможно более экономным способом, т. е. с возможно меньшими при данном масштабе производства издержками. Поскольку эта экономия основывается не на упомянутой уже эксплуатации производительности общественного труда, применяемого в производстве постоянного капитала, а имеет своей основой экономию в применении самого постоянного капитала, она создается или непосредственно кооперацией и общественной формой труда в самой данной отрасли производства или производством машин и т. д. в таком масштабе, при котором стоимость их возрастает не в такой степени, как их потребительная стоимость.

Здесь необходимо обратить внимание на два обстоятельства. Если стоимость $c = 0$, то p' было бы $= m'$, следовательно норма прибыли достигла бы своего максимума. Но, во-вторых: для непосредственной эксплуатации самого труда важна отнюдь не стоимость применяемых средств эксплуатации, будь то основной капитал или сырье и вспомогательные материалы. Поскольку они служат в качестве поглотителей труда, в качестве средств, в которых и при помощи которых овеществляется труд, а следовательно и прибавочный труд, меновая стоимость машин, строений, сырья и т. п. совершенно не имеет значения. Единственно, о чем здесь может идти речь, это, с одной стороны, об их массе, которая технически необходима для соединения с определенным количеством живого труда, с другой стороны, об их целесообразности, т. е. о хорошем качестве не только машин, но также сырья и вспомогательных материалов. От качества сырья зависит отчасти норма прибыли. Хороший материал дает меньшее количество отбросов; следовательно, требуется меньшая масса сырья для впитывания того же самого количества труда. Далее, становится меньше то сопротивление, которое встречает рабочая машина. Отчасти это влияет даже на прибавочную стоимость и норму прибавочной

стоимости. При плохом сырье рабочий для переработки того же самого количества затрачивает больше времени; при неизменной заработной плате это приводит к сокращению прибавочного труда. Это оказывает, далее, значительное влияние на воспроизводство и накопление капитала, которое, как было показано в книге I, стр. 568 [русск. перев. стр. 664], еще более зависит от производительности, чем от массы применяемого труда.

Отсюда понятно фанатическое стремление капиталистов экономить на средствах производства. Задача состоит в том, чтобы ничто не расточалось и не пропадало даром, чтобы средства производства расходовались лишь настолько, насколько этого требует само производство. Достигается это частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся за свой собственный счет, как она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной плате. Этот же фанатизм проявляется, с другой стороны, и в фальсификации элементов производства, что представляет собою главное средство понизить стоимость постоянного капитала по сравнению с переменным и таким образом повысить норму прибыли; как существенный элемент надувательства сюда присоединяется еще продажа этих элементов производства выше их стоимости, поскольку эта стоимость снова появляется в продукте. Этот момент играет решающую роль, особенно в германской промышленности, основной принцип которой таков: самый лучший способ угодить людям — это сначала послать им хорошие образцы, а затем плохие товары. Впрочем, эти явления, относящиеся к области конкуренции, нас здесь не касаются.

Следует заметить, что такое повышение нормы прибыли, вызываемое уменьшением стоимости, а следовательно и дороговизны постоянного капитала, совершенно не зависит от того, производит ли отрасль промышленности, в которой оно имеет место, предметы роскоши или жизненные средства, входящие в потребление рабочих, или же средства производства вообще. Последнее обстоятельство может иметь значение лишь постольку, поскольку дело идет о норме прибавочной стоимости, которая существенно зависит от стоимости рабочей силы, т. е. от стоимости обычных жизненных средств рабочих. Но в рассматриваемом случае прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости предполагаются данными. При этих условиях отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу — оно и определяет норму прибыли — зависит исключительно от стои-

мости постоянного капитала, а отнюдь не от потребительной стоимости элементов, из которых он состоит.

Относительное удешевление средств производства, конечно, не исключает возрастания абсолютной суммы их стоимости, потому что абсолютное количество применяемых средств производства чрезвычайно увеличивается вместе с развитием производительной силы труда и сопровождающим его ростом размеров производства. Экономия в применении постоянного капитала, с какой бы стороны мы ее ни рассматривали, отчасти является результатом исключительно того факта, что средства производства функционируют и потребляются как общие средства производства комбинированного рабочего, так что сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера непосредственно производительного труда; отчасти же — результатом развития производительности труда в сферах, которые доставляют капиталу его средства производства; таким образом, если мы будем противопоставлять весь труд всему капиталу, — а не одних только рабочих, занятых капиталистом X , этому капиталисту X , — то эта экономия опять-таки окажется продуктом развития производительных сил общественного труда, и вся разница сведется к тому, что капиталист X извлекает выгоду из производительности труда, совершающегося не только в его собственной мастерской, но также и в чужих мастерских. Тем не менее в глазах капиталиста экономия на постоянном капитале представляется условием, совершенно чуждым и посторонним рабочему, условием, к которому рабочий не имеет никакого касательства; между тем для капиталиста всегда совершенно ясно, что рабочему отнюдь не безразлично, много или мало труда покупает капиталист за одни и те же деньги (так как именно в этом виде представляется в его сознании сделка между капиталистом и рабочим). Эта экономия в применении средств производства, этот метод достигать определенного результата при наименьших затратах, в еще большей степени, чем другие силы, заложенные в труде, представляется силой, присущей капиталу, методом, свойственным капиталистическому способу производства и характеризующим его.

Такой способ представления тем менее может казаться странным, что ему соответствует внешняя видимость фактов и что капиталистическое отношение на самом деле скрывает внутреннюю связь за тем полнейшим безразличием, обособленностью и отчужденностью, в которые оно ставит рабочего по отношению к условиям осуществления его собственного труда.

Во-первых: Средства производства, из которых состоит постоянный капитал, представляют только деньги капиталиста (подобно тому, как, по Ленте, тело римского должника представляло деньги его заимодавца) и находятся в известном отношении только к нему, тогда как рабочий, поскольку он приходит с ними в соприкосновение в действительном процессе производства, имеет с ними дело только как с потребительными стоимостями производства, как со средствами труда и материалом труда. Поэтому уменьшение или увеличение этой стоимости так же мало затрагивает отношение рабочего к капиталисту, как, напр., то обстоятельство, работает ли он над медью или железом. Впрочем, капиталист предпочитает, как мы покажем впоследствии, рассматривать дело иначе в тех случаях, когда имеет место возрастание стоимости средств производства и благодаря этому уменьшается норма прибыли.

Во-вторых: Поскольку средства производства в процессе капиталистического производства являются в то же время средствами эксплуатации труда, сравнительная дешевизна или дороговизна этих средств эксплуатации столь же безразлична для рабочего, как безразлично для лошади, дорогими или дешевыми удилами и уздой ею управляют.

Наконец, как мы видели раньше, рабочий в действительности относится к общественному характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как к некоторой чуждой ему силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственность, расточение которой несколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы его не принуждали экономить ее. Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим, напр. в Рочдале.

Таким образом едва ли требует упоминания, что, поскольку производительность труда в одной отрасли производства проявляется как удешевление и улучшение средств производства в другой и тем повышает норму прибыли, эта общая взаимозависимость общественного труда выступает как нечто совершенно чуждое рабочим, касающееся фактически только капиталиста, поскольку только он покупает и присваивает эти средства производства. Тот факт, что он покупает продукт рабочих чужой отрасли производства на продукт рабочих своей собственной отрасли производства и, следовательно, располагает продуктом чужих рабочих лишь постольку, поскольку он безвозмездно присвоил себе продукт своих собственных, — этот факт представляет собою связь, которая благополучно маскируется процессом обращения и т. д.

Сюда присоединяется еще следующее обстоятельство. Так как производство в крупном масштабе развивается впервые в капиталистической форме, то и погоня за прибылью, с одной стороны, а с другой стороны, конкуренция, вынуждающая производить товары как можно дешевле, придают этой экономии в применении постоянного капитала такой вид, как будто она является специфической особенностью капиталистического способа производства и, следовательно, функцией капиталиста.

Капиталистический способ производства, поощряя, с одной стороны, развитие производительных сил общественного труда, вызывает, с другой стороны, экономию в применении постоянного капитала.

Однако дело не ограничивается этим отношением отчужденности и безразличия, которое устанавливается между рабочим, носителем живого труда, и экономным, т. е. рациональным и бережливым, применением условий его труда. В силу своей противоречивой, антагонистической природы капиталистический способ производства идет дальше и приводит к тому, что разложение жизни и здоровья рабочего, понижение условий его существования само причисляется к экономии в применении постоянного капитала и, следовательно, к средствам повышения нормы прибыли.

Так как рабочий большую часть своей жизни отдает процессу производства, то условия процесса производства в значительной части являются также условиями его активного жизненного процесса, его условиями жизни, а экономия на этих условиях жизни есть один из методов повышения нормы прибыли, совершенно так же, — что мы видели раньше, — как чрезмерная работа, превращение рабочего в рабочий скот, является методом ускорения самовозрастания стоимости капитала, производства прибавочной стоимости. Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных, нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках; она требует, далее, нагромождения опасных машин в одном и том же помещении и отсутствия приспособлений, предохраняющих от опасности; отсутствия мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. д. Мы уже не говорим об отсутствии каких-либо приспособлений, которые бы сделали для рабочего процесс производства более человеческим, приятным или хотя бы только сносным. С капиталистической точки зрения это было бы совершенно бессмысленной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое произ-

водство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом; точно так же как, с другой стороны, оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и свойственному ему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, причем для общества теряется то, что выигрывают отдельные капиталисты.

Так же как капиталу присуща тенденция при непосредственном применении живого труда сводить его к труду необходимому и путем эксплуатации общественных производительных сил труда постоянно сокращать необходимый для изготовления продукта труд, а следовательно всячески экономить непосредственно применяемый живой труд, так ему присуща и тенденция — применять этот сведенный к необходимой мере труд при возможно более экономных условиях, т. е. сводить стоимость применяемого постоянного капитала к возможному минимуму. Если стоимость товаров определяется заключающимся в них необходимым рабочим временем, а не рабочим временем, вообще заключающимся в них, то определение это реализуется только капиталом, который в то же время непрерывно сокращает рабочее время, общественно необходимое для производства того или иного товара. Цена товара сводится таким образом к минимуму благодаря тому, что сводится к минимуму каждая часть труда, необходимого для его производства.

Рассматривая экономию в применении постоянного капитала, необходимо иметь в виду следующее различие. Если растет масса, а вместе с тем и сумма стоимости применяемого капитала, то это, прежде всего, означает концентрацию большего количества капитала в одних руках. Но как раз это увеличение применяемой одним владельцем массы капитала, — которой в большинстве случаев соответствует также абсолютно большее, но относительно меньшее количество применяемого труда, — и допускает экономию на постоянном капитале. Для отдельного капиталиста растут размеры необходимых затрат капитала, в особенности основного капитала; но по отношению к массе перерабатываемого материала и эксплуатируемого труда стоимость этих затрат уменьшается.

Мы иллюстрируем это вкратце отдельными примерами. Начнем с конца, — с экономии на условиях производства, поскольку последние представляют собой в то же время условия существования и жизни рабочего.

II. СБЕРЕЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ТРУДА ЗА СЧЕТ РАБОЧЕГО. КАМЕННОУГОЛЬНЫЕ КОПИ. ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ НЕОБХОДИМЫМИ ЗАТРАТАМИ.

«При конкуренции, господствующей между владельцами каменноугольных шахт... не делается иных затрат, кроме тех, которые необходимы для того, чтобы преодолеть самые очевидные физические трудности; а при конкуренции между рабочими-шахтерами, которые имеются обыкновенно в избытке, рабочие эти охотно подвергают себя значительным опасностям и самым вредным влияниям за плату, лишь немного превышающую заработок соседних поденщиков, так как работа в шахтах позволяет, кроме того, с выгодой использовать и своих детей. Этой двойной конкуренции совершенно достаточно для того... чтобы работы в большинстве копей велись при самой несовершенной осушке и вентиляции, часто в плохо устроенных шахтах, с плохими креплениями, неподготовленными машинами, с плохо проложенными и плохо отстроенными штольнями и откатными путями; разрушение жизни и здоровья, увечья рабочих — таковы результаты, статистика которых представила бы ужасающую картину» («First Report on Children's Employment in Mines and Collieries etc.», 21 апреля 1829 г., стр. 102). Около 1860 г. в английских каменноугольных коях еженедельно погибало в среднем 15 человек. По данным отчета о Coal Mines Accidents [несчастных случаях в угольной промышленности] (6 февраля 1862 г.) за 10 лет, 1852—1861 гг., было убито в общей сложности 8 466 человек. Число это, однако, много меньше действительного, как указывает и сам отчет, так как в первые годы, когда институт фабричных инспекторов был только что учрежден, а подлежащие их надзору округа были слишком обширны, о многих несчастных и смертных случаях вовсе не заявлялось. Естественная тенденция капиталистической эксплуатации лучше всего обнаруживается именно в том, что, несмотря на недостаточное число и незначительную власть фабричных инспекторов, количество несчастных случаев сильно уменьшилось с учреждением инспекции, хотя и в настоящее время истребление рабочих совершается еще в очень крупных размерах. Эти человеческие жертвы являются в большинстве случаев результатом гнусной скаредности владельцев копей, которые, напр., зачастую делают только одну шахту, благодаря чему не только невозможна никакая действительная вентиляция, но невозможен также выход наружу в случае, если этот единственный путь засыпан.

Капиталистическое производство, если мы будем рассматривать его обособленно, отвлекаясь от процесса обращения и опусто-

шений, вызываемых конкуренцией, относится крайне бережно к труду, уже осуществленному, овеястествленному в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. В самом деле, только ценой колоссального расточения сил индивидуального развития обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества. Так как вся экономия, о которой здесь идет речь, вытекает из общественного характера труда, то фактически именно этот непосредственно общественный характер труда и вызывает это расточение жизни и здоровья рабочего. Характерным в этом отношении является вопрос, поставленный уже фабричным инспектором Р. Бэкером: «Весь вопрос, заслуживающий серьезных размышлений, состоит в том, каким образом лучше избежать *обусловленного совместным трудом принесения в жертву детских жизней?*» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 157).

Фабрики. Сюда относится полное отсутствие всех предохранительных мер, обеспечивающих безопасность, удобство и здоровье рабочих также и на фабриках в собственном смысле этого слова. Большая часть боевых сводок, исчисляющих раненых и убитых в промышленной армии (см. ежегодные фабричные отчеты), порождается именно этим. Точно так же — недостатком места, воздуха и т. д.

Еще в октябре 1855 г. Леонард Хорнер жаловался на сопротивление, оказываемое значительным числом фабрикантов требованиям закона относительно предохранительных приспособлений к горизонтальным валам, несмотря на то, что опасность постоянно доказывается все новыми несчастными случаями, часто со смертельным исходом, и что приспособления эти стоят недорого и никак не могут мешать производству («Reports of Insp. of Fact., October 1855», стр. 6). В своем сопротивлении этому и другим постановлениям закона фабриканты нашли дружескую поддержку со стороны бесплатно отправляющих свою обязанность мировых судей, которые, в большинстве случаев, сами являясь фабрикантами или друзьями фабрикантов, должны были решать судебные дела подобного рода. Какого сорта приговоры выносились этими господами, видно из слов высшего судьи Кэмбелла, сказанных им по поводу одного из таких приговоров, поступивших на его рассмотрение по апелляционной жалобе: «Это не истолкование парламентского акта, а простая его отмена» (там же, стр. 11). В том же самом отчете Хорнер рассказывает, что на многих фабриках машины приводятся

в движение без предварительного предупреждения об этом рабочих. Так как и на остановленной машине всегда найдется какая-нибудь работа, причем руки и пальцы неизбежно приходят в соприкосновение с машиной, то в данном случае, благодаря простой неподаче сигнала, постоянно происходят несчастные случаи (там же, стр. 44). Манчестерские фабриканты образовали в то время с целью противодействия фабричному законодательству предпринимательский союз, так называемую «National Association for the Amendment of the Factory Laws», который в марте 1855 г. путем сбора в 2 шилл. с лошадиной силы собрал сумму свыше 50 000 ф. ст., предназначенную для оплаты судебных издержек своих членов в случае возбуждения дел фабричными инспекторами и для ведения процессов за счет союза. Задачей было поставлено доказать, что, раз дело идет о прибыли, «killing no murder» [«убить еще не значит быть убийцей»]. Шотландский инспектор, сэр Джон Кинкейд, рассказывает, что одна Глазговская фирма снабдила все свои машины на фабрике предохранительными приспособлениями из старого железа, что обошлось ей в 9 ф. ст. 1 шилл. Если бы она присоединилась к вышеупомянутому союзу, ей пришлось бы за свои 110 лошадиных сил уплатить 11 ф. ст. взносов, т. е. более, чем стоили для нее все предохранительные приспособления. Однако National Association была основана в 1854 г. с явно выраженной целью противиться закону, предписывающему подобного рода предохранительные приспособления. За все время 1844—1854 гг. фабриканты не обращали на закон ни малейшего внимания. Фабричные инспекторы по предписанию Пальмерстона заявили фабрикантам, что отныне закон будет применяться со всей строгостью. Тотчас же фабриканты основали свою ассоциацию, среди видных членов которой многие сами были мировыми судьями и в качестве таковых должны были сами применять закон. В апреле 1855 г. новый министр внутренних дел, сэр Джордж Грэй, обратился к фабрикантам с компромиссным предложением, согласно которому правительство обещало удовольствоваться почти исключительно номинальным исполнением закона о предохранительных приспособлениях; однако ассоциация с негодованием отвергла и это предложение. Известный инженер Томас Ферберн поставил на карту свою репутацию, выступая в различных процессах экспертом-защитником экономии и нарушенной свободы капитала. Глава фабричной инспекции Леонард Хорнер подвергался со стороны фабрикантов всякого рода преследованиям и неприятностям.

Фабриканты не успокоились до тех пор, пока не добились решения Court of Queens Bench [«Суда королевской скамьи»], по тол-

кованию которого закон 1844 г. не обязывает устраивать предохранительные приспособления для горизонтальных валов, поднятых над уровнем пола более чем на 7 футов. В 1856 г. им удалось, наконец, при посредстве ханжи Вильсона Пэттена, — одного из тех благочестивых людей, показная религия которых всегда готова выполнять черную работу в угоду рыцарям денежного мешка, — провести в парламенте закон, которым они пока что могли удовлетворяться. Закон этот фактически лишил рабочих всякой специальной защиты, предоставив им при несчастных случаях, причиненных машинами, искать вознаграждения в обычных судах (прямая насмешка при английской высоте судебных издержек); с другой стороны, он при помощи весьма крюкотворных постановлений о производстве экспертизы сделал для фабрикантов почти невозможным проиграть процесс. В результате число несчастных случаев быстро возросло. За полугодие май—октябрь 1858 г. инспектор Бэкер отметил повышение числа несчастных случаев на 21% по сравнению с одним только предшествующим полугодием. 36,7% всех несчастных случаев, по его мнению, можно было бы предотвратить. С другой стороны, по сравнению с 1845 и 1846 гг., число несчастных случаев в 1858 и 1859 гг. значительно уменьшилось, а именно на 29%, несмотря на то, что число рабочих, подчиненных надзору фабричной инспекции, возросло на 20%. В чем же причина этого? Поскольку этот вопрос, возбуждающий такую борьбу, разрешен до настоящего времени (до 1865 г.), он разрешен главным образом путем введения новых машин, которые с самого начала делаются с готовыми предохранительными приспособлениями и с которыми фабрикант мирится, так как они не требуют от него добавочных издержек. Кроме того, отдельным рабочим удалось получить по суду крупное вознаграждение за потерянные руки путем успешного доведения дела до высшей инстанции («Reports of Insp. of Fact., 30 April 1861», стр. 31; также April 1862, стр. 17).

Этим мы ограничимся в вопросе об экономии на средствах, предохраняющих жизнь рабочих (среди которых много детей) от опасностей и органы рабочих от увечий, непосредственно обусловленных работой при машинах.

Работа в закрытых помещениях вообще. — Известно, в какой сильной степени экономия на пространстве, а следовательно на строениях, способствует скученности рабочих в тесных помещениях. Сюда присоединяется экономия на приспособлениях для вентиляции. В связи с продолжительным рабочим временем обе эти причины вызывают сильное увеличение болезней дыхательных органов

и, следовательно, повышают смертность. Нижеследующие иллюстрации взяты из отчета о Public Health [состоянии общественного здоровья], 6-th Report 1863; отчет составлен д-ром Джоном Саймоном, хорошо известным читателю по книге I этой работы.

Комбинирование рабочих и их кооперация — таково условие, допускающее применение машин в широком масштабе, концентрацию средств производства и экономию в их применении; равным образом эта совместная работа масс в закрытых помещениях и в таких условиях, когда решающим является не здоровье рабочих, а более успешное изготовление продукта, — это сосредоточение массы рабочих в одной и той же мастерской является, с одной стороны, источником растущей прибыли капиталистов, с другой же стороны, раз его последствия не компенсируются сокращением рабочего времени и специальными мерами предосторожности, оно является причиной расточения жизни и здоровья рабочих.

Д-р Саймон устанавливает следующее общее правило, доказывая его массовыми статистическими данными: «В прямом отношении к тому, насколько население данной местности вынуждено прибегать к совместному труду в закрытых помещениях, растет при прочих равных условиях норма смертности данного округа вследствие легочных заболеваний» (стр. 24). Причина — дурная вентиляция. «И, по всей вероятности, во всей Англии нет ни одного исключения из того общего правила, что в каждом округе, где имеется значительная промышленность, сосредоточенная в закрытых помещениях, повышенная смертность рабочих этой промышленности представляет достаточную величину, чтобы окрасить всю статистику смертности данного округа решительным преобладанием легочных болезней» (стр. 24).

Статистика смертности в отраслях промышленности, в которых работы производятся в закрытых помещениях и которые в 1860 и 1861 гг. подверглись обследованию со стороны санитарного надзора, дает следующие результаты. На то же самое число мужчин 15—55-летнего возраста, на которое в земледельческих округах Англии падает 100 смертных случаев от чахотки и других легочных заболеваний, приходится: в Ковентри — 163 смертных случая от чахотки, в Блэкбэрне и Скиптопе — 167, в Конглетоне и Брэдфорде — 168, в Лейстере — 171, в Лике — 182, в Мэкслфильде — 184, в Болтоне — 190, в Ноттингеме — 192, в Рочдале — 193, в Дерби — 198, в Сэльфорде и Эштоне андер Лайн — 203, в Лидсе — 218, в Престоне — 220 и в Манчестере — 263 (стр. 24). Нижеследующая таблица дает еще более разительный пример. Она приводит смертные случаи

от легочных болезней отдельно для обоих полов в возрасте от 15 до 25 лет, вычисленные на каждые 100 000 жителей. Выбраны такие округа, в которых только женщины заняты промышленным трудом, сосредоточенным в закрытых помещениях, мужчины же заняты в самых разнообразных отраслях труда.

Округа	Главная промышленность	Число смертных случаев от легочных заболеваний в возрасте 15—25 л. на 100 000 жителей	
		Мужчин	Женщин
Беркгемстид	Плетение из соломы, работают женщины	219	578
Лейтон Базард	Плетение из соломы, работают женщины	309	554
Ньюпорт Пэгнел	Плетение кружев женщинами	301	617
Тоучестер	Плетение кружев женщинами	239	577
Иовил	Перчаточное производство, работают преимущественно женщины	280	409
Лик	Шелковая промышленность, преобладают женщины	437	856
Конглетон	Шелковая промышленность, преобладают женщины	566	790
Мэклсфильд	Шелковая промышленность, преобладают женщины	593	890
Здоровая сельская местность	Земледелие	331	333

В округах с шелковой промышленностью, где участие мужчин в фабричной работе значительнее, сильнее также и смертность среди них. Норма смертности от чахотки и т. п. вскрывает здесь, как гласит отчет, «те возмутительные (atrocious) санитарные условия, в которых ведется значительная часть нашей шелковой промышленности». И это как раз та самая шелковая промышленность, фабриканты которой, указывая на исключительно благоприятные санитарные условия своего производства, требовали и отчасти добились исключительно продолжительного рабочего времени для детей ниже 13-летнего возраста (см. кн. I, гл. VIII, 6, стр. 256 [русск. перев. стр. 322]).

«Несомненно, ни одна из исследованных до сих пор отраслей промышленности не дает более печальной картины, чем швейное производство, обрисованное с этой стороны д-ром Смитом... «Мастерские», говорит он, «весьма различны в санитарном отношении; но почти все они переполнены, плохо проветриваются и в высшей

стены нездоровы... Такие комнаты, кроме того, неизбежно душны; а когда зажигают газ, как это делается днем во время тумана или зимними вечерами, температура достигает 80 и даже 90 градусов (по Фаренгейту = 27 — 33° Цельсия), вследствие чего рабочие обливаются потом, оконные стекла отпотевают, вода постоянно струится и каплет с потолка, и рабочие вынуждены держать открытыми несколько окон, хотя они при этом неизбежно простуживаются». — Состояние 16 наиболее значительных мастерских в лондонском Вестэнде описывается следующим образом: наибольшая кубатура на одного рабочего в этих плохо проветриваемых комнатах 270 куб. футов, наименьшая 105 футов, в среднем всего 156 футов на человека. В мастерской, окруженной со всех сторон галереей и получающей свет только сверху, работают от 92 до 100 человек; горит значительное количество газовых рожков; отхожие места находятся рядом с мастерской; на каждого человека приходится не более 150 футов кубатуры. В другой мастерской, которая, подобно собачьей конуре, помещается в глубине двора, освещаемого только сверху, и проветривается исключительно при помощи небольшого окна, сделанного в крыше, работают 5 или 6 человек, причем на каждого из них приходится всего 112 куб. футов». И «в этих ужасных (atrocious) мастерских, описанных д-ром Смитом, портные работают обыкновенно 12—13 часов в день, а порой работа продолжается целых 15—16 часов» (стр. 25, 26, 28).

Число занятых лиц	Отрасли промышленности и местности	Норма смертности на 100 000 в возрасте от:		
		25—35	35—45	45—55
958 265	Земледелие, Англия и Уэльс	743	805	1 145
22 301 мужчин и 12 377 женщин } 43 803	Портные, Лондон	958	1 262	2 093
	Наборщики и печатники, Лондон	894	1 747	2 367

(стр. 30). Необходимо отметить — и это действительно отмечено Джоном Саймоном, составителем отчета, заведующим медицинским отделом, — что для возраста 25—35 лет показаны преуменьшенные цифры смертности для портных, наборщиков и печатников Лондона, так как в обеих этих отраслях промышленности лондонские мастера получают из деревни значительное число молодых людей (вероятно, до 30-летнего возраста), работающих в качестве учеников и «*improvers*», т. е. совершенствующихся в ремесле. Они увеличивают собою число занятых в промышленности лиц, на которое рассчитываются

нормы смертности промышленного населения Лондона; но число смертей в Лондоне среди них меньше, чем среди других рабочих, так как их пребывание в городе лишь временное; если они заболевают в течение этого времени, они возвращаются домой в деревню, где и регистрируется их смерть, когда болезнь имеет смертельный исход. Это в еще большей степени касается более ранних возрастных групп, и потому лондонские цифры смертности для лиц этих групп лишены всякого значения в качестве показателя вредности промышленности для здоровья (стр. 30).

Приблизительно так же, как с портными, обстоит дело с наборщиками, у которых к недостатку вентиляции, отравленному воздуху и т. д. присоединяется еще ночная работа. Их обычное рабочее время продолжается 12—13 часов, иногда 15—16. «Страшная жара и духота, как только зажгут газ... Нередко случается, что испарения из словолитни или смрад от машин и сточной канавы поднимаются вверх с нижнего этажа и усугубляют недостатки верхнего помещения. Разгоряченный воздух нижних помещений поднимает температуру в верхних уже только нагреванием пола, и если комнаты низки, а газа потребляется много, — это настоящее бедствие. Еще хуже обстоит дело там, где паровые котлы помещаются внизу и наполняют весь дом несносным жаром... В общем можно сказать, что вентиляция сплошь неудовлетворительна и совершенно недостаточна для того, чтобы после захода солнца умерять жару и удалять продукты сгорания газа, и что во многих мастерских, особенно там, где раньше были жилые помещения, санитарные условия в высшей степени плачевны». В некоторых мастерских, в особенности там, где печатаются еженедельники, работа производится почти без перерыва в течение двух дней и одной ночи, причем здесь также работают подростки 12—16 лет; в других наборных мастерских, выполняющих срочные работы, рабочие не имеют отдыха даже по воскресеньям, и их рабочая неделя составляет 7 дней вместо 6-ти (стр. 26, 28).

О белошвейках и модистках (milliners and dressmakers) мы говорили уже в кн. I, гл. VIII, 3, стр. 215—217 [русск. перев. стр. 278—280], когда речь шла о чрезмерном труде. Их рабочие помещения в приводимом нами отчете описаны д-ром Ордом. Даже в тех случаях, когда они днем несколько лучше, то в часы, когда зажжен газ, в них чрезвычайно жарко, атмосфера испорченная и нездоровая. В 34 более благоустроенных мастерских д-р Орд нашел, что в среднем кубатура на одну работницу была: «В 4 случаях более 500 футов; в 4 других — от 400 до 500 футов; ... в 7—от

200—250; в 4 — от 150—200 и, наконец, в 9 случаях — только 100 — 150 куб. футов. Даже самый благоприятный из этих случаев дает содержание воздуха, едва достаточное при продолжительной работе в помещении с несовершенной вентиляцией. Даже при хорошей вентиляции вечером в мастерских становится очень жарко и душно вследствие того, что требуется значительное число горящих газовых рожков». А вот замечания д-ра Орда об одной из посещенных им мастерских низшего ранга, где работы ведутся за счет посредника (middleman): «Комната объемом 1 280 куб. футов; в ней находятся 14 человек; на каждого приходится 91,5 куб. фута. Работницы выглядели здесь переутомленными и измученными. Зарплата определяется в 7—15 шилл. в неделю, кроме того чай... Работают от 8 утра до 8 вечера. Маленькая комната, в которой скучены эти 14 человек, плохо проветривается. Имеются два открывающихся окна и камин, который, впрочем, законопачен; нет никаких специальных приспособлений для вентиляции» (стр. 27).

В том же самом отчете о чрезмерной работе модисток говорится следующее: «Чрезмерный труд молодых женщин господствует в фешенебельных модных мастерских только в течение приблизительно 4 месяцев, но в такой чудовищной степени, что это порою вызывало даже изумление и неудовольствие публики; в течение этих месяцев в мастерской работают, как правило, 14 полных часов, а при накоплении спешных заказов даже 17—18 часов ежедневно. В остальное время года работы продолжают, вероятно, 10—14 часов; работающие на дому заняты обыкновенно 12 или 13 часов. В производстве дамского верхнего платья, воротничков, сорочек и т. п. работы в общей мастерской, в том числе и шитье на швейной машине, продолжают не так долго, обыкновенно не более 10—12 часов»; но, прибавляет д-р Орд, «в некоторых заведениях регулярное рабочее время удлиняется в известные периоды сверхурочными работами, оплачиваемыми особо, в других по окончании обычного рабочего дня работу захватывают с собой на дом, чтобы там закончить ее. Прибавим, что и в той и в другой форме сверхурочные работы зачастую являются принудительными» (стр. 28). Джон Саймон делает к этой странице следующее примечание: «Г-н Рэдклифф, секретарь эпидемиологического общества, который имел особенно много случаев обследовать здоровье работниц в заведениях первого типа, нашел, что из каждых 20 девушек, чувствовавших себя, по их словам, «совершенно здоровыми», в действительности здорова только одна; остальные обнаруживали различную степень упадка сил, нервного истощения и многочисленных обусловленных этим функциональных

расстройств. Причинами этого он считает: в первую очередь продолжительность рабочего дня, которую он определяет даже для тихого времени года минимум в 12 часов ежедневно; во-вторых, переполнение и плохую вентиляцию мастерских, испорченный газовыми рожками воздух, недостаточное или плохое питание, недостаточную заботу о комфорте помещения».

Глава английского санитарного ведомства приходит в конце концов к заключению, «что для рабочих практически невозможно настоять на выполнении того, что теоретически является их элементарнейшим правом на здоровье, а именно, настоять на выполнении требования, чтобы работодатель, на какую бы работу он их ни назначал, за свой счет устранил, поскольку это от него зависит, все условия, делающие отправление этой совместной работы без нужды вредным для здоровья; между тем рабочие фактически не в состоянии собственными силами добиться этой санитарной справедливости и, вопреки намерению законодателя, столь же мало могут рассчитывать на какую-либо действительную поддержку со стороны чиновников, которым вверено проведение в жизнь «Nuisances Removal Acts» [Акта о предупреждении несчастных случаев] (стр. 29). — «Без сомнения, определение точных границ, в которых работодатели должны быть подвергнуты регулированию, представляет некоторые небольшие технические затруднения. Но... в принципе требования, направленные к охране здоровья, имеют универсальный характер. И в интересах миллионов рабочих и работниц, жизнь которых теперь без всякой нужды отравляется и сокращается бесчисленными физическими страданиями, вызываемыми исключительно характером их работы, я осмеливаюсь высказать надежду, что санитарные условия труда также будут везде поставлены под надлежащую защиту законов; необходимо по меньшей мере гарантировать устройство удовлетворительной вентиляции во всех закрытых рабочих помещениях и в каждой отрасли труда, вредной для здоровья по самой своей природе, ограничить, насколько возможно, влияния, особенно вредные для здоровья» (стр. 31).

III. ЭКОНОМИЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ, НА ПЕРЕДАЧЕ СИЛЫ И НА ПОСТРОЙКАХ.

В своем октябрьском отчете за 1852 г. Л. Хорнер цитирует письмо известного инженера Джемса Нэсмиса из Патрикрофта, изобретателя парового молота; в письме этом, между прочим, говорится:

«Публика очень мало знакома с тем, какое колоссальное приращение двигательной силы получается вследствие таких изменений системы и усовершенствований» (паровых машин), «как те, о которых я говорю. Сила машин нашего округа» (Ланкашира) «почти в течение 40 лет находилась под гнетом боязливой и полной предрассудков рутины, от которой мы теперь, к счастью, освободились. В течение последних 15 лет, в особенности же за последние 4 года» (следовательно с 1848 г.), «имели место очень важные изменения в способе использования конденсационных паровых машин... В результате... те же самые машины производят гораздо больше полезной работы при значительно уменьшенном потреблении угля... В течение очень многих лет после введения паровой силы на фабриках этого округа полагали, что скорость конденсационных машин может равняться приблизительно 220 футам движения поршня в минуту, т. е. машина с 5-футовым подъемом поршня была уже заранее ограничена 22 оборотами коленчатого вала в минуту. Считалось нецелесообразным пускать машину быстрее; и так как все механизмы были приспособлены к этой 220-футовой скорости движения поршня, эта малая и бессмысленно ограниченная скорость господствовала во всей промышленности в течение многих лет. Наконец, вследствие ли счастливого неведения установленной нормы или же по сознательной инициативе какого-либо смелого новатора, была испробована большая скорость, и, так как результат оказался в высшей степени благоприятным, пример нашел себе подражателей; машине, как тогда выражались, отпустили вожжи, переделав главные колеса передаточного механизма таким образом, что паровая машина могла приобрести скорость в 300 футов и более в минуту, в то время как механизмы сохраняли свою прежнюю скорость... Это увеличение скорости паровой машины вошло теперь почти во всеобщее употребление, так как опыт показал, что при этом не только та же самая машина дает больше полезной силы, но и самое движение вследствие увеличенной инерции махового колеса становится много регулярнее. При неизменном давлении пара и неизменном разрежении в конденсаторе получается больше силы вследствие простого ускорения движения поршня. Если бы удалось, напр., паровую машину, дающую при 200 футах скорости в минуту 40 лошадиных сил, путем соответственных изменений преобразовать так, чтобы она давала 400 футов в минуту при том же давлении пара и разрежении, то мы получили бы как раз двойное количество силы; а так как давление пара и разрежение в обоих случаях одинаковы, то напряжение отдельных частей машины, а следовательно и опасность несчастных случаев при

увеличении скорости, не увеличивается сколько-нибудь значительно. Вся разница сводится к тому, что теперь количество потребляемого пара увеличивается приблизительно в том же отношении, в каком возрастает скорость движения поршня, и, кроме того, несколько быстрее снашиваются подшипники, т. е. части машины, подвергающиеся трению, но это едва ли заслуживает упоминания... Но, чтобы от той же самой машины получить больше силы при помощи ускоренного движения поршня, необходимо сжечь больше угля под тем же самым паровым котлом или применять котел с увеличенной способностью парообразования, одним словом, получить больше пара. Это и было достигнуто, и котлы, способные развивать больше пара, были приспособлены к старым «ускоренным» машинам; благодаря этому последние во многих случаях доставляли работы на 100% больше. Около 1842 г. начало привлекать к себе внимание чрезвычайно дешевое получение силы паровыми машинами в рудниках Корнуола; конкуренция в бумагопрядильной промышленности вынуждала фабрикантов искать главный источник своей прибыли в сбережениях; значительная разница в потреблении угля, при расчете на один час и одну лошадиную силу, между корнуольскими и другими машинами, а также чрезвычайная экономия, достигаемая применением вульфовских машин с двойными цилиндрами, заставили и в нашей местности выдвинуть на первый план вопрос о сбережении горючего материала. Корнуольские машины и машины с двойными цилиндрами доставляли 1 лошадиную силу в течение часа при сжигании от $3\frac{1}{2}$ до 4 фунтов угля, в то время как машины бумагопрядильных округов потребляли обыкновенно 8—12 фунтов угля на одну лошадиную силу в течение часа. Столь значительная разница побудила фабрикантов и машиностроителей нашего округа добиваться со своей стороны этой чрезвычайной экономии, употребляя средства, аналогичные тем, которые вошли уже в обычай в Корнуоле и во Франции, где высокие цены на уголь заставляли фабрикантов возможно более сокращать затраты на эту дорогую статью их предприятия. Это привело к очень важным результатам. Во-первых, многие котлы, половина поверхности которых в доброе старое время высоких прибылей была открыта действию холодного внешнего воздуха, теперь покрыли толстым слоем войлока или кирпича и штукатуркой или другими материалами, благодаря чему затруднилось излучение тепла, полученного с такими издержками. Подобным же образом стали защищать паровые трубы и окружать войлоком и деревом цилиндры. Во-вторых, стали применять высокое давление. Раньше на предохранительный клапан навешивалась такая нагрузка, что он открывался уже

при давлении пара в 4, 6 или 8 фунтов на квадратный дюйм; теперь было найдено, что повышение давления до 14 или 20 фунтов... приводит к весьма значительному сбережению угля; другими словами, работа на фабрике стала осуществляться при значительно меньшем потреблении угля... Люди, обладающие достаточными средствами и достаточной предприимчивостью, стали применять систему повышенного давления и расширения во всей ее полноте и ввели в употребление соответственно построенные паровые котлы, развивавшие давление в 30, 40, 60 и 70 фунтов на квадратный дюйм, — давление, которое заставило бы инженеров старой школы упасть в обморок от страха. Но так как экономический результат этого повышенного давления пара... очень быстро обнаружился в совершенно недвусмысленной форме фунтов, шиллингов и пенсов, паровые котлы высокого давления при конденсационных машинах получили почти всеобщее распространение. Те, кто провел реформу радикально, стали применять вульфовские машины; это имело место по отношению к большинству недавно построенных машин; вошли в употребление в особенности вульфовские машины с 2 цилиндрами, в одном из которых пар из котла развивает силу вследствие перевеса давления над атмосферным и затем, вместо того, чтобы выходить наружу после каждого движения поршня, как это делалось прежде, поступает в цилиндр низкого давления, приблизительно в четыре раза более обширный по объему, и, совершив там новое расширение, проводится в конденсатор. Экономия, достигаемая в результате применения таких машин, выражается в том, что здесь работа одной лошадиной силы в течение часа создается при помощи $3\frac{1}{2}$ —4 фунтов угля, тогда как на машинах старой системы для этого необходимо было от 12 до 14 фунтов. При помощи искусных приспособлений удалось вульфовскую систему двойного цилиндра или комбинированной машины высокого и низкого давления применить к существующим машинам более старого типа и таким образом повысить выполняемую ими работу, понижая в то же время потребление угля. Тот же самый результат в течение последних 8—10 лет был достигнут путем соединения машины высокого давления с конденсационной машиной таким образом, чтобы отработанный пар первой переходил во вторую и приводил ее в движение. Эта система во многих случаях оказалась полезной».

«Трудно было бы точно установить, в какой степени увеличилась работа, выполняемая теми из прежних машин, к которым были применены некоторые из указанных выше новых усовершенствований или все эти усовершенствования, вместе взятые. Я, однако, уве-

рен, что на тот же самый вес паровой машины мы в среднем получаем в настоящее время по крайней мере на 50% больше работы и что во многих случаях та же самая паровая машина, которая в период ограничения скорости 220 футами в минуту давала 50 лошадиных сил, дает их теперь свыше 100. В высшей степени важные в смысле экономии результаты применения высокого давления при конденсационной машине, а также значительно повышенные требования, предъявляемые в видах расширения предприятия к старым машинам, привели за последние три года к введению трубчатых котлов, благодаря чему опять-таки сильно уменьшились издержки получения пара» («Reports of Insp. of Fact., October 1852», стр. 23—27).

Все сказанное выше о двигателях применимо также к передаточным механизмам и рабочим машинам.

«Быстрый темп, которым характеризуется развитие усовершенствований в машинах за немногие последние годы, дал фабрикантам возможность расширить производство, не прибегая к увеличению двигательной силы. Более экономное пользование трудом стало необходимым вследствие сокращения рабочего дня, и на большинстве хорошо управляемых фабрик постоянно изыскиваются способы расширить производство при одновременном уменьшении затрат. Благодаря любезности одного очень интеллигентного фабриканта моего округа в моем распоряжении имеются данные относительно числа и возраста рабочих, занятых на его фабрике, относительно применяемых там машин и заработной платы, выплаченной за период с 1840 г. до настоящего времени. В октябре 1840 г. его фирма занимала 600 рабочих, из которых 200 было в возрасте до 13 лет; в октябре 1852 г. — только 350 рабочих, из которых лишь 60 в возрасте до 13 лет. Оба года в деле находилось одно и то же число машин, за самыми ничтожными исключениями, и была выплачена та же сумма заработной платы» (отчет Редгрейва в «Reports of Insp. of Fact., October 1852», стр. 58, 59).

Эти усовершенствования машин обнаруживают все свои результаты лишь тогда, когда они установлены в новых, целесообразно устроенных фабричных зданиях.

«Что касается усовершенствования машин, то я должен отметить, что сделаны крупные успехи прежде всего в постройке фабрик, приспособленных к установке этих новых машин... В нижнем этаже я произвожу трощение всей пряжи, и исключительно там сосредоточены 29 000 тростильных веретен. В одном этом помещении и в пристройке я достигаю экономии в труде по крайней мере на 10%, и не столько вследствие усовершенствований в системе самого тро-

щения, сколько благодаря соединению машин под одним управлением; то же самое количество веретен я могу привести в движение при помощи одного передаточного вала, вследствие чего я, по сравнению с другими фирмами, выгадываю на одном передаточном механизме от 60 до 80%. Кроме того, при этом получается крупное сбережение на смазочном масле, жире и т. п. ... Одним словом, при усовершенствованном устройстве фабрики и улучшенных машинах я, по самому скромному расчету, сберег 10% на труде и, кроме того, сделал крупные сбережения на силе, угле, масле, сале, передаточных валах, ремнях и т. п.» (показания одного бумагопрядильного фабриканта, «Reports of Insp. of Fact., October 1863, стр. 109, 110).

IV. УТИЛИЗАЦИЯ ЭКСКРЕМЕНТОВ ПРОИЗВОДСТВА.

Вместе с капиталистическим способом производства расширяется использование экскрементов производства и потребления. Под первыми мы понимаем отбросы промышленности и сельского хозяйства, под последними — частью экскременты, являющиеся результатом естественного обмена веществ у человека, частью ту форму, какую принимают предметы потребления после того, как процесс потребления их закончен. Экскрементами производства являются, таким образом, в химической промышленности побочные продукты, которые теряются при малых размерах производства: железные стружки, остающиеся при фабрикации машин и снова вступающие в железоделательное производство в качестве сырья, и т. п. Экскременты потребления — это естественные вещества, выделяемые человеческим организмом, остатки платья в форме тряпья и т. д. Экскременты потребления наиболее важны для сельского хозяйства. В отношении их использования капиталистическое хозяйство отличается колоссальной расточительностью; в Лондоне, напр., оно не находит для испражнений $4\frac{1}{2}$ миллионов людей никакого лучшего употребления, как с огромными издержками заражать ими Темзу.

Вздорожание сырья служит, конечно, стимулом к использованию отбросов.

В общем условия этого вторичного использования таковы: накопление значительных масс экскрементов, которое возможно только при работе в крупном масштабе; усовершенствование машин, благодаря чему вещества, не находившие прежде употребления в данной форме, получают вид, пригодный для применения в новом производстве; успехи наук, в особенности химии, открывающей

полезные свойства таких отбросов. Правда, и при мелкой грядковой земледельческой культуре, как, напр., в Ломбардии, южном Китае и Японии, тоже достигается крупная экономия этого рода. Однако в общем при этой системе производительность земледелия покупается сильным расточением человеческой рабочей силы, отвлекаемой от других сфер производства.

Так называемые отбросы играют значительную роль почти в каждой отрасли промышленности. Так, напр., в декабрьском фабричном отчете за 1863 г. указывается на следующее обстоятельство, как на одну из главных причин, вследствие которых фермеры Англии и многих частей Ирландии лишь неохотно и редко занимаются культурой льна: «Значительные отходы... которые получаются при обработке льна в небольших льнотрепальнях, приводимых в действие водой (scutch mills)... Угары при употреблении хлопка сравнительно невелики, при употреблении же льна очень значительны. Тщательная постановка работ при мочении и механическом чесании может значительно ограничить этот ущерб... В Ирландии чесание льна производится зачастую в высшей степени неудовлетворительно, так что 28—30% продукта пропадают даром»; все это могло бы быть устранено при употреблении более совершенных машин. Очески отходят при этом в таком значительном количестве, что фабричный инспектор говорит: «Из некоторых чесальных заведений Ирландии мне сообщают, что рабочие часто забирают с собой домой образовавшиеся отходы и употребляют их в качестве топлива для своих печей, а ведь это весьма ценный материал» (там же, стр. 139, 140). О хлопковых угарах мы будем говорить ниже, там, где речь пойдет о колебаниях цен на сырье.

Шерстяная промышленность была благоразумнее, чем промышленность по обработке льна. «Прежде считалось позорным собирать отходы шерсти и шерстяной лоскут для новой переработки, но предвидение это совершенно исчез в связи с shoddy trade (производством искусственной шерсти), которое сделалось важной отраслью шерстяной промышленности иоркширского округа; без сомнения, и предприятия, перерабатывающие хлопковые угары, скоро займут то же самое место в качестве отрасли производства, отвечающей общепризнанной потребности. 30 лет назад шерстяной лоскут, т. е. куски ткани из чистой шерсти, оценивался в среднем 4 ф. ст. 4 шилл. за тонну; за последние несколько лет он вздорожал до 44 ф. ст. за тонну. При этом спрос настолько возрос, что утилизируется даже смешанная ткань из шерсти и хлопка, так как найдено средство разрушать хлопок, не повреждая шерсти; и в настоящее время тысячи

рабочих заняты фабрикацией shoddy [искусственной шерсти], от чего потребитель получает крупную выгоду, так как в настоящее время он может купить сукно хорошего среднего качества за очень умеренную цену» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 107). Восстанавливаемая таким образом искусственная шерсть уже к концу 1862 г. составляла одну треть всего потребления шерсти в английской промышленности («Reports of Insp. of Fact., October 1862», стр. 81). «Крупная выгода» «потребителя» состоит в том, что его шерстяные платья теперь изнашиваются в три раза скорее, чем прежде, и в шесть раз скорее начинают разлезаться по ниткам.

Английская шелковая промышленность двигалась по той же наклонной плоскости. С 1839 по 1862 г. потребление натурального шелка-сырца несколько уменьшилось, в то время как потребление шелковых отходов удвоилось. Усовершенствованные машины доставили возможность фабриковать из этого, при других условиях довольно малоценного, материала шелковую ткань, применимую для различных целей.

Наиболее яркий пример применения отбросов дает химическая промышленность. Она потребляет не только свои собственные отбросы, находя для них новое применение, но также отбросы самых разнообразных других отраслей промышленности и превращает, напр., пропадавший в прежнее время почти совершенно без пользы каменноугольный деготь в анилиновые краски, в ализарин, а за последнее время также в медикаменты.

От этой экономии на отходах производства путем вторичной утилизации последних следует отличать экономию при получении самих отходов, т. е. сведение экскрементов производства к их минимуму и непосредственное максимальное использование сырья и вспомогательных материалов, входящих в производство.

Сбережения на отходах частью обусловлены хорошим качеством применяемых машин. Масло, мыло и т. п. сберегаются тем более, чем точнее работают отдельные части машин и чем лучше они отполированы. Это касается вспомогательных материалов. Отчасти же — и это самое важное — от качества применяемых машин и орудий зависит, больше или меньше сырья в процессе производства превращается в отбросы. Наконец, это зависит также от качества самого сырья. Последнее, в свою очередь, зависит частью от развития добывающей промышленности и земледелия, которые производят сырье (от успехов культуры в собственном смысле этого слова), частью от степени развития процессов, которым сырье подвергается до своего вступления в обрабатывающую промышленность.

«Пармантье доказал, что за сравнительно не очень большой период, напр. со времени Людовика XIV, искусство молоть зерно значительно усовершенствовалось во Франции, так что современные мельницы по сравнению с прежними дают почти наполовину больше хлеба из того же самого количества зерна. В самом деле, годовое потребление парижанина, исчислявшееся прежде в 4 сетье зерна, затем в 3, наконец в 2, в настоящее время составляет только $1\frac{1}{3}$ сетье, или приблизительно 342 фунта на душу... В Перше, где я долго жил, грубо построенные мельницы с жерновами из гранита и трапа в большинстве случаев переделаны согласно требованиям механики, сделавшей такие крупные успехи за последние 30 лет. Их снабдили хорошими жерновами Ла Ферте, стали перемалывать зерно два раза, ситу придали кругообразное движение, и в результате из того же самого количества зерна получается на $\frac{1}{6}$ больше муки. Таким образом я легко объясняю себе громадную разницу между ежедневным потреблением зерна у римлян и у нас; причина заключается исключительно в недостаточном совершенстве способов перемалывания зерна и приготовления хлеба. В этом также я вижу объяснение того замечательного факта, который приводит Плиний, XVIII, гл. 20, 2... Мука продавалась в Риме, смотря по качеству, по 40, 48 или 96 ассов за модий. Эти цены, чрезвычайно высокие по сравнению с ценами на зерно того времени, объясняются детски-несовершенным состоянием техники мельниц и вытекающими отсюда значительными издержками на помол» (Dureau de la Malle: «Economie Politique des Romains», Paris, 1840, I, стр. 280—281).

У. ЭКОНОМИЯ, ДОСТИГАЕМАЯ БЛАГОДАРЯ ИЗОБРЕТЕНИЯМ.

Этого рода сбережения в применении основного капитала являются, как уже сказано, результатом того, что условия труда применяются в крупном масштабе, коротко говоря, что они служат условиями непосредственно общественного, обобществленного труда или непосредственной кооперации в процессе производства. С одной стороны, только при этом условии механические и химические изобретения могут быть применены без повышения цены товара, а последнее обстоятельство есть всегда *conditio sine qua non* [непременное условие]. С другой стороны, только при производстве, организованном в крупном масштабе, становятся возможными сбережения, вытекающие из совместного производительного потребления. Наконец, только опыт комбинированного работника открывает и показывает, где и как надо экономить, как проще всего воспользоваться

уже сделанными открытиями, какие практические затруднения приходится преодолевать, применяя теорию к производственному процессу, и т. д.

Заметим мимоходом, что следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов.

Вышесказанное получает новое подтверждение в следующих неоднократно наблюдавшихся обстоятельствах:

1) В большой разнице между издержками первоначальной постройки новой машины и издержками ее воспроизводства, о чем смотри у Юра и Бэббеджа.

2) В том, что издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки последующих предприятий, возникших на его развалинах, *ex suis ossibus* [на его костях]. Это до такой степени верно, что обыкновенно предприниматели-новаторы банкротятся, и лишь их последователи, в руки которых строения, машины и т. п. попадают по более дешевым ценам, процветают. Именно поэтому наибольшую выгоду из всякого прогресса всеобщего труда человеческого ума и из общественного применения этого прогресса комбинированным трудом в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН.

1. КОЛЕБАНИЯ ЦЕН СЫРЬЯ. ИХ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ.

Мы предполагаем здесь, как и раньше, что норма прибавочной стоимости не претерпевает никакого изменения. Эта предпосылка необходима для того, чтобы исследовать данный случай в его чистом виде. Представляется, однако, возможным, что при неизменной норме прибавочной стоимости капитал занимает увеличивающееся или уменьшающееся количество рабочих вследствие тех сокращений или расширений, которые вызываются подлежащими здесь нашему рассмотрению колебаниями цен на сырье. В этом случае масса прибавочной стоимости могла бы изменяться при постоянной норме прибавочной стоимости. Однако мы должны здесь устранить и этот промежуточный случай. Если усовершенствование машин и изменение цены сырья одновременно влияют на количество занятых данным капиталом рабочих или на высоту заработной платы, то следует только сопоставить 1) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения постоянного капитала, и 2) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения заработной платы; итог получается сам собою.

Но здесь, как и в предыдущем случае, необходимо, вообще говоря, иметь в виду следующее. Раз наступают изменения, вследствие ли экономии на постоянном капитале или вследствие колебания цены сырья, они всегда затрагивают норму прибыли, даже в том случае, если они совершенно не изменяют заработной платы, а следовательно также нормы и массы прибавочной стоимости. В формуле $m' \frac{v}{K}$ они изменяют величину K , а вместе с тем и величину всей дроби. Таким образом здесь, — в отличие от того, что мы видели при рассмотрении прибавочной стоимости, — совершенно безразлично, в каких сферах производства совершаются эти изменения, производят ли затронутые ими отрасли промышленности жизненные средства рабочих и постоянный капитал, служащий для производства жиз-

ненных средств, или нет. Все развиваемые здесь соображения применимы также к тем случаям, когда изменения происходят в производстве предметов роскоши, причем под производством предметов роскоши мы разумеем всякое вообще производство, не являющееся необходимым для воспроизводства рабочей силы.

К сырью причисляются здесь также вспомогательные материалы, каковы индиго, уголь, газ и т. п. Далее, поскольку к этой рубрике относятся машины, их собственный сырой материал состоит из железа, дерева, кожи и т. п. Их цена испытывает поэтому влияние колебания цен на сырой материал, входящий в их конструкцию. И, поскольку цена эта повышается вследствие колебания цен сырого материала, из которого они состоят, или вспомогательных веществ, которые потребляются при их эксплуатации, понижается *pro tanto* [соответственно] и норма прибыли. И наоборот.

В дальнейшем исследовании мы ограничимся колебаниями цен только того сырья, из которого непосредственно производится товар; мы оставим таким образом в стороне сырье, поскольку оно является сырым материалом при производстве машин, функционирующих в качестве средств труда, или вспомогательным материалом, потребляемым при их применении. Только одно здесь следует еще отметить: естественное богатство железом, углем, деревом и т. д., вообще главными элементами, необходимыми для построения и применения машин, кажется здесь естественным плодородием самого капитала и является одним из элементов, определяющих норму прибыли, независимо от высокого или низкого уровня заработной платы.

Так как норма прибыли $\frac{m}{K}$ или $= \frac{m}{c+v}$, то, очевидно, все, изменяющее величину c , а следовательно и K , изменяет в то же время и норму прибыли, даже в том случае, если m и v и их взаимное отношение остаются неизменными. Но сырье образует главную составную часть постоянного капитала. Даже в те отрасли промышленности, в которых нет сырья в собственном смысле слова, сырье входит в качестве вспомогательного материала или как составная часть машин и т. п., и таким образом колебания его цен влияют *pro tanto* [соответственно] на норму прибыли. Если цена сырья падает на сумму $= d$, то $\frac{m}{K}$ или $\frac{m}{c+v}$ превращается в $\frac{m}{K-d}$ или $\frac{m}{(c-d)+v}$. Следовательно, норма прибыли повышается. Наоборот, если цена сырья повышается, то $\frac{m}{K}$ или $\frac{m}{c+v}$ превращается в $\frac{m}{K+d}$ или $\frac{m}{(c+d)+v}$, т. е. норма прибыли падает. При прочих равных условиях, норма

прибыли повышается или понижается, как мы видим, в направлении, обратном по сравнению с движением цены сырья. Отсюда видно, между прочим, насколько важны для промышленных стран низкие цены сырья, даже если колебания цен на сырье не сопровождаются изменениями в сфере сбыта продукта, т. е. если даже совсем оставить в стороне соотношение между спросом и предложением. Отсюда следует далее, что внешняя торговля влияет на норму прибыли, даже независимо от всякого воздействия ее на заработную плату путем удешевления необходимых жизненных средств. А именно, она влияет на цены сырья и вспомогательных материалов, применяемых в промышленности или земледелии. Существующее до сих пор совершенно недостаточное понимание природы нормы прибыли и ее специфического отличия от нормы прибавочной стоимости повинно в том, что, с одной стороны, те экономисты, которые подчеркивают установленное практическим опытом значительное влияние цен сырья на норму прибыли, совершенно неверно объясняют это теоретически (Торренс), между тем, как, с другой стороны, те экономисты, которые строго придерживаются общих принципов, как Рикардо, не замечают влияния на норму прибыли, напр., всемирной торговли.

Легко понять поэтому, какую крупную важность для промышленности представляет уничтожение или понижение пошлин на сырье; по возможности свободный ввоз сырья был поэтому основным положением рационально построенной покровительственной системы. Наряду с устранением пошлин на хлеб это было центральным пунктом для английских фритредеров, которые особенно заботились об уничтожении пошлин и на хлопок.

Примером важности понижения цен на сырье в собственном смысле слова, а материала вспомогательного, являющегося в то же время и главным элементом пищи, может послужить потребление муки в хлопчатобумажной промышленности. Уже в 1837 г. по вычислению Р. Х. Грега¹³ имевшиеся в то время в хлопчатобумажной промышленности Великобритании 100 000 механических и 250 000 ручных ткацких станков потребляли ежегодно 41 миллион фунтов муки для шлихтования основы. К этому надо присоединить еще одну треть указанного количества на беление и другие процессы. Общую стоимость потребляемой таким образом муки он определяет в 342 000 ф. ст. ежегодно за последние 10 лет. Сравнение с ценами муки на континенте показало, что вследствие хлебных пошлин фабри-

¹³ «The Factory Question and the Ten Hours Bill». By R. H. Greg. London 1837, стр. 115.

каны вынуждены были переплачивать на одной только муке 170 000 ф. ст. ежегодно. Для 1837 г. Грег оценивает эту переплату по меньшей мере в 200 000 ф. ст. и указывает на одну фирму, которой это вздутие цены на муку обходилось ежегодно в 1 000 ф. ст. Вследствие этого «крупные фабриканты, умелые и расчетливые дельцы, утверждают, что 10-ти часов ежедневного труда было бы вполне достаточно, если бы отменили хлебные пошрины» («Reports of Insp. of Fact., October 1848», стр. 98). Хлебные пошрины, а также пошрины на хлопок и другое сырье были отменены; но едва это было достигнуто, как оппозиция фабрикантов десятичасовому биллю сделалась более энергичной, чем когда бы то ни было. И когда вслед за тем десятичасовой день на фабриках все-таки стал законом, его первым последствием была попытка всеобщего понижения заработной платы.

Стоимость сырья и вспомогательных материалов сразу и целиком входит в стоимость продукта, на изготовление которого они потребляются, в то время как стоимость элементов основного капитала переходит на продукт лишь по мере снашивания, следовательно лишь постепенно. Отсюда следует, что цена продукта в гораздо большей степени затрагивается ценой сырого материала, чем ценой основного капитала, хотя норма прибыли определяется общей суммой стоимости применяемого капитала, независимо от того, какая часть его потребляется в данное время. Очевидно, однако, что расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены, — впрочем, об этой стороне дела мы упоминаем лишь мимоходом, так как здесь мы все еще предполагаем, что товары продаются по их стоимости, и, следовательно, совершенно отвлекаемся от колебания цен, вызванного конкуренцией. Поэтому в действительности оказывается, что при повышении цены сырья цена фабриката повышается не в том же отношении и не в том же отношении падает при понижении цены сырья. Таким образом в одном случае норма прибыли падает ниже, в другом поднимается выше, чем это имело бы место при продаже товаров по их действительной стоимости.

Далее: масса и стоимость применяемых машин возрастает с развитием производительной силы труда, но не в том отношении, в каком растет сама производительная сила, т. е. в каком увеличивается количество продукта, доставляемого этими машинами. Таким образом в тех отраслях промышленности, куда вообще входит сырье, или, другими словами, где предмет труда сам является уже продуктом предшествующего труда, — в этих отраслях промышленности

рост производительной силы труда выражается как раз в том отношении, в каком увеличивается количество сырья, поглощающего данное количество труда, следовательно в растущей массе сырья, превращаемой в продукт, перерабатываемой в товар в течение, напр., одного рабочего часа. Итак, по мере развития производительной силы труда стоимость сырья образует все возрастающую составную часть стоимости товарного продукта, и не только потому, что она целиком входит в эту последнюю, но также потому, что в каждой доле всего продукта обе части, — как часть, образуемая снашиванием машин, так и часть, создаваемая вновь присоединенным трудом, — уменьшаются. Вследствие этого понижательного движения относительно возрастает другая часть стоимости, образуемая сырьем, если только этот рост не уничтожается соответственным уменьшением стоимости сырья, которое является результатом растущей производительности труда, применяемого для изготовления самого этого сырья.

Так как, далее, сырье и вспомогательные материалы совершенно так же, как и заработная плата, образуют составные части оборотного капитала, то они постоянно должны полностью возмещаться из каждой отдельной продажи продукта, в то время как от машин возмещается только снашивание, и к тому же сначала в форме резервного фонда, — при этом на деле отнюдь не столь существенно, выделяется определенная часть в резервный фонд при каждой отдельной продаже продукта или нет, предполагается только, что из всей годовой выручки производится соответственное годовое отчисление. Таким образом здесь снова обнаруживается, что повышение цены сырья может урезать или затормозить весь процесс воспроизводства в том случае, если цена, вырученная от продажи товара, недостаточна для возмещения всех элементов товара или если цена эта делает невозможным продолжение процесса производства в размерах, отвечающих его техническому базису, так что в результате или работает только часть машин или же все машины не могут работать обычное полное время.

Наконец, издержки, связанные с образованием отбросов, изменяются в прямом отношении к колебаниям цены сырья: растут, если она растет, падают, если она падает. Но и здесь имеется известная граница. Уже в 1850 г. были написаны следующие строки: «Один из источников значительных потерь, вызываемых повышением цены сырья, обыкновенно ускользает от внимания всякого, кто не является прядильщиком-практиком, а именно потери на угарах. Мне сообщают, что при повышении цен хлопка издержки прядильщика, в особенности при изготовлении пряжи низших сортов,

растут сильнее, чем уплачиваемая надбавка к цене. Угары при прядении грубой пряжи достигают 15% с лишком; следовательно, если эта норма при цене хлопка в $3\frac{1}{2}$ пенса причиняет потерю в $\frac{1}{2}$ пени на 1 фунт, то при возрастании цены хлопка до 7 пенсов на фунт потеря составит уже 1 пени на фунт» («Reports of Insp. of Fact., April 1850», стр. 17). — Но в тот период, когда вследствие американской гражданской войны цена хлопка достигла высоты, неслыханной почти за целое столетие, мы находим в отчете уже нечто совсем иное: «Цена, которую дают в настоящее время за хлопковые угары, и вторичная переработка этих угаров на фабрике в качестве сырья до известной степени компенсируют ту разницу в потере на угарах, которая получается при употреблении индийского хлопка вместо американского. Разница эта составляет приблизительно $12\frac{1}{2}$ %. Потеря при обработке индийского хлопка достигает 25%, так что в действительности хлопок обходится прядильщику на $\frac{1}{4}$ дороже, чем он за него платит. Потеря на угарах не играла крупной роли, когда американский хлопок стоил 5 или 6 пенсов за фунт, потому что тогда она не превышала $\frac{3}{4}$ пени на фунт; но сейчас, когда фунт хлопка стоит 2 шилл., а следовательно потеря на угарах составляет 6 пенсов на фунт, она имеет крупное значение»¹⁴ («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 106).

II. ПОВЫШЕНИЕ И ПОНИЖЕНИЕ СТОИМОСТИ КАПИТАЛА, ЕГО ВЫСВОБОЖДЕНИЕ И СВЯЗЫВАНИЕ.

Явления, которые мы рассматриваем в этой главе, нуждаются для своего полного развития в существовании кредита и конкуренции на всемирном рынке, что вообще является базисом и жизненной атмосферой капиталистического способа производства. Однако эти конкретные формы капиталистического производства могут быть исследованы исчерпывающим образом лишь после того, как будет выяснена общая природа капитала; к тому же такое исследование не входит в план нашей работы и относится к теме, которая могла бы

¹⁴ В заключительной фразе отчета допущена ошибка. Вместо 6 пенсов должно стоять 3 пенса потери на угарах. Эта потеря достигает 25% при обработке индийского хлопка, но она равняется только $12\frac{1}{2}$ —15% при обработке американского хлопка, о котором здесь идет речь, причем выше, по отношению к цене 5—6 пенсов, этот же самый процент вычислен правильно. Впрочем, и при употреблении того американского хлопка, который привозился в Европу в течение последнего года гражданской войны, доля угаров зачастую была значительно выше, чем в прежнее время. — Ф. Э.

составить ее продолжение. Тем не менее явления, указанные в заголовке этого отдела, могут быть рассмотрены здесь в общей форме. Они находятся в связи с одной стороны, между собою с другой стороны, с нормой и массой прибыли. Они подлежат здесь краткому рассмотрению уже по одной той причине, что ими вызывается иллюзия, будто не только норма, но и масса прибыли, — в действительности тождественная с массой прибавочной стоимости, — может уменьшаться и увеличиваться независимо от движения массы и нормы прибавочной стоимости.

Можно ли рассматривать высвобождение и связывание капитала, с одной стороны, повышение и понижение его стоимости, с другой, как различные явления?

Прежде всего возникает вопрос: что понимаем мы под высвобождением и связыванием капитала? Повышение и понижение стоимости понятны сами собой. Они означают лишь, что вследствие каких-либо общих экономических причин — потому что об особой судьбе каждого отдельного капитала здесь речи нет — увеличивается или уменьшается стоимость уже существующего капитала, следовательно повышается или падает стоимость капитала, авансированного на производство, независимо от ее увеличения тем прибавочным трудом, который применяется капиталом.

Говоря о связывании капитала, мы разумеем, что определенные данные части всей стоимости продукта должны быть снова превращены в элементы постоянного или переменного капитала для того, чтобы производство могло продолжаться в прежних размерах. Говоря о высвобождении капитала, мы разумеем, что часть всей стоимости продукта, которая до сих пор должна была превращаться в постоянный или переменный капитал, становится свободной и излишней, если производство должно продолжаться в прежних размерах. Это высвобождение и связывание капитала отличается от высвобождения и связывания дохода. Если, напр., годовая прибавочная стоимость для капитала $K = x$, то вследствие удешевления товаров, входящих в потребление капиталиста, $x - a$ может оказаться достаточным для того, чтобы удовлетворить те же самые потребности, что и раньше. Благодаря этому часть дохода $= a$ высвобождается и может служить или для расширения потребления, или же для обратного превращения в капитал (для накопления). Наоборот, если требуется $x + a$ для того, чтобы продолжать прежний образ жизни, то или этот последний должен претерпеть ограничение, или часть дохода, равная a и прежде накапливавшаяся, должна быть израсходована теперь в качестве дохода.

Повышение и понижение стоимости может коснуться или постоянного, или переменного капитала, или того и другого одновременно, причем по отношению к постоянному капиталу оно может опять-таки коснуться или основной, или оборотной его части, или обеих вместе.

В составе постоянного капитала следует рассмотреть: сырье и вспомогательные материалы, к которым относятся и полуфабрикаты, — все это мы объединяем под общим именем сырья, — машины и прочий основной капитал

Выше мы уже рассмотрели изменения цены, *resp.* [соответств.] стоимости, сырья, их влияние на норму прибыли и установили тот общий закон, что при прочих равных условиях норма прибыли находится в обратном отношении к высоте стоимости сырья. Это безусловно справедливо для капитала, который заново вкладывается в предприятие, т. е. для того случая, когда вложение капитала, превращение денег в производительный капитал, совершается впервые.

Но и помимо этого капитала, составляющего новые вложения, значительная часть капитала, уже функционирующего, находится в сфере обращения, в то время как другая часть его остается в сфере производства. Часть имеется на рынке в качестве товара и должна быть превращена в деньги; другая часть существует в виде денег в какой бы то ни было форме и должна быть снова превращена в условия производства; наконец, третья часть находится в сфере производства, частью в первоначальной форме средств производства, сырья, вспомогательных материалов, купленных на рынке полуфабрикатов, машин и прочего основного капитала, частью в виде продукта, еще находящегося в процессе изготовления. Каким образом влияет здесь повышение и понижение стоимости, сильно зависит от количественного соотношения между этими составными частями. Для упрощения вопроса мы оставим пока в стороне весь основной капитал и будем рассматривать лишь ту часть постоянного капитала, которая состоит из сырья и вспомогательных материалов, полуфабрикатов и товаров, или еще только изготавливаемых, или уже находящихся на рынке в готовом виде.

Если повышается цена сырья, напр. хлопка, то повышается также цена и хлопчатобумажных товаров — полуфабрикатов, как пряжа, и готовых товаров, как ткань и т. п., — которые сфабрикованы из более дешевого хлопка; равным образом повышается как стоимость еще не обработанного, находящегося на складе хлопка, так и стоимость того хлопка, который еще только подвергается

обработке. Последний, благодаря обратному влиянию изменившихся условий, становится выражением большего рабочего времени, присоединяет к продукту, в который он входит составной частью, большую стоимость, чем та, которой он сам обладал первоначально и которую капиталист заплатил за него.

Таким образом, если при повышении цены сырья на рынке находятся значительные массы готового товара, — на какой бы то ни было ступени обработки, — то повышается стоимость этого товара и вместе с тем происходит повышение стоимости уже существующего капитала. То же самое следует сказать о находящихся в руках производителей запасах сырья и т. п. Это повышение стоимости может вознаградить или более чем вознаградить отдельных капиталистов или даже капиталистов целой отрасли промышленности за падение нормы прибыли, обусловленное повышением цены сырья. Не входя здесь в детали влияния конкуренции, можно, однако, ради полноты отметить, что: 1) если находящиеся на складах запасы сырья значительны, они противодействуют повышению цен, возникающему в самом очаге производства сырья; 2) если находящиеся на рынке полуфабрикаты или готовые товары слишком тяжело давят на рынок, они препятствуют цене готовых товаров или полуфабрикатов расти соответственно цене их сырья.

Обратное имеет место при падении цен сырья, благодаря которому при прочих равных условиях норма прибыли повышается. Товары, находящиеся на рынке, предметы, обработка которых еще не закончена, запасы сырья обесцениваются, противодействуя этим одновременно совершающемуся повышению нормы прибыли.

Чем меньше запасы, находящиеся в сфере производства и на рынке, напр. к концу операционного года, ко времени, когда сырье вновь доставляется в большом количестве, — следовательно для сельскохозяйственных продуктов после жатвы, — тем в более чистом виде проявляется влияние изменения цен на сырье.

Во всем нашем исследовании мы исходим из предположения, что повышение или понижение цен является выражением действительных колебаний стоимости. Но так как здесь дело идет о том влиянии, которое колебания цен оказывают на норму прибыли, то источник самих этих колебаний в действительности не имеет значения; развитые здесь выводы остаются справедливыми и в том случае, если цены повышаются и падают не вследствие колебаний стоимости, а вследствие воздействия системы кредита, конкуренции и т. п.

Так как норма прибыли равняется отношению избытка стоимости продукта к стоимости всего авансированного капитала, то повы-

шение нормы прибыли, вызываемое обесценением авансированного капитала, связано с потерей капитальной стоимости точно так же, как понижение нормы прибыли, вызываемое повышением стоимости авансированного капитала, может соединяться с выигрышем.

Что касается другой части постоянного капитала, машин и вообще основного капитала, то повышения стоимости, имеющие здесь место, а именно касающиеся построек, земли и т. п., могут быть исследованы только в связи с учением о земельной ренте и потому не относятся сюда. Для обесценения же этой части капитала наиболее общее значение имеют следующие причины:

Постоянные усовершенствования, вследствие которых уже имеющиеся машины, фабричные здания и т. д. теряют в отношении своей потребительной стоимости, а следовательно и своей стоимости. Этот процесс действует с особой силой в первый период введения новых машин, когда эти последние не достигли еще достаточной степени зрелости и когда поэтому они сплошь да рядом оказываются устаревшими раньше, чем успеют воспроизвести свою стоимость. Это является одной из причин обычного в такие эпохи чрезмерного удлинения рабочего времени, сплошной работы при помощи дневных и ночных смен, имеющей целью в течение возможно более короткого периода воспроизвести стоимость машин, не отчисляя слишком больших сумм на их снашивание. Если бы короткий период деятельности машин (сокращенный срок их жизни ввиду вероятных усовершенствований) не компенсировался таким образом, то на продукт вследствие морального снашивания машин переходила бы столь значительная часть их стоимости, что они не могли бы конкурировать даже с ручным трудом ¹⁵.

Если машины, тип построек, вообще основной капитал достигли известной зрелости, так что в течение более или менее продолжительного периода остаются неизменными, по крайней мере в своей основной конструкции, то подобного же рода обесценение происходит вследствие усовершенствования методов производства этого основного капитала. Стоимость машин и т. п. падает теперь не потому, что они быстро вытесняются и до известной степени обесцениваются новыми более производительными машинами, а потому, что они теперь могут быть воспроизведены дешевле. Такова одна из

¹⁵ Примеры этого см., между прочим, у Бэббеджа. Обычное средство — понижение заработной платы — применяется и в данном случае, и таким образом это постоянное обесценение приводит к совершенно иным последствиям, чем это представляется гармоничной голове г-на Кэри.

причин, почему крупное предприятие зачастую процветает лишь во вторых руках, после того как обанкротится его первый владелец, а второй, купив его за дешевую цену, таким образом уже с самого начала приступит к производству с меньшими затратами капитала.

В земледелии особенно бросается в глаза, что те же самые причины, которые повышают или понижают цену продукта, повышают или понижают также стоимость капитала, так как последний в значительной своей части сам состоит из этого продукта: зерна, скота и т. п. (Рикардо).

Следовало бы упомянуть еще о переменном капитале.

Раз стоимость рабочей силы возрастает вследствие повышения стоимости жизненных средств, необходимых для ее воспроизводства, или, наоборот, понижается вследствие понижения стоимости этих жизненных средств, — а повышение и понижение стоимости переменного капитала не выражает ничего иного, кроме этих двух случаев, — то при неизменной продолжительности рабочего дня такому повышению стоимости соответствует падение прибавочной стоимости, такому обесценению — увеличение прибавочной стоимости. Но с этим в то же время могут быть связаны и другие обстоятельства — высвобождение и связывание капитала, которые еще не были исследованы и которые мы должны теперь вкратце рассмотреть.

Если заработная плата падает вследствие понижения стоимости рабочей силы (с чем может быть связано даже повышение реальной цены труда), то высвобождается часть капитала, которая до сих пор затрачивалась на заработную плату. Происходит высвобождение переменного капитала. На вновь вкладываемый капитал это оказывает лишь то влияние, что он работает с повышенной нормой прибавочной стоимости. Меньшее по сравнению с прежним количество денег приводит в движение то же самое количество труда, и таким образом неоплаченная часть труда увеличивается за счет оплаченной. Но для капитала, бывшего до сих пор в деле, не только повышается норма прибавочной стоимости, но, кроме того, высвобождается часть капитала, который до того времени расходовался на заработную плату. До сих пор она была связана и составляла неизменную часть, которая отделялась от выручки за продукт и, чтобы предприятие продолжалось в прежнем масштабе, должна была затрачиваться на заработную плату, функционировать как переменный капитал. Теперь эта часть капитала становится свободной и, следовательно, она может быть употреблена как новая затрата капитала —

или для расширения того же самого предприятия, или для функционирования в другой сфере производства.

Допустим, напр., что первоначально требовалось 500 ф. ст. для того, чтобы еженедельно использовать труд 500 рабочих, а теперь для этой цели требуется только 400 ф. ст. Если масса произведенной стоимости в обоих случаях = 1 000 ф. ст., то масса еженедельной прибавочной стоимости в первом случае будет = 500 ф. ст., норма прибавочной стоимости $\frac{500}{500} = 100\%$; после же понижения заработной платы масса прибавочной стоимости 1 000 ф. ст. — 400 ф. ст. = 600 ф. ст. и ее норма $\frac{600}{400} = 150\%$. И это повышение нормы прибавочной стоимости есть единственный результат для того, кто с переменным капиталом в 400 ф. ст. и соответственным постоянным капиталом начинает новое предприятие в той же самой сфере производства. Напротив, в предприятии, уже функционирующем, в этом случае вследствие обеспечения переменного капитала не только повышается масса прибавочной стоимости с 500 до 600 ф. ст., а норма прибавочной стоимости — со 100 до 150%, но, кроме того, высвобождаются 100 ф. ст. переменного капитала, которые могут быть снова употреблены на эксплуатацию труда. Следовательно, не только прежнее количество труда эксплуатируется с большей выгодой, но благодаря высвобождению этих 100 ф. ст. прежний переменный капитал в 500 ф. ст. дает возможность эксплуатировать при более высокой норме эксплуатации больше рабочих, чем раньше.

Теперь возьмем обратный случай. Предположим, что первоначальное распределение продукта совершалось при 500 рабочих в таком отношении: $400_v + 600_m = 1\ 000$, так что норма прибавочной стоимости = 150%. Таким образом рабочий получает еженедельно $\frac{4}{5}$ ф. ст. = = 16 шилл. Если теперь вследствие повышения стоимости переменного капитала 500 рабочих обойдутся в неделю в 500 ф. ст., то еженедельная заработная плата каждого отдельного рабочего будет = = 1 ф. ст., и 400 ф. ст. могут привести в движение всего 400 рабочих. И если будет употреблено в дело то же самое число рабочих, как и раньше, то мы получим $500_v + 500_m = 1\ 000$; норма прибавочной стоимости понизится со 150% до 100%, т. е. на $\frac{1}{3}$. Для вновь вкладываемого капитала это понижение нормы прибавочной стоимости было бы единственным результатом. При прочих равных условиях должна была бы в связи с этим понизиться и норма прибыли, хотя и не в том же самом отношении. Если, напр., $c = 2\ 000$, то в первом случае мы имеем $2\ 000_c + 400_v + 600_m = 3\ 000$; $m' = 150\%$, $p' = \frac{600}{2\ 400} = 25\%$. Во

втором случае $2\,000_c + 500_v + 500_m = 3\,000$; $m' = 100\%$, $p' = \frac{500}{2\,500} = 20\%$. Напротив, для уже вложенного капитала результат оказался бы двояким. При помощи 400 ф. ст. переменного капитала можно теперь употребить в дело только 400 рабочих и притом с нормой прибавочной стоимости в 100%. Таким образом вся прибавочная стоимость от них составляет 400 ф. ст. Так как, далее, постоянный капитал стоимостью в 2 000 ф. ст. требует для своего функционирования 500 рабочих, то 400 рабочих могут привести в движение лишь постоянный капитал стоимостью в 1 600 ф. ст. Следовательно, чтобы производство продолжалось в прежнем масштабе и чтобы $\frac{1}{5}$ машин не бездействовала, переменный капитал необходимо увеличить на 100 ф. ст., чтобы, как и прежде, занять 500 рабочих; а это может быть достигнуто лишь одним способом: капитал, бывший до сих пор свободным, связывается, причем та часть накопления, которая должна была бы служить для расширения производства, теперь служит только для восполнения, или же та часть, которая предназначена к тому, чтобы расходоваться как доход, присоединяется к прежнему капиталу. В результате затрата переменного капитала, увеличенная на 100 ф. ст., производит на 100 ф. ст. меньше прибавочной стоимости. Чтобы привести в движение то же самое количество рабочих, требуется больше капитала, и в то же время уменьшается прибавочная стоимость, доставляемая каждым отдельным рабочим.

Выгоды, вытекающие из высвобождения, и потери, вытекающие из связывания переменного капитала, существуют только для капитала, уже вложенного в дело и, следовательно, воспроизводимого при данных отношениях. Для капитала, вкладываемого вновь, выгоды в одном случае, потери в другом сводятся к повышению, resp. [соответств.] понижению, нормы прибавочной стоимости и к соответственному, хотя отнюдь не пропорциональному, изменению нормы прибыли.

Только что исследованное высвобождение и связывание переменного капитала есть результат понижения или повышения стоимости элементов переменного капитала, т. е. издержек воспроизводства рабочей силы. Переменный капитал может, однако, высвобождаться также в том случае, если вследствие развития производительной силы труда при неизменной норме заработной платы требуется меньше рабочих для того, чтобы привести в движение ту же самую массу постоянного капитала. Равным образом и, наоборот,

связывание добавочного переменного капитала может иметь место, если вследствие понижения производительной силы труда требуется больше рабочих на ту же самую массу постоянного капитала. Если, напротив, часть капитала, применявшегося до сих пор в качестве переменного, теперь применяется в форме постоянного капитала, если, следовательно, происходит лишь иное распределение между составными частями того же самого капитала, то хотя это и оказывает влияние на норму прибавочной стоимости и прибыли, но не относится к рассматриваемой здесь рубрике связывания и высвобождения капитала.

Постоянный капитал, как мы уже видели, также может связываться или высвобождаться вследствие повышения стоимости или обесценения элементов, из которых он состоит. Если отвлечься от этого, связывание постоянного капитала (предполагается, что часть переменного не превращается в постоянный) возможно лишь в том случае, если производительная сила труда увеличивается, т. е. если та же самая масса труда производит больше продукта и, следовательно, приводит в движение больше постоянного капитала. То же самое при известных условиях может иметь место, если производительная сила уменьшается, как, напр., в земледелии, причем то же самое количество труда для производства того же самого продукта требует больше средств производства, напр. больше семян, удобрения, дренирования и т. п. Без обесценения постоянный капитал может высвобождаться в том случае, если усовершенствования, применение сил природы и т. д. делают постоянный капитал меньшей стоимости способным выполнять ту же техническую роль, какую раньше выполнял капитал более высокой стоимости.

В книге II мы уже видели, что после того как товары превращены в деньги, проданы, определенная часть этих денег должна снова превратиться в вещественные элементы постоянного капитала и как раз в том отношении, какого требует определенный технический характер каждой данной отрасли производства. С этой точки зрения во всех отраслях производства важнейшим элементом, — если оставить в стороне заработную плату, следовательно переменный капитал, — является сырье, включая в него и вспомогательные материалы, которые приобретают особенную важность там, где нет сырья в строгом смысле слова, например в горном деле и вообще в добывающей промышленности. Та часть цены, которая должна возмещать снашивание машин, принимается в расчет лишь более или менее идеально до тех пор, пока машины вообще способны функционировать; при этом сравнительно безразлично, будет ли эта часть оплачена и воз-

мещена деньгами сегодня или завтра или в любой иной момент периода оборота капитала. Иначе обстоит дело с сырьем. Если цена сырья возрастает, становится невозможным после вычета заработной платы вполне возместить ее из стоимости товаров. Поэтому сильные колебания цен вызывают перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства. Продукты земледелия в собственном смысле слова, сырье органического происхождения, в особенности подвержены таким колебаниям стоимости вследствие изменчивых урожаев и т. п., — влияние кредитной системы мы здесь еще совершенно оставляем в стороне. Одно и то же количество труда может здесь, в зависимости от не поддающихся контролю природных условий, благоприятной или неблагоприятной погоды и т. д., выражаться в очень различных количествах потребительных стоимостей, и потому определенное количество этих потребительных стоимостей может иметь весьма различную цену. Если стоимость x воплощается в 100 фунтах товара a , то цена одного фунта товара $a = \frac{x}{100}$; если та же стоимость представлена в 1000 фунтах a , то цена одного фунта $a = \frac{x}{1000}$ и т. д. Таков, следовательно, один из элементов рассматриваемых нами колебаний цены сырья. Второй элемент, о котором мы упоминаем здесь только ради полноты, — так как конкуренция и система кредита лежат пока вне круга нашего рассмотрения, — заключается в следующем: количество растительного и животного сырья, рост и производство которого подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, по самой природе вещей не может быть внезапно увеличено в такой степени, как, напр., количество машин и прочего основного капитала, угля, руды и т. п., увеличение которого при неизменности природных условий в промышленно развитой стране может совершаться очень быстро. Вполне возможно таким образом, а при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящей из капитала основного, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органического сырья; вследствие этого спрос на такое сырье увеличивается быстрее его предложения, и потому цена его повышается. Это повышение цены приводит на деле к тому, что: 1) сырье начинает подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки перевозки; 2) производство его расширяется, причем, однако, действительное увеличение массы продукта по природе вещей может произойти не сразу, а, быть может, лишь через год,

и 3) пускаются в ход всякого рода суррогаты, до сих пор не применявшиеся, и более экономно начинают обращаться с отбросами. Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и предложения, то это означает в большинстве случаев, что достигнут уже поворотный пункт, после которого вследствие продолжающегося удорожания сырья и всех товаров, в которые сырье входит как элемент, спрос понижается, а потому наступает реакция и в движении цен сырья. Кроме конвульсий, которые вызывает эта реакция вследствие обесценения капитала в его различных формах, наступает еще ряд других обстоятельств, о которых мы сейчас упомянем.

Прежде всего уже из сказанного до сих пор ясно следующее: чем более развито капиталистическое производство, чем более поэтому имеется средств для быстрого и безостановочного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительного и животного сырья, тем отчетливее проявляется вышеописанное увеличение их цены и соответствующая этому последнему реакция, тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого сильного колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства.

И если наступает крушение этих высоких цен вследствие того, что рост их вызвал, с одной стороны, уменьшение спроса, а с другой, — расширение производства в данном месте и предложение со стороны отдаленных, до сих пор мало или вовсе неиспользованных производственных областей, в результате чего опять-таки получился избыток предложения сырья над спросом, — избыток особенно сильный именно при старых высоких ценах, — то последствия этого должны быть рассмотрены с различных точек зрения. Внезапное крушение цен сырого продукта тормозит его воспроизводство, и благодаря этому восстанавливается монополия тех стран его вывоза, которые производят при наиболее благоприятных условиях, — восстанавливается, быть может, с известными ограничениями, но все-таки восстанавливается. Правда, воспроизводство сырья вследствие раз данного толчка продолжается в расширенном масштабе, особенно в странах, которые в большей или меньшей степени обладают монополией этого производства. Но базис, на котором вследствие увеличения количества машин и т. п. совершается теперь производство и который теперь после нескольких колебаний должен

стать новым нормальным базисом, новым исходным пунктом развития, чрезвычайно расширился благодаря процессам, имевшим место в течение последнего цикла оборота. Но при этом в некоторой части второстепенных источников сырья расширившееся было воспроизводство снова сильно тормозится. Так, например, по таблицам экспорта можно показать, как за последние 30 лет (до 1865 г.) возросло индийское производство хлопка, когда наступала убыль в американском производстве, и затем вдруг снова начиналось более или менее длительное сокращение производства. Во время вздорожания сырья промышленные капиталисты соединяются, образуют ассоциации с целью регулировать производство. Так было, напр., в Манчестере после повышения цен хлопка в 1848 г., то же было с производством льна в Ирландии. Но как только непосредственный повод минует и снова воцарится общий принцип конкуренции «покупать на самом дешевом рынке» (вместо того, чтобы стремиться, подобно вышеупомянутым ассоциациям, к повышению производительной способности соответствующих стран, доставляющих сырой продукт, независимо от цены, за которую непосредственно в данное время эти страны могут доставить продукт), — итак, раз принцип конкуренции снова полновластно господствует, регулировать предложение предоставляют снова «ценам». Всякая мысль о совместном, решительном и дальновидном контроле над производством сырья, — контроле, который вообще совершенно не совместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается платоническим благопожеланием или ограничивается имеющими характер исключения совместными действиями капиталистов в моменты большой непосредственной опасности и беспомощности, — уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга¹⁶. Суеверие капиталистов в этой области настолько грубо, что даже

¹⁶ После того, как были написаны эти строки (1865 г.), конкуренция на всемирном рынке значительно усилилась благодаря быстрому развитию промышленности во всех культурных странах, в особенности в Америке и Германии. Тот факт, что быстро и мощно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которого должно совершаться их движение, — факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это особенно проявляется в двух симптомах. Во-первых, в новой всеобщей мании охранительных пошлин, которая от старой покровительственной системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится охранить как раз те продукты, которые способны к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных сфер производства, имеющих целью регулировать производство, а следовательно цены и прибыль. Само собой разумеется, что эти

фабричные инспекторы в своих отчетах снова и снова останавливаются перед ним с величайшим изумлением. Смена благоприятных и неблагоприятных годов, конечно, также вызывает удешевление сырья. Помимо того непосредственного влияния, которое оказывает это обстоятельство на расширение спроса, сюда присоединяется еще в качестве стимула упомянутое выше влияние на норму прибыли. И вышеуказанный процесс, при котором производство сырья постепенно обгоняется производством машин и т. д., повторяется тогда в более широком масштабе. Действительное улучшение сырья, при котором оно доставлялось бы не только в надлежащем количестве, но и надлежащего качества, напр. получение хлопка американского достоинства из Индии, потребовало бы продолжительного, регулярно возрастающего и постоянного спроса со стороны Европы (мы совершенно оставляем в стороне те экономические условия, в которые поставлен индийский производитель у себя на родине). Но сфера производства сырья изменяется лишь скачками: то внезапно расширяясь, то сильно сокращаясь. Все это, как и дух капиталистического производства вообще, очень удобно изучать на хлопковом голоде 1861—1865 гг., — периоде, в течение которого наблюдалась еще та особенность, что временами совершенно не было известного вида сырья, одного из существенных элементов воспроизводства. Собственно говоря, цена может повышаться и при достаточном предложении, если это достаточное предложение осуществляется при сравнительно тяжелых условиях. Илп же может иметь место действительный недостаток сырья. Во время хлопкового кризиса первоначально наблюдалось последнее.

Поэтому, чем ближе подходим мы в истории производства к современному моменту, тем регулярнее оказывается, и в особенности в решающих отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительного вздорожания и вытекающего отсюда последующего обесценения сырья органического происхождения. Иллюстрации к вышесказанному даны в приводимых ниже примерах из отчетов фабричных инспекторов.

Мораль истории, которую можно также извлечь, рассматривая земледелие с иной точки зрения, состоит в том, что капитали-

эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что хотя производство и нуждается в регулировании, но несомненно не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем до сих пор. — Ф. Э.

стическая система противоречит рациональному земледелию, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует его техническому развитию) и требует либо руки мелкого, живущего своим трудом [selbst arbeitenden] крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей.

Теперь мы даем место только что упомянутым иллюстрациям из отчетов английских фабричных инспекторов.

«Положение дел более удовлетворительно; но цикл, складывающийся из благоприятных и неблагоприятных периодов, сокращается с увеличением количества машин, и так как при этом растет спрос на сырье, то вместе с тем становятся чаще колебания в ходе дел... В настоящее время не только восстановлено доверие после паники 1857 г., но и сама паника, повидимому, почти совершенно забыта. Будет ли это улучшение длительным или нет, зависит в очень значительной степени от цены сырья. И, на мой взгляд, имеются признаки того, что в некоторых случаях уже достигнут тот максимум, вслед за которым производство будет становиться все менее выгодным, пока, наконец, оно не перестанет вовсе давать прибыли. Возьмем, напр., прибыльные годы в шерстяном производстве, 1849 и 1850; мы увидим, что цена английской чесаной шерсти достигала 13 пенсов, австралийской 14—17 пенсов за фунт и что в среднем за 10 лет, с 1841 по 1850 г., цена английской шерсти никогда не превышала 14 пенсов, цена австралийской — 17 пенсов за фунт. Но в начале неблагоприятного 1857 г. австралийская шерсть продавалась по 23 пенса; в декабре, в самый худший период паники, цена ее упала до 18 пенсов, но в течение 1858 г. опять поднялась и достигла своей теперешней высоты, 21 пенса. Равным образом в начале 1857 г. цена английской шерсти была 20 пенсов, в апреле и сентябре повысилась до 21 пенса, в январе 1858 г. упала до 14 пенсов и затем поднялась до 17 пенсов, так что теперь она стоит на 3 пенса за фунт выше по сравнению со средней за вышеприведенное десятилетие... Это показывает, по моему мнению, что или банкротства 1857 г., вызванные аналогичными ценами, забыты или шерсти производится как раз столько, сколько могут выпрясть имеющиеся в наличии веретена, или же что цены на ткани испытают прочное повышение... Но в моей прошлой практике я имел возможность убедиться, что, с одной стороны, в невероятно короткое время может быть увеличено не только количество веретен и ткацких станков, но и быстрота их работы; что, с другой

стороны, почти в такой же степени увеличился наш вывоз шерсти во Францию, в то время как средний возраст разводимых овец как внутри страны, так и за границей становится все ниже, так как население быстро возрастает и овцеводы стремятся как можно скорее превратить свой скот в деньги. Поэтому я часто испытывал тяжелое чувство при виде людей, которые, не зная этого, связывали свою судьбу и свой капитал с предприятиями, успех которых зависит от предложения продукта, способного к увеличению только в рамках известных органических законов... Состояние спроса и предложения всех сырых материалов... объясняет, повидимому, многие колебания в хлопчатобумажном деле, а также положение английского шерстяного рынка осенью 1857 г. и обусловленный последним промышленный кризис»¹⁷ (Р. Бэкер в «Reports of Insp. of Fact., October 1858», стр. 56—61).

Время расцвета камвольной промышленности Вест-Райдинга в Йоркшире относится к 1849—1850 гг. В 1838 г. там было занято 29 246 лиц, в 1843 г. 37 000, в 1845 г. 48 097, в 1850 г. 74 891. В том же самом округе в 1838 г. было 2 768 механических ткацких станков, в 1841 г. 11 458, в 1843 г. 16 870, в 1845 г. 19 121 и в 1850 г. 29 539 («Reports of Insp. of Fact., [October] 1850», стр. 60). Этот расцвет камвольной промышленности уже в октябре 1850 г. начал становиться подозрительным. В апрельском отчете за 1851 г. суб-инспектор Бэкер пишет о Лидсе и Брэдфорде: «Состояние дел с некоторого времени очень неудовлетворительно. Прядильщики чесаной шерсти быстро теряют барыши 1850 г., и большинство ткачей находится не в лучшем положении. Мне кажется, что в настоящее время в шерстяной промышленности бездействует больше машин, чем когда бы то ни было раньше, и прядильщики льна точно так же распускают рабочих и останавливают машины. Циклы в текстильной промышленности являются в настоящее время действительно весьма неопределенными, и, я думаю, мы скоро придем к взгляду, ... что не соблюдается никакого соответствия между производительной способностью веретен, количеством сырого материала и ростом населения» (стр. 52).

То же самое наблюдается и в хлопчатобумажной промышленности. В только что цитированном октябрьском отчете за 1858 г. мы читаем: «С тех пор, как на фабриках установлен определенный рабочий день, размеры потребления сырья, размеры производства и величина заработной платы во всех отраслях текстильной промыш-

¹⁷ Само собой разумеется, что мы далеки от мысли *объяснять* вместе с г. Бэкером шерстяной кризис несоответствием между ценами сырого материала и фабриката. Это несоответствие само было лишь симптомом, кризис же был всеобщий. — Ф. Э.

ленности устанавливаются на основании простого тройного правила... Я привожу выдержку из недавнего доклада... г. Бэйнса, теперешнего мэра Блэкбарна, о хлопчатобумажной промышленности, где он с чрезвычайной тщательностью сводит данные промышленной статистики своего округа:

«Каждая действительная лошадиная сила приводит в движение 450 сельфакторных веретен с соответствующим приготовительным оборудованием, или 200 ватерных веретен, или 15 станков для 40-дюймового сукна вместе с машинами для наматывания шпуль, снования и шлихтования. Каждая лошадиная сила при прядении занимает $2\frac{1}{2}$ рабочих, а при ткачестве 10; их средняя заработная плата составляет более $10\frac{1}{2}$ шилл. на одного человека в неделю... Средние вырабатываемые номера — № 30—32 для основы и № 34—36 для утка; если принять, что еженедельно производимая пряжа составляет 13 унций на веретено, то это даст 824 700 фунтов пряжи в неделю, для чего должно быть потреблено 970 000 фунтов, или 2 300 кип хлопка на сумму в 28 300 ф. ст.... В нашем округе (район вокруг Блэкбарна радиусом в 5 английских миль) еженедельное потребление хлопка 1 530 000 фунтов, или 3 650 кип на сумму в 44 625 ф. ст. Это составляет $\frac{1}{18}$ всей бумагопрядильной промышленности Соединенного королевства и $\frac{1}{16}$ всего механического ткачества».

Таким образом, по вычислениям г. Бэйнса, общее число бумагопрядильных веретен в Королевстве должно достигать 28 800 000, и, чтобы держать их в полном ходу, требуется ежегодно 1 432 080 000 фунтов хлопка. Но ввоз хлопка, за вычетом вывоза в 1856 и 1857 гг., составлял лишь 1 022 576 832 фунта, следовательно неизбежно должен был оказаться дефицит в 409 503 168 фунтов. Г-н Бэйнс, который любезно согласился дать мне свои разъяснения по этому вопросу, полагает, что вычисление годового потребления хлопка, основанное на потреблении блэкбарнского округа, должно было оказаться преувеличенным не только вследствие различия выпрадаемых номеров, но также вследствие большего совершенства машин. Он оценивает все годовое потребление хлопка в Соединенном королевстве в 1 000 миллионов фунтов. Но если даже он прав, если действительно имеется избыток предложения в $22\frac{1}{2}$ миллиона фунтов, то уже теперь спрос и предложение, повидимому, почти уравновешиваются; между тем следует еще принять во внимание добавочные веретена и станки, которые, по г. Бэйнсу, вводятся в его округе и, судя по последнему, вероятно, также и в других округах» (стр. 59, 60).

III. ОБЩАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ХЛОПКОВЫЙ КРИЗИС 1861—1865 гг.

Предварительный период 1845—1860 гг.

1845 г. Расцвет хлопчатобумажной промышленности. Очень низкие цены хлопка. Л. Хорнер пишет об этом времени: «За последние 8 лет я не наблюдал ни одного периода столь интенсивного оживления в делах, как прошлым летом и осенью, в особенности в бумагопрядении. В течение целого полугодия я каждую неделю получал сообщения о новых вложениях капитала в фабрики: то сообщали о вновь строящихся фабриках, то немногие пустующие фабрики находили новых арендаторов, то, наконец, фабрики, находящиеся в действии, расширялись и снабжались более сильными паровыми машинами и увеличенным количеством рабочих машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1845», стр. 13).

1846 г. Начинаются жалобы: «Уже в течение довольно продолжительного времени я слышу от очень многих хлопчатобумажных фабрикантов жалобы на угнетенное состояние в их деле... за последние 6 недель различные фабрики начали работать неполное время, обыкновенно 8 часов в день вместо 12; это, повидимому, распространяется... цены хлопка сильно повысились... не только не произошло повышения цен на фабрикаты, но... цены их стоят ниже, чем до вздорожания хлопка. Крупное увеличение числа хлопчатобумажных фабрик за последние 4 года должно было иметь своим последствием, с одной стороны, сильно возросший спрос на сырье, с другой стороны, сильно возросшее предложение фабрикатов на рынке; обе причины должны были сообща способствовать понижению прибыли, пока оставались неизменными предложение сырья и спрос на фабрикаты; но действие их оказалось тем значительнее, что, с одной стороны, предложение хлопка было за последнее время недостаточным, с другой стороны, спрос на фабрикаты со стороны различных внутренних и иностранных рынков уменьшился» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», стр. 10).

Растущий спрос на сырье и переполнение рынка фабрикатом естественно идут рука об руку. Между прочим, тогдашнее расширение промышленности и последующий застой не ограничивались хлопчатобумажными округами. В брадфордском камвольном округе в 1836 г. было лишь 318 фабрик, а в 1846 г. 490. Эти числа далеко не выражают действительного роста производства, так как существующие фабрики в то время были значительно расширены. Это в особенности относится к льнопрядильным фабрикам. «В течение

последних 10 лет все они в большей или меньшей степени способствовали переполнению рынка, которому главным образом должен быть приписан теверешний застой в делах... Угнетенное положение дел является совершенно естественным последствием столь быстрого увеличения числа фабрик и машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», стр. 30).

1847 г. В октябре денежный кризис. Дисконт 8%. Уже ранее произошел крах железнодорожных спекуляций и махинаций с остиндскими векселями. Но:

«Г-н Бэкер приводит очень интересные детали относительно возросшего за последние годы спроса на хлопок, шерсть и лен вследствие расширения соответственных отраслей промышленности. Увеличенный спрос на эти виды сырья, особенно ввиду того, что он наступил в период, когда их предложение упало далеко ниже средней, Бэкер считает почти достаточным для объяснения современного угнетенного состояния этих отраслей промышленности, даже если не принимать во внимание расстройство денежного рынка. Этот взгляд вполне подтверждается моими собственными наблюдениями и тем, что я узнал от компетентных людей. Эти различные отрасли промышленности испытывали уже очень сильное стеснение в тот период, когда учет легко можно было производить из 5% и менее. Между тем предложение шелка-сырца было обильно, цены умеренны, и соответственно этому дела шли оживленно до... последних 2 или 3 недель, когда денежный кризис несомненно затронул не только самих фабрикантов шелка, но — и в еще большей степени — их главных клиентов, фабрикантов модных товаров. Стоит бросить взгляд на опубликованные официальные отчеты, чтобы убедиться, что хлопчатобумажная промышленность за последние три года возросла почти на 27%. Вследствие этого хлопок повысился в цене в круглых цифрах с 4 пенсов до 6 пенсов за фунт, в то время как цена пряжи благодаря увеличившемуся предложению стоит лишь немного выше своего прежнего уровня. Шерстяная промышленность начала расширяться в 1836 г.; с этого времени в Йоркшире она возросла на 40%, а в Шотландии еще более. Еще значительнее рост камвольной промышленности¹⁸. Здесь за тот же период расширение исчисляется более чем в 74%.

¹⁸ В Англии строго различают Woollen Manufacture [шерстяную промышленность] — прядение и ткачество из короткой шерсти, дающей аппаратную пряжу (главный центр — Лидс), и Worsted Manufacture [камвольную промышленность] — прядение и ткачество из длинной шерсти, дающей гребенную пряжу (главный центр — Брэдфорд в Йоркшире). — Ф. Э.

Потребление сырой шерсти было поэтому колоссально. Льняная промышленность обнаруживает с 1839 г. прирост приблизительно на 25% в Англии, на 22% в Шотландии и почти на 90% в Ирландии¹⁹; в результате цена сырья при одновременных плохих урожаях льна поднялась на 10 ф. ст. за тонну, тогда как цена пряжи упала на 6 пенсов за моток» («Reports of Insp. of Fact., October 1847», стр. 30 и 31).

1849 г. За последние месяцы 1848 г. дела снова оживились. «Цена льна, стоявшая настолько низко, что достаточная прибыль для фабрикантов льняных изделий казалась обеспеченной чуть ли не при всяких грядущих условиях, побуждала фабрикантов непрерывно развивать свое производство. Фабриканты шерстяных изделий в начале года работали очень сильно... но я опасаясь, что посылка шерстяных товаров на консигнацию зачастую заступает место действительного спроса и что периоды кажущегося процветания, т. е. периоды, когда предприятия идут полным ходом, не всегда совпадают с периодами реального спроса. В течение нескольких месяцев камвольное дело находилось в особенно хорошем состоянии... В начале упомянутого периода цена на шерсть стояла особенно низко; прядильщики запаслись ею по выгодным ценам, конечно, в значительном количестве. Когда во время весенних аукционов цена шерсти поднялась, прядильщики извлекли выгоду из этого и удержали ее, так как спрос на фабрикаты был значителен и прочен» («Reports of Insp. of Fact., [April] 1849», стр. 42):

«Если мы присмотримся к колебаниям в положении дел, имевшим место в фабричных округах за последние 3 или 4 года, то мы должны, как мне кажется, допустить, что где-то существует причина, нарушающая правильный ход промышленности... не является ли в этом отношении новым элементом гигантская производительная сила разросшегося машинного производства?» («Reports of Insp. of Fact., April 1849», стр. 42, 43).

В ноябре 1848 г., а также в мае и летом 1849 г. вплоть до октября положение дел все улучшалось. «В особенности это относится к группирующейся вокруг Брэдфорда и Галифакса фабрикации материй из камвольной пряжи; это производство никогда раньше даже приблизительно не достигало своих теперешних размеров... Спекуляция на сырье и невозможность предвидеть его вероятное предложение

¹⁹ Это быстрое расширение машинного производства льняной пряжи в Ирландии нанесло тогда смертельный удар вывозу германского (силезского, лаузицкого, вестфальского) полотна, вытканного из пряжи, изготовляемой ручным способом. — Ф. Э.

уже давно вызвали в хлопчатобумажной промышленности большее возбуждение и более частые колебания, чем в какой бы то ни было другой отрасли предприятий. В настоящее время здесь наблюдается накопление запасов более грубых сортов хлопчатобумажных товаров, что вызывает беспокойство у мелких прядильщиков и уже причиняет им вред, так что некоторые из них работают неполное время» («Reports of Insp. of Fact., October 1849», стр. 64—65).

1850 г. Апрель. Все еще продолжается бойкий ход дел. Исключение: «Сильно угнетенное состояние в части хлопчатобумажной промышленности вследствие недостаточного предложения сырья как раз для грубых номеров пряжи и тяжелых тканей... Возникает опасение, что аналогичная реакция будет вызвана и в камвольной промышленности, где за последнее время увеличено количество машин. По вычислениям господина Бакера, в одном только 1849 г. в этой отрасли продукция ткацких станков возросла на 40%, продукция веретен на 25—30%, причем расширение предприятий все еще продолжается прежним темпом» («Reports of Insp. of Fact., April 1850», стр. 54).

1850 г. Октябрь. «Цена хлопка продолжает... вызывать заметное угнетение в этой отрасли промышленности, особенно для таких товаров, у которых сырье составляет значительную часть издержек производства. Крупное повышение цен на шелк-сырец во многих случаях приводило к угнетенному положению и в этой отрасли» («Reports of Insp. of Fact., October 1850», стр. 14). — Согласно цитированному здесь отчету Комитета королевского общества культуры льна в Ирландии, высокая цена льна при низких ценах на другие сельскохозяйственные продукты обеспечивает значительное расширение производства льна в будущем году (там же, стр. 31, 33).

1853 г. Апрель. Интенсивный расцвет. «За последние 17 лет ни разу в течение всего того времени, когда мне приходилось официально знакомиться с положением дел в фабричном округе Ланкашира, я не наблюдал такого всеобщего процветания; оживление во всех отраслях чрезвычайное», — говорит Леонард Хорнер («Reports of Insp. of Fact., April 1853», стр. 19).

1853 г. Октябрь. Угнетенное состояние хлопчатобумажной промышленности. «Перепроизводство» («Reports of Insp. of Fact., October 1853», стр. 15).

1854 г. Апрель. «Хотя шерстяная промышленность шла не бойко, все же она доставляла всем фабрикам работу в полном размере; равным образом и хлопчатобумажная промышленность. Камвольная промышленность в течение всего истекшего полугодия

сплошь работала с перебоями... В льнообрабатывающей промышленности происходили нарушения благодаря тому, что предложение льна и пеньки из России уменьшилось вследствие Крымской войны» («Reports of Insp. of Fact., [April] 1854», стр. 37).

1859 г. «В шотландской льнообрабатывающей промышленности дела все еще находятся в угнетенном состоянии,... так как сырье редко и дорого; плохое качество сбора в прибалтийских провинциях, откуда идет к нам главный ввоз, будет оказывать вредное влияние на ход дел в этом округе; между тем джут, который мало-по-малу вытесняет лен в производстве многих грубых товаров, стоит не слишком дорого и имеется в достаточном количестве... приблизительно половина машин в Дэнди прядет в настоящее время джут» («Reports of Insp. of Fact., April 1859», стр. 19). — «Вследствие высокой цены сырья льнопрядение все еще не дает достаточной выгоды, и в то время как все другие фабрики работают полное время, мы имеем целый ряд примеров приостановки машин, перерабатывающих лен... Прядение джута... находится в более удовлетворительном положении, так как за последнее время цена на этот материал стала более умеренной» («Reports of Insp. of Fact., October 1859», стр. 20).

1861—64 г. Американская гражданская война. Хлопковый голод. Величайший пример перерыва в процессе производства вследствие недостатка и дороговизны сырья.

1860 г. Апрель. «Что касается хода дел, то я радуюсь возможности сообщить вам, что, несмотря на высокую цену сырья, все отрасли текстильной промышленности, за исключением обработки шелка, работали за последнее полугодие очень хорошо... В некоторых хлопчатобумажных округах рабочих отыскивали при помощи объявлений, и рабочие направлялись туда из Норфолка и других земледельческих графств... Повидимому, во всех отраслях промышленности господствует сильный недостаток сырья. Только... этот недостаток сдерживает нас в известных границах. В хлопчатобумажном деле число вновь основанных фабрик, расширение уже существующих и спрос на рабочих, быть может, никогда не достигали такой высоты, как в настоящее время. Везде и всюду ищут сырья» («Reports of Insp. of Fact., April 1860», стр. 57).

1860 г. Октябрь. «Дела в хлопчатобумажных, шерстяных и льнопрядильных округах находились в хорошем положении; в Ирландии, как говорят, положение дел за последний год было даже

очень хорошее и было бы еще лучше, если бы не высокая цена сырья. Повидимому, льнопрядильщики с большим нетерпением, чем когда бы то ни было, ожидают от железных дорог открытия добавочных индийских источников снабжения и соответственного развития индийского земледелия, чтобы, наконец... добиться предложения льна, которое соответствовало бы их потребностям» («Reports of Insp. of Fact., October 1860», стр. 37).

1861 г. Апрель. «Положение дел в настоящий момент угнетенное... некоторые хлопчатобумажные фабрики работают неполное время, и многие шелковые фабрики заняты лишь отчасти. Сырье дорого. Почти во всех отраслях текстильной промышленности цена его выше той цены, при которой оно могло бы быть переработано для массы потребителей» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», стр. 33).

Теперь обнаружилось, что в 1860 г. в хлопчатобумажной промышленности имело место перепроизводство; последствия его были ощутительны еще в течение ближайших лет. «Потребовалось от двух до трех лет, чтобы всемирный рынок поглотил перепроизводство 1860 г.» («Reports of Insp. of Fact., December 1863», стр. 127). «Угнетенное состояние рынков хлопчатобумажных фабрикатов в Восточной Азии оказало в начале 1860 г. соответствующее обратное влияние на состояние дел в Блэкбэрне, где в среднем 30 000 механических ткацких станков почти исключительно заняты производством ткани для этого рынка. Вследствие этого спрос на труд был здесь ограниченным уже за много месяцев до того, как сказалось влияние хлопковой блокады... к счастью, это спасло многих фабрикантов от разорения. Запасы возросли в стоимости, пока их держали на складах, и таким образом было избегнуто то ужасающее обесценение, которое в противном случае было бы неизбежно при таком кризисе» («Reports of Insp. of Fact., October 1862», стр. 28, 29, 30).

1861 г. Октябрь. «Положение дел с некоторого времени было очень угнетенным... Очень вероятно, что в течение зимних месяцев многие фабрики сильно сократят рабочее время. Это, впрочем, можно было предвидеть... совершенно независимо от причин, превративших наш обычный ввоз хлопка из Америки и наш вывоз в нее, сокращение рабочего времени в течение наступающей зимы стало бы необходимым вследствие сильного увеличения производства за последние три года и вследствие затруднений на индийском и китайском рынках» («Reports of Insp. of Fact., October 1861», стр. 19).

Хлопковые улары. Ост-индский хлопок (Surat). Влияние на заработную плату рабочих. Усовершенствование машин. Замена хлопка крахмальной мукой и минералами. Влияние этого шлихтования крахмальной мукой на рабочих. Прядильщики тонких номеров. Обман фабрикантов.

«Один фабрикант пишет мне следующее: «Что касается количества хлопка, потребляемого на одно веретено, то вы несомненно недостаточно считаетесь с тем фактом, что при дороговизне хлопка каждый прядильный фабрикант обычной пряжи (скажем, по № 40, преимущественно же №№ 12—32) производит настолько тонкие номера, насколько может, т. е. он станет выпрядать № 16 вместо прежнего № 12 или № 22 вместо № 16 и т. д., и ткацкий фабрикант, который перерабатывает эту тонкую пряжу, доведет свой миткаль до обычного веса, присоединив к нему соответственно большее количество шлихта. Этот прием применяется теперь поистине в порочных размерах. Я из хорошего источника слышал, что имеется обыкновенный ширтинг [рубашечная ткань] для экспорта, весом штука в 8 фунтов, из которых $2\frac{3}{4}$ фунта падают на шлихт. В тканях других сортов шлихт часто составляет до 50%; так что фабрикант никоим образом не лжет, когда хвастается, что он богатеет, продавая фунт своей материи дешевле, чем он заплатил за пряжу, употребленную на ее производство» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», стр. 27).

«Мне сообщали также, что ткачи приписывают свою возросшую заболеваемость шлихту, который употребляется для основы, выпряденной из ост-индского хлопка, и который не состоит, как раньше, из чистой муки. Но этот суррогат муки, как говорят, представляет ту крупную выгоду, что значительно увеличивает вес ткани, так что 15 фунтов пряжи дают 20 фунтов ткани» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 63. Этим суррогатом был перемолотый тальк, так называемый «China clay», или гипс, так называемый «French chalk»). — «Заработок ткачей (здесь имеются в виду ткачи-рабочие) сильно уменьшается благодаря применению суррогатов муки для шлихтования основы. Этот шлихт делает пряжу более тяжелой, но в то же время твердой и ломкой. Каждая нить основы проходит в ткацком станке через так называемый ремиз, крепкие нити которого удерживают основу в правильном положении; сильно шлихтованная основа вызывает постоянные разрывы нитей в ремизе; каждый разрыв отнимает у ткача пять минут времени для исправления; в настоящее время ткачу приходится исправлять такие повреждения по крайней мере в 10 раз чаще, чем раньше,

и, само собой разумеется, станок в течение рабочего дня дает соответственно меньше ткани» (там же, стр. 42, 43).

«В Эштоне, Стэлибридже, Мосли, Ольдгеме и т. д. рабочее время сокращено на целую треть и с каждой новой неделей сокращается все больше... Одновременно с этим сокращением рабочего дня во многих отраслях совершается понижение заработной платы» («Reports of Insp. of Fact., April 1863», стр. 13). — В начале 1861 г. произошла стачка механических ткачей в некоторых районах Ланкашира. Некоторые фабриканты заявили о предстоящем понижении заработной платы на 5—7½%, рабочие настаивали на том, чтобы ставки заработной платы были сохранены, а рабочий день сокращен. Предприниматели не согласились, и началась стачка. Через месяц рабочие должны были уступить. И они получили теперь и то и другое: «Кроме того, что была понижена заработная плата, на что согласились в конце концов рабочие, многие фабрики работают теперь неполное время» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», стр. 23).

1862 г. Апрель. «Бедствия, испытываемые рабочими, со времени моего последнего отчета значительно усилились; но еще никогда в истории промышленности столь неожиданные и столь тяжелые страдания не переносились с такой молчаливой покорностью и с таким терпеливым самообладанием» («Reports of Insp. of Fact., April 1862», стр. 10). — «Относительное число полностью безработных в настоящий момент, повидимому, незначительно превышает число безработных 1848 г., когда господствовала обычная паника, оказавшаяся, однако, достаточной для того, чтобы побудить обеспокоенных фабрикантов собрать статистические данные по хлопчатобумажной промышленности, аналогичные тем, какие в настоящее время публикуются еженедельно... В мае 1848 г. не работали 15% всех хлопчатобумажных рабочих Манчестера, 12% работали неполное время, в то время как свыше 70% работали полное время. 28 мая 1862 г. 15% рабочих были без работы, 35% работали неполное время, 49% — полное время... В соседних местностях, напр. в Стокпорте, процент работающих неполное время и вовсе неработающих выше, процент работающих полное время ниже», так как здесь выпрядаются более грубые номера, чем в Манчестере (стр. 16).

1862 г. Октябрь. «По последним сведениям официальной статистики, в Соединенном королевстве в 1861 г. было всего 2 887 хлопчатобумажных фабрик: из них 2 109 в моем округе» (Ланкашир и Чешир). «Я, конечно, знал, что очень значительная часть этих 2 109 фабрик моего округа — мелкие предприятия с небольшим коли-

чеством рабочих. Я был, однако, удивлен, когда выяснил, насколько велико число этих последних. У 392, или 19%, движущая сила — паровая или водяная — меньше 10 лошадиных сил; у 345, или 16%, — от 10 до 20 лошадиных сил; у 1 372—20 лошадиных сил и выше... Очень значительная часть этих мелких фабрикантов, — более чем одна треть всего их числа, — не так давно сами были рабочими; это люди, не располагающие капиталами... Центр тяжести падает, следовательно, на остальные $\frac{2}{3}$ » («Reports of Insp. of Fact., October 1862», стр. 18, 19).

По данным того же отчета, в хлопчатобумажной промышленности Ланкашира и Чешира в то время работали полное время 40 146 рабочих, или 11,3%; неполное время 134 767, или 38%; не имели работы 179 721, или 50,7%. Если откинуть отсюда цифры, касающиеся Манчестера и Болтона, где главным образом выпрядались тонкие номера, — отрасль, сравнительно мало пострадавшая от недостатка хлопка, — то положение дел представится в еще более неблагоприятном виде, а именно: занятых полное время 8,5%, неполное время 38%, безработных 53,5% (стр. 19, 20).

«Для рабочего представляет существенную разницу, перерабатывает ли он хороший или плохой хлопок. В первые месяцы года, когда все фабриканты старались поддержать правильное функционирование своих фабрик, применяя всякий хлопок, какой только можно было купить по дешевым ценам, много плохого хлопка попало на фабрики, где раньше употреблялся обыкновенно хороший; разница в заработной плате рабочих оказалась настолько велика, что произошло много стачек, так как рабочие при старой поштучной плате не могли теперь добиться сносного ежедневного заработка... В некоторых случаях разница вследствие применения дурного хлопка достигала половины всего заработка даже при полном рабочем времени» (стр. 27).

1863 г. Апрель. «В течение этого года может работать полное время лишь немного больше половины всех рабочих хлопчатобумажной промышленности» («Reports of Insp. of Fact., April 1863», стр. 14).

«Весьма серьезная отрицательная сторона при употреблении остиндского хлопка, который вынуждены применять теперь фабрики, состоит в том, что скорость машин при этом приходится сильно замедлять. В течение последних лет были пущены в ход все средства, чтобы увеличить эту скорость и таким образом заставить те же самые машины давать больше работы. Уменьшенная скорость затрагивает интересы рабочего в такой же степени, как интересы фабриканта, потому что большинство рабочих получает поштучную плату: пря-

дильщик столько-то за фунт выпряденной пряжи, ткач столько-то за кусок изготовленной им ткани; но даже у рабочих, оплачиваемых понедельно, заработная плата должна понизиться вследствие уменьшения производства. По моим сведениям... и доставленным мне данным относительно заработка рабочих хлопчатобумажной промышленности в течение этого года... обнаруживается понижение заработной платы в среднем на 20%, в некоторых случаях на 50% по сравнению с 1861 г.» (стр. 13). — «Сумма заработка зависит от... того, какого качества перерабатываемый материал... Положение рабочих, в смысле получаемой ими заработной платы, в настоящий момент (октябрь 1863 г.) много лучше, чем в то же время в прошлом году. Машины усовершенствованы, достигнуто лучшее знакомство с сырьем, и рабочие легче справляются с теми трудностями, с которыми им приходилось бороться вначале. Прошлой весной я был в Престоне в одной швейной школе (благотворительное учреждение для безработных); две юные девушки, посланные незадолго перед тем в ткацкую мастерскую, где, по уверениям фабриканта, они могли бы зарабатывать 4 шилл. в неделю, просили об обратном приеме в школу и жаловались, что они не в состоянии заработать и 1 шилл. в неделю. У меня были сведения относительно Self-acting minders [мюльщиков при сельфакторах]... Мужчины, управляющие парой сельфакторов, заработали за 14 дней полного рабочего времени 8 шилл. 11 пенсов, из которых у них была вычтена плата за наем помещения, причем фабрикант (о, великодушие!) «возвратил им в виде подарка половину этой платы. Рабочие унесли с собой по 6 шилл. 11 пенсов. Во многих местах за последние месяцы 1862 г. Self-acting minders [мюльщики при сельфакторах] зарабатывали 5—9 шилл. в неделю, ткачи 2—6 шилл. в неделю... В настоящее время положение дел много более нормальное, хотя заработок в большинстве округов все еще очень понижен... Наряду с коротким волокном индийского хлопка и его загрязненностью различные другие причины способствовали понижению заработка. Так, напр., теперь вошло в обыкновение обильно подмешивать к индийскому хлопку хлопковые угары, и это, конечно, еще более увеличивает трудности прядения. При коротком волокне нити легче обрываются при выходе мюлей и наматывании пряжи, причем невозможно с такой регулярностью поддерживать мюль в ходу... Равным образом благодаря тому, что нитям приходится уделять очень много внимания, одна ткачиха зачастую способна управлять только одним станком, и лишь очень немногие могут управлять более чем двумя станками... Во многих случаях плата рабочих понизилась на 5, 7½ и 10%... в большинстве случаев рабо-

чему предоставляется самому решить, как справиться с сырьем и достигнуть обычного размера заработка... Другое затруднение, с которым порою приходится бороться рабочему, состоит в том, что его заставляют делать хорошую ткань из плохого материала и наказывают вычетами из заработной платы, если работа не дает желаемых результатов» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 41—43).

Заработная плата была жалкая даже там, где работали полное время. Рабочие хлопчатобумажной промышленности охотно брались за всякие общественные работы, куда только их принимали: дренаж, проведение дорог, разбивание камней, мощение улиц, чтобы получать от местных властей вспомоществование (которое было на деле вспомоществованием для фабрикантов, см. кн. I, 536 и сл. [русск. перев. стр. 629 и сл.]). Вся буржуазия зорко следила за рабочими. Если рабочему предлагался мизернейший заработок и тот отказывался от него, то комитет вспомоществования немедленно вычеркивал рабочего из списка лиц, получающих пособие. Это было золотое время для господ фабрикантов, так как рабочим приходилось или умирать с голоду, или работать за всякую плату на самых выгодных для капиталистов условиях, причем комитеты вспомоществования действовали как верные сторожевые псы последних. В то же время фабриканты в тайном союзе с правительством стесняли, насколько возможно, эмиграцию, частью для того, чтобы держать в полной готовности капитал, воплощенный в теле и крови рабочих, частью для того, чтобы обеспечить себе выжимаемую из рабочих квартирную плату...

«Комитеты вспомоществования поступали в этом случае с величайшей строгостью. Раз предлагалась работа, рабочие, которым она предлагалась, тотчас вычеркивались из списков и принуждались таким образом принимать ее. Если рабочие уклонялись от предлагаемой работы... то причина состояла в том, что заработок их был бы только номинальным, а труд чрезвычайно тяжелым» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 97).

Рабочие готовы были взять всякую работу, которая предназначалась для них, согласно Public Works Act [Акту об общественных работах]. «Основания, согласно которым были организованы промышленные работы, были далеко не одинаковы в различных городах. Но даже в тех местах, где труд под открытым небом не был исключительно пробной работой (labour test), труд этот оплачивался или в размерах обычного регулярного пособия, или лишь немного выше и таким образом фактически носил характер трудового испытания»

(стр. 69). «Public Works Act [Акт об общественных работах] 1863 г. должен был помочь этому горю и дать рабочему возможность добывать свой дневной заработок в качестве независимого поденщика. Цель этого акта была тройкая: 1) уполномочить местные власти заимствовать деньги у комиссаров, заведующих государственными займами (с соизволения президента государственного центрального ведомства попечения о бедных); 2) способствовать благоустройству городов в хлопчатобумажных округах; 3) доставить безработным занятия и достаточное вознаграждение (remunerative wages)». До конца октября 1863 г. было заключено займов, согласно этому закону, на сумму до 883 700 ф. ст. (стр. 70). Предпринятые работы состояли главным образом в устройстве канализации, проведении дорог, мощении улиц, возведении запруд для водяных двигателей и т. п.

Г-н Гендерсон, президент блэкбэрнского комитета, пишет по этому поводу фабричному инспектору Редгрейву: «Из всего, что мне пришлось наблюдать в течение переживаемого нами периода страданий и нищеты, ничто в такой степени не поражало и не радовало меня, как та бодрая готовность, с которой безработные этого округа берутся за работы, предлагаемые им городским советом Блэкбэрна на основании Public Works Act [Акта об общественных работах]. Трудно представить себе контраст более резкий, чем тот, который существует между бумагопрядильщиком, работавшим прежде в качестве квалифицированного рабочего на фабрике, и тем же бумагопрядильщиком, работающим теперь в качестве поденщика в спускном канале на глубине 14 или 18 футов». (Рабочие получали при этом, смотря по величине семейства, от 4 до 12 шилл. в неделю; этой-то гигантской суммы должно было часто хватать для содержания семьи в 8 душ. Господа обыватели получали здесь двойную выгоду: во-первых, на улучшение своих прокопченных и запущенных городов они получали деньги из исключительно низких процентов; во-вторых, они уплачивали рабочим несравненно меньше обычной заработной платы.) «Рабочий, привыкший в почти тропической температуре, к труду, при котором искусство и точность манипуляции были для него бесконечно важнее мускульной силы, привыкший к двойной, иногда тройной плате по сравнению с тем, что он может получить в настоящее время, — такой рабочий, соглашаясь на предлагаемые условия, обнаруживает самоотверженность и благоразумие, делающие ему величайшую честь. В Блэкбэрне безработные были испробованы чуть ли не на всех возможных работах, ведущихся под открытым небом: они копали вязкую, тяжелую глинистую землю на значительной глубине, производили осушительные работы, раз-

бивали камни, проводили дороги, копали уличные каналы на глубине 14, 16 и порой 20 футов. Зачастую им приходилось при этом стоять на 10—12 дюймов в грязи и воде и подвергаться действию климата, с которым по сырости и холоду едва ли может сравниться климат какого-либо другого округа Англии, если вообще такой климат где-нибудь встречается» (стр. 91, 92). — «Рабочие держали себя почти безукоризненно... их готовность брать на себя работу под открытым небом и пребывать ею» (стр. 69).

1864 г. Апрель. «Время от времени в различных округах слышатся жалобы на недостаток рабочих, в особенности в некоторых отраслях, напр. в ткацком деле... но эти жалобы являются результатом как той ничтожной платы, которую в состоянии заработать теперь рабочие вследствие употребления плохих сортов пряжи, так и некоторого действительного недостатка рабочих в этой специальной отрасли. В прошлом месяце происходили многочисленные столкновения между известными фабрикантами и их рабочими из-за заработной платы. Я сожалею, что стачки стали происходить слишком часто... Влияние Public Works Act [Акта об общественных работах] фабриканты рассматривают как конкуренцию; и местный комитет в Бэйкапе приостановил свою деятельность, так как хотя еще не все фабрики в ходу, тем не менее обнаружился недостаток в рабочих» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», стр. 9, 10). И, в самом деле, пора было господам фабрикантам взяться за ум. Благодаря Public Works Act [Акту об общественных работах] спрос настолько возрос, что в каменоломнях Бэйкапа некоторые фабричные рабочие зарабатывали 4—5 шилл. в день. И потому мало-по-малу были приостановлены общественные работы — это новое издание Ateliers nationaux [национальных мастерских] 1848 г., устроенных, однако, на этот раз в интересах буржуазии.

Эксперименты in corpore vili [на теле, не имеющем ценности].

«Хотя я привел здесь сильно пониженную заработную плату (рабочих, занятых полное время), составляющую действительный заработок рабочих на различных фабриках, но отсюда еще отнюдь не следует, что рабочие из недели в неделю зарабатывают одну и ту же сумму. Здесь имеют место сильные колебания вследствие того, что фабриканты на одних и тех же фабриках производят постоянные эксперименты с различными сортами хлопка и с различными комбинациями хлопка и угаров; эти «смески», как их называют, часто меняются, и заработок рабочего повышается или падает в зависи-

мости от качества хлопковой смеси. В некоторых случаях заработок составляет лишь 15% прежней величины и за какие-нибудь одну-две недели падает на 50 или 60%». Инспектор Редгрейв, которого мы здесь цитируем, приводит взятые из практики данные о заработной плате, из которых здесь будет достаточно привести следующие примеры:

A, ткач, семья из 6 лиц, занят 4 дня в неделю, 6 шилл. 8 $\frac{1}{2}$ пенса; *B*, присучальщик, 4 $\frac{1}{2}$ дня в неделю, 6 шилл.; *C*, ткач, семья из 4 лиц, 5 дней в неделю, 5 шилл. 1 пенс; *D*, тростильщик, семья из 6 лиц, 4 дня в неделю, 7 шилл. 10 пенсов; *E*, ткач, семья из 7 лиц, 3 дня в неделю, 5 шилл., и т. д. Редгрейв продолжает: «Эти данные заслуживают внимания, так как они показывают, что для некоторых семей работа была бы несчастьем, потому что она понизила бы заработок до таких размеров, при которых было бы возможно удовлетворить лишь ничтожную часть абсолютно необходимых потребностей, если бы не выдавалось добавочного вспомоществования в тех случаях, когда заработок семьи не достигает той суммы, которую она получала бы в качестве вспомоществования, если бы вовсе не имела работы» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 50—53).

«Начиная с 5 июня 1863 г., не было ни одной недели, в течение которой среднее рабочее время всех рабочих продолжалось бы более двух дней 7 часов с несколькими минутами» (там же, стр. 121).

С начала кризиса до 25 марта 1863 г. было выдано почти три миллиона фунтов стерлингов ведомствами призрения бедных, центральным комитетом вспомоществования и лондонским муниципальным комитетом (там же, стр. 13).

«В одном округе, где выпрядаются наиболее тонкие номера пряжи... прядильщики подверглись косвенному понижению заработной платы на 15% вследствие перехода от Sea island к египетскому хлопку... В одном обширном округе, где хлопковые угары массами применяются для смешивания с индийским хлопком, прядильщики получили понижение заработной платы на 5% и, кроме того, потеряли еще 20—30% вследствие переработки сурата и угаров. Ткачи, управлявшие прежде четырьмя станками, спустились теперь до двух. В 1860 г. на каждом станке они вырабатывали 5 шилл. 7 пенсов, в 1863 г. только 3 шилл. 4 пенса... Денежные штрафы, которые раньше, при употреблении американского хлопка, вариировали от 3 до 6 пенсов (для прядильщика), достигают теперь 1 шилл.—3 шилл. 6 пенсов». В одном округе, где египетский хлопок применялся в смеси с ост-индским, «средняя заработная плата прядильщика на мюле была в 1860 г. 18—25 шилл., а теперь от

10 до 18 шилл. Причина этого состоит не исключительно в ухудшении хлопка, но также в уменьшении быстроты движения мяля с целью сообщить пряже более сильное кручение, за что в обычное время уплачивается, согласно условию, добавочное вознаграждение» (стр. 43, 44, 45—50). «Хотя переработка ост-индского хлопка, быть может, и принесла в том или ином случае выгоду фабрикантам, но мы видим зато (см. расценочный лист, стр. 53), что должны были вытерпеть вследствие этого рабочие по сравнению с 1861 г. Если упрочится применение сурата, то рабочие потребуют такого же заработка, как в 1861 г.; но в этом случае будет серьезно затронута прибыль фабрикантов, раз это влияние не будет компенсировано изменением цены хлопка или фабрикатов» (стр. 105).

Плата за наем квартиры. «Квартирная плата, уплачиваемая рабочими в тех случаях, когда рабочие живут в коттеджах, принадлежащих фабриканту, часто вычитается последним из заработной платы, хотя бы работы и производились неполное время. Тем не менее стоимость этого рода строений упала, и домики сдаются теперь на 25—50% дешевле, чем раньше; коттедж, который стоил 3 шилл. 6 пенсов в неделю, можно нанять теперь за 2 шилл. 4 пенса, а порой и еще дешевле» (стр. 57).

Эмиграция. Фабриканты были, конечно, против эмиграции рабочих, так как, с одной стороны, «в ожидании лучших времен для хлопчатобумажной промышленности они стремились удержать у себя под рукой средства вести свои фабрики наиболее выгодным способом». Кроме того, «многие фабриканты — собственники домов, в которых живут занятые ими рабочие, и по крайней мере некоторые из них безусловно рассчитывают получить впоследствии хоть часть той наемной платы за квартиры, которую задолжали им рабочие» (стр. 96).

Г-н Берноль Осборн в одной из речей к своим избирателям в парламент 22 октября 1864 г. сказал, что рабочие Ланкашира держали себя, как античные философы (стойки). Не как бараны ли?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ДОБАВЛЕНИЯ.

Допустим, как это мы вообще делаем в настоящем отделе, что масса прибыли, присваиваемая в каждой отдельной сфере производства, равна сумме прибавочной стоимости, производимой всем капиталом, вложенным в эту сферу. Даже и в этом случае буржуа не будет представлять себе прибыль как нечто тождественное прибавочной стоимости, т. е. неоплаченному прибавочному труду, и не будет по следующим причинам:

1) В процессе обращения он забывает процесс производства. Реализация стоимости товаров, — включающая и реализацию заключающейся в них прибавочной стоимости, — ему представляется созиданием прибавочной стоимости. {Здесь в рукописи оставлен пропуск, указывающий на то, что Маркс намеревался более подробно развить этот пункт. — Ф. Э.}

2) Если предположить, что степень эксплуатации труда остается неизменной, то, как мы уже видели, независимо от всех модификаций, вызываемых кредитной системой, независимо от взаимного обмана и взаимного надувательства капиталистов и усилий каждого выиграть за счет другого, независимо, далее, от всякого удачного выбора рынка, норма прибыли может быть весьма различной в зависимости от большей или меньшей дешевизны сырья, от большего или меньшего умения его закупить; в зависимости от того, насколько производительны, целесообразны и дешевы применяемые машины; в зависимости от того, более или менее совершенна общая организация различных ступеней производственного процесса, насколько устранено расточение сырья, насколько просто и целесообразно организовано управление и надзор и т. п. Коротко говоря, если дана прибавочная стоимость для определенного переменного капитала, то одна и та же прибавочная стоимость может выражаться в более высокой и более низкой норме прибыли, следовательно может доставлять большую или меньшую массу прибыли в зависимости от индивидуальных деловых способностей самого капиталиста или его надсмотрщиков и приказчиков. Пусть одна и та же прибавочная стоимость в 1000 ф. ст.,

продукт 1 000 ф. ст. заработной платы, в предприятии *A* приходится на 9 000 ф. ст., а в другом предприятии *B* на 11 000 ф. ст. постоянного капитала. В случае *A* мы имеем $p' = \frac{1\ 000}{10\ 000} = 10\%$. В случае *B* мы имеем $p' = \frac{1\ 000}{12\ 000} = 8\frac{1}{3}\%$. Весь капитал производит в *A* сравнительно больше прибыли, чем в *B*, так как здесь норма прибыли выше, чем там, хотя в обоих случаях авансированный переменный капитал = 1 000 и извлеченная из него прибавочная стоимость также = 1 000, следовательно в обоих случаях имеет место одинаковая эксплуатация одинакового числа рабочих. Это различное выражение одной и той же массы прибавочной стоимости, или различие норм прибыли, а следовательно и величины самой прибыли при одинаковой эксплуатации труда, может происходить и из других источников; но оно может также вытекать всецело и исключительно из различия в той умелости, с какой ведутся оба предприятия. И это обстоятельство вызывает в капиталисте иллюзию, убеждает его в том, что его прибыль обязана своим существованием не эксплуатации труда, но по крайней мере отчасти и другим, независимым от этого обстоятельствам, в особенности его индивидуальной деятельности.

Из всего изложенного в этом первом отделе видна ошибочность того взгляда (Родбертус), согласно которому (в отличие от земельной ренты, где, напр., площадь земли остается неизменной, в то время как рента растет) изменение величины капитала не оказывает влияния на отношения между прибылью и капиталом, а следовательно и на норму прибыли, так как в том случае, когда растет масса прибыли, растет и масса капитала, на которую она исчисляется, и наоборот.

Это справедливо только в двух случаях. Во-первых, тогда, когда при равенстве всех прочих обстоятельств, а следовательно прежде всего нормы прибавочной стоимости, наступает изменение стоимости товара, являющегося денежным товаром. (То же самое имеет место при исключительно номинальном изменении стоимости, повышении или падении знаков стоимости при прочих равных условиях.) Пусть весь капитал равен 100 ф. ст., прибыль = 20 ф. ст., следовательно норма прибыли = 20%. Если стоимость золота понижается или повышается вдвое, то в первом случае тот же самый капитал, который раньше стоил 100 ф. ст., теперь стоит 200 ф. ст., и прибыль будет иметь стоимость 40 ф. ст., т. е. будет выражаться в этой сумме

денег вместо прежних 20 ф. ст. Во втором случае стоимость капитала падает до 50 ф. ст., и прибыль выражается в продукте стоимостью в 10 ф. ст. Но в обоих случаях $200:40 = 50:10 = 100:20 = 20\%$. В действительности, однако, во всех этих случаях величина капитальной стоимости вовсе не изменяется, изменяется только денежное выражение одной и той же стоимости и одной и той же прибавочной стоимости. Это не оказывает никакого влияния и на отношение $\frac{m}{K}$, или норму прибыли.

Другой случай — тот, когда имеет место действительное изменение величины стоимости, но изменение это не сопровождается изменением отношения $v:c$, т. е. когда при постоянной норме прибавочной стоимости отношение капитала, затраченного на рабочую силу (причем переменный капитал рассматривается как показатель приведенной в движение рабочей силы), к капиталу, затраченному на средства производства, остается прежним. При этих условиях, если мы имеем K , или nK , или $\frac{K}{n}$, напр. 1 000, или 2 000, или 500, прибыль при норме прибыли в 20% будет в первом случае = 200, во втором = 400, в третьем = 100, но $\frac{200}{1\,000} = \frac{400}{2\,000} = \frac{100}{500} = 20\%$. Другими словами, норма прибыли остается здесь неизменной, так как строение капитала остается прежним и не затрагивается изменением его величины. Поэтому увеличение или уменьшение массы прибыли является здесь лишь показателем увеличения или уменьшения величины применяемого капитала.

Итак, в первом случае имеет место лишь кажущееся изменение величины применяемого капитала, во втором случае происходит действительное изменение величины, но при неизменном органическом строении капитала, при неизменном отношении его переменной части к постоянной. Но, за исключением обоих этих случаев, изменение величины применяемого капитала является или *следствием* предшествующего изменения стоимости одной из его составных частей — и потому (поскольку изменение переменного капитала не сопровождается изменением самой прибавочной стоимости) следствием изменения относительной величины его составных частей, — или же это изменение величины капитала (как при работах в расширенном масштабе, при введении новых машин и т. п.) есть *причина* изменения относительной величины его обеих органических составных частей. Поэтому во всех этих случаях при прочих равных условиях изменение величины применяемого капитала должно сопровождаться одновременным изменением нормы прибыли.

Увеличение нормы прибыли всегда происходит вследствие того, что прибавочная стоимость увеличивается относительно или абсолютно по сравнению с издержками ее производства, т. е. с размерами всего авансированного капитала; другими словами, вследствие того, что разница между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости уменьшается.

Колебания нормы прибыли, независимые от изменений органических составных частей капитала или от его абсолютной величины, возможны в том случае, если стоимость авансированного капитала, в какой бы форме — основной или оборотной — он ни являлся, повышается или понижается вследствие независимого от существующего уже капитала увеличения или уменьшения рабочего времени, необходимого для его воспроизводства. Стоимость всякого товара, — а следовательно и товаров, из которых состоит капитал, — определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нем самом, а рабочим временем, *общественно* необходимым для его воспроизводства. Это воспроизводство может происходить при улучшающихся или ухудшающихся условиях, при условиях, отличных по сравнению с условиями первоначального производства. Пусть при изменившихся условиях требуется, вообще говоря, вдвое больше или, наоборот, вдвое меньше рабочего времени, чтобы воспроизвести тот же по своему вещному содержанию капитал; тогда, при неизменной стоимости денег, капитал, стоивший раньше 100 ф. ст., теперь будет стоить 200 ф. ст. или соответственно 50 ф. ст. Если бы это повышение стоимости или, наоборот, обесценение затрагивало все части капитала в равной степени, то и прибыль соответственно с этим выразилась бы в двойной или вдвое меньшей сумме денег. Если же оно сопровождается изменением органического строения капитала, повышением или понижением отношения переменной части капитала к постоянной, то при прочих равных условиях норма прибыли будет расти при относительном возрастании, будет падать при относительном уменьшении переменного капитала. Если же повышается или понижается только денежная стоимость (вследствие изменения стоимости денег) авансированного капитала, то в том же отношении повышается или понижается денежное выражение прибавочной стоимости. Норма прибыли остается неизменной.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБЫЛИ В СРЕДНЮЮ ПРИБЫЛЬ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

РАЗЛИЧНОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛОВ В РАЗНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОИЗВОДСТВА И ВЫТЕКАЮЩИЕ ОТСЮДА РАЗЛИЧИЯ В НОРМАХ ПРИБЫЛИ.

В предыдущем отделе было, между прочим, показано, каким образом норма прибыли может изменяться — повышаться или понижаться — при неизменной норме прибавочной стоимости. В этой главе предполагается, что степень эксплуатации труда, а следовательно норма прибавочной стоимости и длина рабочего дня, имеет одинаковую величину, стоит на одинаковом уровне во всех сферах производства, на которые распадается общественный труд данной страны. Что касается значительных различий в эксплуатации труда в разных сферах производства, то уже А. Смит обстоятельно показал, что они уравниваются всякого рода действительными или основанными на предрассудке компенсирующими обстоятельствами, и, следовательно, различия эти, как только кажущиеся и преходящие, не должны приниматься в расчет при исследовании общих соотношений. Другие различия, напр. в высоте заработной платы, покоятся главным образом на указанном уже в начале книги I, стр. 11 [русск. перев. стр. 51], различии между простым и сложным трудом, причем, хотя они и делают жребий рабочих в различных сферах производства далеко не одинаковым, однако несколько не затрагивают степени эксплуатации труда в этих различных сферах. Если, напр., труд золотых дел мастера оплачивается дороже, чем труд поденщика, то прибавочный труд золотых дел мастера производит по сравнению с прибавочным трудом поденщика пропорционально больше прибавочной стоимости. И если уравнение заработных плат и рабочих дней, а следовательно и нормы прибавочной стоимости в различных сферах производства и даже между различными вложениями капитала в одной и той же сфере производства, задерживается многочисленными местными препятствиями, то с прогрессом капиталистического производства и по мере подчинения этому способу производ-

ства всех экономических отношений это уравнение осуществляется все более и более полно. Как ни важно изучение подобного рода трений для каждой специальной работы о заработной плате, в общем исследовании капиталистического производства ими можно пренебречь как случайными и несущественными. В таком общем исследовании вообще всегда предполагается, что действительные отношения соответствуют своему понятию или, что то же самое, что действительные отношения изображаются лишь постольку, поскольку они выражают свой собственный общий тип.

Различия норм прибавочной стоимости в различных странах, т. е. национальные различия в степени эксплуатации труда, для настоящего исследования не имеют значения. Ведь в этом отделе мы как раз хотим показать, каким путем образуется известная общая норма прибыли в пределах каждой отдельной страны. В самом деле, очевидно, что при сравнении различных национальных норм прибыли придется только сопоставить то, что было исследовано нами раньше, с тем, что предстоит исследовать теперь. Сначала пришлось бы рассмотреть различие национальных норм прибавочной стоимости, а затем, на основе этих данных норм прибавочной стоимости, сравнить различные национальные нормы прибыли. Поскольку различие их не вытекает из различия национальных норм прибавочной стоимости оно, очевидно, вытекает из условий, при которых, как и в нашем исследовании в настоящей главе, прибавочная стоимость предполагается везде одинаковой, постоянной.

В предыдущей главе было показано, что при неизменной норме прибавочной стоимости норма прибыли, доставляемая определенным капиталом, может повышаться или понижаться в зависимости от обстоятельств, которые повышают или понижают стоимость той или другой части постоянного капитала и, следовательно, вообще изменяют соотношение между постоянною и переменною составными частями капитала. Далее было отмечено, что обстоятельства, удлиняющие или сокращающие время оборота капитала, могут оказывать аналогичное влияние на норму прибыли. Так как масса прибыли тождественна с массой прибавочной стоимости, с самой прибавочной стоимостью, то нами было также обнаружено, что *масса* прибыли — в отличие от *нормы* прибыли — не затрагивается вышеупомянутыми колебаниями стоимости. Они модифицируют только норму, в которой выражается данная прибавочная стоимость, а следовательно и прибыль данной величины, т. е. модифицируют лишь относительную величину прибыли, ее величину по сравнению с величиной авансированного капитала. Правда, поскольку вследствие этих колебаний

стоимости происходит связывание или высвобождение капитала, таким косвенным путем может быть затронута не только норма прибыли, но и сама прибыль. Однако это, как мы видели, касается лишь капитала, уже функционирующего, а не новых вложений капитала; и, кроме того, увеличение или уменьшение самой прибыли всегда зависит от того, насколько больше или меньше труда, вследствие указанных колебаний стоимости, может быть приведено в движение тем же самым капиталом; другими словами, от того, насколько большую или меньшую массу прибавочной стоимости — при неизменной норме прибавочной стоимости — может произвести один и тот же капитал. Таким образом это кажущееся исключение в действительности отнюдь не противоречит общему закону, не является исключением из него, а, напротив, представляет собою лишь особый случай применения общего закона.

В предыдущем отделе мы видели, что при неизменной степени эксплуатации труда изменение стоимости составных частей постоянного капитала, а также изменение периода оборота капитала, изменяет норму прибыли. Отсюда само собою вытекает, что нормы прибыли в различных, одновременно существующих одна возле другой, сферах производства будут различны, если капиталы, применяемые в различных отраслях производства, имеют при прочих равных условиях различные периоды оборота или различные по стоимости отношения между своими органическими составными частями. То, что раньше мы рассматривали как изменения, которые совершаются с одним и тем же капиталом последовательно во времени, теперь мы рассматриваем как одновременно существующие различия между вложениями капитала, сделанными одно рядом с другим в различные сферы производства.

Нам предстоит при этом исследовать: 1) различие в *органическом строении* капиталов, 2) различие в периоде их оборота.

Само собой понятно, что, если мы в этом исследовании говорим о строении или времени оборота капитала в определенной отрасли производства, мы всегда имеем в виду средние, нормальные отношения капитала, вложенного в данную отрасль производства; вообще речь здесь идет о средних отношениях для всего капитала данной сферы производства, а не о случайных различиях между отдельными капиталами, вложенными в эту сферу.

Так как, далее, предполагается, что норма прибавочной стоимости и рабочий день остаются неизменными, а это предположение включает в себя также неизменность заработной платы, то при этих условиях определенное количество переменного капитала выражает определенное количество приведенной в движение рабочей силы,

а следовательно определенное количество овеществленного труда. Если, напр., 100 ф. ст. выражают недельную заработную плату 100 рабочих, т. е. на деле 100 рабочих сил, то $100 \text{ ф. ст.} \times n$ выражают заработную плату $100 \times n$ рабочих, а $\frac{100 \text{ ф. ст.}}{n}$ заработную плату $\frac{100}{n}$ рабочих. Таким образом переменный капитал служит здесь (как и всегда при данной величине заработной платы) показателем массы труда, приводимого в движение всем капиталом определенной величины; следовательно, различия в величине применяемого переменного капитала служат показателями различия в массе применяемой рабочей силы. Если 100 ф. ст. представляют 100 рабочих в течение недели и, следовательно, при 60 часах недельного труда 6 000 рабочих часов, то 200 ф. ст. соответствуют 12 000, а 50 ф. ст. лишь 3 000 рабочих часов.

Под строением капитала мы понимаем, как уже указано в книге I, отношение между его активной и пассивной составной частью, между переменным и постоянным капиталом. При этом нашему рассмотрению подлежат два отношения, имеющие неодинаковую важность, хотя при известных обстоятельствах и производящие одинаковое действие.

Первое отношение основывается на техническом базисе и на известной ступени развития производительных сил может рассматриваться как данное. Требуется определенная масса рабочей силы, представленная определенным числом рабочих, чтобы произвести определенную массу продукта, напр. в течение одного дня, и, следовательно, — что уже при этом само собою разумеется, — привести в движение, потребить производительно определенную массу средств производства, машин, сырья и т. д. Определенное число рабочих приходится на определенное количество средств производства, следовательно определенное количество живого труда приходится на определенное количество труда, уже овеществленного в средствах производства. Отношение это очень различно в различных сферах производства, часто даже в различных разветвлениях одной и той же отрасли промышленности, хотя, с другой стороны, в очень отдаленных друг от друга отраслях промышленности оно случайно может быть совершенно или почти одинаковым.

Это отношение образует техническое строение капитала и является действительной основой его органического строения.

Возможен, однако, и такой случай: указанное отношение одинаково в различных отраслях промышленности, поскольку переменный капитал является простым показателем рабочей силы, а постоян-

ный капитал — простым показателем массы средств производства, приводимых в движение этой рабочей силой; так, напр., известные работы по меди и железу могут требовать одинакового отношения между рабочей силой и массой средств производства. Но так как медь дороже железа, то отношение между стоимостью переменного и постоянного капитала в обоих случаях будет различно, а вместе с тем будет различно и стоимостное строение обоих капиталов, взятых каждый в целом. Разница между техническим строением и стоимостным строением обнаруживается в каждой отрасли промышленности в том, что при неизменном техническом строении отношение стоимости обеих частей капитала может изменяться, и, наоборот, при изменении технического строения отношение стоимости их может оставаться неизменным; последнее имеет место, конечно, лишь в том случае, если изменение отношения между вложенной в дело массой средств производства и рабочей силой компенсируется противоположным изменением их стоимостей.

Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает это последнее, мы называем *органическим* строением капитала²⁰.

Итак, по отношению к переменному капиталу мы предполагаем, что он является показателем определенного количества рабочей силы, определенного числа рабочих или определенной массы приводимого в движение живого труда. В предыдущем отделе мы видели, что при некоторых условиях изменение величины стоимости переменного капитала может выражать только увеличение или уменьшение цены той же самой массы труда; но здесь, где норма прибавочной стоимости и рабочий день рассматриваются как величины постоянные, а заработная плата за определенное рабочее время — как величина данная, этот случай отпадает. Напротив, разница в величине постоянного капитала, правда, тоже может быть показателем изменения массы средств производства, приводимых в движение определенным количеством рабочей силы; но она может также вытекать из различия в стоимости средств производства, приводимых в движение в одной из сфер производства, по сравнению с другими сферами производства. Таким образом обе точки зрения подлежат здесь нашему рассмотрению.

²⁰ Вышеизложенное вкратце было уже развито в третьем издании первой книги, стр. 628 [в четвертом издании стр. 576, русск. перев. стр. 673], в начале гл. XXIII. Так как в первых двух изданиях этого места нет, повторение его здесь имело тем больше оснований. — Ф. Э.

Необходимо, наконец, отметить следующее существенное обстоятельство:

Пусть 100 ф. ст. представляют недельную заработную плату 100 рабочих. Пусть недельное рабочее время = 60 часам. Пусть, далее, норма прибавочной стоимости = 100%. В этом случае рабочие 30 часов из 60 работают на себя и 30 даром на капиталиста. В 100 ф. ст. заработной платы в действительности воплощено только 30 рабочих часов 100 рабочих, или всего 3 000 рабочих часов, в то время как остальные 3 000 часов, проводимых ими на работе, воплощены в 100 ф. ст. прибавочной стоимости, resp. [соответств.] прибыли, которую забирает себе капиталист. Таким образом, хотя заработная плата в 100 ф. ст. и не выражает той стоимости, в которой овецествляется недельный труд 100 рабочих, но все же она показывает (так как длина рабочего дня и норма прибавочной стоимости даны), что данный капитал приводит в движение 100 рабочих в продолжение в общей сложности 6 000 рабочих часов. Капитал в 100 ф. ст. показывает это, так как, во-первых, он показывает число приведенных в движение рабочих, потому что 1 ф. ст. = 1 рабочему в неделю, следовательно 100 ф. ст. = 100 рабочим; так как, во-вторых, каждый приводимый в движение рабочий при данной норме прибавочной стоимости в 100% совершает вдвое более труда, чем заключается в его заработной плате; следовательно, 1 ф. ст., его плата, выражение полунедельного труда, приводит в движение труд в течение целой недели, и равным образом 100 ф. ст., хотя они заключают в себе лишь труд 50 недель, приводят в движение труд в течение 100 рабочих недель. Поэтому необходимо проводить весьма существенное различие между переменным, затраченным на заработную плату, капиталом, поскольку его стоимость — сумма заработных плат — представляет определенное количество овецествленного труда, и тем же переменным капиталом, поскольку его стоимость есть простой показатель массы живого труда, приводимой им в движение. Эта последняя всегда больше, чем количество труда, заключающееся в переменном капитале, и выражается поэтому в стоимости большей, чем стоимость переменного капитала, в стоимости, которая, с одной стороны, определяется числом рабочих, приводимых в движение переменным капиталом, а с другой стороны, тем количеством прибавочного труда, которое они совершают.

Из этого способа рассмотрения переменного капитала вытекает следующее:

Пусть при вложении капитала в сфере производства A на каждые 700 единиц всего капитала расходуется только 100 единиц на пере-

менный и 600 на постоянный капитал, тогда как в сфере производства B — 600 на переменный и 100 на постоянный капитал. Тогда весь капитал A в 700 будет приводить в движение рабочую силу, равную всего 100, что, сохраняя прежние наши предположения, дает лишь 100 рабочих недель, или 6 000 часов живого труда; между тем равновеликий совокупный капитал B приводит в движение труд в 600 недель и, следовательно, 36 000 часов живого труда. Поэтому капитал в сфере A мог бы присвоить только 50 рабочих недель, или 3 000 часов прибавочного труда, тогда как равновеликий капитал в сфере B — 300 рабочих недель, или 18 000 часов. Переменный капитал есть показатель не только труда, заключающегося в нем самом, но, при данной норме прибавочной стоимости, вместе с тем и показатель приводимого им в движение труда избыточного, продолжающегося свыше этой меры, или прибавочного труда. При одинаковой степени эксплуатации труда прибыль в первом случае была бы $= \frac{100}{700} = 1/7 = 14\frac{2}{7}\%$, а во втором $= \frac{600}{700} = 85\frac{5}{7}\%$, т. е. в шесть раз большая норма прибыли. Но на деле в этом случае сама прибыль была бы в шесть раз больше, 600 для B против 100 для A , так как в шесть раз больше живого труда приводится в движение таким же самым капиталом, следовательно, при равной степени эксплуатации труда, производится в шесть раз больше прибавочной стоимости, а значит и в шесть раз больше прибыли.

Если бы в сфере A применялось не 700, а 7 000 ф. ст., а в сфере B только 700 ф. ст. капитала, то при неизменном органическом строении из 7 000 ф. ст. капитала A было бы применено в качестве переменного капитал 1 000 ф. ст., т. е. 1 000 рабочих в течение недели = 60 000 часов живого труда, в том числе 30 000 часов прибавочного труда. Но и теперь, как раньше, A по сравнению с B посредством каждых 700 ф. ст. приводило бы в движение в шесть раз меньше живого труда и, следовательно, в шесть раз меньше прибавочного труда, а потому и прибыли здесь получилось бы в шесть раз меньше. Если мы будем рассматривать норму прибыли, то получим для A $\frac{1\ 000}{7\ 000} = \frac{100}{700} = 14\frac{2}{7}\%$ по сравнению с $\frac{600}{700}$, или $85\frac{5}{7}\%$ для капитала B . Несмотря на равную величину капиталов, нормы прибыли здесь различны, так как при равной норме прибавочной стоимости различны массы произведенной прибавочной стоимости, а значит и прибыли, вследствие того, что приведены в движение неодинаковые массы живого труда.

Фактически тот же самый результат получается в том случае, если технические отношения в одной сфере производства те же самые,

что и в другой, но стоимость применяемых элементов постоянного капитала больше или меньше. Допустим, что обе сферы применяют по 100 ф. ст. переменного капитала, следовательно в обоих случаях требуется 100 рабочих в неделю, чтобы привести в движение одно и то же количество машин и сырья, но последние в *B* дороже, чем в *A*. Тогда на 100 ф. ст. переменного капитала приходится постоянного в сфере *A*, напр., 200 ф. ст. и в сфере *B* — 400 ф. ст. При норме прибавочной стоимости в 100% произведенная прибавочная стоимость в обоих случаях равна 100 ф. ст., следовательно и прибыль в обоих случаях равна 100 ф. ст. Но в сфере *A* мы имеем $\frac{100}{200_c + 100_v} = 1/3 = 33\frac{1}{3}\%$, тогда как в сфере *B* $\frac{100}{400_c + 100_v} = 1/5 = 20\%$. В самом деле, если мы в обоих случаях возьмем определенные кратные части всего капитала, то в сфере *B* из каждых 100 ф. ст. на долю переменного капитала приходится только 20 ф. ст., или $1/5$, тогда как в *A* из каждых 100 ф. ст. переменный капитал составляет $33\frac{1}{3}$ ф. ст., или $1/3$. *B* производит на каждые 100 ф. ст. меньше прибыли, так как приводит в движение меньше живого труда, чем *A*. Таким образом различие в нормах прибыли сводится здесь опять-таки к различию масс прибавочной стоимости, а потому и масс прибыли, производимых на каждые 100 единиц вложенного капитала.

Отличие этого второго примера от предыдущего заключается лишь в следующем: во втором случае уравнение между *A* и *B* потребовало бы только изменения стоимости постоянного капитала в *A* или в *B* при неизменном техническом базисе; напротив, в первом случае в двух сферах производства само техническое строение капитала различно и для уравнения должно было бы претерпеть преобразование.

Таким образом различное органическое строение капиталов не зависит от их абсолютной величины. Вопрос состоит всегда лишь в том, сколько из каждых 100 единиц капитала приходится на переменный и сколько на постоянный капитал.

Итак, капиталы различной в процентном отношении величины — или, что в данном случае сводится к тому же, капиталы одинаковой величины — производят при равном рабочем дне и равной степени эксплуатации труда весьма различные количества прибыли, так как они производят различные количества прибавочной стоимости; это вызывается именно тем, что вследствие различного органического строения капиталов в различных сферах производства различны их переменные части, следовательно различны количества приводимого ими в движение живого труда, а потому различны и количества

присваиваемого ими прибавочного труда — этой субстанции прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли. Равные по величине части всего капитала в различных сферах производства заключают в себе неравные по величине источники прибавочной стоимости, а ведь единственный источник прибавочной стоимости есть живой труд. При равной степени эксплуатации труда масса труда, приводимого в движение капиталом = 100, а следовательно и масса присваиваемого им прибавочного труда, зависит от величины его переменной составной части. Если бы капитал, процентное отношение составных частей которого $90_c + 10_w$, при равной степени эксплуатации труда производил столько же прибавочной стоимости, или прибыли, как и капитал, состоящий из $10_c + 90_w$, то было бы ясно, как день, что прибавочная стоимость, а следовательно и стоимость вообще, должна была бы иметь источник, совершенно отличный от труда, и вместе с тем отпала бы всякая рациональная основа у политической экономии. Допустим, как мы это делали раньше, что 1 ф. ст. есть недельная заработная плата одного рабочего за 60 рабочих часов и что норма прибавочной стоимости = 100%. Тогда очевидно, что вся вновь произведенная стоимость, которую один рабочий может доставить в течение недели, = 2 ф. ст.; таким образом при этом условии 10 рабочих не могли бы доставить более 20 ф. ст.; но из этих 20 ф. ст. 10 ф. ст. возмещают заработную плату; следовательно 10 рабочих не могут создать прибавочной стоимости большей, чем 10 ф. ст.; между тем 90 рабочих, весь продукт которых = 180 ф. ст., а заработная плата = 90 ф. ст., создали бы прибавочную стоимость в 90 ф. ст. Норма прибыли была бы таким образом в одном случае 10%, в другом 90%. Если бы дело обстояло иначе, стоимость и прибавочная стоимость должны были бы быть не овеществленным трудом, а чем-то иным. Таким образом, так как в различных сферах производства капиталы, выраженные в процентном соотношении своих составных частей, — или равновеликие капиталы, — неодинаково разделяются на постоянный и переменный элементы, приводят в движение неодинаковое количество живого труда и, следовательно, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, а потому и прибыли, то норма прибыли, которая как раз и состоит в процентном отношении прибавочной стоимости ко всему капиталу, у них различна.

Но если в различных сферах производства капиталы, выраженные в процентах, или капиталы равновеликие, производят неравные прибыли вследствие различий своего органического строения, то отсюда следует, что прибыли неравных капиталов в различных сфе-

рах производства не могут быть пропорциональны соответственным величинам этих капиталов, что, следовательно, прибыли в различных сферах производства не пропорциональны соответственным величинам вложенных в них капиталов. Потому что возрастание прибыли *pro rata* [соответственно] величине вложенного капитала предполагало бы, что в процентном выражении прибыль оказывается везде одинаковой, следовательно, что равновеликие капиталы в различных сферах производства имеют одинаковую норму прибыли независимо от их различного органического строения. Только в пределах одной и той же сферы производства, — там, следовательно, где органическое строение капитала дано, — или в различных сферах производства с одинаковым органическим строением капитала массы прибыли прямо пропорциональны массам вложенного капитала. Что прибыли неравных капиталов пропорциональны их величинам, означает вообще лишь одно, а именно, что равновеликие капиталы доставляют равновеликие прибыли, или что нормы прибыли для всех капиталов равны, какова бы ни была их величина и их органическое строение.

Все предыдущие рассуждения исходят из предположения, что товары продаются по их стоимостям. Стоимость товара равна стоимости заключающегося в нем постоянного капитала плюс стоимость воспроизведенного в нем переменного капитала, плюс приращение этого переменного капитала, произведенная прибавочная стоимость. При неизменной норме прибавочной стоимости масса ее зависит, очевидно, от массы переменного капитала. Пусть стоимость продукта, произведенного капиталом 100, в одном случае $= 90_c + 10_v + 10_m = 110$, в другом случае $= 10_c + 90_v + 90_m = 190$. Если товары продаются по их стоимости, то первый продукт продается за 110, из которых 10 представляют прибавочную стоимость, или неоплаченный труд, второй продукт продается за 190, из которых 90 — прибавочная стоимость, или неоплаченный труд.

Этот случай особенно важен, когда сравниваются между собой нормы прибыли в различных странах. Пусть в какой-либо европейской стране норма прибавочной стоимости $= 100\%$, т. е. рабочий половину дня работает на себя и половину дня на предпринимателя; пусть в какой-либо азиатской стране норма прибавочной стоимости $= 25\%$, т. е. рабочий $\frac{4}{5}$ дня работает на себя и $\frac{1}{5}$ на предпринимателя. Но допустим, что в европейской стране строение национального капитала $84_c + 16_v$, тогда как в азиатской стране, где применяется мало машин и т. п. и в течение данного периода данным количеством рабочей силы производительно потребляется сравнительно

мало сырья, строение пусть будет $16_c + 84_v$. Тогда мы получаем следующий расчет:

В европейской стране стоимость продукта $= 84_c + 16_v + 16_m = 116$;
 норма прибыли $= \frac{16}{100} = 16\%$.

В азиатской стране стоимость продукта $= 16_c + 84_v + 21_m = 121$;
 норма прибыли $= \frac{21}{100} = 21\%$.

Таким образом норма прибыли в азиатской стране более чем на 25% больше, чем в европейской, хотя норма прибавочной стоимости в ней в четыре раза меньше. Кэри, Бастиа и tutti quanti [все прочие в том же роде] сделали бы, конечно, как раз противоположный вывод.

Это между прочим. Различные национальные нормы прибыли в большинстве случаев вытекают из различных национальных норм прибавочной стоимости; но мы сравниваем в этой главе неодинаковые нормы прибыли, лишь поскольку они вытекают из одной и той же нормы прибавочной стоимости.

Кроме различного органического строения капиталов, следовательно кроме различия в массах труда, а значит при прочих равных условиях и прибавочного труда, приводимого в движение равными капиталами в различных сферах производства, существует еще один источник неравенства норм прибыли. Этот другой источник — различная продолжительность оборота капитала в разных сферах производства. В IV главе мы видели, что, при одинаковом строении капиталов и при прочих равных условиях, нормы прибыли обратно пропорциональны периодам оборота; мы видели также, что один и тот же переменный капитал, если он оборачивается в периоды различной продолжительности, создает неравные массы годовой прибавочной стоимости. Итак, различие времени оборота — вот другая причина, вследствие которой в разных сферах производства равные капиталы в равные промежутки времени производят неравную прибыль и вследствие которой нормы прибыли в этих различных сферах различны.

Что касается той пропорции, в которой капитал распадается на основной и оборотный, то это соотношение само по себе вовсе не затрагивает нормы прибыли. Оно может влиять на норму прибыли лишь в двух случаях: или тогда, когда это различие в соотношении между основным и оборотным капиталом совпадает с различием в соотношении между переменной и постоянной частью, следовательно, когда этому последнему различию, а не различию в соотношении оборотной и основной частей, обязана своим происхожде-

нием разница в норме прибыли; или же тогда, когда различие в соотношении между основной и оборотной составными частями обуславливает различие во времени оборота, в течение которого реализуется определенная прибыль. Если капиталы распадаются в различной пропорции на основной и оборотный, то это обстоятельство, правда, всегда будет оказывать влияние на время их оборота и вызывать различия в последнем; однако отсюда еще не следует, что будет различно время оборота, в течение которого одни и те же капиталы реализуют данную прибыль. Пусть, напр., A постоянно должен превращать большую часть продукта в сырье и т. п., тогда как B более продолжительное время применяет одни и те же машины и т. п. при меньшем количестве сырья; во всяком случае у обоих, поскольку они производят, постоянно занята часть капитала; у одного она вложена в сырье, т. е. в оборотный капитал, у другого — в машины и т. д., т. е. в основной капитал. A постоянно превращает часть своего капитала из товарной в денежную форму и из этой последней обратно в форму сырья; между тем B часть своего капитала более или менее продолжительное время употребляет как орудие труда без такого превращения. Если оба они применяют одинаковое количество труда, то хотя они продадут в течение года массы продуктов неодинаковой стоимости, но обе массы продуктов будут заключать в себе одинаковые количества прибавочной стоимости, и их нормы прибыли, исчисляемые на весь авансированный капитал, одинаковы, хотя в обоих случаях различна та пропорция, в какой каждый из этих капиталов распадается на основную и оборотную части, так же как различно и время их оборота. Оба капитала реализуют в равное время равные прибыли, хотя оборачиваются они в различные промежутки времени ²¹. Разница во времени оборота сама по себе имеет

²¹ {Как вытекает из главы IV, вышеизложенное справедливо лишь в том случае, если капиталы A и B имеют различное стоимостное строение и если их переменные составные части, выраженные в процентах, прямо пропорциональны времени их оборота, т. е. обратно пропорциональны количеству оборотов за данное время. Пусть процентное строение капитала $A = 20_c$ основного + 70_c оборотного, следовательно $90_c + 10_v = 100$. При норме прибавочной стоимости в 100% эти 10_v в течение одного оборота производят 10_m . Норма прибыли для одного оборота = 10%. Пусть, с другой стороны, капитал $B = 60_c$ основного + 20_c оборотного, следовательно $80_c + 20_v = 100$. Эти 20_v при той же норме прибавочной стоимости произведут в течение одного оборота 20_m ; норма прибыли для одного оборота равна 20%, т. е. вдвое больше по сравнению с A . Но если A оборачивается два раза в год, а B лишь один раз, то за год мы получаем для A также $10 \times 2 = 20_m$; таким образом годовая норма прибыли оказывается в обоих случаях одинаковой, а именно 20%. — Ф. Э. }

значение лишь постольку, поскольку она влияет на массу прибавочного труда, которая в течение данного времени может быть присвоена и реализована одним и тем же капиталом. Но если таким образом неодинаковое деление капитала на оборотный и основной не приводит с необходимостью к различию во времени оборота, которое, в свою очередь, обуславливает неравенство норм прибыли, то, очевидно, раз это последнее имеет место, оно обуславливается не самим по себе различным делением капитала на оборотный и основной, а, напротив, тем, что это деление капитала является в данном случае лишь показателем влияющего на норму прибыли различия во времени оборота.

Итак, различное деление постоянного капитала на оборотный и основной в разных отраслях промышленности само по себе не имеет значения для нормы прибыли, так как решающее влияние оказывает отношение переменного капитала к постоянному, причем стоимость постоянного капитала, а следовательно и его относительная величина по сравнению с переменным, не стоит ни в какой зависимости от основного или оборотного характера его составных частей. Совершенно справедливо, однако, — и это зачастую приводит к ложным выводам, — что там, где значительно развит основной капитал, это является выражением только того факта, что производство ведется в крупном масштабе и, следовательно, постоянный капитал сильно преобладает над переменным, другими словами, применяемая к делу живая рабочая сила незначительна по сравнению с массой средств производства, приводимых ею в движение.

Мы показали таким образом следующее: в разных отраслях промышленности господствуют различные нормы прибыли, соответствующие различию в органическом строении капиталов и, в известных пределах, — различиям времени оборота; поэтому даже при равной норме прибавочной стоимости только по отношению к капиталам одинакового органического строения, — при предположении, что периоды оборота равны, — сохраняет силу закон (в общей тенденции), что прибыли относятся между собой, как величины капиталов и, следовательно, равные капиталы в равные промежутки времени дают равные прибыли. Развитые нами соображения покоятся на базисе, который до сих пор был базисом всего нашего исследования, — что товары продаются по их стоимости. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что в действительности, если оставить в стороне несущественные случайные и взаимно уничтожающиеся различия, в разных отраслях промышленности не существует различия между средними нормами прибыли, да и не может существо-

вать его без разрушения всей системы капиталистического производства. Таким образом кажется, будто теорию стоимости нельзя согласовать с действительным процессом, нельзя согласовать с фактическими явлениями производства, и что поэтому приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние.

Из первого отдела этой книги вытекает, что издержки производства одинаковы для продуктов различных сфер производства, если на производство этих продуктов авансированы одинаковые по величине части капитала, как бы ни было различно органическое строение этих капиталов. В издержках производства для капиталиста исчезает различие между переменным и постоянным капиталом. Для него товар, на производство которого он должен затратить 100 ф. ст., стоит одинаково дорого, должен ли он затратить $90_{\text{с}} + 10_{\text{в}}$ или $10_{\text{с}} + 90_{\text{в}}$. Товар во всяком случае обходится ему в 100 ф. ст., не больше и не меньше. Издержки производства в различных сферах производства при равновеликих затратах капитала одни и те же, как бы ни были различны между собой произведенные стоимости и прибавочные стоимости. Это равенство издержек производства образует базис для конкуренции капиталовложений, путем которой устанавливается средняя прибыль.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ (СРЕДНЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ) И ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТЕЙ ТОВАРОВ В ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Органическое строение капитала зависит в каждый данный момент от двух обстоятельств: во-первых, от технического отношения между применяемой рабочей силой и массой применяемых средств производства; во-вторых, от цены этих средств производства. Его следует рассматривать, как мы видели, в его процентном отношении. Органическое строение капитала, состоящего на $\frac{4}{5}$ из постоянного и на $\frac{1}{5}$ из переменного капитала, мы выражаем формулой $80_c + 20_v$. Далее, при сравнении предполагается неизменная норма прибавочной стоимости, а именно, какая-либо произвольная норма, напр. 100%. Капитал, состоящий из $80_c + 20_v$, создает таким образом прибавочную стоимость в 20_m , что дает норму прибыли 20% на весь капитал. Величина действительной стоимости его продукта зависит от того, насколько велика основная часть постоянного капитала, и от того, много или мало из этой последней входит в стоимость продукта вследствие снашивания. Но так как это обстоятельство не имеет значения для нормы прибыли, а потому и для настоящего исследования, то ради простоты мы принимаем, что постоянный капитал везде одинаково входит целиком в годовой продукт рассматриваемых капиталов. Мы принимаем далее, что капиталы различных сфер производства реализуют ежегодно одинаковое по отношению к величине переменной их части количество прибавочной стоимости; следовательно, мы пока оставляем в стороне ту разницу, которую в этом соотношении может вызвать различие во времени оборота. Этот пункт мы рассмотрим позже.

Возьмем пять различных сфер производства с различным органическим строением вложенных в них капиталов. Пусть мы имеем:

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Норма прибыли
I. $80_c + 20_v$	100%	20	120	20%
II. $70_c + 30_v$	100%	30	130	30%
III. $60_c + 40_v$	100%	40	140	40%
IV. $85_c + 15_v$	100%	15	115	15%
V. $95_c + 5_v$	100%	5	105	5%

Мы получаем здесь для различных сфер производства при одинаковой эксплуатации труда очень различные нормы прибыли, соответственно различному органическому строению капиталов.

Общая сумма капиталов, вложенных в пять сфер, = 500; общая сумма произведенной ими прибавочной стоимости = 110; общая стоимость произведенных ими товаров = 610. Рассмотрим 500 как единый капитал, по отношению к которому подразделения I—V являются только отдельными частями (как, напр., это происходит в хлопчатобумажной фабрике, в различных отделах которой — кардном, приготовительном, прядильном, ткацком — существует различное отношение между постоянным и переменным капиталом, и среднее отношение для всей фабрики получается только путем вычисления). В этом случае среднее строение капитала 500 было бы = $390_c + 110_v$, или в процентах $78_c + 22_v$. Строение каждого из капиталов 100, рассматриваемого лишь как $\frac{1}{5}$ всего капитала, было бы этим средним строением $78_c + 22_v$; равным образом на каждые 100 приходилось бы 22 в качестве средней прибавочной стоимости; поэтому средняя норма прибыли была бы = 22%, и, наконец, цена каждой $\frac{1}{5}$ всего продукта, произведенного капиталом 500, равнялась бы 122. Продукт каждой пятой части всего авансированного капитала должен был бы таким образом продаваться за 122.

Однако, если мы не хотим притти к совершенно ложным выводам, мы не должны все издержки производства приравнять к 100.

При $80_c + 20_v$ и норме прибавочной стоимости = 100% вся стоимость товара, произведенного капиталом I = 100, была бы = $80_c + 20_v + 20_m = 120$, если бы весь постоянный капитал входил в годовой продукт. При определенных условиях это, конечно, может случиться в известных сферах производства. Однако едва ли это возможно там, где отношение $c:v = 4:1$. Таким образом, исследуя стоимости товаров, производимых каждым 100 единицами различных капиталов, надо принять во внимание, что стоимости эти могут быть различны в зависимости от различного деления c на основную и оборотную составные части и что основные составные части различных капиталов могут, в свою очередь, снашиваться медленнее или быстрее, следовательно в равные промежутки времени присоединять к продукту неравные количества стоимости. На норму прибыли это, однако, не оказывает влияния. Отдают ли 80_c годовому продукту стоимость, равную 80 или 50, или 5, будет ли поэтому годовой продукт = $80_c + 20_v + 20_m = 120$, или = $50_c + 20_v + 20_m = 90$, или

$5_c + 20_v + 20_m = 45$, безразлично; во всех этих случаях избыток стоимости продукта над его издержками производства $= 20$, и во всех этих случаях при установлении нормы прибыли эти 20 рассчитываются на капитал, равный 100; норма прибыли для капитала I таким образом во всяком случае $= 20\%$. Чтобы представить это еще отчетливее, мы в следующей таблице, относящейся к тем же пяти капиталам, что и раньше, принимаем, что в стоимость их продукта входят различные доли постоянного капитала.

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Норма прибыли	Снабживающие	Стоимость товаров	Издержки производства	
I. $80_c + 20_v$	100%	20	20%	50	90	70	
II. $70_c + 30_v$	100%	30	30%	51	111	81	
III. $60_c + 40_v$	100%	40	40%	51	131	91	
IV. $85_c + 15_v$	100%	15	15%	40	70	55	
V. $95_c + 5_v$	100%	5	5%	10	20	15	
$390_c + 110_v$	—	110	100%	—	—	—	Сумма
$78_c + 22_v$	—	22	22%	—	—	—	В среднем

Если мы капиталы I—V будем опять рассматривать как единый совокупный капитал, то мы увидим, что и в этом случае строение суммы пяти капиталов $= 500 = 390_c + 110_v$, следовательно среднее строение остается тем же самым $= 78_c + 22_v$, равным образом и средняя прибавочная стоимость $= 22\%$. Распределив эту прибавочную стоимость равномерно между капиталами I—V, мы получили бы следующие товарные цены:

Капиталы	Прибавочная стоимость	Стоимость товаров	Издержки производства товаров	Цена товаров	Норма прибыли	Отклонение цены от стоимости
I $80_c + 20_v$	20	90	70	92	22%	+ 2
II. $70_c + 30_v$	30	111	81	103	22%	— 8
III. $60_c + 40_v$	40	131	91	113	22%	— 18
IV. $85_c + 15_v$	15	70	55	77	22%	+ 7
V. $95_c + 5_v$	5	20	15	37	22%	+ 17

В общей сумме товары продаются на $2 + 7 + 17 = 26$ выше и на $8 + 18 = 26$ ниже стоимости, так что отклонения цен взаимно уничтожаются благодаря равномерному распределению прибавочной стои-

мости, т. е. благодаря присоединению к соответственным издержкам производства товаров средней прибыли в 22 на каждую сотню авансированного капитала; в том же самом отношении, в каком одна часть товаров продается выше, другая часть продается ниже ее стоимости. И только продажа их по таким ценам делает возможным, что норма прибыли во всех подразделениях I—V одинакова и равна 22%, несмотря на различное органическое строение капиталов I—V. Цены, возникающие таким образом, что из различных норм прибыли в различных сферах производства берется средняя и эта средняя присоединяется к издержкам производства в различных сферах производства, — такие цены суть *цены производства*. Предпосылкой их является существование одной общей нормы прибыли, а эта последняя предполагает, в свою очередь, что нормы прибыли в каждой отдельной сфере производства сами по себе уже сведены к такому же количеству средних норм. Эти особые нормы прибыли в каждой сфере производства = $\frac{m}{K}$ и должны быть выведены, как это и сделано в первом отделе настоящей книги, из стоимости товара. Без такого выведения общая норма прибыли (а следовательно и цена производства товара) была бы представлением, лишенным смысла и содержания. Цена производства товара равняется таким образом издержкам его производства плюс присоединенная к ним прибыль, исчисленная в процентах соответственно общей норме прибыли, другими словами: цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль.

Вследствие различного органического строения капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому вследствие того обстоятельства, что капиталы равной величины приводят в движение очень различные количества труда, равновеликими капиталами, в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины, присваиваются очень различные количества прибавочного труда или производятся очень различные массы прибавочной стоимости. Соответственно этому нормы прибыли, господствующие в различных отраслях производства, первоначально очень различны. Эти различные нормы прибыли уравниваются путем конкуренции в единую общую норму прибыли, представляющую собою среднее из этих различных норм прибыли. Прибыль, падающая согласно этой общей норме на капитал данной величины, каково бы ни было его органическое строение, называется средней прибылью. Цена товара, равная его издержкам производства плюс причитающаяся на его долю в соответствии с усло-

виями его оборота часть годовой средней прибыли на весь капитал, применяемый в производстве товара (а не только действительно потребленный на его производство), есть его цена производства. Возьмем для примера капитал в 500, в том числе 100 основного капитала, 10% которого снашивается в течение одного периода оборота, совершаемого оборотным капиталом в 400. Средняя прибыль в продолжение этого периода оборота пусть будет 10%. Тогда издержки производства продукта, изготовленного за время этого оборота, будут: 10_c на снашивание, плюс 400 (*c + v*) оборотного капитала = 410, и его цена производства: 410 издержек производства плюс (10% прибыли на 500) 50 = 460.

Таким образом, хотя капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают назад капитальные стоимости, затраченные на производство этих товаров, однако они реализуют не ту прибавочную стоимость, а следовательно и не ту прибыль, которая произведена в их собственной отрасли при производстве этих товаров, — они получают лишь столько прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, сколько, при равномерном распределении, ее приходится на каждую соответственную часть совокупного общественного капитала из всей прибавочной стоимости, или всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени всем этим общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых. Каждый авансированный капитал, каково бы ни было его строение, приносит в течение года или иного промежутка времени столько прибыли на 100, сколько ее за этот же промежуток времени приходится на каждую сотню всего капитала. Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу, как простые акционеры одного акционерного общества, в котором прибыль, приходящаяся на долю отдельных членов, распределяется равномерно на каждую сотню капитала; поэтому для различных капиталистов прибыли изменяются лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие, в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии, в зависимости от числа принадлежащих каждому акций. Итак, та часть товарной цены, которая возмещает части капитальной стоимости, потребленные в производстве товара, на которую, следовательно, эти потребленные капитальные стоимости снова должны быть закуплены, — эта часть, составляющая издержки производства, всецело определяется затратами, произведенными в пределах соответственной сферы производства. Напротив, другая составная часть товарной цены, присоединяемая к этим издержкам

производства, прибыль, определяется не массой прибыли, произведенной этим определенным капиталом в этой определенной сфере производства в течение данного времени, а той массой прибыли, которая за данный промежуток времени в среднем приходится на каждый вложенный в дело капитал, как определенную часть всего общественного капитала, вложенного во все производство в целом ²².

Таким образом, если капиталист продает свой товар по цене производства, то он выручает количество денег, соответствующее стоимости капитала, потребленного им в производстве, и извлекает прибыль, пропорциональную его авансированному капиталу, просто как определенной части всего общественного капитала. Издержки производства в каждой данной сфере производства носят специфический характер. Прибыль, присоединяемая к этим издержкам производства, не зависит от условий соответствующей особой сферы производства и есть простая средняя на каждую сотню авансированного капитала.

Допустим, что в предыдущем примере пять различных капиталов $I—V$ принадлежат одному лицу. Количество переменного и постоянного капитала, потребленное в производстве товаров на каждую сотню всего вложенного в дело капитала, здесь дано для каждого подразделения $I—V$, и эта часть стоимости товаров $I—V$, сама собой разумеется, должна образовать часть их цены, так как по меньшей мере эта цена необходима для возмещения авансированной и потребленной части капитала. Таким образом эти издержки производства различны для каждого рода товаров $I—V$ и как таковые должны быть различно фиксированы владельцем. Что же касается различных масс прибавочной стоимости, или прибыли, произведенных в подразделениях $I—V$, то капиталист имел бы все основания рассматривать их как прибыль на весь свой авансированный капитал, так что на каждую сотню капитала пришлась бы соответствующая часть всей этой прибыли. Таким образом издержки производства товаров, изготовленных в отдельных подразделениях $I—V$, были бы различны; но у всех этих товаров оказалась бы равной та часть продажной цены, которая составляется из присоединяемой к издержкам производства прибыли на каждую сотню капитала. Общая цена товаров $I—V$ равнялась бы таким образом общей их стоимости, т. е. сумме издержек производства $I—V$ плюс сумма прибавочной стоимости, или прибыли, произведенной в $I—V$; следовательно, на деле общая

²² *Cherbuliez* [«Riche ou pauvre». Paris—Genève 1840, стр. 116 и сл.].

их цена была бы денежным выражением совокупного количества труда как прошлого, так и вновь присоединенного, заключающегося в товарах I—V. И таким образом в самом обществе, — если рассматривать все отрасли производства как одно целое, — сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их стоимостей.

Кажется, будто этому положению противоречит тот факт, что в капиталистическом производстве элементы производительного капитала покупаются обыкновенно на рынке, следовательно цены их заключают уже реализованную прибыль, т. е. цену производства данной отрасли промышленности вместе с заключающейся в ней прибылью, так что прибыль одной отрасли промышленности входит в издержки производства другой. Но если мы подсчитаем, с одной стороны, сумму издержек производства товаров в целой стране, с другой стороны, — сумму производимой в ней прибыли, или прибавочной стоимости, то, очевидно, мы получим правильный итог. Возьмем, напр., товар *A*; пусть в издержки его производства входят прибыли от *B*, *C*, *D*, а в издержки производства *B*, *C*, *D*, в свою очередь, входит прибыль от *A*. Производя вышеуказанный подсчет, мы не будем прибыль от *A* причислять к его собственным издержкам производства, и точно так же прибыли от *B*, *C*, *D* и т. д. не войдут в их собственные издержки производства. Никто не причисляет своей собственной прибыли к издержкам своего производства. И, следовательно, если имеется всего, напр., *n* отраслей производства и если в каждой из них прибыль равна *p*, то издержки производства всех их вместе взятых = *k* — *np*. Рассматривая весь расчет в целом, мы находим таким образом, что прибыли одной сферы производства, поскольку они входят в издержки производства другой сферы, уже учитываются здесь как составная часть общей цены окончательного продукта и не могут снова появиться в графе прибылей. Если же они появляются в этой графе, то только потому, что данный товар сам есть окончательный продукт и, следовательно, его цена производства не входит в издержки производства какого-либо другого товара.

Если в издержки производства товара входит сумма = *p*, составляющая прибыль производителей средств производства, и если на эти издержки производства набавляется прибыль, равная *p*₁, то общая прибыль будет $P = p + p_1$. Общая сумма издержек производства товара, если не считать всех элементов цены, приходящихся на прибыль, равняется его собственным издержкам в данной сфере производства минус *P*. Если мы эти издержки производства назовем

k , то, очевидно, $k + P = k + p + p_1$. При исследовании прибавочной стоимости в книге I, гл. VII, 2, стр. 182 и сл. [русск. перев. стр. 242 и сл.], мы видели, что продукт каждого капитала можно рассматривать таким образом, как будто одна часть его только возмещает капитал, тогда как другая выражает лишь прибавочную стоимость. Применяя этот расчет ко всему продукту общества, необходимо сделать соответственные поправки, так как по отношению ко всему обществу в целом прибыль, заключающаяся, напр., в цене льна, не может фигурировать дважды: один раз — как часть цены полотна и другой раз — как прибыль производителя льна.

Между прибылью и прибавочной стоимостью не существует различия, поскольку, напр., прибавочная стоимость капиталиста A входит в постоянный капитал B . Ведь для стоимости товара совершенно безразлично, состоит ли заключающийся в ней труд из оплаченного или неоплаченного труда. Это показывает только, что B уплачивает прибавочную стоимость A . В общем итоге прибавочную стоимость A не следует считать два раза.

Но разница заключается в следующем. Мало того, что цена продукта, произведенного, напр., капиталом B , отклоняется от его стоимости, так как прибавочная стоимость, реализованная в B , может быть больше или меньше, чем прибыль, присоединенная к цене продуктов B ; но то же самое обстоятельство сохраняет свою силу и по отношению к товарам, которые образуют постоянную часть капитала B , а косвенно — в качестве жизненных средств рабочих — и переменную его часть. Что касается постоянной части, то она сама равна издержкам производства плюс прибавочная стоимость, т. е. в данном случае равна издержкам производства плюс прибыль, а эта прибыль, в свою очередь, может быть больше или меньше, чем та прибавочная стоимость, место которой она заступает. Что касается переменного капитала, то, хотя ежедневная заработная плата в среднем всегда равна новой стоимости, созданной в течение того количества часов, которое рабочий должен затратить для того, чтобы произвести необходимые жизненные средства, однако самое это количество часов фальсифицируется, в свою очередь, благодаря тому, что цены производства необходимых жизненных средств отклоняются от их стоимостей. Все это разрешается, однако, благодаря тому, что в один товар прибавочной стоимости входит на столько больше, на сколько ее недостает в другом, а следовательно отклонения от стоимости, заключающиеся в ценах производства товаров, взаимно уничтожаются. Вообще при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется весьма запутанным и приблизительным

образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний.

Так как общая норма прибыли образуется из средней различных норм прибыли на каждую сотню авансированного капитала за определенный период времени, скажем, за один год, то в ней погашается и то различие, которое создается различием времени оборота различных капиталов. Но эти различия являются определяющим моментом для различных норм прибыли тех разных сфер производства, средняя которых образует общую норму прибыли.

В предыдущей иллюстрации образования общей нормы прибыли каждый капитал каждой сферы производства был принят = 100, и это было сделано для того, чтобы выяснить процентную разницу в нормах прибыли, а следовательно и разницу в стоимости товаров, производимых капиталами одинаковой величины. Но, разумеется, в действительности массы прибавочной стоимости, создаваемые в каждой отдельной сфере производства, зависят, раз дано строение капитала в каждой из этих данных сфер производства, от вложенных в дело капиталов. Между тем особая норма прибыли каждой отдельной сферы производства не изменяется от того, применяется ли в данном случае капитал, равный 100, $m \times 100$ или $xm \times 100$. Норма прибыли одинаково составляет 10% как в том случае, когда вся прибыль составляет 10 : 100, так и в том случае, когда она составляет 1 000 : 10 000.

Но так как нормы прибыли в разных сферах производства различны вследствие того, что в этих последних, в зависимости от процентного отношения переменного капитала ко всему капиталу, производятся очень различные массы прибавочной стоимости, и, следовательно, очень различные массы прибыли, то, очевидно, средняя прибыль на сотню общественного капитала, т. е. средняя норма прибыли, или общая норма прибыли, будет весьма значительно изменяться в зависимости от соответственной величины капиталов, вложенных в разные сферы производства. Возьмем четыре капитала A, B, C, D . Пусть норма прибыли для всех них будет = 100%. Пусть, наконец, на каждую сотню всего капитала приходится переменного капитала в $A = 25$, в $B = 40$, в $C = 15$, в $D = 10$. Тогда прибавочная стоимость, или прибыль, на каждую сотню всего капитала составила бы для $A = 25$, для $B = 40$, для $C = 15$, для $D = 10$, всего = 90; следовательно, если все четыре капитала равновелики, средняя норма прибыли = $\frac{90}{4} = 22\frac{1}{2}\%$.

Но если общие величины капиталов будут: $A = 200$, $B = 300$, $C = 1\ 000$, $D = 4\ 000$, то произведенные прибыли составят соответ-

ственно 50, 120, 150 и 400. Всего на 5 500 капитала приходится 720 прибыли, т. е. средняя норма прибыли в $13\frac{1}{11}\%$.

Массы всей произведенной стоимости различны в зависимости от различия общих величин соответственных капиталов, авансированных в *A*, *B*, *C* и *D*. При образовании общей нормы прибыли дело идет таким образом не только о различии *норм* прибыли в разных сферах производства, из которых надлежало бы просто вывести среднюю арифметическую, но также и о том удельном весе, с которым эти различные нормы прибыли вступают в образование средней. Но это зависит от относительной величины капитала, вложенного в каждую отдельную сферу, т. е. от того, какую часть всего общественного капитала составляет капитал, вложенный в каждую отдельную сферу производства. Должна, конечно, получиться очень крупная разница в зависимости от того, большая или меньшая часть всего капитала дает большую или меньшую норму прибыли. А это зависит опять-таки от того, сколько капитала вложено в те отрасли производства, в которых отношение переменного капитала ко всему капиталу сравнительно высоко или низко. Здесь дело обстоит совершенно так же, как со средней ставкой процента, получаемого ростовщиком, ссужающим различные части своего капитала из различных процентов, напр. из 4, 5, 6, 7% и т. п. Средняя норма всецело зависит от того, какую часть своего капитала ростовщик ссудил по каждой из этих различных процентных норм.

Таким образом общая норма прибыли определяется двумя факторами:

1) органическим строением капиталов в разных сферах производства, следовательно различными нормами прибыли в отдельных сферах;

2) распределением всего общественного капитала между этими различными сферами, следовательно относительной величиной капитала, вложенного в каждую отдельную сферу и имеющего поэтому особую норму прибыли, т. е. той относительной частью массы всего общественного капитала, которая поглощается каждой отдельной сферой производства.

В книгах I и II мы имели дело только со *стоимостями* товаров. В настоящее время, с одной стороны, обособились *издержки производства* как часть этой стоимости, с другой стороны, развилась *цена производства* как превращенная форма стоимости товара.

Пусть среднее строение общественного капитала $80_c + 20_v$, и норма годовой прибавочной стоимости $m' = 100\%$, тогда средняя го-

довая прибыль для капитала в 100 будет $= 20$ и общая годовая норма прибыли $= 20\%$. Каковы бы ни были k , издержки производства товаров, произведенных в течение года капиталом 100, их цена производства была бы во всяком случае $= k + 20$. В сферах производства, где строение капитала $= (80 - x)_c + (20 + x)_v$, действительно произведенная прибавочная стоимость, или годовая прибыль, произведенная в данной сфере производства, была бы $= 20 + x$, т. е. больше, чем 20, и произведенная товарная стоимость была бы $= k + 20 + x$, больше, чем $k + 20$, или больше, чем цена производства. В сферах, где строение капитала $= (80 + x)_c + (20 - x)_v$, произведенная в течение года прибавочная стоимость, или прибыль, была бы $= 20 - x$, т. е. меньше, чем 20, и потому стоимость товара $k + 20 - x$ была бы меньше, чем цена производства, которая $= k + 20$. Если оставить в стороне возможные различия во времени оборота, цена производства товаров была бы равна их стоимости только в тех сферах, где строение капитала случайно $= 80_c + 20_v$.

Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой отдельной сфере производства различно по степени, выше или ниже, в зависимости от того, насколько велико количество средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда, или — при данном рабочем дне — определенным числом рабочих; другими словами, оно выше или ниже, в зависимости от того, насколько мало количество труда, требуемое определенным количеством средств производства. Поэтому капиталы, которые содержат больший процент постоянного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталами *высшего* строения. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем капиталами *низшего* строения. Наконец, капиталами среднего строения мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала. Если средний общественный капитал состоит в процентах из $80_c + 20_v$, то капитал $90_c + 10_v$ стоит *выше*, капитал $70_c + 30_v$ *ниже* общественной средней. Вообще при строении среднего общественного капитала, равно $m_c + n_v$, где m и n суть величины постоянные и $m + n = 100$, $(m + x)_c + (n - x)_v$ представляет высшее, $(m - x)_c + (n + x)_v$ — низшее строение отдельного капитала или группы капиталов. Каким образом функционируют эти капиталы по установлению средней нормы прибыли, при предположении, что все они оборачиваются один раз в год, — показывает следующая

таблица, где I обозначает среднее строение, а средняя норма прибыли поэтому = 20%.

I. $80_c + 20_v + 20_m$. Норма прибыли = 20%.

Цена продукта = 120. Стоимость = 120.

II. $90_c + 10_v + 10_m$. Норма прибыли = 20%.

Цена продукта = 120. Стоимость = 110.

III. $70_c + 30_v + 30_m$. Норма прибыли = 20%.

Цена продукта = 120. Стоимость = 130.

Таким образом для товаров, произведенных капиталом II, стоимость меньше, чем цена производства; для товаров, произведенных капиталом III, цена производства меньше, чем стоимость, и только для капитала I в отрасли производства, где строение капитала случайно совпадает со средним общественным строением, стоимость и цена производства равны. Впрочем, при приложении этих обозначений к определенным случаям необходимо, конечно, принимать в расчет, насколько сильно отклоняется отношение между c и v от среднего уровня не разницей в техническом строении, а простым изменением стоимости элементов постоянного капитала.

Рассуждения, развитые выше, несомненно модифицируют определение издержек производства товаров. Первоначально мы принимали, что издержки производства товара равны *стоимости* товаров, потребленных при его производстве. Но цена производства данного товара для покупателя последнего является его издержками производства и может таким образом войти в образование цены другого товара в качестве издержек производства. Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которых включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства. Не следует забывать об этом модифицированном значении издержек производства, не следует поэтому забывать, что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потребленных при их изготовлении средств производства. Для нашего настоящего исследования нет необходимости ближе входить в рассмотрение этого пункта. При этом во всяком случае остается справедливым положение, что издержки производства товаров всегда меньше их стоимости. В самом деле, как бы ни отклонялись издержки производства товара от стоимости потребленных им средств произ-

водства, для капиталиста эти прошлые погрешности не имеют никакого значения. Издержки производства товара есть данная, независимая от его, капиталиста, производства предпосылка, в то время как результат его производства есть товар, который содержит прибавочную стоимость, т. е. некоторый избыток стоимости по сравнению с издержками его производства. Впрочем, положение, что издержки производства меньше, чем стоимость товара, практически превратилось теперь в положение, что издержки производства меньше, чем цена производства. По отношению ко всему общественному капиталу, для которого цена производства равна стоимости, это положение тождественно с предыдущим, что издержки производства меньше, чем стоимость. Хотя для отдельных сфер производства оно имеет различный смысл, тем не менее в основе его всегда остается тот факт, что при рассмотрении всего общественного капитала издержки производства произведенных им товаров оказываются ниже, чем стоимость, или в данном случае для всей массы произведенных товаров, чем тождественная с этой стоимостью цена производства. Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нем оплаченного труда, стоимость — всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда, цена производства — сумме оплаченного труда плюс определенное количество неоплаченного труда, независимое от условий самой данной сферы производства.

Формула, согласно которой цена производства товара $= k + p$, т. е. равна издержкам производства плюс прибыль, теперь ближе определилась в том смысле, что $p = kp'$ (где p' общая норма прибыли) и, следовательно, цена производства $= k + kp'$. Если $k = 300$ и $p' = 15\%$, то цена производства $k + kp' = 300 + 300 \cdot \frac{15}{100} = 345$.

Цена производства товаров в каждой отдельной отрасли производства может изменяться по величине:

1) при неизменной стоимости товаров (т. е. при условии, что до и после изменения цены производства в производство товара входит одно и то же количество мертвого и живого труда) — вследствие такого изменения общей нормы прибыли, которое не зависит от данной сферы производства;

2) при неизменной общей норме прибыли — вследствие изменения стоимости как в самой данной сфере производства в результате технических перемен, так и вследствие изменения стоимости товаров, которые входят в постоянный капитал данной сферы производства в качестве образующих элементов;

3) наконец, — вследствие совместного влияния обоих этих обстоятельств.

Несмотря на крупные изменения, которым, — как будет показано дальше, — постоянно подвергаются фактические нормы прибыли в отдельных сферах производства, действительное изменение общей нормы прибыли, поскольку оно не вызывается какими-либо исключительными чрезвычайными экономическими событиями, есть очень поздний результат целого ряда колебаний, охватывающих очень продолжительные периоды, т. е. колебаний, требующих много времени для того, чтобы консолидироваться и выравняться, порождая тем самым изменение общей нормы прибыли. Поэтому при рассмотрении сравнительно коротких периодов (колебания рыночных цен мы совершенно оставляем в стороне) изменения цен производства всегда следует объяснять *prima facie* [в первую очередь] действительным изменением стоимости товаров, т. е. изменением общей суммы рабочего времени, необходимого для их производства. Простое изменение денежного выражения одних и тех же стоимостей здесь, разумеется, вовсе не принимается во внимание ²³.

С другой стороны, очевидно, что если рассматривать весь общественный капитал в целом, то сумма стоимости произведенных им товаров (или, в денежном выражении, их цена) будет = стоимости постоянного капитала + стоимость переменного капитала + прибавочная стоимость. Если степень эксплуатации труда принять за величину постоянную, то при неизменной массе прибавочной стоимости норма прибыли может изменяться здесь лишь при том условии, если изменяется стоимость постоянного капитала, если изменяется стоимость переменного капитала или если обе они вместе изменяются так, что изменяется K , а следовательно и $\frac{m}{K}$, общая норма прибыли. Следовательно, во всяком случае изменение общей нормы прибыли предполагает изменение в стоимости товаров, которые входят в качестве образующих элементов в постоянный капитал, в переменный капитал или одновременно в тот и другой.

Далее, общая норма прибыли может изменяться при неизменной стоимости товаров, раз изменяется степень эксплуатации труда.

Наконец, при неизменной степени эксплуатации труда общая норма прибыли может изменяться, если сумма прилагаемого труда относительно изменяется по сравнению с постоянным капиталом

²³ Corbet [«An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals». London 1841], стр. 174.

вследствие технических перемен в процессе труда. Но такие технические перемены всегда должны обнаруживаться в изменении стоимости товаров, а потому должны всегда сопровождаться изменением стоимости товаров, на производство которых теперь требуется больше или меньше труда, чем требовалось раньше.

В первом отделе мы видели, что прибавочная стоимость и прибыль тождественны, поскольку они рассматриваются со стороны их массы. Напротив, норма прибыли уже с самого начала оказывается отличной от нормы прибавочной стоимости, причем отличие это первоначально представляется лишь иной формой расчета; но так как норма прибыли может повышаться или понижаться при неизменной норме прибавочной стоимости и наоборот, и так как капиталиста практически интересует исключительно норма прибыли, то это обстоятельство опять-таки с самого начала совершенно затемняет и мистифицирует происхождение прибавочной стоимости. Тем не менее количественное различие было только между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли, а не между самой прибавочной стоимостью и прибылью. Так как в норме прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал и относится к этому последнему как к своей мере, то благодаря этому кажется, что сама прибавочная стоимость возникла из всего капитала, и притом равномерно из всех его частей, и таким образом органическое различие между постоянным и переменным капиталами погашается в понятии прибыли; действительно, здесь, в этом своем превращенном виде, в качестве прибыли, прибавочная стоимость сама отрицает свое происхождение, утрачивает свой характер, становится неузнаваемой. Однако до сих пор различие между прибылью и прибавочной стоимостью сводилось лишь к качественному изменению, к изменению формы, в то время как действительное количественное различие на этой первой ступени превращения существует лишь между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости, но еще не между прибылью и прибавочной стоимостью.

Иначе обстоит дело, когда установлена общая норма прибыли и при ее посредстве средняя прибыль, соответствующая величине применяемого капитала, величине, данной для различных отраслей производства.

Теперь только случайно прибавочная стоимость, а следовательно и прибыль, действительно произведенная в какой-либо особой отрасли производства, может совпасть с прибылью, заключающейся в продажной цене товара. Как общее правило, прибыль и прибавочная стоимость, а не только их нормы, являются действительно раз-

личными величинами. Теперь, при данной степени эксплуатации труда, масса прибавочной стоимости, произведенная в какой-либо отдельной сфере производства, оказывается важнее для совокупной средней прибыли общественного капитала, т. е. для класса капиталистов вообще, чем непосредственно для капиталистов в пределах каждой отдельной отрасли производства. Для последних ²⁴ она важна лишь постольку, поскольку количество прибавочной стоимости, произведенной в их отрасли производства, участвует как один из определяющих моментов в регулировании средней прибыли. Но это есть процесс, который протекает за спиной капиталиста, процесс, которого капиталист не видит, не понимает и которым он фактически не интересуется. Действительная разница в величине между прибылью и прибавочной стоимостью, — а не только между нормами прибыли и прибавочной стоимости, — в отдельных сферах производства совершенно скрывает теперь истинную природу и происхождение прибыли, и не только для капиталиста, который в данном случае имеет особый интерес обманываться, но и для рабочих. С превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости. Наконец, уже при простом превращении прибавочной стоимости в прибыль та часть стоимости товара, которая образует прибыль, противопоставляется другой части стоимости как издержкам производства, следовательно уже здесь понятие стоимости ускользает от капиталиста, потому что последний имеет перед собой не все количество труда, которого стоит производство товара, а лишь ту часть этого труда, которую он оплатил в форме живых или мертвых средств производства, и таким образом капиталисту прибыль представляется чем-то стоящим вне имманентной стоимости товара; при образовании цен производства это представление окончательно утверждается, упрочивается и закостеневаает, так как теперь, если рассматривать отдельную сферу производства, прибыль, надбавляемая к издержкам производства, действительно определяется не границами процесса образования стоимости, совершающегося в данной отрасли, а условиями, лежащими совершенно вне ее.

То обстоятельство, что эта внутренняя зависимость раскрыта здесь впервые; что политическая экономия, как будет показано в дальнейшем изложении и в книге IV, до сих пор или произвольно игнори-

²⁴ Само собой разумеется, мы совершенно отвлекаемся здесь от возможности получить временную добавочную прибыль путем понижения заработной платы, монопольных цен и т. п.

рвала различие между прибавочной стоимостью и прибылью, нормою прибавочной стоимости и нормою прибыли с тем, чтобы обеспечить себе возможность сохранить в качестве основного принципа определение стоимости, или же отказывалась от этого определения стоимости и вместе с ним от всякой почвы для научного отношения к вопросу, чтобы ухватиться за различия, лежащие на поверхности явлений и бросающиеся в глаза, — эта путаница, царящая среди теоретиков, лучше всего показывает, как капиталист, всецело захваченный конкурентной борьбой и отнюдь не проникающий за ее внешние проявления, как неспособен такой капиталист-практик распознать за обманчивой внешностью внутреннюю сущность и внутренний строй этого процесса.

Все законы повышения и понижения нормы прибыли, развитые в первом отделе, в действительности имеют следующее двоякое значение:

1) С одной стороны, это — законы общей нормы прибыли. При обилии различных причин, которые, согласно вышеизложенному, заставляют норму прибыли повышаться или понижаться, можно было бы думать, что общая норма прибыли ежедневно должна изменяться. Но движение в одной сфере производства уничтожается движением в других сферах производства; отдельные влияния перекрещиваются и взаимно парализуются. Впоследствии мы исследуем, в какую сторону в последнем счете стремятся эти колебания; но происходят они медленно; внезапность, многосторонность и различная продолжительность колебаний в отдельных сферах производства приводят к тому, что колебания отчасти компенсируются благодаря своему чередованию во времени, так что за повышением цен следует их понижение и наоборот; следовательно, колебания остаются местными, т. е. ограниченными определенной сферой производства; наконец, по этим же причинам различные местные колебания взаимно нейтрализуются. В пределах каждой отдельной сферы производства происходят изменения, отклонения от общей нормы прибыли, которые, с одной стороны, уравниваются в течение определенного периода времени и поэтому не влияют на общую норму прибыли и, с другой стороны, не могут влиять на нее, так как уничтожаются другими, одновременно происходящими местными колебаниями. Так как общая норма прибыли определяется не только средней нормой прибыли в каждой сфере, но также распределением всего капитала между отдельными сферами, и так как это распределение постоянно изменяется, то здесь мы снова имеем постоянно действующую причину изменения общей нормы прибыли, но такую причину изме-

нения, которая благодаря непрерывности* и всесторонности этого движения опять-таки в значительной степени парализует самое себя.

2) В пределах каждой сферы норма прибыли этой сферы имеет возможность колебаться в течение более или менее продолжительного периода, пока колебание это после ряда повышений и понижений не консолидируется настолько, чтобы иметь достаточно времени для воздействия на общую норму прибыли и, следовательно, для того, чтобы приобрести более чем местное значение. Поэтому в пределах таких пространственных и временных границ законы нормы прибыли, развитые в первом отделе этой книги, опять-таки сохраняют свою силу.

Теоретический взгляд, — относительно первого превращения прибавочной стоимости в прибыль, — что каждая часть капитала в равной мере производит прибыль²⁵, выражает практический факт. Промышленный капитал дает одинаковую прибыль, каково бы ни было его строение: приводит ли он в движение четверть мертвого труда и три четверти живого или три четверти мертвого и лишь одну четверть живого, впитывает ли в одном случае втрое больше прибавочного труда, или производит втрое больше прибавочной стоимости, чем в другом, — в обоих случаях прибыль будет одинакова, раз степень эксплуатации труда остается неизменной и раз мы отвлекаемся от индивидуальных различий, которые, впрочем, исчезают сами собой, так как в том и другом случае мы имеем перед собою лишь среднее строение для всей сферы производства. Отдельно взятый капиталист (или все капиталисты каждой особой сферы производства), взгляд которого ограничен, справедливо полагает, что его прибыль проистекает не только из труда, применяемого им или в его отрасли производства. Это совершенно верно, поскольку дело идет о средней прибыли отдельного капиталиста. Насколько же эта прибыль обуславливается общей эксплуатацией труда совокупным капиталом, т. е. всеми его сотоварищами-капиталистами, это является для него совершеннейшей мистерией, тем более, что сами теоретики буржуазии, экономисты, до сих пор не разоблачили этой тайны. Сбережение на труде — не только на труде, необходимом для производства определенного продукта, но и на числе занятых рабочих — и расширенное применение мертвого труда (постоян-

* [В оригинале «прерывистости» [Unterbrochenheit]. Исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*]

²⁵ *Malthus* [«Principles of Political Economy», изд. 2-е, London 1836, стр. 268].

ного капитала) представляется операцией, экономически совершенно рациональной и отнюдь не затрагивающей общей нормы прибыли и средней прибыли. Каким же образом живой труд может быть исключительным источником прибыли, если уменьшение количества труда, необходимого для производства, повидимому, не только не понижает прибыли, но при известных условиях представляется, напротив, ближайшим источником увеличения прибыли, по крайней мере для отдельного капиталиста?

Если в данной сфере производства повышается или понижается та часть издержек производства, которая представляет стоимость постоянного капитала, то эта часть выходит из сферы обращения и вступает в процесс производства товара уже с самого начала увеличенной или уменьшенной. Если, с другой стороны, данное число рабочих начинает производить в течение того же самого времени меньше или больше продукта, следовательно если при неизменном числе рабочих изменяется количество труда, необходимое для производства определенного количества товаров, то часть издержек производства, представляющая стоимость переменного капитала, может остаться неизменной, т. е. войти в тех же самых размерах в издержки производства всего продукта. Но на каждую единицу товаров, сумма которых составляет весь продукт, падает теперь больше или меньше труда (оплаченного, а значит и неоплаченного), следовательно также больше или меньше затрат на этот труд, т. е. большая или меньшая доля заработной платы. Вся выплаченная капиталистом заработная плата осталась той же самой, но она изменилась при расчете на штуку товара. Таким образом здесь имеет место изменение в этой части издержек производства товаров. Повысятся или понизятся издержки производства отдельного товара вследствие таких изменений стоимости его самого или его элементов (или же изменятся также издержки производства суммы товаров, производимых капиталом данной величины), — во всяком случае средняя прибыль, если она была 10%, так и останется 10%; хотя по отношению к отдельному товару 10% представляют весьма различную величину в зависимости от того, насколько изменилась величина издержек производства этого отдельного товара вследствие предположенного нами изменения стоимости ²⁶.

Что касается переменного капитала, — а это как раз самое важное, так как он есть источник прибавочной стоимости и так как

²⁶ Corbet [«An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals»]. London (1844, стр. 20).

все, скрывающее его действительную роль в обогащении капиталиста, мистифицирует всю систему, — то капиталисту дело представляется в грубо-упрощенном виде, а именно следующим образом: пусть переменный капитал в 100 ф. ст. представляет недельную заработную плату 100 рабочих. Если эти 100 рабочих при данном рабочем дне производят в неделю продукт в 200 штук товара = 200 T , то, отвлекаясь от той части издержек производства, которую присоединяет постоянный капитал, $1 T = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{200} = 10$ шилл., так как 100 ф. ст. = 200 T . Допустим теперь, что произошло изменение в производительной силе труда; пусть она удвоилась, так что прежнее число рабочих производит дважды по 200 T в течение того самого времени, в течение которого раньше производилось только 200 T . В этом случае (поскольку издержки производства складываются только из заработной платы) $1 T = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{400} = 5$ шилл., так как 100 ф. ст. = 400 T . Если бы, наоборот, производительная сила уменьшилась вдвое, то тот же самый труд произвел бы лишь $\frac{200 T}{2}$; и так как 100 ф. ст. = $\frac{200 T}{2}$, то $1 T$ теперь = $\frac{200 \text{ ф. ст.}}{200} = 1$ ф. ст. Изменение в рабочем времени, необходимом для производства товаров, а следовательно изменение стоимости товаров, представляется теперь по отношению к издержкам производства, а потому и к ценам производства, как иное распределение той же самой заработной платы на большее или меньшее число товаров, смотря по тому, больше или меньше товаров производится в течение того же самого рабочего времени за ту же самую заработную плату. Капиталист, а следовательно и экономист, видит лишь одно, — что с изменением производительности труда изменяется та часть оплаченного труда, которая падает на штуку товара, изменяется вместе с тем и стоимость каждой отдельной штуки; но он не видит, что то же самое имеет место и по отношению к неоплаченному труду, заключающемуся в каждой штуке товара, и он тем менее способен усмотреть это, что средняя прибыль действительно лишь случайно определяется неоплаченным трудом, поглощенным в ее собственной сфере. Только в такой грубой и бессодержательной форме проявляется теперь тот факт, что стоимость товаров определяется заключающимся в них трудом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

УРАВНЕНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ ПОСРЕДСТВОМ КОНКУРЕНЦИИ. РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ И РЫНОЧНЫЕ СТОИМОСТИ. ДОБАВОЧНАЯ ПРИБЫЛЬ.

Часть сфер производства имеет среднее строение капитала, т. е. строение их капитала вполне или приблизительно таково же, как строение среднего общественного капитала.

Цена производства товаров, производимых в этих сферах, вполне или приблизительно совпадает с их стоимостью, выраженной в деньгах. И если бы не было никакого иного способа достигнуть математического предела, то можно было бы воспользоваться этим. Конкуренция так распределяет общественный капитал между различными сферами производства, что цены производства в каждой сфере образуются по образцу цен производства в этих сферах среднего строения, т. е. $= k + kp'$ (издержки производства плюс произведение средней нормы прибыли на издержки производства). Но эта средняя норма прибыли есть не что иное, как вычисленная в процентах прибыль в указанной сфере производства среднего строения, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью. Таким образом норма прибыли во всех сферах производства одна и та же, а именно, выравненная по тем средним сферам производства, в которых господствует среднее строение капитала. Поэтому сумма прибыли всех различных сфер производства должна быть равна сумме прибавочной стоимости, и сумма цен производства всего общественного продукта должна быть равна сумме его стоимости. Но, очевидно, выравнивание сфер производства с различным строением капитала всегда должно стремиться уравнивать эти сферы с теми, где строение капитала среднее, совпадает ли это последнее вполне или только приблизительно с математической средней всего общественного капитала. В отраслях производства, в большей или меньшей степени приближающихся к средней, опять-таки наблюдается тенденция к уравнению, которая стремится к идеальному, т. е. в действительности не существующему, среднему уровню, другими словами, наблюдается тенденция приспособляться к этому идеальному

уровню как к норме. Итак, в этом отношении неизбежно господствует тенденция сделать цены производства просто превращенной формой стоимости или превратить прибыли в простые части прибавочной стоимости, которые, однако, распределяются не пропорционально прибавочной стоимости, произведенной в каждой отдельной сфере производства, а пропорционально массе капитала, применяемого в каждой сфере производства, так что на равновеликие массы капитала, каково бы ни было их органическое строение, приходится равные по величине доли (дробные части) всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом.

Таким образом для капиталов среднего или приблизительно среднего строения цена производства совпадает вполне или приблизительно со стоимостью, а прибыль — с произведенною ими прибавочной стоимостью. Все другие капиталы, каково бы ни было их строение, стремятся под давлением конкуренции уравниваться с капиталами среднего строения. Но так как капиталы среднего строения равны или приблизительно равны среднему общественному капиталу, то все капиталы, какова бы ни была произведенная ими самими прибавочная стоимость, стремятся вместо этой прибавочной стоимости реализовать в ценах своих товаров среднюю прибыль, т. е. стремятся реализовать цены производства.

С другой стороны, можно сказать, что везде, где образуется средняя прибыль, а следовательно и общая норма прибыли, — каким бы путем ни достигался этот результат, — эта средняя прибыль не может быть ничем иным, как только прибылью на средний общественный капитал, сумма которой равна сумме прибавочной стоимости, и что цены, получаемые путем надбавки этой средней прибыли к издержкам производства, не могут быть ничем иным, как только стоимостью, превращенной в цены производства. Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталы, вложенные в определенные сферы производства, по каким-либо причинам не подлежали процессу уравнивания. Средняя прибыль исчислялась бы тогда на ту часть общественного капитала, которая входит в процесс уравнивания. Очевидно, средняя прибыль не может быть ничем иным, как всей массой прибавочной стоимости, взятой в целом, распределенной в каждой сфере производства на массы вложенных в нее капиталов пропорционально их величинам. Это есть сумма реализованного неоплаченного труда, и вся эта масса неоплаченного труда, так же как и оплаченный мертвый и живой труд, получает выражение во всей массе товаров и денег, присваиваемых капиталистами.

Действительно трудным вопросом является здесь следующий:

каким образом происходит это уравнение прибылей в общую норму прибыли, раз оно, очевидно, есть результат и не может быть исходным пунктом.

Прежде всего очевидно, что оценка товарной стоимости, например в деньгах, может быть лишь результатом ее обмена и что, предположив такую оценку, мы должны рассматривать ее как результат действительного обмена товарной стоимости на товарную стоимость. Каким же образом может осуществиться этот обмен товаров по их действительным стоимостям?

Допустим сначала, что все товары в различных сферах производства продаются по их действительным стоимостям. Что произошло бы тогда? Согласно вышеизложенному, в этом случае в различных сферах производства господствовали бы очень различные нормы прибыли. Продаются ли товары по их стоимости (т. е. обмениваются ли они друг на друга пропорционально заключающейся в них стоимости по ценам, соответствующим их стоимости), или же они продаются по таким ценам, что продажа их доставляет одинаковые по величине прибыли на одинаковые массы соответственных капиталов, авансированных на их производство, — это вещи *prima facie* [прежде всего] совершенно различные.

То обстоятельство, что капиталы, приводящие в движение неодинаковое количество живого труда, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, предполагает, по крайней мере до известных пределов, что степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, везде одинакова, или что различия, существующие в этой области, уравниваются при помощи действительных или воображаемых (условных) оснований для компенсации. Это предполагает конкуренцию между рабочими и уравнение при помощи постоянных переходов их из одной отрасли производства в другую. Такая общая норма прибавочной стоимости, — в виде тенденции, как и все экономические законы, — была допущена нами в качестве теоретического упрощения; однако в действительности она является фактической предпосылкой капиталистического способа производства, хотя и тормозится в большей или меньшей степени практическими препятствиями, которые создают более или менее значительные местные различия, — таковы, напр., законы об оседлости (*settlement laws*) для английских земледельческих рабочих. Но в теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем более развит капиталистический способ производства, чем

менее он искажается и осложняется пережитками прежних экономических укладов.

Вся трудность получается благодаря тому, что товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие во всей массе прибавочной стоимости. И совокупная цена товаров, произведенных данным капиталом за данный промежуток времени, должна удовлетворить этому требованию. Но совокупная цена этих товаров есть просто сумма цен отдельных товаров, образующих продукт капитала.

Punctum saliens [решающий пункт] выступит всего ярче, если мы подойдем к вопросу следующим образом: — Пусть сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом. Эти товары не были бы тогда продуктами капитала. Стоимость средств труда и материалов труда, применяемых в различных отраслях труда, была бы различна в зависимости от технической природы различных работ. Равным образом, независимо от различной стоимости применяемых средств производства, потребовалась бы различная масса этих последних для данной массы труда, так как один известный товар может быть изготовлен в один час, другой — только в течение целого дня и т. д. Допустим далее, что эти рабочие в среднем работают одинаковое количество времени, причем принимаются в расчет те уравнивающие влияния, которые вытекают из различной интенсивности труда и т. д. Тогда оба рабочих в товарах, составляющих продукт их дневного труда, возместили бы прежде всего свои затраты, издержки на потребленные ими средства производства. Последние были бы различны в зависимости от технической природы их отраслей труда. Во-вторых, оба рабочих создали бы равные количества новой стоимости, а именно — стоимость, равную рабочему дню, присоединенному ими к средствам производства. Эта новая стоимость заключала бы в себе их заработную плату плюс прибавочная стоимость, прибавочный труд, продолжающийся за пределы необходимых потребностей, причем, однако, результаты прибавочного труда принадлежали бы самим рабочим. Выражаясь капиталистическим языком, оба рабочих получают равную заработную плату плюс равная прибыль и тем самым — стоимость, выраженную в продукте, напр., десятичасового рабочего дня. Но, во-первых, стоимости их товаров были бы различны. Пусть, напр., в товаре I на потребленные средства производства приходится большая часть стоимости, чем в товаре II, и, кроме того, для того, чтобы сразу принять во внимание все возможные различия,

допустим, что товар I впитывает больше живого труда, следовательно требует для своего изготовления более продолжительного рабочего времени, чем товар II. Таким образом стоимость этих товаров I и II очень различна. Равным образом различны и суммы товарных стоимостей, составляющих продукт труда, выполненного в течение данного времени рабочим I и рабочим II. Нормы прибыли для I и II будут также очень различны, если мы в данном случае назовем нормою прибыли отношение прибавочной стоимости ко всей стоимости затраченных средств производства. Жизненные средства, ежедневно потребляемые I и II рабочим в течение производства и представляющие заработную плату, образуют здесь ту часть авансированных средств производства, которую мы в других случаях называем переменным капиталом. Но прибавочные стоимости для I и II были бы за одинаковое рабочее время одинаковы; или, еще точнее, так как и I и II получают каждый стоимость продукта одного рабочего дня, то оба они за вычетом стоимости авансированных «постоянных» элементов получают равную стоимость, одну часть которой можно рассматривать как возмещение жизненных средств, потребленных при производстве, а другую — как остающуюся сверх того прибавочную стоимость. Если I сделал больше затрат, то последние требуют для своего возмещения, чтобы размеры той части стоимости его товара, которая возмещает эту «постоянную» часть, были больше, и потому он должен также большую часть всей стоимости своего продукта превратить обратно в вещественные элементы этой постоянной части, тогда как II, если и выручает за это меньше, то должен зато превращать меньшую часть стоимости в вещественные элементы постоянной части. Таким образом при этом предположении различие норм прибыли было бы безразличным обстоятельством, совершенно так же, как в настоящее время для наемного рабочего безразлично, в какой норме прибыли выражается выжатое из него количество прибавочной стоимости, и совершенно так же, как в международной торговле различие норм прибыли у различных наций оказывается совершенно безразличным обстоятельством для их товарообмена.

Итак, обмен товаров по их стоимостям, или приблизительно по их стоимостям, требует гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима известная высота капиталистического развития.

Каким бы образом ни устанавливались и ни регулировались первоначально цены различных товаров по отношению друг к другу, во всяком случае движение их управляется законом стоимости. Где падает рабочее время, необходимое для производства товара, падают

и цены; где оно повышается, повышаются при прочих равных условиях и цены.

Следовательно, помимо того, что закон стоимости управляет ценами и движением цен, является вполне правильным не только теоретически, а и исторически, рассматривать стоимости товаров, как *price* [первоисточник] цен производства. Это относится к таким экономическим укладам, где средства производства принадлежат работнику, а в таком положении находится как в древние, так и в новейшие времена крестьянин, обрабатывающий собственным трудом принадлежащую ему землю, и ремесленник. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее взглядом²⁷, что развитие продуктов в товары имеет своим источником обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится не только к этому первобытному состоянию, — это сохраняет силу и для позднейших укладов, основанных на рабстве и крепостничестве, а также для цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую и пока поэтому различные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины.

Для того, чтобы цены, по которым взаимно обмениваются товары, отвечали приблизительно их стоимостям, требуется лишь, чтобы: 1) обмен различных товаров перестал быть чисто случайным или единичным явлением; 2) чтобы, поскольку мы рассматриваем непосредственный обмен товаров, товары эти производились с той и другой стороны в относительных количествах, приблизительно соответствующих взаимной потребности в них, что устанавливается взаимным опытом, получаемым при сбыте, и таким образом возникает как результат длительно существующего обмена, и 3), поскольку дело идет о продаже, чтобы никакая естественная или искусственная монополия не давала возможности сторонам, совершающим сделку, продавать выше стоимости и не вынуждала уступать ниже ее. Под случайной монополией мы разумеем монополию, создающуюся для покупателя или продавца благодаря случайному состоянию спроса и предложения.

Предположение, что товары различных сфер производства прода-

²⁷ Тогда, в 1865 г., это было только «взглядом» Маркса. Теперь, после обширных исследований первобытной общины, начиная с Маурера и кончая Морганом, это — едва ли кем-либо оспариваемый факт. — Ф. Э.

ются по их стоимостям, означает, конечно, лишь то, что их стоимость является центром тяготения, вокруг которого вращаются их цены и по которому уравниваются их постоянные колебания вверх и вниз. Необходимо, кроме того, всегда отличать *рыночную стоимость*, — о которой мы поговорим позднее, — от индивидуальной стоимости отдельных товаров, произведенных различными производителями. Индивидуальная стоимость некоторых из этих товаров будет стоять ниже их рыночной стоимости (т. е. для их производства требуется меньше рабочего времени, чем выражает рыночная стоимость), индивидуальная стоимость других товаров — выше их рыночной стоимости. Рыночная стоимость должна рассматриваться, с одной стороны, как средняя стоимость товаров, произведенных в данной сфере производства, с другой стороны, как индивидуальная стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной сферы и которые составляют значительную массу продуктов последней. Только при исключительных комбинациях рыночная стоимость регулируется товарами, произведенными при наихудших или наиболее благоприятных условиях, причем эта рыночная стоимость, в свою очередь, является центром колебаний для рыночных цен, которые, однако, всегда одинаковы для товаров одного и того же вида. Если обычный спрос удовлетворяется предложением товаров по средней стоимости, т. е. по промежуточной стоимости той массы, которая лежит между обеими крайностями, то товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости.

Отнюдь не уясняет вопроса утверждение, что продажа товаров, произведенных при наихудших условиях, доказывает, что они необходимы для покрытия спроса. Если бы в разбираемом случае цена стояла выше средней рыночной стоимости, то спрос был бы меньше*. При определенных ценах известный вид товаров может занимать на рынке лишь определенное место; при изменении цен место это может оставаться неизменным лишь в том случае, если повышение цены совпадает с уменьшением количества товаров или понижение цены — с увеличением количества товаров. Если же спрос настолько силен, что он не сокращается даже тогда, когда цена регулируется стоимостью товаров, произведенных при наихудших условиях, то эти последние определяют рыночную стоимость. Это возможно лишь

* [В оригинале «больше» [grösser]. Исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*]

в том случае, если спрос превышает обычный уровень, или предложение падает ниже обычной величины. Наконец, если масса произведенных товаров превышает количество их, находящее себе сбыт по средним рыночным стоимостям, то рыночную стоимость определяют товары, произведенные при наилучших условиях. Товары этой последней категории могут, напр., продаваться вполне или приблизительно по их индивидуальным стоимостям, причем может случиться, что товары, произведенные при наихудших условиях, не реализуют даже своих издержек производства, в то время как товары средних условий производства могут реализовать лишь часть заключающейся в них прибавочной стоимости. То, что сказано здесь о рыночной стоимости, приложимо и к цене производства, раз последняя заступает место рыночной стоимости. Цена производства регулируется в каждой отдельной сфере и регулируется точно так же в зависимости от определенных обстоятельств. Но сама она опять-таки является центром, вокруг которого колеблются ежедневные рыночные цены и по которому эти цены выравниваются в течение определенных периодов (см. Рикардо об определении цен производства предприятиями, работающими при наихудших условиях).

Как бы ни регулировались цены, получаются следующие выводы:

1) Закон стоимости управляет движением цен так, что уменьшение или увеличение количества труда, необходимого для производства, заставляет цены производства повышаться или понижаться. Именно в этом смысле Рикардо (который чувствует, конечно, что его цены производства отклоняются от стоимости товаров) говорит, что «исследование, на которое он хочет обратить внимание читателя, касается результатов изменения относительной стоимости товаров, а не их абсолютной стоимости» [D. Ricardo: «On the Principles of Political Economy». Works ed. by Mac Culloch, London 1852, стр. 15. Ср. Д. Рикардо: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 12].

2) Средняя прибыль, определяющая цены производства, неизбежно должна быть приблизительно равна тому количеству прибавочной стоимости, которое приходится на данный капитал, как соответственную часть всего общественного капитала. Допустим, что общая норма прибыли и, следовательно, средняя прибыль выражается в денежной стоимости более высокой, чем действительная средняя прибавочная стоимость, выраженная в ее денежной стоимости. Поскольку дело касается капиталистов, безразлично, начисляют ли они взаимно 10 или 15% прибыли. Первый процентный

уровень столь же мало, как и второй, соответствует действительной стоимости товаров, так как денежное выражение преувеличивается взаимно. Что касается рабочих (предполагается, что они получают свою нормальную заработную плату, следовательно повышение средней прибыли не означает действительного вычета из заработной платы, т. е. не выражает чего-либо совершенно отличного от нормальной прибавочной стоимости капиталиста), то повышению товарных цен, которое явится результатом вздутой средней прибыли, должно соответствовать повышение денежного выражения переменного капитала. В самом деле, такое общее номинальное повышение нормы прибыли и средней прибыли выше уровня, определяемого отношением действительной прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, невозможно без того, чтобы не вызвать повышения заработной платы, а также повышения цен товаров, образующих постоянный капитал. Понижение должно оказать обратное действие. Так как совокупная стоимость товаров регулирует совокупную прибавочную стоимость, а эта последняя регулирует, — как общий закон, управляющий колебаниями, — высоту средней прибыли, а следовательно общую норму прибыли, то, очевидно, закон стоимости регулирует цены производства.

Что осуществляет конкуренция, и притом первоначально в одной сфере производства, так это — установление одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены из различных индивидуальных стоимостей товаров. Но только конкуренция капиталов в различных отраслях производства создает цену производства, уравнивающую норму прибыли между различными отраслями. Для достижения этого последнего результата необходимо более высокое развитие капиталистического способа производства, чем для первого.

Для того, чтобы товары одной и той же сферы производства, одного и того же вида и приблизительно одного и того же качества продавались по их стоимостям, необходимы два условия:

Во-первых, различные индивидуальные стоимости должны уравниваться, образовав *одну* общественную стоимость, выше разобранную нами рыночную стоимость, а для этого требуется наличие конкуренции между производителями одного и того же вида товаров, так же как и наличие рынка, на котором они совместно предлагают свои товары. Для того, чтобы рыночная цена товаров, тождественных между собою, но производимых каждый при условиях с различной индивидуальной окраской, соответствовала рыночной стоимости, не отклонялась от нее ни вверх, ни вниз, — давление, оказываемое различными продавцами друг на друга, должно быть достаточно велико,

чтобы выбросить на рынок массу товаров, соответствующую общественной потребности, т. е. такое количество их, за которое общество способно уплатить рыночную стоимость. Если масса продуктов превышает эту потребность, товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости; наоборот, они должны быть проданы выше их рыночной стоимости, если масса продуктов недостаточно велика или, что то же самое, если давление конкуренции среди продавцов недостаточно сильно для того, чтобы принудить их вынести соответственную массу товаров на рынок. Если бы изменилась рыночная стоимость, то изменились бы и те условия, на которых может быть продана вся масса товаров. При падении рыночной стоимости общественная потребность (под которой здесь всегда разумеется платежеспособная потребность) в среднем расширяется и в известных границах может поглотить более значительные массы товаров. При повышении рыночной стоимости общественная потребность в товарах сокращается и поглощает меньшие массы их. Поэтому, если спрос и предложение определяют рыночные цены или, точнее, отклонения рыночных цен от рыночной стоимости, то, с другой стороны, рыночная стоимость регулирует отношения спроса и предложения или тот центр, вокруг которого изменения спроса и предложения заставляют колебаться рыночные цены.

Рассматривая вопрос ближе, мы находим, что условия, действительные для стоимости отдельного товара, воспроизводятся здесь как условия, определяющие стоимость всей суммы товаров данного вида. А ведь капиталистическое производство с самого начала есть производство массовое, да и при других, менее развитых способах производства, товары, — по крайней мере главные товары, — производимые в сравнительно незначительных количествах как общий продукт хотя бы и многих мелких производителей, на рынке сосредоточиваются крупными массами в руках сравнительно немногих купцов, накаплиются и продаются ими как общий продукт целой отрасли производства или ее более или менее крупного подразделения.

Отметим здесь совсем мимоходом, что «общественная потребность», т. е. то, что регулирует принцип спроса, существенно обуславливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а следовательно в частности, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.); таким образом также и здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не

в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится это отношение.

Хотя каждый из них обоих, и товар и деньги, представляет собою единство меновой стоимости и потребительной стоимости, тем не менее, как мы уже видели (книга I, гл. I, 3), в акте продажи и купли оба эти определения располагаются полярно на двух крайних точках, так, что товар (продавец) представляет потребительную стоимость, а деньги (покупатель) — меновую стоимость. Что товар должен иметь потребительную стоимость, должен, следовательно, удовлетворять общественной потребности, в этом, как мы установили, заключается первая предпосылка продажи. Другая состояла в том, что количество труда, заключающееся в товаре, должно представлять общественно необходимый труд, следовательно индивидуальная стоимость (или, что при данном предположении то же самое, — продажная цена) товара должна совпадать с его общественной стоимостью²⁸.

Применим это к находящейся на рынке массе товаров, составляющей продукт целой отрасли производства.

Дело будет представлено всего проще, если мы всю массу товаров, следовательно сначала лишь *одной* отрасли производства, будем рассматривать как *один* товар, а сумму цен многих тождественных товаров как *одну* суммарную цену. В этом случае все, что было сказано об отдельном товаре, буквально применимо к находящейся на рынке массе товаров определенной отрасли производства. Требование, чтобы индивидуальная стоимость товара соответствовала его общественной стоимости, осуществляется теперь или определяется дальше в том смысле, что все количество товара содержит в себе труд, общественно необходимый для его производства, и что стоимость этой массы товаров = ее рыночной стоимости.

Допустим теперь, что значительная масса этих товаров произведена при приблизительно одинаковых, нормальных общественных условиях, так что эта стоимость является в то же время индивидуальной стоимостью образующих эту массу отдельных товаров. И если одна сравнительно небольшая часть товаров произведена при худших, другая при лучших условиях, так что индивидуальная стоимость первой части больше, а второй меньше, чем средняя стоимость большинства товаров, если притом обе эти крайности уравниваются и средняя стоимость товаров, принадлежащих к ним, равна стоимости товаров, принадлежащих к средней массе, то

²⁸ *К. Маркс*: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859. [Ср. *К. Маркс*: «К критике политической экономии». Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. I.]

рыночная стоимость определяется стоимостью товаров, произведенных при средних условиях²⁹. Стоимость всей товарной массы равна действительной сумме стоимостей всех отдельных товаров, вместе взятых, как тех, которые произведены при средних условиях, так и тех, которые произведены при условиях лучших или худших, чем средние. В этом случае рыночная стоимость, или общественная стоимость, массы товаров — содержащееся в этих последних необходимое рабочее время — определяется стоимостью преобладающей средней массы товаров.

Допустим, наоборот, что все количество товаров, выброшенных на рынок, осталось то же самое, но стоимость товаров, произведенных при худших условиях, не уравнивается стоимостью товаров, произведенных при лучших условиях, причем часть общего количества, произведенная при худших условиях, составляет относительно крупную величину как по сравнению со средней массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью. Тогда рыночная стоимость, или общественная стоимость, регулируется товарной массой, произведенной при худших условиях.

Допустим, наконец, что товары, произведенные при условиях лучших, чем средние, по своему количеству значительно превышают товары, произведенные при худших условиях, и притом составляют значительную величину даже по сравнению с товарами, произведенными при средних условиях; тогда часть товаров, произведенная при наилучших условиях, будет регулировать рыночную стоимость. Мы оставляем здесь в стороне переполнение рынка, при котором рыночные цены всегда регулируются частью товаров, произведенной при наилучших условиях; мы имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она отличается от рыночной стоимости, а с различными определениями самой рыночной стоимости³⁰.

²⁹ К. Маркс: «Zur Kritik etc.» [К. Маркс: «К критике и т. д.». Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. I].

³⁰ Таким образом спор по поводу земельной ренты между Шторхом и Рикардо (спор лишь по сути дела: фактически они не принимали друг друга во внимание) о том, регулируется ли рыночная стоимость (у них скорее рыночная цена, гезр. [соответств.] цена производства) товарами, произведенными при наихудших (Рикардо) или, наоборот, при наилучших (Шторх) условиях, — спор этот разрешается в том смысле, что оба они правы и оба неправы и что оба они совершенно упустили из виду средний случай. Сравни у Корбета о тех случаях, когда цена регулируется товарами, произведенными при наилучших условиях. «Не следует думать, будто он (Рикардо) утверждает, что две определенные партии двух различных товаров, как, напр., одна шляпа и пара башмаков, обмениваются одна на другую, если каждая из этих двух определенных партий

В самом деле, в случае I рыночная стоимость всей массы товаров, регулируемая средними стоимостями, в самом строгом смысле слова (в действительности это, разумеется, осуществляется лишь приблизительно и с бесчисленными модификациями) равна сумме их индивидуальных стоимостей; при этом, однако, для товаров, произведенных на обоих крайних полюсах, эта стоимость является навязанною им средней стоимостью. Лица, производящие свои товары при крайних худших условиях, должны продавать их ниже индивидуальной стоимости; производящие при крайних лучших условиях продают товары выше индивидуальной стоимости.

В случае II индивидуальные массы стоимости, произведенные при обоих крайних условиях, не уравниваются, и решающее значение приобретают товары, произведенные при худших условиях. Строго говоря, средняя цена, или рыночная стоимость, каждого отдельного товара или каждой соответственной части всей массы товаров определяется здесь совокупной стоимостью всей массы товаров, получаемой в результате сложения отдельных стоимостей товаров, произведенных при самых разнообразных условиях, и той частью этой совокупной стоимости, которая приходится на каждый отдельный товар. Полученная таким образом рыночная стоимость стояла бы выше индивидуальной стоимости не только тех товаров, которые произведены при наиболее благоприятных условиях, но также и тех товаров, которые принадлежат к среднему слою; тем не менее она все же была бы ниже индивидуальной стоимости товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях. Насколько близко подходит она к этой последней и может ли, наконец, совершенно совпасть с ней, зависит всецело от размеров той части, которая в данной сфере производства приходится на долю товаров, произведенных при наихудших условиях. Если при этом спрос преобладает хотя бы незначительно, то рыночную стоимость регулирует индивидуальная стоимость товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях.

Допустим, наконец, как в случае III, что количество товаров,

произведена одинаковым количеством труда. Под «товаром» мы должны понимать здесь определенный «вид товаров» (the «description of commodity»), а не данную индивидуальную шляпу, данную пару башмаков и т. п. В этом смысле весь труд, который производит все шляпы в Англии, должен рассматриваться как разделенный между всеми этими шляпами. Мне кажется, что первоначально это не было указано и упускается из виду в обычных изложениях этой доктрины» («Observations on Certain Verbal Disputes in Political Economy etc.». London 1821, стр. 53, 54).

произведенных при наилучших условиях, преобладает не только по сравнению с другой крайностью, но и по сравнению со средними условиями; тогда рыночная стоимость падает ниже средней стоимости. Средняя стоимость, вычисленная путем сложения стоимостей товаров, произведенных как при обоих крайних, так и при средних условиях, стоит здесь ниже стоимости средней группы и приближается к последней или удаляется от нее в зависимости от относительных размеров, занимаемых наиболее благоприятной крайностью. Если спрос слаб по сравнению с предложением, то часть товаров, поставленная в благоприятные условия, как бы велика она ни была, насильственно отвоевывает себе преобладающее положение, сокращая свою цену до уровня своей индивидуальной стоимости. С этой индивидуальной стоимостью товаров, произведенных при наилучших условиях, рыночная стоимость никогда не может совпасть, за исключением того случая, когда предложение сильно преобладает над спросом.

Это изображенное здесь *абстрактно* установление рыночной стоимости совершается на действительном рынке через посредство конкуренции между покупателями, если спрос как раз настолько велик, чтобы поглотить данную массу товаров по ее установленной таким образом стоимости. Мы подходим здесь к другому пункту.

Во-вторых. То обстоятельство, что товар имеет потребительную стоимость, означает лишь, что он удовлетворяет какой-либо общественной потребности. Пока мы имели дело только с отдельными товарами, мы могли довольствоваться допущением, что существует потребность в этом определенном товаре, — количество которого уже заключено в его цене, — и дальше не вдавались в рассмотрение размеров потребности, подлежащей удовлетворению. Но эта количественная сторона дела становится существенным моментом, раз, с одной стороны, мы имеем продукт целой отрасли производства, а с другой стороны, общественную потребность в нем. Теперь необходимо рассмотреть размеры, т. е. количество этой общественной потребности.

В данных выше определениях рыночной стоимости предполагалось, что масса произведенных товаров дана, т. е. остается неизменной, что изменяется лишь отношение между составными частями этой массы, произведенными при различных условиях, что поэтому рыночная стоимость одной и той же массы товаров регулируется различным способом. Допустим, что масса эта представляет собою обычное количество предложения, причем мы оставляем в стороне ту возможность,

что часть произведенных товаров временно уходит с рынка. Если спрос на эту массу сохраняет также свои обычные размеры, то товар продается по его рыночной стоимости, каким бы из трех исследованных выше способов ни регулировалась эта рыночная стоимость. Товарная масса не только удовлетворяет известную потребность, но удовлетворяет ее в общественных размерах. Если количество товаров на рынке больше или меньше, чем спрос на них, то имеют место отклонения рыночной цены от рыночной стоимости. И первое отклонение состоит в том, что при недостаточном количестве рыночную стоимость всегда регулируют товары, произведенные при худших условиях; при избыточном количестве — всегда товары, произведенные при наилучших условиях; что таким образом рыночную стоимость определяет одна из двух крайностей, несмотря на то, что на основании самого по себе отношения между массами, произведенными при различных условиях, должен был бы получиться иной результат. Если разница между спросом и количеством продуктов, составляющим предложение, значительнее, то и рыночная цена будет значительнее отклоняться вверх или вниз от рыночной стоимости. Но разница между количеством произведенных товаров и тем количеством их, при котором они продаются по своей рыночной стоимости, может иметь двоякую причину. Или изменяется само это количество, становится слишком малым или слишком большим, так что воспроизводство совершается в ином масштабе, чем тот, который регулировал данную рыночную стоимость; в этом случае изменяется предложение, хотя спрос остается неизменным, и, следовательно, имеет место относительное перепроизводство или недопроизводство. Или же воспроизводство, т. е. предложение, остается неизменным, а спрос падает или поднимается, что может совершиться по различным причинам; хотя при этом абсолютная величина предложения осталась тою же самою, его относительная величина, его величина по сравнению с потребностью, изменилась. Это оказало бы такое же влияние, как и в первом случае, только в противоположном направлении. Наконец, если изменения совершаются с той и с другой стороны, но в различных направлениях, или же хотя в одном направлении, но в различной степени, — одним словом, если совершаются изменения двусторонние, но в то же время изменяющие прежнее соотношение между сторонами, то конечный результат неизбежно должен свестись к одному из двух рассмотренных выше случаев.

Действительная трудность при общем определении понятий спроса и предложения заключается в том, что определения эти как будто сводятся к тавтологии. Рассмотрим сначала предложение,

т. е. продукт, который находится на рынке или может быть доставлен на него. Чтобы не входить в совершенно излишние здесь детали, мы возьмем годовую массу воспроизводства в каждой отдельной отрасли промышленности и совершенно оставим в стороне то обстоятельство, что различные товары в большей или меньшей мере могут быть извлечены с рынка и собраны в складах с целью потребления, скажем, в ближайшем году. Это годовое воспроизводство выражается прежде всего в определенном количестве, — мере или числе, — смотря по тому, распадается ли данная масса товаров на отдельные экземпляры или же измеряется как непрерывная величина; перед нами не только потребительные стоимости, удовлетворяющие человеческие потребности, но и потребительные стоимости, находящиеся на рынке в определенном количестве. Во-вторых, эта масса товаров имеет определенную рыночную стоимость, которую можно выразить в виде кратного рыночной стоимости отдельного товара или товарной меры, служащей единицей. Поэтому между количеством находящихся на рынке товаров и их рыночной стоимостью не существует необходимой зависимости; напр., в то время как некоторые товары имеют специфически высокую, другие — специфически низкую стоимость, и таким образом данная сумма стоимости может выразиться в очень большом количестве одних и очень малом количестве других товаров. Между количеством товаров, находящихся на рынке, и рыночной стоимостью этих товаров существует лишь следующая зависимость: при данном уровне производительности труда в каждой данной сфере производства для изготовления определенного количества товаров требуется определенное количество общественного рабочего времени, хотя в различных сферах производства отношение это, конечно, различно и не стоит ни в какой внутренней связи с полезностью данного товара или особой природой его потребительной стоимости. Если количество a данного вида товаров стоит b рабочего времени, то при прочих равных условиях количество na стоит nb рабочего времени. Далее: поскольку общество хочет удовлетворять свои потребности и производить с этой целью известный вид товаров, оно должно оплатить их. В самом деле, так как при товарном производстве предполагается разделение труда, то общество окупает эти товары тем, что употребляет на их производство часть находящегося в его распоряжении рабочего времени, следовательно оно покупает их при помощи определенного количества рабочего времени, которым оно — это данное общество — может располагать. Та часть общества, которой благодаря разделению труда приходится употребить свой труд на производ-

ство данного определенного товара, должна получить эквивалент в общественном труде, воплощенном в товарах, удовлетворяющих ее потребности. Но не существует никакой необходимой связи, а наблюдается лишь случайная связь между всем количеством общественного труда, затраченного на данный общественный продукт, т. е. между той долей совокупной рабочей силы, которую общество употребляет на производство этого продукта, следовательно между величиной, которую производство этого продукта имеет по отношению ко всему производству, с одной стороны, и, с другой стороны, между теми размерами, в которых общество стремится покрыть потребность, удовлетворяемую данным определенным продуктом. Хотя каждый отдельный товар или каждое данное количество определенного вида товаров заключает в себе лишь общественный труд, необходимый для его производства, и с этой стороны рыночная стоимость всей массы товаров данного вида выражает только необходимый труд, тем не менее, раз определенный товар произведен в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растроченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в нем действительно заключается. (Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета.) Поэтому эти товары должны быть уступлены ниже их рыночной стоимости, а часть их и вовсе не может найти покупателей. — Как раз обратное будет иметь место, если количество общественного труда, затраченного на производство определенного вида товаров, слишком мало по сравнению с размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи данного продукта. — Если же количество общественного труда, затраченного на производство определенного товара, соответствует размерам подлежащей удовлетворению общественной потребности, так что произведенная масса продукта соответствует обычному масштабу воспроизводства при неизменном спросе, то товар продается по его рыночной стоимости. Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия; исходя из этого закона, следует объяснять отклонения, а не наоборот, — не из отклонений выводить самый закон.

Рассмотрим теперь другую сторону дела — спрос.

Товары покупаются или как средства производства или как жизненные средства для того, чтобы войти в производительное или личное потребление, причем дело не изменяется от того, что некоторые виды товаров могут служить обеим этим целям. Следовательно, спрос на них предъявляется со стороны производителей (в данном случае капиталистов, так как предполагается, что средства производства превращены в капитал) и со стороны потребителей. Кажется, что оба они прежде всего предполагают на стороне спроса наличие определенных размеров общественной потребности, которой на стороне предложения соответствуют определенные размеры общественного производства в различных отраслях производства. Чтобы хлопчатобумажная промышленность могла вновь осуществить свое годовое воспроизводство в данном масштабе, необходимо обычное количество хлопка, а если принять во внимание ежегодное расширение воспроизводства вследствие накопления капитала, то, при прочих равных условиях, необходимо еще некоторое добавочное количество хлопка. То же самое и по отношению к жизненным средствам. Рабочий класс, чтобы сохранить свой обычный средний уровень жизни, должен вновь получить по меньшей мере прежнее количество необходимых жизненных средств, хотя, быть может, и распределенных несколько иначе между различными видами товаров; если же принять в расчет ежегодный рост населения, то необходимо еще некоторое добавочное количество жизненных средств; то же самое с большими или меньшими поправками можно сказать и относительно других классов.

Итак кажется, будто на стороне спроса имеется определенная общественная потребность данной величины, которая требует для своего покрытия наличия определенного количества товара на рынке. Но количественная определенность этой потребности чрезвычайно эластична и изменчива. Она только кажется фиксированной. Если бы жизненные средства были дешевле или денежная заработная плата была бы выше, то рабочие покупали бы их больше, и обнаружилась бы более значительная «общественная потребность» в данных видах товаров, причем мы совершенно оставляем в стороне пауперов и т. д., «спрос» которых стоит ниже самых узких границ их физической потребности. Если бы, с другой стороны, цена, напр. хлопка, понизилась, то возрос бы спрос капиталистов на хлопок, больше дополнительного капитала было бы вложено в хлопчатобумажную промышленность и т. д. При этом не следует вообще упускать из виду, что, при наших предположениях, спрос для производительного потребления есть спрос со стороны капиталиста, истинная цель

которого — производство прибавочной стоимости, и что только ради прибавочной стоимости он производит известный вид товаров. С другой стороны, это отнюдь не препятствует тому, что капиталист, поскольку он выступает на рынке как покупатель, напр. хлопка, является представителем потребности в хлопке; точно так же для продавца хлопка ведь безразлично, превращает ли покупатель этот хлопок в ткань для рубашек, в пироксиллин или же намерен затыкать им уши себе и всему миру. Но, конечно, это оказывает крупное влияние на то, какого рода покупателем он является. Его потребность в хлопке существенно видоизменяется благодаря тому обстоятельству, что в действительности она прикрывает лишь его потребность в получении прибыли. Пределы, в которых представленная на *рынке* потребность в товарах — спрос — количественно отклоняется от *действительной общественной* потребности, конечно, очень различны для различных товаров; я разумею разницу между количеством товаров, на которое фактически предъявлен спрос, и тем количеством их, на которое был бы предъявлен спрос при иных денежных ценах товаров или при иных денежных условиях, *гесп.* [соответств.] условиях жизни покупателей.

Нет ничего легче, как уяснить себе неравномерность спроса и предложения и вытекающие отсюда отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей. Действительная трудность состоит в определении того, что следует понимать под выражением: предложение и спрос покрываются.

Предложение и спрос покрываются, если они находятся в таком отношении, что масса товаров определенной отрасли производства может быть продана по ее рыночной стоимости, не выше и не ниже. Вот первое, что нам говорят по этому поводу.

И, во-вторых, если товары продаются по их рыночной стоимости, то предложение и спрос покрываются.

Если предложение и спрос покрываются, то они перестают действовать, и именно потому товары продаются по их рыночной стоимости. Если две силы, равные по величине, действуют в противоположных направлениях, то они взаимно уничтожаются, вовсе не действуют во-вне, и явления, происходящие при этом условии, должны быть объяснены как-нибудь иначе, а не действием этих двух сил. Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было, не воздействуют более на рыночную стоимость и оставляют нас в полном неведении относительно того, почему рыночная стоимость выражается именно в этой сумме денег, а не в какой-либо иной. Действительные внутренние законы капита-

листоческого производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения (если даже оставить в стороне более глубокий анализ этих общественных движущих сил, который сюда не относится), так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. покрываются. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно, следовательно с научной точки зрения этот случай должен быть $= 0$, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, отвечающем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от той их внешней видимости, которая порождается колебаниями спроса и предложения; с другой стороны, — для того, чтобы найти действительную тенденцию их движения, известным образом фиксировать ее. Так как отклонения от равенства имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравниваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию. Итак, если ни в одном конкретном случае спрос и предложение не покрываются, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом, — ведь отклонение в одном направлении вызывает как свой результат отклонение в противоположном направлении, — что, если рассматривать итог движения за более или менее продолжительный период, спрос и предложение всегда взаимно покрываются; однако результат этот получается лишь как средняя уже истекшего движения и лишь как постоянное движение их противоречия. Этим путем рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, уравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью, причем отклонения от этой последней взаимно уничтожаются как плюс и минус. И эта средняя имеет отнюдь не одно только теоретическое значение, она представляет практическую важность для капитала, затраты которого рассчитаны на колебания и уравнивания в течение более или менее определенного периода времени.

Следовательно, отношение между спросом и предложением объясняет, с одной стороны, лишь отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения, т. е. уничтожить влияние отношения между спросом и предложением. (Те представляющие исключение товары, которые имеют цены, но не имеют стоимости, не входят здесь в наше рассмотрение.) Устранение того влияния, которое оказывают

спрос и предложение благодаря своим отклонениям от равенства, может осуществляться в очень различных формах. Если, напр., падает спрос, а следовательно и рыночная цена, то это может привести к тому, что капитал будет извлекаться из данной отрасли, и таким образом предложение уменьшится. Но это может иметь также и тот результат, что сама рыночная стоимость благодаря изобретениям, сокращающим необходимое рабочее время, понизится и уравнивается таким образом с рыночной ценой. Наоборот, если спрос растет, а следовательно рыночная цена превышает рыночную стоимость, то это может привести к избыточному приливу капитала в данную отрасль производства и к такому расширению производства, при котором рыночная цена упадет даже ниже рыночной стоимости; или, с другой стороны, это может повести к такому повышению цен, которое сократит самый спрос. В отдельных отраслях производства это может также вызвать тот результат, что сама рыночная стоимость на более или менее значительный период возрастет, так как в течение этого времени часть требуемого на рынке продукта придется производить при худших условиях.

Если спрос и предложение определяют рыночную цену, то, с другой стороны, рыночная цена, а при дальнейшем анализе рыночная стоимость, определяет спрос и предложение. По отношению к спросу это очевидно, так как он изменяется в направлении, противоположном ценам: повышается, когда падают эти последние, и наоборот. Но то же самое применимо и к предложению. В самом деле, цены средств производства, входящих в товар, предлагаемый на рынке, определяют спрос на эти средства производства, а следовательно — и предложение тех товаров, предложение которых включает в себя спрос на эти средства производства. Цены хлопка имеют определяющее значение для предложения хлопчатобумажных материй.

Эта путаница — определение цен спросом и предложением и наряду с этим определение спроса и предложения ценами — осложняется еще тем, что спрос определяет предложение и, наоборот, предложение определяет спрос, производство определяет рынок и рынок — производство ³¹.

³¹ Велико тупоумие следующих остроумных соображений: «Если количество заработной платы, капитала и земли, необходимое для производства данного продукта, изменяется по сравнению с прежней величиной, то изменяется и то, что Адам Смит называет его естественной ценой, и та цена, которая первоначально была его естественной ценой, становится по отношению к этому изменению рыночной ценой, хотя ни предложение, ни количество требуемого товара, быть может, не изменилось» (и то и другое изменяется как раз потому, что из-

Даже ординарный экономист (см. сноску) понимает, что и без порождаемого внешними обстоятельствами изменения предложения или потребности отношение между ними может измениться под влиянием изменения рыночной стоимости товаров. Даже он вынужден согласиться, что, какова бы ни была рыночная стоимость, спрос и предложение должны уравновеситься, чтобы она реализовалась. Это значит, что не отношение спроса к предложению объясняет рыночную стоимость, а, наоборот, эта последняя объясняет колебания спроса и предложения. Автор «Observations» вслед за местом, цитированным в сноске, продолжает: «Однако отношение это» (между спросом и предложением), «если только мы будем разуметь под «спросом» и «естественной ценой» то, что мы только что разумели, ссылаясь на А. Смита, всегда должно быть отношением равенства; потому что только в том случае, когда предложение равно действительному спросу, т. е. тому спросу, который не желает оплачивать ни больше, ни меньше естественной цены, — только в этом случае естественная цена может быть действительно уплачена; следовательно, в различное время один и тот же товар может иметь две весьма различные

меняется вследствие изменения стоимости рыночная стоимость или — о чем собственно и говорится у А. Смита — цена производства), «тем не менее предложение это не соответствует теперь вполне точно требованиям лиц, способных и желающих оплатить ту сумму, в которую обошлось производство, а оказывается или больше или меньше этой суммы; так что пропорция между предложением и тем фактическим спросом, который устанавливается теперь, принимая во внимание новые издержки производства, отличается от своей прежней величины. В результате, если не встретится препятствий, изменятся размеры предложения, что в конце концов приведет товар к его новой естественной цене. Так как товары доходят до своей естественной цены благодаря изменению в их предложении, то, быть может, позволительно было бы сказать, что естественная цена в такой же степени обязана своим существованием одной пропорции между спросом и предложением, в какой рыночная цена обязана другой пропорции; и, следовательно, естественная цена, совершенно так же, как и рыночная цена, зависит от взаимного отношения между спросом и предложением». («Великий принцип спроса и предложения вызывается к действию, чтобы определить то, что А. Смит называет естественной ценой, а также рыночной ценой». — Мальтус) («Observations on Certain Verbal Disputes etc.». London 1821, стр. 60, 61.) Мудрый автор не понимает, что в разбираемом случае как раз изменение в «cost of production» [издержках производства], а следовательно и в стоимости, изменяет спрос, а следовательно и отношение между спросом и предложением, и что это изменение спроса может вызвать изменение предложения; а это доказывало бы как раз противоположное тому, что пытается доказать наш мыслитель, — это доказывало бы, что издержки производства отнюдь не регулируются отношением между спросом и предложением, а, наоборот, сами регулируют это отношение.

естественные цены, и все же отношение между спросом и предложением в обоих случаях может остаться неизменным, а именно — остаться отношением равенства» [стр. 61]. Итак, здесь допускается, что при двух различных «natural prices» [«естественных ценах»] одного и того же товара в различное время спрос и предложение могут и даже должны быть каждый раз равны, чтобы товар действительно был продан по его natural price. Но так как при этом в обоих случаях ничуть не изменяется отношение спроса к предложению, но изменяется величина самой natural price, то последняя, очевидно, устанавливается независимо от спроса и предложения и потому менее всего может определяться ими.

Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т. е. в соответствии с содержащимся в нем общественно необходимым трудом, для этого все количество общественного труда, употребленного на производство всей массы данного вида товаров, должно соответствовать величине общественной потребности в них, т. е. платежеспособной общественной потребности. Конкуренция, колебания рыночных цен, соответствующие колебаниям отношения между спросом и предложением, всегда стремятся свести к этой мере общее количество труда, затраченного на каждый вид товаров.

В отношении между спросом и предложением товаров отражается, во-первых, отношение между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, между товаром и деньгами, покупателем и продавцом; во-вторых, — отношение между производителем и потребителем, хотя оба последние могут быть представлены третьими лицами, торговцами. Чтобы вполне развить это отношение, достаточно противопоставить покупателя и продавца друг другу в отдельности. Три лица необходимы для полной метаморфозы товара, а следовательно для процесса купли-продажи, взятого в целом. А превращает свой товар в деньги *B*, которому он продает товар, и снова превращает свои деньги в товар, который он покупает у *C*; весь процесс протекает между этими тремя лицами. Далее: при исследовании денег мы допускали, что товары продаются по их стоимости, так как не было никакого основания рассматривать цены, отклоняющиеся от стоимости, раз дело шло исключительно о тех изменениях формы, которые претерпевает товар, становясь деньгами и превращаясь обратно из денег в товар. Если товар вообще продается и на вырученные деньги покупается новый товар, то мы имеем перед собою всю метаморфозу, и для нее как таковой совершенно безразлично, стоит ли цена товара выше или ниже его стоимости. Стоимость товара сохраняет свое значение основы, так как только из этого

основания могут быть развиты в понятии деньги, а цеа по своему общему понятию есть прежде всего лишь стоимость в денежной форме. Конечно, при рассмотрении денег как средства обращения предполагается, что совершается не только одна метаморфоза товара. Напротив, рассматривается общественное сплетение этих метаморфоз. Только таким образом подходим мы к обращению денег и к развитию их функций в качестве средства обращения. Но, насколько эта связь важна для перехода денег к функции средства обращения и для вытекающего отсюда изменения их вида, настолько же безразлична она для сделки между отдельными покупателями и продавцами.

Между тем, рассматривая спрос и предложение, мы находим, что предложение равно сумме продавцов, или производителей, данного определенного вида товаров, а спрос равен сумме покупателей, или потребителей (индивидуальных или производительных) того же самого вида товаров. И притом суммы эти действуют друг на друга как целое, как агрегатные силы. Отдельная личность действует здесь лишь как часть общественной силы, как атом всей массы, — именно в такой форме конкуренция обнаруживает *общественный* характер производства и потребления.

Та из конкурирующих сторон, которая в данный момент слабее, является вместе с тем и той стороной, где каждое отдельное лицо действует независимо от массы своих конкурентов, а зачастую прямо против них и как раз таким путем делает ошутительной зависимость отдельного конкурента от других; между тем более сильная сторона всегда противостоит своим противникам как более или менее сплоченное целое. Если спрос на данный вид товаров больше, чем предложение, то — в известных границах — один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы совместно стараются продать товар по высокой рыночной цене. Если, наоборот, предложение больше спроса, то один начинает уступать дешевле, а за ним вынуждены следовать другие, в то время как покупатели совместно стремятся возможно сильнее понизить рыночную цену по сравнению с рыночной стоимостью. Сотоварищи интересуют каждого лишь постольку, поскольку, идя вместе с ними, он выигрывает больше, чем идя против них. Единство действий прекращается, как только данная сторона как таковая оказывается слабее другой, и тогда каждое отдельное лицо старается возможно лучше устроиться собственными силами. Далее, если один из конкурентов производит дешевле:

других, может сбывать больше товара и отвоевать для себя больше места на рынке, продавая товар ниже господствующей в данный момент рыночной цены, или рыночной стоимости, то он так и поступает и начинает действовать таким образом, что мало-по-малу принуждает других ввести более дешевый метод производства и сводит общественно необходимый труд к новому, менее значительному количеству. Если преимущество на известной стороне, то выигрывает всякий, кто к ней принадлежит; дело происходит таким образом, как если бы все принадлежащие к ней осуществляли общую монополию. Если известная сторона оказывается слабее другой, то каждый может попытаться своими единичными усилиями стать сильнее противника (напр. тот, кто работает с меньшими издержками производства) или по крайней мере отделаться возможно меньшими потерями, и в этом случае ему уже нет никакого дела до своих соседей, хотя действия его касаются не только его самого, но и всех его сотоварищей ³².

Спрос и предложение предполагают превращение стоимости в рыночную стоимость, и, поскольку они действуют на капиталистическом базисе, поскольку товары являются продуктом капитала, спрос и предложение предполагают капиталистический процесс производства, а следовательно совершенно иначе сплетающиеся отношения, чем простая купля и продажа товаров. Здесь дело идет не о формальном превращении стоимости товаров в цену, т. е. не об изменении одной только формы; дело идет об определенных количественных отклонениях рыночных цен от рыночных стоимостей и, далее, от цен производства. При простой купле и продаже достаточно, чтобы производители товаров как таковые противостояли друг другу. Спрос и предложение при дальнейшем анализе предполагают существование различных классов и подразделений классов, которые распределяют между собою совокупный доход общества и потребляют его как доход, которые, следовательно, предъявляют спрос, образуемый этим доходом; между тем, с другой стороны, для понимания спроса и предложения, которые предъявляются производителями

³² «Если каждый член группы никак не может получить больше данной доли или соответственной части общих выгод или владений группы, то он охотно будет соединяться с другими, чтобы повысить эти выгоды» (это он и делает, когда отношение между спросом и предложением позволяет ему это), «это — монополия. Но если каждый думает, что он может каким-либо способом повысить абсолютную величину своей доли, хотя бы и путем уменьшения общей суммы, он часто так будет поступать; это — конкуренция» («An Inquiry into those Principles Respecting the Nature of Demand etc.». London 1824, стр. 105).

как таковыми друг к другу, необходимо уяснение всего строя капиталистического процесса производства в целом.

При капиталистическом производстве дело идет не только о том, чтобы за массу стоимости, брошенную в обращение в форме товара, выручить равную массу стоимости в другой форме, — денежной или товарной, — дело идет о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь такую же прибавочную стоимость, или прибыль, какую получает всякий другой капитал такой же величины, или *pro rata* [соответственно] его величине, независимо от того, в какой бы отрасли производства он ни применялся; следовательно, дело идет о том, чтобы продать товары по меньшей мере по ценам, доставляющим среднюю прибыль, т. е. по ценам производства. В этой форме капитал сам начинает сознавать себя как *общественную силу*, в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всем общественном капитале.

Во-первых, капиталистическое производство само по себе относится совершенно безразлично к определенной потребительной стоимости и вообще к специфическим особенностям того товара, который оно создает. В каждой сфере производства дело идет для него лишь о том, чтобы произвести прибавочную стоимость, присвоить себе в продукте труда определенное количество неоплаченного труда. И равным образом наемный труд, подчиненный капиталу, по самой своей природе относится безразлично к специфическому характеру своих работ, он должен видоизменяться сообразно потребностям капитала и допускать переброску его из одной сферы производства в другую.

Во-вторых, на деле одна сфера производства так же хороша или плоха, как и другая; каждая приносит одинаковую прибыль, и каждая не оправдывала бы своего назначения, если бы производимые ею товары не удовлетворяли какой-либо общественной потребности.

Но если товары продаются по их стоимостям, то, как было уже показано выше, в разных сферах производства возникают очень различные нормы прибыли в зависимости от различия органического строения вложенных в них масс капитала. Но капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции, — словом, посредством своего распределения между различными сферами производства, смотря по тому, где норма прибыли падает и где повышается, капитал осуществляет такое отношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль,

и благодаря этому стоимости превращаются в цены производства. Это уравнение капиталу удастся осуществить тем полнее, чем выше капиталистическое развитие в данном национальном обществе, т. е. чем больше условия данной страны приспособлены к капиталистическому способу производства. С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия; оно подчиняет своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность общественных предпосылок, в которых совершается процесс производства.

Постоянное уравнение постоянно возникающих неравенств происходит тем быстрее, 1) чем подвижнее капитал, т. е. чем легче он может быть перенесен из одной сферы и из одного места в другие; 2) чем скорее рабочая сила может быть переброшена из одной сферы в другую, из одного местного центра производства в другой. Пункт 1-й предполагает полную свободу торговли внутри общества и устранение всех монополий, кроме естественных, т. е. устранение монополий, которые возникают из самого капиталистического способа производства. Далее, предполагается развитие кредитной системы, которая концентрирует распыленную массу свободного общественного капитала, противопоставляя ее отдельному капиталисту; наконец, — подчинение различных сфер производства капиталистам: Последнее уже включено в принятые нами предпосылки, раз мы допустили, что дело идет о превращении стоимостей в цены производства во всех капиталистически эксплуатируемых сферах производства; однако само это уравнение наталкивается на более крупные препятствия, если между капиталистическими предприятиями вклиниваются и с ними переплетаются многочисленные и носящие массовый характер сферы производства, которые ведутся не-капиталистически (напр. земледелие мелких крестьян). Необходима, наконец, значительная плотность населения. — Пункт 2-й предполагает устранение всех законов, препятствующих рабочим перемещаться из одной сферы производства в другую или из одного местного центра производства в другой. Безразличное отношение рабочего к содержанию его труда. Возможно большее сведение труда во всех сферах производства к простому труду. Освобождение рабочих от всех профессиональных предрассудков. Наконец — и это в особенности — подчинение рабочего капиталистическому способу производства. Дальнейший анализ этого вопроса относится к специальному исследованию конкуренции.

Из сказанного следует, что каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем

капиталом и в степени этой эксплуатации и участвует не только всилу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически; потому что, — если предположить данными все прочие условия, в том числе стоимость всего авансированного постоянного капитала, — средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда совокупным капиталом.

Средняя прибыль совпадает со средней прибавочной стоимостью, производимой капиталом на каждую сотню, и по отношению к прибавочной стоимости только что сказанное понятно само собой. Что касается средней прибыли, то тут в качестве одного из моментов, определяющих норму прибыли, присоединяется еще только стоимость авансированного капитала. В самом деле, для капиталиста или для капитала определенной сферы производства специальный интерес в эксплуатации непосредственно занятых им рабочих ограничивается тем, чтобы при помощи исключительного чрезмерного труда, или при помощи понижения заработной платы ниже среднего уровня, или же при помощи исключительной производительности применяемого труда получить необычный куш, — такую прибыль, которая превышает среднюю. Если же оставить это обстоятельство в стороне, то капиталист, даже вовсе не затрачивающий в своей отрасли производства переменного капитала, следовательно вовсе не применяющий труда (что в действительности, конечно, невозможно), был бы столь же сильно заинтересован в эксплуатации рабочего класса капиталом и совершенно так же извлекал бы свою прибыль из неоплаченного прибавочного труда, как и капиталист, который (опять-таки в действительности невозможное допущение) применял бы только один переменный капитал, затрачивая таким образом весь свой капитал на заработную плату. Но степень эксплуатации труда при данном рабочем дне зависит от средней интенсивности труда, при данной интенсивности — от длины рабочего дня. От степени эксплуатации труда зависит высота нормы прибавочной стоимости, следовательно при данной общей массе переменного капитала — величина прибавочной стоимости, а потому и величина прибыли. Тот специальный интерес, который капитал известной отрасли — в отличие от всего капитала — имеет в эксплуатации специально им занятых рабочих, отдельный капиталист — в отличие от капитала всей его отрасли — имеет в эксплуатации лично им занятых рабочих.

С другой стороны, каждая отдельная сфера капитала и каждый отдельный капиталист одинаково заинтересованы в производительности общественного труда, применяемого совокупным капиталом, потому что от этого зависят два обстоятельства. Во-первых, масса

потребительных стоимостей, в которой выражается средняя прибыль; а это вдвойне важно, так как прибыль служит и фондом накопления нового капитала и фондом доходов, предназначенным для потребления. Во-вторых, высота стоимости всего авансированного капитала (постоянного и переменного), которая при данной величине прибавочной стоимости, или прибыли всего класса капиталистов, определяет норму прибыли, или прибыль на определенное количество капитала. Особая производительность труда в отдельной сфере или в отдельном индивидуальном предприятии этой сферы интересует лишь непосредственно причастных к делу капиталистов, поскольку она дает возможность отдельной сфере получать добавочную прибыль по сравнению со всем капиталом или отдельному капиталисту — по сравнению со всей его сферой.

Итак, мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым.

Цена производства включает в себя среднюю прибыль. Мы называем ее ценой производства — фактически это то же самое, что А. Смит называет «natural price» [«естественной ценой»], Рикардо — «price of production», «cost of production» [«ценой производства», «стоимостью производства»], физиократы — «prix nécessaire» [«необходимой ценой»], причем ни один из них не исследовал отличия цены производства от стоимости, — так как цена производства является постоянным условием предложения и воспроизводства товаров в каждой отдельной сфере производства³³. Понятно также, почему те самые экономисты, которые восстают против определения стоимости товаров рабочим временем, количеством заключающегося в них труда, всегда говорят о ценах производства как о центрах, вокруг которых колеблются рыночные цены. Они могут позволить себе это, так как цена производства — форма, ставшая уже вполне внешней, и *prima facie* [на первый взгляд] лишенная содержания форма товарной стоимости, та форма, в которой товар выступает в процессе конкуренции, следовательно в сознании вульгарного капиталиста, а потому также и в сознании вульгарных экономистов.

Из предшествующего изложения видно, каким образом рыночная стоимость (а все сказанное о ней применимо с необходимыми

³³ *Malthus* [«Principles of Political Economy». London 1836, стр. 77 и сл.].

ограничениями и к цене производства) включает в себя добавочную прибыль тех, кто в каждой особой сфере производства производит при наиболее благоприятных условиях. За исключением случаев кризисов и перепроизводства вообще, это применимо ко всем рыночным ценам, как бы сильно они ни отклонялись от рыночных стоимостей и рыночных цен производства. А именно, рыночная цена предполагает, что за все товары данного вида уплачивается одинаковая цена, несмотря на то, что товары эти могут быть произведены при очень различных индивидуальных условиях и могут, следовательно, иметь очень различные издержки производства. (О добавочной прибыли как следствии монополий в обычном смысле этого слова — искусственных или естественных — мы здесь не говорим.)

Однако добавочная прибыль может возникнуть, кроме того, еще в том случае, если известные сферы производства находятся в условиях, позволяющих уклониться от превращения их товарных стоимостей в цены производства, а потому и от сведения их прибылей к средней прибыли. В отделе о земельной ренте мы рассмотрим дальнейшее видоизменение этих двух форм добавочной прибыли.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВЛИЯНИЕ ОБЩИХ КОЛЕБАНИЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Пусть среднее строение общественного капитала будет $80_c + 20_v$, а прибыль 20%. В таком случае норма прибавочной стоимости 100%. Общее повышение заработной платы, при прочих равных условиях, означает понижение нормы прибавочной стоимости. Для среднего капитала прибыль и прибавочная стоимость совпадают. Пусть заработная плата возросла на 25%. Та самая масса труда, привести в движение которую стоило 20, стоит теперь 25. Следовательно, мы имеем вместо $80_c + 20_v + 20_p$ за один оборот стоимость $80_c + 25_v + 15_p$. Труд, приведенный в движение переменным капиталом, производит теперь, как и раньше, сумму стоимости, равную 40. Раз v возросло с 20 до 25, то избыток m , герс. [соответств.] p , теперь = только 15. Прибыль 15 на 105 составляет $14\frac{2}{7}\%$, и это есть новая норма средней прибыли. Так как цена производства товаров, производимых средним капиталом, совпадает с их стоимостью, то цена производства этих товаров не изменилась бы; следовательно, повышение заработной платы вызвало бы понижение прибыли, но не привело бы к изменению стоимости и цены товаров.

Раньше, когда средняя прибыль была = 20%, цена производства товаров, произведенных в течение одного периода оборота, равнялась их издержкам производства плюс прибыль в 20% на эти издержки производства, следовательно = $k + kp' = k + \frac{20k}{100}$, где k переменная величина, различная в зависимости от стоимости средств производства, входящих в товары, и от размеров того снашивания, которое основной капитал, применяемый в производстве, передает продукту. Теперь цена производства составляет $k + \frac{14\frac{2}{7}k}{100}$.

Возьмем теперь капитал, строение которого ниже, чем первоначальное строение среднего общественного капитала $80_c + 20_v$ (превратившееся теперь в $76\frac{4}{21}_c + 23\frac{17}{21}_v$), например $50_c + 50_v$. Здесь до повышения заработной платы цена производства годового продукта равнялась $50_c + 50_v + 20_p = 120$, — мы принимаем для упрощения,

что весь основной капитал вошел в годовой продукт путем снашивания и что период оборота таков же, как в случае I. Повышение заработной платы на 25% дает для того же самого количества приведенного в движение труда повышение переменного капитала с 50 до $62\frac{1}{2}$. Если бы годовой продукт был продан по прежней цене производства 120, то это дало бы $50_c + 62\frac{1}{2}_v + 7\frac{1}{2}_p$, следовательно, — норму прибыли $6\frac{2}{3}\%$. Но новая средняя норма прибыли $14\frac{2}{7}\%$, и, так как мы предположили все прочие условия равными, этот капитал в $50_c + 62\frac{1}{2}_v$ должен дать указанную прибыль. Но капитал в $112\frac{1}{2}$ при норме прибыли $14\frac{2}{7}$ дает $16\frac{1}{14}$ прибыли. Таким образом цена производства произведенных им товаров равна теперь $50_c + 62\frac{1}{2}_v + 16\frac{1}{14}_p = 128\frac{8}{14}$. Итак, вследствие повышения заработной платы на 25% цена производства того же самого количества того же самого товара возросла здесь со 120 до $128\frac{8}{14}$, или более, чем на 7%.

Возьмем, наоборот, сферу производства высшего строения, чем средний капитал, напр. $92_c + 8_v$. Следовательно, первоначальная средняя прибыль и здесь = 20, и если мы опять допустим, что весь основной капитал входит в годовой продукт и что период оборота остается такой же, как в случаях I и II, то цена производства товара и здесь = 120.

Вследствие повышения заработной платы на 25% переменный капитал, затрачиваемый на то же самое количество труда, возрастает с 8 до 10, издержки производства товаров увеличиваются, следовательно, со 100 до 102; с другой стороны, средняя норма прибыли с 20% упала до $14\frac{2}{7}\%$. Но $100 : 14\frac{2}{7} = 102 : 14\frac{4}{7}$. Следовательно, прибыль, причитающаяся теперь на 102, составляет $14\frac{4}{7}$. И потому весь продукт продается за $k + kp' = 102 + 14\frac{4}{7} = 116\frac{4}{7}$. Следовательно, цена производства упала со 120 до $116\frac{4}{7}$, или на $3\frac{3}{7}$.

Итак, при повышении заработной платы на 25%:

1) для капитала среднего общественного строения цена производства товара осталась неизменной;

2) для капитала более низкого строения цена производства товара возросла, хотя и не в том отношении, в каком упала прибыль;

3) для капитала более высокого строения цена производства товара упала, хотя и не в том отношении, как прибыль.

Так как цена производства товаров, производимых капиталом среднего строения, осталась неизменной, равной стоимости продукта, то и сумма цен производства продуктов всех капиталов осталась неизменной, равной сумме стоимостей, произведенных совокупным капиталом; повышение, с одной стороны, понижение, с другой стороны,

для всего капитала уравниваются на уровне общественного среднего капитала.

Если цена производства товаров в примере II повышается, а в примере III падает, то уже одно это противоположное действие, вытекающее из падения нормы прибавочной стоимости или из общего повышения заработной платы, показывает, что дело здесь не может идти о возмещении в цене товара потери, вызываемой повышением заработной платы, ибо в III случае падение цены производства не может, конечно, вознаградить капиталиста за падение прибыли, да и повышение цены в случае II не предотвращает падения прибыли. Напротив, в обоих случаях, — и там, где цена повышается, и там, где она падает, — прибыль одинакова с прибылью среднего капитала, где цена остается неизменной. Прибыль одна и та же во II и III случае, а именно, это — средняя прибыль, понизившаяся на $5\frac{5}{7}$, или на 25% с лишком. Отсюда следует, что, если бы в случае II цена не возрастала, а в III не падала, товары продавались бы в случае II с прибылью меньшей, а в III большей, чем новая понизившаяся средняя прибыль. Само собою понятно, что в зависимости от того, 50, 25 или 10 процентов капитала затрачиваются на труд, повышение заработной платы должно в весьма различной степени затрагивать того, кто затратил на заработную плату $\frac{1}{10}$, того, кто затратил на нее $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ своего капитала. Повышение цен производства, с одной стороны, их падение — с другой, смотря по тому, выше или ниже строение данного капитала по сравнению с общественным средним строением, происходит лишь благодаря процессу уравнивания прибыли по новой понизившейся средней прибыли.

Каким же образом подействует общее понижение заработной платы и соответствующее ему общее повышение нормы прибыли, а следовательно и средней прибыли, на цены производства товаров, которые являются продуктом капиталов, отклоняющихся от общественного среднего строения в противоположных направлениях? Стоит только перевернуть вышеприведенные рассуждения, чтобы получить результат (которого не исследует Рикардо).

I. Средний капитал = $80_c + 20_v = 100$; норма прибавочной стоимости = 100%; цена производства = товарной стоимости = $80_c + 20_v + 20_p = 120$; норма прибыли = 20%. Пусть заработная плата понизится на одну четверть, так что тот же самый постоянный капитал будет приводиться в движение 15_v вместо прежних 20_v . Следовательно, мы получаем товарную стоимость = $80_c + 15_v + 25_p = 120$. Количество труда, произведенное v , остается неизменным, и лишь созданная им новая стоимость иначе распределяется между капита-

листом и рабочим. Прибавочная стоимость возросла с 20 до 25, и норма прибавочной стоимости с $\frac{20}{20}$ до $\frac{25}{15}$, следовательно со 100% до $166\frac{2}{3}\%$. Прибыль на 95 теперь = 25; следовательно, норма прибыли на 100 = $26\frac{8}{19}$. Новое процентное строение капитала теперь $84\frac{4}{19} + 15\frac{15}{19} = 100$.

II. Низшее строение. Первоначально $50_c + 50_v$, как выше. Вследствие понижения заработной платы на $\frac{1}{4}$, v сокращается до $37\frac{1}{2}$, а тем самым весь авансированный капитал — до $50_c + 37\frac{1}{2}_v = 87\frac{1}{2}$. Если мы применим сюда новую норму прибыли $26\frac{8}{19}\%$, то $100 : 26\frac{8}{19} = 87\frac{1}{2} : 23\frac{1}{38}$. Та же самая масса товаров, которая раньше стоила 120, стоит теперь $87\frac{1}{2} + 23\frac{1}{38} = 110\frac{10}{19}$; цена упала почти на 10.

III. Высшее строение. Первоначально $92_c + 8_v = 100$. Понижение заработной платы на $\frac{1}{4}$ понижает 8_v до 6_v , весь капитал — до 98. Следовательно, $100 : 26\frac{8}{19} = 98 : 25\frac{15}{19}$. Цена производства товаров, составлявшая прежде $100 + 20 = 120$, теперь, после падения заработной платы, равна $98 + 25\frac{15}{19} = 123\frac{15}{19}$; следовательно, она возросла почти на 4.

Итак, мы видим, что для решения вопроса стоит лишь повторить предыдущие рассуждения в обратном направлении и с соответственными поправками; общее понижение заработной платы имеет своим результатом общее повышение прибавочной стоимости, нормы прибавочной стоимости, а следовательно, при прочих равных условиях, нормы прибыли, хотя и в иной пропорции; далее, в результате оказывается понижение цен производства для товарных продуктов капиталов низшего, повышение цен производства для товарных продуктов капиталов высшего строения. Результат — как раз противоположный тому, который мы имели при общем повышении заработной платы³⁴. В обоих случаях — и при повышении и при понижении заработной платы — продолжительность рабочего дня предполагалась неизменяющейся точно так же, как и цена всех необходимых жизненных средств. Таким образом понижение заработной платы здесь возможно лишь при том условии, если плата эта или

³⁴ В высшей степени странно, что Рикардо (который, конечно, строит свои рассуждения не так, как это сделано здесь, потому что процесс уравнивания стоимости в цены производства не был им понят) даже не касается этого случая и рассматривает лишь первый случай — повышение заработной платы и его влияние на цены производства товаров. И все *servum pecus imitatorum* [рабское стадо подражателей] не додумалось даже до того, чтобы сделать это само собою разумеющееся, в сущности тавтологическое применение.

раньше стояла выше нормальной цены труда, или теперь опускается ниже ее. Как модифицируется вопрос в том случае, если понижение или повышение заработной платы вызывается изменением стоимости, а следовательно и цен производства товаров, входящих в обычное потребление рабочего, будет отчасти исследовано ниже, в отделе о земельной ренте. Здесь же мы заметим раз навсегда следующее.

Если повышение или понижение заработной платы вызывается изменением стоимости необходимых жизненных средств, то вышеприведенные соображения могут потребовать поправок лишь постольку, поскольку товары, изменение цен которых повышает или понижает размеры переменного капитала, входят в то же время и в постоянный капитал в качестве образующих его элементов и, следовательно, воздействуют не на одну только заработную плату. Поскольку же они воздействуют только на заработную плату, вышеприведенные соображения заключают в себе все, что следует сказать относительно этого случая.

Во всей этой главе образование общей нормы прибыли, средней прибыли, а следовательно и превращение стоимостей в цены производства, предполагалось как данный факт. Вопрос состоял лишь в том, каким образом общее повышение или понижение заработной платы должно повлиять на цены производства товаров, предположенные как данные величины. По сравнению с другими исследованными в этом отделе пунктами это очень второстепенный вопрос. Но это единственный из затронутых здесь вопросов, который рассматривает Рикардо, и притом, как увидим ниже, рассматривает односторонне и неудовлетворительно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ДОБАВЛЕНИЯ.

1. ПРИЧИНЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕНЕ ПРОИЗВОДСТВА.

Цена производства какого-либо товара может изменяться только в результате двух причин:

Во-первых. Изменяется общая норма прибыли. Это возможно лишь при том условии, если изменяется сама средняя норма прибавочной стоимости, или—при неизменной средней норме прибавочной стоимости — если изменяется отношение суммы присваиваемых прибавочных стоимостей к сумме всего авансированного общественного капитала.

Поскольку изменение нормы прибавочной стоимости основывается не на понижении заработной платы ниже или повышении ее выше нормального уровня, — а подобного рода движения следует рассматривать лишь как случайные колебания, — изменение это может произойти только или вследствие того, что стоимость рабочей силы повысилась или понизилась; то и другое одинаково невозможно без изменения в производительности труда, производящего жизненные средства, следовательно без изменения стоимости товаров, входящих в потребление рабочих.

Или же изменяется отношение суммы присваиваемой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу общества. Так как изменение исходит здесь не от нормы прибавочной стоимости, то оно должно исходить от всего капитала, а именно от постоянной его части. Масса последней, рассматриваемая с технической стороны, увеличивается и уменьшается пропорционально количеству рабочей силы, купленной переменным капиталом, а масса стоимости этой части растет и понижается вместе с ростом и уменьшением самой ее массы, следовательно опять-таки пропорционально массе стоимости переменного капитала. Если же прежнее количество труда приводит в движение больше постоянного капитала, то значит труд стал производительнее, и наоборот. Следовательно, во всяком случае совершилось изменение в производительности труда и должно произойти изменение стоимости известных товаров.

Итак, в обоих случаях сохраняет силу следующий закон: если изменяется цена производства известного товара вследствие изменения общей нормы прибыли, то, хотя собственная стоимость этого товара может остаться неизменной, тем не менее необходимо должно произойти изменение стоимости других товаров.

Во-вторых. Общая норма прибыли остается неизменной. Тогда цена производства товара может измениться лишь при том условии, если изменилась его собственная стоимость, если теперь требуется больше или меньше труда, чем раньше, для воспроизводства его самого, причем безразлично, изменяется ли производительность того труда, который производит данный товар в окончательной форме, или того труда, который производит товары, входящие в производство данного товара. Цена производства хлопчатобумажной пряжи может упасть или потому, что дешевле производится хлопок-сырец, или потому, что труд прядения стал производительнее вследствие улучшения машин.

Цена производства, как было показано ранее, $= k + p$, равняется издержкам производства плюс прибыль. Но это выражение $= k + kp'$, где k , издержки производства, — неопределенная величина, изменяющаяся в различных сферах производства и всегда равная стоимости постоянного и переменного капитала, потребленного в производстве товара, а p' есть вычисленная в процентах средняя норма прибыли. Если $k = 200$, а $p' = 20\%$, то цена производства $k + kp' = 200 + 200 \cdot \frac{20}{100} = 200 + 40 = 240$. Очевидно, что эта цена производства может оставаться неизменной, хотя стоимость товаров изменяется.

Всякое изменение цены производства товаров в последнем счете сводится к изменению стоимости; но не всякое изменение стоимости товаров должно обязательно выразиться в изменении цены производства, так как эта последняя определяется не только стоимостью данного товара, но также совокупной стоимостью всех товаров. Изменение, касающееся товара A , может быть уравновешено противоположным изменением товара B , так что общее отношение остается неизменным.

II. ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ СРЕДНЕГО СТРОЕНИЯ.

Мы видели, что отклонения цен производства от стоимостей происходят вследствие того:

- 1) что к издержкам производства товара присоединяется не та прибавочная стоимость, которая в нем содержится, а средняя прибыль;
- 2) что цена производства товара, отклоняющаяся таким образом

от его стоимости, входит как элемент в издержки производства другого товара; так что уже в издержках производства товара может заключаться отклонение от стоимости потребленных на него средств производства, независимо от того отклонения, которое для самого этого товара получается благодаря разнице между средней прибылью и прибавочной стоимостью.

Возможно таким образом, что и у товаров, произведенных капиталами среднего строения, издержки производства отклонятся от суммы стоимости элементов, из которых слагается эта составная часть их цены производства. Пусть среднее строение $80_c + 20_p$. Возможно, что в действительных капиталах, составленных таким образом, 80_c больше или меньше стоимости c , постоянного капитала, так как это c состоит из товаров, цена производства которых отклоняется от их стоимости. Равным образом 20_p могут отклоняться от их стоимости, если в потребление заработной платы входят товары, цена производства которых отлична от стоимости; следовательно, рабочий, чтобы окупить эти товары (возместить их), должен затратить больше или меньше рабочего времени, т. е. должен выполнить больше или меньше необходимого труда, чем это требовалось бы, если бы цены производства необходимых жизненных средств совпадали с их стоимостями.

Однако эта возможность несколько не колеблет справедливости положений, установленных для товаров среднего строения. Количество прибыли, приходящейся на эти товары, равно количеству заключающейся в них самих прибавочной стоимости. Например, в вышеприведенном капитале строения $80_c + 20_p$ для определения прибавочной стоимости важно не то, выражают эти числа действительные стоимости или нет, а то, в каком отношении они находятся между собою, именно, что: $v = \frac{1}{5}$ всего капитала и $c = \frac{4}{5}$. Раз это так, прибавочная стоимость, которую произвело v , равна, как было выше предположено, средней прибыли. С другой стороны, так как прибавочная стоимость равна средней прибыли, то цена производства = издержкам производства + прибыль = $k + p = k + m$, практически равна стоимости товара. То-есть повышение или понижение заработной платы оставляет в этом случае $k + p$ столь же неизменным, сколь неизменной оставило бы оно стоимость товара, и вызывает только соответственное обратное движение, понижение или повышение, на стороне нормы прибыли. А именно, если бы вследствие повышения или понижения заработной платы изменилась в данном случае цена товаров, то норма прибыли в этих сферах среднего строения оказалась бы выше или ниже ее уровня в других сферах. Лишь

поскольку цена остается неизменной, сферы среднего строения сохраняют свой уровень прибыли одинаковым с другими сферами. Таким образом практически дело происходит совершенно так, как если бы продукты этой сферы продавались по их действительной стоимости. В самом деле, если товары продаются по их действительным стоимостям, то очевидно, что при прочих равных условиях повышение или понижение заработной платы вызовет соответственное понижение или повышение прибыли, но отнюдь не изменение стоимости товаров, и что при всех обстоятельствах повышение или понижение заработной платы может затронуть только величину прибавочной стоимости, а никак не стоимость товаров.

III. ОСНОВАНИЯ КАПИТАЛИСТА ДЛЯ КОМПЕНСАЦИИ.

Как уже было сказано, конкуренция уравнивает нормы прибыли различных сфер производства в среднюю норму прибыли и именно этим превращает стоимости продуктов этих различных сфер в цены производства. И это совершается путем постоянного перенесения капитала из одной сферы в другую, где в данный момент прибыль стоит выше среднего уровня; при этом, однако, должны быть приняты во внимание колебания прибыли, связанные для известной отрасли промышленности на протяжении известного периода с чередованием тощих и тучных годов. Эта непрерывная эмиграция и иммиграция капитала, происходящая между различными сферами производства, вызывает восходящие и нисходящие движения нормы прибыли, которые более или менее взаимно уравниваются и всилу этого имеют тенденцию повсюду сводить норму прибыли к одному общему уровню.

Это движение капиталов обуславливается в первую очередь состоянием рыночных цен, которые здесь поднимают прибыль выше общего среднего уровня, там понижают ее ниже этого уровня. Мы оставляем пока в стороне купеческий капитал, до которого здесь нам еще нет дела и который, как показывают внезапно разражающиеся пароксизмы спекуляции в области известных излюбленных ею предметов, с чрезвычайною быстротой способен извлекать массы капитала из одной отрасли предпринимательства и столь же быстро бросать их в другую. Но в каждой сфере производства в собственном смысле этого слова — промышленности, земледелии, горном деле и т. д. — перенесение капитала из одной сферы в другую представляет значительные трудности, в особенности благодаря наличию основного капитала. К тому же опыт показывает, что если какая-

либо отрасль промышленности, напр. хлопчатобумажная промышленность, в течение известного времени приносит необычно высокую прибыль, то в течение другого периода она приносит лишь ничтожную прибыль или даже убыток, так что за известный цикл лет средняя прибыль оказывается здесь приблизительно одинаковой с другими отраслями. И с этим опытом капитал скоро приучается считаться.

Но чего конкуренция *не* обнаруживает, это того, что стоимость господствует над движением производства, она не обнаруживает стоимостей, которые скрываются за ценами производства и в конечном счете определяют их. Конкуренция обнаруживает, напротив: 1) средние прибыли, независимые от органического строения капитала в различных сферах производства, следовательно независимые и от массы живого труда, присваиваемого данным капиталом в данной сфере эксплуатации; 2) повышение и понижение цен производства вследствие изменения высоты заработной платы — явление, на первый взгляд совершенно противоречащее стоимостному отношению товаров; 3) колебания рыночных цен, которые сводят среднюю рыночную цену товаров за данный период не к рыночной *стоимости*, а к уклоняющейся от нее, весьма отличной от нее рыночной цене производства. *Кажется*, что все эти явления противоречат в равной степени и определению стоимости рабочим временем, и природе прибавочной стоимости, состоящей из неоплаченного прибавочного труда. *Таким образом в конкуренции все проявляется в искаженном виде.* Тот сложившийся уже вид экономических отношений, который выступает на поверхности, в их реальном существовании, а следовательно и в тех представлениях, при помощи которых пытаются уяснить себе эти отношения их носители и агенты, весьма сильно отличается от их внутреннего, существенного, но скрытого основного содержания [Kerngestalt] и на деле искажает его и противоречит как ему самому, так и соответствующему ему понятию.

Далее. Когда капиталистическое производство достигает известной степени развития, уравнение различных норм прибыли отдельных сфер производства в единую общую норму прибыли отнюдь не совершается исключительно путем отталкивания и притяжения капитала рыночными ценами. После того, как на известный период установились средние цены и соответствующие им рыночные цены, до сознания отдельных капиталистов доходит, что при таком уравнении уравниваются *определенные различия*, которые немедленно учитываются капиталистами в их взаимных расчетах. В представлении капиталистов эти различия живут и *учтываются* ими как основания для компенсации.

Основным представлением является при этом сама средняя прибыль — представление, что капиталы равной величины в равные промежутки времени должны давать равную прибыль. В основе этого лежит, в свою очередь, представление, что капитал каждой сферы производства должен *pro rata* [пропорционально] своей величине участвовать в присвоении всей прибавочной стоимости, выжатой из рабочих всем общественным капиталом; или что каждый отдельный капитал должен рассматриваться просто как часть всего капитала, каждый отдельный капиталист должен рассматриваться по существу как акционер общего предприятия, который участвует в общей прибыли *pro rata* [пропорционально] величине своей доли во всем капитале.

На этом представлении основываются затем расчеты капиталистов. Так, напр., если капитал оборачивается сравнительно медленно или потому, что товары дольше остаются в процессе производства, или потому, что они должны быть проданы на более отдаленных рынках, то прибыль, ускользающая от него благодаря этому, все-таки начисляется, следовательно возмещается путем надбавки к цене. Точно так же капиталовложения, подвергающиеся исключительно большим опасностям, напр. вложения в морской транспорт, тоже получают возмещение путем надбавки в цене. Когда капиталистическое производство, а вместе с ним и дело страхования достаточно развиваются, опасность становится фактически одинаковой для всех сфер производства (см. Корбет); предприятия, наиболее подверженные опасности, платят, однако, более высокие страховые премии и вознаграждают себя за это в цене своих товаров. На практике все сводится к тому, что каждое обстоятельство, которое делает данное вложение капитала более прибыльным, а другое менее прибыльным, — а в известных границах все вложения считаются одинаково необходимыми, — принимается в расчет, как раз навсегда установленное основание для компенсации; причем уже нет надобности в новых и новых действиях конкуренции, чтобы оправдать этот мотив или правильность этого расчета. Капиталист забывает только, — или, скорее, не видит, так как конкуренция ему этого не показывает, — что все эти основания для компенсации, выдвигаемые капиталистами друг против друга при взаимном расчете товарных цен в различных отраслях производства, покоятся исключительно на том, что все капиталисты имеют *pro rata* [пропорционально] их капиталу одинаковое притязание на общую добычу, на совокупную прибавочную стоимость. Наоборот, так как фактически полученная ими прибыль отлична от выжатой ими прибавочной

стоимости, то им *кажется*, что их основания для компенсации не уравнивают их участия в совокупной прибавочной стоимости, а *создают самую прибыль*, так как эта последняя возникает якобы просто из так или иначе мотивированной надбавки к издержкам производства товаров.

В остальном и к средней прибыли приложимо все то, что в гл. VII, стр. 116 [настоящее издание стр. 146—147], было сказано о представлении капиталиста относительно источника прибавочной стоимости. Здесь постановка вопроса меняется лишь постольку, поскольку при данной рыночной цене товаров и данной эксплуатации труда сбережения в области издержек производства зависят от индивидуального искусства, внимательности и т. д.

ЗАКОН ТЕНДЕНЦИИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К Понижению.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ЗАКОН КАК ТАКОВОЙ.

При данной заработной плате и при данной продолжительности рабочего дня переменный капитал, напр. в 100, представляет определенное число рабочих, приводимых в движение; он служит показателем этого числа. Пусть, напр., 100 ф. ст. составляют заработную плату 100 рабочих, скажем, за 1 неделю. Если эти 100 рабочих совершают столько же необходимого труда, сколько прибавочного труда, если, следовательно, они ежедневно работают столько же времени на самих себя, т. е. для воспроизводства своей заработной платы, сколько на капиталистов, т. е. для производства прибавочной стоимости, то вся произведенная ими стоимость = 200 ф. ст., а произведенная ими прибавочная стоимость составляет 100 ф. ст. Норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ была бы = 100%. Однако эта норма прибавочной стоимости, как мы видели, выражалась бы в очень различных нормах прибыли соответственно различной величине постоянного капитала c и вместе с тем всего капитала K , так как норма прибыли = $\frac{m}{K}$. При норме прибавочной стоимости 100%:

$$\begin{aligned} \text{Если } c = 50, v = 100, \text{ то } p' &= \frac{100}{150} = 66\frac{2}{3}\%; \\ \text{» } c = 100, v = 100, \text{ то } p' &= \frac{100}{200} = 50\%; \\ \text{» } c = 200, v = 100, \text{ то } p' &= \frac{100}{300} = 33\frac{1}{3}\%; \\ \text{» } c = 300, v = 100, \text{ то } p' &= \frac{100}{400} = 25\%; \\ \text{» } c = 400, v = 100, \text{ то } p' &= \frac{100}{500} = 20\%. \end{aligned}$$

Таким образом при не изменяющейся степени эксплуатации труда одна и та же норма прибавочной стоимости выражалась бы в понижающейся норме прибыли, потому что вместе с материальными размерами постоянного капитала возрастает, хотя и не в той же

пропорции, и величина стоимости постоянного, а следовательно и всего, капитала.

Если мы далее предположим, что это постепенное изменение строения капитала происходит не только в отдельных сферах производства, но более или менее во всех или, по крайней мере, в решающих сферах производства, так что оно равносильно изменению среднего органического строения всего капитала, принадлежащего определенному обществу, то такое постепенное возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным необходимо должно иметь своим результатом *постепенное понижение общей нормы прибыли* при не изменяющейся норме прибавочной стоимости, или при не изменяющейся степени эксплуатации труда капиталом. Но законом капиталистического способа производства оказалось, что с его развитием совершается относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным капиталом и, следовательно, по сравнению со всем приводимым в движение капиталом. Это означает только то, что одинаковое число рабочих, одинаковое количество рабочей силы, которым можно располагать при помощи переменного капитала данной стоимостной величины, вследствие своеобразных методов производства, развивающихся в капиталистическом производстве, за одинаковое время приводит в движение, перерабатывает и производительно потребляет постоянно возрастающую массу средств труда, машин и всякого рода основного капитала, сырья и вспомогательных материалов, а потому — и постоянный капитал, постоянно возрастающий по своей стоимостной величине. Такое прогрессирующее относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным и, следовательно со всем, капиталом тождественно с прогрессирующим повышением среднего органического строения общественного капитала. Это является также только иным выражением прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, которое сказывается именно в том, что посредством возрастающего применения машин и вообще основного капитала при том же числе рабочих в такое же время, т. е. с меньшим трудом, превращается в продукты большее количество сырья и вспомогательных материалов. Этому возрастанию стоимостной величины постоянного капитала, — хотя оно лишь отдаленным образом представляет возрастание действительной массы потребительных стоимостей, из которых вещественно состоит постоянный капитал, — соответствует возрастающее удешевление продукта. Каждый индивидуальный продукт, рассматриваемый сам по себе, содержит меньшую сумму труда, чем на низшей ступени производства, где отношение

капитала, затраченного на труд, к капиталу, затраченному на средства производства, представляет несравненно большую величину. Следовательно, гипотетический ряд, приведенный нами в начале главы, выражает действительную тенденцию капиталистического производства. Последнее вместе с прогрессирующим относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным создает все более высокое органическое строение всего капитала, непосредственным результатом чего является то, что при не изменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда норма прибавочной стоимости выражается в постоянно понижающейся общей норме прибыли. (Дальше будет показано, почему понижение выступает не в этой абсолютной форме, а скорее в форме тенденции к прогрессивному понижению.) Следовательно, прогрессирующая тенденция общей нормы прибыли к понижению есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, *выражение, свойственное капиталистическому способу производства*. Это не значит, что норма прибыли не может временно понижаться и по другим причинам, но таким образом, исходя из сущности капиталистического способа производства, доказано в качестве само собой разумеющейся необходимости, что с его развитием общая средняя норма прибавочной стоимости необходимо должна получать выражение в понижающейся общей норме прибыли. Так как масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по отношению к массе приводимого им в движение овеществленного труда, к массе производительно потребляемых средств производства, то отношение той части этого живого труда, которая не оплачена и овеществлена в прибавочной стоимости, к стоимостной величине всего применяемого капитала должно постоянно уменьшаться. Но это отношение массы прибавочной стоимости к стоимости всего примененного капитала образует норму прибыли, которая поэтому должна постоянно падать.

Как ни прост кажется этот закон после всего нами изложенного, но всей прошлой политической экономии не удавалось открыть его, как мы это увидим в одном из последующих отделов. Она видела явление и мучилась в противоречивых попытках дать ему объяснение. Но при той огромной важности, какую имеет этот закон для капиталистического производства, можно сказать, что он составляет тайну, над разрешением которой бьется вся политическая экономия со времени Адама Смита, и что различие между разными школами после А. Смита состоит в различных попытках ее разрешения. С другой стороны, если принять в соображение, что хотя вся предыдущая

политическая экономия и ходила вокруг да около различия постоянного и переменного капитала, но так и не сумела определенно его формулировать; что она никогда не представляла прибавочную стоимость отдельно от прибыли, а прибыль вообще никогда не представляла в чистом виде в отличие от ее различных обособившихся друг от друга составных частей, — как промышленная прибыль, торговая прибыль, процент, земельная рента; — что она никогда основательным образом не анализировала различия в органическом строении капитала, а следовательно и образования общей нормы прибыли, — то перестает быть загадочным то обстоятельство, что ей никогда не удавалось разрешить этой загадки.

Мы намеренно даем изложение этого закона раньше, чем показали распадение прибыли на различные обособившиеся одна от другой категории. Возможность выведения этого закона независимо от распадения прибыли на различные части, приходящиеся на долю лиц различных категорий, прямо доказывает независимость закона в его всеобщности от такого распадения и от взаимных отношений между различными категориями прибыли, возникающими в результате этого распадения. Прибыль, о которой мы говорим здесь, есть только другое название самой прибавочной стоимости, которая представлена лишь в отношении ко всему капиталу, а не только к одному переменному капиталу, из которого она возникает. Следовательно, понижение нормы прибыли выражает убывающее отношение самой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, и потому оно независимо от какого бы то ни было распределения этой прибавочной стоимости между различными категориями.

Мы видели, что на одной ступени капиталистического развития, когда строение капитала $c : v = 50 : 100$, норма прибавочной стоимости в 100% выражается в норме прибыли $= 66\frac{2}{3}\%$, а на более высокой ступени, когда $c : v = 400 : 100$, та же самая норма прибавочной стоимости выражается в норме прибыли лишь 20%. То, что относится к различным последовательным ступеням развития в одной и той же стране, относится и к различным ступеням развития, существующим одновременно одна рядом с другой в различных странах. В неразвитой стране, где первое строение капитала является средним, общая норма прибыли была бы $= 66\frac{2}{3}\%$, тогда как в стране со вторым строением капитала, стоящей на много более высокой ступени развития, она была бы $= 20\%$.

Различие обеих национальных норм прибыли могло бы исчезнуть и даже принять обратный вид вследствие того, что в менее развитой стране труд был бы менее производителен, поэтому большее

количество труда выражалось бы в меньшем количестве одного и того же товара, большая меновая стоимость выражалась бы в меньшей потребительной стоимости, следовательно рабочий употреблял бы большую часть своего времени на воспроизводство средств своего собственного существования или их стоимости и меньшую часть на создание прибавочной стоимости, доставлял бы меньше прибавочного труда, так что норма прибавочной стоимости была бы ниже. Если бы, напр., в менее развитой стране рабочий $\frac{2}{3}$ рабочего дня работал на самого себя, а $\frac{1}{3}$ на капиталиста, то, если принять предположения вышеприведенного примера, эта же самая рабочая сила оплачивалась бы $133\frac{1}{3}$ и доставила бы излишек только в $66\frac{2}{3}$. Переменному капиталу в $133\frac{1}{3}$ соответствовал бы постоянный капитал в 50. Следовательно, норма прибавочной стоимости составляла бы в этом случае $66\frac{2}{3} : 133\frac{1}{3} = 50\%$, а норма прибыли $66\frac{2}{3} : 183\frac{1}{3}$, или приблизительно $36\frac{1}{2}\%$.

Так как мы до сих пор еще не исследовали различных составных частей, на которые распадается прибыль, следовательно они для нас еще не существуют, то мы только во избежание недоразумений наперед заметим следующее. При сравнении стран, стоящих на различных ступенях развития, именно стран с развитым капиталистическим производством и таких, где труд еще формально не подчинен капиталу, хотя в действительности рабочий эксплуатируется капиталистом (напр. в Индии, где райот ведет хозяйство как самостоятельный крестьянин, следовательно его производство как таковое еще не подчинено капиталу, хотя ростовщик в форме процента может вытянуть из него не только весь его прибавочный труд, но даже, выражаясь капиталистически, часть его заработной платы), — при таком сравнении было бы очень ошибочно измерять высоту национальной нормы прибыли национальным уровнем процента. В таком проценте включена вся прибыль и даже больше чем прибыль, тогда как в странах развитого капиталистического производства процент составляет лишь известную часть произведенной прибавочной стоимости, или прибыли. С другой стороны, ставка процента в этом случае определяется главным образом такими отношениями (ссуды ростовщиков знати, собственникам земельной ренты), которые не имеют решительно ничего общего с прибылью, а, напротив, показывают лишь, в какой мере ростовщик присваивает земельную ренту.

В странах, в которых капиталистическое производство находится на различных ступенях развития и в которых поэтому органическое строение капитала различно, норма прибавочной стоимости (один из факторов, определяющих норму прибыли) в той стране,

где нормальный рабочий день короче, может стоять выше, чем в той, где он длиннее. *Во-первых*, если английский 10-часовой рабочий день вследствие своей более высокой интенсивности равен австрийскому 14-часовому рабочему дню, то при одинаковом распределении рабочего дня 5 часов прибавочного труда англичанина могут представлять на всемирном рынке стоимость большую, чем 7 часов австрийца. А, *во-вторых*, в Англии прибавочный труд может составлять большую часть рабочего дня, чем в Австрии.

Закон понижения нормы прибыли, — причем в понижающейся норме прибыли получает выражение та же самая или даже возрастающая норма прибавочной стоимости, — иначе говоря, означает следующее: если взять какое-нибудь определенное количество среднего общественного капитала, напр. капитал в 100, то часть его, заключающаяся в средствах труда, все возрастает, а часть, заключающаяся в живом труде, все уменьшается. Следовательно, так как совокупная масса живого труда, присоединяемого к средствам производства, уменьшается по сравнению со стоимостью этих средств производства, то по сравнению со стоимостью всего авансированного капитала уменьшается и неоплаченный труд и та часть стоимости, в которой он выражается. Или: из всего затрачиваемого капитала в живой труд превращается все меньшая часть, и поэтому весь этот капитал всасывает по сравнению со своей величиной все меньше прибавочного труда, хотя одновременно с этим может возрастать отношение неоплаченной части применяемого труда к его оплаченной части. Относительное уменьшение переменного капитала и увеличение постоянного при абсолютном возрастании обеих этих частей есть, как мы сказали, только другое выражение возрастающей производительности труда.

Положим, что капитал в 100 состоит из $80_c + 20_w$, последние = 20 рабочим. Норма прибавочной стоимости пусть будет 100%, т. е. рабочие полдня работают на себя и полдня на капиталиста. В другой, менее развитой стране капитал пусть будет $= 20_c + 80_w$, причем эти последние = 80 рабочим. Но для этих рабочих требуется $\frac{2}{3}$ рабочего дня для работы на себя, и только $\frac{1}{3}$ они работают на капиталиста. При прочих равных условиях рабочие в первом случае производят стоимость в 40, во втором в 120. Первый капитал производит $80_c + 20_w + 20_m = 120$; норма прибыли = 200%. Второй капитал $20_c + 80_w + 40_m = 140$; норма прибыли = 40%. Следовательно, во втором случае она вдвое больше, чем в первом, хотя в первом случае норма прибавочной стоимости = 100%, вдвое больше, чем во втором, где она только 50%. Но зато равный по величине капитал в первом

случае присваивает прибавочную стоимость только 20, а во втором 80 рабочих.

Закон прогрессирующего падения нормы прибыли, или относительного уменьшения присваиваемого прибавочного труда по сравнению с массой овеществленного труда, приводимой в движение живым трудом, отнюдь не исключает возрастания абсолютной массы труда, приводимого в движение и эксплуатируемого общественным капиталом, а потому и возрастания абсолютной массы присваиваемого им прибавочного труда; точно так же он не исключает того, что капиталы, находящиеся под командой отдельных капиталистов, командуют возрастающей массой труда, а следовательно и прибавочного труда, — последнее даже в том случае, если число находящихся под их командой рабочих не возрастает.

Если взять рабочее население данной численности, напр. два миллиона, и принять, далее, продолжительность и интенсивность среднего рабочего дня, а также заработную плату, — а вместе с тем и отношение между необходимым и прибавочным трудом, — за величины данные, то совокупный труд этих двух миллионов, а также и их прибавочный труд, выражающийся в прибавочной стоимости, постоянно производит стоимость одинаковой величины. Но с возрастанием массы постоянного — основного и оборотного — капитала, приводимого в движение этим трудом, падает отношение этой величины стоимости к стоимости этого капитала, которая возрастает вместе с его массой, хотя и не в одинаковой пропорции. Это отношение, а потому и норма прибыли, падает, хотя капитал командует такой же массой живого труда, как и раньше, и всасывает такую же массу прибавочного труда. Отношение изменяется не потому, что уменьшается масса живого труда, а потому, что увеличивается масса уже овеществленного труда, приводимого им в движение. Уменьшение это относительно, а не абсолютно и на деле не имеет ничего общего с абсолютной величиной приводимого в движение труда и прибавочного труда. Падение нормы прибыли возникает не из абсолютного, а только из относительного уменьшения переменной составной части совокупного капитала, из ее уменьшения по сравнению с постоянной составной частью.

То, что имеет значение для данной массы труда и массы прибавочного труда, имеет значение и для возрастающего числа рабочих, а потому, при прежних предположениях, и для возрастающей массы труда, вообще находящегося под командой, и в частности для его неоплаченной части, для прибавочного труда. Если рабочее население увеличивается с двух до трех миллионов, если переменный

капитал, уплачиваемый ему в виде заработной платы, составлял раньше два миллиона, теперь же составляет три миллиона, а постоянный капитал, напротив, увеличивается с 4 до 15 миллионов, то при прежних предположениях (неизменяющийся рабочий день и неизменяющаяся норма прибавочной стоимости) масса прибавочного труда, прибавочной стоимости возрастает наполовину, на 50%, с 2 миллионов до 3. Тем не менее, несмотря на такое возрастание абсолютной массы прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, на 50%, отношение переменного капитала к постоянному упало бы с 2:4 до 3:15, и отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу представлялось бы в следующем виде (в миллионах):

$$I. \quad 4_c + 2_v + 2_m; K = 6; p' = 33\frac{1}{3}\%.$$

$$II. \quad 15_c + 3_v + 3_m; K = 18; p' = 16\frac{2}{3}\%.$$

В то время как масса прибавочной стоимости увеличилась наполовину, норма прибыли упала наполовину сравнительно с прежней. Но прибыль есть только прибавочная стоимость, взятая по отношению к общественному капиталу, и потому масса прибыли, ее абсолютная величина, взятая в общественном масштабе, равна абсолютной величине прибавочной стоимости. Следовательно, абсолютная величина прибыли, ее общая масса возросла бы на 50%, несмотря на чрезвычайное уменьшение этой массы прибыли по отношению ко всему авансированному капиталу или несмотря на чрезвычайное уменьшение общей нормы прибыли. Таким образом число рабочих, занятых капиталом, т. е. абсолютная масса труда, приводимого им в движение, следовательно абсолютная масса высасываемого им прибавочного труда, а потому и масса производимой им прибавочной стоимости, а значит и абсолютная масса производимой им прибыли, *может* возрастать, и возрастать прогрессивно, несмотря на прогрессивное падение нормы прибыли. Это не только *может* быть на основе капиталистического производства, это *должно* так быть, если оставить в стороне переходящие колебания.

Процесс капиталистического производства по существу есть в то же время и процесс накопления. Мы показали, как с развитием капиталистического производства масса стоимости, которая должна быть просто воспроизведена, сохранена, увеличивается и возрастает вместе с повышением производительности труда, если даже применяемая рабочая сила остается неизменной. Но с развитием общественной производительной силы труда еще быстрее возрастает масса производимых потребительных стоимостей, часть которых составляют

средства производства. А добавочный труд, путем присвоения которого это добавочное богатство может быть снова превращено в капитал, зависит не от стоимости, а от массы этих средств производства (включая и жизненные средства), так как в процессе труда рабочий имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью средств производства. Однако само накопление и сопровождающая его концентрация капитала сами являются материальным средством увеличения производительной силы. Но это возрастание средств производства предполагает возрастание рабочего населения, создание населения рабочих, соответствующего добавочному капиталу и даже в общем и целом постоянно превышающего его потребности, следовательно предполагает перенаселение. Временный избыток добавочного капитала сравнительно с рабочим населением, находящимся под его командой, может оказывать двойное влияние. С одной стороны, он может постепенно увеличивать рабочее население путем повышения заработной платы, т. е. путем смягчения губительных влияний, сокращающих прирост рабочих, и облегчением браков. Но, с другой стороны, посредством применения методов, создающих относительную прибавочную стоимость (введение и усовершенствование машин), он может еще быстрее создавать искусственное относительное перенаселение, которое, в свою очередь, является теплицей действительно быстрого увеличения населения, так как в капиталистическом производстве нищета порождает население. Поэтому из природы капиталистического процесса накопления, который составляет лишь момент в капиталистическом процессе производства, само собой следует, что возросшая масса средств производства, предназначенных к превращению в капитал, всегда находит под рукой соответственно увеличившееся и даже избыточное рабочее население, пригодное для эксплуатации. Следовательно, с развитием процесса производства и накопления необходимо *должна* возрастать масса прибавочного труда, который можно присваивать и который действительно присваивается, а потому *должна* возрастать и абсолютная масса прибыли, присваиваемой общественным капиталом. Но те же законы производства и накопления вместе с массой постоянного капитала увеличивают в возрастающей прогрессии и его стоимость, увеличивают быстрее, чем стоимость переменной части капитала, обмениваемой на живой труд. Таким образом всилу одних и тех же законов абсолютная масса прибыли на общественный капитал возрастает, а норма прибыли понижается.

Мы здесь совершенно не принимаем во внимание того, что с прогрессом капиталистического производства и соответствующего ему

развития производительной силы общественного труда и при умножении отраслей производства, а следовательно и продуктов, прежняя величина стоимости представляет прогрессивно возрастающую массу потребительных стоимостей и наслаждений.

Ход развития капиталистического производства и накопления обуславливает процесс труда во все возрастающем масштабе и вместе с тем во все растущих размерах и соответственно этому обуславливает увеличение авансирований капитала на каждое отдельное предприятие. Поэтому возрастающая концентрация капиталов (сопровождаемая в то же время, хотя и в меньшей степени, увеличением числа капиталистов) является и одним из материальных условий капиталистического производства и накопления и одним из создаваемых им самим результатов. Рука об руку и во взаимодействии с этим совершается прогрессирующая экспроприация более или менее непосредственных производителей. Таким образом в отношении отдельных капиталистов понятно, что они командуют все большими рабочими армиями (как бы ни уменьшался их переменный капитал сравнительно с постоянным), что масса присваиваемой ими прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, возрастает одновременно с понижением нормы прибыли и несмотря на такое понижение. Именно те самые причины, которые концентрируют массы рабочих армий под командой отдельных капиталистов, увеличивают также массу применяемого основного капитала, равно как сырья и вспомогательных материалов, — увеличивают относительно быстрее, чем массу применяемого живого труда.

Далее, нам достаточно здесь просто упомянуть, что при данном рабочем населении, если норма прибавочной стоимости возрастает, — благодаря ли удлинению или интенсификации рабочего дня или же благодаря понижению заработной платы в стоимостном выражении, являющемуся следствием развития производительной силы труда, — масса прибавочной стоимости, а потому и абсолютная масса прибыли, должна возрасти, несмотря на относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным.

То же самое развитие производительной силы общественного труда, те же самые законы, которые находят себе выражение в относительном уменьшении переменного капитала по сравнению со всем капиталом и в ускоряющемся вместе с тем накоплении, — между тем как, с другой стороны, накопление, действуя в обратном направлении, становится исходным пунктом дальнейшего развития производительной силы и дальнейшего относительного уменьшения переменного капитала, — это же самое развитие, если оставить в стороне

временные колебания, выражается во все нарастающем увеличении всей применяемой рабочей силы, во все усиливающимся возрастании абсолютной массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли.

В какой же форме должен выражаться этот двойственный закон возникающего из одних и тех же причин уменьшения *нормы* прибыли и одновременного увеличения абсолютной *массы* прибыли, закон, основанный на том, что при данных условиях присваиваемая масса прибавочного труда, а следовательно и прибавочной стоимости, возрастает и что, если рассматривать весь капитал в целом или рассматривать каждый отдельный капитал только как часть всего капитала, прибыль и прибавочная стоимость суть тождественные величины?

Возьмем известную часть капитала, напр. 100, и вычислим по отношению к ней норму прибыли. Положим, что эти 100 представляют среднее строение всего капитала, скажем, $80_c + 20_v$. Во втором отделе этой книги мы видели, что средняя норма прибыли в различных отраслях производства определяется не особым строением капитала в каждой отрасли, а его средним общественным строением. Вместе с относительным уменьшением переменной части сравнительно с постоянной и, следовательно сравнительно со всем капиталом в 100, при не изменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда уменьшается норма прибыли, уменьшается относительная величина прибавочной стоимости, т. е. ее отношение к стоимости всего авансированного капитала в 100. Но уменьшается не только эта относительная величина. Величина прибавочной стоимости, или прибыли, которую всасывает весь капитал в 100, падает абсолютно. При норме прибавочной стоимости в 100% капитал в $60_c + 40_v$ производит массу прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли = 40; капитал в $70_c + 30_v$ производит массу прибыли в 30; при капитале в $80_c + 20_v$ прибыль понижается до 20. Это понижение касается массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, и вытекает из того, что так как весь капитал в 100 приводит в движение меньше живого труда вообще, а при не изменяющейся степени эксплуатации меньше и прибавочного труда, то он производит меньше прибавочной стоимости. Если какую-нибудь часть общественного капитала, следовательно капитала среднего общественного строения, принять за единицу меры для измерения прибавочной стоимости, — а это делается при каждом вычислении прибыли, — то вообще относительное понижение прибавочной стоимости и ее абсолютное понижение оказываются тождественными. В вышеприведенных примерах норма прибыли падает с 40% до 30% и до 20%, так как на деле масса

прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, производимой одним и тем же капиталом, по своей абсолютной величине понижается с 40 до 30 и до 20. Так как величина стоимости капитала, с которым соизмеряется прибавочная стоимость, дана, именно = 100, то уменьшение отношения прибавочной стоимости к этой неизменяющейся величине может быть лишь особым выражением уменьшения абсолютной величины прибавочной стоимости и прибыли. На самом деле это — тавтология. Но то обстоятельство, что такое уменьшение наступает, — это, как было показано, вытекает из природы развития капиталистического процесса производства.

Но, с другой стороны, те самые причины, которые вызывают абсолютное уменьшение прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли на данный капитал, а потому и нормы прибыли, исчисляемой в процентах, эти же причины приводят к возрастанию абсолютной массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, присваиваемой общественным капиталом (т. е. совокупностью капиталистов). Как же это должно выразиться? Как это только и может выразиться? Или — какие условия предполагаются этим кажущимся противоречием?

Если всякая доля общественного капитала, равная 100, а следовательно всякая сотня капитала среднего общественного строения, есть величина данная, а потому для нее уменьшение нормы прибыли совпадает с уменьшением абсолютной величины прибыли, ибо как раз в этом случае капитал, которым она измеряется, есть величина постоянная, то, напротив, величина всего общественного капитала, как и капитала, находящегося в руках отдельных капиталистов, есть изменяющаяся величина, которая для того, чтобы предположенные условия были удовлетворены, должна изменяться в обратном отношении к уменьшению своей переменной части.

В прежнем примере при процентном строении капитала $60_c + 40_p$ прибавочная стоимость, или прибыль на него, была 40, а потому норма прибыли 40%. Положим, что при таком строении весь капитал равнялся миллиону. В таком случае вся прибавочная стоимость, а следовательно вся прибыль, составляла бы 400 000. Если затем строение капитала будет $= 80_c + 20_p$, то при не изменяющейся степени эксплуатации труда прибавочная стоимость, или прибыль, на каждую сотню = 20. Но так как прибавочная стоимость, или прибыль, как мы показали, по своей абсолютной массе возрастает, вопреки этой уменьшающейся норме прибыли или уменьшающемуся производству прибавочной стоимости каждой сотней капитала, — возрастает, скажем, с 400 000 до 440 000, — то это

возможно лишь благодаря тому, что весь капитал, образовавшийся одновременно с этим новым строением, возрос до 2 200 000. Масса всего приводимого в движение капитала увеличилась на 120%, тогда как норма прибыли упала на 50%. Если бы капитал только удвоился, то для того, чтобы норма прибыли была 20%, он должен был бы произвести только такую же массу прибавочной стоимости и прибыли, как прежний капитал в 1 000 000 при норме прибыли в 40%. Если бы он возрос менее чем вдвое, то он произвел бы прибавочной стоимости и прибыли меньше, чем прежде производил капитал в 1 000 000, который для того, чтобы повысить свою прибавочную стоимость с 400 000 до 440 000, должен был бы при своем старом строении увеличиться с 1 000 000 только до 1 100 000.

Здесь проявляется уже ранее развитый закон, согласно которому с относительным уменьшением переменного капитала, следовательно с развитием общественной производительной силы труда, требуется постоянно возрастающая масса всего капитала для того, чтобы приводить в движение такое же количество рабочей силы и поглощать такую же массу прибавочного труда. Поэтому в той же мере, в какой развивается капиталистическое производство, развивается также возможность появления относительно излишнего рабочего населения, не потому, что производительная сила общественного труда *уменьшается*, а потому, что она *увеличивается*, т. е. вследствие абсолютного несоответствия между трудом и средствами существования или средствами для производства этих средств существования, а вследствие несоответствия, вытекающего из капиталистической эксплуатации труда, несоответствия между прогрессивным возрастанием капитала и его относительно уменьшающейся потребностью в возрастании населения.

Понижаясь на 50%, норма прибыли понижается наполовину. Поэтому, чтобы масса прибыли осталась прежняя, капитал должен удвоиться. Для того, чтобы при уменьшающейся норме прибыли масса прибыли оставалась неизменной, множитель, показывающий возрастание всего капитала, должен быть равен делителю, показывающему понижение нормы прибыли. Если норма прибыли понижается с 40 до 20, то для того, чтобы результат оставался прежним, весь капитал должен, наоборот, возрасти в отношении 20 : 40. Если бы норма прибыли понизилась с 40 до 8, то капитал должен был бы возрасти в отношении 8 : 40, т. е. в пять раз. Капитал в 1 000 000 при 40% производит 400 000, и капитал в 5 000 000 при 8% производит также 400 000. Такое возрастание необходимо для того, чтобы результат оставался прежним. Наоборот, чтобы результат получился больший,

капитал должен возрастать в большей пропорции, чем понижается норма прибыли. Другими словами: для того, чтобы переменная составная часть всего капитала не только абсолютно оставалась прежней, но и абсолютно возростала, хотя ее процентное отношение ко всему капиталу понижается, весь капитал должен возрастать в большей пропорции, чем понижается процентное отношение переменного капитала. Он должен возрастать настолько, чтобы при его новом строении для покупки рабочей силы требовалась не только прежняя переменная часть капитала, но еще некоторый добавок. Если переменная часть капитала, = 100, уменьшится с 40 до 20, то весь капитал должен возрасти более чем до 200 для того, чтобы можно было употребить переменный капитал больший, чем 40.

Даже в том случае, если бы эксплуатируемая масса рабочего населения оставалась неизменной и увеличилась бы только продолжительность и интенсивность рабочего дня, масса употребляемого капитала должна была бы возрасти, так как она должна возрасти даже для того, чтобы с изменением строения капитала можно было бы применять прежнюю массу труда при прежних отношениях эксплуатации.

Итак, одно и то же развитие общественной производительной силы труда выражается с прогрессом капиталистического способа производства, с одной стороны, в тенденции к прогрессирующему понижению нормы прибыли, а с другой стороны, — в постоянном возрастании абсолютной массы присваиваемой прибавочной стоимости, или прибыли: так что в общем относительному уменьшению переменного капитала и прибыли соответствует абсолютное увеличение их обоих. Как мы показали, это двустороннее влияние может найти себе выражение лишь в том, что весь капитал возрастает в более быстрой прогрессии, чем та, в какой понижается норма прибыли. Для того, чтобы при более высоком строении капитала или при относительно более сильном увеличении постоянного капитала можно было употребить абсолютно возросший переменный капитал, весь капитал должен возрасти не только в соответствии с более высоким строением, но еще быстрее. Из этого следует, что по мере развития капиталистического способа производства требуется все большее количество капитала для того, чтобы применять ту же самую рабочую силу, и еще более для того, чтобы применять возросшую рабочую силу. Итак, на капиталистическом базисе повышающаяся производительная сила труда необходимо создает постоянное кажущееся перенаселение рабочих. Если переменный капитал составляет только $\frac{1}{6}$ всего капитала вместо прежней $\frac{1}{2}$, то для того,

чтобы дать занятие прежней рабочей силе, весь капитал должен утроиться; а для того, чтобы дать занятие двойной рабочей силе, он должен ушестериться.

Предшествующая политическая экономия, не сумевшая объяснить закона понижения нормы прибыли, указывала на увеличивающуюся массу прибыли, на возрастание абсолютной величины прибыли отдельных капиталистов и всего общественного капитала как на своего рода утешение, но и оно построено на одних общих местах и возможностях.

Что масса прибыли определяется двумя факторами: во-первых, нормой прибыли и, во-вторых, массой капитала, который применяется для получения такой нормы прибыли, — это просто тавтология. Что масса прибыли может поэтому возрасти, хотя норма прибыли одновременно с этим понижается, — это только выражение указанной тавтологии и не помогает подвинуться вперед ни на шаг, потому что возможен и такой случай, когда капитал возрастает, а масса прибыли не увеличивается, и что он может возрасти даже в то время, когда она падает: 100 при 25% дает 25, 400 при 5% дает только 20⁸⁵. Но если те самые причины, которые вызывают понижение нормы прибыли, содействуют накоплению, т. е. образованию

⁸⁵ «Мы могли бы также ожидать, что, как бы ни уменьшилась норма прибыли на капитал вследствие накопления капитала в земледелии и повышения заработной платы, общая сумма прибыли увеличилась бы. Так, предполагая, что с накоплением каждых новых 100 000 ф. ст. норма прибыли будет падать с 20 до 19, 18, 17 процентов, постоянно уменьшаясь, следовало бы ожидать, что величина прибыли, полученной всеми последующими владельцами капитала, будет всегда прогрессировать; что она будет больше, когда капитал равняется 200 000 ф. ст., чем когда он достигает всего 100 000, еще больше, когда он составляет 300 000 и т. д., увеличиваясь, хотя и в понижающейся пропорции, с каждым увеличением капитала. Однако эта прогрессия верна только для известного периода: так, 19% с 200 000 составляют больше, чем 20% со 100 000, 18% с 300 000 — больше, чем 19% с 200 000, но, когда капитал накопится до известной большой суммы и прибыль опять упадет, дальнейшее накопление будет уменьшать сумму прибыли. Положим, что накопление достигло 1 000 000, а прибыль равна 7%, тогда вся сумма прибыли будет 70 000; если теперь к миллиону прибавится еще 100 000, а прибыль понизится до 6%, то собственники капитала получат 66 000, или на 4 000 меньше, хотя вся величина капитала поднялась с 1 000 000 до 1 100 000». *Ricardo* [«On the Principles of Political Economy», гл. VI] (Works, ed. by Mac Culloch, 1852, стр. 68—69). [См. *Д. Рикардо*: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., гл. VI, стр. 69.] В действительности здесь предположено, что капитал возрастает с 1 000 000 до 1 100 000, т. е. на 10%, между тем как норма прибыли понижается с 7 до 6, т. е. на 14²/₃%. *Hinc illae lacrimae* [Вот в чем его горе].

дополнительного капитала, и если каждый дополнительный капитал приводит в движение дополнительный труд и производит дополнительную прибавочную стоимость, если, с другой стороны, простое понижение нормы прибыли уже само по себе предполагает тот факт, что постоянный капитал, а следовательно весь прежний капитал, возрос, то весь этот процесс перестает быть таинственным. Впоследствии мы увидим, к каким умышленным искажениям в вычислениях прибегали для того, чтобы разделаться с возможностью увеличения массы прибыли при одновременном уменьшении нормы прибыли.

Мы показали, как те самые причины, которые вызывают тенденцию общей нормы прибыли к понижению, обуславливают ускоренное накопление капитала, а вследствие этого и возрастание абсолютной величины или общей массы присваиваемого им прибавочного труда (прибавочной стоимости, прибыли). В конкуренции, а следовательно и в сознании ее агентов, все выражается в искаженном виде; точно так же искаженно выражается в конкуренции и в сознании ее агентов и этот закон, — я имею в виду эту внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями, которые по своей внешней видимости противоречат одно другому. Ясно, что при тех пропорциях, которые приведены выше, капиталист, располагающий крупным капиталом, получает большую массу прибыли, чем мелкий капиталист, получающий, повидимому, высокую прибыль. Далее, самое поверхностное наблюдение конкуренции показывает, что, если при известных обстоятельствах, как, напр., во время кризиса, более крупный капиталист желает захватить место на рынке, отеснить более мелких капиталистов, он пользуется этим практически, т. е. намеренно понижает свою норму прибыли, чтобы вытеснить сравнительно мелких капиталистов. В частности купеческий капитал, о котором подробнее мы будем говорить впоследствии, также обнаруживает явления, благодаря которым понижение прибыли представляется следствием расширения дела, а вместе с тем и капитала. Подлинно научное выражение вместо ошибочного понимания мы дадим позже. Подобные поверхностные воззрения возникают из сравнения норм прибыли, получаемых в отдельных отраслях предпринимательства в зависимости от того, подчинены ли они режиму свободной конкуренции или монополии. Совершенно плоское представление, какое образуется в головах агентов конкуренции, мы находим у нашего Рошера, именно, что такое понижение нормы прибыли «благоразумнее и гуманнее». Уменьшение нормы прибыли представлено здесь как *следствие* увеличения капитала и связанного с ним расчета капиталистов, что при меньшей норме прибыли будет

больше масса прибыли, которую они кладут себе в карман. Все это (за исключением того, что имеется у А. Смита, о чем позже) основано на полном непонимании, что такое вообще есть общая норма прибыли, и на грубом представлении, что цены в действительности определяются путем надбавки более или менее произвольной доли прибыли к действительной стоимости товаров. Как ни грубы такие представления, но они необходимо возникают благодаря тому превратному виду, какой принимают в сфере конкуренции имманентные законы капиталистического производства.

Закон, согласно которому понижение нормы прибыли, вызываемое развитием производительной силы, сопровождается увеличением массы прибыли, этот закон выражается и в том, что падение цен товаров, производимых капиталом, сопровождается относительным увеличением массы прибыли, заключающейся в них и реализуемой посредством их продажи.

Так как развитие производительной силы и соответствующее ему более высокое строение капитала приводит в действие все увеличивающееся количество средств производства при помощи все уменьшающегося количества труда, то каждая дробная доля совокупного продукта, каждая единица товара или каждое определенное отдельное количество товара, служащее единицей меры для всей массы произведенных товаров, поглощает менее живого труда и, кроме того, содержит менее овеществленного труда как в возмещение сношенной части примененного основного капитала, так и потребленного сырья и вспомогательных материалов. Следовательно, каждая единица товара содержит меньшую сумму труда, как овеществленного в средствах производства, так и вновь присоединенного во время производства. Поэтому цена единицы товара понижается. Несмотря на то, масса прибыли, заключающаяся в каждой единице товара, может увеличиться, если норма абсолютной или относительной прибавочной стоимости возрастает. Товар содержит менее вновь присоединенного труда, но неоплаченная часть последнего возрастает сравнительно с оплаченной частью. Однако это происходит лишь в известных пределах. Вместе с чрезвычайно быстро совершающимся при развитии производства абсолютным уменьшением суммы живого труда, вновь присоединяемого к каждой единице товара, будет абсолютно уменьшаться и масса заключающегося в ней неоплаченного труда, как бы она ни возрастала относительно, именно по сравнению с оплаченной частью. Несмотря на возраста-

ние нормы прибавочной стоимости, масса прибыли, приходящаяся на каждую единицу товара, будет значительно уменьшаться с развитием производительной силы труда; а такое уменьшение совершенно так же, как понижение нормы прибыли, будет только замедляться удешевлением элементов постоянного капитала и другими обстоятельствами, которые указаны в первом отделе этой книги и которые при неизменной и даже при понижающейся норме прибавочной стоимости повышают норму прибыли.

То обстоятельство, что цена отдельных товаров, из суммы которых состоит совокупный продукт капитала, падает, означает только то, что данное количество труда реализуется в большей массе товаров, следовательно, что каждая штука товара содержит менее труда, чем прежде. Это происходит даже в том случае, если повышается цена некоторой части постоянного капитала, сырья и пр. За исключением отдельных случаев (напр., если производительная сила труда равномерно удешевляет все элементы как постоянного, так и переменного капитала) норма прибыли будет падать, несмотря на повышенную норму прибавочной стоимости, 1) потому что даже увеличившаяся неоплаченная часть уменьшившейся общей суммы вновь присоединенного труда меньше, чем была меньшая неоплаченная часть сравнительно большей общей суммы, и 2) потому что более высокое строение капитала находит себе выражение в отдельном товаре таким образом, что часть его стоимости, представляющая вообще вновь присоединенный труд, уменьшается сравнительно с той частью стоимости, которая представлена в виде сырья и вспомогательных материалов и снашивания основного капитала. Такое изменение соотношения различных составных частей цены отдельного товара, — уменьшение той части цены, в которой представлен вновь присоединенный живой труд, и увеличение той части цены, в которой представлен ранее овестьвленный труд, — есть форма, в которой находит себе выражение в цене отдельного товара уменьшение переменного капитала сравнительно с постоянным. Поскольку такое уменьшение абсолютно для капитала данной величины, напр. 100, оно абсолютно также для каждого отдельного товара как соответственной доли воспроизведенного капитала. Однако норма прибыли, если только ее вычислять по отношению к элементам цены отдельного товара, представилась бы иной, чем она есть в действительности. И причина тому следующая:

{ Норма прибыли исчисляется на весь примененный капитал, но за определенное время, фактически за один год. Отношение

произведенной и реализованной за год прибавочной стоимости, или прибыли ко всему капиталу, взятое в процентах, дает норму прибыли. Следовательно, она не непременно равна той норме прибыли, при которой в основу вычисления берется не год, а период оборота капитала, о котором идет речь; только в том случае, если этот капитал оборачивается именно один раз в год, обе нормы прибыли совпадают.

С другой стороны, прибыль, полученная в течение года, есть только сумма прибылей на товары, произведенные и проданные в течение этого года. И вот, если мы будем вычислять прибыль на издержки производства товаров, то мы получим норму прибыли $= \frac{p}{k}$, где p есть реализованная в продолжение года прибыль, а k есть сумма издержек производства товаров, произведенных и проданных в течение того же времени. Очевидно, что эта норма прибыли $\frac{p}{k}$ только в том случае может совпадать с действительной нормой прибыли $\frac{p}{R}$, масса прибыли, деленная на весь капитал, если $k=R$, т. е. если капитал оборачивается ровно один раз в год.

Возьмем три различных состояния какого-нибудь промышленного капитала.

I. Капитал в 8 000 ф. ст. ежегодно производит и продает 5 000 штук товара по 30 шилл. за штуку, следовательно, его годовой оборот $= 7\,500$ ф. ст. На каждую штуку товара он приносит прибыли 10 шилл. $= 2\,500$ ф. ст. в год. Следовательно, в каждой штуке заключается 20 шилл. авансированного капитала и 10 шилл. прибыли, таким образом норма прибыли на каждую штуку составляет $\frac{10}{20} = 50\%$. На обернувшуюся сумму в 7 500 ф. ст. приходится 5 000 ф. ст. авансированного капитала и 2 500 ф. ст. прибыли; норма прибыли на каждый оборот, $\frac{p}{k}$, тоже $= 50\%$. Напротив, норма прибыли, вычисленная на весь капитал, $\frac{p}{R} = \frac{2\,500}{8\,000} = 31\frac{1}{4}\%$.

II. Положим, что капитал увеличился до 10 000 ф. ст. Допустим, что, вследствие увеличения производительной силы труда, он может ежегодно производить 10 000 штук товара при издержках производства в 20 шилл. на штуку. Он продает их с прибылью в 4 шилл., следовательно по 24 шилл. за штуку. В таком случае цена годового продукта $= 12\,000$ ф. ст., из которых 10 000 ф. ст. составляют авансированный капитал, а 2 000 ф. ст. прибыль. $\frac{p}{k}$ на штуку $= \frac{4}{20}$, для годового оборота $= \frac{2\,000}{10\,000}$, следовательно в обоих случаях $= 20\%$,

а так как весь капитал равен сумме издержек производства, именно 10 000 ф. ст., то и $\frac{P}{K}$, действительная норма прибыли, на этот раз = 20%.

III. Положим, что капитал при постоянно возрастающей производительной силе труда увеличился до 15 000 ф. ст. и производит теперь ежегодно 30 000 штук товара при издержках производства в 13 шилл. за штуку, причем каждая штука продается с прибылью в 2 шилл., следовательно по 15 шилл. Таким образом годовой оборот = 15 шилл. \times 30 000 = 22 500 ф. ст., из которых 19 500 приходятся на авансированный капитал, а 3 000 ф. ст. составляют прибыль. Следовательно $\frac{P}{K} = \frac{2}{13} = \frac{3\,000}{19\,500} = 15\frac{5}{13}\%$. Напротив, $\frac{P}{K} = \frac{3\,000}{15\,000} = 20\%$.

Итак, мы видим, что только в случае II, когда обернувшаяся капитальная стоимость равна всему капиталу, норма прибыли на штуку товара или на сумму оборота та же самая, как и вычисленная на весь капитал. В случае I, когда сумма оборота меньше всего капитала, норма прибыли, вычисленная на издержки производства товара, выше; в случае III, когда весь капитал меньше суммы оборота, она ниже, чем действительная норма прибыли, вычисленная на весь капитал. Это имеет всеобщее значение.

В торговой практике оборот вычисляется обыкновенно неточно. Предполагается, что капитал обернулся один раз, если сумма реализованных товарных цен достигает суммы всего примененного капитала. Но *капитал* только тогда может закончить полный оборот, когда сумма *издержек производства* реализованных товаров равняется сумме всего капитала. — Ф. Э.}

Здесь опять обнаруживается, как важно при капиталистическом производстве рассматривать отдельный товар, или товарный продукт, произведенный в течение определенного времени, не обособленно, не сам по себе, не как простой товар, а как продукт авансированного капитала и в отношении ко всему капиталу, который производит эти товары.

Хотя *норму* прибыли следует вычислять посредством отнесения массы произведенной и реализованной прибавочной стоимости не только к потребленной части капитала, вновь появляющейся в товарах, но к этой части плюс часть капитала непотребленная, но примененная и продолжающая служить в производстве, однакоже *масса* прибыли может быть равна только той массе прибыли или прибавочной стоимости, которая содержится в самих товарах и должна быть реализована посредством их продажи.

Если производительность промышленности увеличивается, то

цена отдельного товара падает. В нем содержится меньше труда, как оплаченного, так и неоплаченного. Положим, что тот же самый труд производит, напр., втрое большее количество продукта; в таком случае на каждый отдельный продукт приходится труда на $\frac{2}{3}$ менее. А так как прибыль может составлять только часть этой массы труда, заключающейся в каждом отдельном товаре, то масса прибыли, приходящаяся на единицу товара, должна уменьшиться, и это в известных пределах даже в том случае, если норма прибавочной стоимости повышается. Во всяком случае масса прибыли на весь продукт не упадет ниже первоначальной массы прибыли, если только капитал применяет такое же число рабочих, как прежде, при одинаковой степени эксплуатации труда. (Это может наблюдаться и в том случае, если применяется меньше рабочих при повышенной степени эксплуатации.) Потому что в таком же отношении, в каком уменьшается масса прибыли, приходящаяся на единицу продукта, увеличивается число этих продуктов. Масса прибыли остается прежняя, она только иначе распределяется на сумму товаров; но это несколько не изменяет распределения между рабочими и капиталистами того количества стоимости, которое создано вновь присоединенным трудом. Масса прибыли может возрастать только в том случае, если, при условии применения прежней массы труда, возрастает неоплаченный прибавочный труд или если, при неизменяющейся степени эксплуатации труда, увеличивается число рабочих, или если происходит то и другое. Во всех этих случаях, — которые, однако, согласно принятым предпосылкам, предполагают возрастание постоянного капитала сравнительно с переменным и возрастание величины всего вложенного капитала, — единица товара содержит меньшую массу прибыли, и норма прибыли понижается, даже если ее вычислять на единицу товара; данное количество вновь присоединенного труда выражается в большем количестве товаров; цена отдельного товара падает. Если рассматривать дело абстрактно, то при понижении цены отдельного товара, вследствие увеличения производительной силы труда, следовательно при одновременном увеличении числа этих более дешевых товаров, норма прибыли может остаться прежняя, если, напр., увеличение производительной силы влияет равномерно и одновременно на все составные части товаров, так что вся цена товара понижается в том же отношении, в каком возросла производительность труда, а, с другой стороны, взаимное отношение различных составных частей цены товара осталось прежнее. Норма прибыли могла бы даже повыситься, если бы с повышением нормы прибавочной стоимости было связано значительное уменьшение стоимости

элементов постоянного и в особенности основного капитала. Но в действительности, как мы уже видели, норма прибыли с течением времени понизится. Однако из понижения цены отдельного товара отнюдь нельзя делать выводов о норме прибыли. Все сводится к тому, как велика общая сумма капитала, участвующего в производстве товара. Например, пусть цена одного аршина ткани понизится с 3 шилл. до $1\frac{2}{3}$ шилл.; если известно, что до такого понижения цены в ней заключалось на $1\frac{2}{3}$ шилл. постоянного капитала, пряжи и пр., $\frac{2}{3}$ шилл. заработной платы и $\frac{2}{3}$ шилл. прибыли, а после понижения цены — на 1 шилл. постоянного капитала, $\frac{1}{3}$ шилл. заработной платы и $\frac{1}{3}$ шилл. прибыли, то еще неизвестно, осталась ли норма прибыли прежняя или нет. Это зависит от того, возрос ли и на сколько именно весь авансированный капитал и на сколько аршин более производит он в течение данного времени.

То вытекающее из природы капиталистического способа производства явление, что при возрастающей производительности труда цена отдельного товара, или данного количества товара, понижается, число товаров увеличивается, масса прибыли на отдельный товар и норма прибыли на сумму товаров понижаются, а масса прибыли на всю сумму товаров увеличивается, — это явление выражает на поверхности только понижение массы прибыли, приходящейся на отдельный товар, понижение его цены, увеличение массы прибыли на увеличившееся общее число товаров, произведенных всем капиталом общества или же отдельным капиталистом. Тогда это воспринимается так, будто капиталист по доброй воле берет меньшую прибыль на отдельном товаре, но вознаграждает себя тем, что производит большее количество товаров. Такое понимание основывается на представлении о прибыли, как прибыли от продажи (*profit upon alienation*), а это представление, в свою очередь, взято из воззрений купеческого капитала.

Ранее, в четвертом и седьмом отделе первой книги, мы видели, что масса товаров, возрастающая вместе с производительной силой труда, и удешевление отдельного товара (поскольку эти товары не влияют определяющим образом на цену рабочей силы) сами по себе, несмотря на понижение цены, не изменяют отношения оплаченного и неоплаченного труда в отдельном товаре.

Так как в конкуренции все представляется в ложном, в превратном виде, то отдельный капиталист может воображать: 1) что, понижая цену, он понижает свою прибыль с отдельного товара, но вместе с тем выручает большую прибыль вследствие увеличения массы товаров, которые он продает; 2) что он устанавливает цену

отдельного товара и посредством умножения определяет цену всего продукта, тогда как первоначальный процесс — деление (см. кн. I, гл. X, стр. 281 [русск. перев. 348—349]), умножение же оказывается правильным лишь как второй этап, предполагающий предварительно такое деление. Вульгарный экономист в действительности только и делает, что переводит своеобразные представления капиталистов, захваченных конкуренцией, на якобы более теоретический, обобщающий язык, и убивается над тем, чтобы обосновать правильность этих представлений.

В действительности понижение цен товаров и увеличение массы прибыли на увеличивающуюся массу удешевленных товаров есть только другое выражение закона понижения нормы прибыли при одновременном увеличении ее массы.

Исследование того, насколько понижение нормы прибыли может совпадать с повышением цен, столь же мало относится сюда, как и пункт, обсуждавшийся раньше (кн. I, стр. 280 — 281) [русск. перев. 348 — 349] в связи с вопросом об относительной прибавочной стоимости. Капиталист, применяющий усовершенствованные, но еще не вошедшие во всеобщее употребление приемы производства, продает по цене ниже рыночной, но более высокой, чем его индивидуальная цена производства; таким образом норма прибыли повышается для него до тех пор, пока ее не уравнивает конкуренция; пока продолжается этот период уравнивания, возникает потребность увеличить затраченный капитал; смотря по степени возрастания капитала, капиталист будет в состоянии предоставить работу при новых условиях части прежде занятых рабочих, быть может, всем им или даже большему, чем прежде, числу рабочих, следовательно будет в состоянии производить ту же самую или большую массу прибыли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ ПРИЧИНЫ.

Если принять в соображение чрезвычайное, сравнительно со всеми предыдущими периодами, развитие производительных сил общественного труда даже только за последние 30 лет, в особенности если принять в соображение огромную массу основного капитала, который, кроме собственно машин, входит в совокупность всего общественного процесса производства, то вместо затруднения, которое до сих пор занимало экономистов, именно затруднения, как объяснить понижение нормы прибыли, возникает другое, противоположное затруднение, именно, как объяснить, почему такое падение не было более значительным или более быстрым. Это заставляет предполагать противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют влияние общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению. Наиболее общие из этих причин следующие:

1. ПОВЫШЕНИЕ СТЕПЕНИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА.

Степень эксплуатации труда, присвоение прибавочного труда и прибавочной стоимости, повышается в частности посредством удлинения рабочего дня и интенсификации труда. Оба эти пункта подробно исследованы в книге I, когда речь шла о производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Существует много таких моментов интенсификации труда, которые предполагают увеличение постоянного капитала по сравнению с переменным, следовательно понижение нормы прибыли,—напр., если рабочему приходится наблюдать за большим числом машин. При этом, — как и при большей части способов, служащих для производства относительной прибавочной стоимости, — те же самые причины, которые вызывают возрастание нормы прибавочной стоимости, могут обуславливать уменьшение массы прибавочной стоимости, приходящейся на данную

величину всего вложенного капитала. Но существуют другие моменты интенсификации труда, как, напр., ускорение быстроты машин; последние при этом потребляют в одинаковый промежуток времени больше сырого материала, но что касается основного капитала, то, хотя машины и снашиваются быстрее, от этого нисколько не изменяется отношение их стоимости к цене труда, который приводит их в движение. Но в особенности увеличивает массу присваиваемого прибавочного труда удлинение рабочего дня, это изобретение современной промышленности; не изменяя существенным образом отношения применяемой рабочей силы к приводимому ею в движение постоянному капиталу, оно фактически приводит скорее к относительному уменьшению постоянного капитала. Впрочем, мы уже показали, что методы производства относительной прибавочной стоимости в общем и целом сводятся к следующему, — в этом собственно и заключается тайна тенденции нормы прибыли к понижению: с одной стороны, возможно большую часть данной массы труда превращать в прибавочную стоимость, с другой стороны, — вообще применять как можно меньше труда по сравнению с авансированным капиталом, так что те самые причины, которые позволяют повышать степень эксплуатации труда, не допускают, чтобы капитал той же самой общей величины эксплуатировал столько же труда, как и прежде. Таковы противодействующие тенденции, которые, повышая норму прибавочной стоимости, в то же время вызывают уменьшение массы прибавочной стоимости, производимой данным капиталом, а следовательно и понижение нормы прибыли. Здесь следует упомянуть также о массовом применении женского и детского труда, потому что при этом вся семья должна доставлять капиталу большую массу прибавочного труда, чем прежде, даже если возрастает общая сумма заработной платы, получаемой этой семьей, хотя подобный случай отнюдь не представляет общего явления. Такое же влияние имеет все то, что способствует, при неизменяющейся величине применяемого капитала, производству относительной прибавочной стоимости просто посредством улучшения методов, как в земледелии. Хотя здесь применяемый постоянный капитал не возрастает по сравнению с переменным, поскольку мы рассматриваем последний как показатель занятой рабочей силы, но масса продуктов возрастает по отношению к примененной рабочей силе. То же самое имеет место, если производительная сила труда (безразлично, входит ли ее продукт в потребление рабочих или в элементы постоянного капитала) освобождается от препятствий, затрудняющих сношения, от произвольных ограничений или от ограничений, которые сделались стеснительными с течением времени,

и вообще от всякого рода пут, причем этим на первое время не затрагивается отношение переменного капитала к постоянному.

Когда капиталисты пользуются изобретениями и т. д., которые еще не вошли во всеобщее употребление, то у них имеют место временные повышения прибавочной стоимости над общим ее уровнем; может возникнуть вопрос, входят ли эти временные, но постоянно повторяющиеся повышения прибавочной стоимости над общим уровнем, обнаруживающиеся то в одной, то в другой отрасли производства, в число тех причин, которые тормозят падение нормы прибыли, но в последнем счете постоянно ускоряют его. На этот вопрос следует ответить утвердительно.

Масса прибавочной стоимости, произведенная капиталом данной величины, есть произведение двух множителей, именно нормы прибавочной стоимости, умноженной на число рабочих, занятых при данной норме. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости она зависит от числа рабочих, а при данном числе рабочих — от нормы прибавочной стоимости, т. е. вообще от сложного отношения абсолютной величины переменного капитала и нормы прибавочной стоимости. Но мы показали, что те самые причины, которые повышают норму относительной прибавочной стоимости, в среднем уменьшают массу применяемой рабочей силы. Но ясно, что увеличение или уменьшение происходит при этом в зависимости от определенного отношения между этими двумя противоположными движениями и что тенденция к уменьшению нормы прибыли ослабляется в частности повышением нормы абсолютной прибавочной стоимости, вытекающей из удлинения рабочего дня.

При исследовании нормы прибыли мы вообще нашли, что понижению нормы, совершающемуся вследствие возрастания массы всего прилагаемого капитала, соответствует увеличение массы прибыли. Если рассматривать весь переменный капитал общества, то произведенная им прибавочная стоимость равна произведенной прибыли. Вместе с абсолютной массой прибавочной стоимости возросла и норма прибавочной стоимости; первая возросла потому, что увеличилась прилагаемая обществом масса рабочей силы, вторая — потому, что повысилась степень эксплуатации этого труда. Но по отношению к капиталу данной величины, напр. 100, норма прибавочной стоимости может возрасти, тогда как масса ее в среднем понизится, потому что норма определяется тем отношением, в котором увеличивает свою стоимость переменная часть капитала; масса же, напротив, определяется той относительной долей, которую переменный капитал составляет от всего капитала.

Повышение нормы прибавочной стоимости, — так как оно происходит, между прочим, и при таких условиях, когда, как указано выше, постоянный капитал вовсе не увеличивается или увеличивается не в той пропорции, как переменный, — есть фактор, который принимает участие в определении массы прибавочной стоимости, а следовательно и нормы прибыли. Этот фактор не уничтожает общего закона. Но он делает то, что этот закон действует скорее как тенденция, т. е. как закон, абсолютное осуществление которого задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами. Но так как те самые причины, которые повышают норму прибавочной стоимости (даже удлинение рабочего времени есть результат крупной промышленности), имеют тенденцию уменьшать количество рабочей силы, применяемой данным капиталом, то одни и те же причины имеют тенденцию и уменьшать норму прибыли и замедлять процесс этого уменьшения. Если на одного рабочего возложена работа, которую могут рационально выполнить только двое рабочих, и если это происходит при таких условиях, когда этот рабочий может заместить трех, то один рабочий будет доставлять теперь столько же прибавочного труда, сколько раньше доставляли двое, и постольку норма прибавочной стоимости повысится. Но он не доставит столько, сколько раньше доставляли трое, и таким образом масса прибавочной стоимости понизится. Но это понижение компенсируется или ограничивается повышением нормы прибавочной стоимости. Если все население будет работать при повышенной норме прибавочной стоимости, то масса прибавочной стоимости увеличится, хотя население останется тем же самым. Еще больше она увеличится при возрастании населения; и хотя это связано с относительным уменьшением числа занятых рабочих по сравнению с величиной всего капитала, однако это уменьшение умеряется или задерживается вследствие повышения нормы прибавочной стоимости.

Прежде чем перейти к следующему пункту, мы должны еще раз подчеркнуть, что при данной величине капитала норма прибавочной стоимости может возрастать, хотя масса ее уменьшается, и обратно. Масса прибавочной стоимости равна ее норме, помноженной на число рабочих; но эта норма никогда не исчисляется на весь капитал, а только на переменный капитал, в действительности только на один рабочий день. Напротив, при данной величине капитальной стоимости норма прибыли никогда не может повыситься или понизиться, если не увеличилась или не уменьшилась масса прибавочной стоимости.

II. Понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы.

Мы здесь только эмпирически указываем на это обстоятельство, так как в действительности, как и многое другое, что здесь можно было бы привести, оно не относится к общему анализу капитала, но относится к исследованию конкуренции, которое не входит в задачу настоящей работы. Однако оно является одной из значительнейших причин, которые задерживают тенденцию нормы прибыли к понижению.

III. Удешевление элементов постоянного капитала.

Сюда относится все то, что было сказано в первом отделе этой книги о причинах, повышающих норму прибыли при неизменяющейся норме прибавочной стоимости или независимо от нормы прибавочной стоимости, следовательно и тот случай, когда, — если рассматривать весь капитал, — стоимость постоянного капитала возрастает не в такой пропорции, как его материальный объем. Например, количество хлопка, которое перерабатывает отдельный прядильщик на современной европейской фабрике, в чрезвычайной степени возросло по сравнению с тем количеством, которое европейский прядильщик перерабатывал раньше при помощи самопрялки. Но стоимость перерабатываемого хлопка увеличилась не в такой пропорции, как его количество. То же самое можно сказать о машинах и другом основном капитале. Короче говоря, то самое развитие, которое увеличивает массу постоянного капитала по отношению к переменному, уменьшает стоимость его элементов вследствие повышения производительной силы труда и, следовательно, препятствует тому, чтобы стоимость постоянного капитала, хотя и постоянно возрастающая, возросла в таком же отношении, как его материальный объем, т. е. материальный объем средств производства, приводимых в движение тем же самым количеством рабочей силы. В отдельных случаях масса элементов постоянного капитала может даже увеличиться, в то время как его стоимость остается прежней или даже уменьшается.

В связи с только что сказанным стоит происходящее с развитием промышленности обесценение имеющегося в наличии капитала (т. е. его вещественных элементов). Оно также представляет собою одну из постоянно действующих причин, которые задерживают понижение нормы прибыли, хотя при некоторых обстоятельствах может уменьшать массу прибыли, — если уменьшает массу капитала, принося-

щего прибыль. Здесь снова оказывается, что те самые причины, которые порождают тенденцию нормы прибыли к понижению, в то же время умеряют осуществление этой тенденции.

IV. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ.

Создание относительного перенаселения неотделимо от развития производительной силы труда и ускоряется этим развитием, выражающимся в уменьшении нормы прибыли. Относительное перенаселение тем более заметно обнаруживается в известной стране, чем более развит в ней капиталистический способ производства. В свою очередь, оно является причиной того, что, с одной стороны, во многих отраслях производства продолжает существовать более или менее неполное подчинение труда капиталу — и притом продолжает существовать дольше, чем это на первый взгляд соответствует общему уровню развития; это — следствие дешевизны и чрезмерного количества имеющихся на рынке или уволенных наемных рабочих, а также более упорного сопротивления, которое в известных отраслях производства, в зависимости от их природы, встречает превращение ручного труда в машинный. С другой стороны, открываются новые отрасли производства, в особенности предметов роскоши, отрасли, базисом для которых служит именно такое избыточное население, зачастую высвобождающееся вследствие преобладания постоянного капитала в других отраслях производства, и которые, в свою очередь, покоятся на преобладании в них элементов живого труда и лишь мало-по-малу проходят такой же путь развития, как другие отрасли производства. В обоих случаях переменный капитал составляет значительную долю всего капитала, а заработная плата стоит ниже средней, так что в этих отраслях производства и норма прибавочной стоимости и масса прибавочной стоимости необычайно высоки. А так как общая норма прибыли образуется путем уравнивания норм прибыли отдельных отраслей производства, то та же причина, которая порождает тенденцию нормы прибыли к понижению, вызывает здесь противодействие этой тенденции, более или менее парализующее ее влияние.

V. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ.

Поскольку внешняя торговля удешевляет отчасти элементы постоянного капитала, отчасти необходимые жизненные средства, в которые превращается переменный капитал, она способствует по

вышению нормы прибыли, так как повышает норму прибавочной стоимости и понижает стоимость постоянного капитала. Она вообще влияет в этом направлении, открывая возможность расширять размеры производства. Таким образом она ускоряет, с одной стороны, накопление, а с другой стороны, сокращение переменного капитала по сравнению с постоянным, а потому ускоряет и понижение нормы прибыли. Точно так же расширение внешней торговли хотя и служило в детстве капиталистического способа производства базисом для него, однако, с его развитием, вследствие присущей этому способу производства внутренней необходимости, вследствие его потребности в постоянно расширяющемся рынке, расширение внешней торговли стало его собственным результатом. Здесь снова обнаруживается такое же двойственное влияние (Рикардо совершенно просмотрел эту сторону внешней торговли).

Другой вопрос, — который вследствие своего специального характера лежит собственно вне пределов нашего исследования, — заключается в следующем: повышается ли общая норма прибыли вследствие более высокой нормы прибыли, которую дает капитал, помещенный во внешней, особенно в колониальной торговле?

Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь идет конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что более передовая страна продает свои товары выше их стоимости, хотя дешевле конкурирующих стран. Поскольку труд более передовой страны оценивается при этом как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. Одно и то же отношение может сложиться и для той страны, в которую отправляются товары, и для той, из которой товары получаются, а именно может оказаться, что такая страна отдает овеществленного труда *in natura* [в натуре] более, чем получает, и что все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить. Совершенно так же, как фабрикант, применяющий новое изобретение прежде, чем оно вошло во всеобщее употребление, продает дешевле своих конкурентов и все-таки выше индивидуальной стоимости своих товаров, т. е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого им труда превращает в прибавочный труд. Он реализует таким образом добавочную прибыль. С другой стороны, что касается капиталов, вложенных в колониях и т. д., то они могут давать более высокие нормы прибыли, так как там вследствие низкого развития

норма прибыли вообще стоит выше, а при условии применения рабов, кули и т. п. стоит выше и эксплуатация труда. Совершенно непонятно, почему же эти сравнительно высокие нормы прибыли, приносимые таким образом капиталами, вложенными в известные отрасли и отсылаемые на родину, не должны были бы участвовать здесь в уравнении общей нормы прибыли, если при этом на пути такого уравнения не стоят монополии, и почему они не должны таким образом *pro tanto* [соответственно] повышать ее ³⁶. Этого невозможно понять в особенности в том случае, если отрасли, в которые вложен капитал, подчинены законам свободной конкуренции. Рикардо же, напротив, дело представляется следующим образом: на деньги, полученные за границей от продажи по более высокой цене, покупаются там товары и отправляются в качестве возмещения назад на родину; следовательно, эти товары продаются внутри страны, и это обстоятельство может поэтому представлять, по крайней мере временно, особую невыгоду для этих наиболее привилегированных сфер производства. Такая иллюзия тотчас отпадает, как только мы отвлечемся от денежной формы. Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает более труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот излишек, как вообще при обмене между трудом и капиталом, присваивается известным классом. Следовательно, поскольку норма прибыли выше, потому что она вообще выше в колониальной стране, это при благоприятных естественных условиях может идти рука об руку с низкими товарными ценами. Уравнение происходит, но это не уравнение по старому уровню, как полагает Рикардо.

Но та же самая внешняя торговля развивает внутри страны капиталистический способ производства и, следовательно, ведет к уменьшению переменного капитала по отношению к постоянному; с другой стороны, она создает перепроизводство по отношению к загранице и потому в дальнейшем оказывает опять-таки противодействующее влияние.

И таким образом в общем оказывается, что теми самыми причинами, которые ведут к понижению общей нормы прибыли, вызываются противодействия, которые тормозят это понижение, замедляют его и отчасти парализуют. Они не уничтожают закона, но ослабляют

³⁶ В этом случае прав А. Смит, а не Рикардо, который говорит: «Они утверждают, что равенство прибылей произойдет в силу общего повышения прибылей, я же держусь того мнения, что прибыль, получаемая в благоприятствуемой отрасли торговли, быстро опустится до общего уровня» ([*D. Ricardo: «On the Principles of Political Economy»*]. Works ed. by Mac Culloch. [London 1852], стр. 73). [См. Д. Рикардо: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 73.]

его действие. Без этого было бы непонятным не понижение общей нормы прибыли, а, наоборот, относительная медленность такого понижения. Таким образом закон действует только как тенденция, влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени.

Прежде чем пойти дальше, мы, во избежание недоразумений, еще раз повторим два уже неоднократно развитых положения.

Во-первых: Тот самый процесс, который с ходом развития капиталистического способа производства порождает удешевление товаров, вызывает также изменение в органическом строении общественного капитала, применяемого для производства товаров, а вследствие этого вызывает и понижение нормы прибыли. Таким образом уменьшение относительных издержек на отдельный товар, а также той части этих издержек, которая складывается из снашивания машин, не следует отождествлять с возрастанием стоимости постоянного капитала по отношению к переменному, хотя, наоборот, всякое уменьшение относительных издержек на постоянный капитал, при неизменяющейся или возрастающей массе его вещественных элементов, оказывает влияние на повышение нормы прибыли, т. е. на уменьшение *pro tanto* [соответственно] стоимости постоянного капитала сравнительно с переменным капиталом, который затрачивается все в меньшей пропорции.

Во-вторых: То обстоятельство, что в отдельных товарах, из совокупности которых складывается продукт капитала, содержащийся в них вновь присоединенный живой труд оказывается во все убывающей пропорции к заключенному в них сырью и потребленным при их изготовлении средствам труда; стало быть, — что в отдельных товарах овеществляется все убывающее количество вновь присоединяемого живого труда, так как по мере развития общественной производительной силы на их производство требуется меньше труда, — это обстоятельство не касается того отношения, в котором живой труд, заключающийся в товаре, распадается на оплаченный и неоплаченный. Наоборот. Хотя общее количество заключающегося в товаре вновь присоединенного живого труда уменьшается, неоплаченная часть возрастает по сравнению с оплаченной частью вследствие или абсолютного или относительного сокращения оплаченной части, потому что тот же самый метод производства, который уменьшает общую сумму вновь присоединенного живого труда в каждой единице товара, сопровождается повышением абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Тенденция нормы прибыли к понижению связана с тенденцией к повышению нормы прибавочной стоимости, следовательно с тенден-

цией к повышению степени эксплуатации труда. Поэтому, в высшей степени нелепо объяснять понижение нормы прибыли повышением нормы заработной платы, хотя в виде исключения и это может встречаться. Только уразумев отношения, действующие при образовании нормы прибыли, статистика приобретает способность предпринять действительный анализ нормы заработной платы в различные эпохи и в различных странах. Норма прибыли понижается не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным. То и другое, повышение нормы прибавочной стоимости и понижение нормы прибыли, суть лишь особые формы, в которых получает капиталистическое выражение возрастающая производительность труда.

VI. УВЕЛИЧЕНИЕ АКЦИОНЕРНОГО КАПИТАЛА.

К вышеприведенным пяти пунктам можно добавить еще следующий, на котором, однако, мы пока что не можем останавливаться подробнее. С прогрессом капиталистического производства, который идет рука об руку с ускоряющимся накоплением, часть капитала учитывается и применяется только как капитал, приносящий проценты. Не в том смысле, что каждый капиталист, ссужающий капитал, довольствуется процентами, тогда как промышленный капиталист получает предпринимательскую прибыль. Это не имеет никакого отношения к высоте общей нормы прибыли, потому что для нее $\text{прибыль} = \text{проценту} + \text{прибыль всякого рода} + \text{земельная рента}$, причем распределение между этими особыми категориями не имеет значения для общей нормы прибыли. Но в том смысле, что эти капиталы, хотя и помещенные в крупные производительные предприятия, приносят за вычетом всех издержек только высокие или низкие проценты, так называемые дивиденды, напр. в железнодорожном деле. Следовательно, они не участвуют в уравнении общей нормы прибыли, потому что приносимая ими норма прибыли меньше средней. Если бы они участвовали в этом, то последняя упала бы много ниже. Рассматривая вопрос теоретически, их можно принять в расчет, и в таком случае получится меньшая норма прибыли, чем та, которая, повидимому, существует и которая действительно имеет определяющее значение для капиталистов, — получится меньшая норма прибыли, так как именно в этих предприятиях постоянный капитал наиболее значителен по отношению к переменному.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЗАКОНА.

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

В первом отделе этой книги мы видели, что норма прибавочной стоимости, будучи выражена в виде нормы прибыли, всегда кажется ниже, чем она есть на самом деле. Теперь мы увидели, что даже повышающаяся норма прибавочной стоимости имеет тенденцию выражаться в понижающейся норме прибыли. Норма прибыли лишь в том случае была бы равна норме прибавочной стоимости, если бы $c = 0$, т. е. если бы весь капитал расходовался на заработную плату. Понижающаяся норма прибыли только в том случае выражает понижающуюся норму прибавочной стоимости, если отношение между стоимостью постоянного капитала и массой рабочей силы, приводящей его в движение, остается неизменным или если эта последняя увеличивается по отношению к стоимости постоянного капитала.

Рикардо, исследуя, как он думал, норму прибыли, в действительности исследовал только норму прибавочной стоимости, и эту последнюю лишь при том предположении, что рабочий день по интенсивности и продолжительности есть величина постоянная.

Понижение нормы прибыли и ускоренное накопление лишь постольку являются только различными выражениями одного и того же процесса, поскольку то и другое является выражением развития производительной силы. В свою очередь, накопление ускоряет понижение нормы прибыли, поскольку оно порождает концентрацию работ в крупном масштабе и вместе с тем более высокое строение капитала. С другой стороны, понижение нормы прибыли опять-таки ускоряет концентрацию капитала и централизацию его путем лишения мелких капиталистов собственности, путем экспроприации последних остатков непосредственных производителей, у которых остается еще хоть что-нибудь, что можно экспроприировать. Далее, вследствие этого ускоряется накопление, рассматриваемое со стороны массы, хотя с понижением нормы прибыли понижается и норма накопления.

С другой стороны, поскольку норма возрастания стоимости

всего капитала, норма прибыли, служит стимулом капиталистического производства (подобно тому, как возрастание стоимости капитала служит его единственной целью), понижение нормы прибыли замедляет образование новых самостоятельных капиталов и таким образом является угрозой развитию капиталистического процесса производства; оно способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам, появлению избыточного капитала наряду с избыточным населением. Поэтому экономисты, считающие, подобно Рикардо, капиталистический способ производства абсолютным, чувствуют здесь, что этот способ производства сам создает себе границы, и потому приписывают эти границы не производству, а природе (в учении о ренте). Но что существенно в том страхе, который внушает им понижение нормы прибыли, так это — смутное сознание того, что капиталистический способ производства встречает в развитии производительных сил такой предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства как таковым; и этот своеобразный предел свидетельствует об ограниченности и лишь историческом, переходящем характере капиталистического способа производства; свидетельствует о том, что капиталистический способ производства не является абсолютным способом для производства богатства и что, напротив, на известной ступени он вступает в конфликт со своим дальнейшим развитием.

Как бы то ни было, Рикардо и его школа исследуют только промышленную прибыль, в которой заключается и процент. Но и норма земельной ренты также имеет тенденцию понижаться, хотя ее абсолютная масса возрастает и хотя она может возрастать и относительно, по сравнению с промышленной прибылью (см. Эд. Уэста, который *ранее* Рикардо развил закон земельной ренты). Если мы будем рассматривать весь общественный капитал K и обозначим через p_1 промышленную прибыль, остающуюся по вычете процента и земельной ренты, обозначим процент через z и земельную ренту через r , то $\frac{m}{K} = \frac{p}{K} = \frac{p_1 + z + r}{K} = \frac{p_1}{K} + \frac{z}{K} + \frac{r}{K}$. Мы видели, что, хотя в ходе развития капиталистического производства общая сумма прибавочной стоимости m постоянно возрастает, однако $\frac{m}{K}$ столь же постоянно уменьшается, потому что K возрастает еще быстрее, чем m . Следовательно, нет никакого противоречия в том, что p_1 , z и r каждое само по себе может постоянно возрастать, тогда как $\frac{m}{K} = \frac{p}{K}$, а также $\frac{p_1}{K}$, $\frac{z}{K}$ и $\frac{r}{K}$, каждое само по себе может становиться все меньше, или что p_1 по сравнению с z , или r по сравнению с p_1 , или же по

сравнению и с p_1 и с z относительно возрастает. При увеличении совокупной прибавочной стоимости или прибыли $m = p$, но при одновременном понижении нормы прибыли $\frac{m}{K} = \frac{p}{K}$ отношение величины частей p_1 , z и r , на которые распадается $m = p$, может изменяться как угодно в пределах, определяемых общей суммой m , причем на величину m или $\frac{m}{K}$ это не оказывает никакого влияния.

Изменение p_1 , z и r по отношению друг к другу является лишь иным распределением m по различным рубрикам. Поэтому $\frac{p_1}{K}$, $\frac{z}{K}$ или $\frac{r}{K}$, норма индивидуальной промышленной прибыли, норма процента и отношение ренты ко всему капиталу могут возрастать одно по сравнению с другим, хотя общая норма прибыли, $\frac{m}{K}$, понижается; остается только одно неперемutable условие, чтобы сумма всех трех величин была $= \frac{m}{K}$. Если норма прибыли понижается с 50% до 25%, если, напр., строение капитала при норме прибавочной стоимости в 100% из $50_c + 50_c$ изменяется в $75_c + 25_c$, то в первом случае капитал в 1 000 даст прибыль в 500, а во втором случае капитал в 4 000 даст прибыль в 1 000. m или p удвоилось, но p' упало наполовину. И если раньше из 50% на прибыль приходилось 20, на процент 10 и на ренту 20, то $\frac{p_1}{K} = 20\%$, $\frac{z}{K} = 10\%$, $\frac{r}{K} = 20\%$. Если при превращении в 25% отношения остаются прежние, то $\frac{p_1}{K} = 10\%$, $\frac{z}{K} = 5\%$ и $\frac{r}{K} = 10\%$. Напротив, если $\frac{p_1}{K}$ понизится до 8% и $\frac{z}{K}$ до 4%, то $\frac{r}{K}$ повысится до 13%. Относительная величина r повысилась бы по сравнению с p_1 и z , но все-таки p' осталось бы прежнее. При обоих предположениях сумма p_1 , z и r увеличилась бы, так как она была бы произведена посредством капитала, в четыре раза большего. Впрочем, предположение Рикардо, что первоначально промышленная прибыль (плюс процент) включает в себе всю прибавочную стоимость, исторически и логически неверно. Напротив, только с прогрессом капиталистического производства 1) вся прибыль с самого начала попадает в руки промышленных и торговых капиталистов для дальнейшего распределения, и 2) рента сводится к излишку над прибылью. Потом на этом капиталистическом базисе снова вырастает рента, которая представляет собою часть прибыли (т. е. прибавочной стоимости, рассматриваемой как продукт всего капитала), но не ту специфическую часть продукта, которую забирает капиталист.

Если предположить наличие необходимых средств производства, т. е. достаточное накопление капитала, то создание прибавочной стоимости, при данной ее норме, следовательно при данной степени эксплуатации труда, находит себе предел только в рабочем населении, а при данном рабочем населении оно находит себе предел только в степени эксплуатации труда. И капиталистический процесс производства по существу заключается в производстве прибавочной стоимости, представляемой прибавочным продуктом или соответственной частью произведенных товаров, в которой овеществлен неоплаченный труд. Никогда не следует забывать, что производство этой прибавочной стоимости, — а обратное превращение некоторой части ее в капитал, или накопление, образует интегральную часть этого производства прибавочной стоимости, — является непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистического производства. Поэтому никогда нельзя изображать капиталистическое производство тем, чем оно не является на самом деле, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление предметов потребления для капиталистов. При этом был бы совершенно забыт его специфический характер, который выражается всем его внутренним существом.

Добывание этой прибавочной стоимости образует непосредственный процесс производства, для которого, как мы сказали, не существует иных пределов, кроме указанных выше. Как только то количество прибавочного труда, которое можно выжать, овеществилось в товарах, прибавочная стоимость произведена. Но этим производством прибавочной стоимости закончен только первый акт капиталистического процесса производства, непосредственный процесс производства. Капитал всосал столько-то неоплаченного труда. С развитием процесса, который выражается в понижении нормы прибыли, масса производимой таким образом прибавочной стоимости достигает чудовищных размеров. Теперь наступает второй акт процесса. Вся товарная масса, весь продукт, — как та его часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и часть, представляющая прибавочную стоимость, — должна быть продана. Если этого не происходит, или если это происходит только отчасти, или если товар продается лишь по ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочего и эксплуатировали, но эта эксплуатация не реализуется как таковая для капиталиста, что может быть связано с полным отсутствием реализации выжатой прибавочной стоимости или лишь с частичной ее реализацией, даже с частичной или полной потерей капитала. Условия непосредственной эксплуатации

и условия реализации ее не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, а потребительной силой на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширенном масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самих методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что рыночные связи и определяющие их условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользают от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления. На этой основе, полной противоречий, отнюдь не является противоречием, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения, потому что хотя при соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости возросла бы, но именно потому возросло бы и противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми условиями, при которых она реализуется.

Если дана определенная норма прибыли, то масса прибыли всегда зависит от величины авансированного капитала. Накопление же определяется в таком случае той частью этой массы, которая превращается в капитал. Но так как эта часть равна прибыли минус потребленный капиталистами доход, то она будет зависеть не только от стоимости этой массы, но также от дешевизны товаров, которые капиталист может на нее купить; товаров, которые отчасти входят в его потребление, — в его доход, — отчасти в его постоянный капитал (заработная плата предполагается здесь данной).

Масса капитала, которую рабочий приводит в движение, стоимость которой он сохраняет своим трудом и заставляет вновь проявиться в продукте, совершенно отлична от стоимости, которую он присоединяет. Если масса капитала = 1 000 и присоединенный труд = 100, то воспроизведенный капитал = 1 100. Если масса = 100 и присоединенный труд = 20, то воспроизведенный капитал = 120. Норма прибыли в первом случае = 10%, во втором = 20%. И, однако, из 100 можно накопить больше, чем из 20. И таким образом поток капитала нарастает дальше (обесценение вследствие повышения производительной силы мы оставляем в стороне) или накапливается пропорционально той массе, которую он уже составляет, но не пропорционально высоте нормы прибыли. Высокая норма прибыли, поскольку она основывается на высокой норме прибавочной стоимости, возможна, если рабочий день очень продолжителен, хотя бы труд был непроизводителен; она возможна, несмотря на непроизводительность труда потому, что потребности рабочих очень ничтожны и вследствие этого средняя заработная плата очень низка. Низкой заработной плате будет соответствовать отсутствие энергии у рабочих. Несмотря на высокую норму прибыли, капитал накапливается при этом медленно. Население не увеличивается, а рабочее время, которого стоит продукт, велико, хотя получаемая рабочим заработная плата мала.

Норма прибыли понижается не потому, что рабочего менее эксплуатируют, а потому, что вообще применяется относительно меньше труда по сравнению с применяемым капиталом.

Если, как мы показали, понижение нормы прибыли происходит одновременно с повышением массы прибыли, то большая часть годового продукта труда будет присваиваться капиталистом под категорией капитала (как возмещение потребленного капитала) и относительно меньшая часть — под категорией прибыли. Отсюда вытекает фантазия попа Чомерса, будто чем меньшую массу годового продукта капиталисты расходуют как капитал, тем большую прибыль выручают они, причем государственная церковь приходит к ним на помощь, чтобы позаботиться о потреблении, а не о капитализации значительной части прибавочного продукта. Поп смешивает причину и следствие. Впрочем, ведь масса прибыли даже при меньшей норме возрастает вместе с величиной затраченного капитала. Однако это в то же время обуславливает концентрацию капитала, так как теперь условия производства требуют применения больших капиталов. Это обуславливает также централизацию капитала, т. е. поглощение мелких капиталистов крупными и утрату первыми своих капиталов.

Это опять-таки является отделением, хотя лишь вторичного порядка, условий труда от производителей, к числу которых все еще относятся эти мелкие капиталисты, так как у них собственный труд еще играет известную роль; труд капиталиста вообще находится в обратном отношении к величине его капитала, т. е. к той степени, в какой он является капиталистом. Это все то же отделение условий труда, с одной стороны, от производителей, с другой, которое образует понятие капитала, начинается вместе с первоначальным накоплением (кн. I, гл. XXIV), проявляется затем как постоянный процесс в накоплении и концентрации капитала и, наконец, здесь выражается в виде централизации уже имеющихся капиталов в немногих руках и потери капиталов многими (такую форму принимает теперь экспроприация). Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к катастрофе, если бы наряду с центростремительной силой постоянно не влияли снова и снова децентрализующим образом противодействующие тенденции.

II. КОНФЛИКТ МЕЖДУ РАСШИРЕНИЕМ ПРОИЗВОДСТВА И САМОВОЗРАСТАНИЕМ СТОИМОСТИ.

Развитие общественной производительной силы труда сказывается двояким образом. Во-первых, в величине уже произведенных производительных сил, в стоимостном объеме и массе условий производства, при которых совершается новое производство, и в абсолютной величине уже накопленного производительного капитала; во-вторых, в относительной незначительности сравнительно со всем капиталом той его части, которая расходуется на заработную плату, т. е. в относительной незначительности живого труда, который требуется для воспроизводства и увеличения стоимости данного капитала, для массового производства. А это предполагает в то же время концентрацию капитала.

По отношению к применяемой рабочей силе развитие производительной силы сказывается опять-таки двояким образом: Во-первых, в увеличении прибавочного труда, т. е. в сокращении необходимого рабочего времени, требующегося для воспроизводства рабочей силы. Во-вторых, в уменьшении количества рабочей силы (числа рабочих), которая вообще употребляется для того, чтобы привести в движение данный капитал.

Оба эти движения не только идут рука об руку, но взаимно обуславливают друг друга и представляют собою явления, в которых находит себе выражение один и тот же закон. Между тем они влияют

на норму прибыли в противоположном направлении. Общая масса прибыли равна общей массе прибавочной стоимости, норма прибыли $= \frac{m}{K} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{весь авансированный капитал}}$. Но прибавочная стоимость, ее общая сумма, определяется, во-первых, ее нормой, а во-вторых, массой труда, одновременно применяемого при такой норме, или, — что то же, — величиной переменного капитала. С одной стороны, возрастает один фактор, норма прибавочной стоимости, с другой стороны, уменьшается (относительно или абсолютно) другой фактор, число рабочих. Поскольку развитие производительной силы сокращает оплачиваемую часть прилагаемого труда, оно повышает прибавочную стоимость, повышая ее норму; поскольку же оно уменьшает общую массу труда, применяемого данным капиталом, оно уменьшает другой фактор, число рабочих, на которое надо помножить норму прибавочной стоимости, чтобы получить ее массу. Двое рабочих, работающих по 12 часов в день, не могут доставить такую же массу прибавочной стоимости, как 24 рабочих, работающих только по 2 часа каждый, даже если бы они могли питаться одним воздухом и если бы им поэтому вовсе не приходилось работать на самих себя. Следовательно, в этом отношении имеются известные непреодолимые границы для компенсации сокращения числа рабочих путем повышения степени эксплуатации труда; поэтому она может, конечно, задержать понижение нормы прибыли, но не устранить его.

Итак, с развитием капиталистического способа производства норма прибыли понижается, тогда как масса ее возрастает с увеличением массы применяемого капитала. При данной норме абсолютная масса, на которую возрастает капитал, зависит от его величины в данный момент. Но, с другой стороны, если дана эта величина, то отношение, в котором он возрастает, норма его возрастания, зависит от нормы прибыли. Возрастание производительной силы (которое, кроме того, как мы упоминали, постоянно идет рука об руку с обесценением наличного капитала) непосредственно может повысить величину стоимости капитала лишь при том условии, если оно, повышая норму прибыли, увеличивает ту часть стоимости годового продукта, которая вновь превращается в капитал. Поскольку дело идет о производительной силе труда (потому что эта производительная сила непосредственно не имеет никакого отношения к стоимости наличного капитала), это может произойти только в том случае, если вследствие этого или увеличивается относительная прибавочная стоимость, или уменьшается стоимость постоянного капитала, следовательно удешевляются товары, входящие или в воспроизводство рабочей силы, или в элементы постоянного капитала. Но и то и дру-

гое сопровождается обесценением наличного капитала, то и другое идет рука об руку с относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным. То и другое обуславливает понижение нормы прибыли и замедляет это понижение. Далее, поскольку повышение нормы прибыли вызывает повышение спроса на труд, оно влияет на увеличение рабочего населения и вместе с тем на увеличение пригодного для эксплуатации материала, который только и делает капитал капиталом.

Но косвенно развитие производительной силы труда содействует увеличению наличной капитальной стоимости, увеличивая массу и разнообразие потребительных стоимостей, в которых представлена одна и та же меновая стоимость и которые образуют материальный субстрат, вещные элементы капитала, реальные предметы, из которых непосредственно состоит постоянный капитал и, по крайней мере косвенно, — переменный. Прежним капиталом и прежним трудом производится больше вещей, которые, независимо от их меновой стоимости, могут быть превращены в капитал, — вещей, которые могут служить для впитывания дополнительного труда, следовательно и дополнительного прибавочного труда, и которые таким образом могут составить дополнительный капитал. Масса труда, которым может распоряжаться капитал, зависит не от стоимости этого капитала, а от массы сырья и вспомогательных материалов, машин и элементов основного капитала, жизненных средств — всего того, из чего составляется капитал, какова бы ни была его стоимость. В то время как возрастает таким образом масса применяемого труда, а потому и прибавочного труда, возрастает и стоимость воспроизводимого капитала и вновь присоединяемая к ней добавочная стоимость.

Но оба эти момента, входящие в процесс накопления, нельзя рассматривать только в том состоянии спокойного сосуществования их друг возле друга, в каком их изучает Рикардо; они заключают в себе противоречие, обнаруживающееся в противоречивых тенденциях и явлениях. Противоборствующие друг другу факторы действуют одновременно один против другого.

Одновременно с побуждениями к действительному увеличению рабочего населения, вытекающими из увеличения части всего общественного продукта, функционирующей как капитал, действуют факторы, создающие перенаселение, которое является лишь относительным.

Одновременно с понижением нормы прибыли возрастает масса капиталов, и рука об руку с этим совершается обесценение налич-

ного капитала, которое задерживает понижение нормы прибыли и побуждает к ускоренному накоплению капитальной стоимости.

Одновременно с развитием производительной силы развивается более высокое строение капитала, относительное уменьшение переменной части по сравнению с постоянной.

Эти различные влияния проявляются то преимущественно одно рядом с другим в пространстве, то преимущественно одно вслед за другим во времени; конфликт противодействующих друг другу факторов периодически находит исход в кризисах. Кризисы всегда представляют собою только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие.

Противоречие, если выразить его в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (т. е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Специфическая особенность капиталистического способа производства состоит в том, чтобы использовать имеющуюся капитальную стоимость как средство для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, ведут к уменьшению нормы прибыли, обесценению имеющегося капитала и развитию производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил.

Периодическое обесценение наличного капитала, — это имманентное средство капиталистического способа производства, которое служит тому, чтобы задерживать понижение нормы прибыли и ускорять накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала, — нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и потому сопровождается внезапными задержками и кризисами процесса производства.

Идущее рука об руку с развитием производительных сил относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным дает стимул росту рабочего населения и в то же время постоянно создает искусственное перенаселение. Накопление капитала, рассматриваемое со стороны стоимости, замедляется вследствие понижения нормы прибыли, и в то же время еще более ускоряется накопле-

ние потребительных стоимостей, между тем как это последнее, в свою очередь, ведет к ускорению хода накопления, рассматриваемого со стороны стоимости.

Капиталистическое производство постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, и притом в более колоссальном масштабе.

Настоящий предел капиталистического производства это *сам капитал*, это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянного расширения жизненного процесса *общества* производителей. Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден применять для достижения своей цели и которые стремятся к безграничному расширению производства, к безусловному развитию общественных производительных сил, которые ставят себе производство как самодовлеющую цель. Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе всемирного рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такою его исторической задачей и свойствами ему общественными отношениями производства.

III. ИЗБЫТОК КАПИТАЛА ПРИ ИЗБЫТКЕ НАСЕЛЕНИЯ.

С понижением нормы прибыли возрастает тот минимум капитала, который требуется отдельному капиталисту для производительного применения труда, — требуется как для эксплуатации труда вообще, так и для того, чтобы употребляемое рабочее время было временем, необходимым для производства товаров, чтобы оно не превышало среднего рабочего времени, общественно необходимого для производства товаров. И одновременно возрастает концентрация, потому что за известными пределами крупный капитал с невысокой нормой прибыли накапливается быстрее, чем небольшой капитал

с высокой нормой прибыли. Эта возрастающая концентрация, достигнув известного уровня, в свою очередь приводит к новому понижению нормы прибыли. Масса мелких раздробленных капиталов толкается вследствие этого на путь авантюры: спекуляции, дутых кредитных и акционерных предприятий, кризисов. Под так называемым изобилием капитала всегда подразумевается по существу изобилие такого капитала, для которого понижение нормы прибыли не уравнивается ее массой, — а таковы всегда вновь образующиеся свежие отпрыски капитала, — или изобилие таких капиталов, которые, будучи сами по себе недостаточны для самостоятельных действий, предоставляются в форме кредита в распоряжение руководителей крупных предприятий. Это изобилие капитала возникает вследствие тех же обстоятельств, которые вызывают относительное перенаселение, и потому изобилие это представляет собою явление, дополняющее это последнее, хотя оба они находятся на противоположных полюсах: на одной стороне — незанятый капитал, на другой стороне — незанятое рабочее население.

Перепроизводство капитала, а не отдельных товаров, — хотя перепроизводство капитала всегда включает перепроизводство товаров, — означает поэтому не что иное, как перенакопление капитала. Чтобы понять, что такое это перенакопление (более подробное исследование его будет дано ниже), стоит только предположить его абсолютным. Когда перепроизводство капитала было бы абсолютным? И притом перепроизводство, которое распространялось бы не на ту или другую или на несколько значительных сфер производства, но было бы абсолютным во всем своем объеме, т. е. охватывало бы все отрасли производства?

Перепроизводство капитала было бы абсолютным в том случае, если бы дополнительный капитал для целей капиталистического производства был $= 0$. Но целью капиталистического производства является увеличение стоимости капитала, т. е. присвоение прибавочного труда, производство прибавочной стоимости, прибыли. Следовательно, если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное рабочее время (последнее и без того было бы невыполнимо при таких обстоятельствах, когда спрос на труд столь значителен, следовательно, когда существует тенденция к повышению заработной платы), т. е. если бы возросший капитал производил лишь такую же или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения, то оказалось бы абсолютное перепроизводство капи-

тала, т. е. возросший капитал $K + \Delta K$ произвел бы прибыли не больше или даже меньше, чем капитал K до своего увеличения на ΔK . В обоих случаях произошло бы сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли, но на этот раз—вследствие такой перемены в строении капитала, причиной которой было бы не развитие производительной силы, а повышение денежной стоимости переменного капитала (вследствие повышения заработной платы) и соответствующее ему уменьшение отношения прибавочного труда к необходимому труду.

В действительности дело приняло бы такой вид, что одна часть капитала лежала бы без употребления целиком или отчасти (потому что она должна была бы сначала вытеснить с его позиции уже действующий капитал, — только тогда она вообще и могла бы увеличивать свою стоимость), а другая часть под давлением незанятого или только наполовину занятого капитала применялась бы при более низкой норме прибыли. При этом было бы безразлично, если бы часть дополнительного капитала вступила на место старого, а этот последний таким образом занял бы место в дополнительном капитале. Мы все же имели бы, с одной стороны, прежнюю капитальную сумму, с другой — дополнительную. Понижение нормы прибыли сопровождалось бы в этом случае абсолютным уменьшением массы прибыли, так как при наших предположениях масса применяемой рабочей силы не могла бы увеличиться, и норма прибавочной стоимости не могла бы повыситься, следовательно не могла бы увеличиться и масса прибавочной стоимости. А уменьшенную массу прибыли пришлось бы вычислять в отношении ко всему возросшему капиталу. Но если даже предположить, что занятый капитал продолжает применяться при прежней норме прибыли, следовательно масса прибыли остается прежняя, то все же она исчислялась бы на возросшую общую сумму капитала, а это опять предполагает понижение нормы прибыли. Если весь капитал в 1 000 приносил прибыль в 100, а после своего увеличения до 1 500 он попрежнему приносит только 100, то во втором случае 1 000 приносит уже только $66\frac{2}{3}$. Возрастающие стоимости прежнего капитала сократилось бы абсолютно. При новых условиях капитал = 1 000 приносил бы не больше, чем прежде приносил капитал = $66\frac{2}{3}$.

Но ясно, что это фактическое обесценение прежнего капитала совершилось бы не без борьбы, что дополнительный капитал ΔK не без борьбы получил бы возможность функционировать как капитал. Норма прибыли упала бы не благодаря конкуренции, вытекающей из перепроизводства капитала, а, наоборот, конкурентная

борьба началась бы теперь вследствие того, что понижение нормы прибыли и перепроизводство капитала вытекают из одних и тех же причин. Уже функционирующие капиталисты, в руках которых оказалась бы часть ΔK , в большей или меньшей степени оставили бы ее лежать без употребления, чтобы не обесценить своего первоначального капитала и не сократить места, занимаемого им в области производства, или же они употребили бы ее так, чтобы перенести, хотя бы с временным убытком для себя, бездеятельность дополнительного капитала с себя на новых пришельцев; вообще на своих конкурентов.

Часть ΔK , которая оказалась бы в новых руках, стремилась бы занять себе место за счет старого капитала, и это отчасти удалось бы ей, поскольку она оставила бы в бездействии часть старого капитала, принудила бы его очистить ей старое место и занять место дополнительного капитала, употребляемого в дело только отчасти или вовсе не употребляемого.

Поскольку капитал должен функционировать как капитал и возрастать по своей стоимости, известная часть старого капитала при всех обстоятельствах должна находиться в праздном состоянии, и его свойство капитала должно оставаться праздным. Какой именно части пришлось бы остаться праздной, это решила бы конкурентная борьба. При нормальном ходе дела конкуренция, как это оказалось при уравнении общей нормы прибыли, действует как осуществленный на практике братский союз класса капиталистов, так что они сообща делят между собой общую добычу пропорционально доле, вложенной каждым. Но, поскольку дело идет уже о распределении не прибыли, а убытка, всякий стремится насколько возможно уменьшить свою долю убытка и навязать ее на шею другому. Для всего класса капиталистов убыток неизбежен. Но какая доля придется на каждого отдельного капиталиста, насколько вообще должен разделять его каждый отдельный капиталист, это становится тогда вопросом силы и хитрости, и конкуренция превращается в таком случае в борьбу враждующих собратий. При этом дает знать о себе противоположность интересов каждого отдельного капиталиста и всего класса капиталистов совершенно так же, как раньше практически прокладывала себе путь через конкуренцию тождественность этих интересов.

Каким же образом может быть устранен этот конфликт и могут быть снова восстановлены отношения, соответствующие «здоровому» движению капиталистического производства? Способ устранения содржится уже в самом выявлении того конфликта, об устранении кото-

рого идет речь. Он заключается в том, что капитал, равный по стоимости всему дополнительному капиталу $\Delta K'$, или, по крайней мере, его части, оставляется без употребления и отчасти даже уничтожается. Хотя, как это явствует уже из самого изложения конфликта, такой убыток отнюдь не распределяется равномерно между отдельными индивидуальными капиталами, а его распределение решается конкурентной борьбой, причем убыток распределяется очень неравномерно и в очень разнообразных формах, соответственно особым преимуществам или особым уже завоеванным позициям, так что один капитал остается праздным, другой уничтожается, третий терпит только относительные убытки или подвергается лишь временному обесценению и т. д.

Но при всяких обстоятельствах равновесие было бы восстановлено благодаря бездействию и даже уничтожению капитала в большем или меньшем объеме. Это распространялось бы отчасти на материальную субстанцию капитала, т. е. некоторая часть средств производства, основной и оборотный капитал, не функционировала бы, не действовала бы как капитал; приостановилась бы часть предприятий, уже начавших производство. Хотя в этом отношении время ничего не падит и ухудшает все средства производства (за исключением земли), но здесь, вследствие приостановки функционирования, в действительности произошло бы гораздо более значительное разрушение средств производства. Однако главный результат в этом отношении заключался бы в том, что эти средства производства перестали бы действовать как средства производства, — в прекращении на более или менее долгое время их функционирования как средств производства.

Но главное разрушительное влияние, притом самого острого характера, коснулось бы капитала, а поскольку он обладает свойством стоимости, — капитальных *стоимостей*: часть капитальной стоимости, находящаяся просто в форме свидетельств на получение в будущем доли прибавочной стоимости, прибыли, в действительности представляющая только различные формы долговых обязательств на производство, обесценивается тотчас же за уменьшением доходов, на которые рассчитана эта часть. Часть наличного золота и серебра лежит без употребления, не функционирует как капитал. Часть находящихся на рынке товаров может совершать свой процесс обращения и воспроизводства только при чрезвычайном понижении своих цен, следовательно путем обесценения того капитала, который эта часть представляет. Точно так же более или менее обесцениваются элементы основного капитала. К этому присоединяется то,

что определенные предположительные отношения цен обуславливают процесс воспроизводства, а потому последнее вследствие общего понижения цен приостанавливается и приходит в расстройство. Это расстройство и приостановка процесса воспроизводства парализует функцию денег как средства платежа, развивающуюся с развитием капитала и основывающуюся на упомянутых предположительных отношениях цен, разрывает в сотне мест цепь платежных обязательств на определенные сроки, еще более обостряется возникающим отсюда потрясением кредитной системы, развившейся вместе с капиталом, и таким образом приводит к сильным и острым кризисам, к внезапным насильственным обесценениям, к действительной приостановке и срыву процесса воспроизводства и вместе с тем к действительному сокращению воспроизводства.

Но одновременно действовали бы другие факторы. Приостановка производства лишила бы работы часть рабочего класса и вследствие этого другую, занятую часть его поставила бы в такие условия, при которых ей пришлось бы мириться с понижением заработной платы даже ниже среднего уровня, — обстоятельство, которое производит на капитал совершенно такое же действие, как если бы при средней заработной плате повысилась относительная или абсолютная прибавочная стоимость. Период процветания благоприятствовал бы бракам среди рабочих и уменьшил бы смертность их детей — обстоятельства, которые, какое бы действительное увеличение населения ни было связано с ними, вовсе не предполагают увеличения действительно работающего населения, но на отношение рабочих к капиталу влияют совершенно так же, как если бы увеличилось число действительно функционирующих рабочих. С другой стороны, падение цен и конкурентная борьба побуждали бы каждого капиталиста повышать индивидуальную стоимость всего своего продукта в целом выше общей стоимости этого продукта посредством применения новых машин, новых усовершенствованных методов труда, новых комбинаций, т. е. повышать производительную силу данного количества труда, понижать отношение переменного капитала к постоянному и таким образом освобождать рабочих, — короче говоря, создавать искусственное перенаселение. Далее, обесценение элементов постоянного капитала само сделалось бы элементом, влекущим за собой повышение нормы прибыли. Масса применяемого постоянного капитала возросла бы по сравнению с переменным, но стоимость этой массы могла бы уменьшиться. Наступившая приостановка производства подготовила бы позднейшее расширение его в капиталистических границах.

И таким образом круг был бы пройден снова. Часть капитала,

обесценившаяся вследствие приостановки функционирования, снова приобрела бы свою прежнюю стоимость. Впрочем, при расширенных условиях производства, при расширенном рынке и при повышенной производительной силе был бы опять совершен такой же порочный кругооборот.

Но даже при допущенном нами крайнем предположении абсолютное перепроизводство капитала не есть абсолютное перепроизводство вообще, абсолютное перепроизводство средств производства. Оно является перепроизводством средств производства лишь постольку, поскольку эти последние *функционируют как капитал*, и, следовательно, предполагают соответствующее увеличению своей массы увеличение стоимости, самовозрастание этой стоимости, должны порождать дополнительную стоимость.

Но, несмотря на то, это все же было бы перепроизводство, потому что капитал оказался бы неспособным эксплуатировать труд в той степени, которая обуславливается «здоровым», «нормальным» развитием капиталистического процесса производства, в той степени, при которой с возрастанием массы применяемого капитала увеличивается по крайней мере масса прибыли, и которая, следовательно, исключает такую возможность, чтобы норма прибыли падала в той самой мере, как возрастает капитал, и в особенности, чтобы норма прибыли понижалась быстрее, чем возрастает капитал.

Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, кроме перепроизводства средств производства, — средств труда и жизненных средств, — которые могут функционировать как капитал, т. е. могут применяться для эксплуатации труда при данной степени эксплуатации; падение же этой степени эксплуатации ниже определенного пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала. Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли, — эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплуатации труда, при которой они только и могли бы найти применение, или, по крайней мере, вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплуатации.

Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли. Но такой капитал — абсолютно избыточный капитал для занятого рабочего населения и для данной страны вообще. Он существует как таковой наряду с относительно избыточным населением, и это служит примером, как избыточный капитал и избыточное население существуют наряду друг с другом и взаимно обуславливают друг друга.

С другой стороны, связанное с накоплением понижение нормы прибыли необходимо вызывает конкурентную борьбу. Компенсация понижения нормы прибыли увеличением массы прибыли имеет значение только для всего капитала общества и для крупных капиталистов, владельцев уже существующих предприятий. Новый, самостоятельно функционирующий дополнительный капитал не находит условий, которые дают возможность такой компенсации; он еще должен завоевать такие условия, и потому понижение нормы прибыли вызывает конкурентную борьбу между капиталами, а не наоборот. Эта конкурентная борьба сопровождается, конечно, преходящим повышением заработной платы и вытекающим из этого дальнейшим временным понижением нормы прибыли. То же проявляется в перепроизводстве товаров, в переполнении рынков. Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли, и так как эта цель достигается лишь такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы. Впрочем, ведь капитал состоит из товаров, и потому перепроизводство капитала включает в себя перепроизводство товаров. Отсюда — то любопытное явление, что те самые экономисты, которые отрицают перепроизводство товаров, признают перепроизводство капитала. Когда говорят, что происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорции между различными отраслями производства, то это не означает ничего иного, кроме того, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства выступает из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь взаимная связь производства как целого навязывается лицам, действующим в производстве, как слепой закон, а не как закон, который, будучи постигнут их коллективным разумом и потому подвластен ему, под-

чиняет процесс производства их общему контролю. Далее, тем самым требуют, чтобы в странах, в которых не развит капиталистический способ производства, потребление и производство стояли на такой ступени, какая свойственна странам капиталистического способа производства. Если говорят, что перепроизводство только относительно, то это совершенно правильно; но весь капиталистический способ производства есть только относительный способ производства, границы которого не абсолютны, но абсолютны для него, на его базисе. Иначе как же мог бы отсутствовать спрос на такие товары, в которых нуждается масса народа, и как было бы возможно то явление, что приходится искать этот спрос за границей, на отдаленных рынках для того, чтобы иметь возможность платить рабочим у себя дома среднее количество необходимых жизненных средств? Потому что только в этих специфических, капиталистических взаимоотношениях избыточный продукт получает такую форму, что его владелец может предоставить его для потребления лишь в том случае, если он превратится для него опять в капитал. Наконец, если говорят, что капиталистам стоит только обменяться между собой своими товарами и потребить их, то при этом забывается общий характер капиталистического производства, забывается, что дело идет о возрастании стоимости капитала, а не об его потреблении. Одним словом, все возражения против очевидных явлений перепроизводства (которые существуют, невзирая на все возражения) сводятся к тому, что границы *капиталистического* производства не являются границами *производства вообще*, а поэтому не являются границами и для этого специфического, капиталистического способа производства. Но противоречие этого капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими *условиями* производства, в которых движется и только и может двигаться капитал.

Дело не в том, что жизненных средств производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того, чтобы масса населения могла жить прилично и по-человечески.

Дело не в том, что средств производства производится больше, чем нужно для того, чтобы занять работоспособную часть населения. Наоборот. Во-первых, производится слишком значительная часть населения, которая фактически неработоспособна, вынуждена обстоятельствами эксплуатировать труд других или заниматься работами, которые могут считаться таковыми только при жалком

способе производства. Во-вторых, средств производства производится недостаточно для того, чтобы все трудоспособное население могло работать при наиболее производительных условиях, следовательно, чтобы его абсолютное рабочее время сокращалось благодаря массе и эффективности постоянного капитала, применяемого в продолжение рабочего времени.

Но периодически средств труда и жизненных средств производится слишком много для того, чтобы они могли функционировать как средства эксплуатации рабочих, дающей известную норму прибыли. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в ней прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е. чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов.

Дело не в том, что богатства производится слишком много. Но периодически производится слишком много богатства в его капиталистических, противоречивых формах.

Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1) В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собою закон, который на известном пункте самым резким образом приходит в столкновение с собственным развитием производительной силы труда и потому всегда должен преодолеваться посредством кризисов.

2) В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к овеществленному труду вообще, или, выражаясь капиталистически, определяется прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, в высшей степени недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли.

Если норма прибыли понижается, то, с одной стороны, силы капитала направляются на то, чтобы отдельный капиталист посред-

ством усовершенствованных методов и пр. понизил индивидуальную стоимость единицы своих товаров ниже их средней общественной стоимости и получил таким образом при данной рыночной цене некоторую добавочную прибыль; с другой стороны, возникает спекуляция, встречающая благоприятствующие условия в страстных поисках новых методов производства, новых применений капитала, новых авантур с целью обеспечить хоть какую-нибудь добавочную прибыль, которая была бы независима от общего среднего уровня ее и возвышалась бы над ним.

Норма прибыли, т. е. относительный прирост капитала, имеет важное значение прежде всего для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы капиталобразование стало уделом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли — это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли. Если уже одна возможность этого тревожит Рикардо, так это свидетельствует как раз об его глубоком понимании условий капиталистического производства. Наиболее значительно в Рикардо именно то, в чем его упрекали: что он при исследовании капиталистического производства, не заботясь о судьбе «людей», обращает внимание только на развитие производительных сил, ценою каких бы человеческих жертв и жертв капитальными *стоимостями* оно ни покупалось. Развитие производительных сил общественного труда — это историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокой формы производства. Рикардо беспокоит то, что норме прибыли, которая является стимулом капиталистического производства, а вместе с тем условием и двигателем накопления, угрожает опасность вследствие развития самого производства. А количественное отношение здесь — все. В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что он только смутно чувствует. В этом обнаруживается чисто экономическим образом, т. е. с буржуазной точки зрения, в пределах капиталистического понимания, с точки зрения самого капиталистического производства, ограниченность последнего, его относительность, то, что оно — не абсолютный, а лишь исторический способ производства, соответствующий известной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

IV. ДОБАВЛЕНИЯ.

Так как развитие производительной силы труда совершается очень неравномерно в различных отраслях промышленности, и притом не только неравномерно по степени, но часто в противоположном направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (= прибавочной стоимости) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительной силы в наиболее передовых отраслях промышленности. То обстоятельство, что развитие производительной силы в различных отраслях промышленности совершается не только в очень различных пропорциях, но часто в противоположном направлении, вытекает не только из анархии конкуренции и из своеобразия буржуазного способа производства. Производительность труда связана и с естественными условиями, которые нередко становятся менее производительными по мере того, как производительность, поскольку последняя зависит от общественных условий, повышается. Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах: прогресс в одних, регресс в других. Можно напомнить, напр., хотя бы о влиянии самих по себе времен года, от которого зависит количество большей части сырых материалов, об истреблении лесов, истощении каменноугольных копей, железных рудников и т. д.

Если обратная часть постоянного капитала, сырье и т. д., постоянно возрастает по своей массе пропорционально развитию производительной силы труда, то иначе обстоит дело с основным капиталом, зданиями, машинами, приспособлениями для освещения, отопления и пр. Хотя машины с увеличением их размеров становятся абсолютно дороже, но относительно они дешевлеют. Если пять рабочих производят товаров в десять раз больше, чем прежде, то вследствие этого затраты на основной капитал не удесятятся; хотя стоимость этой части постоянного капитала возрастает с развитием производительной силы, но она возрастает далеко не в такой пропорции. Мы уже неоднократно указывали на различие между отношением постоянного капитала к переменному в том виде, как это отношение выражается в понижении нормы прибыли, и тем же самым отношением, как оно, с развитием производительности труда, выражается в единице товара и ее цене.

{ Стоимость товара определяется всем рабочим временем, прошлым и живым, которое входит в этот товар. Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но увеличи-

вается таким образом, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается; следовательно, таким образом, что количество живого труда уменьшается больше, чем увеличивается количество прошлого труда. Прошлый труд, воплощенный в стоимости товара, — постоянная часть капитала, — состоит отчасти из снашивания основного капитала, отчасти из вошедшего в товар целиком оборотного постоянного капитала, сырья и вспомогательного материала. Часть стоимости, происходящая от сырья и вспомогательного материала, с повышением производительности труда должна сокращаться, потому что производительность труда по отношению к этим материалам обнаруживается именно в том, что их стоимость понижается. Напротив, наиболее характерным для повышения производительной силы труда является то, что основная часть постоянного капитала испытывает очень сильное увеличение, а вместе с тем увеличивается и та часть его стоимости, которая переносится на товары вследствие снашивания. Для того, чтобы новый метод производства оправдал себя действительным повышением производительности, он должен переносить на отдельный товар меньшую дополнительную часть стоимости, соответствующую снашиванию основного капитала, чем та часть стоимости, которая вычитается, сохраняется вследствие уменьшения живого труда; одним словом, этот метод должен уменьшить стоимость товара. Само собой разумеется, что он должен повлиять таким образом, даже если, как это бывает в отдельных случаях, в образование стоимости товара входит, кроме дополнительно снашиваемой части основного капитала, дополнительная часть стоимости, соответствующая увеличившимся по количеству или более дорогим видам сырья и вспомогательных материалов. Все надбавки к стоимости должны более чем уравновеситься уменьшением стоимости, вытекающим из уменьшения живого труда.

Поэтому такое уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда, при каких бы общественных условиях ни совершалось производство. В обществе, в котором производители регулируют свое производство, согласно заранее начертанному плану, и даже при простом товарном производстве производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом. Но как обстоит дело при капиталистическом производстве?

Положим, что определенная отрасль капиталистического производства производит нормальную штуку соответственного товара при следующих условиях: снашивание основного капитала составляет

на штуку $1\frac{1}{2}$ шилл. или марки; сырье и вспомогательного материала входит в каждую штуку на $17\frac{1}{2}$ шилл.; на заработную плату приходится 2 шилл., и при норме прибавочной стоимости в 100% прибавочная стоимость составляет 2 шилл. Вся стоимость = 22 шиллингам или маркам. Для простоты мы предположим, что строение капитала в этой отрасли производства есть среднее строение общественного капитала, следовательно, что цена производства товара совпадает с его стоимостью, а прибыль капиталиста совпадает с произведенной прибавочной стоимостью. В таком случае издержки производства товара = $1\frac{1}{2} + 17\frac{1}{2} + 2 = 20$ шилл., средняя норма прибыли $\frac{2}{20} = 10\%$, а цена производства каждой штуки товара, равная его стоимости, = 22 шилл. или маркам.

Предположим, что изобретается машина, которая сокращает наполовину живой труд, требующийся для производства каждой штуки товара, но зато увеличивает втрое часть стоимости, образующуюся от снашивания основного капитала. Тогда дело представляется в следующем виде: снашивание = $1\frac{1}{2}$ шилл., сырье и вспомогательный материал, как и раньше, $17\frac{1}{2}$ шилл., заработная плата 1 шилл., прибавочная стоимость 1 шилл., итого 21 шилл. или 21 марка. Стоимость товара упала теперь на 1 шилл.; новая машина явственно повысила производительную силу труда. Но для капиталиста дело представляется в таком виде: его издержки производства составляют теперь: $1\frac{1}{2}$ шилл. снашивание, $17\frac{1}{2}$ шилл. сырье и вспомогательный материал, 1 шилл. заработная плата, — итого 20 шилл., как и раньше. Так как норма прибыли непосредственно не изменяется применением новой машины, то он должен получить 10% сверх издержек производства, что составляет 2 шилл.; следовательно, цена производства осталась без изменения = 22 шилл., но она превышает стоимость на 1 шилл. Для общества, производящего при капиталистических условиях, товар не подешевел, новая машина не представляет *никакого* усовершенствования. Следовательно, капиталист несколько не заинтересован в том, чтобы вводить новую машину. А так как, введя ее в производство, он только лишил бы всякой стоимости прежнюю, еще не сношенную машину и превратил бы ее просто в старое железо, следовательно потерпел бы прямой убыток, то он всячески воздерживается от такой, кажущейся ему утопической, глупости.

Таким образом для капитала закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Для капитала эта производительная сила повышается не тогда, когда этим вообще

сберегается живой труд, но лишь в том случае, если на *оплачиваемой* части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда, как это вкратце было уже упомянуто в книге I, гл. XIII, 2, стр. 356—357 [русск. перев. стр. 431—432]. В этом случае капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание — безудержное, подгоняемое вперед в геометрической прогрессии развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в настоящем случае, препятствует развитию производительности. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все более и более переживает себя } ³⁷.

Увеличение минимума капитала, который с возрастанием производительной силы становится необходимым для успешного ведения самостоятельного промышленного предприятия, проявляется в конкуренции следующим образом: как только новое более дорогое производственное оборудование входит во всеобщее употребление, более мелким капиталам на будущее время закрывается доступ в соответствующее производство. Только при начале механических изобретений в различных областях производства мелкие капиталы могут функционировать в них самостоятельно. С другой стороны, очень крупные предприятия с чрезвычайно высоким отношением постоянного капитала [к переменному], как железные дороги, приносят не среднюю норму прибыли, а только часть ее, процент. Иначе общая норма прибыли пала бы еще ниже. Напротив, крупное соединение капиталов в форме акций находит себе здесь непосредственное поле применения.

Возрастание капитала, следовательно накопление капитала, включает в себя уменьшение нормы прибыли лишь постольку, поскольку вследствие такого возрастания наступают рассмотренные нами выше изменения в отношении органических составных частей капитала. Однако, несмотря на постоянные повседневные перевороты в способе производства, оказывается, что то та, то другая, большая или меньшая часть всего капитала в течение известного промежутка времени продолжает накапливаться на основе данного среднего отношения этих составных частей, так что ростом этой части

³⁷ Вышеприведенные строки поставлены в скобках, потому что хотя они и представляют переделку замечания из оригинала рукописи, но в изложении некоторых пунктов выходят за пределы материала, находящегося в оригинале. — Ф. Э.

не обуславливается никакой органической перемены, следовательно никаких причин понижения нормы прибыли. Это постоянное увеличение капитала, а потому и расширение производства на основе старых методов производства, спокойно протекающее в то время, как наряду с ними вводятся уже новые методы, в свою очередь является причиной того, что норма прибыли понижается не в такой степени, в какой возрастает весь капитал общества.

Увеличение абсолютного числа рабочих, несмотря на относительное уменьшение переменного капитала, расходуемого на заработную плату, происходит не во всех отраслях производства и не во всех равномерно. В земледелии уменьшение элемента живого труда может быть абсолютным.

Впрочем, абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, только отвечает потребности капиталистического способа производства. Для него рабочие силы становятся уже лишними, как только исчезает необходимость заставлять их работать в течение 12—15 часов ежедневно. Если бы развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т. е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, на известном пункте оно приходит в коллизии с этим развитием. Частично такая коллизия проявляется в периодических кризисах, которые происходят от того, что то одна, то другая часть рабочего населения делается излишней в своей старой профессии. Предел капиталистического производства — избыточное время рабочих. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство. Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не поскольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом капиталистическое производство вращается в противоречиях.

Мы видели, что рост накопления капитала включает в себя возрастающую концентрацию его. Таким образом возрастает власть капитала, обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства от действительных производителей. Капитал все более проявляет себя как общественная сила, функционе-

ром которой является капиталист и которая не находится уже решительно ни в каком соответствии с тем, что может создать труд отдельного индивидуума, — как отчужденная, получившая самостоятельное существование общественная сила, которая противостоит обществу как вещь и как власть капиталиста, осуществляемая посредством этой вещи. Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства все более развивается в кричащее противоречие и несет в себе разрешение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает переделку условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. Эта переделка вытекает из развития производительных сил при капиталистическом производстве и того способа, каким совершается это развитие.

Ни один капиталист не применит нового метода производства добровольно, насколько бы ни был этот метод производительнее и как ни увеличивал бы он норму прибавочной стоимости, если этот новый метод уменьшает норму прибыли. Но каждый такой новый метод производства удешевляет товары. Поэтому сначала капиталист продает их по цене выше их цены производства, может быть даже по цене выше их стоимости. Он кладет себе в карман разницу между издержками их производства и рыночной ценой остальных товаров, произведенных при более высоких издержках производства. Он может это делать, потому что среднее рабочее время, общественно необходимое для производства этих товаров, больше, чем рабочее время, требующееся для этого при новом методе производства. Его приемы производства стоят выше средних общественных. Но конкуренция делает их всеобщими и подчиняет общему закону. Тогда наступает понижение нормы прибыли, — быть может, сначала в этой сфере производства, и затем она уравнивается с другими, — которое таким образом происходит совершенно независимо от воли капиталистов.

К этому пункту следует сделать замечание, что действие этого закона распространяется также на те сферы производства, продукт которых ни прямо, ни косвенно не входит в потребление рабочего или в условия производства его жизненных средств; т. е. оно распространяется и на те сферы производства, в которых никакое удешевление товаров не может увеличить относительную прибавочную стоимость, удешевить рабочую силу. (Конечно, во всех этих отраслях

удешевление постоянного капитала может повысить норму прибыли при неизменяющейся эксплуатации рабочего.) Как только новый метод производства начинает распространяться, — и этим дается фактическое доказательство того, что эти товары могут производиться дешевле, — капиталисты, работающие при старых условиях производства, должны продавать свой продукт ниже своей полной цены производства, потому что стоимость этого товара понизилась, рабочее время, которое требуется им для производства этого товара, стоит выше общественного. Одним словом, — и это представляется следствием конкуренции, — они тоже должны ввести новый метод производства, при котором отношение переменного капитала к постоянному уменьшается.

Все обстоятельства, ведущие к тому, что применение машин удешевляет цену производимых ими товаров, неизменно сводятся к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара, а во-вторых, — к уменьшению снашиваемой части машин, стоимость которой входит в единицу товара. Чем медленнее снашивание машин, тем на большее количество товаров распределяется снашивание, тем больше живого труда заменяют они до срока их воспроизводства. Количество и стоимость основного постоянного капитала сравнительно с переменным в обоих случаях увеличивается.

«При прочих равных условиях способность нации делать сбережения из своей прибыли изменяется с нормою прибыли, — выше, когда норма прибыли высока, ниже, когда она низка; но, раз норма прибыли понижается, все прочие условия не остаются равными... Низкая норма прибыли обыкновенно сопровождается быстрым темпом накопления по сравнению с численностью населения, как в Англии, ... высокая норма прибыли — более медленным, по сравнению с численностью населения, темпом накопления». Примеры: Польша, Россия, Индия и т. д. (Richard Jones: «An Introductory Lecture on Political Economy». London 1833, стр. 50 и сл.). Джоне справедливо указывает, что, несмотря на понижение нормы прибыли, стремление к накоплению и возможность последнего увеличиваются. Во-первых, вследствие возрастания относительного перенаселения. Во-вторых, потому, что с возрастанием производительности труда увеличивается масса потребительных стоимостей, представляемых одной и той же меновой стоимостью, т. е. увеличивается масса вещественных элементов капитала. В-третьих, потому, что возникают все новые разнообразные отрасли производства. В-четвертых, вследствие развития кредитной системы, акционерных обществ и пр. и связанной с этим легкости превращать деньги в капитал, не делаясь

лично промышленным капиталистом. В-пятых, вследствие роста потребностей и стремления к обогащению. В-шестых, вследствие увеличения массы вложений основного капитала и т. д.

Три главных факта капиталистического производства следующие:

1) Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосредственных рабочих, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя таковыми они и становятся сначала как частная собственность капиталистов. Последние — поверенные буржуазного общества, но они кладут в свой карман все плоды этого товарищества на веревке.

2) Организация самого труда как общественного труда: путем кооперации, разделения труда и сочетания труда с естествознанием.

Как с той, так и с другой стороны капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и частный труд, хотя уничтожает в противоречивых формах.

3) Создание всемирного рынка.

Огромная по отношению к населению производительная сила, развивающаяся в рамках капиталистического способа производства, и возрастание хотя и не в той же пропорции капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), растущих значительно быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся по сравнению с ростом богатства основе, для которой действует эта огромная производительная сила, и условиям возрастания стоимости этого все нарастающего капитала. Отсюда кризисы.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА И ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА В ТОВАРНО- ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ И ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ (КУПЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ.

Купеческий, или торговый, капитал распадается на две формы или подвиды: товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал, которые мы теперь характеризуем подробнее, поскольку это необходимо для анализа капитала в его основной структуре. А это тем более необходимо, что современная экономия, даже в лице своих лучших представителей, прямо сваливает в одну кучу торговый капитал с промышленным капиталом и фактически совершенно не видит его характерных особенностей.

Движение товарного капитала было анализировано в книге II. Если рассматривать весь капитал общества, то одна часть его, хотя постоянно составляющаяся из новых элементов и изменяющаяся даже по величине, постоянно находится на рынке в виде товара, который должен превратиться в деньги; другая часть находится на рынке в виде денег, которые должны превратиться в товар. Он постоянно находится в процессе этого превращения, этой метаморфозы форм. Поскольку такая функция капитала, находящегося в процессе обращения, вообще обособляется как особая функция особого капитала, фиксируется как функция, вследствие разделения труда принадлежащая особой разновидности капиталистов, постольку товарный капитал становится товарно-торговым, или коммерческим, капиталом.

Мы уже выяснили (книга II, гл. VI, «Идержки обращения», 2 и 3), насколько можно смотреть на транспортную промышленность, на хранение и на распределение товаров в пригодной для потребления форме как на процессы производства, продолжающиеся в пределах процесса обращения. Эти привходящие эпизоды обращения товарного капитала отчасти смешиваются со специфическими функциями купеческого, или товарно-торгового, капитала; они

отчасти и на практике соединяются с его своеобразными специфическими функциями, хотя с развитием общественного разделения труда функция купеческого капитала вырабатывается и в чистом виде, т. е. обособленно от указанных реальных функций, самостоятельно по отношению к ним. Для нашей цели важно определить специфическое отличие этого особого вида [Gestalt] капитала, и, следовательно, мы можем отвлечься от упомянутых функций. Поскольку капитал, функционирующий только в процессе обращения, специально товарно-торговый капитал, отчасти соединяет эти функции со своими, он выступает не в своей чистой форме. Отбросив, устранив эти функции, мы получим чистую форму товарно-торгового капитала.

Мы видели, что существование капитала как товарного капитала, и метаморфоза, которую он как товарный капитал претерпевает в сфере обращения на рынке, — метаморфоза, которая сводится к купле и продаже, к превращению товарного капитала в денежный капитал и денежного капитала в товарный капитал, — образует фазу процесса воспроизводства промышленного капитала, следовательно фазу его процесса производства, взятого в целом; но мы видели в то же время, что он, в этой своей функции капитала обращения, отличается от самого себя как производительного капитала. Это две особых, отличных формы существования одного и того же капитала. Часть всего общественного капитала постоянно находится в этой форме существования в качестве капитала обращения на рынке, постоянно охватывается процессом этой метаморфозы, хотя для каждого отдельного капитала его пребывание в качестве товарного капитала и его метаморфоза как такового составляют лишь постоянно исчезающий и постоянно вновь наступающий переходный момент, переходную стадию непрерывного процесса производства, и хотя поэтому элементы находящегося на рынке товарного капитала постоянно изменяются, так как они постоянно извлекаются с товарного рынка и точно так же постоянно возвращаются на него как новый продукт процесса производства.

Товарно-торговый капитал есть не что иное, как превращенная форма части этого капитала обращения, постоянно находящегося на рынке, постоянно находящегося в процессе метаморфозы, постоянно захватываемого сферой обращения. Мы говорим: части — потому, что некоторая часть купли и продажи товаров постоянно протекает непосредственно между самими промышленными капиталистами. Эту часть в нашем исследовании мы совершенно оставляем в стороне, так как она несколько не способствует определению понятия, ураз-

умению специфической природы купеческого капитала, а, с другой стороны, в книге II мы уже исследовали ее исчерпывающим для наших целей образом.

Торговец товарами, как капиталист вообще, выступает на рынке прежде всего как представитель известной денежной суммы, которую авансирует как капиталист, т. е. которую он желает превратить из x (первоначальной стоимости суммы) в $x + \Delta x$ (эта сумма плюс прибыль на нее). Но для него не только как для капиталиста вообще, но именно как для торговца товарами, само собой очевидно, что его капитал первоначально должен появиться на рынке в форме денежного капитала, потому что он не производит никаких товаров, а только торгует ими, является посредником при их передвижении; а для того, чтобы ими торговать, он должен их сначала купить, следовательно должен быть владельцем денежного капитала.

Положим, что торговец товарами владеет 3 000 ф. ст., которые он увеличивает в их стоимости как торговый капитал. На эти 3 000 ф. ст. он покупает у фабриканта, производящего холст, напр. 30 000 арш. холста по 2 шилл. за аршин. Он продает эти 30 000 арш. Если средняя годовая норма прибыли = 10% и если он, за вычетом всех накладных издержек, получает 10% годовой прибыли, то в конце года 3 000 ф. ст. превратятся у него в 3 300 ф. ст. Каким образом он получает эту прибыль, — это вопрос, который мы исследуем позже. Здесь мы прежде всего рассмотрим только форму движения его капитала. На 3 000 ф. ст. он постоянно покупает холст и постоянно продает этот холст; он постоянно повторяет эту операцию купли для продажи, $D - T - D'$, простую форму капитала, в которой он обречен пребывать в процессе обращения, не прерываемом промежутками процесса производства, лежащего вне его собственного движения и функции.

Каково же отношение этого товарно-торгового капитала к товарному капиталу как простой форме существования промышленного капитала? Что касается фабриканта, производящего холст, то с помощью денег купца он реализовал стоимость своего холста, совершил первую фазу метаморфозы своего товарного капитала, его превращение в деньги, и может теперь, при прочих равных условиях, снова превращать деньги в пряжу, уголь, заработную плату и пр., с другой стороны, в жизненные средства и т. д. для потребления своего дохода; следовательно, если оставить в стороне расходование дохода, он может продолжать процесс воспроизводства.

Но, хотя для него, для производителя холста, уже произошла метаморфоза холста в деньги, совершилась его продажа, она еще не совершилась для самого холста. Как и раньше, холст находится

теперь на рынке в виде товарного капитала, которому предстоит совершить свою первую метаморфозу — быть проданным. С этим холстом неслучилось ничего, кроме перемены личности его владельца. По своему предназначению, по своему положению в процессе, он, как и прежде, остается товарным капиталом, продаваемым товаром; только теперь он в руках купца, между тем как раньше был в руках производителя. Функция его продажи, обслуживания первой фазы его метаморфозы, от производителя взята купцом и превратилась в специальное занятие последнего, тогда как раньше эту функцию должен был исполнять производитель после того, как он покончит с функцией производства.

Положим, что купцу не удалось продать 30 000 арш. в течение того промежутка времени, который требуется производителю холста для того, чтобы снова выбросить на рынок 30 000 арш. стоимостью в 3 000 ф. ст. Купец не может вновь купить их, потому что у него еще имеется на складе непроданных 30 000 арш., еще не превратившихся для него в денежный капитал. В таком случае наступает остановка, перерыв воспроизводства. Конечно, производитель холста мог бы иметь в своем распоряжении дополнительный денежный капитал, который он мог бы превратить в производительный капитал независимо от продажи 30 000 арш. и таким образом продолжить процесс производства. Но такое предположение нисколько не изменяет дела. Поскольку дело идет о капитале, авансированном на производство данных 30 000 арш., процесс его воспроизводства был и остается прерванным. Следовательно, здесь на деле с очевидностью обнаруживается, что операции купца не что иное, как такие операции, которые вообще должны быть выполнены для того, чтобы товарный капитал производителя превратить в деньги; что это такие операции, которыми обслуживаются функции товарного капитала в процессе обращения и воспроизводства. Если бы вместо независимого купца этой продажей, а также закупкой занимался как исключительным делом простой агент производителя, эта связь ни на одно мгновение не оставалась бы скрытой.

Следовательно, товарно-торговый капитал безусловно представляет собою не что иное, как товарный капитал производителя, капитал, который должен совершить процесс своего превращения в деньги, выполнить на рынке свою функцию товарного капитала, с той только разницей, что функция эта является теперь не побочной операцией производителя, а исключительной операцией особого рода капиталистов, торговцев товарами, приобретает самостоятельность как сфера особых вложений капитала.

Впрочем, это обнаруживается и в специфической форме обращения товарно-торгового капитала. Купец покупает товары и затем продает их: $D - T - D'$. При простом товарном обращении или даже при обращении товаров, каким оно является как процесс обращения промышленного капитала, $T' - D - T$, обращение обслуживается таким образом, что каждая единица денег дважды переходит из рук в руки. Производитель холста продает свой товар, холст, превращает его в деньги; деньги покупателя переходят в его руки. На эти самые деньги он покупает пряжу, уголь, труд и пр., снова расходует те же самые деньги, чтобы стоимость холста превратить обратно в товары, образующие элементы производства холста. Товар, который он покупает, не тот же самый товар, товар не того рода, который он продает. Он продал продукты, а купил средства производства. Иначе складываются отношения в движении купеческого капитала. Торговец холстом покупает на 3 000 ф. ст. 30 000 арш. холста; он продает эти 30 000 арш. холста, чтобы извлечь обратно из обращения денежный капитал (3 000 ф. ст. и прибыль). Следовательно, здесь два раза перемещаются не одни и те же деньги, но один и тот же товар; он переходит из рук продавца в руки покупателя и из рук покупателя, ставшего теперь продавцом, в руки другого покупателя. Он продается дважды и может быть продан, если в промежутке выступает ряд купцов, еще много раз; и как раз только вследствие повторения этой продажи, вследствие двукратного перемещения одного и того же товара, первый покупатель извлекает обратно деньги, авансированные на покупку товара, и, следовательно, этим перемещением обслуживается возвращение к нему денег. В одном случае $T' - D - T$ опосредствует двукратное перемещение одних и тех же денег, так что товар отчуждается в одном виде и приобретает в другом. В другом случае $D - T - D'$ опосредствует двукратное перемещение одного и того же товара, так что авансированные деньги снова извлекаются из обращения. При этом-то и оказывается, что товар, когда он перешел из рук производителя в руки купца, еще не окончательно продан, что последний лишь продолжает операцию продажи, или выполнение функции товарного капитала. Но вместе с тем оказывается, что то, что для производительного капитала является $T - D$, простой функцией его капитала в его преходящем виде товарного капитала, то для купца является $D - T - D'$, особым процессом увеличения стоимости авансированного им денежного капитала. Одна фаза метаморфозы товара представляется здесь для купца как $D - T - D'$, следовательно как эволюция капитала особого рода.

Купец окончательно продает товар, в данном случае холст, потребителю, безразлично, будет ли то производительный потребитель (напр. белильщик) или индивидуальный, который использует холст для своего личного потребления. Вследствие этого к купцу возвращается обратно авансированный им капитал (вместе с прибылью), и он может снова начать операцию. Если бы при купле холста деньги функционировали только как средства платежа, так что купцу пришлось бы платить лишь спустя шесть недель по получении, и если бы он продал его ранее этого времени, то он мог бы расплатиться с производителем холста, не авансируя лично никакого денежного капитала. Если бы он его не продал, то ему пришлось бы авансировать 3 000 ф. ст. при наступлении срока платежа, вместо того чтобы немедленно авансировать их при сдаче ему холста; а если бы вследствие понижения рыночной цены он продал его ниже покупной цены, то ему пришлось бы возместить недостающую часть из своего собственного капитала.

Что же придает товарно-торговому капиталу характер самостоятельно функционирующего капитала, между тем как в руках производителя, который сам продает свой товар, он, очевидно, является лишь особой формой его капитала, соответствующей особой фазе процесса его воспроизводства, той фазе, когда он пребывает в сфере обращения?

Во-первых, то обстоятельство, что товарный капитал в руках агента, отличного от производителя этого товарного капитала, совершает свое окончательное превращение в деньги, следовательно совершает свою первую метаморфозу, выполняет на рынке функцию, присущую ему как товарному капиталу, — и что эта функция товарного капитала обслуживается операциями купца, его куплями и продажами, так что эти операции отливаются в форму особой сферы коммерческой деятельности, отдельной от остальных функций промышленного капитала и потому сделавшейся самостоятельной. Это — особая форма общественного разделения труда, вследствие чего некоторая часть функции, которая должна быть выполнена в особой фазе воспроизводства капитала, в данном случае в фазе обращения, является исключительной функцией особого агента обращения, отличного от производителя. Однако такое особое занятие еще отнюдь не является по одной этой причине функцией особого капитала, который отличен от промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, и самостоятелен по отношению к промышленному капиталу; это занятие и в действительности не является таким в тех случаях, когда торговля товарами

ведется посредством простых коммивояжеров или других непосредственных агентов промышленного капиталиста. Следовательно, к этому должен быть присоединен второй момент.

Во-вторых, это происходит вследствие того, что самостоятельный агент обращения, купец, авансирует в этом своем положении денежный капитал (собственный или взятый займы). То, что для промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, представляется просто как $T - D$, как превращение товарного капитала в денежный капитал или простая продажа, это самое для купца представляется как $D - T - D'$, как купля и продажа одного и того же товара, следовательно как возвращение к нему посредством продажи удалившегося от него при купле денежного капитала.

То, что для купца, поскольку он авансирует капитал на покупку товара у производителя, представляется как $D - T - D$, это есть всегда $T - D$, превращение товарного капитала в денежный капитал, всегда первая метаморфоза товарного капитала, хотя тот же самый акт может представляться для производителя или для промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, как $D - T$, как обратное превращение денег в товар (в средства производства) или как вторая фаза метаморфозы. Для производителя холста $T - D$, превращение товарного капитала в денежный капитал, было первой метаморфозой. Этот акт представляется для купца как $D - T$, как превращение его денежного капитала в товарный капитал. Если же он продает холст белильщику, то для последнего это представляет $D - T$, превращение денежного капитала в производительный капитал, или вторую метаморфозу его товарного капитала; но для купца это представляет $T - D$, продажу купленного им холста. Однако в действительности товарный капитал, произведенный фабрикантом холста, только теперь продан окончательно, или $D - T - D$ купца представляет только посредствующий процесс при совершении $T - D$ между двумя производителями. Или предположим, что фабрикант, производящий холст, на часть стоимости проданного холста покупает пряжу у торговца пряжей. Таким образом для него это $D - T$. Но для купца, продающего пряжу, это будет $T - D$, перепродажа пряжи; а по отношению к самой пряже как к товарному капиталу это только ее окончательная продажа, благодаря которой она переходит из сферы обращения в сферу потребления, $T - D$, окончательное завершение ее первой метаморфозы. Итак, покупает ли купец у промышленного капиталиста или продает ему, его $D - T - D$, кругооборот купеческого капитала, всегда выражает лишь то, что

для самого товарного капитала, как переходной формы воспроизводящегося промышленного капитала, есть просто $T - D$, просто выполнение его первой метаморфозы. Акт $D - T$ купеческого капитала является в то же время актом $T - D$ лишь для промышленного капиталиста, но не для произведенного им товарного капитала: это лишь переход товарного капитала из рук промышленника в руки агента обращения; и только $T - D$ купеческого капитала является окончательным $T - D$ для функционирующего товарного капитала. $D - T - D$ представляет собою только два акта $T - D$ одного и того же товарного капитала, две последовательных продажи его, которые лишь опосредствуют его последнюю и окончательную продажу.

Следовательно, товарный капитал, делаясь товарно-торговым капиталом, принимает вид самостоятельного рода капитала вследствие того, что купец авансирует денежный капитал, который увеличивается в стоимости как капитал, функционирует как капитал, лишь постольку, поскольку он употребляется исключительно для опосредствования метаморфозы товарного капитала, опосредствования его функции товарного капитала, т. е. его превращения в деньги, и он осуществляет это посредством постоянной купли и продажи товаров. Исключительно это является его операцией; только эта деятельность, обслуживающая процесс обращения промышленного капитала, и является функцией того денежного капитала, которым оперирует купец. Посредством этой функции он превращает свои деньги в денежный капитал, так что его D принимает вид $D - T - D'$, и путем такого же процесса он превращает товарный капитал в товарно-торговый капитал.

Товарно-торговый капитал, поскольку и пока он существует в форме товарного капитала, — с точки зрения процесса воспроизводства всего общественного капитала, — очевидно, есть не что иное, как еще находящаяся на рынке, проходящая процесс своих метаморфоз часть промышленного капитала, которая теперь существует и функционирует как товарный капитал. Следовательно, теперь в качестве денежного капитала по отношению к процессу воспроизводства капитала в целом мы должны рассматривать только тот *денежный* капитал, который авансируется купцом, предназначен исключительно для купли и продажи и потому никогда не принимает иной формы, кроме формы товарного капитала и денежного капитала, никогда не принимает формы производительного капитала и безвыходно остается в сфере обращения капитала.

Когда производитель, фабрикант холста, продает свои 30 000 арш. купцу за 3 000 ф. ст., он покупает на вырученные таким образом

деньги необходимые средства производства, и его капитал снова вступает в процесс производства; его процесс производства продолжается, идет непрерывно. Превращение его товара в деньги для него совершилось. Но, как мы видели, для самого холста такое превращение еще не совершилось. Он еще не превратился окончательно в деньги, еще не вошел в потребление, производительное или личное, как потребительная стоимость. Торговец холстом представляет теперь на рынке тот самый товарный капитал, который первоначально был представлен на нем производителем холста. Для последнего процесс метаморфозы сократился, но только для того, чтобы найти продолжение в руках купца.

Если бы производитель холста должен был ждать, пока его холст действительно не перестанет быть товаром, пока он не перейдет к последнему покупателю, производительному или индивидуальному потребителю, его процесс воспроизводства был бы прерван. Или же для того, чтобы не прерывать его, производителю пришлось бы ограничить свои операции, превращать в пряжу, уголь, труд и пр., коротко говоря, в элементы производительного капитала, меньшую часть своего холста, а большую часть его пришлось бы сохранять у себя в качестве денежного резерва для того, чтобы, пока одна часть его капитала как товар находится на рынке, другая часть могла продолжать процесс производства, так что, если одна часть поступает на рынок как товар, другая возвращается обратно в денежной форме. Такое деление его капитала не устраняется вмешательством купца. Но без последнего часть капитала обращения, остающаяся в форме денежного резерва, неизбежно составляла бы относительно большую долю по сравнению с той частью, которая занята в форме производительного капитала, и соответственно этому сократился бы масштаб воспроизводства. Вместо того производитель может теперь постоянно употреблять большую часть своего капитала на собственно процесс производства и меньшую часть — в виде денежного резерва.

Но зато теперь другая часть общественного капитала в форме купеческого капитала постоянно находится в сфере обращения. Она всегда употребляется только для купли и продажи товаров. Таким образом, повидимому, происходит только перемена лиц, в руках которых находится этот капитал.

Если бы купец вместо того, чтобы покупать холст на 3 000 ф. ст., имея в виду снова продать его, сам производительно употребил эти 3 000 ф. ст., то производительный капитал общества увеличился бы. Конечно, в таком случае производитель холста и купец, превра-

тившийся теперь в промышленного капиталиста, должны были бы удерживать более значительную часть своего капитала в виде денежного резерва. С другой стороны, если купец остается купцом, то производитель сберегает время, требующееся для продажи; он может использовать его для наблюдения за процессом производства, тогда как купец должен все свое время употреблять для продажи.

Если купеческий капитал не превышает своей необходимой пропорции, то следует признать:

1) что вследствие разделения труда капитал, занятый исключительно куплей и продажей (а кроме денег, употребляемых на покупку товаров, сюда относятся деньги, расходуемые на оплату труда, необходимого для ведения торгового дела, на постоянный капитал купца, здания для складов, транспорт и т. д.), меньше, чем он был бы в том случае, если бы промышленный капитал должен был сам вести всю торговую часть своего предприятия;

2) что так как купец занимается исключительно этим делом, то не только для производителя его товар раньше превращается в деньги, но и самый товарный капитал совершает свою метаморфозу быстрее, чем он мог бы совершать ее в руках производителя;

3) что если рассматривать весь купеческий капитал в отношении к промышленному капиталу, то один оборот купеческого капитала может представлять собой не только обороты многих капиталов в одной сфере производства, но обороты нескольких капиталов в различных сферах производства. Первое происходит в том случае, если, напр., торговец холстом, купивший на свои 3 000 ф. ст. продукт одного производителя холста и снова продавший его, прежде чем этот производитель выбросит на рынок снова такое же количество товара, купит и снова продаст продукт другого или нескольких других производителей холста, опосредствуя таким образом обороты различных капиталов в одной и той же сфере производства. Второе происходит в том случае, если напр., купец, продав холст, покупает шелк, следовательно опосредствует оборот капитала в другой сфере производства.

Вообще необходимо заметить следующее: оборот промышленного капитала ограничивается не только временем обращения, но и временем производства. оборот купеческого капитала, поскольку он торгует лишь товарами определенного рода, ограничивается не оборотом одного промышленного капитала, а оборотом всех промышленных капиталов одной и той же отрасли производства. Купец, купив и продав холст у одного, может затем купить его у другого и продать прежде, чем первый снова выбросит товар на рынок. Итак,

один и тот же купеческий капитал может последовательно обслужить различные обороты капиталов, вложенных в какую-нибудь отрасль производства, так что его оборот не тождествен с оборотами какого-нибудь, отдельного промышленного капитала и потому замещает не только тот денежный резерв, который должен был бы иметь *in petto* [в наличности] соответственный отдельный промышленный капиталист. Оборот купеческого капитала в известной сфере производства, конечно, ограничен общей суммой производства в этой сфере. Но он не ограничен пределами производства или временем оборота отдельного капитала этой сферы, поскольку это время оборота определяется временем производства. Положим, что *A* доставляет товар, для производства которого требуется три месяца. После того как купец купит и продаст его, скажем, в течение одного месяца, он может купить такой же продукт у другого производителя и продать его. Или, напр., продав хлеб одного фермера, он может на те же деньги купить и продать хлеб другого и т. д. Оборот его капитала ограничен количеством хлеба, которое он последовательно может купить и продать в течение данного времени, напр. в течение года, между тем как оборот капитала фермера, независимо от времени обращения, ограничен временем производства, которое продолжается год.

Но оборот одного и того же купеческого капитала может с таким же успехом обслуживать обороты капиталов различных отраслей производства.

Поскольку один и тот же купеческий капитал в различных оборотах служит для последовательного превращения в деньги различных товарных капиталов, следовательно поочередно покупает и продает их, он как денежный капитал выполняет по отношению к товарному капиталу ту самую функцию, какую вообще деньги числом своих оборотов за определенный период выполняют по отношению к товарам.

Оборот купеческого капитала не тождествен с оборотом, или с однократным воспроизводством, промышленного капитала равной величины; напротив, он равен сумме оборотов нескольких таких капиталов в одной и той же или в различных сферах производства. Чем быстрее оборачивается купеческий капитал, тем меньше часть всего денежного капитала, фигурирующая в качестве купеческого капитала, и чем медленнее он оборачивается, тем эта часть больше. Чем менее развито производство, тем больше сумма купеческого капитала по сравнению с суммой товаров, вообще бросааемых в обращение; но тем меньше она абсолютно или сравнительно с суммой купеческого капитала при более развитом производстве. И наоборот.

Поэтому при таком неразвитом состоянии производства большая часть собственно денежного капитала находится в руках купцов, имущество которых таким образом противостоит другим как денежное имущество.

Быстрота обращения денежного капитала, авансируемого купцом, зависит: 1) от быстроты, с которой возобновляется процесс производства и различные процессы производства переплетаются один с другим; 2) от быстроты потребления.

Для того, чтобы купеческий капитал совершил только выше рассмотренный оборот, ему нет необходимости сначала покупать товары на всю величину его стоимости, а затем продавать их. Купец одновременно совершает обе эти операции. Его капитал разделяется в таком случае на две части. Одна состоит из товарного капитала, а другая — из денежного капитала. Он покупает в одном месте, превращая этим свои деньги в товар. Он продает в другом месте, превращая этим другую часть товарного капитала в деньги. С одной стороны, к нему возвращается его капитал как денежный капитал, тогда как, с другой стороны, к нему притекает товарный капитал. Чем больше часть, находящаяся в одной форме, тем меньше часть, существующая в другой форме. Эти части меняются своими местами и взаимно уравниваются. Если с употреблением денег как средства обращения соединяется употребление их как средства платежа и вырастающая отсюда система кредита, то денежная часть купеческого капитала еще более уменьшается по сравнению с размерами сделок, совершаемых этим купеческим капиталом. Если я покупаю вина на 3 000 ф. ст. с уплатой через 3 месяца и продам это вино за наличные деньги до истечения 3 месяцев, то для этой сделки мне не придется авансировать ни копейки. В этом случае до очевидности ясно также, что денежный капитал, фигурирующий здесь как купеческий капитал, есть отнюдь не что иное, как сам промышленный капитал в своей форме денежного капитала, в процессе своего возвращения к самому себе в форме денег. (То обстоятельство, что производитель, продавший товар за 3 000 ф. ст. с уплатой через 3 месяца, может учесть у банкира полученный при этом вексель, т. е. долговое обязательство, несколько не изменяет дела и не имеет никакого отношения к капиталу торговца товаром.) Если в этот промежуток времени рыночные цены товара понизятся, положим, на $\frac{1}{16}$, то купец не только не получит никакой прибыли, но вообще выручит только 2 700 ф. ст. вместо 3 000 ф. ст. Для расплаты ему пришлось бы добавить 300 ф. ст. Эти 300 ф. ст. функционировали бы только в качестве резерва для уравнивания разницы в цене. Но то же самое

относится и к производителю. Если бы он продавал сам, то при понижении цен он тоже потерял бы 300 ф. ст. и без запасного капитала не мог бы снова начать производство в прежнем масштабе.

Торговец холстом покупает у фабриканта холста на 3 000 ф. ст.; фабрикант из этих 3 000 ф. ст. уплачивает, напр., 2 000 при покупке пряжи; он покупает эту пряжу у торговца пряжей; деньги, которыми фабрикант платит торговцу пряжей, не деньги торговца холстом, потому что последний получил за них товар на такую же сумму. Это — денежная форма его собственного капитала. В руках же торговца пряжей эти 2 000 ф. ст. являются возвратившимся к нему денежным капиталом; но в какой мере они являются таковым, если они отличны от тех 2 000 ф. ст., которые служат денежной формой, оставленной холстом и принятой пряжей? Если торговец пряжей купил в кредит и продал за наличные до истечения срока платежа, то в этих 2 000 ф. ст. не содержится ни копейки купеческого капитала, отличного от той денежной формы, которую принимает сам промышленный капитал в процессе своего кругооборота. Товарно-торговый капитал, поскольку он не является простой формой промышленного капитала, находящегося в виде товарного капитала или денежного капитала в руках купца, есть не что иное, как часть денежного капитала, которая принадлежит самому купцу и действует в области купли и продажи товаров. Эта часть в уменьшенном масштабе представляет часть капитала, авансированного для производства, которая постоянно должна была бы находиться в руках промышленников как денежный резерв, как покупательное средство и должна была бы постоянно обращаться как их денежный капитал. Эта часть в уменьшенном виде находится теперь в руках капиталистов-купцов, постоянно функционируя как таковая в процессе обращения. Это — часть совокупного капитала, которая, если оставить в стороне долю, расходуемую как доход, должна постоянно обращаться на рынке как покупательное средство для того, чтобы поддерживать непрерывность процесса воспроизводства. По отношению к совокупному капиталу она тем меньше, чем быстрее совершается процесс воспроизводства и чем более развита функция денег как средства платежа, т. е. чем более развита кредитная система ⁸⁸.

⁸⁸ Чтобы получить возможность классифицировать купеческий капитал как производительный капитал, Рамсей смешивает его с транспортной промышленностью и называет торговлю «the transport of commodities from one place to another» [«перевозкой товаров с места на место»] («An Essay on the Distribution of Wealth» [Edinburgh 1836], стр. 19). Такое же смешение встречается

Купеческий капитал есть не что иное, как капитал, функционирующий в сфере обращения. Процесс обращения есть фаза всего процесса воспроизводства. Но в процессе обращения не производится никакой стоимости, а потому никакой прибавочной стоимости. В нем происходят лишь изменения формы одной и той же массы стоимости. В самом деле, здесь не совершается ничего иного, кроме метаморфозы товаров, которая как таковая не имеет никакого касательства к созданию стоимости или к изменению стоимости. Если при продаже произведенного товара реализуется прибавочная стоимость, то это потому, что она уже имеется в нем; поэтому при втором акте, при обратном обмене денежного капитала на товар (на элементы производства), покупателем также не реализуется никакой прибавочной стоимости, но посредством обмена денег на средства производства и рабочую силу только подготавливается производство прибавочной стоимости. Напротив. Поскольку такие метаморфозы требуют времени обращения, — времени, в течение которого капитал вообще не производит, а следовательно не производит и прибавочной

уже у *Веппу* («Meditazioni sulla Economia Politica» [в сборнике *Custodia Scrittori Classici Italiani di Economia Politica*. Parte moderna, т. XV, стр. 32], § 4) и *Сэя* («Traité d'Économie Politique» [т. I, Paris 1817, стр. 14—15]). В своих «Elements of Political Economy» (Andover and New-York 1835) С. Ф. Ньюман говорит «При существующем экономическом устройстве общества тот акт, который совершает купец, стоящий между производителем и потребителем, авансируя первому капитал, получая в обмен за него продукты и передавая эти самые продукты последнему, причем он получает обратно капитал, — этот акт есть сделка, облегчающая экономический процесс общества и присоединяющая стоимость к продукту, с которым совершен этот акт» (стр. 174). Таким образом благодаря посредничеству купца производитель и потребитель сберегают деньги и время. Выполнение такой услуги требует авансирования капитала и труда и должно быть оплачено, «потому что это присоединяет стоимость к продуктам, ибо одни и те же продукты, находясь в руках потребителей, имеют большую стоимость, чем в руках производителей». И таким образом торговля кажется ему совершенно так же, как г. Сэю, «strictly an act of production» [«в буквальном смысле слова актом производства»] (стр. 175). Этот взгляд Ньюмана совершенно ошибочен. *Потребительная стоимость* товара в руках потребителя больше, чем в руках производителя, потому что она вообще только здесь реализуется. Ведь потребительная стоимость товара реализуется, начиная выполнять свою функцию лишь после того, как товар перешел в сферу потребления. В руках производителя она существует лишь в потенциальной форме. Но один и тот же товар не оплачивают дважды: сначала его меновую стоимость, а затем еще, кроме того, его потребительную стоимость. Оплачивая его меновую стоимость, я тем самым присваиваю себе его потребительную стоимость. И от того, что товар переходит из рук производителя или посредника в руки потребителя, не происходит ни малейшего приращения меновой стоимости.

стоимости, — время это ограничивает создание стоимости, и прибавочная стоимость, выраженная в виде нормы прибыли, будет стоять как раз в обратном отношении к продолжительности времени обращения. Следовательно, купеческий капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, т. е. не создает непосредственно. Поскольку он содействует сокращению времени обращения, он косвенным образом может содействовать увеличению прибавочной стоимости, производимой промышленным капиталистом. Поскольку он содействует расширению рынка и опосредствует разделение труда между капиталами, следовательно дает капиталу возможность работать в более крупном масштабе, его функция повышает производительность промышленного капитала и способствует его накоплению. Поскольку он сокращает время обращения, он повышает отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, следовательно норму прибыли. Поскольку он уменьшает ту часть капитала, которая должна постоянно оставаться в сфере обращения как денежный капитал, он увеличивает часть капитала, употребляемую прямо на производство.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ТОРГОВАЯ ПРИБЫЛЬ.

В книге II мы видели, что чистые функции капитала в сфере обращения — операции, которые должен предпринять промышленный капиталист, во-первых, для того, чтобы реализовать стоимость своих товаров, а во-вторых, для того, чтобы опять превратить эту стоимость в элементы производства товара, операции, посредством которых опосредствуются метаморфозы товарного капитала $T'—D—T$, следовательно акты продажи и купли, не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Наоборот, оказалось, что требующееся для них время объективно, по отношению к товарам, и субъективно, по отношению к капиталистам, ставит границы для создания стоимости и прибавочной стоимости. В том, что относится к метаморфозе товарного капитала самого по себе, конечно, не произойдет никакого изменения вследствие того, что часть его принимает вид товарно-торгового капитала или что операции, которые опосредствуют метаморфозу товарного капитала, являются особым занятием особого подразделения капиталистов или исключительной функцией части денежного капитала. Если купля и продажа товаров, — а к этому и сводится метаморфоза товарного капитала $T'—D—T$, — производимые самими промышленными капиталистами, представляют собою операции, не создающие никакой стоимости или прибавочной стоимости, то они не могут создавать ее и в том случае, если вместо этих лиц они будут исполняться другими лицами. Далее, если часть всего общественного капитала, которая постоянно должна иметься в распоряжении как денежный капитал, чтобы процесс воспроизводства не прерывался процессом обращения, но продолжался безостановочно, — если этот денежный капитал не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости, то он не может приобрести этого свойства вследствие того, что он для отправления тех же самых функций постоянно пускается в обращение не промышленными капиталистами, а капиталистами другого подразделения. Насколько купеческий капитал может быть косвенно

производительным, об этом уже было упомянуто, и впоследствии это будет исследовано подробнее.

Итак, товарно-торговый капитал, — если отбросить все гетерогенные функции, которые могут быть с ним связаны, как хранение товаров, отправка их, перевозка, разделение, разборка, и ограничиться его истинной функцией купли ради продажи, — не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, а только опосредствует их реализацию и тем самым одновременно — и действительный обмен товаров, их переход из одних рук в другие, общественный обмен вещев. Тем не менее, так как фаза обращения промышленного капитала точно так же составляет фазу процесса воспроизводства, как и производство, то капитал, самостоятельно функционирующий в процессе обращения, должен точно так же приносить среднюю годовую прибыль, как и капитал, функционирующий в различных отраслях производства. Если бы купеческий капитал приносил в процентном отношении более высокую среднюю прибыль, чем промышленный капитал, то часть промышленного капитала превратилась бы в купеческий капитал. Если бы он приносил более низкую среднюю прибыль, то произошел бы обратный процесс. Часть купеческого капитала превратилась бы в промышленный капитал. Ни один вид капитала не может изменять своего назначения, своей функции с большей легкостью, чем купеческий капитал.

Так как сам купеческий капитал не производит прибавочной стоимости, то ясно, что прибавочная стоимость, приходящаяся на его долю в форме средней прибыли, составляет часть прибавочной стоимости, произведенной всем производительным капиталом. Но теперь вопрос заключается в следующем: каким образом купеческий капитал притягивает к себе достаемую на его долю часть произведенной производительным капиталом прибавочной стоимости, или прибыли?

Это — только внешняя видимость, будто торговая прибыль есть простая надбавка, номинальное повышение цены товаров выше их стоимости.

Ясно, что купец может извлекать свою прибыль только из цены продаваемых им товаров, и еще более ясно, что эта прибыль, выручаемая им при продаже своих товаров, должна равняться разнице между его покупной ценой и его продажной ценой, равняться излишку, на который последняя превышает первую.

Возможны случаи, когда после покупки товара и до его продажи на него требуются дополнительные издержки (издержки обращения), и совершенно так же возможны случаи, когда этого не бывает. Если

такие издержки приходится делать, то ясно, что превышение продажной цены над покупной ценой представляет не одну только прибыль. Чтобы упростить исследование, мы прежде всего предположим, что никаких таких издержек в товар не входит.

Для промышленного капиталиста разница между продажной и покупной ценой его товаров равна разнице между их ценой производства и издержками производства или, если рассматривать весь общественный капитал, равна разнице между стоимостью товаров и издержками их производства для капиталистов, что, в свою очередь, сводится к разнице между всем количеством овеществленного в них труда и количеством овеществленного в них оплаченного труда. Товары, купленные промышленным капиталистом, прежде чем они снова будут выброшены на рынок как товары, готовые для продажи, прodelывают процесс производства, во время которого только и производится составная часть их цены, реализуемая впоследствии как прибыль. Иное дело для торговца товарами. Товары находятся в его руках только до тех пор, пока они находятся в процессе своего обращения. Он только продолжает их продажу, начатую производителем капиталистом, продолжает реализацию их цены и потому не подвергает их никакому промежуточному процессу, в котором они снова могли бы всасывать прибавочную стоимость. В то время как промышленный капиталист в обращении лишь реализует ранее произведенную прибавочную стоимость, или прибыль, купец, напротив, должен в обращении и посредством обращения не только реализовать свою прибыль, но именно создать ее. Кажется, будто это возможно только при том условии, что товары, проданные ему промышленным капиталистом по ценам их производства, или, — если рассматривать весь товарный капитал, — по их стоимостям, он продает дороже цен их производства, делает номинальную надбавку к их ценам, следовательно, — если рассматривать весь товарный капитал, — продает их выше их стоимости и кладет себе в карман этот излишек их номинальной стоимости над их реальной стоимостью, — словом, продает их дороже, чем они стоят.

Понять эту форму надбавки очень легко. Например, один аршин холста стоит 2 шилл. Для того, чтобы получить на его перепродаже 10% прибыли, я должен накинуть на цену $\frac{1}{10}$, следовательно продавать аршин по 2 шилл. $\frac{2}{5}$ пенса. Разница между его действительной ценой производства и его продажной ценой в таком случае = $\frac{2}{5}$ пенса., а это на 2 шилл. составляет прибыль в 10%. На деле я продаю в таком случае покупателю аршин холста по такой цене, которая в действительности есть цена $1\frac{1}{10}$ арш. Или, что сводится

к тому же самому: это совершенно все равно, как если бы я продавал покупателю за 2 шилл. только $\frac{10}{11}$ арш., а $\frac{1}{11}$ удерживал у себя. Действительно, на $\frac{2^2}{5}$ пенса я могу опять купить $\frac{1}{11}$ арш., принимая цену аршина в 2 шилл. $\frac{2^2}{5}$ пенса. Следовательно, это было бы только окольным путем для того, чтобы посредством номинального повышения цены товаров получить долю в прибавочной стоимости и в прибавочном продукте.

Такова реализация торговой прибыли путем надбавки к цене товаров, как она на первый взгляд представляется в самом явлении. И в самом деле, все представление о происхождении прибыли от номинального повышения цены товаров или от продажи их выше их стоимости возникло из наблюдений над торговым капиталом.

Однако если рассматривать дело ближе, то скоро обнаруживается, что это простая видимость и что если предполагать капиталистический способ производства господствующим, то торговая прибыль реализуется не таким способом. (Здесь дело всегда идет только о средних, а не об отдельных случаях.) Почему мы полагаем, что торговец товарами может реализовать прибыль на свои товары, скажем в 10%, лишь продавая их на 10% выше их цены производства? Потому что мы предположили, что производитель этих товаров, промышленный капиталист (который, являясь олицетворением промышленного капитала, по отношению к внешнему миру всегда фигурирует как «производитель»), продал их купцу по их цене производства. Если покупные цены товаров, уплаченные торговцем товарами, равны их ценам производства, в последнем счете равны их стоимостям, так что, следовательно, цена производства, а в последнем счете стоимость товаров, представляет для купца издержки производства, то в действительности превышение его продажной цены над его покупной ценой, — а только эта разница между ценами и образует источник его прибыли, — должно быть превышением их торговой цены над их ценой производства, и в последнем счете купец должен продавать все товары выше их стоимости. Но почему же было предположено, что промышленный капиталист продает купцу товары по их цене производства? Или, лучше сказать, что заключается в таком предположении? То, что торговый капитал (здесь мы имеем с ним дело еще только как с товарно-торговым капиталом) не участвует в образовании общей нормы прибыли. При исследовании общей нормы прибыли мы необходимо исходили из такого предположения, во-первых, потому, что торговый капитал как таковой тогда для нас еще не существовал; а во-вторых, потому, что среднюю прибыль, а следовательно и общую норму прибыли, необходимо

было сначала развить как уравнивание прибылей, или прибавочных стоимостей, которые действительно производятся промышленными капиталами различных сфер производства. Напротив, в купеческом капитале мы имеем дело с таким капиталом, который имеет долю в прибыли, не участвуя в ее производстве. Следовательно, нам необходимо теперь дополнить прежнее изложение.

Предположим, что весь промышленный капитал, авансированный в продолжение года, $= 720_c + 180_v = 900$ (напр., миллионов фунтов стерлингов), а $m' = 100\%$. Следовательно, продукт $= 720_c + 180_v + 180_m$. Если мы затем обозначим этот продукт, или произведенный товарный капитал, через T , то его стоимость, или цена производства (так как для всей совокупности товаров они совпадают), $= 1\ 080$, а норма прибыли для всего капитала в $900 = 20\%$. Согласно вышеизложенному, эти 20% представляют собою среднюю норму прибыли, так как прибавочная стоимость здесь вычисляется не на тот или иной капитал особого строения, а на весь промышленный капитал с его средним строением. Итак, $T = 1\ 080$ и норма прибыли $= 20\%$. Но теперь мы предположим, что к этим 900 ф. ст. промышленного капитала присоединяется еще 100 ф. ст. купеческого капитала, который *pro rata* [пропорционально] своей величине имеет такую же долю в прибыли, как и тот. Согласно предположению, купеческий капитал составляет всего $\frac{1}{10}$ всего капитала в 1 000. Следовательно, из всего количества прибавочной стоимости в 180 на его долю приходится $\frac{1}{10}$, и таким образом он получает прибыль из нормы в 18% . Значит, прибыль, подлежащая распределению между остальными $\frac{9}{10}$ всего капитала, фактически равняется уже только 162, или на капитал в 900 она тоже $= 18\%$. Таким образом цена, по которой владельцы промышленного капитала в 900 продают T торговцам товарами, $= 720_c + 180_v + 162_m = 1\ 062$. Следовательно, если купец надбавит на свой капитал в 100 среднюю прибыль в 18% , то он продает товары за $1\ 062 + 18 = 1\ 080$, т. е. по их цене производства, или, — если рассматривать весь товарный капитал, — по их стоимости, хотя он добывает свою прибыль только в обращении и через обращение и только таким путем, что цена, по которой он продает, превышает цену, по которой он покупает. Но все же он продает товары не выше их стоимости, или не выше их цены производства, как раз потому, что он купил их у промышленного капиталиста ниже их стоимости, или ниже их цены производства.

Итак, купеческий капитал определяющим образом участвует в процессе образования общей нормы прибыли *pro rata* [пропорционально] той доле, какую он составляет от всего капитала. Следовательно,

если мы в данном случае говорим: средняя норма прибыли = 18%, то она была бы = 20%, если бы $\frac{1}{10}$ всего капитала не составлял купеческий капитал и если бы вследствие этого общая норма прибыли не понизилась на $\frac{1}{10}$. Вместе с тем появляется более точное, ограниченное определение цены производства. Под ценой производства, как и ранее, следует разуметь цену товара = его издержкам (стоимости содержащегося в нем постоянного + переменного капитала) + средняя прибыль на них. Но эта средняя прибыль определяется теперь иначе. Она определяется всей прибылью, которую производит весь производительный капитал; но она исчисляется не на весь этот производительный капитал, не так, что если он, как принято выше, = 900, а прибыль = 180, то средняя норма прибыли будет $\frac{180}{900} = 20\%$, — нет, она исчисляется на весь производительный капитал + торговый капитал, так что если имеется 900 производительного и 100 торгового капитала, то средняя норма прибыли = $\frac{180}{1000} = 18\%$. Следовательно, цена производства = k (издержкам) + 18, вместо k + 20. В средней норме прибыли уже учтена часть всей прибыли, приходящаяся на долю торгового капитала. Поэтому действительная стоимость, или цена производства, всего товарного капитала = $k + p + h$ (где h означает торговую прибыль). Следовательно, цена производства, или та цена, по которой продает промышленный капиталист как таковой, меньше, чем действительная цена производства товара; или, если рассматривать все товары в совокупности, цены, по которым продает их класс промышленных капиталистов, меньше их стоимостей. Таким образом в вышеприведенном примере: 900 (издержки) + 18% на 900, или $900 + 162 = 1062$. Купец же, продавая товар, стоящий ему 100, за 118, конечно, накидывает 18%; но так как товар, купленный им за 100, стоит 118, то таким образом он продает его не выше его стоимости. Мы будем употреблять выражение цена производства в вышеизложенном более тесном смысле. В таком случае ясно, что прибыль промышленного капиталиста равна избытку цены производства товара над его издержками производства и что в отличие от этой промышленной прибыли торговая прибыль равна избытку продажной цены над ценой производства товара, которая для купца является его покупной ценой; но ясно, что действительная цена товара = его цене производства + купеческая (торговая) прибыль. Подобно тому, как промышленный капитал только реализует прибыль, которая как прибавочная стоимость уже заключается в стоимости товара, так и торговый капитал только реализует ее, потому что вся прибавочная стоимость, или прибыль, еще не реализована

в цене товара, реализованной промышленным капиталом³⁹. Таким образом цена, по которой купец продает, выше той, по которой он покупает, не потому, что первая выше всей стоимости, но потому, что вторая ниже ее.

Итак, купеческий капитал участвует в уравнении прибавочной стоимости в среднюю прибыль, хотя не участвует в производстве этой прибавочной стоимости. Поэтому общая норма прибыли уже содержит в себе вычет из прибавочной стоимости, приходящейся на долю купеческого капитала, т. е. вычет из прибыли промышленного капитала.

Из вышеизложенного следует:

1) Чем больше купеческий капитал по сравнению с промышленным капиталом, тем меньше норма промышленной прибыли, и обратно.

2) Если в первом отделе оказалось, что норма прибыли всегда выражает меньшую норму, чем норма действительной прибавочной стоимости, т. е. всегда показывает степень эксплуатации труда слишком низкой, — напр. в вышеприведенном случае $720_c + 180_v + 180_m$ норма прибавочной стоимости в 100% выражается как норма прибыли только в 20%, — то эти отношения расходятся еще больше, поскольку сама средняя норма прибыли, если учесть долю, приходящуюся на купеческий капитал, в свою очередь представляется меньше, — в нашем случае она представляет 18% вместо 20%. Следовательно, средняя норма прибыли непосредственно эксплуатирующего капиталиста выражает норму прибыли преуменьшенной по сравнению с той, какой она является в действительности.

При прочих равных условиях относительная величина купеческого капитала стоит в обратном отношении к скорости его оборота, следовательно в обратном отношении к энергии процесса воспроизводства вообще (причем, однако, капитал мелких торговцев — этот убудочный тип — составляет исключение). В ходе научного анализа исходным пунктом образования общей нормы прибыли являются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация вследствие вмешательства купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая

³⁹ Джон Бэллерс.

процесс воспроизводства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала как соответственной части всего капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства.

При дополнительном уравнении прибылей вследствие вмешательства купеческого капитала оказалось, что в стоимость товара не входит никакого добавочного элемента, который приходился бы на авансированный купцом денежный капитал, что надбавка к цене, благодаря которой купец получает свою прибыль, равна только той части стоимости товара, которую производительный капитал не присчитал к цене производства товара, равна той части, которою он постутился. С этим денежным капиталом дело обстоит именно так, как с основным капиталом промышленного капиталиста, поскольку он не потреблен, поскольку, следовательно, его стоимость не составляет никакого элемента стоимости товара. Именно в той цене, по которой он покупает товарный капитал, он возмещает цену его производства = D деньгами. Его продажная цена, как было развито выше, = $D + \Delta D$, причем ΔD выражает прибавку к цене товара, определяемую общей нормой прибыли. Следовательно, если он продает товар, то к нему возвращается кроме ΔD первоначальный денежный капитал, авансированный им на покупку товаров. При этом снова обнаруживается, что его денежный капитал вообще не что иное, как превращенный в денежный капитал товарный капитал промышленного капиталиста, капитал, который так же мало может влиять на величину стоимости этого товарного капитала, как если бы последний продавался не купцу, а непосредственно окончательному потребителю. Фактически он только предвосхищает оплату товара этим последним. Однако это справедливо только в том случае, если, как это мы до сих пор предполагали, купец не делает никаких издержек или если в процессе метаморфозы товаров, купли и продажи, ему не приходится авансировать никакого иного капитала, ни основного, ни оборотного, кроме того денежного капитала, который он должен авансировать для того, чтобы купить товар у производителя. Однако, как это мы видели при исследовании издержек обращения (книга II, гл. VI), это не так. И эти издержки обращения являются отчасти такими, которые купец может переложить на других агентов обращения, отчасти такими, которые непосредственно связаны с его специфическим предприятием.

Какого бы рода ни были эти издержки обращения, свойственны ли они чисто купеческому предприятию как таковому, следовательно принадлежат к специфическим издержкам обращения купца, или они представляют расходы, обусловленные дополнительными процессами производства, присоединяющимися во время процесса обращения, каковы: отправка, перевозка, хранение и пр., — на стороне купца они постоянно предполагают, кроме денежного капитала, авансированного на покупку товаров, дополнительный капитал, который авансируется на покупку и оплату этих средств обращения. Поскольку этот элемент издержек состоит из оборотного капитала, он как дополнительный элемент входит целиком в продажную цену товаров; поскольку он состоит из основного капитала, он входит в нее как дополнительный элемент по мере своего снашивания; но он входит в нее как элемент, образующий номинальную стоимость, даже если он, как чисто купеческие издержки обращения, не образует никакого действительного дополнения к стоимости товара. Но весь этот дополнительный капитал, будет ли он оборотным или основным, участвует в образовании общей нормы прибыли.

Чисто купеческие издержки обращения (следовательно за исключением издержек на отставку, перевозку, хранение и пр.) сводятся к таким издержкам, которые необходимы для того, чтобы реализовать стоимость товара, чтобы превратить ее из товара в деньги или из денег в товар, чтобы осуществить обмен между ними. При этом мы совершенно оставляем в стороне процессы производства, которые могут продолжаться в течение акта обращения и от которых купеческое предприятие может существовать совершенно обособленным. Подобно тому, как, напр., действительная транспортная промышленность и экспедиция товаров фактически могут представлять и представляют собою отрасли промышленности, совершенно отличные от торговли, точно так же и товары, которым предстоит быть купленными и проданными, могут лежать в доках и других общественных помещениях, причем вытекающие из этого издержки, поскольку купцу приходится их авансировать, начисляются на него третьими лицами. Все это имеет место в собственно оптовой торговле, где купеческий капитал проявляется в наиболее чистом виде и наименее переплетается с другими функциями. Хозяин извозного предприятия, управляющий железной дорогой, судовладелец — не «купцы». Издержки, которые мы здесь рассматриваем, это издержки купли и продажи. Уже ранее мы отметили, что они сводятся к расчетам, ведению книг, рыночным расходам, расходам на корреспонденцию и пр. Требующийся для этого постоянный капитал заключается

в конторах, бумагах, почтовых знаках и пр. Другие издержки сводятся к переменному капиталу, который авансируется на наем торговых рабочих. (Экспедиционные расходы, транспортные издержки, предварительные таможенные затраты и т. п. отчасти можно рассматривать таким образом, как будто купец авансировал их на покупку товаров, и потому для него они входят в покупную цену.)

Все такие издержки делаются не при производстве потребительной стоимости товара, а при реализации его стоимости; они суть чистые издержки обращения. Они входят не в непосредственный процесс производства, а в процесс обращения, а потому в общий процесс воспроизводства.

Нас здесь интересует единственно та часть этих издержек, которая расходуется на переменный капитал. (Кроме того, необходимо было бы исследовать: во-первых, каким образом сохраняет свое значение для процесса обращения закон, согласно которому в стоимость товара входит только необходимый труд? Во-вторых, как проявляется накопление при купеческом капитале? В-третьих, как функционирует купеческий капитал в действительном общественном процессе воспроизводства, взятом в целом?)

Эти издержки обуславливаются экономической формой продукта как товара.

Если рабочее время, которое промышленные капиталисты тратят сами, продавая свои товары непосредственно один другому, — следовательно, говоря объективно, время обращения товаров, — не прибавляет никакой стоимости к этим товарам, то ясно, что это рабочее время не получает иного характера вследствие того, что вместо промышленного капиталиста оно приходится на долю купца. Превращение товара (продукта) в деньги и денег в товар (в средства производства) составляет необходимую функцию промышленного капитала и, следовательно, необходимую операцию капиталиста, который в действительности представляет собою только персонифицированный капитал, одаренный собственным сознанием и волей. Но эти функции не увеличивают стоимости и не создают прибавочной стоимости. Совершая такие операции или продолжая выполнять функции капитала в сфере обращения после того, как их перестал выполнять производительный капиталист, купец лишь заменяет промышленного капиталиста. Рабочее время, требующееся для этих операций, употребляется на необходимые операции в процессе воспроизводства капитала, но не присоединяет никакой стоимости. Если бы купец не выполнял этих операций (следовательно и не затрачивал бы требующегося для них рабочего времени), то он не употреблял бы своего

капитала в качестве агента обращения промышленного капитала; он не продолжал бы функции, прерванной промышленным капиталистом, и потому не принимал бы в качестве капиталиста участия *pro rata* [пропорционально] авансированному им капиталу в той массе прибыли, которая производится классом промышленных капиталистов. Поэтому для того, чтобы иметь долю в общей массе прибавочной стоимости, чтобы авансированная им сумма возрастала в своей стоимости как капитал, торговому капиталисту нет необходимости применять наемных рабочих. Если его предприятие и его капитал незначительны, он сам может быть единственным работником в своем собственном предприятии. Он оплачивается частью прибыли, возникающей из разницы между покупной ценой товаров и их действительной ценой производства.

Но, с другой стороны, при незначительных размерах капитала, авансируемого купцом, реализуемая им прибыль может быть несколько не больше заработной платы лучше оплачиваемого искусного наемного рабочего, она может быть даже меньше ее. В самом деле, наряду с ним функционируют непосредственные торговые агенты производительного капиталиста, закупщики, продавцы, коммивояжеры, получающие столько же или больше дохода, в форме ли заработной платы или в форме известной доли прибыли, получаемой при каждой продаже (провизии, тантьемы). В первом случае купец получает торговую прибыль как самостоятельный капиталист; во втором случае приказчику, наемному рабочему промышленного капиталиста, выплачивается часть прибыли в форме ли заработной платы или в форме соответствующего участия в прибыли того промышленного капиталиста, непосредственным агентом которого он является, и в этом случае его принципал кладет себе в карман как промышленную, так и торговую прибыль. Но, хотя самому агенту обращения его доход может представляться простой заработной платой, платой за выполненный им труд, и хотя там, где он не представляется в таком виде, величина его прибыли может равняться лишь заработной плате лучше оплачиваемого рабочего, однако во всех этих случаях источником его дохода служит лишь торговая прибыль. Это происходит от того, что его труд не есть труд, создающий стоимость.

Увеличение продолжительности операции обращения представляет для промышленного капиталиста 1) потерю времени лично для него, поскольку это мешает ему исполнять свою функцию управляющего самим процессом производства; 2) более продолжительное пребывание его продукта, в денежной или в товарной форме, в про-

цессе обращения, следовательно в таком процессе, где не происходит возрастания стоимости этого продукта и где непосредственный процесс производства прерывается. Чтобы последний не прерывался, приходится сокращать производство или, — чтобы процесс производства продолжался постоянно в прежнем масштабе, — авансировать дополнительный денежный капитал. Во всяком случае это сводится к тому, что или при прежнем капитале получается меньшая прибыль или приходится авансировать дополнительный денежный капитал, чтобы получить прежнюю прибыль. Все это нисколько не изменяется, если на место промышленного капиталиста становится купец. Вместо того, чтобы первому тратить больше времени на процесс обращения, его затрачивает купец; вместо того, чтобы промышленник авансировал на обращение дополнительный капитал, его авансирует купец; или, — что то же самое, — вместо того, чтобы большая часть промышленного капитала постоянно находилась в процессе обращения, в нем всецело замыкается капитал купца; и, вместо того, чтобы промышленный капиталист производил меньшую прибыль, ему приходится часть своей прибыли полностью уступать купцу. Поскольку купеческий капитал не превышает необходимых пределов, различие заключается только в том, что вследствие такого разделения функции капитала употребляется меньше времени исключительно на процесс обращения, авансируется на это меньше дополнительного капитала, и потеря на общем количестве прибыли, выражающаяся в форме торговой прибыли, меньше, чем была бы она в противном случае. Если в приведенном выше примере капитал $720_c + 180_v + 180_m$, при существовании наряду с ним купеческого капитала в 100, дает промышленному капиталисту прибыль в 162, или 18%, следовательно прибыль убавляется на 18, то без такого обособления купеческого капитала необходимый дополнительный капитал достигал бы, может быть, 200, и в таком случае вся сумма, авансированная промышленным капиталом, составляла бы 1 100 вместо 900, следовательно при прибавочной стоимости в 180 норма прибыли была бы только $16\frac{4}{11}\%$.

Если промышленный капиталист, являющийся своим собственным купцом, кроме дополнительного капитала, на который он покупает новый товар, прежде чем превратился в деньги его продукт, находящийся в обращении, авансировал еще капитал для реализации стоимости своего товарного капитала, следовательно на процесс обращения (содержание конторы и плата торговым рабочим), то хотя оба эти капитала образуют дополнительный капитал, но они не создают прибавочной стоимости. Они должны

быть возмещены из стоимости товаров потому, что некоторая часть стоимости этих товаров должна быть снова превращена в эти издержки обращения; но никакой дополнительной прибавочной стоимости от этого не образуется. По отношению ко всему капиталу общества это фактически сводится к тому, что часть его требуется для второстепенных операций, не входящих в процесс возрастания стоимости, и что эта часть общественного капитала постоянно должна воспроизводиться для этих целей. Вследствие этого уменьшается норма прибыли для отдельных капиталистов и для всего класса промышленных капиталистов — результат, получающийся при всяком новом присоединении дополнительного капитала, поскольку это требуется для того, чтобы привести в движение прежнюю массу переменного капитала.

Поскольку торговый капиталист снимает с промышленного капиталиста и берет на себя такие связанные с самим обращением дополнительные издержки, тоже происходит это уменьшение нормы прибыли, только в меньшей степени и другим способом. Дело представляется теперь таким образом, что купец авансирует капитала больше, чем требовалось бы, если бы этих издержек не существовало, и что прибыль на этот дополнительный капитал повышает сумму торговой прибыли; следовательно, купеческий капитал в большем размере входит вместе с промышленным капиталом в уравнение средней нормы прибыли, т. е. средняя прибыль понижается. Если в нашем прежнем примере кроме 100 купеческого капитала авансируется еще 50 дополнительного капитала на те издержки, о которых идет речь, то общая сумма прибавочной стоимости в 180 распределяется в таком случае на производительный капитал в 900 плюс купеческий капитал в 150, итого = 1 050. Следовательно, средняя норма прибыли понижается до $17\frac{1}{7}\%$. Промышленный капиталист продает товары купцу за $900 + 154\frac{2}{7} = 1\ 054\frac{2}{7}$, а купец продает их за 1 130 ($1\ 080 + 50$ на те издержки, которые он опять должен возместить). Впрочем, следует признать, что с разделением капитала на купеческий и промышленный связана централизация торговых издержек и вследствие этого их сокращение.

Теперь спрашивается: как обстоит дело с торговыми наемными рабочими, занятыми у торгового капиталиста, в нашем случае у торговца товарами?

С одной стороны, такой торговый рабочий совершенно такой же наемный рабочий, как и всякий другой. Во-первых, поскольку его труд покупается на переменный капитал купца, а не на те деньги, которые расходуются как доход, следовательно покупается не

для личных услуг, а в целях самовозрастания стоимости авансированного на это капитала. Во-вторых, поскольку стоимость его рабочей силы и, следовательно, его заработная плата определяется, как и у всех других наемных рабочих, издержками производства и воспроизводства его специфической рабочей силы, а не продуктом его труда.

Но между ним и рабочими, непосредственно занятыми промышленным капиталом, должно существовать такое же различие, какое существует между промышленным капиталом и торговым капиталом, а потому между промышленным капиталистом и купцом. Так как купец как простой агент обращения не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости (потому что добавочная стоимость, которую он присоединяет к товарам посредством своих издержек, сводится лишь к добавлению ранее существовавшей стоимости, хотя здесь навязывается вопрос, каким образом он удерживает, сберегает эту стоимость своего постоянного капитала?), то и торговые рабочие, занятые у него исполнением таких же функций, не могут непосредственно создавать для него прибавочную стоимость. При этом, как и для производительных рабочих, мы предполагаем, что их заработная плата определяется стоимостью рабочей силы, следовательно купец не обогащается вычетами из заработной платы, так что он в счет своих издержек вносит не такое авансирование на труд, которое оплачивало бы последний только отчасти, — другими словами, он обогащается не таким способом, что надувает своих приказчиков и пр.

По отношению к торговым наемным рабочим затруднение состоит вовсе не в том, чтобы объяснить, каким образом они производят прибыль непосредственно для своих хозяев, хотя непосредственно они не производят прибавочной стоимости (лишь превращенной формой которой является прибыль). В самом деле, этот вопрос уже разрешен при общем анализе торговой прибыли. Совершенно так же, как промышленный капитал получает прибыль вследствие того, что он продает заключающийся и реализованный в товарах труд, за который он не заплатил никакого эквивалента, так и торговый капитал получает ее вследствие того, что он оплачивает промышленному капиталу не весь неоплаченный труд, заключающийся в товаре (в товаре, поскольку капитал, затраченный на его производство, функционирует как соответственная часть всего промышленного капитала), а при продаже товаров, напротив, заставляет заплатить себе за эту еще заключающуюся в товарах и не оплаченную им часть. Отношение купеческого капитала к прибавочной стоимости иное, чем отношение промышленного капитала. Последний произво-

дит прибавочную стоимость путем непосредственного присвоения неоплаченного чужого труда. Первый присваивает себе часть этой прибавочной стоимости, заставляя промышленный капитал передать ему эту часть.

Лишь посредством своей функции — реализации стоимостей — торговый капитал функционирует в процессе воспроизводства как капитал, а потому как функционирующий капитал извлекает долю прибавочной стоимости, произведенной всем капиталом. Для каждого отдельного купца масса его прибыли зависит от массы капитала, которую он может употреблять на этот процесс, а он может употреблять на куплю и продажу тем больше, чем больше неоплаченный труд его приказчиков. Даже функцию, веилу которой его деньги являются капиталом, торговый капиталист по большей части заставляет выполнять своих рабочих. Хотя неоплаченный труд этих приказчиков не создает прибавочной стоимости, но он создает для него возможность присвоения прибавочной стоимости, что по своему результату представляет для этого капитала совершенно то же самое; следовательно, этот труд является для него источником прибыли. Иначе торговое предприятие никак нельзя было бы вести в крупных размерах, никогда нельзя было бы вести капиталистически.

Подобно тому, как неоплаченный труд рабочего непосредственно создает для производительного капитала прибавочную стоимость, неоплаченный труд торговых наемных рабочих создает для торгового капитала участие в этой прибавочной стоимости.

Затруднение заключается в следующем: так как рабочее время и труд самого купца не являются трудом, создающим стоимость, хотя он и создает для купца возможность участвовать в уже произведенной прибавочной стоимости, то как обстоит дело с тем переменным капиталом, который купец расходует на покупку торговой рабочей силы? Следует ли причислять этот переменный капитал как входящий в число издержек к авансированному торговому капиталу? Если нет, то это как будто противоречит закону уравнения нормы прибыли; какой капиталист стал бы авансировать 150, если бы он мог считать авансированным капиталом только 100? Если же следует, то это как будто противоречит сущности торгового капитала, так как капитал этого рода функционирует как капитал не вследствие того, что он подобно промышленному капиталу приводит в движение чужой труд, но вследствие того, что он сам работает, т. е. исполняет функции купли и продажи и именно лишь за это и благодаря этому переносит на себя часть прибавочной стоимости, произведенной промышленным капиталом.

(Итак, нам предстоит исследовать следующие пункты: переменный капитал купца; закон необходимого труда в обращении; каким образом труд купца сохраняет стоимость его постоянного капитала; роль купеческого капитала в процессе воспроизводства, взятом в целом; наконец, раздвоение на товарный капитал и денежный капитал, с одной стороны, и на товарно-торговый и денежно-торговый капитал, с другой.)

Если бы у каждого купца было лишь столько капитала, что он мог бы совершать обороты посредством исключительно своего собственного труда, то происходило бы бесконечное дробление купеческого капитала; это дробление должно было бы возрастать по мере того, как производительный капитал с развитием капиталистического способа производства производит все в более крупном масштабе и оперирует все с большими массами. Следовательно, получилось бы возрастающее несоответствие между тем и другим. По мере централизации капитала в сфере производства совершалась бы децентрализация капитала в сфере обращения. Чисто купеческие операции промышленного капиталиста и вместе с тем его чисто купеческие расходы вследствие этого бесконечно увеличивались бы, потому что ему приходилось бы иметь дело, напр., с 1 000 купцов вместо 100. Тем самым утратилась бы большая часть выгоды от обособления купеческого капитала; кроме чисто купеческих, росли бы и другие издержки обращения, по сортировке, экспедиции и т. д. Это по отношению к промышленному капиталу. Рассмотрим теперь купеческий капитал. Во-первых, что касается чисто купеческих работ. В счетоводстве при больших числах не требуется больше времени, чем при малых. 10 покупок по 100 ф. ст. требуют в десять раз больше времени, чем *одна* покупка в 1 000 ф. ст. Корреспонденция, бумага, почтовые расходы обойдутся в десять раз дороже, если иметь дело с 10 мелкими купцами, чем если иметь дело с *одним* крупным. Строго очерченное разделение труда в коммерческой мастерской, где один ведет книги, другой кассу, третий корреспондирует, тот производит закупки, этот продает, другой находится в разъездах и т. д., сохраняет рабочее время в огромных количествах, так что число торговых рабочих, находящее применение в крупной торговле, не стоит ни в каком соответствии с относительной величиной предприятия. Это происходит оттого, что в торговле несравненно более, чем в промышленности, одна и та же функция требует одинакового рабочего времени независимо от того, выполняется ли она в большом или малом масштабе. Поэтому исторически концентрация в купеческом предприятии является раньше, чем в промышленной мастерской.

Далее, расходы на постоянный капитал. 100 мелких контор стоят бесконечно дороже, чем одна большая; 100 мелких товарных складов—дороже, чем один большой, и т. д. Транспортные издержки, по крайней мере те, которые входят в число издержек, подлежащих авансированию, в купеческом предприятии возрастают вместе с дроблением.

Промышленный капиталист должен был бы затрачивать в торговой части своего предприятия больше труда и издержек обращения. Один и тот же купеческий капитал, если бы он был разделен между множеством мелких купцов, потребовал бы вследствие такой раздробленности гораздо больше рабочих для осуществления своих функций, и, кроме того, потребовался бы более крупный купеческий капитал для обращения того же самого товарного капитала.

Если мы обозначим через B весь купеческий капитал, употребляемый непосредственно на куплю и продажу товаров, а через b обозначим соответствующий переменный капитал, расходуемый на оплату вспомогательных торговых рабочих, то $B + b$ оказывается меньше, чем должен был бы быть весь купеческий капитал B , если бы каждый купец управлялся без помощников, т. е. если бы ни одна часть не расходовалась на b . Однако мы все же еще не разрешили затруднения.

Продажная цена товаров должна быть достаточной 1) для того, чтобы оплатить среднюю прибыль на $B + b$. Это объясняется уже тем, что $B + b$ есть вообще сокращение первоначального B , представляет меньший купеческий капитал, чем тот, который был бы необходим без b . Но эта продажная цена должна быть достаточной 2) для того, чтобы, кроме дополнительно появляющейся теперь прибыли на b , возместить и выплаченную заработную плату, возместить самый переменный капитал купца $= b$. Это последнее представляет затруднение. Образует ли b новую составную часть цены или оно есть только часть прибыли, полученной от $B + b$, часть, которая является заработной платой только по отношению к торговому рабочему, а по отношению к самому купцу представляет простое возмещение его переменного капитала? В последнем случае полученная купцом прибыль на затраченный им капитал $B + b$ была бы только равна прибыли, приходящейся соответственно общей норме прибыли на B , плюс b , причем последнее уплачивается купцом в форме заработной платы, но само не приносит никакой прибыли.

На деле задача сводится к тому, чтобы найти границы b (в математическом смысле). Прежде всего мы хотим точно установить, в чем заключается затруднение. Обозначим капитал, расходуемый непосредственно на куплю и продажу товаров, через B , постоянный

капитал, потребляемый при этой функции, через K (реальные торговые издержки) и переменный капитал, расходуемый купцом, через b .

Возмещение B не представляет решительно никаких затруднений. Оно является только реализованной покупной ценой для купца или ценой производства для фабриканта. Купец платит эту цену, а при перепродаже он получает B обратно как часть своей продажной цены; кроме этого B он получает прибыль на B , как объяснено выше. Напр., товар стоит 100 ф. ст. Прибыль на него пусть составляет 10%. Таким образом товар продается за 110. Уже раньше товар стоил 100; купеческий капитал в 100 прибавляет к нему только 10.

Далее, если мы возьмем K , то оно оказывается, самое большее, такой же величины, — в действительности значительно меньше, — как часть постоянного капитала, которую должен был бы потребить для купли и продажи производитель; но она представляла бы тогда добавление к тому постоянному капиталу, который употребляется производителем непосредственно в производстве. Тем не менее эта часть постоянно должна возмещаться из цены товара, — или, что то же самое, — соответственная часть товара должна постоянно расходоваться в этой форме, должна, если рассматривать весь капитал общества в целом, постоянно воспроизводиться в этой форме. Эта часть авансируемого постоянного капитала так же ограничивающе влияла бы на норму прибыли, как и вся масса его, вложенная непосредственно в производство. Поскольку промышленный капиталист предоставляет торговую часть своего предприятия купцу, ему нет надобности авансировать эту часть капитала. Вместо него ее авансирует купец. Но это только номинально; купец ни производит, ни воспроизводит потребляемый им постоянный капитал (реальные торговые издержки). Следовательно, производство последнего является особым видом предпринимательской деятельности или, по крайней мере, частью деятельности известных промышленных капиталистов, которые таким образом играют такую же роль, как промышленные капиталисты, доставляющие постоянный капитал тем, кто производит жизненные средства. Следовательно, купец получает, во-первых, возмещение этого капитала и, во-вторых, прибыль на него. Таким образом вследствие того и другого происходит сокращение прибыли промышленного капиталиста. Но вследствие связанной с разделением труда концентрации и экономии она сокращается в меньшей мере, чем было бы в том случае, если бы ему самому пришлось авансировать этот капитал. Уменьшение нормы прибыли меньше, потому что меньше авансируемый таким образом капитал.

Итак, продажная цена состоит пока из $B + K$ + прибыль на $B + K$. После предыдущего эта часть ее не представляет никаких затруднений. Но вот появляется b , или переменный капитал, авансируемый купцом.

Вследствие этого продажная цена превращается в $B + K + b$ + прибыль на $B + K$ + прибыль на b .

B только возмещает покупную цену, но, кроме прибыли на B , не присоединяет к этой цене никакой части. K присоединяет не только прибыль на K , но и самое K ; но K + прибыль на K , — часть издержек обращения, авансированная в форме постоянного капитала, плюс соответствующая средняя прибыль, — была бы в руках промышленного капиталиста больше, чем в руках торгового капиталиста. Сокращение средней прибыли обнаруживается в такой форме, что высчитывается полная средняя прибыль, — за вычетом $B + K$ из авансированного промышленного капитала, — а вычит из средней прибыли, составляющий прибыль на $B + K$, выплачивается купцу, так что этот вычит выступает в качестве прибыли особого капитала, купеческого капитала.

Но иначе обстоит дело с b + прибыль на b , или в данном случае, где норма прибыли по предположению = 10%, с $b + \frac{1}{10}b$. Здесь-то и лежит действительное затруднение.

Согласно предположению, купец покупает на b только торговый труд, т. е. труд, необходимый для функций обращения капитала, для $T - D$ и $D - T$. Но торговый труд есть труд, вообще необходимый для того, чтобы капитал функционировал как купеческий капитал, чтобы он содействовал превращению товара в деньги и денег в товар. Это труд, реализующий стоимости, но не создающий никаких стоимостей. И лишь поскольку какой-нибудь капитал исполняет эти функции, — следовательно, поскольку какой-нибудь капиталист выполняет со своим капиталом эти операции, этот труд, — постольку этот капитал функционирует как купеческий капитал и принимает участие в регулировании общей нормы прибыли, т. е. извлекает свой дивиденд из общей прибыли. Но в (b + прибыль на b) заключается, повидимому, во-первых, оплата труда (потому что совершенно безразлично, платит ли промышленный капиталист купцу за его собственный труд или за труд приказчиков, оплачиваемых купцом) и, во-вторых, прибыль на сумму, уплаченную за тот труд, который должен был бы выполнить сам купец. Купеческий капитал получает обратно, во-первых, оплату b и, во-вторых, прибыль на него, следовательно это происходит от того, что он, во-первых, заставляет заплатить себе за тот труд, благодаря которому он функционирует как

купеческий капитал, а, во-вторых, он заставляет заплатить себе прибыль, потому что он функционирует как капитал, т. е. потому что он выполняет труд, который для него как функционирующего капитала оплачивается прибылью. Таков, следовательно, вопрос, который нам предстоит разрешить.

Предположим, что $B = 100$, $b = 10$, и норма прибыли $= 10\%$. Предположим, что $K = 0$, чтобы без надобности не вводить снова в расчет этот элемент покупной цены, который сюда не относится и с которым мы уже покончили. Таким образом продажная цена была бы $= B + p + b + p (= B + Bp' + b + bp')$, где p' норма прибыли $= 100 + 10 + 10 + 1 = 121$.

Но если бы купец не расходовал b на заработную плату, — так как b уплачивается лишь за торговый труд, следовательно за труд, необходимый для реализации стоимости товарного капитала, выбрасываемого на рынок промышленным капиталом, — то дело обстояло бы таким образом: на то, чтобы купить или продать на $B = 100$, купец отдавал бы свое время, и мы предположим, что это все время, которым он располагает. Если бы торговый труд, представляемый b или 10-ю, оплачивался не заработной платой, а прибылью, то он предполагал бы другой купеческий капитал $= 100$, так как 10% его $= b = 10$. Этот второй $B = 100$ не входил бы дополнительно в цену товара, но 10% , конечно, входили бы в нее. Поэтому были бы произведены две операции по $100 = 200$, чтобы купить товаров на $200 + 20 = 220$.

Так как купеческий капитал есть абсолютно не что иное, как обособившаяся форма части промышленного капитала, функционирующего в процессе обращения, то все относящиеся к нему вопросы должны разрешаться так, чтобы проблема ставилась прежде всего в такой форме, при которой свойственные купеческому капиталу явления представляются еще не самостоятельными, но стоящими в непосредственной связи с промышленным капиталом как его разветвление. Как контора, в отличие от мастерской, торговый капитал постоянно функционирует в процессе обращения. Таким образом именно здесь, в конторе самого промышленного капиталиста, и должно сначала исследовать интересующее нас b .

Прежде всего эта контора всегда чрезвычайно мала по сравнению с промышленной мастерской. Впрочем, ясно, что по мере расширения размеров производства увеличиваются торговые операции, которые приходится постоянно совершать для обращения промышленного капитала как для того, чтобы продать продукт, имеющийся в форме товарного капитала, так и для того, чтобы снова превратить

в средства производства вырученные деньги и всему вести счет. Исчисление цен, ведение книг, ведение кассы, корреспонденция — все это относится сюда. Чем выше масштаб производства, тем больше, хотя далеко не в соответствующей пропорции, купеческие операции промышленного капитала, следовательно тем больше труд и прочие издержки обращения для реализации стоимости и прибавочной стоимости. Вследствие этого становится необходимым применение наемных торговых рабочих, которые составляют собственно контору. Хотя расходы на них производятся в форме заработной платы, они отличаются от переменного капитала, который затрачивается на покупку производительного труда. Это увеличивает расходы промышленного капиталиста, массу авансируемого капитала, не увеличивая непосредственно прибавочной стоимости. Потому что это является расходом на оплату труда, который употребляется только для реализации уже созданной стоимости. Как и всякий другой расход такого рода, этот расход тоже уменьшает норму прибыли, потому что возрастает авансированный капитал, но не возрастает прибавочная стоимость. Если прибавочная стоимость m остается неизменной, авансированный же капитал K возрастает до $K + \Delta K$, то вместо нормы прибыли $\frac{m}{K}$ получается меньшая норма прибыли $\frac{m}{K + \Delta K}$. Следовательно, промышленный капиталист старается ограничить до минимума эти издержки обращения совершенно так же, как и свои затраты на постоянный капитал. Поэтому отношение промышленного капитала к его торговым наемным рабочим не таково, как отношение к его производительным наемным рабочим. При прочих равных условиях, чем больше он применяет последних, тем крупнее производство, тем больше прибавочная стоимость, или прибыль. И наоборот. Чем больше масштаб производства и чем больше подлежащая реализации стоимость, а потому и прибавочная стоимость, следовательно, чем больше произведенный товарный капитал, тем более возрастают абсолютно, хотя не относительно, конторские издержки и дают толчок для некоторого рода разделения труда. В какой мере прибыль является предпосылкой таких расходов, это обнаруживается, между прочим, в том, что часто при увеличении жалованья торговым служащим часть его уплачивается процентным отчислением с прибыли. Такова природа дела, что труд, заключающийся только в посреднических операциях, — которые связаны отчасти с вычислением стоимостей, отчасти с их реализацией, отчасти с обратным превращением реализованных денег в средства

производства и размер которых зависит, следовательно, от величины произведенных и подлежащих реализации стоимостей, — что такой труд действует не как причина, подобно непосредственно производительному труду, а как следствие соответствующей величины и массы этих стоимостей. Подобным же образом обстоит дело и с другими издержками обращения. Для того, чтобы много измерять, взвешивать, упаковывать, транспортировать, должно быть налицо много товаров; масса труда по упаковке, транспорту и т. п. зависит от массы товаров, объектов такой деятельности, а не наоборот.

Торговый рабочий непосредственно не производит прибавочной стоимости. Но цена его труда определяется стоимостью его рабочей силы, следовательно издержками ее производства, тогда как проявление этой рабочей силы в действии, ее напряжение, расходование и снашивание, как и у всякого другого наемного рабочего, отнюдь не ограничено ее стоимостью. Поэтому его плата не стоит ни в каком необходимом отношении к массе прибыли, которую он помогает реализовать капиталисту. То, чего он стоит капиталисту, и то, что он ему приносит, — это различные величины. Он приносит ему прибыль не потому, что непосредственно создает прибавочную стоимость, а потому, что помогает уменьшать издержки реализации прибавочной стоимости, поскольку он выполняет отчасти неоплаченный труд. Собственно торговый рабочий принадлежит к лучше оплачиваемому классу наемных рабочих, к тем, труд которых есть искусный труд, стоящий выше среднего труда. Между тем с прогрессом капиталистического способа производства заработная плата имеет тенденцию понижаться даже по отношению к труду среднего качества, отчасти вследствие разделения труда внутри конторы; отсюда должно получиться лишь одностороннее развитие трудоспособности, и издержки получения такой трудоспособности отчасти ничего не стоят капиталисту: искусство рабочего развивается самой функцией, и притом тем быстрее, чем одностороннее она становится с разделением труда. Во-вторых, вследствие того, что предварительное образование, знакомство с торговым делом, знание языков и т. д. с прогрессом науки и народного образования приобретаются все быстрее и легче, становятся все более общераспространенными, воспроизводятся тем дешевле, чем более капиталистический способ производства приспособляет методы обучения и т. д. к практическим целям. Распространение народного обучения позволяет вербовать этого рода рабочих из таких классов, которым раньше был закрыт доступ к этим профессиям, которые привыкли к сравнительно худшему образу жизни. К тому же оно увеличивает наплыв и вместе с тем конкуренцию.

Поэтому, за некоторыми исключениями, с прогрессом капиталистического способа производства рабочая сила этих людей обесценивается; их заработная плата понижается, тогда как их способность к труду увеличивается. Капиталист увеличивает число таких рабочих в тех случаях, когда необходимо реализовать больше стоимости и прибыли. Увеличение такого труда постоянно является следствием, но отнюдь не причиной увеличения прибавочной стоимости ^{39a}.

Итак, происходит раздвоение. С одной стороны, функции капитала как товарного капитала и денежного капитала (а потому в дальнейшем определении как торгового капитала) суть общие определенные формы промышленного капитала. С другой стороны, особые капиталы, следовательно особые категории капиталистов, занимаются исключительно этими функциями, и таким образом эти функции становятся особыми сферами возрастания стоимости капитала.

В торговом капитале торговые функции и издержки обращения оказываются лишь обособленными. Та сторона промышленного капитала, которою он соприкасается с обращением, существует не только в том, что сам он постоянно пребывает в форме товарного капитала и денежного капитала, но и в том, что наряду с мастерской имеется контора. Но в торговом капитале эта сторона обособляется. Контора представляет собою его единственную мастерскую. Часть капитала, употребляемая в форме издержек обращения, оказывается у оптового купца значительно большей, чем у промышленника, потому что, кроме собственной конторы, которая находится при каждой промышленной мастерской, часть капитала, которую должен был бы употреблять таким образом весь класс промышленных капиталистов, концентрируется в руках отдельных купцов, которые, обслуживая продолжение функций обращения, берут на себя вытекающие из этого дальнейшие издержки обращения.

^{39a} Насколько оправдался впоследствии этот прогноз судьбы торгового пролетариата, данный в 1865 г., об этом могут порассказать сотни немецких приказчиков, которые, будучи весьма сведущи во всех торговых операциях и владея 3—4 языками, тщетно предлагают свои услуги в Лондонском Сити по 25 шилл. в неделю, — значительно ниже платы искусного механика-слесаря. Пробел в рукописи, занимающий две страницы, показывает, что предполагалось развить этот пункт еще подробнее. Впрочем, можно указать на книгу II, гл. VI («Издержки обращения»), стр. 105—113 [Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVIII, стр. 133—140], где Маркс уже затронул многое, относящееся сюда. — Ф. Э.

Издержки обращения представляются промышленному капиталу и действительно являются непроизводительными расходами. Купцу они представляются источником его прибыли, которая, — если предположить общую норму прибыли, — находится в соответствии с их величиной. Поэтому расход, который приходится производить на эти издержки обращения, представляется торговому капиталу производительной затратой. Следовательно, и торговый труд, который он покупает, для него — непосредственно производительный труд.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ОБОРОТ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА, ЦЕНЫ,

Оборот промышленного капитала есть единство времени его производства и времени его обращения; поэтому он обнимает весь процесс производства. Напротив, оборот купеческого капитала, так как он есть фактически только обособившееся движение товарного капитала, представляет лишь первую фазу метаморфозы товара, $T—D$, как движение особого капитала, возвращающееся к своему исходному пункту; $D—T$, $T—D$ в купеческом смысле, как оборот купеческого капитала. Купец покупает, превращает свои деньги в товар, потом продает, снова превращает тот же самый товар в деньги; и таким образом это повторяется постоянно. В рамках обращения метаморфоза промышленного капитала всегда представляется как $T_1—D—T_2$; деньги, вырученные от продажи T_1 , произведенного товара, употребляются на покупку T_2 , новых средств производства; это — действительный обмен T_1 и T_2 , и таким образом одни и те же деньги дважды переходят из рук в руки. Их движением опосредствуется обмен двух разнородных товаров, T_1 и T_2 . Но у купца в $D—T—D'$ дважды переходит из рук в руки, напротив, один и тот же товар; товар лишь опосредствует возвращение к купцу денег.

Если, напр., купеческий капитал составляет 100 ф. ст. и купец покупает товар на эти 100 ф. ст., потом продает этот товар за 110 ф. ст., то этот его капитал в 100 совершил один оборот, а число оборотов в течение года зависит от того, насколько часто в продолжение года повторяется это движение $D—T—D'$.

При этом мы совершенно оставляем в стороне те издержки, которые могут заключаться в разнице между покупной и продажной ценой, так как эти издержки совершенно ничего не изменяют в той форме, которую нам прежде всего предстоит здесь рассмотреть.

Следовательно, в этом случае число оборотов данного купеческого капитала представляет полную аналогию с повторением оборотов денег как простого средства обращения. Подобно тому, как один

и тот же талер, совершая десять оборотов, десять раз покупает свою стоимость в виде товаров, точно так же один и тот же денежный капитал купца, напр. в 100, оборачиваясь десять раз, десять раз покупает свою стоимость в виде товаров или реализует в общей сложности товарный капитал десятикратной стоимости = 1 000. Но есть и различие: при обращении денег как средства обращения одни и те же деньги проходят через различные руки, следовательно несколько раз совершают одну и ту же функцию, и потому быстротой обращения здесь возмещается масса обращающихся денег. Но у купца один и тот же денежный капитал, — безразлично, из каких бы единиц денег он ни состоял, — одна и та же денежная стоимость несколько раз покупает и продает товарный капитал на сумму своей стоимости и потому несколько раз возвращается в прежние руки, к своему исходному пункту, как $D + \Delta D$, как стоимость плюс прибавочная стоимость. Это характеризует его оборот как оборот капитала. Он постоянно извлекает из обращения больше денег, чем вносит в него. Впрочем, само собой разумеется, что с ускорением оборота купеческого капитала (причем при развитом кредите преобладающей функцией денег становится их функция как средства платежа) одна и та же масса денег обращается быстрее. Но повторение оборота товарно-торгового капитала никогда не выражает чего-либо иного, кроме повторения актов купли и продажи, тогда как повторение оборота промышленного капитала выражает периодичность и возобновление всего процесса воспроизводства (включая в него и процесс потребления). Напротив, для купеческого капитала это является только внешним условием. Промышленный капитал должен постоянно выбрасывать товары на рынок и снова извлекать их оттуда, чтобы для купеческого капитала сохранялась возможность быстрого оборота. Если процесс воспроизводства вообще происходит медленно, то медленно совершается и оборот купеческого капитала. Хотя купеческий капитал опосредствует оборот производительного капитала, но лишь постольку, поскольку сокращает время его обращения. Он не имеет прямого влияния на время производства, которое тоже является границей времени оборота промышленного капитала. Это — первая граница для оборота купеческого капитала. Во-вторых же, — если оставить в стороне ту границу, которую ставит ему потребление, порождаемое воспроизводством, — этот оборот в конце концов ограничен быстротой и размерами всего личного потребления, так как от этого зависит вся та часть товарного капитала, которая входит в фонд потребления.

Но (если совершенно оставить в стороне обороты в пределах ку-

печеского мира, где один купец перепродает другому один и тот же товар, причем во времена спекуляции обращение этого рода может иметь вид цветущего состояния дел) купеческий капитал, во-первых, сокращает фазу $T - D$ для производительного капитала. Во-вторых, при современной кредитной системе он располагает большей частью всего денежного капитала общества, так что он может повторять свои закупки прежде, чем ранее купленное окончательно продано; причем безразлично, продает ли наш купец прямо окончательному потребителю или между ними обоими стоят 12 других купцов. При чрезвычайной эластичности процесса воспроизводства, который постоянно может быть выведен за каждый данный предел, он не находит никакой границы или только очень эластичную границу в самом производстве. Следовательно, кроме отделения актов $T - D$ и $D - T$, вытекающего из самой природы товара, здесь создается фиктивный спрос. Движение купеческого капитала, несмотря на его обособление, всегда есть не что иное, как движение промышленного капитала в сфере обращения. Но, всилу своего обособления, он совершает свое движение в известных границах независимо от пределов, полагаемых процессом воспроизводства, и потому заставляет даже процесс воспроизводства выходить из своих пределов. Внутренняя зависимость, внешняя самостоятельность приводят его к такому пункту, когда внутренняя связь вновь восстанавливается насильственно, посредством кризиса.

Отсюда то явление, наблюдаемое в кризисах, что они сначала обнаруживаются и разражаются не в розничной торговле, которая имеет дело с непосредственным потреблением, а в сферах оптовой торговли и банков, которые предоставляют в ее распоряжение денежный капитал общества.

Действительно, фабрикант может продавать экспортеру, а этот, в свою очередь, своему заграничному клиенту, импортер может сбывать свое сырье фабриканту, последний же свои продукты — оптовому торговцу и т. д. Однако в каком-нибудь одном незаметном пункте товар залеживается непроданным; или же иной раз мало-помалу переполняются запасы всех производителей и торговцев-посредников. Как раз в это время потребление обычно находится в состоянии наивысшего процветания, отчасти вследствие того, что один промышленный капиталист приводит в движение целый ряд других, отчасти вследствие того, что занятые ими рабочие, работая полное время, могут расходовать больше обыкновенного. С ростом дохода капиталистов увеличиваются и их расходы. Кроме того (даже если оставить в стороне ускорение накопления), происходит, как мы

видели (книга II, отд. III), постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом, которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое тем не менее ограничено в конечном счете личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не происходит ради него самого, а происходит лишь оттого, что этого постоянного капитала больше потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление. Однако это производство в течение некоторого времени может спокойно идти своим путем, возбуждаемое ожидаемым спросом, и потому в этих отраслях у купцов и промышленников дела идут очень бойко. Кризис наступает, когда купцы, продающие на отдельных рынках (или такие, у которых накопились запасы и внутри страны), начинают вырывать затраты так медленно и в таких скудных количествах, что банки настоятельно требуют платежей, или сроки уплаты по векселям под закупленные товары наступают раньше, чем совершится перепродажа. Тогда начинаются принудительные продажи с целью уплаты. И вместе с тем разражается крах, который сразу кладет конец кажущемуся процветанию.

Но внешний характер и иррациональность оборота купеческого капитала еще больше вследствие того, что оборот одного и того же купеческого капитала может обслуживать одновременно или последовательно обороты очень различных производительных капиталов.

Однако оборот купеческого капитала может обслуживать не только обороты различных промышленных капиталов, но и противоположные фазы метаморфозы товарного капитала. Напр., купец покупает холст у фабриканта и продает его белильщику, следовательно в этом случае оборот одного и того же купеческого капитала, — в действительности один и тот же акт $T—D$, реализация холста, — представляет две противоположные фазы для двух различных промышленных капиталов. Поскольку купец вообще продает для производительного потребления, его $T—D$ постоянно представляет $D—T$ какого-нибудь промышленного капитала, а его $D—T$ постоянно представляет $T—D$ какого-нибудь другого промышленного капитала.

Если мы, как это сделано в настоящей главе, отбросим K , издержки обращения, т. е. ту часть капитала, которую авансирует купец, кроме суммы, расходуемой на покупку товаров, то, конечно, отпадает и ΔK , дополнительная прибыль, получаемая им на этот дополнительный капитал. Следовательно, этот прием исследования строго логичен и математически правилен, раз дело идет о том, чтобы

узнать, каким образом прибыль и оборот купеческого капитала влияют на цены.

Если бы цена производства 1 ф. сахару составляла 1 ф. ст., то купец мог бы на 100 ф. ст. купить 100 ф. сахару. Если в течение года он покупает и продает такое количество и если средняя годовая норма прибыли 15%, то он накинёт на 100 ф. ст. 15 ф. ст., на 1 ф. ст., цену производства 1 ф. сахару, 3 шилл. Следовательно, он продавал бы 1 ф. сахару за 1 ф. ст. 3 шилл. Напротив, если бы цена производства 1 ф. сахару упала до 1 шилл., то на 100 ф. ст. купец купил бы 2 000 ф. сахару и продавал бы по 1 шилл. $1\frac{4}{5}$ пени за фунт. И в том и в другом случае годовая прибыль на капитал в 100 ф. ст., вложенный в сахарное дело, = 15 ф. ст. Только в первом случае он должен продать 100, а во втором 2 000 ф. Высока или низка цена производства, это не имеет никакого значения для нормы прибыли, но это имеет очень большое, решающее значение для того, как велика та соответственная часть продажной цены каждого фунта сахару, которая составляет торговую прибыль, т. е. как велика та наценка на цену, которую делает купец на определенное количество товара (продукта). Если цена производства товара незначительна, то незначительна и та сумма, которую авансирует купец на его покупную цену, т. е. на определенную массу товара, а следовательно, при данной норме прибыли, незначительна и общая сумма прибыли, которую он получает на это данное количество дешевого товара; или, — что сводится к тому же, — он может в таком случае купить на данный капитал, напр. в 100, большую массу этого дешевого товара, и общая прибыль в 15, которую он получает на 100, распределяется на каждую отдельную штуку этой товарной массы незначительными долями. И обратно. Это вполне и совершенно зависит от большей или меньшей производительности того промышленного капитала, товарами которого он торгует. Если исключить случаи, когда купец является монополистом и в то же время монополизировать производство, как, напр., в свое время голландско-ост-индская компания, то нет ничего нелепее, чем ходячее представление, будто от желания самого купца зависит, продаст ли он много товаров с небольшой прибылью на единицу товара или мало товаров со значительной прибылью на единицу товара. Две границы существуют для его продажной цены: с одной стороны, цена производства товара, над которой он не властен; с другой стороны, средняя норма прибыли, которая совершенно так же находится вне его власти. Единственное, что от него зависит, — это возможность торговать дорогими или дешевыми товарами, но и здесь известную роль играют величина капитала,

находящегося в его распоряжении, и другие обстоятельства. Как поступает купец, это всецело зависит от степени развития капиталистического способа производства, а не от его выбора. Такая чисто купеческая компания, как старая голландско-ост-индская, обладавшая монополией производства, могла притти к мысли при совершенно изменившихся условиях продолжать придерживаться метода, соответствующего самое большее зачаткам капиталистического производства ⁴⁰.

Этот распространенный предрассудок, — который, впрочем, как и все ошибочные представления о прибыли и т. п., вытекает из наблюдений над одной только торговлей и из предвзятых мнений купцов, — поддерживается, между прочим, следующими обстоятельствами:

Во-первых: явления конкуренции, которые, однако, касаются только распределения торговой прибыли между отдельными купцами, владеющими той или иной долей всего купеческого капитала; если, напр., один продает дешевле с целью побить своих соперников.

Во-вторых: экономист такого калибра, как профессор Рошер, все еще может воображать себе в Лейпциге, что изменение в продажных ценах произведено по соображениям «благоразумия и гуманности», а не было результатом переворота в самом способе производства.

В-третьих: если цены производства понижаются вследствие повышения производительной силы труда, а потому понижаются и продажные цены, то спрос часто растет еще быстрее, чем предложение, а вместе с ним и рыночные цены, так что продажные цены дают более чем среднюю прибыль.

В-четвертых: какой-нибудь купец может понизить продажную цену (а это всегда есть не что иное, как понижение обычной прибыли, которую он накидывает на цену), чтобы в его предприятии больший

⁴⁰ «Прибыль по общему правилу всегда одна и та же, какова бы ни была цена; она удерживается на месте, как плавающее тело при колебаниях волны. Поэтому, когда цены повышаются, торговец повышает цены, когда цены понижаются, торговец понижает цены» (*Corbet: «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals»*. London 1845, стр. 15). — Здесь, как и вообще в тексте, речь идет лишь об обычной торговле, а не о спекуляции, изучение которой, как и вообще все относящееся к разделению торгового капитала, выходит из круга нашего исследования. «Торговая прибыль есть стоимость, присоединяемая к капиталу, независимо от цены; вторая (спекуляция) основана на изменении стоимости капитала или самой цены» (там же, стр. 12).

капитал оборачивался быстрее. Все это вещи, которые касаются только конкуренции между самими купцами.

Уже в книге I мы показали, что, высоки ли цены товаров или низки, это не определяет ни массы прибавочной стоимости, производимой данным капиталом, ни нормы прибавочной стоимости; хотя соответственно относительному количеству товара, производимому данным количеством труда, цена единицы товара, а вместе с тем и та часть этой цены, которая соответствует прибавочной стоимости, будет больше или меньше. Цены всякого количества товара, поскольку они соответствуют стоимостям, определяются общим количеством овеществленного в этих товарах труда. Если небольшое количество труда овеществляется в большом количестве товара, то цена единицы товара низка, и заключающаяся в нем прибавочная стоимость незначительна. Каким образом труд, воплощенный в товаре, распадается на оплаченный и неоплаченный труд, следовательно, какая часть цены товара представляет прибавочную стоимость, это не находится ни в какой связи с общим количеством этого труда, а следовательно и с ценой товара. Норма же прибавочной стоимости зависит не от абсолютной величины той прибавочной стоимости, которая заключается в цене отдельного товара, а от ее относительной величины, от ее отношения к заработной плате, заключающейся в том же товаре. Поэтому норма может быть высокой, хотя абсолютная величина прибавочной стоимости для каждой единицы товара не велика. Эта абсолютная величина прибавочной стоимости в каждой единице товара зависит в первую очередь от производительности труда и только во вторую очередь — от его деления на оплаченный и неоплаченный труд.

Для торговой продажной цены цена производства теперь уже является наперед извне данным условием.

Высокий уровень торговых цен товара в прежнее время обуславливался 1) высокими ценами производства, т. е. низкой производительностью труда; 2) отсутствием общей нормы прибыли, причем купеческий капитал присваивал себе гораздо более высокую долю прибавочной стоимости, чем какая пришлась бы ему при общей подвижности капиталов. Следовательно, прекращение такого положения, — рассматривать ли дело с той или другой стороны, — есть результат развития капиталистического способа производства.

В различных отраслях торговли обороты купеческого капитала длиннее или короче, следовательно их число в течение года больше или меньше. В одной и той же отрасли торговли в различные фазы экономического цикла оборот совершается быстрее или медленнее.

Тем не менее совершается среднее число оборотов, которое устанавливается опытом.

Мы уже видели, что оборот купеческого капитала отличен от оборота промышленного капитала. Это вытекает из природы дела; отдельная фаза в обороте промышленного капитала выступает в качестве полного оборота собственно купеческого капитала или, по крайней мере, части его. Кроме того, оборот купеческого капитала стоит в ином отношении к определению прибыли и цены.

Оборот промышленного капитала выражает, с одной стороны, периодичность воспроизводства, и потому от него зависит масса товаров, выбрасываемых на рынок в течение определенного времени. С другой стороны, время обращения образует границу, хотя и растяжимую, которая, воздействуя на размеры процесса производства, тем самым влияет более или менее ограничивающим образом на образование стоимости и прибавочной стоимости. Поэтому оборот — не как положительный, но как ограничивающий элемент — оказывает определяющее влияние на массу ежегодно производимой прибавочной стоимости и, следовательно, на образование общей нормы прибыли. Напротив, для купеческого капитала средняя норма прибыли есть величина данная. Он не принимает непосредственного участия в создании прибыли, или прибавочной стоимости, и на образование общей нормы прибыли оказывает определяющее влияние лишь постольку, поскольку получает, — соответственно той части, какую она составляет от всего капитала, — свою долю из общей массы прибыли, произведенной промышленным капиталом.

При наличии условий, изложенных в книге II, отдел II, чем больше число оборотов промышленного капитала, тем больше масса прибыли, которую он производит. Правда, теперь, с установлением общей нормы прибыли, вся прибыль распределяется между различными капиталами, но не пропорционально их непосредственному участию в ее производстве, а соответственно той части, которую каждый из них составляет от всего капитала, т. е. пропорционально их величине. Однако сущность дела от этого несколько не изменяется. Чем больше число оборотов всего промышленного капитала, тем больше масса прибыли, масса ежегодно производимой прибавочной стоимости, а потому при прочих равных условиях и норма прибыли. Иное дело с купеческим капиталом. Для него норма прибыли есть величина данная, определяемая, с одной стороны, массой прибыли, произведенной промышленным капиталом, с другой стороны, — относительной величиной всего торгового капитала, его количественным отношением к сумме капитала, авансированного на про-

цесс производства и процесс обращения. Конечно, число его оборотов влияет определяющим образом на его отношение ко всему капиталу, или на относительную величину купеческого капитала, необходимого для обращения, потому что ясно, что абсолютная величина необходимого купеческого капитала и быстрота его оборота стоят в обратном отношении друг к другу; но его относительная величина, или та доля, которую он составляет от всего капитала, определяется его абсолютной величиной, если предположить все прочие условия равными. Если весь капитал равен 10 000, то если купеческий капитал составляет $\frac{1}{10}$ его, он = 1 000; если весь капитал 1 000, то $\frac{1}{10}$ его = = 100. Таким образом, хотя его относительная величина остается той же самой, его абсолютная величина различна в соответствии с величиной всего капитала. Но здесь его относительную величину, составляющую, скажем, $\frac{1}{10}$ всего капитала, мы принимаем за данную, но эта его относительная величина сама, в свою очередь, определяется оборотом. При быстром обороте его абсолютная величина, напр., = 1 000 ф. ст. в первом случае, 100 во втором, а потому его относительная величина = $\frac{1}{10}$. При более медленном обороте его абсолютная величина, скажем, = 2 000 в первом случае и 200 во втором. Поэтому его относительная величина увеличилась с $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ всего капитала. Условия, сокращающие среднюю продолжительность оборота купеческого капитала, напр. развитие средств транспорта, pro tanto [соответственно] уменьшают абсолютную величину купеческого капитала, следовательно повышают общую норму прибыли. И наоборот. Развитой капиталистический способ производства сравнительно с прежними укладами оказывает двойное влияние на купеческий капитал: прежнее количество товаров оборачивается при помощи меньшей массы действительно функционирующего купеческого капитала; вследствие более быстрого оборота купеческого капитала и большей быстроты процесса воспроизводства — на этом и основывается более быстрый оборот — уменьшается отношение купеческого капитала к промышленному капиталу. С другой стороны, с развитием капиталистического способа производства все производство становится товарным производством, и потому весь продукт попадает в руки агентов обращения; к этому присоединяется то, что при прежнем способе производства, которое велось в мелких размерах, — если оставить в стороне массу продуктов, потреблявшихся непосредственно in natura [в натуральном виде] самими производителями, и массу повинностей, выполнявшихся in natura, — очень значительная часть производителей продавала свои товары непосредственно потребителям или работала по их личному заказу. Поэтому,

хотя при прежних способах производства торговый капитал больше по отношению к товарному капиталу, который оборачивается с его помощью, однако он

1) абсолютно меньше, так как несравненно меньшая часть всего продукта производится в виде товара и должна поступать в обращение как товарный капитал и попадать в руки купцов; он меньше потому, что товарный капитал меньше. Но вместе с тем он относительно больше не только в силу большей медленности своего оборота и не только по сравнению с массой товаров, совершающих оборот при его помощи. Он больше и в силу того, что цена этой массы товаров, а следовательно и авансируемый на нее купеческий капитал, веледствие более низкой производительности труда, больше, чем при капиталистическом производстве; поэтому та же самая стоимость выражается в меньшей массе товаров.

2) На основе капиталистического способа производства не только производится бóльшая масса товаров (причем надо принять в расчет уменьшение стоимости этой массы товаров), но одна и та же масса продукта, напр. зерна, представляет собой бóльшую массу товара, т. е. все бóльшая часть его поступает в торговлю. Впрочем, вследствие этого возрастает не только масса купеческого капитала, но вообще весь капитал, вкладываемый в обращение, напр. в судостроение, в железные дороги, телеграф и пр.

3) Но, — и это та точка зрения, изложение которой относится к «конкуренции капиталов», — нефункционирующий купеческий капитал или купеческий капитал, функционирующий только наполовину, с прогрессом капиталистического способа производства возрастает, по мере того как облегчается его проникновение в мелкую торговлю, по мере развития спекуляции и избытка освобождающегося капитала.

Но, при предположении, что относительная величина купеческого капитала по сравнению со всем капиталом является данной, различие оборотов в различных отраслях торговли не оказывает влияния ни на величину всей прибыли, приходящейся на долю купеческого капитала, ни на общую норму прибыли. Прибыль купца определяется не массой товарного капитала, который находится у него в обороте, а величиной денежного капитала, который он авансирует на то, чтобы обслужить этот оборот. Если общая годовая норма прибыли 15% и купец авансирует 100 ф. ст., то, при обороте его капитала один раз в год, он продаст свой товар за 115. Если его капитал оборачивается пять раз в течение года, то он пять раз в течение года продаст за 103 товарный капитал, покупная цена которого 100, следова-

тельно в течение целого года он продаст за 515 товарный капитал в 500. Но как в первом, так и во втором случае это дает на авансированный им капитал в 100 годовую прибыль в 15. Если бы это было не так, то купеческий капитал соответственно числу своих оборотов приносил бы несравненно более высокую прибыль, чем промышленный капитал, что противоречит закону общей нормы прибыли;

Итак, число оборотов купеческого капитала в различных отраслях торговли оказывает прямое влияние на торговые цены товаров. Высота торговой накладки на цену, величина части торговой прибыли данного капитала, которая приходится на цену производства единицы товара, стоит в обратном отношении к числу оборотов, или к скорости оборота, купеческого капитала в различных отраслях торговли. Если купеческий капитал оборачивается пять раз в год, то он присоединяет к товарному капиталу одинаковой стоимости только $\frac{1}{5}$ накладки, присоединяемой к товарному капиталу равной стоимости другим купеческим капиталом, который может совершать в продолжение года только один оборот.

Влияние среднего времени оборота капиталов на продажную цену в различных отраслях торговли сводится к тому, что в соответствии с этой быстротой оборота одна и та же масса прибыли, которая при данной величине купеческого капитала определяется общей годовой нормой прибыли, т. е. определяется независимо от специального купеческого характера операций этого капитала, распределяется на массы товара одной и той же стоимости различным образом, так что, например, при пятикратном обороте в год к цене товара присоединяется $\frac{15\%}{5} = 3\%$, напротив, при однократном обороте в год 15%.

Следовательно, одна и та же процентная норма торговой прибыли в различных отраслях торговли повышает соответственно продолжительности оборота продажную цену товаров на совершенно различные проценты, исчисленные в отношении к стоимости этих товаров.

Наоборот, время оборота промышленного капитала не оказывает никакого влияния на величину стоимости производимой единицы товаров, хотя оно оказывает влияние на массу стоимостей и прибавочных стоимостей, производимых данным капиталом в данное время, потому что оно оказывает влияние на массу эксплуатируемого труда. Конечно, если иметь в виду цены производства, это маскируется и выглядит по-иному, но это лишь вследствие того, что цены производства различных товаров, согласно ранее изложенным законам, отклоняются от их стоимостей. Если рассматривать весь

процесс производства, всю массу товаров, произведенную всем промышленным капиталом, то мы сейчас же найдем, что общий закон подтверждается.

Итак, в то время как ближайшее исследование влияния времени оборота на образование стоимости в отношении промышленного капитала опять приводит к тому общему закону и базису политической экономии, что стоимости товаров определяются содержащимся в них рабочим временем, влияние оборотов купеческого капитала на торговые цены обнаруживает явления, которые, если не произвести очень обстоятельного анализа промежуточных звеньев, как будто предполагают чисто произвольное определение цен, именно определение их просто тем, что капитал вдруг решил получить в течение года определенное количество прибыли. Именно вследствие такого влияния оборотов кажется, будто процесс обращения как таковой определяет цены товаров в известных пределах независимо от процесса производства. Все поверхностные и превратные воззрения на процесс воспроизводства в его целом взяты из рассмотрения купеческого капитала и из тех представлений, которые вызываются его специфическими движениями в головах агентов обращения.

Если, как это узнал читатель к своему огорчению, анализ действительной, внутренней связи капиталистического процесса производства есть вещь в высшей степени сложная и труд очень серьезный; если задача науки заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению, то само собой разумеется, что в головах агентов капиталистического производства и обращения должны получиться такие представления о законах производства, которые совершенно уклоняются от этих законов и суть лишь выражение в сознании движения, совершающегося на поверхности явлений. Представления купца, биржевого спекулянта, банкира неизбежно оказываются совершенно извращенными. Представления фабрикантов искажаются благодаря тем актам обращения, которым подвергается их капитал, и уравнию общей нормы прибыли⁴¹. В представлении этих людей конкуренция тоже играет совершенно превратную роль. Если пределы стоимости и прибавочной стоимости даны, то легко понять, каким

⁴¹ Вот одно очень наивное, но вместе с тем совершенно правильное замечание: «Поэтому причиной того обстоятельства, что один и тот же товар можно получить у различных продавцов по существенно различным ценам, несомненно очень часто является неправильная калькуляция» (*Feller und Odermann: «Das Ganze der Kaufmännischen Arithmetik», 7-е изд., 1859 [стр. 451]*). Это показывает, как определение цен становится чисто теоретическим, т. е. абстрактным.

образом конкуренция капиталов превращает стоимости в цены производства, а затем и в торговые цены, прибавочную стоимость — в среднюю прибыль. Но, не зная этих пределов, абсолютно невозможно понять, почему конкуренция доводит общую норму прибыли до этого, а не до того предела, до 15%, а не до 1 500%. Она, самое большее, может лишь приводить общую норму прибыли к *одному* уровню. Напротив, в ней нет абсолютно никакого элемента, который определял бы самый этот уровень.

Итак, с точки зрения купеческого капитала кажется, что самый оборот определяет цены. С другой стороны, в то время как быстрота оборота промышленного капитала, поскольку она открывает возможность для данного капитала эксплуатировать больше или меньше труда, влияет определяющим и ограничивающим образом на массу прибыли, а потому и на общую норму ее, для торгового капитала норма прибыли дается извне, и внутренняя связь ее с образованием прибавочной стоимости совершенно изглажена. Если один и тот же промышленный капитал при прочих не изменяющихся условиях и в особенности при одинаковом органическом строении оборачивается в продолжение года четыре раза вместо двух, то он производит вдвое больше прибавочной стоимости, а потому и прибыли; и это явственно обнаруживается, если и пока этот капитал обладает монополией более совершенного метода производства, который дает ему возможность ускорять оборот. Напротив, различная продолжительность оборота в различных отраслях торговли проявляется в том, что прибыль, получаемая на один оборот определенного товарного капитала, находится в обратном отношении к числу оборотов денежного капитала, при помощи которого этот товарный капитал совершает свой оборот. Small profits and quick returns [небольшая прибыль и быстрый оборот] являются для shopkeeper [лавочника] именно тем принципом, которому он следует из принципа.

Впрочем, само собою понятно, что этот закон оборотов купеческого капитала в каждой отрасли торговли, — даже если оставить в стороне чередование более быстрых и более медленных оборотов, компенсирующих друг друга, — имеет значение только для средних оборотов всего купеческого капитала, вложенного в эту отрасль. Число оборотов капитала *A*, действующего в той же самой отрасли, как и *B*, может быть больше или меньше среднего числа оборотов. В этом случае число оборотов других капиталов будет соответственно меньше или больше. Оборот всей массы купеческого капитала, вложенной в эту отрасль, от этого несколько не изменяется. Но это имеет решающе-важное значение для отдельного купца или мелкого

торговца. В этом случае он получает добавочную прибыль совершенно так же, как получают добавочную прибыль промышленные капиталисты, когда они производят при условиях более благоприятных, чем средние. Если того потребует конкуренция, он может продавать дешевле своих товарищей, не понижая своей прибыли ниже среднего уровня. Если условия, дающие ему возможность делать более быстрый оборот, такого рода, что ему приходится их покупать, напр. положение мест продажи, то он может уплачивать за них особую ренту, т. е. часть его добавочной прибыли превращается в земельную ренту.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ.

Те чисто технические движения, которые совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала и, как мы теперь можем прибавить, товарно-торгового капитала (так как последний берет на себя часть движения промышленного капитала в обращении и совершает его как свое собственное, присущее ему движение), — эти движения, сделавшись самостоятельной функцией особого капитала, который совершает их, и только их, как операции, свойственные исключительно ему, превращают этот капитал в денежно-торговый капитал. Часть промышленного капитала и, говоря точнее, также товарно-торгового капитала, постоянно находится в денежной форме не только как денежный капитал вообще, но как денежный капитал, занятый именно этими техническими функциями. От всего капитала отделяется и обособляется в форме денежного капитала определенная часть, капиталистическая функция которой заключается исключительно в том, чтобы исполнять эти операции для всего класса промышленных и торговых капиталистов. Как в случае с товарно-торговым капиталом, так и здесь от промышленного капитала, находящегося в процессе обращения в виде денежного капитала, отделяется известная часть и исполняет для всего остального капитала эти операции процесса воспроизводства. Следовательно, движения этого денежного капитала опять-таки суть лишь движения обособившейся части промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства.

Только при том условии и постольку, если и поскольку капитал вкладывается впервые, — что имеет место и при накоплении, — капитал в денежной форме является исходным пунктом и конечным пунктом движения. Но для каждого капитала, уже захваченного процессом своего движения, исходный пункт, как и конечный пункт, является только переходным пунктом. Поскольку промышленный капитал с момента своего выхода из сферы производства до того момента, когда он снова вступает в нее, должен проделать метаморфозу $T' - D - T$, поскольку D , как это обнаружилось уже при

простом товарном обращении, в действительности является конечным результатом одной фазы метаморфозы только затем, чтобы послужить исходным пунктом противоположной фазы, дополняющей первую. И, хотя для торгового капитала $T—D$ промышленного капитала всегда имеет вид $D—T—D$, однако и для него, раз он начал функционировать, действительным процессом постоянно является $T—D—T$. Но торговый капитал одновременно совершает акты $T—D$ и $D—T$. То-есть не только *один* капитал находится в стадии $T—D$, в то время как другой капитал находится в стадии $D—T$, но один и тот же капитал одновременно постоянно покупает и постоянно продает вследствие непрерывности процесса производства; он одновременно и постоянно находится в обеих стадиях. Между тем как одна часть его превращается в деньги, чтобы впоследствии превратиться обратно в товар, другая часть одновременно превращается в товар, чтобы потом опять превратиться в деньги.

Функционируют ли при этом деньги как средство обращения или как средство платежа, это зависит от формы товарообмена. В обоих случаях капиталисту постоянно приходится платить деньги многим лицам и постоянно получать деньги в уплату от многих лиц. Эта чисто техническая операция уплаты и получения денег сама по себе представляет труд, который, поскольку деньги функционируют как средство платежа, делает необходимым подведение баланса платежей, акты погашения взаимных обязательств. Этот труд представляет собою издержки обращения, труд, не создающий никакой стоимости. Он сокращается благодаря тому, что выполняется особым подразделением агентов или капиталистов для всего остального класса капиталистов.

Определенная часть капитала постоянно должна быть налицо в виде сокровища, потенциального денежного капитала: резерв покупательных средств, резерв средств платежа, незанятый капитал, в денежной форме ожидающий своего применения; а некоторая часть капитала в этой форме постоянно притекает обратно. Кроме получения денег, их выдачи и счетоводства, это делает необходимым хранение сокровища, что опять составляет особую операцию. Следовательно, в действительности происходит постоянное выделение из сокровища средств обращения и средств платежа и образование его вновь из денег, получаемых от продажи и от платежей, которым наступил срок; это постоянное движение части капитала, существующей в виде денег, движение, обособленное от функции самого капитала, эта чисто техническая операция вызывает особый труд и издержки — издержки обращения.

Разделение труда приводит к тому, что эти технические операции, обусловливаемые функциями капитала, исполняются, насколько возможно, для всего класса капиталистов особым подразделением агентов или капиталистов как их исключительные функции или сосредоточиваются в их руках. Это, как и в случае с купеческим капиталом, — разделение труда в двойном смысле. Появляется особая отрасль предпринимательской деятельности, и так как она в качестве такой особой отрасли обслуживает денежный механизм всего класса, она концентрируется, ведется в крупном масштабе, а здесь, в свою очередь, происходит разделение труда в пределах этого особого дела как вследствие распада его на различные, независимые одна от другой отрасли, так и вследствие образования мастерской в каждой из таких отраслей (большие конторы, многочисленные бухгалтеры и кассиры, далеко идущее разделение труда). Уплата денег, прием их, сведение балансов, ведение текущих счетов, хранение денег и пр., будучи отделены от актов, требующих этих технических операций, делают капитал, авансированный на эти функции, денежно-торговым капиталом.

Различные операции, вследствие обособления которых в особые отрасли предпринимательской деятельности возникает торговля деньгами, вытекают из различных определений самих денег и из их функций, которые приходится таким образом исполнять и капиталу в форме денежного капитала.

Уже раньше я указывал, что деньги вообще первоначально развиваются при обмене продуктов между различными общинами ⁴².

Поэтому торговля деньгами, торговля денежным товаром развивается прежде всего из международных сношений. При существовании особых монет в различных странах купцы, производящие закупки в чужих странах, должны обменивать монеты своей страны на местные монеты и обратно или же обменивать различные монеты на слитки чистого серебра или золота как всемирные деньги. Отсюда возникает меняльное дело, которое следует рассматривать как одно из естественно возникших оснований современной торговли деньгами ⁴³. Из него развились разменные банки, где серебро (или

⁴² «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», 1859 г., стр. 27 [К. Маркс: «К критике политической экономии». Соч. Маркса и Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 36—37].

⁴³ «Уже вследствие большого разнообразия монет в отношении как их веса и пробы, так и чеканки их многими князьями и городами, имеющими право на это, повсюду явилась необходимость пользоваться местной монетой в тех случаях, когда в торговых делах требовалось свести счета в какой-нибудь одной

золото) функционирует, в отличие от ходячей монеты, как всемирные деньги, в настоящее время — как банковые деньги или торговые деньги. Поскольку вексельное дело сводилось к выдаче путешественнику менялой какой-нибудь страны платежного требования на менялу другой страны, оно развилось уже в Риме и в Греции из собственно меняльного дела.

Торговля золотом и серебром как товарами (как сырым материалом для изготовления предметов роскоши) образует естественно возникший базис для торговли слитками (Bullion trade) или торговли, которая обслуживает функции денег как всемирных денег. Как показано раньше (книга I, гл. III, 3, с), эти функции двойного рода: перемещение денег между различными национальными сферами обращения для выравнивания международных платежей и при переселении капитала в поисках помещения его из процентов; наряду с этим — движение их из мест добывания благородных металлов по всемирному рынку и распределение добычи между различными национальными сферами обращения. В Англии еще на протяжении большей части XVII столетия функции банкиров выполнялись золотых дел мастерами. Каким образом уравнение международных платежей

монете. Купцы, отправляясь в путешествие на какой-нибудь из иностранных рынков, для расплаты наличными запасались слитками чистого серебра, а также, конечно, и золота. Точно так же при отправлении в обратный путь они обменивали полученные ими местные монеты на слитки серебра или золота. Поэтому меняльное дело, торговля деньгами, обмен слитков благородных металлов на местные монеты и обратно, стало очень распространенным и выгодным делом» (Hüllmann: «Städtewesen des Mittelalters». Bonn 1826—29, т. I, стр. 437—438). De Wisselbank [разменный банк] получил свое название не... от векселя [Wissel], не от вексельного письма, а от wisselen [разменивать] различные сорта денег. Задолго до учреждения Амстердамского разменного банка в 1609 г. в нидерландских торговых городах были менялы, меняльные лавки, даже разменные банки... Занятие этих менял состояло в том, что они разменивали различные иностранные монеты, привозимые в страну иностранными купцами, на ходячую монету. Мало-по-малу круг их деятельности расширялся... они сделались кассирами и банкирами своего времени. Но в соединении профессий кассира и менялы власти Амстердама усмотрели опасность, и, чтобы предупредить эту опасность, было решено основать крупное учреждение, которое заменяло бы как менял, так и кассиров и действовало бы открыто, согласно уставу. Таким учреждением и был знаменитый Амстердамский разменный банк 1609 г. Совершенно так же возникли разменные банки в Венеции, Генуе, Стокгольме, Гамбурге вследствие постоянной потребности в размене денежных знаков. Из всех этих банков существует еще и теперь один только гамбургский, так как этот торговый город, где не чеканится собственной монеты, еще и теперь нуждается в подобном учреждении» и т. д. (S. Vissering: «Handboek van Praktische Staathuishoudkunde». Amsterdam 1860, т. I, стр. 247).

развивается дальше в вексельную торговлю и пр., это мы пока совершенно оставляем в стороне, как и все то, что относится к операциям с ценными бумагами, короче говоря, все особые формы кредитного дела, которое нас здесь пока не касается.

В качестве всемирных денег национальные деньги сбрасывают свой местный характер; деньги одной страны выражаются в деньгах другой, и таким образом все сводятся к содержанию в них золота или серебра, тогда как последние как два товара, обращающиеся в качестве всемирных денег, сводятся вместе с тем к взаимному постоянно изменяющемуся соотношению их стоимостей. Обслуживание соответственных операций торговец деньгами делает своим особым занятием. Таким образом меняльное дело и торговля слитками являются самыми первоначальными формами торговли деньгами и вытекают из двояких функций денег: как местных монет и как всемирных денег.

Из капиталистического процесса производства, как из торговли вообще, даже при докапиталистическом способе производства, вытекает:

Во-первых, собирание денег как сокровища, т. е. в настоящее время как части капитала, которая постоянно должна иметься налицо в денежной форме в качестве резервного фонда средств платежа и покупательных средств. Это первая форма сокровища, в которой оно снова появляется при капиталистическом способе производства и вообще образуется при развитии торгового капитала, по крайней мере для этого последнего. То и другое относится как к внутреннему, так и к международному обращению. Это сокровище всегда находится в текущем состоянии, оно постоянно вливается в обращение и постоянно притекает из него обратно. Вторую форму сокровища представляет собою праздный, временно незанятый капитал в денежной форме; сюда же относится и вновь накопленный денежный капитал, еще не вложенный в дело. Функциями, которых требует это образование сокровища как таковое, являются прежде всего его хранение, ведение книг и т. д.

Но, *во-вторых*, с этим связано расходование денег при покупках, прием их при продажах, уплата денег и получение при платежах, уравнение платежей и т. д. Торговец деньгами исполняет все это для купцов и промышленных капиталистов сперва как простой *кассир* ⁴⁴.

⁴⁴ «Институт кассиров, быть может, нигде не сохранил в таком чистом виде своего первоначального, самостоятельного характера, как в нидерландских торговых городах (о происхождении института кассиров в Амстердаме

Торговля деньгами получает полное развитие, когда к ее остальным функциям присоединяется заключение займов, выдача ссуд и торговля в кредит, — а это всегда происходит уже в самом ее начале, — об этом в следующем отделе в связи с капиталом, приносящим проценты.

Самая торговля слитками, перевозка золота или серебра из одной страны в другую, есть только результат товарной торговли, который определяется вексельным курсом, выражающим состояние международных платежей и ставки процента на различных рынках. Торговец слитками как таковой обслуживает только этот результат.

При исследовании денег, при рассмотрении того, каким образом их движения и определенные формы развиваются из простого товарного обращения, мы видели (книга I, гл. III), что движение массы денег, обращающихся как покупательное средство и как средство платежа, определяется товарной метаморфозой, ее размерами и быстротой, метаморфозой, которая, как мы теперь знаем, сама

см. *E. Lusac*: «Holland's Rykdom» [Leyden 1782], часть III). Их функции отчасти совпадают с функциями старого Амстердамского разменного банка. Кассир получает от купцов, пользующихся его услугами, известную сумму денег и открывает им на эту сумму «кредит» в своих книгах; затем они посылают ему свои долговые требования, по которым он получает для них деньги и кредитует их на соответствующую сумму; напротив, он производит платежи по их распоряжениям (*kassiers briefjes*), уменьшая на соответствующую сумму их текущий счет. С этих поступлений и уплат он отчисляет себе незначительный процент за комиссию, который образует соответствующее вознаграждение за его труд только вследствие значительности оборотов, совершаемых при его посредстве между двумя сторонами. Если требуется покрыть платежи двух купцов, причем обоих обслуживает один и тот же кассир, то такие платежи покрываются чрезвычайно просто благодаря параллельным счетам в книгах, так как кассиры изо дня в день балансируют их взаимные требования. Итак, занятие кассиров заключается собственно в этом обслуживании платежей; следовательно, оно исключает промышленные предприятия, спекуляции и открытие бланкового кредита; потому что здесь должно оставаться правилом, что кассир за того, кому он открыл счет в своих книгах, не производит никаких платежей, превышающих размеры его имущества» (*Vissering*, цит. произв., стр. 134). — О кассовых союзах в Венеции: «Благодаря потребности в географическом положении Венеции, где переноска наличных денег затруднительнее, чем в других местах, оптовые торговцы этого города... стали учреждать кассовые союзы при условии надлежащей безопасности, контроля и управления; члены такого союза вносили в него известные суммы, на которые они давали распоряжения своим кредиторам, причем в заведенной для того книге уплаченная сумма списывалась со счета должника и прибавлялась к сумме, которую имел там же кредитор. Это первые зачатки так называемых жиро-банков. Стары эти союзы. Но, относя их происхождение к XII веку, их смешивают с основанным в 1171 г. учреждением для государственных займов» (*Hüllmann*, цит. произв., стр. 453—454).

является лишь моментом всего процесса воспроизводства. Что касается получения денежного материала — золота и серебра — с мест его добывания, то оно сводится к непосредственному товарному обмену, к обмену золота и серебра как товаров на другие товары, т. е. оно само совершенно так же является моментом товарного обмена, как получение железа или других металлов. Что касается движения благородных металлов на всемирном рынке (мы здесь не будем рассматривать этого движения, поскольку оно выражает заимобразное перенесение капитала, совершающееся и в форме товарного капитала), то оно совершенно так же определяется международным товарным обменом, как движение денег в качестве покупательного средства и средства платежа внутри страны определяется внутренним товарообменом. Эмиграция и иммиграция благородных металлов из одной национальной сферы обращения в другую, поскольку они вызываются только обесценением местной монеты или двойной валютой, не стоят ни в какой связи с денежным обращением как таковым и являются только исправлением произвольных нарушений, произведенных государственной властью. Наконец, что касается образования сокровищ, поскольку оно представляет резервный фонд покупательных средств или средств платежа для внутренней или для внешней торговли и равным образом поскольку оно является просто формой капитала, временно лежащего без употребления, оно в том и другом случае есть только необходимый осадок, оставляемый процессом обращения.

Если все денежное обращение по своим размерам, по своим формам и по своему движению есть простой результат товарного обращения, которое с капиталистической точки зрения само представляет лишь процесс обращения капитала (а этот процесс включает в себе обмен капитала на доход и дохода на доход, поскольку расходование дохода реализуется в розничной торговле), то само собой разумеется, что торговля деньгами обслуживает не только простой результат и способ проявления товарного обращения, не только денежное обращение. Само это денежное обращение, как один из моментов товарного обращения, есть уже нечто данное по отношению к торговле деньгами. Последняя обслуживает технические операции денежного обращения, которые она концентрирует, сокращает и упрощает. Торговля деньгами не образует сокровищ, а доставляет технические средства для того, чтобы это образование сокровищ, поскольку оно происходит добровольно (следовательно, если оно не является выражением того, что капитал не находит занятия или что процесс воспроизводства нарушен), свести к экономическому

минимуму; потому что, если управление резервным фондом покупателей средств и средств платежа ведется для всего класса капиталистов, то этот резервный фонд может быть не столь велик, как в том случае, если им управляет каждый капиталист особо. Торговля деньгами не покупает благородных металлов; она лишь обслуживает их распределение, когда их купила торговля товарами. Торговля деньгами облегчает уравнение балансов, поскольку деньги функционируют как средство платежа, и при помощи искусственного механизма этого уравнения балансов уменьшает массу денег, требующуюся для расчетов; но она не определяет ни связи, ни размера взаимных платежей. Например, векселя и чеки, которые обмениваются друг на друга в банках и в Clearing houses [расчетных палатах], отражают совершенно не зависящие от последних операции, суть результаты операций уже совершенных, и дело сводится лишь к тому, чтобы технически наилучшим способом уравнивать эти результаты. Поскольку деньги обращаются как покупательное средство, размеры и число покупок и продаж совершенно не зависят от торговли деньгами. Она может лишь сократить технические операции, которыми сопровождаются эти сделки, и таким образом уменьшить массу наличных денег, необходимых для данного оборота.

Итак, торговля деньгами в той чистой форме, в которой мы здесь рассматриваем ее, т. е. обособленно от кредитного дела, касается только технической стороны одного момента товарного обращения, именно денежного обращения и вытекающих из него различных функций денег.

Это существенным образом отличает торговлю деньгами от торговли товарами, которая обслуживает метаморфозу товара и товарный обмен или даже приводит к тому, что этот процесс товарного капитала представляется как процесс капитала, обособленного от промышленного капитала. Поэтому, если у товарно-торгового капитала оказывается собственная форма обращения, $D - T - D$, где товар перемещается дважды и вследствие этого деньги возвращаются обратно, — в противоположность форме обращения $T - D - T$, где деньги два раза переходят из рук в руки и этим обслуживают товарный обмен, — то для денежно-торгового капитала нельзя указать никакой такой особой формы.

Поскольку для такого технического обслуживания денежного обращения особое подразделение капиталистов авансирует денежный капитал, представляющий в уменьшенном виде тот дополнительный капитал, который иначе пришлось бы авансировать для той же цели самим купцам и промышленным капиталистам, постольку

и здесь находит себе место общая форма капитала $D - D'$. Благодаря авансированию D для авансировавшего получается $D + \Delta D$. Но обслуживание $D - D'$ относится в этом случае не к существованию самой метаморфозы, а лишь к ее техническим моментам.

Очевидно, что та масса денежного капитала, которою оперируют торговцы деньгами, — это находящийся в обращении денежный капитал купцов и промышленников и что операции, совершаемые ими, суть лишь операции тех, кого они обслуживают.

Ясно и то, что их прибыль есть лишь вычет из прибавочной стоимости, так как они имеют дело только с уже реализованными стоимостями (даже если они реализованы лишь в форме долговых требований).

Как и в торговле товарами, здесь происходит раздвоение функции, потому что часть технических операций, связанных с денежным обращением, должна исполняться самими товароторговцами и товаропроизводителями.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ИЗ ИСТОРИИ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА.

Особая форма денежного накопления товарно-торгового и денежно-торгового капитала будет рассмотрена лишь в следующем отделе.

Из вышеизложенного само собой следует, что ничего не может быть более нелепого, как рассматривать купеческий капитал — в форме ли товарно-торгового или же в форме денежно-торгового капитала — как особый вид промышленного капитала, по аналогии с тем, что, например, горное дело, земледелие, скотоводство, мануфактура, транспортная промышленность и пр. представляют образовавшиеся вследствие общественного разделения труда разветвления, а потому и особые сферы приложения промышленного капитала. Уже то простое наблюдение, что всякий промышленный капитал, находясь в фазе обращения своего процесса воспроизводства как товарный капитал и денежный капитал, выполняет совершенно те же функции, которые являются исключительными функциями купеческого капитала в его обеих формах, — уже одно это наблюдение должно было бы сделать невозможным такое грубое понимание. Наоборот, в товарно-торговом и денежно-торговом капитале различия между промышленным капиталом как производителем, с одной стороны, и тем же самым капиталом в сфере обращения — с другой, приобретают самостоятельное существование вследствие того, что определенные формы и функции, которые временно принимает на себя в этом случае капитал, приобретают вид самостоятельных форм и функций отделившейся части капитала и связаны исключительно с нею. Превращенная форма промышленного капитала и вещественные различия производительного капитала, вытекающие из природы различных отраслей промышленности, — это вещи совершенно различные.

Кроме той грубости, с которой экономист вообще исследует различия форм, фактически интересующие его только с вещественной стороны, в основе такого смешения у вульгарного экономиста лежат

еще двойного рода обстоятельства. Во-первых, его неспособность объяснить торговую прибыль со всеми ее особенностями; во-вторых, его апологетическое стремление вывести формы товарного капитала и денежного капитала, а затем товарно-торгового и денежно-торгового капитала, как виды, необходимо возникающие из самого процесса производства как такового; между тем как эти факторы возникли из специфической формы капиталистического способа производства, который предполагает в качестве своего базиса прежде всего товарное обращение, а следовательно и денежное обращение.

Если бы между товарно-торговым и денежно-торговым капиталом и производством зерна не было никакого иного различия, кроме такого, которое отличает последнее от скотоводства и мануфактуры, то было бы ясно, что производство и капиталистическое производство вообще тождественны и что в частности распределение общественных продуктов между членами общества как для производительного, так и для личного потребления точно так же должно вечно совершаться при помощи купцов и банкиров, как потребление мяса при помощи скотоводства и потребление одежды при помощи ее фабрикации ⁴⁵.

Вследствие того, что великие экономисты, как Смит, Рикардо и др., рассматривали основную форму капитала, капитал как капитал промышленный, а капитал обращения (денежный и товарный) фактически рассматривали лишь постольку, поскольку он сам представляет фазу в процессе воспроизводства всякого капитала, они стали в тупик перед торговым капиталом как особым

⁴⁵ Мудрый Пошер додумался [см. *W. Roscher: «Die Grundlagen der Nationalökonomie»*. Stuttgart und Augsburg 1857, стр. 102], что если некоторые характеризуют торговлю как «посредничество» между производителями и потребителями, то и с таким же успехом можно характеризовать самое производство как «посредничество» потребления (между кем?), из чего, конечно, следует, что торговый капитал есть часть производительного капитала подобно земледельческому и промышленному капиталам. Следовательно, если можно сказать, что человек может обслуживать свое потребление только производством (а он должен это делать, даже если не получил образования в Лейпциге) или что для присвоения природы необходим труд (что можно назвать «посредничеством»), то из этого, конечно, следует, что общественное «посредничество», вытекающее из специфической общественной формы производства, — *потому что* оно посредничество, — имеет столь же абсолютный характер необходимости, такой же ранг. Слово «посредничество» решает все. Впрочем, ведь купцы не посредники между производителями и потребителями (потребителей в отличие от производителей, потребителей, которые не производят, мы пока оставляем в стороне), а посредники при обмене продуктов этих производителей между собой, они лишь промежуточные лица при этом обмене, который в тысяче случаев совершается и без них.

родом его. Положения об образовании стоимости, о прибыли и пр., выведенные из рассмотрения промышленного капитала, непосредственно неприменимы к купеческому капиталу. Поэтому они фактически оставляют купеческий капитал совершенно в стороне и упоминают о нем только как о виде промышленного капитала. Там, где они особо говорят о нем, как Рикардо в связи с внешней торговлей, они стараются показать, что он не создает никакой стоимости (а следовательно и прибавочной стоимости). Но все, что имеет значение для внешней торговли, относится и к внутренней.

До сих пор мы рассматривали купеческий капитал с точки зрения и в пределах капиталистического способа производства. Но не только торговля, а и торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности представляет собою исторически древнейшую свободную форму существования капитала.

Так как мы уже видели, что торговля деньгами и авансированный на нее капитал не требуют для своего развития ничего иного, кроме оптовой торговли, затем товарно-торгового капитала, то лишь последним мы здесь и займемся.

Так как торговый капитал не выходит из сферы обращения и его функция состоит исключительно в том, чтобы обслуживать обмен товаров, то, — если оставить в стороне неразвитые формы, вытекающие из непосредственной меновой торговли, — для его существования не требуется никаких других условий, кроме тех, которые необходимы для простого товарного и денежного обращения. Или, лучше сказать, последнее является условием *его* существования. Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары, — будет ли это первобытное общинное хозяйство или производство, основанное на рабском труде, или мелко-крестьянское и мелко-буржуазное, или капиталистическое производство, — это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы. Крайние члены, между которыми служит посредником купеческий капитал, даны для него, как они даны для денег и для движения денег. Единственно необходимое заключается в том, чтобы эти крайние члены имелись в наличии как товары, — безразлично, является ли производство во всем своем объеме товарным производством или же производители, сами ведущие хозяйство, выносят на рынок только излишек, остающийся за покрытием их непосредственных потребностей,

удовлетворяемых их производством. Купеческий капитал обслуживает только движение этих крайних членов, товаров, которые предполагаются его существованием.

В каком размере продукция поступает в торговлю, проходит через руки купцов, — это зависит от способа производства; этот размер достигает своего максимума при полном развитии капиталистического производства, когда продукт производится уже только как товар, а не как предмет непосредственного потребления. С другой стороны, на основе всякого способа производства торговля способствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен для того, чтобы увеличить потребление или сокровища производителей (под которыми здесь следует понимать собственников продуктов); следовательно, она все более придает производству характер производства ради меновой стоимости.

Метаморфоза товаров, их движение состоит: 1) вещественно — в обмене различных товаров друг на друга, 2) в отношении формы — в превращении товара в деньги, продаже, и в превращении денег в товар, купле. И к этим функциям, к обмену товаров посредством купли и продажи, сводится функция купеческого капитала. Следовательно, он обслуживает только товарный обмен, который, однако, нельзя понимать с самого начала просто как товарный обмен между непосредственными производителями. При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй) присваивает, а следовательно и продает продукты, рабовладелец, феодал, взимающее дань государство. Купец покупает и продает для многих. В его руках сосредотачиваются купли и продажи, вследствие чего купля и продажа утрачивают связь с непосредственными потребностями покупателя (как купца).

Но какова бы ни была общественная организация в тех сферах производства, товарообмен между которыми обслуживается купцом, его имущество всегда существует как денежное имущество, и его деньги постоянно функционируют как капитал. Форма этого капитала постоянно одна и та же: $D - T - D'$; деньги, самостоятельная форма меновой стоимости, есть исходный пункт, и увеличение меновой стоимости — самостоятельная цель. Самый товарный обмен и обслуживающие его операции — обособленные от производства и совершаемые не производителями — суть лишь средство увеличения, увеличения не просто богатства, но богатства в его всеобщей общественной форме, богатства как меновой стоимости. Побудительный мотив и определяющая цель состоит в том, чтобы превратить

D в $D + \Delta D$; акты $D - T$ и $T - D'$, обслуживающие акт $D - D'$, являются лишь переходными моментами этого превращения D в $D + \Delta D$. Это $D - T - D'$ как характерное движение купеческого капитала отличает его от $T - D - T$, от торговли товарами между самими производителями, конечной целью которой является обмен потребительных стоимостей.

Поэтому, чем менее развито производство, тем более денежное имущество концентрируется в руках купцов, или тем более оно является специфической формой купеческого имущества.

При капиталистическом способе производства, — т. е. когда капитал овладевает самим производством и придает ему совершенно измененную и специфическую форму, — купеческий капитал является лишь капиталом с *особой* функцией. При всех прежних способах производства, — и тем в большей мере, чем более производство есть непосредственно производство жизненных средств для самого производителя, — купеческий капитал представляется функцией капитала *par excellence*.

Итак, не представляет ни малейших затруднений понимание того, почему купеческий капитал появляется в качестве исторической формы капитала задолго до того, как капитал подчинил себе само производство. Его существование и развитие до известной высоты само является историческим условием для развития капиталистического способа производства, 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям, а следовательно уже предполагает купца, который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своем акте купли концентрирует акты купли многих лиц. С другой стороны, все развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары. Однако, как мы скоро увидим из дальнейшего изложения, его развитие, взятое само по себе, недостаточно для того, чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой.

При капиталистическом производстве купеческий капитал от своего прежнего самостоятельного существования спускается до такой роли, когда он является лишь особым моментом применения капитала вообще, а уравнение прибыли сводит его норму прибыли к общему среднему уровню. Он функционирует уже только как агент производительного капитала. Особые общественные отношения,

складывающиеся с развитием купеческого капитала, теперь уже не являются определяющими; напротив, там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения. Это наблюдается даже в пределах одной и той же страны, где, напр., чисто торговые города много больше напоминают о прошлых отношениях, чем фабричные города ⁴⁶.

Самостоятельное и преобладающее развитие капитала как купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества.

Самостоятельное купеческое имущество как господствующая форма капитала означает обособленность процесса обращения от его крайних членов, а эти крайние члены — сами обменивающиеся производители. Эти крайние члены остаются самостоятельными по отношению к процессу обращения, как и этот процесс по отношению к ним. Продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю. Следовательно, здесь капитал впервые выступает как капитал в процессе обращения. В процессе обращения деньги развиваются в капитал. В обращении продукт впервые развивается как меновая стоимость, как товар и деньги. Капитал может образоваться в процессе обращения и должен образоваться в нем, прежде чем научается подчинять себе его крайние члены, различные сферы производства, обращение между которыми он обслуживает. Денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самой разнообразной организации, сферы, которые по своей внутренней структуре все еще направлены главным образом на производство

⁴⁶ Господин В. Киссельбах («Der Gang des Welthandels im Mittelalter». [Stuttgart] 1860) действительно все еще живет представлениями того мира, в котором купеческий капитал есть форма капитала вообще. О капитале в современном смысле он не имеет никакого представления, как и г. Моммаен, который в своей римской истории говорит о «капитале» и о господстве капитала. В новейшей английской истории собственно торговое сословие и торговые города гакже являются политически реакционными и выступают в союзе с земельной и финансовой аристократией против промышленного капитала. Сравните, напр., политическую роль Ливерпуля с ролью Манчестера или Бирмингема. Полное господство промышленного капитала признано английским купеческим капиталом и финансовой аристократией (moneyed interest) лишь со времени отмены хлебных пошлин и т. д.

потребительной стоимости. Это обособление процесса обращения, при котором сферы производства связываются между собой при посредстве третьего члена, выражает двоякого рода обстоятельства. Во-первых, оно служит выражением того, что обращение еще не овладело производством, а относится к нему как к данной извне предпосылке. Во-вторых, — того, что процесс производства еще не включил в себя обращения в качестве просто своего момента. Напротив, в капиталистическом производстве совершилось и то и другое. Процесс производства основывается всецело на обращении, а обращение представляет собою лишь момент, переходную фазу производства, лишь реализацию продукта, произведенного как товар, и возмещение элементов его производства, производимых как товары. Форма капитала, происходящая непосредственно из обращения, — торговый капитал, — является здесь лишь одной из форм капитала в процессе его воспроизводства.

Тот закон, что самостоятельное развитие купеческого капитала находится в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, с особенной ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли (*carrying trade*), как у венецианцев, генуэзцев и голландцев, там, следовательно, где главный барыш извлекается не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества при обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и из эксплуатации обеих стран производства⁴⁷. В этом случае перед нами купеческий капитал в чистом виде, обособленный от крайних членов, от тех сфер производства, между которыми он служит посредником. Таков главный источник его образования. Но такая монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом ее существова-

⁴⁷ «Жители торговых городов вывозили из более богатых стран утонченные мануфактурные товары и драгоценные предметы роскоши и таким образом давали пищу тщеславию крупных землевладельцев, которые жадно покупали эти товары и оплачивали их огромными количествами сырого продукта своих земель. Таким образом в это время торговля значительной части Европы состояла в обмене сырого продукта одной страны на мануфактурные продукты страны, более передовой в промышленном отношении... Когда соответственный вкус приобрел более широкое распространение и вызвал значительный спрос, купцы, чтобы сэкономить издержки по перевозке, начинали устраивать подобные мануфактуры в своей собственной стране» (*A. Smith* [«Wealth of Nations»], книга III, гл. III). [Ср. *А. Смит*: «О богатстве народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 343.]

ния. При посреднической торговле это сказывается не только в упадке торговли как особой отрасли, но и в падении преобладания чисто торговых народов и вообще их торгового богатства, которое покоилось на базисе этой посреднической торговли. Это лишь особая форма, в которой в ходе развития капиталистического производства находит себе выражение подчинение торгового капитала промышленному. Впрочем, яркий пример того, как хозяйничает купеческий капитал там, где он прямо овладевает производством, представляет не только колониальное хозяйство вообще (так называемая колониальная система), но в особенности хозяйство старой голландско-ост-индской компании.

Так как движение купеческого капитала есть $D - T - D'$, то прибыль купца, во-первых, получается посредством актов, совершающихся лишь в пределах процесса обращения, следовательно получается при совершении двух актов: купли и продажи, и, во-вторых, она реализуется при совершении последнего акта, продажи. Следовательно, это прибыль от отчуждения, *profit upon alienation*. Чистая независимая торговая прибыль *prima facie* [прежде всего] является невозможной, если продукты продаются по их стоимости. Дешево купить, чтобы дорого продать, — вот закон торговли. Следовательно, не обмен эквивалентов. Понятие стоимости предполагается при этом постольку, поскольку различные товары все суть стоимость, а потому — деньги; качественно все они одинаково суть выражения общественного труда. Но они не равные величины стоимости. Количественное отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга, является сначала совершенно случайным. Они принимают товарную форму, потому что они вообще могут обмениваться, т. е. потому что они суть выражения одного и того же третьего. Продолжающийся обмен и более регулярное воспроизводство для обмена все более устраняют этот элемент случайности. Но сначала не для производителей и потребителей, а для посредника между ними обоими, для купца, который сравнивает денежные цены и разницу кладет в карман. Самим своим движением он устанавливает эквивалентность.

Торговый капитал вначале служит только посредником в движении между двумя крайними пунктами, которые не подчинены ему, и между предпосылками, которые не им созданы.

Подобно тому как из самой по себе формы товарного обращения, $T - D - T$, появляются деньги не только как мера стоимости и средство обращения, но и как абсолютная форма товара, а вместе с тем и богатства, деньги как сокровище, и их сохранение и приращение в форме денег становится самоцелью, так из самой по себе формы

обращения купеческого капитала, $D - T - D'$, развиваются деньги, сокровище, как нечто такое, что сохраняется и увеличивается просто посредством отчуждения.

Торговые народы древности существовали, как боги Эпикура в междумировых пространствах вселенной, или, вернее, как евреи в порах польского общества. Торговля первых самостоятельных, пышно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников.

На подготовительных ступенях капиталистического общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе наоборот. Конечно, торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости, потому что наслаждение и потребление она ставит в большую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта. Этим она разлагает старые отношения. Она увеличивает денежное обращение. Она захватывает уже не только избыток продуктов, но мало-по-малу начинает поедать и самое производство и ставит в зависимость от себя целые отрасли производства. Однако это разлагающее влияние в значительной степени зависит от природы производящего общества.

Пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит. Помимо того, что торговый капитал живет за счет разницы между ценами производства различных стран (и в этом отношении он оказывает влияние на уравнение и установление товарных стоимостей), указанные способы производства приводят к тому, что купеческий капитал присваивает себе подавляющую долю прибавочного продукта, — отчасти в качестве посредника между обществами, производство которых в основном еще направлено на потребительную стоимость и для экономической организации которых продажа части продуктов, вообще поступающей в обращение, следовательно вообще продажа продуктов по их стоимости, имеет второстепенное значение; отчасти потому, что при указанных прежних способах производства главные владельцы прибавочного продукта, с которыми имеет дело купец, — рабовладелец, феодальный сеньор, государство (напр. восточный деспот), — являются представителями потребляющего богатства, которому расставляет сети купец, как это правильно почуял по отношению к феодаль-

ному времени уже А. Смит в приведенной цитате. Итак, торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа⁴⁸, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильническим грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.

Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги во всемирные деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот

⁴⁸ «Теперь купцы очень жалуются на дворян или на разбойников, на то, что им приходится торговать с большой опасностью, и, кроме того, их захватывают, бьют, облагают поборами и грабят. Но если бы купцы претерпевали это ради справедливости, то, конечно, они были бы святыми людьми... Но так как столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой творятся купцами по всему миру и даже по отношению друг к другу, то что же удивительного, что бог делает так, что столь большое имущество, несправедливо приобретенное, снова утрачивается или подвергается разграблению, а их самих при этом избивают или захватывают в плен?.. И князьям подобает надлежащую власть наказывать за столь несправедливую торговлю и принимать меры, чтобы купцы не обдирали так бессовестно их подданных. Но так как они этого не делают, то бог посылает рыцарей и разбойников и через них наказывает купцов за беззаконие, и они должны быть его дьяволами: подобно тому как он мучит дьяволами или губит врагами землю Египетскую и весь мир. Так он бьет одного плута другим, не давая этим понять, что рыцари меньше разбойники, чем купцы, ибо купцы ежедневно грабят весь мир, тогда как рыцарь в течение года ограбит раз или два, одного или двух». — «Исполняется пророчество Исаии: князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и действуют заодно с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем другие, как бы для того, чтобы осталась верной поговорка: крупные воры вешают мелких воров; и, как говорил римский сенатор Катон: простые воры сидят в тюрьмах и в оковах, а общественные воры ходят в золоте и в шелку. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает так, как он говорил Иезекиилу: князей и купцов, одного вора с другим, он сплавит вместе, как свинец и медь, так что не останется более ни князей, ни купцов, как не остается их, когда выгорает город» (*Martin Luther: «Von Kaufshandlung und Wucher»*. [Wittenberg] 1524).

процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на место старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами.

Такова природа дела, что, как только городская промышленность как таковая отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товарами, и следовательно для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с городским развитием и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлею понятны таким образом сами собой. Но насколько рука об руку с этим идет промышленное развитие, это целиком зависит здесь от других обстоятельств. В древнем Риме уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промыслов. С другой стороны, в прямую противоположность городскому развитию и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам.

Не подлежит никакому сомнению, — и именно этот факт привел к совершенно ошибочным взглядам, — что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках в связи с географическими открытиями и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение всемирного рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. Между тем современный способ производства в своем первом периоде,

мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века. Стоит сравнить, напр., Голландию с Португалией⁴⁹. А если в XVI и отчасти еще в XVII столетии внезапное расширение торговли и создание нового всемирного рынка оказали подавляющее влияние на падение старого и на подъем капиталистического способа производства, то это, напротив, произошло на основе уже созданного капиталистического способа производства. Всемирный рынок сам образует основу этого способа производства. С другой стороны, имманентная для последнего необходимость производить в постоянно увеличивающемся масштабе ведет к постоянному расширению всемирного рынка, так что в этом случае не торговля революционизирует промышленность, а промышленность постоянно революционизирует торговлю. И торговое господство теперь связано уже с большим или меньшим преобладанием условий существования крупной промышленности. Стоит сравнить, напр., Англию и Голландию. История падения Голландии как господствующей торговой нации есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу. Препятствия, которые ставят разлагающему влиянию торговли внутренняя устойчивость и строй докапиталистических национальных способов производства, разительно обнаруживаются в сношениях англичан с Индией и Китаем. Единство мелкого земледелия с домашней промышленностью образует здесь широкий базис способа производства, причем в Индии к этому присоединяется еще форма деревенских общин, покоящихся на общинном землевладении, которое, впрочем, было первоначальной формой и в Китае. В Индии англичане немедленно применили свою непосредственную политическую и экономическую силу властителей и присвоителей земельной ренты для того, чтобы разрушить эти маленькие экономические общины⁵⁰. Их торговля оказывает здесь рево-

⁴⁹ Какое преобладающее значение для развития Голландии, кроме других обстоятельств, имел базис, заложенный в ее рыболовстве, мануфактуре и земледелии, это показали уже писатели XVIII столетия. См., напр., Мэсси. — В противоположность прежним взглядам, когда размеры и значение азиатской, античной и средневековой торговли ставились слишком низко, теперь вошло в моду чрезвычайно переоценивать их. Всего лучше можно освободиться от такого представления, если рассмотреть английский ввоз и вывоз к началу XVIII столетия и сравнить с современным. И, однако, они были несравненно более значительны, чем у какого бы то ни было торгового народа прежнего времени: (см. *A. Anderson: «An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce»*, т. II, London 1764, стр. 261 и сл.).

⁵⁰ Если история какого-либо народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике позорных) экономических экспериментов, так

люционизирующее влияние на способ производства лишь постольку, поскольку они дешевой своих товаров уничтожают прядение и ткачество, исконную интегральную часть этого единства промышленно-земледельческого производства, и таким образом разрушают общину. Но даже здесь это дело разложения удается им лишь очень медленно. Еще менее оно дается им в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит на помощь. Большая экономия и сбережение времени, происходящие от непосредственного соединения земледелия и мануфактуры, оказывают здесь самое упорное сопротивление продуктам крупной промышленности, в цену которых входят *faux frais* [непроизводительные издержки] повсюду пронизывающего их процесса обращения. В противоположность английской русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства ⁵¹.

Переход от феодального способа производства совершается двояким образом. Производитель становится купцом и капиталистом в противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному пехами ремеслу средневековой городской промышленности. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство. Как ни велико историческое значение последнего пути как переходной ступени, — примером которого может служить хотя бы английский *clothier* [суконщик] XVII столетия, который подчиняет своему контролю ткачей, все же оставшихся самостоятельными, продает им шерсть и скупает у них сукно, — однако он сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие. Таким образом, напр., еще до половины настоящего столетия фабрикант во французской шелковой промышленности, в английской чулочной и кружевной промышленности по большей части лишь номинально был фабрикантом, в действительности же — просто купцом, который предоставлял ткачам работать

это хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру английского крупного землевладения; в юго-восточной Индии — карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину с общинным землевладением в карикатуру ее самой.

⁵¹ Это также начинает изменяться с тех пор, как Россия делает судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на пограничный азиатский рынок. — Ф. Э.

их старым раздробленным способом и господствовал над ними только как купец, на которого они фактически и работали⁵². Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, он только ухудшает положение непосредственных производителей, превращает их в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем у рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства. Такие же отношения, лишь несколько модифицированные, существуют в части лондонского ремесленного производства мебели. В частности в Тауэр Хэмлетс оно ведется на очень широкую ногу. Все производство разделено на множество независимых одна от другой отраслей. Одно предприятие изготовляет только стулья, другое — только столы, третье — только шкафы и т. д. Но самые эти предприятия ведутся более или менее ремесленным способом мелким мастером с немногими подмастерьями. Однако производство оказывается слишком массовым для того, чтобы можно было работать непосредственно на частных лиц. Покупатели здесь — владельцы мебельных магазинов. Каждую субботу мастер отправляется к ним и продает свой продукт, причем они торгуются о цене совершенно так же, как в ломбарде торгуются о величине ссуды под ту или другую вещь. Эти мастера необходимо должны продавать свои продукты еженедельно уже для того, чтобы для следующей недели иметь возможность снова купить сырой материал и уплатить заработную плату. При таких обстоятельствах они по существу служат лишь посредниками между купцом и своими собственными рабочими. Собственно капиталистом является здесь купец, который кладет себе в карман большую часть прибавочной стоимости⁵³. Сходное явление наблюдается при переходе в мануфактуру тех отраслей, которые раньше велись ремесленным способом или как побочные отрасли сельской промышленности. В зависимости от технического развития этого мелкого самостоятельного производства, — там, где оно само уже

⁵² То же самое относится к рейнскому ленточному и позументному производству и к шелкоткачеству. Близ Крефельда была даже построена особая железная дорога для сношения этих сельских ручных ткачей с городскими «фабрикантами», но с того времени механическое ткачество привело ее вместе с ручными ткачами к бездействию. — Ф. Э.

⁵³ С 1865 г. эта система развилась в еще большем масштабе. Подробности о ней см. «First Report of the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System». London 1888. — Ф. Э.

применяет машины, допускаемые ремесленным производством, — совершается и переход к крупной промышленности; машина приводится в движение уже не рукой, а паром, как это, напр., происходит в последнее время в английском чулочно-вязальном производстве.

Итак, переход совершается тройким образом: *во-первых*, купец прямо становится промышленником; это имеет место в отраслях ремесла, основанных на торговле, в отраслях, производящих предметы роскоши, отраслях, которые вместе с сырым материалом и рабочими ввозятся купцами из-за границы, как в пятнадцатом веке в Италию из Константинополя. *Во-вторых*, купец делает своими посредниками (middlemen) мелких мастеров или прямо покупает у самостоятельного производителя; номинально он оставляет его самостоятельным и оставляет без изменения его способ производства. *В-третьих*, промышленник становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли.

В средние века, как правильно говорит Поппе, купец только «Verleger» [скупщик, раздатчик] товаров, произведенных цеховыми ремесленниками или крестьянами. Купец становится промышленником, или, точнее, заставляет работать на себя ремесленную, в особенности же сельскую мелкую промышленность. С другой стороны, производитель становится купцом. Например, сукнодел-мастер вместо того, чтобы получать шерсть от купца понемногу, небольшими долями, и обрабатывать ее для него с помощью своих подмастерьев, сам покупает шерсть или пряжу и продает свое сукно купцу. Элементы производства входят в процесс производства как им самим купленные товары. И, вместо того, чтобы производить на отдельного купца или на определенных заказчиков, сукнодел производит теперь для всего торгового мира. Сам производитель — купец. Торговый капитал совершает уже только процесс обращения. Первоначально торговля была предпосылкой для превращения цехового и деревенско-домашнего ремесла и феодального земледелия в капиталистические производства. Она развивает продукт в товар отчасти тем, что создает для него рынок, отчасти тем, что доставляет новые товарные эквиваленты, а для производства — новые сырые и вспомогательные материалы, и тем кладет начало новым отраслям производства, которые с самого начала основываются на торговле: на производстве для рынка и для всемирного рынка и на условиях производства, ведущих свое происхождение от всемирного рынка. Как только мануфактура до некоторой степени окрепнет, она, — а еще более крупная промышленность, — сама создает себе рынок, завоевывает его своими товарами. Теперь торговля становится

слугой промышленного производства, для которого постоянное расширение рынка является условием существования. Постоянно расширяющееся массовое производство переполняет наличный рынок и потому постоянно работает над расширением этого рынка, над тем, чтобы пробить брешь в его рамках. Что ограничивает это массовое производство, так это не торговля (поскольку последняя служит выражением лишь существующего спроса), а величина функционирующего капитала и степень развития производительной силы труда. Промышленный капиталист постоянно имеет перед собой всемирный рынок, он сравнивает и должен постоянно сравнивать свои собственные издержки производства с рыночными ценами не только своей страны, но всего мира. В прежние периоды такое сравнение выпадает на долю почти исключительно купцов и обеспечивает таким образом торговому капиталу господство над промышленным капиталом.

Первая теоретическая разработка современного способа производства — меркантильная система — по необходимости исходила из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому она улавливала только внешнюю видимость явлений. Отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он оказывал в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства. Действительная наука современной экономики начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства. Правда, капитал, приносящий проценты, — тоже древняя форма капитала. Но почему меркантилизм не делает его своим отправным пунктом, а, напротив, относится к нему полемически, это мы увидим впоследствии.

РАСПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ.

Когда мы в первый раз рассматривали общую, или среднюю, норму прибыли (отдел II этой книги), эта последняя не выступала еще перед нами в своем законченном виде, так как уравнение прибылей представлялось еще просто уравнением для промышленных капиталов, вложенных в различные сферы производства. Это было дополнено в предыдущем отделе, где исследовалось участие торгового капитала в этом уравнении и торговая прибыль. Общая норма прибыли и средняя прибыль предстали теперь в более узких границах, чем прежде. В ходе дальнейшего исследования следует помнить, что, говоря в последующем изложении об общей норме прибыли, или о средней прибыли, мы делаем это в последнем значении, т. е. говорим лишь о средней норме в ее законченном виде. А так как норма эта теперь одинакова для промышленного и для торгового капитала, то, поскольку дело касается только этой средней прибыли, нет также необходимости впредь делать различие между промышленной и торговой прибылью. Независимо от того, вложен ли капитал в сферу производства как промышленный капитал, или в сферу обращения как торговый капитал, он приносит *pro rata* [пропорционально] своей величине одну и ту же годовую среднюю прибыль.

Деньги, взятые здесь как самостоятельное выражение известной суммы стоимости, — независимо от того, существует ли она в действительности в форме денег или товара, — могут на основе капиталистического производства быть превращены в капитал и вследствие такого превращения делаются из данной стоимости стоимостью самовозрастающей, увеличивающейся. Они производят прибыль, т. е. дают капиталисту возможность извлекать из рабочих и присваивать определенное количество неоплаченного труда, прибавочный продукт и прибавочную стоимость. Тем самым помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег, они

приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал. Их потребительная стоимость состоит здесь как раз в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал. В этом своем свойстве потенциального капитала, средств для производства прибыли, деньги становятся товаром, но товаром *suī generis* [особого рода]. Или, что сводится к тому же, капитал как капитал становится товаром⁶⁴.

Предположим, что годовая средняя норма прибыли равняется 20%. В таком случае машина стоимостью в 100 ф. ст., применяемая в качестве капитала при средних условиях знания дела и целесообразности, дала бы прибыль в 20 ф. ст. Из этого следует, что человек, располагающий 100 ф. ст., держит в своих руках власть превратить 100 ф. ст. в 120, или произвести прибыль в 20 ф. ст. Он держит в своих руках потенциальный капитал в 100 ф. ст. Если этот человек уступает эти 100 ф. ст. на год другому, который действительно применит их как капитал, он дает ему власть произвести 20 ф. ст. прибыли, произвести прибавочную стоимость, которая ничего ему не стоит, за которую он не уплачивает никакого эквивалента. Если это последнее лицо уплачивает собственнику этих 100 ф. ст. в конце года, предположим, 5 ф. ст., т. е. часть произведенной прибыли, то оно оплачивает таким образом потребительную стоимость этих 100 ф. ст., потребительную стоимость их функции как капитала, функции производить 20 ф. ст. прибыли. Часть прибыли, уплачиваемая владельцу этих денег, называется процентом, что, следовательно, является не чем иным, как особым названием, особой рубрикой той части прибыли, которую функционирующий капитал должен выплатить владельцу капитала вместо того, чтобы положить ее в собственный карман.

Ясно, что обладание этими 100 ф. ст. дает их владельцу силу привлечь к себе процент, некоторую часть прибыли, произведенной его капиталом. Если бы он не отдал этих 100 ф. ст. какому-нибудь другому лицу, то это последнее не могло бы произвести прибыль, вообще не могло бы функционировать в качестве капиталиста по отношению к этим 100 ф. ст.⁶⁵

⁶⁴ Здесь можно было бы процитировать несколько мест, в которых экономисты так именно и понимают дело — «Вы (Английский банк) являетесь очень крупными торговцами *товаром капиталом?*» — такой вопрос при опросе свидетелей для Report on Bank Acts (H. of C. 1857 [стр. 104, № 1194]) был задан одному из директоров этого банка.

⁶⁵ «То обстоятельство, что человек, берущий деньги взаймы с целью извлечь из них прибыль, должен отдать часть прибыли кредитору, является само-

Говорить в данном случае вместе с Джилльбэртом (см. примечание) об естественной справедливости — бессмыслица. Справедливость сделок, совершающихся между агентами производства, основана на том, что эти сделки как естественное следствие вытекают из отношений производства. Юридические формы, в которых эти экономические сделки проявляются как волевые действия участников, как выражения их общей воли и как обязательства, к выполнению которых каждую из сторон принуждает государство, — эти юридические формы, будучи только формами, не могут сами определить этого содержания сделок. Они только выражают его. Содержание это является справедливым, поскольку оно соответствует способу производства, адекватно ему. Оно несправедливо, поскольку противоречит ему. Рабство на основе капиталистического способа производства несправедливо; точно так же несправедлив и обман на качестве товара.

Эти 100 ф. ст. производят прибыль в 20 ф. ст. потому, что они функционируют как капитал — капитал промышленный или торговый. Однако *sine qua non* [непременным условием] такого функционирования их в качестве капитала является расходование их как капитала, следовательно расходование денег на покупку средств производства (при капитале промышленном) и на покупку товара (при капитале торговом). Но, чтобы деньги могли быть израсходованы, они должны быть наличю. Если бы *A*, собственник этих 100 ф. ст., израсходовал их на свое личное потребление или удержал их при себе как сокровище, то *B*, функционирующий капиталист, не мог бы израсходовать их как капитал. Он затрачивает не свой капитал, а капитал, принадлежащий *A*, но он не может затратить капитала, принадлежащего *A* помимо воли лица *A*. Таким образом в действительности эти 100 ф. ст. как капитал первоначально расходуются лицом *A*, хотя вся функция его в качестве капиталиста ограничивается этим расходом 100 ф. ст. как капитала. Поскольку дело касается этих 100 ф. ст., то *B* лишь потому функционирует как капиталист, что *A* передает ему эти 100 ф. ст. и таким образом расходует их как капитал.

Рассмотрим сначала своеобразное обращение капитала, приносящего проценты. Затем, во вторую очередь, следует рассмотреть тот своеобразный способ, при котором он продается как товар, именно ссужается, а не уступается раз навсегда.

Исходным пунктом являются деньги, которые *A* ссужает *B*. Ссуда может быть сделана под залог или без залога; однако первая форма является более древней, за исключением ссуды под товары или под долговые обязательства, как-то: векселя, акции и т. д. Эти особые формы нас здесь не интересуют. Мы имеем здесь дело с капиталом, приносящим проценты, в его обычной форме.

В руках *B* деньги действительно превращаются в капитал, проделывают движение $D - T - D'$ и затем снова возвращаются к *A* как D' , как $D + \Delta D$, где ΔD представляет процент. Для упрощения мы пока оставляем в стороне тот случай, когда капитал остается в руках *B* на более продолжительное время и проценты выплачиваются в определенные сроки.

Итак, движение таково:

$$D - D - T - D' - D'.$$

Дважды здесь появляются 1) расходование денег как капитала, 2) обратный приток их как реализованного капитала, как D' , или $D + \Delta D$.

При движении торгового капитала $D - T - D'$ один и тот же товар дважды, а в тех случаях, когда купец продает купцу, и многократно, переходит из одних рук в другие; но каждое такое перемещение одного и того же товара означает метаморфозу, куплю или продажу товара, сколько бы раз ни повторялся этот процесс, до тех пор, пока товар не войдет окончательно в потребление.

С другой стороны, в $T - D - T$ совершается двукратное перемещение одних и тех же денег, но это двукратное перемещение указывает на полную метаморфозу товара, который сначала превращается в деньги, а затем из денег опять в другой товар.

Напротив, для капитала, приносящего проценты, первое перемещение D отнюдь не является моментом ни метаморфозы товара, ни воспроизводства капитала. Таким моментом перемещение D становится лишь при вторичной затрате, в руках функционирующего капиталиста, который ведет с этими деньгами торговлю, или превращает их в производительный капитал. Первое перемещение D выражает здесь не что иное, как переуступку, или передачу, лицом *A* лицу *B* — переуступку, обыкновенно совершающуюся при соблюдении известных юридических форм и условий.

Этому двукратному расходованию денег как капитала, причем первое из них есть простая передача денег лицом *A* лицу *B*, соответствует и двукратное возвращение их. Как D' , или $D + \Delta D$, они возвращаются из движения обратно к функционирующему капиталисту *B*. Тогда последний снова передает их *A*, но уже вместе с частью

прибыли, передает как реализованный капитал, как $D + \Delta D$, где ΔD не равно всей прибыли, а представляет собою только часть прибыли, процент. К B они возвращаются обратно лишь в качестве того, что он израсходовал, — в качестве функционирующего капитала, являющегося, однако, собственностью A . Поэтому, чтобы процесс их возвращения закончился, B должен передать их A . Но, кроме суммы капитала, B должен передать A под названием процента часть прибыли, произведенной им при помощи этой суммы капитала, так как A давал деньги B только как капитал, т. е. как стоимость, которая не только сохраняется в движении, но и создает своему собственнику прибавочную стоимость. Они остаются в руках B лишь до тех пор, пока являются функционирующим капиталом. И по своем возвращении, — по истечении срока, — они перестают функционировать как капитал. Но и в качестве нефункционирующего более капитала они должны быть снова переданы обратно A , который не перестал быть их юридическим собственником.

Форма ссуды, свойственная этому товару, капиталу как товару, вместо формы продажи, но встречающаяся и при других сделках, вытекает уже из того определения, что капитал выступает здесь как товар или что деньги в качестве капитала становятся товаром.

Здесь необходимо провести следующее различие:

Мы видели (книга II, гл. I) и кратко напоминаем здесь о том, что в процессе обращения капитал функционирует как товарный капитал и как денежный капитал. Но в обеих формах капитал становится товаром не как капитал.

Как только производительный капитал превратится в товарный капитал, он должен быть выброшен на рынок, продан как товар. Здесь он функционирует просто как товар. Капиталист выступает в данном случае лишь как продавец товара, подобно тому, как покупатель — лишь как покупатель товара. Как товар продукт должен в процессе обращения посредством продажи реализовать свою стоимость, принять свой превращенный вид, вид денег. Поэтому также совершенно безразлично, покупается ли этот товар потребителем в качестве жизненного средства или капиталистом в качестве средства производства, как составная часть капитала. В акте обращения товарный капитал функционирует лишь как товар, не как капитал. Это — товарный *капитал* в отличие от простого товара, 1) потому что он уже чреват прибавочной стоимостью, следовательно реализация его стоимости есть в то же время и реализация прибавочной стоимости; но это ничего не изменяет в том факте, что он существует просто как товар, как продукт определенной цены; 2) потому что эта

функция его как товара есть момент процесса воспроизводства его как капитала, и потому его движение как товара, являясь лишь частичным движением в совершаемом им процессе, в то же время является его движением как капитала; но оно становится таковым не вследствие самого акта продажи, а только вследствие связи, существующей между этим актом и всем движением этой определенной суммы стоимости как капитала.

Точно так же в качестве денежного капитала он фактически действует лишь просто как деньги, т. е. как средство для покупки товаров (элементов производства). То обстоятельство, что эти деньги являются здесь в то же время денежным капиталом, формой капитала, не вытекает из акта купли, из той действительной функции, которую он выполняет как деньги, а из связи этого акта с совокупным движением капитала, потому что этот акт, который совершает капитал как деньги, служит введением к капиталистическому процессу производства.

Но, поскольку товарный капитал и денежный капитал действительно функционируют, действительно играют свою роль в процессе, товарный капитал действует здесь только как товар, денежный капитал — только как деньги. Ни в один из отдельных моментов метаморфозы, рассматриваемых сами по себе, капиталист не продает покупателю товара как *капитала*, хотя для него товар представляет капитал, и не отчуждает продавцу денег как капитала. В обоих случаях он отчуждает товар просто как товар и деньги просто как деньги, как покупательное средство по отношению к товару.

Капитал выступает в процессе обращения как капитал только в общей связи всего процесса, в том моменте, в котором исходная точка является вместе с тем и той точкой, к которой движение возвращается, в $D - D'$ или $T - T'$ (тогда как в процессе производства он выступает как капитал вследствие подчинения рабочего капиталисту и вследствие производства прибавочной стоимости). Но в этом моменте возвращения к исходной точке посредствующий процесс исчез. Налицо здесь D' или $D + \Delta D$, сумма денег, равная первоначально авансированной денежной сумме плюс некоторый излишек сравнительно с нею, реализованная прибавочная стоимость (при этом безразлично, существует ли теперь сумма стоимости, увеличенная на ΔD , в форме денег, или товара, или элементов производства). И как раз в этом пункте возвращения, в котором капитал существует как реализованный капитал, как возросшая стоимость, — поскольку этот пункт фиксируется как точка покоя, воображаемая или действительная, — в этой форме капитал никогда не вступает в

обращение, а, наоборот, выступает как извлеченный из обращения, как результат всего процесса. Если он расходуется вновь, он никогда не отчуждается третьему лицу как *капитал*, а продается ему как простой товар или уплачивается ему за товар как простые деньги. Он никогда не выступает в процессе своего обращения как капитал, а только как товар или деньги, и это в данном случае единственная форма его существования для других. Товар и деньги являются здесь капиталом не постольку, поскольку товар превращается в деньги, а деньги в товар, не в их действительных отношениях к покупателю или продавцу, а лишь в их идеальных отношениях к самому капиталисту (если рассматривать дело субъективно) или как моменты процесса воспроизводства (если рассматривать дело объективно). В действительном движении капитал существует как капитал не в процессе обращения, а лишь в процессе производства, в процессе эксплуатации рабочей силы.

Но иначе обстоит дело с капиталом, приносящим проценты, и как раз в этом-то и заключается его специфический характер. Владелец денег, желающий использовать свои деньги как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром как *капитал*, — как капитал не только для себя самого, но и для других. Это капитал не только для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они с самого же начала передаются как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость, прибыль. Они передаются как стоимость, которая в движении сохраняется и после своего функционирования возвращается к первоначально израсходовавшему ее лицу, в данном случае к владельцу денег, которая, следовательно, лишь на время удаляется от него и из владения своего собственника лишь временно переходит во владение функционирующего капиталиста, т. е. не поступает в уплату и не продается, а лишь отдается в ссуду, лишь отчуждается под условием, что по истечении известного срока она, во-первых, возвратится к своему исходному пункту и, во-вторых, возвратится как реализованный капитал, реализовав свою потребительную стоимость, свою способность производить прибавочную стоимость.

Товар, который ссужается как капитал, смотря по его свойствам, ссужается или как основной или как оборотный капитал. Деньги могут даваться в ссуду в обеих формах, — как основной капитал, напр. в том случае, когда они выплачиваются обратно в форме пожизненной ренты, так что вместе с процентами всегда возвращается обратно и часть капитала. Некоторые товары по

характеру своей потребительной стоимости могут быть даны в ссуду лишь как основной капитал, напр. дома, суда, машины и т. д. Но всякий ссужаемый капитал, какова бы ни была его форма и как бы природа его потребительной стоимости ни модифицировала обратную уплату, всегда является лишь особой формой денежного капитала. Потому что то, что дается здесь в ссуду, всегда есть определенная денежная сумма, и на эту же сумму исчисляется и процент. Если то, что ссужается, не есть ни деньги, ни оборотный капитал, то и обратно оно уплачивается таким способом, как притекает обратно основной капитал. Кредитор получает периодически процент и часть потребленной стоимости самого основного капитала, эквивалент периодического снашивания. А по истечении срока непотребленная часть ссуженного основного капитала возвращается обратно *in natura* [в натуре]. Если ссуженный капитал — капитал оборотный, то он и возвращается к кредитору таким способом, как притекает обратно оборотный капитал.

Итак, способ возвращения определяется в каждом отдельном случае действительным кругооборотом воспроизводящегося капитала и его особых видов. Но возвращение ссуженного капитала принимает *форму* обратной уплаты потому, что авансирование, отчуждение этого капитала имеет форму ссуды.

В этой главе мы занимаемся лишь собственно денежным капиталом, от которого произошли все другие формы ссужаемого капитала.

Ссуженный капитал притекает обратно два раза; в процессе воспроизводства он возвращается к функционирующему капиталисту, а затем еще раз повторяется возвращение как передача капитала кредитору, денежному капиталисту, как обратная уплата капитала его действительному собственнику, юридической исходной точке капитала.

В действительном процессе обращения капитал всегда выступает только как товар или деньги, и его движение сводится к ряду актов купли и продажи. Короче, процесс обращения сводится к метаморфозе товара. Иное дело, если мы рассмотрим процесс воспроизводства в его целом. Если в качестве отправной точки мы возьмем деньги (дело не изменится, если в качестве отправной точки мы возьмем товар, потому что в таком случае мы исходим из его стоимости и, следовательно, рассматриваем самый товар *sub specie* денег), то мы увидим, что известная сумма денег израсходована и по истечении известного периода возвращается обратно с некоторым приращением. Возвращается обратно возмещение авансированной денежной суммы плюс прибавочная стоимость. Она сохранилась и увеличилась, совершая известное круговое движение. Но деньги, поскольку они

ссужаются как капитал, ссужаются именно в качестве такой сохраняющейся и увеличивающейся денежной суммы, которая по истечении известного периода возвращается с некоторой прибавкой и во всякое время может снова начать тот же самый процесс. Они не расходуются ни как деньги, ни как товар, т. е. они не обмениваются на товар, если авансированы в виде денег, и не продаются за деньги, если авансированы в виде товара. Они расходуются как капитал, отношение к самому себе, в виде которого представляется капитал, если рассматривать капиталистический процесс производства как целое и как единство, отношение, в котором капитал выступает как деньги, высасывающие деньги, здесь сростается с деньгами без посредствующего промежуточного движения, просто в качестве их характера, их определенности. И в этой определенности они отчуждаются, когда отдаются в ссуду в качестве денежного капитала.

У Прудона странное понимание роли денежного капитала («*Gratuité du Crédit. Discussion entre m. F. Bastiat et m. Proudhon*». Paris 1850). Ссуда потому кажется Прудону злом, что она не продажа. Ссуда под процент — это «возможность постоянно возобновлять продажу одного и того же предмета и постоянно снова получать его цену, никогда не уступая собственности на то, что продается» (стр. 9). Предмет, деньги, дом и т. д. не меняют собственника, как это происходит при купле и продаже. Но Прудон упускает из виду, что при отдаче денег в форме капитала, приносящего проценты, за них не получают никакого эквивалента. При всяком акте купли и продажи, раз только вообще происходят процессы обмена, объект действительно отдается. Собственность на продаваемый предмет каждый раз уступается. Но стоимость при этом не отдается. При продаже отдается товар, а не его стоимость, которая возвращается в форме денег или, что является здесь лишь иной формой денег, — в форме долгового обязательства или платежного титула. При купле отдаются деньги, а не их стоимость, которая возмещается в форме товара. В продолжение всего процесса воспроизводства промышленный капиталист сохраняет в своих руках одну и ту же стоимость (оставляя в стороне прибавочную стоимость), только в различных формах.

Поскольку совершается обмен, т. е. обмен предметов, никакого изменения стоимости не происходит. Один и тот же капиталист все время удерживает в своих руках одну и ту же стоимость. Поскольку же прибавочная стоимость еще только производится капиталистом, обмену нет места; когда же происходит обмен, прибавочная стоимость уже находится в товарах. Если мы будем рассматривать не отдель-

ные меновые акты, а весь кругооборот капитала $D - T - D'$, то определенная сумма стоимости постоянно авансируется, и эта же сумма стоимости плюс прибавочная стоимость, или прибыль, извлекается из обращения. В простых меновых актах опосредствование этого процесса, конечно, остается вне поля зрения. Но как раз на этом процессе D как капитала покоится процент, получаемый ссужающим денежным капиталистом, и из этого процесса он проистекает.

«В самом деле, — говорит Прудон, — шляпочник, продающий шляпы... получает взамен их стоимость, не более и не менее. Но капиталист, ссужающий деньги... не только получает обратно свой капитал не уменьшившимся, — он получает более, чем капитал, более, чем было им брошено в обмен, он получает сверх капитала еще и процент» (стр. 69). Шляпочник представляет здесь промышленного капиталиста в противоположность ссужающему капиталисту. Прудон, очевидно, не проник в тайну того, каким образом промышленный капиталист может продавать товар по его стоимости (уравнение по ценам производства при его понимании не имеет здесь никакого значения) и именно поэтому может получать прибыль сверх капитала, бросаемого им в обмен. Предположим, что цена производства 100 шляп = 115 ф. ст. и что эта цена производства случайно равна стоимости шляп, т. е. капитал, производящий шляпы, представляет собою капитал среднего общественного строения. Если прибыль = 15%, то шляпочник реализует прибыль в 15 ф. ст., продавая свои товары по их стоимости в 115 ф. ст. Ему они стоят всего 100 ф. ст. Если он производил при помощи своего собственного капитала, то излишек в 15 ф. ст. он целиком кладет в карман; если — при помощи капитала, взятого в ссуду, то из этих 15 ф. ст. ему приходится, быть может, 5 ф. ст. отдать в виде процента. Это несколько не изменяет стоимости шляп, а вносит лишь изменение в распределение между разными лицами той прибавочной стоимости, которая уже находится в этой стоимости. Следовательно, — так как на стоимость шляп уплата процента не оказывает влияния, — бессмыслицей является такое утверждение Прудона: «Так как в торговле процент на капитал присоединяется к заработной плате рабочего, чтобы вместе с этой последней составить цену товара, то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. *Vivre en travaillant* [«жить работая»] является принципом, который, при господстве процента, заключает в себе противоречие» (стр. 105)⁵⁶.

⁵⁶ Поэтому, если рассуждать по Прудону, то «дом», «деньги» и т. д. не ссужаются как «капитал», а отчуждаются как «товар... по цене издержек производства» (стр. 44). Лютер стоял несколько выше Прудона. Он уже знал, что

Как плохо понял Прудон природу капитала, можно видеть из следующей фразы, в которой движение капитала вообще он изображает как движение, характерное для капитала, приносящего проценты: «Так как вследствие накопления процентов капитал-денеги, совершив ряд обменов, всегда возвращается к своему источнику, то из этого следует, что ссуда, делаемая одним и тем же лицом, приносит прибыль всегда тому же самому лицу» [стр. 154].

Что же остается для него загадочным в своеобразном движении капитала, приносящего проценты? Исчезновение категорий: купля, цена, предметы и та непосредственная форма, в которой появляется здесь прибавочная стоимость; короче, то явление, что здесь капитал как капитал сделался товаром и что поэтому продажа превратилась в ссуду, цена — в долю прибыли.

Возвращение капитала к своему исходному пункту вообще характеризует движение капитала; совершающего весь кругооборот. Это отнюдь не является отличительной чертой только капитала, приносящего проценты. Характерна для него только внешняя форма возвращения, оторванная от посредствующего кругооборота. Капиталист, дающий ссуду, отдает свой капитал, передает его промышленному капиталисту, не получая эквивалента. Эта передача вообще не является актом действительного процесса кругооборота капитала, она лишь подготавливает кругооборот, который должен быть выполнен при посредстве промышленного капиталиста. Это первое перемещение денег не выражает никакого акта метаморфозы: ни купли, ни продажи. Собственность не уступается, так как не происходит никакого обмена и не получается никакого эквивалента. Возвращение денег из рук промышленного капиталиста в руки ссудившего просто восполняет первый акт уступки капитала. Авансированный в денежной форме капитал процессом кругооборота снова возвращается к промышленному капиталисту в денежной форме. Но так как при расходовании капитал не принадлежал ему, то и при возвращении он не может ему принадлежать. То обстоятельство, что этот капитал прошел через процесс воспроизводства, не может превратить его в собственность промышленного капиталиста. Следовательно, он должен возвратит этот капитал тому, кто дал его

получение прибыли не зависит от формы ссуды или купли: «Из торговли тоже делают ростовщичество. Но на один раз это слишком уже много. И когда теперь нам приходится говорить о такой вещи, как ростовщичество при ссуде, то, раз мы выступили (недавно) против него, мы намерены привлечь к ответу и *торговое ростовщичество*» (M. Luther: «An die Pfarhern wider den Wucher zu predigen». Wittenberg 1540).

в ссуду. Первое расходование капитала, перемещающее его из рук кредитора в руки заемщика, есть юридическая сделка, не имеющая ничего общего с действительным процессом воспроизводства капитала, лишь подготовляющая его. Обратная уплата, снова перемещающая притекший обратно капитал из рук заемщика в руки кредитора, есть вторая юридическая сделка, восполнение первой; первая подготовляет действительный процесс, вторая есть заключительный акт, совершающийся после окончания последнего. Следовательно, исходный пункт и точка возврата — отдача и возвращение ссуженного капитала — представляются произвольными движениями, совершающимися при посредстве юридических сделок, происходящими до и после действительного движения капитала и не имеющими никакого касательства к самому этому движению. Для действительного движения капитала было бы безразлично, если бы капитал с самого начала принадлежал промышленному капиталисту и потому возвращался бы к нему просто как его собственность.

В первом, вводном, акте кредитор передает свой капитал заемщику. Во втором, дополнительном, и заключительном акте заемщик возвращает капитал кредитору. Поскольку во внимание принимается лишь сделка между обоими и, — если оставить пока процент в стороне, — поскольку, следовательно, дело идет лишь о движении самого отданного в ссуду капитала между кредитором и заемщиком, оба эти акта (будут ли они отделены друг от друга более или же менее длинным промежутком времени, на который приходится действительное движение воспроизводства капитала) охватывают все это движение. А это движение — отдача под условием возвращения — представляет вообще движение ссуды выдаваемой и ссуды получаемой, этой специфической формы лишь условного отчуждения денег или товара.

Движение, характерное для капитала вообще, — возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точке, — для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешний вид, оторванный от того действительного движения, формой которого он служит. А отдает свои деньги не как деньги, а как капитал. С капиталом здесь не происходит никакого изменения. Он лишь переходит в другие руки. Его действительное превращение в капитал совершается только в руках *B*. Но для *A* он уже сделался капиталом вследствие простой передачи *B*. Действительное возвращение капитала из процесса производства и обращения имеет место лишь для *B*. Но для *A* возвращение происходит в той же форме, как отчуждение. Из рук *B* капитал снова возвращается в руки *A*. Отдача, ссуда денег

на известное время, и получение их обратно с процентом (прибавочной стоимостью) — вот вся форма движения, принадлежащая капиталу, приносящему проценты, как таковому. Действительное движение отданных в ссуду денег как капитала есть операция, лежащая по ту сторону сделок между кредиторами и заемщиками. В самих этих сделках опосредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен. Как товар особого рода капитал обладает и особым родом отчуждения. Поэтому и возврат получает здесь выражение не как следствие и результат определенного ряда экономических актов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом. Время возвращения зависит от хода процесса воспроизводства; в отношении капитала, приносящего проценты, *кажется*, будто его возвращение как капитала зависит от простого соглашения между кредитором и заемщиком. Так что по отношению к этой сделке возвращение капитала представляется уже не результатом, который определяется процессом производства, а так, как будто бы данный в ссуду капитал никогда не утрачивал формы денег. Конечно, фактически сделки эти определяются действительными возвращениями капитала. Но это не проявляется в самой сделке. На практике дело также отнюдь не всегда так происходит. Если действительный возврат не произошел во-время, то заемщику приходится искать иного вспомогательного источника для выполнения своих обязательств перед кредитором. Чистая форма капитала — деньги, которые затрачиваются в виде суммы A и через известный промежуток времени возвращаются обратно в виде суммы $A + \frac{1}{x} A$ без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени, — есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала.

В действительном движении капитала его обратное возвращение есть момент процесса обращения. Сначала деньги превращаются в средства производства; процесс производства превращает их в товар; путем продажи товара они снова превращаются в деньги и в этой форме возвращаются обратно в руки капиталиста, который впервые авансировал данный капитал в денежной форме. Но в отношении капитала, приносящего проценты, возвращение его, как и выдача, есть лишь результат юридической сделки между собственником капитала и вторым лицом. Мы видим лишь выдачу и обратную уплату. Все, что происходит между ними, изгладилось.

Но так как деньги, авансированные как капитал, обладают свойством возвращаться к тому, кто их авансировал, затратил как капитал; так как $D - T - D'$ есть имманентная форма движения

капитала, то именно поэтому владелец денег может ссужать их как капитал, как нечто такое, что обладает свойством возвращаться к своему исходному пункту, сохраняться и возрастать как стоимость в том движении, которое оно совершает. Он отдает деньги как капитал, так как после того, как они применены как капитал, они возвращаются к своей исходной точке, и, следовательно, по истечении известного срока заемщик может восстановить их именно потому, что они притекают обратно к нему самому.

Итак, отдача в ссуду денег как капитала — отдача их под условием возмещения по истечении известного времени — предполагает, что деньги действительно применяются как капитал, действительно притекают обратно к своей исходной точке. Таким образом действительный кругооборот денег как капитала является предварительным условием юридической сделки, согласно которой заемщик должен возвратить деньги кредитору. Если заемщик не затратит деньги как капитал, — это его дело. Заимодавец ссужает деньги как капитал, и как таковой они должны проделать функции капитала, заключающие в себе кругооборот денежного капитала вплоть до возвращения в денежной форме к его исходному пункту.

Акты обращения $D - T$ и $T - D'$, в которых данная сумма стоимости функционирует как деньги или как товар, суть лишь посредствующие процессы, отдельные моменты всего ее движения. Как капитал она проделывает все движение $D - D'$. Она авансируется как деньги или как сумма стоимости в какой-либо форме и возвращается обратно как сумма стоимости. Ссужающий деньги не затрачивает их на покупку товара или, в том случае, если сумма стоимости существует в виде товаров, не продает последние за деньги, но авансирует их как капитал, как $D - D'$, как стоимость, которая в определенный срок снова возвращается к своему исходному пункту. Вместо того, чтобы покупать или продавать, он дает в ссуду. Эта отдача в ссуду является таким образом соответственной формой для отчуждения стоимости как капитала, а не как денег или товара. Но отсюда отнюдь не следует, что отдача в ссуду не может быть формой и таких сделок, которые не имеют никакого отношения к капиталистическому процессу воспроизводства.

До сих пор мы рассматривали только движение ссужаемого капитала между его собственником и промышленным капиталистом. Теперь нам предстоит исследовать процент.

Кредитор расходует свои деньги как капитал; сумма стоимости,

которую он отчуждает другому лицу, есть капитал и потому притекает к нему обратно. Но простое возвращение к нему ссуженной суммы стоимости было бы не возвращением ее как капитала, а просто возвращением ссуженной суммы стоимости. Чтобы возвратиться в качестве капитала, авансированная сумма стоимости должна не только сохраниться в движении, но и возрасти, увеличить величину своей стоимости, т. е. возвратиться с прибавочной стоимостью, как $D + \Delta D$, и это ΔD является здесь процентом, или той частью средней прибыли, которая не остается в руках функционирующего капиталиста, а достается денежному капиталисту.

То обстоятельство, что деньги были отчуждены им как капитал, означает, что они должны быть возвращены ему как $D + \Delta D$. Нам предстоит еще особо рассмотреть ту форму, когда проценты притекают обратно в известные сроки в продолжение того периода времени, на который заключен заем, но без капитала, уплата которого происходит лишь в конце более продолжительного периода.

Что дает денежный капиталист заемщику, промышленному капиталисту? Что он отчуждает ему в действительности? А только акт отчуждения превращает ссуду денег в отчуждение денег как капитала, т. е. в отчуждение капитала как товара.

Только посредством акта этого отчуждения капитал лица, ссужающего деньги, передается другому лицу как товар, или же товар, которым он располагает, передается какому-либо другому лицу как капитал.

Что отчуждается при обычной продаже? Не стоимость проданного товара, так как она только меняет свою форму. Она существует идеально в товаре как цена, прежде чем реально перейти в форме денег в руки продавца. Одна и та же стоимость и одна и та же величина стоимости изменяют здесь только свою форму. В одном случае они существуют в товарной форме, в другом случае — в денежной форме. То, что действительно отчуждается от продавца, а потому переходит в сферу индивидуального или производительного потребления покупателя, — это потребительная стоимость товара, товар как потребительная стоимость.

Что же это за потребительная стоимость, которую денежный капиталист отчуждает на время ссуды и передает промышленному капиталисту, заемщику? Это — потребительная стоимость, которую деньги приобретают вследствие того, что они могут быть превращены в капитал, могут функционировать как капитал и что поэтому они сверх того, что сохраняют свою первоначальную величину стоимости, производят в своем движении определенную прибавочную

стоимость, среднюю прибыль (то, что превышает эту норму или стоит ниже ее, представляется здесь случайностью). Потребительная стоимость остальных товаров в конце концов потребляется, и вместе с тем исчезает субстанция товара, а с нею и его стоимость. Товар-капитал, напротив, обладает тою особенностью, что потреблением его потребительной стоимости его стоимость и потребительная стоимость не только сохраняются, но еще и увеличиваются.

Эту-то потребительную стоимость денег как капитала — способность производить среднюю прибыль — и отчуждает денежный капиталист промышленному капиталисту на то время, на которое он передает этому последнему право распоряжаться ссуженным капиталом.

В этом смысле имеется известная аналогия между деньгами, отданными таким образом в ссуду, и рабочей силой, взятой в ее отношении к промышленному капиталисту. Но только стоимость рабочей силы капиталист оплачивает, тогда как стоимость взятого в ссуду капитала он просто возвращает обратно. Потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста такова: в процессе своего потребления она производит больше стоимости (прибыль), чем она сама имеет и чем она стоит. Этот излишек стоимости есть потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста. Точно так же потребительной стоимостью ссужаемого денежного капитала является его способность присоединять и увеличивать стоимость.

Денежный капиталист действительно отчуждает потребительную стоимость, и вследствие этого то, что он отдает, отдается им как товар. И в этом отношении аналогия с товаром как таковым полная. Во-первых, это стоимость, которая переходит из одних рук в другие. Когда мы имеем дело с простым товаром, товаром как таковым, в руках покупателя и продавца остается одна и та же стоимость, но в различной форме; как до торговой сделки, так и после нее в их руках находится та же стоимость, которую они отчуждали, но только у одного она в товарной форме, у другого — в денежной форме. Разница заключается в том, что при ссуде денежный капиталист является единственным лицом, которое при этой сделке отдает стоимость; но он сохраняет ее посредством происходящего впоследствии обратного ее возвращения. При ссуде только одна сторона получает стоимость, так как только одна сторона ее отдает. Во-вторых, одна сторона отчуждает действительную потребительную стоимость, другая же сторона получает и потребляет ее. Но в отличие от обыкновенного товара эта потребительная стоимость сама

есть стоимость, именно излишек величины стоимости в сравнении с ее первоначальной величиной, излишек, получающийся вследствие употребления денег как капитала. Прибыль есть эта потребительная стоимость.

Потребительная стоимость ссужаемых денег заключается в том, что они могут функционировать как капитал и как таковой могут произвести при средних условиях среднюю прибыль⁵⁷.

Что же платит промышленный капиталист и что таким образом является ценой ссужаемого капитала? «То, что люди платят как процент за пользование тем, что они берут в долг», по Мэсси, «есть часть той прибыли, которую может произвести взятое в ссуду»⁵⁸.

Покупатель обыкновенного товара покупает потребительную стоимость этого товара, а оплачивает его стоимость. Заемщик денег также покупает их потребительную стоимость как капитала; но что он оплачивает? Конечно, не их цену, или стоимость, как при покупке других товаров. Между кредитором и заемщиком не происходит, как между покупателем и продавцом, смены формы стоимости, при которой эта стоимость один раз существует в форме денег, в другой раз — в форме товара. Тождественность отдаваемой и обратно получаемой стоимости проявляется здесь совершенно иным образом. Сумма стоимости, деньги, отдается без эквивалента и возвращается по истечении известного времени. Кредитор все время остается собственником одной и той же стоимости даже после того, как она из его рук перешла в руки заемщика. При простом обмене товаров деньги всегда находятся на стороне покупателя; при ссуде же деньги находятся на стороне продавца. Он является тем лицом, которое отдает деньги на известное время, а покупатель капитала является тем лицом, которое получает их как товар. Но это возможно лишь постольку, поскольку деньги функционируют как капитал и поэтому авансируются. Заемщик берет в заем деньги как капитал, как самовозрастающую стоимость. Но сначала это капитал лишь в себе, — подобно всякому капиталу в исходной точке последнего, в момент

⁵⁷ «Справедливость получения процентов зависит не от того, производит ли известный человек прибыль или нет, но от способности его» (того, что взято в долг) «производить прибыль при условии правильного употребления». («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest, wherein the Sentiments of Sir W. Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered». London 1750, стр. 49. Автор анонимного сочинения — Дж. Мэсси.)

⁵⁸ «Богатые люди вместо того, чтобы самим применять свои деньги... ссужают их другим, чтобы они производили прибыль, оставляя владельцам часть произведенной таким образом прибыли» (там же, стр. 23—24).

его авансирования. Только посредством потребления его он возрастает в стоимости, реализуется как капитал. Но заемщик должен возвратить его как *реализованный* капитал, следовательно как стоимость плюс прибавочная стоимость (процент); а последняя может быть только частью реализованной им прибыли. Процент может составлять только часть реализованной прибыли, а не всю эту прибыль, так как для заемщика потребительная стоимость одолженного капитала заключается в том, что он производит ему прибыль. Иначе вышло бы, что со стороны заимодавца не было никакого отчуждения потребительной стоимости. С другой стороны, вся прибыль не может достаться заемщику. Это означало бы, что он ничего не заплатил за отчуждение потребительной стоимости и что он возвращает кредитору авансированные деньги только как простые деньги, а не как капитал, не как реализованный капитал, потому что реализованным капиталом они являются только как $D + \Delta D$.

Оба, и кредитор и заемщик, расходуют одну и ту же денежную сумму как капитал. Но лишь в руках последнего она функционирует как капитал. То обстоятельство, что одна и та же сумма денег двукратно существует как капитал для двух лиц, не удваивает прибыли. Эта сумма может функционировать как капитал для обоих только благодаря тому, что прибыль делится. Та часть, которая достается кредитору, называется процентом.

Предполагается, что вся сделка происходит между двумя видами капиталистов, между денежным капиталистом и капиталистом промышленным или торговым.

Никогда не следует забывать, что здесь капитал как капитал есть товар, или что товар, о котором здесь идет речь, есть капитал. Все проявляющиеся здесь отношения были бы поэтому иррациональны, если бы мы имели дело с простым товаром или с капиталом, поскольку последний функционирует в процессе своего воспроизводства как товарный капитал. Отдача в ссуду и заем вместо продажи и купли — вот в чем заключается здесь вытекающее из специфической природы товара-капитала различие. Точно так же различие состоит в том, что здесь уплачивается процент вместо цены товара. Если процент назвать ценой денежного капитала, то это будет иррациональной формой цены, совершенно противоречащей понятию цены товара⁵⁹. Цена сведена здесь к своей чисто абстрактной и бессо-

⁵⁹ «Выражение стоимость (value) в применении к сurrency [средствам обращения] имеет три значения... 2) сurrency actually in hand [средства обращения, действительно находящиеся в руках] в отличие от той же суммы сurrency, которая должна поступить в один из последующих дней. В последнем случае их

держательной форме, к такой форме, что это есть определенная сумма денег, которая уплачивается за нечто фигурирующее так или иначе в качестве потребительной стоимости; тогда как цена по своему понятию равна выраженной в деньгах стоимости этой потребительной стоимости.

Процент как цена капитала — выражение с самого начала совершенно иррациональное. Здесь товар имеет двойкую стоимость: во-первых, стоимость и, во-вторых, цену, отличную от этой стоимости, между тем как цена есть денежное выражение стоимости. Денежный капитал прежде всего есть не что иное, как сумма денег или стоимость определенной массы товаров, фиксированная в виде суммы денег. Если в ссуду дается товар как капитал, то он является лишь замаскированной формой денежной суммы. Потому что то, что дается в ссуду как капитал, это — не столько-то фунтов хлопка, а такое-то количество денег, существующее в форме хлопка как стоимость последнего. Цена капитала относится поэтому к нему как к денежной сумме, хотя и не как к «сигнису», как полагает господин Торренс (см. выше примечание 59). Каким же образом сумма стоимости может иметь цену кроме своей собственной цены, кроме цены, выраженной в ее собственной денежной форме? Ведь цена — это стоимость товара (это одинаково относится и к рыночной цене, отличие которой от стоимости не качественное, а лишь количественное, касающееся лишь величины стоимости) в отличие от его потребительной стоимости. Цена, которая качественно отличается от стоимости, — это абсурдное противоречие ⁶⁰.

Капитал проявляет себя как капитал в возрастании своей стоимости; степень этого возрастания выражает ту количественную степень, в какой он реализуется как капитал. Произведенная им прибавочная стоимость, или прибыль, — ее норма или высота, — измерима лишь посредством сравнения со стоимостью авансированного капитала. Поэтому большее или меньшее возрастание стоимости

стоимость измеряется ставкой процента, а ставка процента определяется отношением между всем капиталом, даваемым в ссуду, и спросом на него» (Полковник *R. Torrens*: «On the Operation of the Bank Charter Act of 1844 etc.», 2-е изд. [London] 1847 [стр. 5—6]).

⁶⁰ «Двусмысленность терминов: стоимость денег и средств обращения, которые употребляются без разбора с целью обозначения как меновой стоимости товаров, так и потребительной стоимости капитала, — эта двусмысленность терминов является постоянным источником путаницы» (*Tooke*: «Inquiry into the Currency Principle» [London 1844], стр. 77). — Но Тук не замечает главной путаницы (лежащей в самом существе дела), заключающейся в том, что стоимость как таковая (процент) становится потребительной стоимостью капитала.

капитала, приносящего проценты, тоже измеримо лишь сравнением количества процентов, той части общей прибыли, которая достается на его долю, со стоимостью авансированного капитала. Поэтому если цена выражает стоимость товара, то процент выражает возрастание стоимости денежного капитала и потому представляется ценою, которая уплачивается за него кредитору. Отсюда с самого начала ясна вся нелепость стремления непосредственно приложить сюда, как это делает Прудон, простые отношения обмена, как он совершается при посредстве денег в актах купли и продажи. Основное предположение как раз заключается в том, что деньги функционируют как капитал и потому могут быть переданы третьему лицу как капитал в себе, как потенциальный капитал.

Но в качестве товара сам капитал выступает здесь постольку, поскольку он предлагается на рынке и поскольку потребительная стоимость денег действительно отчуждается как капитал. Но его потребительная стоимость заключается в способности производить прибыль. Стоимость денег или товаров как капитала определяется не их стоимостью как денег или товаров, а количеством прибавочной стоимости, которое они производят для своего владельца. Продукт капитала есть прибыль. Затрачены ли деньги как деньги или они авансированы как капитал, это на основе капиталистического производства — лишь различное применение денег. Деньги, resp. [соответств.] товар, в себе, потенциально, суть капитал совершенно так же, как и рабочая сила потенциально есть капитал. Потому что 1) если деньги могут быть превращены в элементы производства и являются, как то и есть на самом деле, лишь абстрактным выражением элементов производства, их наличным бытием как стоимости; 2) если вещественные элементы богатства обладают уже свойством потенциально быть капиталом, то это потому, что на основе капиталистического производства имеется налицо дополняющая их противоположность, то, что делает их капиталом, — наемный труд.

Антагонистический общественный характер вещественного богатства — антагонизм этого последнего труду как наемному труду — обособленно от процесса производства уже выражен в собственности на капитал как таковой. Уже этот момент, обособленно от самого капиталистического процесса производства, постоянным результатом которого он является и которым он пред-полагается в качестве постоянного результата, — этот момент случает выражение в том, что деньги, а также и товар, в себе, скрыто, потенциально суть капитал, что они могут быть проданы

как капитал и что в этой форме они представляют командование над чужим трудом, притязание на присвоение чужого труда, а потому суть самовозрастающая стоимость. Здесь же ясно обнаруживается, что основанием и средством для присвоения чужого труда служит не какой-либо труд капиталиста, который был бы эквивалентом, а именно это отношение.

Далее, капитал выступает в качестве товара, поскольку разделение прибыли на процент и собственно прибыль регулируется спросом и предложением, следовательно конкуренцией, совершенно так же, как рыночные цены товаров. Но разница так же бросается здесь в глаза, как и сходство. Если спрос и предложение покрываются, то рыночная цена товара соответствует его цене производства; т. е. в этом случае оказывается, что его цена регулируется внутренними законами капиталистического производства, независимо от конкуренции, так как колебания спроса и предложения не объясняют ничего, кроме отклонений рыночных цен от цен производства, — отклонений, которые взаимно уравниваются, так что за известные более или менее продолжительные периоды средние рыночные цены равны ценам производства. Когда спрос и предложение взаимно покрываются, эти силы перестают действовать, взаимно уничтожают друг друга, и общий закон определения цены выступает тогда как закон и для отдельного случая; рыночная цена тогда соответствует уже в своем непосредственном наличном бытии, а не только как среднее из движения рыночных цен, цене производства, которая регулируется имманентными законами самого способа производства. То же с заработной платой. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то действие их уничтожается, и заработная плата равна стоимости рабочей силы. Но иначе обстоит дело с процентом на денежный капитал. Конкуренция определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией, потому что, как мы это еще увидим дальше, не существует никакой «естественной» нормы процента. Под естественной нормой процента разумеют, напротив, именно норму, устанавливаемую свободной конкуренцией. «Естественных» границ нормы процента не существует. Там, где конкуренция определяет не только отклонения и колебания, где, следовательно, при равновесии взаимно противодействующих сил вообще прекращается всякое определение, там определяемое само по себе есть нечто лишенное закономерности и произвольное. Подробнее об этом в следующей главе.

Когда дело касается капитала, приносящего проценты, то все

представляется чем-то внешним: авансирование капитала—простой передачей его кредитором заемщику; возвращение реализованного капитала — просто обратной передачей, обратной уплатой капитала с процентами заемщиком кредитору. То же следует сказать и относительно имманентного для капиталистического способа производства определения, именно, что норма прибыли определяется не только отношением той прибыли, которая произведена в продолжение одного оборота, к авансированной капитальной стоимости, но также и продолжительностью самого этого времени оборота, т. е. определяется как прибыль, которую приносит промышленный капитал в определенные промежутки времени. Для капитала, приносящего проценты, это также представляется чем-то совершенно внешним: кредитору просто уплачивается определенный процент за определенный срок.

Романтический Адам Мюллер говорит со своим обычным для него пониманием внутренней связи вещей («Elemente der Staatskunst». Berlin 1809, стр. 138): «При определении цены вещей не спрашивают о времени; при определении процента принимается в расчет главным образом время». Он не видит, каким образом время производства и время обращения входит в определение цены товаров и каким образом именно этим определяется норма прибыли для данного периода оборота капитала, а норма процента определяется как раз определением прибыли для данного времени. Все его глубокомыслие здесь, как и всегда, заключается лишь в том, что он замечает облака пыли, носящиеся по поверхности, и претенциозно рассуждает об этой пыли как о чем-то таинственном и значительном.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ. СТАВКА ПРОЦЕНТА. ЕСТЕСТВЕННАЯ НОРМА ПРОЦЕНТА.

Предмет этой главы, равно как вообще все явления кредита, о которых мы будем говорить впоследствии, не могут быть исследованы здесь в подробностях. Конкуренция между кредиторами и заемщиками и получающиеся, как ее результат, сравнительно кратковременные колебания денежного рынка выходят за пределы нашего рассмотрения. Изображение циклического движения, совершаемого нормой процента на протяжении промышленного цикла, предполагает предварительное изображение самого этого цикла, которое здесь тоже не может быть дано. То же самое относится и к большему или меньшему приблизительному уравнению ставки процента на всемирном рынке. Наша задача заключается здесь лишь в том, чтобы выяснить самостоятельную форму капитала, приносящего проценты, и обособление процента от прибыли.

Так как процент есть просто та часть прибыли, которую, согласно принятому нами до сих пор предположению, промышленный капиталист должен уплачивать денежному капиталисту, то максимальным пределом процента служит сама прибыль, причем часть, достоящаяся функционирующему капиталисту, была бы $= 0$. За исключением отдельных случаев, когда процент фактически может быть больше, чем прибыль, — но тогда он не может уплачиваться из прибыли, — можно было бы, пожалуй, считать максимальным пределом процента всю прибыль минус та ее часть, которая сводится к плате за надзор (*wages of superintendence*) и которую нам предстоит рассмотреть впоследствии. Минимальный предел процента совершенно не поддается определению. Он может упасть до какого угодно уровня. Но тогда на сцену снова и снова выступают противодействующие обстоятельства и поднимают его выше этого относительного минимума.

«Отношение между суммой, заплаченной за употребление капитала, и самим этим капиталом выражает норму процента, измерен-

ную в деньгах». — «Норма процента зависит 1) от нормы прибыли, 2) от того, в каком отношении распределяется вся прибыль между кредитором и заемщиком» («Economist», 22 января 1853 г.). «Так как выплачиваемое в виде процента за пользование тем, что берется в ссуду, есть часть прибыли, которую способно произвести взятое в ссуду, то этот процент должен постоянно регулироваться такой прибылью» (Massie, цит. произв., стр. 49).

Предположим сначала, что существует постоянное соотношение между всей прибылью и той ее частью, которая как процент должна быть уплачена денежному капиталисту. В таком случае ясно, что процент будет повышаться или понижаться вместе со всей прибылью, а последняя определяется общей нормой прибыли и ее колебаниями. Если бы, напр., средняя норма прибыли была $= 20\%$, а процент $= \frac{1}{4}$ прибыли, то ставка процента была бы $= 5\%$; если бы средняя норма прибыли была $= 16\%$, то процент был бы $= 4\%$. При норме прибыли в 20% процент мог бы подняться до 8% , и промышленный капиталист все же выручал бы ту же прибыль, как при норме прибыли $= 16\%$ и ставке процента $= 4\%$, а именно 12% . Если бы процент повысился только до 6 или 7% , то промышленный капиталист все же удерживал бы большую часть прибыли. Если бы процент равнялся постоянной части средней прибыли, то из этого следовало бы, что, чем выше общая норма прибыли, тем больше абсолютная разница между всей прибылью и процентом, тем больше, следовательно, та часть всей прибыли, которая достается функционирующему капиталисту, и наоборот. Предположим, что процент $= \frac{1}{5}$ средней прибыли. $\frac{1}{5}$ от 10 дает 2, разница между всей прибылью и процентом $= 8$; $\frac{1}{5}$ от 20 $= 4$, разница $= 20 - 4 = 16$; $\frac{1}{5}$ от 25 $= 5$, разница $= 25 - 5 = 20$; $\frac{1}{5}$ от 30 $= 6$, разница $= 30 - 6 = 24$; $\frac{1}{5}$ от 35 $= 7$, разница $= 35 - 7 = 28$. Различные нормы процента: 4, 5, 6, 7% все время служили бы здесь выражением только $\frac{1}{5}$, или 20% , всей прибыли. Итак, если нормы прибыли различны, то различные нормы процента могут служить выражением одной и той же дробной части всей прибыли, или выражать одну и ту же процентную долю всей прибыли. При таком постоянном отношении процента промышленная прибыль (разность между всей прибылью и процентом) была бы тем больше, чем выше общая норма прибыли, и обратно.

При прочих равных условиях, если предположить более или менее постоянное отношение между процентом и всей прибылью, функционирующий капиталист окажется в состоянии и согласится платить высокий или низкий процент в прямой зависимости от

уровня нормы прибыли ⁶¹. Мы уже видели, что высота нормы прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического производства; отсюда следует, что высокая или низкая ставка процента в стране находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития, если только различие ставки процента действительно выражает различие норм прибыли. Позже мы увидим, что нет никакой необходимости в том, чтобы всегда было так. В этом смысле можно сказать, что процент регулируется прибылью, точнее — общей нормой прибыли. И этот способ его регулирования распространяется даже на его средний уровень.

Во всяком случае среднюю норму прибыли следует рассматривать как конечный максимальный предел процента.

То обстоятельство, что процент следует ставить в соотношение со средней нормой прибыли, мы сейчас рассмотрим подробнее. Когда приходится делить целое данной величины, напр. прибыль, между двумя лицами, то, конечно, дело зависит прежде всего от величины того целого, которое подлежит разделу, а она, величина прибыли, определяется средней нормой прибыли. Предположим, что дана общая норма прибыли, следовательно величина прибыли на капитал данной величины, скажем, на 100; тогда изменения процента будут, очевидно, находиться в обратном отношении к изменениям той части прибыли, которая остается в руках функционирующего капиталиста, но работающего со взятым в ссуду капиталом. А обстоятельства, определяющие величину подлежащей распределению прибыли, — новой стоимости, созданной неоплаченным трудом, — весьма отличны от тех, которыми определяется ее распределение между двумя этими родами капиталистов, и часто действуют в совершенно противоположном направлении ⁶².

Если мы рассмотрим те циклы оборотов, в которых движется современная промышленность, — состояние покоя, возрастающее оживление, процветание, перепроизводство, крах, стагнация, состояние покоя и т. д., циклы, дальнейший анализ которых выходит за пределы нашего исследования, — то мы увидим, что низкий уровень

⁶¹ «Естественная норма процента управляется прибылью отдельного предприятия» (*Massie*, цит. произв., стр. 51).

⁶² В рукописи здесь находится следующая пометка: «Из хода этой главы выясняется, что будет все же лучше, прежде чем исследовать законы распределения прибыли, сначала изложить, каким образом количественное разделение становится качественным. Чтобы перейти к этому от предыдущей главы, не требуется ничего иного, как представить процент сначала в виде некоторой части прибыли, ближе не определяя этой части».

процента в большинстве случаев соответствует периодам процветания или сверхприбыли, повышение процента — переходу от процветания к сменяющему его повороту, а максимум процента, достигающий самых крайних ростовщических размеров, соответствует кризису⁶³. С лета 1843 г. наступило решительное процветание; ставка процента, еще весной 1842 г. достигавшая $4\frac{1}{2}\%$, весной и летом 1843 г. упала до 2% ⁶⁴, а в сентябре даже до $1\frac{1}{2}\%$ (Gilbart, I, стр. 166); впоследствии, во время кризиса 1847 г., она поднималась до 8% и выше.

Конечно, с другой стороны, низкий процент может совпасть с застоем, а умеренно повышающийся процент — с возрастающим оживлением.

Наибольшей высоты ставка процента достигает во время кризисов, когда, чего бы это ни стоило, приходится брать займы для производства платежей. В то же время, — так как повышению процента соответствует понижение цены ценных бумаг, — это дает людям со свободным денежным капиталом превосходный случай овладеть за бесценок такими процентными бумагами, которые при нормальном ходе дел должны снова достигнуть по меньшей мере своей средней цены, как только ставка процента снова понизится⁶⁵.

Но существует тенденция к понижению ставки процента, совершенно независимо от колебаний нормы прибыли. И главные причины тому двоякого рода:

I. «Если даже предположить, что капитал никогда не берется в ссуду иначе, как для производительного применения, то все же возможно, что ставка процента будет изменяться без какого бы то ни было изменения нормы валовой прибыли. Потому что по мере

⁶³ «В первый период, непосредственно после периода угнетения, денег достаточно, спекуляции нет; во второй период денег достаточно, и спекуляция процветает; в третий период спекуляция начинает ослабевать, и денег ищут; в четвертый период деньги редки, и наступает угнетение» (Gilbart: «A Practical on Banking», 5-е изд., London 1849, т. I, стр. 149).

⁶⁴ Так объясняет это «накоплением дополнительного капитала, необходимо сопровождающим недостаток выгодного применения его в прежние годы, освобождением денежных запасов и возрождением надежд на процветание торговли» («History of Prices from 1839 till 1847». London 1848, стр. 54).

⁶⁵ «Один банкир отказался дать своему старому клиенту ссуду под залог ценных бумаг стоимостью в 200 000 ф. ст. Когда этот клиент намеревался уже уйти и заявить о прекращении платежей, банкир сказал ему, что он может этого не делать при том условии, если продаст банкиру свои бумаги за 150 000 ф. ст.» («The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844 etc.», London 1869, стр. 80).

того, как известный народ прогрессирует в развитии богатства, возникает и все более растет класс людей, которые благодаря труду своих предков владеют фондами, достаточными для того, чтобы жить только на получаемые с них проценты. Есть много и таких лиц, которые, принимая активное участие в предприятии в своей молодости и зрелом возрасте, уходят из него, чтобы в старости спокойно жить на проценты с накопленных сумм. Обе эти категории обнаруживают тенденцию увеличиваться с возрастанием богатства страны, так как те, кто начинают уже с капиталом среднего размера, легче достигают независимого положения, чем те, кто начинают с маленьким капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение во вновь культивируемых и бедных странах. Каких поразительных размеров достигает класс рантье в Англии! В том же отношении, в каком растет класс рантье, растет и класс ссужающих капиталы, ибо оба суть одно и то же» (Ramsay: «Essay on the Distribution of Wealth» [Edinburgh 1836], стр. 201).

II. Давление на ставку процента должны также оказывать развитие системы кредита, постоянно возрастающая вместе с нею возможность для промышленников и купцов распоряжаться при посредстве банкиров всеми денежными сбережениями всех классов общества и прогрессирующая концентрация этих сбережений в таких размерах, при которых они могут действовать как денежный капитал. Подробнее об этом позже.

Относительно определения нормы процента Рамсей говорит, что она «зависит частью от нормы валовой прибыли, частью от отношения, в котором эта последняя делится на процент и доход предпринимателя (profits of enterprise). Отношение это зависит от конкуренции между ссужающими и заемщиками капитала; предполагаемая норма валовой прибыли оказывает влияние на эту конкуренцию, но не регулирует ее исключительно⁶⁶. Конкуренция не регулируется исключительно этим потому, что, с одной стороны, многие занимают без намерения производительно применить занятое, и, с другой стороны, потому, что величина всего ссужаемого капитала изменяется

⁶⁶ Так как ставка процента в общем определяется средней нормой прибыли, то очень часто с низкой ставкой процента могут быть связаны чрезвычайные спекулятивные махинации. Например, железнодорожные спекуляции летом 1844 г. Ставка процента Английского банка была повышена до 3% лишь 16 октября 1844 г.

с изменением богатства страны, независимо от какого бы то ни было изменения валовой прибыли» (Ramsay, там же, стр. 206, 207).

Чтобы найти среднюю норму процента, необходимо 1) высчитать среднюю ставку процента из ее изменений во время крупных промышленных циклов и 2) высчитать ставку процента в таких областях вложения, где капитал ссужается на сравнительно продолжительное время.

Средняя норма процента, господствующая в известной стране, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных норм, не может быть определена никаким законом. В этой области не существует какой-либо естественной нормы процента в том смысле, в каком экономисты говорят об естественной норме прибыли и естественной норме заработной платы. Уже Мэсси вполне правильно замечает по этому поводу (стр. 49): «Единственно, что способно внушить сомнение в данном случае, — это вопрос, какая часть этих прибылей должна по праву принадлежать заемщику и какая кредитору; и нет другого способа определить это, как обратиться к мнению заемщиков и ссужающих вообще, так как справедливым и несправедливым в этом отношении является лишь то, что признается таковым с общего согласия». Равенство спроса и предложения — причем средняя норма прибыли предполагается данной — здесь ровно ничего не значит. В тех случаях, когда вообще прибегают к этой формуле, она служит (и в таком случае это правильно и практически) формулой для нахождения основного правила, независимого от конкуренции и, напротив, определяющего ее (формулой для нахождения регулирующих пределов или предельных величин); она служит формулой для тех, кто захвачен практикой конкуренции в ее внешних проявлениях и возникающими отсюда представлениями; формулой, которая помогает им притти, хотя бы опять-таки к поверхностному, представлению о проявляющейся в конкуренции внутренней связи экономических отношений. Это — способ для того, чтобы от изменений, сопровождающих конкуренцию, притти к пределам этих изменений. Но он неприложим к средней ставке процента. Нет решительно никакого основания, почему средние условия конкуренции, равновесие между ссужающими и заемщиками, должны были бы давать для ссужающего ставку процента в 3, 4, 5% и т. д. на его капитал или же определенную часть, 20% или 50%, валовой прибыли. В тех случаях, когда здесь решающую роль играет конкуренция как таковая, определение само по себе является случайным, чисто эмпирическим, и только педанство или фантазерство может стремиться к тому, чтобы

представить эту случайность как нечто необходимое⁶⁷. В парламентских отчетах 1857 и 1858 гг. относительно законодательства о банках и торгового кризиса нет ничего забавнее бесконечной болтовни директоров Английского банка, лондонских банкиров, провинциальных банкиров и профессиональных теоретиков о «real rate produced» [«реально созданной норме»], причем они не идут дальше общих мест, вроде того, что: «Цена, уплачиваемая за капитал, который дается в ссуду, должна изменяться с изменением предложения этого капитала», или, что: «высокая норма процента и низкая норма прибыли не могут существовать рядом в течение продолжительного времени» и т. п. плоских мест⁶⁸. Привычка, узаконенная традиция, совершенно так же, как и сама конкуренция, влияет на определение средней ставки процента, поскольку она существует не только как среднее число, но и как фактическая величина. Уже во многих юридических тяжбах, при решении которых приходится иметь дело с исчислением процентов, приходится принимать среднюю ставку процента в качестве узаконенной. Но если поставить вопрос, почему границы средней ставки процента не могут быть выведены из общих законов, то ответом может служить просто сама природа процента.

⁶⁷ Так, напр., *G. Opdyke*: «A Treatise on Political Economy». New-York 1851, делает в высшей степени неудачную попытку объяснить всеобщность ставки процента в 5% действием вечных законов. Несравненно наивнее рассуждает Карл Арндт в «Die naturgemässe Volkswirthschaft gegenüber dem Monopolienegeist und dem Kommunismus etc.». Hanau 1845. Здесь можно прочесть следующее: «В естественном ходе производства товаров существует лишь одно явление, которое до известной степени как бы призвано регулировать ставку процента во вполне культивированных странах; это — отношение, в котором увеличиваются древесные массы европейских лесов вследствие ежегодного прироста. Этот прирост происходит совершенно независимо от их меновой стоимости» (комично, что деревья дают свой прирост независимо от своей меновой стоимости!) «в отношении 3—4 к 100. Согласно этому» (так как прирост деревьев совершенно независим от их меновой стоимости, тем более эта меновая стоимость может зависеть от их прироста) «нельзя было бы ожидать падения ниже того уровня, которого она» (ставка процента) «достигает в настоящее время в самых богатых странах» (стр. 124). — Это заслуживает названия: «ставка процента, вырастающая в лесу [«Waldursprüngliche Zinsfuss»]», а изобретатель его оказывает в том же произведении еще большую услугу «нашей науке» как «философ собачьего налога».

⁶⁸ Английский банк повышает и понижает норму своего дисконта, смотря по тому, приливает или отлиывает золото, хотя, конечно, им всегда принимается в соображение норма, господствующая на открытом рынке. «Причем игра на дисконт, предвосхищающая перемены банковской нормы, сделалась теперь одним из главных занятий крупных капиталистов денежного центра», — т. е. лондонского денежного рынка («The Theory of the Exchanges etc.», стр. 113).

Это — не что иное, как часть средней прибыли. Один и тот же капитал выступает в двояком определении: как ссужаемый капитал — в руках заимодавца, как промышленный или торговый капитал — в руках функционирующего капиталиста. Но функционирует он лишь один раз и сам производит прибыль лишь один раз. В самом процессе производства характер капитала, как капитала ссужаемого, не играет никакой роли. Как оба лица разделят между собою ту прибыль, на которую они имеют притязания, это само по себе такой же чисто эмпирический, относящийся к царству случайного факт, как процентное распределение общей прибыли какой-нибудь компании между различными пайщиками. При разделении на прибавочную стоимость и заработную плату, на котором существенно основывается определение нормы прибыли, определяющее влияние оказывают два совершенно различных элемента: рабочая сила и капитал; это — функции двух независимых переменных, которые взаимно ограничивают друг друга; и из их *качественного различия* происходит *количественное разделение* произведенной стоимости. Мы увидим позже, что то же самое происходит при делении прибавочной стоимости на ренту и прибыль. По отношению к проценту не происходит ничего подобного. Здесь *качественное различие*, наоборот, происходит, как мы сейчас увидим, из *чисто количественного разделения* одной и той же части прибавочной стоимости.

Из всего вышеизложенного следует, что нет никакой «естественной» нормы процента. Но если, с одной стороны, границы средней ставки процента, в противоположность общей норме прибыли, или границы средней нормы процента, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных норм процента, не могут быть установлены каким либо общим законом, — так как здесь дело идет лишь о разделении валовой прибыли под различными титулами между двумя владельцами капитала, — то, наоборот, ставка процента, как средняя, так и ее рыночная норма, в каждом конкретном случае выступает в качестве равномерной, определенной и осязательной величины совершенно иначе, чем это имеет место при общей норме прибыли⁶⁹.

Ставка процента относится к норме прибыли так же, как рыноч-

⁶⁹ «Цена товаров колеблется постоянно; все они предназначены для различного рода потребления; деньги же служат для всякой цели. Товары, даже одного и того же рода, различаются по качеству; наличные деньги обладают всегда одинаковой стоимостью или должны обладать таковою. Отсюда следует, что цена денег, обозначаемая словом «процент», обладает большим постоянством и равномерностью, чем цена всякого другого предмета» (J. Stuart: «Principles of Political Economy», франц. перев. 1789 г., IV, стр. 27).

ная цена товара к его стоимости. Поскольку ставка процента определяется нормой прибыли, она всегда определяется общей нормой прибыли, а не особыми нормами прибыли, которые могут господствовать в отдельных отраслях промышленности, и тем более не добавочной прибылью, которую отдельный капиталист может получить в какой-нибудь особой сфере предпринимательства⁷⁰. Поэтому общая норма прибыли в действительности проявляется как эмпирический, данный факт в средней норме процента, хотя последняя не представляет собою чистого или достаточно надежного выражения первой.

Правда, норма процента сама постоянно различна в зависимости от рода обеспечения, представляемого различными категориями заемщиков, и от продолжительности займа; но для каждой такой категории она однообразна во всякий данный момент. Следовательно, это различие не нарушает характера постоянства и единообразия ставки процента⁷¹.

Средняя ставка процента является в каждой стране для более

⁷⁰ «Тем не менее этот закон разделения прибылей не может быть применен к каждому заимодавцу и заемщику в отдельности, но он применим к заимодавцам и заемщикам вообще... исключительно крупные и исключительно низкие прибыли являются наградой или наказанием за искусство или недостаток понимания, до которых заимодавцу нет никакого дела, так как если он не страдает в одном случае, то не должен получать выгоды и в другом. Сказанное об отдельных личностях, занятых одним и тем же делом, приложимо и к различным родам дела. Если купцы и промышленники, занятые в какой-либо отрасли промышленности, получают при помощи взятого в ссуду капитала больше, чем обычную прибыль, которую производят другие купцы и промышленники в той же самой стране, то экстраординарная прибыль принадлежит им, хотя бы для получения ее требовалось лишь обычное искусство и понимание, а не принадлежит заимодавцам, ссудившим деньги... заимодавцы не ссудили бы своих денег какому-нибудь промышленному или торговому предприятию на более льготных условиях, чем обычные, поэтому они не должны получать больше этого, какова бы ни была прибыль, полученная при помощи их денег» (*Massie*, цит. произв., стр. 50, 51).

⁷¹ Банковая норма	5%
Рыночная норма дисконта на 60 дней	3 ⁵ / ₈ %
» » » » 3 мес.	3 ¹ / ₂ %
» » » » 6 мес.	3 ⁵ / ₁₆ %
Ссуды вексельным маклерам на день	1—2%
» » » на неделю	3%
Последняя за 2 недели норма маклера ценных бумаг.	4 ³ / ₄ —5%
Вклады до востребования (банки)	3 ¹ / ₂ %
» » » (дисконтные учреждения)	3—3 ¹ / ₄ %

Как велика может быть эта разница в течение одного и того же дня, покажут вышеприведенные нормы процента на лондонском денежном рынке 9 декабря 1889 г., взятые из статьи о Сити в «Daily News» от 10 декабря. Минимум равняется 1%, максимум 5%. {Ф. Э.}

или менее продолжительных периодов постоянной величиной, так как общая норма прибыли, несмотря на постоянное изменение отдельных норм прибыли, изменяется лишь в сравнительно продолжительные периоды времени, причем изменение в одной сфере уравнивается противоположным изменением в другой. И относительное постоянство общей нормы прибыли проявляется как раз в этом более или менее постоянном характере средней ставки процента (*average rate or common rate of interest*).

Что касается постоянно колеблющейся рыночной нормы процента, то для каждого момента она, подобно рыночной цене товаров, является определенной величиной, потому что на денежном рынке весь ссужаемый капитал постоянно противостоит функционирующему капиталу как единая масса, и, следовательно, отношение между предложением ссужаемого капитала, с одной стороны, и спросом на него, с другой, всякий раз определяет рыночный уровень процента. Это происходит в тем большей мере, чем более развитие и связанная с ним концентрация кредитного дела придают ссужаемому капиталу всеобщее общественный характер и сразу, одновременно выбрасывают его на денежный рынок. Напротив, общая норма прибыли всегда существует лишь как тенденция, как движение к уравнению отдельных норм прибыли. Конкуренция капиталистов, — которая как раз и является этим движением к уравнению, — заключается здесь в том, что она постепенно отвлекает капитал от тех сфер, в которых прибыль долгое время стоит ниже среднего уровня, и так же постепенно привлекает его к тем сферам, в которых она превышает средний уровень; или также в том, что дополнительный капитал мало-помалу в различных пропорциях распределяется между этими сферами. По отношению к этим различным сферам это постоянные колебания в притоке и отвлечении капитала, а отнюдь не одновременное действие всей массы капитала, как при определении ставки процента.

Мы видели, что капитал, приносящий проценты, хотя и является абсолютно отличной от товара категорией, становится товаром *suū generis* [особого рода], и потому процент становится его ценою, которая, подобно рыночной цене обычных товаров, каждый раз фиксируется спросом и предложением. Поэтому рыночная норма процента, хотя она постоянно колеблется, является в каждый данный момент настолько же определенной и единообразной, как рыночная цена товара в каждом конкретном случае. Денежные капиталисты предлагают этот товар, а функционирующие капиталисты покупают его, образуют спрос на него. При уравнении прибыли в общую норму прибыли такому явлению нет места. Если цены товаров в какой-

нибудь сфере стоят выше или ниже цены производства (причем остаются в стороне колебания, свойственные каждому роду коммерческой деятельности и стоящие в связи с различными фазами промышленного цикла), то уравнение совершается посредством расширения или сужения производства, т. е. посредством увеличения или уменьшения товарных масс, выбрасываемых на рынок промышленным капиталом, которые происходят благодаря приливу и отливу капитала в отдельных сферах производства. Достигаемое таким образом уравнение средних рыночных цен товаров в цены производства вносит корректив в отклонения отдельных норм прибыли от общей или средней нормы прибыли. Этот процесс никогда не носит и никогда не может носить такого характера, чтобы промышленный или торговый капитал *как таковой* являлся, подобно капиталу, приносящему проценты, товаром по отношению к покупателю. Поскольку этот процесс проявляется, он проявляется лишь в колебаниях и уравнении рыночных цен товаров по ценам производства, а не как непосредственное установление средней прибыли. На деле, общая норма прибыли определяется 1) прибавочной стоимостью, которую производит весь капитал, 2) отношением этой прибавочной стоимости к стоимости всего капитала и 3) конкуренцией, но лишь постольку, поскольку она есть движение, посредством которого капиталы, вложенные в отдельные сферы производства, стремятся извлечь из этой прибавочной стоимости одинаковые, по сравнению с их относительной величиной, дивиденды. Таким образом общая норма прибыли действительно определяется совершенно иными и более сложными причинами, чем рыночная норма процента, прямо и непосредственно определяемая отношением между спросом и предложением, и потому не является очевидным и непосредственно данным фактом, как ставка процента. Особые нормы прибыли в различных сферах производства сами более или менее неопределенны; но, поскольку они проявляются, проявляется не единообразие их, а различие. Общая же норма прибыли сама выступает лишь в качестве минимального предела прибыли, а не как эмпирическая, непосредственно воспринимаемая форма действительной нормы прибыли.

Отмечая это различие между нормой процента и нормой прибыли, мы еще оставляем в стороне следующие два обстоятельства, способствующие упрочению ставки процента: 1) что исторически уже до этого существовал капитал, приносящий проценты, и была налицо передаваемая по традиции общая ставка процента; 2) что всемирный рынок, независимо от условий производства данной страны, оказывает гораздо большее непосредственное влияние на

установление ставки процента, чем то влияние, которое он оказывает на норму прибыли.

Средняя прибыль выступает не как непосредственно данный факт, а как конечный результат уравнения противоположных колебаний, который можно установить лишь при помощи исследования. Иначе обстоит дело со ставкой процента. При своей общепризнанности, по крайней мере в пределах известной местности, ставка процента является ежедневно фиксируемым фактом, таким фактом, который даже служит промышленному и торговому капиталу в их операциях предпосылкой и специальной статьёй при калькуляции. Она становится общей способностью всякой денежной суммы, равной 100 ф. ст., принести 2, 3, 4, 5%. Метеорологические бюллетени не отмечают более точно высоту барометра и термометра, чем биржевые бюллетени — уровень ставки процента не для того или иного капитала, а для каждого находящегося на денежном рынке капитала, т. е. вообще для ссужаемого капитала.

На денежном рынке противостоят друг другу лишь работодатель и заемщик. Товар имеет одну и ту же форму — деньги. Здесь исчезли все особенные виды капитала, которыми он обладает в зависимости от своего приложения к особым сферам производства или обращения. Он существует здесь в лишенном различий, себе самому равном виде самостоятельной стоимости, в виде денег. Здесь уже нет более места конкуренции между различными сферами; все они свалены в одну кучу как заемщики денег, и капитал противостоит им всем тоже в такой форме, в которой он еще индифферентен к определенному роду и способу своего применения. Промышленный капитал только в движении и конкуренции между различными сферами проявляет себя как капитал, *по существу дела общий для всего класса*, здесь же он действительно во всем своем объеме выступает как общий для всего класса капитал в спросе и предложении капитала. С другой стороны, денежный капитал на денежном рынке действительно имеет такой вид, при котором он, как общий элемент, индифферентный к особому способу его применения, распределяется между различными сферами, среди класса капиталистов, смотря по потребностям производства каждой отдельной сферы. К тому же с развитием крупной промышленности денежный капитал, поскольку он появляется на рынке, все в большей мере представлен не отдельным капиталистом, собственником той или иной части находящегося на рынке капитала, а выступает как концентрированная, организованная масса, которая совершенно иначе, чем реальное производство, стоит под контролем банкиров, являющихся представителями общественного капи-

тала. Таким образом, поскольку дело касается формы спроса, ссужаемому капиталу противостоит класс в его целом; что же касается предложения, то он сам выступает en masse [во всей своей массе] как ссудный капитал.

Вот некоторые из тех причин, вследствие которых общая норма прибыли кажется расплывающимся миражем по сравнению с определенной ставкой процента, величина которой, правда, колеблется, но так как она колеблется равномерно для всех заемщиков, то всегда противостоит им как фиксированная данная величина. Подобно тому, как изменение стоимости денег не препятствует им иметь по отношению ко всем товарам одинаковую стоимость; подобно тому, как ежедневные колебания рыночных цен товаров не препятствуют тому, чтобы их ежедневно отмечали в бюллетенях, совершенно так же и со ставкой процента, которая с такой же регулярностью отмечается как «цена денег». Это потому, что здесь в качестве товара предлагается сам капитал в денежной форме; поэтому фиксация его цены есть фиксация его рыночной цены, как и в случае со всеми другими товарами; поэтому ставка процента всегда является общей ставкой процента, количественно определенной, как такое-то количество денег за такое-то количество денег. Напротив, норма прибыли даже в пределах одной и той же сферы, при одинаковых рыночных ценах товаров, может быть различна в зависимости от различия условий, в которых одни и те же товары производятся отдельными капиталами, потому что норма прибыли отдельного капитала определяется не рыночной ценой товара, а разницей между рыночной ценой и издержками производства. И эти различные нормы прибыли могут уравниваться сначала в пределах одной и той же сферы производства, а затем между различными сферами лишь посредством постоянных колебаний.

(Заметка для позднейшей разработки.) Особая форма кредита: Известно, что если деньги функционируют как средство платежа, а не как покупательное средство, то товар отчуждается, но его стоимость реализуется лишь впоследствии. Если платеж совершается уже после того, как товар снова продан, то эта продажа является не следствием купли, а, напротив, купля реализуется продажей. Или продажа становится средством купли.— Во-вторых: долговые обязательства, векселя и т. д. становятся для кредиторов средствами платежа.— В-третьих, компенсация долговых обязательств заменяет деньги.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД.

Процент, как мы это видели в двух предыдущих главах, появляется первоначально, есть первоначально и остается в действительности не чем иным, как той частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, поскольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплатить собственнику и заимодавцу этого капитала. Если капиталист применяет только собственный капитал, то такого деления прибыли не происходит; эта последняя всецело принадлежит ему. В самом деле, раз собственники капитала сами же применяют его в процессе воспроизводства, они не принимают участия в конкуренции, определяющей норму процента, и уже в этом сказывается, насколько категория процента, невозможная без определения ставки процента, чужда движению самого по себе промышленного капитала.

«Норма процента может быть определена как та пропорциональная сумма, которую довольствуется кредитор и которую согласен уплатить заемщик за пользование известной суммой денежного капитала в течение года или иного более продолжительного или более короткого периода... в тех случаях, когда собственник капитала действительно прилагает его к воспроизводству, он не принадлежит к числу тех капиталистов, отношением которых к числу заемщиков определяется норма процента» (Th. Tooke: «A History of Prices», London 1838, т. II, стр. 355). В самом деле, только разделение капиталистов на денежных капиталистов и промышленных капиталистов превращает часть прибыли в процент, вообще создает категорию процента, и только конкуренция между этими двумя видами капиталистов создает ставку процента.

Пока капитал функционирует в процессе воспроизводства, — даже при том предположении, что он принадлежит самому промышленному капиталисту, которому поэтому не приходится возвращать его кредитору, — до тех пор в распоряжении капиталиста как

частного лица находится не самый этот капитал, а лишь прибыль, которую он может расходовать как доход. Пока его капитал функционирует как капитал, он принадлежит процессу воспроизводства, закреплён в нём. Хотя промышленный капиталист и является его собственником, но эта собственность не даёт ему возможности, до тех пор, пока он пользуется капиталом как капиталом для эксплуатации труда, одновременно располагать им и ещё каким-нибудь способом. Совершенно так же обстоит дело и с денежным капиталистом. Пока его капитал находится в ссуде и потому функционирует как денежный капитал, он приносит ему проценты, часть прибыли, но основной суммой капиталист не может располагать. Это обнаруживается всякий раз, когда капиталист отдаёт свой капитал в ссуду, напр. на год или на несколько лет, и через известные сроки получает проценты, не получая обратно капитала. Но даже возвращение капитала несколько не меняет дела. Получая его обратно, капиталист всегда должен снова отдавать его в ссуду, если желает сохранить для себя его действие как капитала, в данном случае денежного капитала. Пока капитал находится в его руках, он не приносит процентов и не действует как капитал; а пока он приносит проценты и действует как капитал, он находится не в его руках. Отсюда возможность ссужать капитал на вечные времена. Поэтому совершенно неправильны следующие замечания Тука против Бэзенкета. Он цитирует Бэзенкета («*Metallic, Paper and Credit Currency*». London 1842, стр. 73): «Если бы ставка процента была понижена до 1%, то взятый в ссуду капитал был бы поставлен почти на одну линию (on a par) с собственным капиталом». Тут даёт здесь следующий комментарий: «Что капитал, взятый в ссуду из такого или даже меньшего процента, может хотя бы приблизительно стоять на одинаковой линии с собственным капиталом, — это настолько странное утверждение, что вряд ли оно заслуживало бы серьёзного внимания, если бы не исходило от столь умного и хорошо осведомленного по отдельным пунктам темы писателя. Неужели он упустил из виду или считал не имеющим большого значения то обстоятельство, что он предполагает такое условие, как обратная уплата?» (Th. Tooke: «*An Inquiry into the Currency Principle*», 2-е изд., London 1844, стр. 80). Если бы процент был = 0, то промышленный капиталист, взявший капитал в ссуду, оказался бы в одинаковом положении с капиталистом, работающим при помощи собственного капитала. Оба получали бы одинаковую среднюю прибыль, а капитал функционирует как капитал, взят ли он в ссуду или это собственный капитал, лишь постольку, поскольку он производит прибыль. То условие, что

капитал должен быть возвращен, ничего не изменило бы в этом. Чем больше ставка процента приближается к нулю, т. е., напр., понижается до 1%, тем больше капитал, взятый в ссуду, становится в одинаковое положение с собственным капиталом. До тех пор, пока денежный капитал должен существовать как денежный капитал, он все время должен снова и снова отдаваться в ссуду, и притом из существующего процента, скажем из 1%, и все время одному и тому же классу промышленных и торговых капиталистов. Пока последние функционируют как капиталисты, различие между тем, кто функционирует при помощи занятого капитала, и тем, кто функционирует с собственным капиталом, заключается лишь в том, что один должен уплачивать проценты, а другой — нет; один кладет себе в карман всю прибыль p , а другой $p-z$, прибыль минус процент; чем больше z приближается к нулю, тем больше $p-z$ приближается к p , и, следовательно, тем более оба капиталиста становятся в одинаковое положение. Один должен выплачивать капитал и снова занимать; а другой, раз его капитал должен функционировать, тоже постоянно должен вновь авансировать капитал для процесса производства и не может располагать им иначе, как только для этого процесса. Впрочем, остается еще одно само собою понятное различие, заключающееся в том, что один из этих капиталистов — собственник своего капитала, а другой — нет.

Теперь напрашивается вопрос: каким образом это чисто количественное разделение прибыли на чистую прибыль и процент переходит в качественное? Другими словами, каким образом капиталист, применяющий лишь свой собственный, а не взятый в ссуду капитал, тоже относит часть своей валовой прибыли в особую категорию процента и особо исчисляет его как таковой? И, далее, каким образом в связи с этим всякий капитал, — взятый ли в ссуду или нет, — как капитал, приносящий проценты, отличается от себя самого как приносящего чистую прибыль?

Известно, что не всякое случайное количественное разделение прибыли такого рода превращается в качественное. Например, несколько промышленных капиталистов ассоциировались для ведения предприятия и затем распределяют между собою прибыль согласно юридически закрепленному договору. Другие ведут свое предприятие каждый сам за себя, без компаньонов. Эти последние не исчисляют своей прибыли по двум категориям, одну часть как личную прибыль, другую как товарищескую прибыль, предназначенную для несуществующих компаньонов. Следовательно, в этом случае количественное деление не превращается в качественное.

Деление происходит, когда собственник случайно состоит из нескольких юридических лиц; оно не имеет места, когда этого нет.

Чтобы дать ответ на вопрос, нам придется несколько долее остановиться на действительном исходном пункте образования процента; т. е. необходимо исходить из предположения, что денежный капиталист и производительный капиталист действительно противостоят друг другу не только как юридически отличные друг от друга лица, но и как лица, играющие совершенно различные роли в процессе воспроизводства, или как лица, в руках которых один и тот же капитал действительно совершает двоякое и совершенно различное движение. Один лишь отдает капитал в ссуду, другой производительно его применяет.

Для производительного капиталиста, работающего при помощи взятого в ссуду капитала, валовая прибыль распадается на две части: процент, который он должен заплатить заимодавцу, и излишек сверх процента, составляющий его собственную долю в прибыли. Если общая норма прибыли дана, то эта последняя часть определяется ставкой процента; если дана ставка процента, то эта часть определяется общей нормой прибыли. И далее: как бы валовая прибыль, действительная величина стоимости всей прибыли, ни отклонялась в каждом конкретном случае от средней прибыли, та ее часть, которая принадлежит функционирующему капиталисту, определяется процентом, так как этот последний фиксируется общей ставкой процента (если оставить в стороне случаи особых юридических договоров) и предполагается как величина данная, прежде чем начнется процесс производства, т. е. прежде чем будет получен его результат, валовая прибыль. Мы видели, что действительный специфический продукт капитала — прибавочная стоимость, будучи определен ближе, есть прибыль. Но для капиталиста, работающего при помощи взятого в ссуду капитала, этот продукт не прибыль, а прибыль минус процент, т. е. часть прибыли, остающаяся у него по уплате процента. Таким образом эта часть прибыли необходимо представляется ему продуктом капитала, поскольку этот капитал функционирует; по отношению к нему так оно и есть в действительности, потому что он — представитель капитала лишь как функционирующего капитала. Он — персонификация капитала, поскольку капитал функционирует, а функционирует он постольку, поскольку вложен в промышленность или в торговлю таким образом, что приносит прибыль, и поскольку применяющий его капиталист предпринимает с ним те операции, которых требует данная отрасль предпринимательства. В противоположность проценту, который он должен выплачивать

из валовой прибыли кредитору, приходящаяся на его долю оставшаяся часть прибыли необходимо принимает, таким образом, форму промышленной, *gesp.* [соответств.] торговой, прибыли, или, употребляя выражение, охватывающее и ту и другую, принимает форму предпринимательского дохода. Если валовая прибыль равна средней прибыли, то величина этого предпринимательского дохода будет определяться исключительно ставкой процента. Если валовая прибыль отклоняется от средней прибыли, то разность между нею и среднюю прибыль (за вычетом из той и другой процента) определяется всеми конъюнктурами, обуславливающими временное отклонение, — или отклонение нормы прибыли в отдельной сфере производства от общей нормы прибыли, или же отклонение той прибыли, которую получает отдельный капиталист в определенной сфере, от средней прибыли этой особой сферы. Но мы видели, что норма прибыли в самом процессе производства зависит не только от прибавочной стоимости, но и от многих других обстоятельств: от покупной цены средств производства, от методов производства, более производительных, чем средние, от экономии постоянного капитала и т. д. И если оставить в стороне цену производства, то от особых конъюнктур, а в каждой конкретной предпринимательской сделке от большей или меньшей ловкости и предприимчивости капиталиста, зависит, покупает ли и продает ли он и в какой мере выше или ниже цены производства и таким образом присваивает ли в процессе обращения большую или меньшую часть совокупной прибавочной стоимости. Но во всяком случае количественное деление валовой прибыли превращается здесь в качественное, тем более, что само количественное деление зависит от того, *что* подлежит делению, *как* хозяйничает активный капиталист при помощи капитала и какую валовую прибыль ему приносит он как функционирующий капитал, т. е. вследствие функций капиталиста как активного капиталиста. Функционирующий капиталист предполагается здесь не собственником капитала. Собственность на капитал представлена по отношению к нему кредитором, денежным капиталистом. Таким образом процент, который функционирующий капиталист уплачивает ему, является частью валовой прибыли, приходящейся на долю собственности на капитал, на долю этой собственности как таковой. В противоположность этому часть прибыли, приходящаяся на долю активного капиталиста, представляется теперь в виде предпринимательского дохода, вытекающего исключительно из операций или функций, которые он совершает в процессе воспроизводства при помощи капитала, следовательно специально тех функций, которые выполняет

он как предприниматель в промышленности или торговле. Следовательно, по отношению к нему процент представляется просто плодом собственности на капитал, плодом капитала самого по себе, абстрагированного от процесса воспроизводства капитала, плодом капитала, поскольку он «не работает», не функционирует; между тем предпринимательский доход представляется ему исключительно плодом тех функций, которые он совершает с капиталом, плодом движения капитала, результатом того, что капитал находится в состоянии процесса, состоянии процесса, которое представляется ему теперь как собственная деятельность в противоположность бездеятельности, неучастию денежного капиталиста в процессе производства. Это качественное разграничение двух частей валовой прибыли, заключающееся в том, что процент есть плод капитала самого по себе, плод собственности на капитал, независимо от процесса производства, а предпринимательский доход — плод капитала, совершающего процесс, действующего в процессе производства, а потому плод той активной роли, которую лицо, применяющее капитал, играет в процессе воспроизводства, — это качественное разграничение отнюдь не является лишь субъективным представлением денежного капиталиста в одном случае, промышленного капиталиста в другом. Оно основывается на объективном факте, потому что процент притекает к денежному капиталисту, заимодавцу, являющемуся просто собственником капитала, т. е. просто представителем собственности на капитал до процесса производства и вне процесса производства; предпринимательский же доход притекает только к функционирующему капиталисту, не-собственнику капитала.

Как для промышленного капиталиста, поскольку он работает со взятым в ссуду капиталом, так и для денежного капиталиста, поскольку он не сам применяет свой капитал, чисто количественное деление валовой прибыли между двумя различными лицами, имеющими различные юридические титулы на один и тот же капитал, а потому и на произведенную им прибыль, превращается в качественное деление. Одна часть прибыли представляется теперь плодом, который сам по себе причитается капиталу в *одном* определении последнего, в виде процента; другая часть представляется специфическим плодом капитала в другом, противоположном определении, и потому представляется предпринимательским доходом; одна представляется исключительно продуктом собственности на капитал, другая — продуктом исключительно функционирования с этим капиталом, продуктом капитала, совершающего процесс, или продуктом тех функций, которые выполняет активный капиталист. И эта

кристаллизация и взаимное обособление обеих частей валовой прибыли, как если бы они происходили из двух существенно различных источников, должны теперь установиться для всего класса капиталистов и для всего капитала. При этом безразлично, получен ли капитал, применяемый активным капиталистом, в ссуду или нет, применяется ли капитал, принадлежащий денежному капиталисту, им самим или нет. Прибыль от всякого капитала, а следовательно и средняя прибыль, основывающаяся на уравнении капиталов между собою, распадается или может быть разложена на две качественно различные, взаимно самостоятельные и независимые друг от друга части, процент и предпринимательский доход, из которых каждая определяется особыми законами. Капиталист, работающий с собственным капиталом, точно так же, как тот, который работает с капиталом, взятым в ссуду, делит свою валовую прибыль на процент, который полагается ему как собственнику, как заимодавцу, ссудившему свой собственный капитал самому себе, и на предпринимательский доход, причитающийся ему как активному, функционирующему капиталисту. Таким образом для этого деления, как качественного, не имеет значения, должен ли капиталист действительно поделиться с другим капиталистом или нет. Лицо, применяющее капитал, хотя бы оно работало с собственным капиталом, распадается на два лица: простого собственника капитала и лицо, применяющее капитал; сам его капитал по отношению к приносимым им категориям прибыли распадается на капитал-*собственность*, капитал *вне* процесса производства, сам по себе приносящий процент, с одной стороны, и, с другой стороны, на капитал в процессе производства, который, как совершающий процесс капитал, приносит предпринимательский доход.

Итак, процент закрепляется таким образом, что выступает теперь не как безразличное для производства деление валовой прибыли, имеющее место лишь при случае, именно тогда, когда промышленник работает при помощи чужого капитала. Даже когда он работает с собственным капиталом, его прибыль распадается на процент и предпринимательский доход. Вместе с тем чисто количественное деление становится качественным; оно имеет место независимо от того случайного обстоятельства, является ли промышленник собственником своего капитала или нет. Это не только части прибыли, распределяемые между разными лицами, но две различные категории прибыли, которые стоят в различном отношении к капиталу, следовательно стоят в отношении к различным определенным формам капитала.

Теперь очень ясными становятся причины, благодаря которым это деление валовой прибыли на процент и предпринимательский доход, раз оно сделалось качественным, сохраняет этот характер качественного деления для всего капитала и для всего класса капиталистов.

Во-первых: это вытекает уже из того простого эмпирического обстоятельства, что большинство промышленных капиталистов, хотя и в различных числовых отношениях, работает при помощи как собственного, так и взятого в ссуду капитала и что отношение между собственным и взятым в ссуду капиталом в различные периоды изменяется.

Во-вторых: превращение одной части валовой прибыли в форму процента превращает другую ее часть в предпринимательский доход. В самом деле, этот последний есть лишь та противоположная форма, которую принимает излишек валовой прибыли над процентом, когда процент существует как особая категория. Все исследование вопроса, каким образом валовая прибыль дифференцируется на процент и предпринимательский доход, сводится просто к исследованию того, каким образом часть валовой прибыли вообще кристаллизуется и приобретает самостоятельное существование в виде процента. Но капитал, приносящий проценты, исторически существует как готовая, старинная форма, а потому и процент как готовая подформа прибавочной стоимости, произведенной капиталом, существует уже задолго до того, как появляются капиталистический способ производства и соответствующие ему представления о капитале и прибыли. Поэтому и до сих пор денежный капитал, капитал, приносящий проценты, все еще остается в народном представлении капиталом вообще, капиталом *par excellence*. Отсюда же, с другой стороны, и то господствовавшее до времени Мэсси представление, будто процентом оплачиваются деньги как таковые. То обстоятельство, что данный в ссуду капитал приносит процент независимо от того, применяется ли он в действительности как капитал или нет, — приносит и в том случае, если он взят в ссуду в целях потребления, — укрепляет представление о самостоятельности этой формы капитала. Лучшее подтверждение той самостоятельности, с какой в первые периоды капиталистического способа производства процент выступает по отношению к прибыли, а приносящий проценты капитал — по отношению к промышленному капиталу, заключается в том, что лишь в половине XVIII века был открыт (Мэсси, а затем Юмом) тот факт, что процент есть просто часть валовой прибыли, и что вообще приходилось делать такое открытие.

В-третьих: работает ли промышленный капиталист с собственным или со взятым в ссуду капиталом, это ничего не изменяет в том обстоятельстве, что ему противостоит класс денежных капиталистов как особый вид капиталистов, денежный капитал как самостоятельный вид капитала, и процент как соответствующая этому особому капиталу самостоятельная форма прибавочной стоимости.

Качественно процент есть прибавочная стоимость, которую доставляет просто собственность на капитал, которую капитал приносит сам по себе, хотя его собственник остается вне процесса воспроизводства, следовательно которую капитал дает обособленно от своего процесса.

Количественно часть прибыли, образующая процент, представляется так, как будто она связана не с промышленным и торговым капиталом как таковым, а с денежным капиталом, и норма этой части прибавочной стоимости, норма процента, или ставка процента, закрепляет такое отношение. Потому что, во-первых, ставка процента — несмотря на свою зависимость от общей нормы прибыли — определяется самостоятельно, и, во-вторых, подобно рыночной цене товаров, она, в противоположность неуловимой норме прибыли, выступает как устойчивое, при всех переменах единообразное, очевидное и всегда данное отношение. Если бы весь капитал находился в руках промышленных капиталистов, то не существовало бы ни процента, ни ставки процента. Самостоятельной формой, которую принимает количественное деление валовой прибыли, порождается качественное деление. Если сравнить промышленного капиталиста с денежным капиталистом, то первого отличает от второго лишь предпринимательский доход как излишек валовой прибыли над средним процентом, который выступает благодаря ставке процента в качестве эмпирически данной величины. Если же, с другой стороны, сравнить его с промышленным капиталистом, который хозяйствует при помощи собственного, а не взятого в ссуду капитала, то этот последний капиталист отличается от него лишь как денежный капиталист, так как он кладет процент в свой карман вместо того, чтобы его выплачивать. В обоих случаях часть валовой прибыли, отличающаяся от процента, представляется ему предпринимательским доходом, а самый процент — прибавочной стоимостью, которую капитал дает сам по себе и которую он поэтому стал бы давать и без производительного применения.

По отношению к отдельному капиталисту это практически верно. От его усмотрения зависит, отдать ли свой капитал в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, или самостоятельно

увеличивать его стоимость, применяя в качестве производительного капитала, причем безразлично, существует ли данный капитал уже в своей исходной точке как денежный капитал или же его еще приходится превратить в денежный капитал. Но в общем масштабе, т. е. в применении ко всему общественному капиталу, — как то делают некоторые вульгарные экономисты, причем выдают это даже за основание прибыли, — это, конечно, нелепо. Превращение всего капитала в денежный капитал без людей, покупающих и использующих для увеличения стоимости средства производства, в форме которых существует весь капитал, за исключением относительно небольшой его части, существующей в виде денег, конечно представляет собою бессмыслицу. Еще большей несообразностью является предполагать, что на основе капиталистического способа производства капитал приносил бы процент, не функционируя как производительный капитал, т. е. не создавая прибавочной стоимости, лишь часть которой представляет процент; что капиталистический способ производства мог бы совершать свой путь без капиталистического производства. Если бы непомерно крупная часть капиталистов захотела превратить свой капитал в денежный капитал, то следствием этого было бы чудовищное обесценение денежного капитала и чудовищное падение ставки процента; многие немедленно оказались бы не в состоянии жить на свои проценты и таким образом были бы вынуждены снова превратиться в промышленных капиталистов. Но, как уже сказано, для отдельного капиталиста это — факт. Поэтому, даже хозяйствуя с собственным капиталом, он необходимо рассматривает ту часть своей средней прибыли, которая равна среднему проценту, как продукт своего капитала как такового, получающийся независимо от процесса производства; и в противоположность этой части, обособившейся в виде процента, он рассматривает излишек валовой прибыли над процентом просто как предпринимательский доход.

В-четвертых: {Пробел в рукописи}.

Итак, оказалось, что та часть прибыли, которую функционирующий капиталист должен уплачивать простому собственнику взятого в ссуду капитала, превращается в самостоятельную форму той части прибыли, которую приносит под названием процента всякий капитал как таковой, взят ли он в ссуду или нет. Величина этой части зависит от высоты средней ставки процента. На происхождение ее теперь указывает лишь то, что функционирующий капиталист, поскольку он является собственником своего капитала, не конкурирует — по крайней мере активно — в определении ставки процента. Чисто количественное деление прибыли между двумя лицами,

имеющими различные юридические титулы на нее, превратилось в качественное деление, которое кажется вытекающим из самой природы капитала и прибыли. Потому что, как мы видели, когда часть прибыли вообще принимает форму процента, разность между средней прибылью и процентом, или излишек прибыли над процентом, превращается в противоположную проценту форму, в форму предпринимательского дохода. Эти две формы, процент и предпринимательский доход, существуют лишь в своей противоположности. Следовательно, обе они находятся в известном соотношении не с прибавочной стоимостью, по отношению к которой они суть лишь части, фиксированные по различным категориям, рубрикам и названиям, а в соотношении одна с другой. Так как одна часть прибыли превращается в процент, то другая выступает в виде предпринимательского дохода.

Под прибылью мы постоянно разумеем здесь среднюю прибыль, так как здесь для нас совершенно безразличны отклонения как индивидуальной прибыли, так и прибыли в различных сферах производства, т. е. те или иные изменения в распределении средней прибыли, или прибавочной стоимости, связанные с конкурентной борьбой и другими обстоятельствами. Это относится вообще ко всему настоящему исследованию.

Итак, процент, как определяет его Рамсей, есть чистая прибыль, которую приносит собственность на капитал как таковая, тому ли, кто является только кредитором, остающимся вне процесса воспроизводства, или собственнику, который сам производительно применяет свой капитал. Но и последнему капитал приносит эту чистую прибыль не как функционирующему капиталисту, а как денежному капиталисту, ссудившему свой собственный капитал как капитал, приносящий проценты, себе самому как функционирующему капиталисту. Подобно тому, как превращение денег и вообще стоимости в капитал есть постоянный результат капиталистического процесса производства, так их существование в качестве капитала есть постоянное предварительное условие капиталистического процесса производства. Благодаря своей способности превращаться в средства производства они постоянно командуют неоплаченным трудом и потому превращают процесс производства и обращения товаров в производство прибавочной стоимости для своего владельца. Следовательно, процент есть лишь выражение того, что стоимость вообще, — овеществленный труд в его всеобщей общественной форме, — что стоимость, принимающая в действительном процессе производства вид средств производства, противостоит живой рабочей силе как

самостоятельная власть и является средством присваивать неоплаченный труд; и что такой властью она является благодаря тому, что противостоит рабочему как чужая собственность. Но, с другой стороны, в форме процента эта противоположность наемному труду изглаживается, потому что приносящий проценты капитал как таковой находит свою противоположность не в наемном труде, а в функционирующем капитале; капиталист-кредитор как таковой прямо противостоит действительно функционирующему в процессе воспроизводства капиталисту, а не наемному рабочему, у которого именно на основе капиталистического производства экспропрированы средства производства. Приносящий проценты капитал — это капитал *как собственность* в противоположность капиталу *как функции*. Но, пока капитал не функционирует, он не эксплуатирует рабочих и не вступает в антагонизм с трудом.

С другой стороны, предпринимательский доход составляет противоположность не наемному труду, а лишь проценту.

Во-первых: если предположить среднюю прибыль как величину, наперед данную, то норма предпринимательского дохода определяется не заработной платой, а ставкой процента. Она будет выше или ниже в обратном отношении к ставке процента⁷².

Во-вторых: свое притязание на предпринимательский доход, а следовательно и самый этот доход, функционирующий капиталист выводит не из своей собственности на капитал, а из функции капитала в противоположность той его определенной форме, когда он существует как бездеятельная собственность. Это проявляется как непосредственно существующая противоположность в тех случаях, когда он оперирует взятым в ссуду капиталом, так что процент и предпринимательский доход достаются двум разным лицам. Предпринимательская прибыль возникает из функции капитала в процессе воспроизводства, т. е. вследствие операций, деятельности, которыми функционирующий капиталист обслуживает эти функции промышленного и торгового капитала. Но быть представителем функционирующего капитала — это не синекура, подобная представительству капитала, приносящего проценты. На основе капиталистического производства капиталист управляет как процессом производства, так и процессом обращения. Эксплоатация производительного труда стоит усилий, кто бы ею ни занимался: сам ли капиталист или

⁷² «Прибыль предприятия зависит от чистой прибыли капитала, а не последняя от первой» (*Ramsay: «Essay on the Distribution of Wealth», стр. 214.* Чистая прибыль у Рамсея всегда = проценту).

другие от его имени. Предпринимательский доход в противоположность проценту представляется ему, таким образом, чем-то независимым от собственности на капитал, скорее результатом его функций как не-собственника, как — *рабочего*.

Поэтому в его голове необходимо возникает представление, что его предпринимательский доход не только не находится в какой-либо противоположности наемному труду, не только не является просто неоплаченным чужим трудом, а, напротив, сам есть не что иное, как *заработная плата*, плата за надзор, *wages of superintendence of labour*, более высокая плата, чем для обыкновенного наемного рабочего, 1) потому что это более сложный труд, 2) потому что он сам выплачивает себе заработную плату. Что функция его как капиталиста состоит в том, чтобы производить прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд, да еще на самых экономных условиях, — это обстоятельство совершенно заслоняется для сознания той противоположностью, что процент достается капиталисту, хотя бы он и не выполнял никакой функции как капиталист, а был лишь собственником капитала, и что, напротив, предпринимательский доход достается функционирующему капиталисту, хотя бы он не был собственником капитала, с которым функционирует. За противоположными формами обеих частей, на которые распадается прибыль, т. е. прибавочная стоимость, забывается, что обе они являются просто частями прибавочной стоимости и что деление ее ничего не может изменить ни в ее природе, ни в ее происхождении и условиях ее существования.

В процессе воспроизводства функционирующий капиталист выступает по отношению к наемным рабочим представителем капитала как чужой собственности, и денежный капиталист, будучи представлен функционирующим капиталистом, принимает участие в эксплуатации труда. То обстоятельство, что только как представитель средств производства по отношению к рабочим активный капиталист может выполнять свою функцию, может заставить рабочих работать на себя или заставить средства производства функционировать в качестве капитала, — это обстоятельство забывается благодаря противоположности между функцией капитала в процессе воспроизводства и простой собственностью на капитал вне процесса воспроизводства.

В самом деле, та форма, которую обе части прибыли, т. е. прибавочной стоимости, принимают как процент и предпринимательский доход, не выражает отношения к труду, потому что это отношение существует лишь между ним и прибылью, или, точнее, прибавочной

стоимостью как суммой, как целым, как единством обеих этих частей. Отношение, в котором делится прибыль, и различные юридические титулы, на основе которых производится это деление, предполагают прибыль уже готовую, предполагают, что она уже существует. Поэтому, если капиталист — собственник капитала, с которым он функционирует, то он кладет себе в карман всю прибыль, или прибавочную стоимость; для рабочего совершенно безразлично, берет ли капиталист всю прибыль себе или должен выплачивать часть ее третьему лицу как юридическому собственнику. Таким образом основы деления прибыли между двумя видами капиталистов превращаются под рукою в основы существования подлежащей делению прибыли, прибавочной стоимости, которую, независимо от какого бы то ни было позднейшего деления, капитал как таковой извлекает из процесса воспроизводства. Из того, что процент противостоит предпринимательскому доходу, а предпринимательский доход — проценту, что они оба противостоят друг другу, а не труду, следует, что предпринимательский доход плюс процент, т. е. прибыль, т. е. в конце концов прибавочная стоимость, основываются — на чем? На том, что обе ее части имеют противоположные формы! Но прибыль производится, прежде чем будет произведено это деление, прежде чем о нем может быть речь.

Капитал, приносящий проценты, продолжает оставаться капиталом лишь постольку, поскольку данные в ссуду деньги действительно превращаются в капитал и поскольку производится излишек, часть которого есть процент. Но это не исключает того, что с ним независимо от процесса производства срастается свойство приносить проценты. Ведь рабочая сила также обнаруживает свою способность производить стоимость лишь тогда, когда она действует и реализуется в процессе труда; но это не исключает того, что она сама по себе, потенциально, как способность, есть деятельность, которой создается стоимость, и как таковая она не возникает лишь из процесса, а, напротив, служит предварительным условием процесса. Она покупается как способность создавать стоимость. Но ее можно купить и не для того, чтобы заставить производительно работать, напр., для чисто личных целей, для услужения и т. д. Так и с капиталом. Это уже дело заемщика, использовать ли капитал как капитал, т. е. фактически привести в действие связанное с ним свойство производить прибавочную стоимость. Оплачивает он в обоих случаях прибавочную стоимость, которая сама по себе, в возможности, заключается в товаре капитал.

Остановимся теперь подробнее на предпринимательском доходе.

Тем самым, что фиксируется момент специфической общественной определенности капитала при капиталистическом способе производства — собственность на капитал, обладающая свойством командовать трудом других, — и процент выступает поэтому как часть прибавочной стоимости, которую в данной связи производит капитал, тем самым другая часть прибавочной стоимости — предпринимательский доход — необходимо представляется в таком виде, как будто она возникает не из капитала как капитала, а из процесса производства, независимо от его специфической общественной определенности, которая в выражении процента на капитал ведь уже приобрела свой особый способ существования. Но процесс производства, обособленный от капитала, есть процесс труда вообще. Промышленный капиталист в отличие от собственника капитала выступает поэтому не как функционирующий капитал, а как лицо, функционирующее даже помимо капитала, как простой носитель процесса труда вообще, как рабочий и притом наемный рабочий.

Процент сам по себе выражает именно существование условий труда как капитала в их общественной противоположности труду и в их претворении в личную власть по отношению к труду и над трудом. Самое по себе собственность на капитал он выражает как средство присваивать продукты чужого труда. Но эта характерная особенность капитала представлена в проценте как нечто такое, что принадлежит капиталу помимо процесса производства и что отнюдь не является результатом специфически капиталистической определенности самого этого процесса производства. В проценте эта характерная особенность капитала представлена не в прямой противоположности труду, а, наоборот, вне отношения к труду, только как отношение одного капиталиста к другому. То-есть представлена как определение, чисто внешнее и безразличное для отношения капитала к самому труду. Таким образом в проценте, в этом особом виде прибыли, в котором антагонистический характер капитала приобретает самостоятельное выражение, он выражен так, что этот антагонизм здесь совершенно изглаживается и происходит полное абстрагирование от него. Процент есть отношение между двумя капиталистами, а не между капиталистом и рабочим.

С другой стороны, эта форма процента придает другой части прибыли качественную форму предпринимательского дохода, далее — форму платы за надзор. Особые функции, которые приходится исполнять капиталисту как таковому и которые выпадают на его долю как раз в отличие от рабочих и в противоположность рабочим,

представляются как чисто трудовые функции. Он создает прибавочную стоимость не потому, что работает *как капиталист*, а потому, что, несмотря на свое качество капиталиста, он тем не менее *тоже* работает. Поэтому эта часть прибавочной стоимости уже не есть прибавочная стоимость, а ее противоположность — эквивалент выполненного труда. Так как отчужденность капитала, его противоположность труду переносятся по ту сторону действительного процесса эксплуатации, а именно переносятся на капитал, приносящий проценты, то самый этот процесс эксплуатации представляется простым процессом труда, в котором функционирующий капиталист выполняет лишь иную работу, чем рабочий. Таким образом труд по эксплуатации и эксплуатируемый труд оба тождественны как труд. Труд по эксплуатации точно так же есть труд, как и тот труд, который подвергается эксплуатации. Процент становится общественной формой капитала, но выраженной в нейтральной и индифферентной форме; предпринимательский доход становится экономической функцией капитала, но отвлеченной от определенного капиталистического характера этой функции.

При этом в сознании капиталиста происходит совершенно то же, что с упомянутыми во II отделе этой книги основаниями для компенсации при уравнении прибыли в среднюю прибыль. Эти основания для компенсации, которые определяющим образом влияют на распределение прибавочной стоимости, превращаются благодаря капиталистическому способу представления в причины возникновения и (субъективные) основания для оправдания прибыли.

Представление о предпринимательском доходе как о вознаграждении за труд надзора, возникающее из противоположности, существующей между предпринимательским доходом и процентом, находит дальнейшую точку опоры в том, что часть прибыли в самом деле может быть обособлена и действительно обособляется как заработная плата, или, точнее, наоборот: что часть заработной платы на основе капиталистического способа производства представляется интегральной составной частью прибыли. Эта часть, как правильно открыл уже А. Смит, выступает в чистом виде, самостоятельно и совершенно обособленно, с одной стороны, от прибыли (как суммы процента и предпринимательского дохода), с другой стороны — от той части прибыли, которая остается за вычетом процента как так называемый предпринимательский доход, — выступает в форме содержания управляющего в таких видах предприятий, размер и т. д. которых допускают настолько достаточное разделение труда, что можно установить особую заработную плату для управляющего.

Труд верховного надзора и руководства необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не является разъединенным трудом самостоятельных производителей ⁷³. Но природа его — двойного рода.

С одной стороны, во всех работах, в которых сотрудничают многие индивидуумы, общая связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижером оркестра. Это — производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства.

С другой стороны, если совершенно оставить в стороне купеческий отдел, этот труд главного надзора необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства ⁷⁴. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд верховного надзора и всестороннего вмешательства правительства охватывает обе стороны: и исполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и массой народа.

У античных писателей, непосредственно наблюдавших систему рабства, обе стороны труда по надзору были неразрывно соединены в теории, как это имело место и на практике, — совершенно так же, как у современных экономистов, которые считают капиталистический способ производства абсолютным способом производства. С другой стороны, как я сейчас покажу на одном примере, апологеты современной системы рабства совершенно так же умеют

⁷³ «Всякая надобность в надзоре здесь» (у крестьянина-землевладельца) «совершенно устранена» (*J. E. Cairnes: «The Slave Power». London 1862, стр. 48*).

⁷⁴ «Если свойства работы требуют распределения рабочих» (именно рабов) «на большом пространстве, то число надсмотрщиков, а потому и расход на вознаграждение труда, вызываемого этим надзором, должны соответственно возрасти» (*Cairnes, там же, стр. 44*).

использовать труд по надзору в качестве основания для оправдания рабства, как другие экономисты — для оправдания системы наемного труда.

Villicus во времена Катона: «Во главе рабовладельческого имения (familia rustica) стоял управитель (villicus от villa), который принимал и выдавал, покупал и продавал, получал от владельца инструкции и в его отсутствие распоряжался и наказывал... Управитель, конечно, пользовался большей свободой, чем остальные рабы; в книгах Магона дается совет разрешать ему вступать в брак, производить на свет детей и иметь свои собственные наличные деньги, а Катон советует женить его на управительнице; он один мог надеяться в случае благонравного поведения получить волю от своего господина. Что касается остальных рабов, то все они составляли одну дворню... Всякий раб, а также и сам управитель, получал свое содержание от хозяина в определенные сроки и в строго установленном размере, причем ему предоставлялось уже самому сводить концы с концами... Количество припасов соразмерялось с работой; поэтому, напр., управитель, выполнявший более легкий труд, чем простые рабы, получал и менее припасов» (Mommsen: «Römische Geschichte», 2-е изд., 1856, т. I, стр. 809—810). [Ср. Моммзен: «История Рима», Соцэкгиз, 1936 г., т. I, стр. 786—787.]

Аристотель:

«Ὁ γὰρ δεσπότης οὐκ ἐν τῷ κτᾶσθαι τοὺς δούλους, ἀλλ' ἐν τῷ χρῆσθαι δούλους». («Потому что господин — капиталист — «проявляется как таковой не в приобретении рабов» — собственности на капитал, которая дает власть покупать труд, — «а в использовании рабов», — употреблении рабочих, в настоящее время наемных рабочих, в процессе производства.) «Ἐστὶ δὲ αὐτῇ ἡ ἐπιτήρησις οὐδὲν μέγα ἔχουσα οὐδὲ σεμνόν» («Но в этой науке нет ничего великого или возвышенного») «Ἄ γὰρ τὸν δούλον ἐπίστασθαι δεῖ ποιεῖν, ἐκείνον δὲ ταῦτα ἐπίστασθαι ἐπιτάττει». («Он должен уметь приказывать то, что раб должен уметь исполнить».) «Διὸ ὅσοις ἐξουσία μὴ αὐτοὺς κακοπαθεῖν, ἐπιτροπος λαμβάνει ταυτὴν τῆν τιμὴν, αὐτοὶ δὲ πολιτεύονται ἢ φιλοσοφοῦσιν». («Когда у господ нет необходимости обременять себя этим, честь эту берет на себя надсмотрщик; сами же они занимаются государственными делами и философствуют») (Aristoteles: «De republica», изд. Bekker, 1837, кн. I, гл. 7.) [Ср. «Политика Аристотеля», перев. С. А. Жебелева, СПб, 1911 г., стр. 18.]

Аристотель без обиняков говорит, что господство как в политической, так и в экономической области возлагает на властителей функции господствования, т. е. в экономической области, следова-

тельно, что они должны уметь потреблять рабочую силу, и прибавляет к этому, что труду по надзору не следует придавать большого значения, ввиду чего господин, если только он достаточно состоятелен, передает «честь» этих хлопот надсмотрщику.

Труд руководства и верховного надзора, поскольку это не есть особая функция, обуславливаемая природой всякого комбинированного общественного труда, поскольку он, напротив, вытекает из противоположности между собственником средств производства и собственником только рабочей силы, — причем безразлично, покупается ли последняя вместе с самим рабочим, как при системе рабства, или сам рабочий продает свою рабочую силу, и процесс производства является поэтому одновременно и процессом потребления его труда капиталом, — эта функция, возникающая из порабощения непосредственного производителя, часто выставляется как достаточное основание для оправдания самого этого отношения, и эксплуатация, присвоение чужого неоплаченного труда, столь же часто изображается в виде заработной платы, причитающейся собственнику капитала. Но всего лучше делает это защитник рабства в Соединенных Штатах, некий адвокат О'Коннор, в своей речи, произнесенной 19 декабря 1859 г. на митинге в Нью-Йорке под знаменем «Справедливость к Югу». «Now, gentlemen [Итак, джентльмены], — сказал он при громких аплодисментах, — сама природа предназначила негра к положению раба. Он крепок и силен в работе; но природа, давшая ему эту силу, отказала ему как в уменье управлять, так и в желании трудиться. (*Одобрения.*) И в том и в другом ему отказано! И та же природа, не наделившая его волей к труду, дала ему господина для того, чтобы он вынудил эту волю и сделал из него в тех климатических условиях, для которых он создан, полезного слугу как для самого себя, так и для господина, управляющего им. Я утверждаю, что нет ничего несправедливого в том, чтобы оставить негра в положении, в которое его поставила природа; нет ничего несправедливого в том, чтобы дать ему господина, который управляет им; и у негра не отнимают каких бы то ни было его прав, принуждая его за это работать и доставлять справедливое вознаграждение своему господину за труд и таланты, которые тот применяет для того, чтобы управлять им и сделать его полезным как для себя самого, так и для общества» [*New-York Tribune*], 20 декабря 1859 г., стр. 5—8].

И вот наемный рабочий, подобно рабу, тоже должен иметь господина, который заставляет бы его работать и управлять им. А раз предположены эти отношения господства и подчинения, будет вполне

в порядке вещей, что наемный рабочий вынуждается производить свою собственную заработную плату и сверх того плату за надзор, компенсацию за труд господства и надзора за ним, вынуждается «оставлять справедливое вознаграждение своему господину за труд и таланты, которые тот применяет для того, чтобы управлять им и сделать его полезным как для себя самого, так и для общества».

Труд верховного надзора и руководства, поскольку он возникает из антагонистического характера, из господства капитала над трудом и потому является общим для всех способов производства, основанных, как и капиталистическое, на классовой противоположности, этот труд и в капиталистической системе непосредственно и неразрывно связан с производительными функциями, которые налагаются всяким комбинированным общественным трудом на отдельных индивидуумов в качестве особого труда. Заработная плата какого-нибудь *epitropos*'а или *regisseur*'а, как он назывался в феодальной Франции, совершенно отделяется от прибыли и принимает форму заработной платы за квалифицированный труд, как только предприятие достигает достаточно крупных размеров для того, чтобы оплачивать такого управляющего (*manager*), — хотя это далеко еще не приводит наших промышленных капиталистов к тому, чтобы они «занимались государственными делами и философствовали».

Что не промышленные капиталисты, а промышленные управляющие (*managers*) являются «душой нашей промышленной системы», это заметил еще г. Юр⁷⁵. Что касается торговой части предприятия, то все необходимое об этом сказано уже в предыдущем отделе.

Само капиталистическое производство привело к тому, что труд верховного надзора, совершенно отделенный от собственности на капитал, всегда имеется в наличии на улице. Поэтому сделалось бесполезным, чтобы этот труд верховного надзора исполнялся капиталистом. Нет никакой необходимости в том, чтобы капельмейстер был собственником инструментов оркестра; в его функцию как дирижера не входит также обязанность иметь дело с «оплатой» прочих музыкантов. Кооперативные фабрики показывают, что капиталист как деятельный участник производства сделался столь же излишен, как сам он, представляя высшую ступень развития, считает излишним

⁷⁵ А. Уре: «Philosophy of Manufactures». Франц. перев. 1836, т. I, стр. 67, где этот Пиндар фабрикантов в то же время показывает им, что большинство из них не имеет ни малейшего представления о механизме, который они применяют.

крупного землевладельца. Поскольку труд капиталиста не вытекает из процесса производства только как капиталистического и, следовательно, поскольку этот труд сам собою не исчезает вместе с капиталом; поскольку он не ограничивается такой функцией, как эксплуатация чужого труда; поскольку, следовательно, он вытекает из формы труда как общественного, из комбинации и кооперации многих для достижения общего результата, труд этот совершенно так же независим от капитала, как независима от него сама эта форма, раз только она сорвала с себя капиталистическую скорлупу. Утверждать, что этот труд необходим в виде капиталистического труда, в виде функции капиталиста, значит лишь одно: что *vulgus* не может представить себе форм, развившихся в недрах капиталистического способа производства, отделенными и освобожденными от их антагонистического капиталистического характера. По отношению к денежному капиталисту промышленный капиталист — рабочий, но рабочий в качестве капиталиста, т. е. эксплуататора чужого труда. Плата, которую он требует и получает за этот труд, как раз равна присвоенному количеству чужого труда и непосредственно зависит, раз капиталист берет на себя необходимые хлопоты по эксплуатации, от степени эксплуатации этого труда, а не от степени напряжения, которого ему стоит эта эксплуатация и которое он может за умеренное вознаграждение свалить на управляющего. В английских фабричных округах после каждого кризиса можно встретить достаточное количество экс-фабрикантов, которые за небольшое вознаграждение заведуют фабриками, ранее принадлежавшими им самим, заведуют как управляющие, состоящие на службе у новых владельцев, зачастую своих кредиторов ⁷⁶.

Плата за управление, которой вознаграждаются управляющие как торговыми, так и промышленными предприятиями, выступает совершенно обособленно от предпринимательского дохода в кооперативных фабриках рабочих и в капиталистических акционерных предприятиях. Отделение платы за управление от предпринимательского дохода, которое в других случаях является случайным, приобретает здесь постоянный характер. В кооперативной фабрике труд надзора утрачивает свой антагонистический характер, так как управляющий оплачивается рабочими, а не является по отношению к ним

⁷⁶ В одном известном мне случае обанкротившийся фабрикант сделался после кризиса 1868 г. платным наемным рабочим своих прежних рабочих. После банкротства фабрику взяло в свои руки товарищество рабочих, а прежний владелец сделался ее управляющим. — Ф. Э.

представителем капитала. Акционерные предприятия, развивающиеся вместе с кредитом, вообще обнаруживают тенденцию все более отделять этот труд управления как особую функцию от владения капиталом, собственным ли, или взятым в ссуду, совершенно так же, как с развитием буржуазного общества функции суда и управления отделяются от землевладения, атрибутами которого они были в феодальное время. Но, когда, с одной стороны, простому собственнику капитала, денежному капиталисту, противостоит функционирующий капиталист, а с развитием кредита этот денежный капитал сам принимает общественный характер, концентрируется в банках и ссужается ими, а не его непосредственными собственниками; когда, с другой стороны, лицо, являющееся только управляющим, не владеющее капиталом ни под каким титулом, ни заимообразно, ни как-либо иначе, исполняет все реальные функции, выпадающие на долю функционирующего капиталиста как такового, — тогда остается лишь служащий, а капиталист как лицо излишнее исчезает из процесса производства.

Из опубликованных отчетов ⁷⁷ кооперативных фабрик в Англии видно, что, — за вычетом вознаграждения управляющему, которое составляет часть затраченного переменного капитала совершенно так же, как плата остальных рабочих, — прибыль превышала среднюю прибыль, хотя эти фабрики иногда уплачивали более высокий процент, чем частные фабрики. Причиной более высокой прибыли во всех этих случаях является большая экономия в применении постоянного капитала. Но нас при этом больше всего интересует то обстоятельство, что средняя прибыль (= проценту + предпринимательский доход) фактически и осязательно представляется здесь величиной, совершенно независимой от платы за управление. Так как прибыль здесь была больше средней прибыли, то и предпринимательский доход был больше, чем обыкновенно.

То же явление наблюдается и в некоторых капиталистических акционерных предприятиях, напр. в акционерных банках (Joint Stock Banks). «London and Westminster Bank» в 1863 г. выплатил 30% годового дивиденда; «Union Bank of London» и другие 15%. Кроме вознаграждения управляющим из валовой прибыли здесь вычитается процент, уплачиваемый по вкладам. Высокая прибыль объясняется здесь тем, что вложенный в предприятия капитал составляет незначительную величину по сравнению с вкладами. Напр.,

⁷⁷ Приведенные здесь данные отчетов доходят, самое большее, до 1864 г., так как текст был написан в 1865 г. — Ф. Э.

у «London and Westminster Bank» в 1863 г. — вложенный капитал 1 000 000 ф. ст., вклады 14 540 275 ф. ст. У «Union Bank of London» в 1863 г. — вложенный капитал 600 000 ф. ст., вклады 12 384 173 ф. ст.

Смешение предпринимательского дохода с платой за надзор или управление первоначально возникло из той особой формы, которую излишек прибыли над процентом принимает в противоположность проценту. Оно получило свое дальнейшее развитие благодаря апологетическому стремлению представить прибыль не как прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд, а как заработную плату самого капиталиста за выполняемый им труд. Этому со стороны социалистов было противопоставлено требование, чтобы прибыль была фактически сведена к тому, за что она выдается в теории, а именно к простой плате за надзор. И это требование, выступив против теоретического прикрашивания, было тем неприятнее, чем более эта плата за надзор с возникновением многочисленного класса промышленных и торговых управляющих ⁷⁸ находила, с одной стороны, свой определенный уровень и свою определенную рыночную цену и чем ниже, с другой стороны, она опускалась, как всякая плата за квалифицированный труд, по мере общего развития, понижавшего издержки производства особо обученной рабочей силы ⁷⁹. С развитием кооперации среди рабочих и акционерных предприятий среди буржуазии был уничтожен и последний предлог для смешения предпринимательского дохода с платой за управление, и прибыль практически выступила как то, чем она бесспорно была теоретически: как чистая прибавочная стоимость, как стоимость, за которую не уплачивается эквивалента, как реализованный неоплаченный труд; так что функционирующий капиталист действительно эксплуатирует труд, и плод его эксплуатации, если он работает со взятым в ссуду

⁷⁸ «Хозяева — такие же работники, как их поденщики. В этом отношении их интересы совершенно те же, что и интересы их рабочих. Но они являются также капиталистами или агентами капиталистов, и в этом отношении интересы их резко противоположны интересам рабочих» (стр. 27). «Широкое распространение образования среди рабочих-механиков этой страны, увеличивая число специалистов, с каждым днем уменьшает стоимость труда и искусства почти всех хозяев и предпринимателей» (стр. 30. *Hodgskin*: «Labour defended against the Claims of Capital etc.». London 1825).

⁷⁹ «Общее ослабление условных преград, увеличивающаяся возможность получить образование имеет тенденцию понизить плату квалифицированного труда вместо того, чтобы поднять плату неквалифицированного» (*J. St. Mill*: «Principles of Political Economy», 2-е изд., London 1849, т. I, стр. 479. [Ср. *Дж. Ст. Милль*: «Основания политической экономии», перев. Острогорской, Киев—Харьков, 1896 г., стр. 350.]).

капиталом, делится на процент и предпринимательский доход — излишек прибыли над процентом.

На базисе капиталистического производства в акционерных предприятиях возникают новые мошенничества с платой за управление, рядом с действительным управляющим и над ним появляется множество членов правлений и наблюдательных советов, для которых управление и контроль фактически служат лишь предлогом к ограблению акционеров и к собственной наживе. На этот счет имеется много любопытных подробностей в «The City or the Physiology of London Business; with Sketches on 'Change and the Coffee Houses». London 1845. «Что выигрывают банкиры и купцы благодаря тому, что участвуют в управлении восьми или девяти различных компаний, можно видеть из следующего примера: частный баланс г-на Тимоси Абрахэма Кэртиса, представленный после его банкротства в коммерческий суд, показывал под рубрикой директорство — 800—900 ф. ст. ежегодного дохода. Так как г. Кэртис был директором Английского банка и Ост-индской компании, то всякое акционерное общество считало за честь привлечь его в качестве директора» (стр. 81, 82). Вознаграждение директоров таких обществ за каждое заседание, которые происходят еженедельно, равняется по меньшей мере одной гинее (21 марке). Прения в коммерческом суде раскрывают, что эта плата за надзор обыкновенно находится в обратном отношении к труду по надзору, который в действительности несут эти номинальные директора.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЫДЕЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ В ФОРМЕ КАПИТАЛА, ПРИНОСЯЩЕГО ПРОЦЕНТЫ.

В капитале, приносящем проценты, капиталистическое отношение достигает своей наиболее внешней и фетишистической формы. Мы имеем здесь перед собой $D - D'$, деньги, которые производят большее количество денег, имеем самовозрастающую стоимость без процесса, опосредствующего два крайние пункта. В купеческом капитале, $D - T - D'$, имеется налицо по крайней мере всеобщая форма движения капитала, хотя оно не выходит из сферы обращения; поэтому прибыль представляется просто прибылью от отчуждения, но все же она представляется продуктом общественного отношения, а не продуктом просто вещи. Форма купеческого капитала все же представляет процесс, единство противоположных фаз, движение, распадающееся на два противоположных акта, на куплю и продажу товаров. В $D - D'$, в форме капитала, приносящего проценты, это движение изглаживается. Если, напр., 1 000 ф. ст. даются капиталистом в ссуду и ставка процента равна 5%, то стоимость 1 000 ф. ст. как капитала за 1 год = $K + Kz'$, где K — капитал, а z' — ставка процента; следовательно здесь $5\% = \frac{5}{100} = \frac{1}{20}$, $1\ 000 + 1\ 000 \cdot \frac{1}{20} = 1\ 050$ ф. ст. Стоимость 1 000 ф. ст. как капитала = 1 050 ф. ст., т. е. капитал не является простой величиной. Это — отношение величин, отношение основной суммы как данной стоимости к себе самой как к самовозрастающей стоимости, как к такой основной сумме, которая произвела прибавочную стоимость. А мы уже видели, что капитал как таковой представляется всем активным капиталистам — функционируют ли они с собственным или взятым в ссуду капиталом — именно такой непосредственно самовозрастающей стоимостью.

$D - D'$: здесь мы имеем первоначальный исходный пункт капитала, деньги формулы $D - T - D'$, сведенные к двум крайним пунктам $D - D'$, где $D' = D + \Delta D$, деньги, создающие большее количество денег. Это — первоначальная и всеобщая формула капитала, сокращенная до бессмысленного резюме, это — готовый капитал, един-

ство процесса производства и процесса обращения, а потому — капитал, приносящий в определенные периоды времени определенную прибавочную стоимость. В форме капитала, приносящего проценты, это проявляется непосредственно, без посредства процесса производства и процесса обращения. Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения. *Вещь* (деньги, товар, стоимость) уже просто как вещь теперь является капиталом, а капитал представляется просто вещью; результат всего процесса воспроизводства представляется свойством, принадлежащим вещи самой по себе; от владельца денег, т. е. товара в той его форме, в которой его можно во всякое время обменять, зависит, израсходовать ли их как деньги или отдать в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, и в этой форме он уже не несет на себе никакого следа своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения. Как в случае с рабочей силой, потребительной стоимостью денег становится здесь способность создавать стоимость, бóльшую стоимость, чем та, которая заключается в них самих. Деньги как таковые потенциально уже представляют собою самовозрастающую стоимость, и как таковая они отдаются в ссуду, что является формой продажи этого своеобразного товара. Создавать стоимость, приносить процент становится таким же свойством денег, как свойство грушевого дерева приносить груши. Как такую приносящую проценты вещь заимодавец и продает свои деньги. Но этого мало. Как мы видели, даже действительно функционирующий капитал представляется таким образом, как будто он приносит процент не как функционирующий капитал, а как капитал сам по себе, как денежный капитал.

Переворачивается и следующее отношение: процент, являющийся не чем иным, как лишь частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист выжимает из рабочего, представляется теперь, наоборот, как собственный продукт капитала, как нечто первоначальное, а прибыль, превратившаяся теперь в форму предпринимательского дохода, — просто как аксессуар, придаток, привходящий в процесс воспроизводства. Здесь фетишистическая форма капитала и представление о капитале-фетише готовы. В *D — D'* мы имеем перед собою иррациональную форму

капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений: образ, приносящий проценты, простой образ капитала, в котором он является предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства; мы имеем перед собою способность денег, *геср.* [соответств.] товара, увеличивать свою собственную стоимость независимо от воспроизводства, — крайнюю форму мифификации капитала.

Для вульгарной экономии, стремящейся представить капитал самостоятельным источником стоимости, создания стоимости, форма эта является, конечно, настоящей находкой, такой формой, в которой уже невозможно узнать источника прибыли и в которой результат капиталистического процесса производства, отделенный от самого процесса, приобретает самостоятельное существование.

Только в форме денежного капитала капитал становится товаром, свойство которого самовозрастать в стоимости имеет определенную цену, отмечаемую в каждом конкретном случае ставкой процента.

В качестве капитала, приносящего проценты, и особенно в своей непосредственной форме приносящего проценты денежного капитала (другие формы капитала, приносящего проценты, которые здесь нас не интересуют, выводятся из этой формы и предполагают ее), капитал приобретает свою чистую фетишистическую форму: $D - D'$ как субъект, как вещь, которая может быть продана. *Во-первых*, это происходит вследствие постоянного пребывания его в форме денег, в такой форме, в которой изглаживаются все его специфические черты и не видны его реальные элементы. Ведь деньги — это как раз та форма, в которой стирается различие между товарами как потребительными стоимостями, а потому и различие между промышленными капиталами, состоящими из этих товаров и условий их производства; деньги — это форма, в которой стоимость, — а здесь капитал, — существует как самостоятельная меновая стоимость. В процессе воспроизводства капитала денежная форма есть преходящая форма, простой переходный момент. *Во-вторых*, произведенная капиталом прибавочная стоимость, здесь опять-таки в форме денег, кажется принадлежащей ему как таковому. Подобно тому, как рост присущ деревьям, так и рождение денег (*τόκος*) кажется свойственным капиталу в его форме денежного капитала.

В капитале, приносящем проценты, движение капитала сведено к самой краткой формуле; посредствующий процесс опущен, и таким образом капитал = 1 000 фиксируется как вещь, которая в себе = 1 100 и в известный период времени превращается в 1 100 подобно

тому, как увеличивает свою потребительную стоимость вино, которое продержали известное время в погребе. Капитал теперь вещь, но как вещь он — капитал. В деньги вселилась теперь какая-то сила [«Das Geld hat jetzt Lieb im Leibe»]. Раз они отданы в ссуду или вложены в процесс воспроизводства (поскольку они приносят функционирующему капиталисту как своему владельцу процент, помимо предпринимательского дохода), на них и днем и ночью нарастает процент, что бы с ними ни делалось: спят ли они или бодрствуют, сидят дома или странствуют. Таким образом денежный капитал, приносящий проценты (а всякий капитал по своему стоимостному выражению есть денежный капитал или считается теперь выражением денежного капитала), осуществляет сладкие мечты стяжателей сокровищ.

Вот это-то сращение процента с денежным капиталом как бы в одну вещь (именно так и представляется здесь производство прибавочной стоимости капиталом) и занимает так сильно Лютера в его наивной шумихе, направленной против ростовщичества. Рассказав, что процент можно было бы взимать в том случае, если бы просрочка долга ввела в убыток заимодавца, который, в свою очередь, должен производить платежи, или лишила бы его прибыли, которую он мог бы получить, купив, напр., сад, Лютер продолжает: «Тем, что я ссудил тебе их» (100 гульденов), «ты причиняешь мне двойной ущерб — тут я не могу уплатить, а там не могу купить, и потому в обоих случаях я терплю ущерб, что называют duplex interesse, damni emergentis et lucri cessantis [двойной ущерб, от возникающего убытка и от прекращающейся возможности пользоваться]... Услышав, что какой-то Ганс, ссудив сотню гульденов, потерпел ущерб и требует справедливого возмещения этого ущерба, они пользуются этим случаем и на каждые сто гульденов накидывают сумму, покрывающую этот двойной ущерб, а именно ущерб, понесенный от произведенной расплаты и от упущенной покупки сада, как будто бы и впрямь эти сто гульденов *естественно срослись с этим двойным ущербом*, так что, располагая сотней гульденов, они пускают ее в оборот и высчитывают при этом и тот и другой ущерб, которого они, однако, не понесли... Поэтому ты — ростовщик, возмещающий деньгами своего ближнего тобою самим вымышленный убыток, которого, однако, никто тебе не причинил и которого ты не можешь ни доказать, ни вычислить. Такой убыток юристы называют non verum, sed phantasticum interesse, — убыток, который измышляется каждым по своему усмотрению... Итак, не следует говорить, что могли бы произойти убытки от того, что я не мог бы ни уплатить, ни купить. Это значило

бы ex contingente necessarium, представлять несуществующее должествующим быть, неизвестное превращать в достоверное. Не должно ли такое ростовщичество поглотить в несколько лет весь мир?.. Случайная беда, помимо его воли, постигает заемщика, он должен бы поправиться, а в торговле пошло по-другому и даже наоборот; и вот изобретают и измышляют убытки с нуждающегося ближнего, хотят таким образом нажиться и разбогатеть, чтобы в лености и праздности вести за счет труда других расточительную и распутную жизнь, без заботы, риска и какого-либо убытка; сидеть за печкой, предоставив своей сотне гульденов приобретать за меня в стране, и все же, так как это деньги, отданные в ссуду, быть уверенным, что без всякого риска и заботы они придут ко мне в кошелек, — мой милый, да кто не пожелал бы этого?» (M. Luther: «An die Pfarherrn wider den Wucher zu predigen etc.». Wittenberg 1540).

Представление о капитале как самовоспроизводящейся и возрастающей в воспроизводстве стоимости, как о стоимости, вечно сохраняющейся и возрастающей всилу приращенного ей свойства, — т. е. всилу сокровенного свойства, о котором говорили схоластики, — это представление привело д-ра Прайса к причудливым измышлениям, которые оставляют далеко позади себя все фантазии алхимиков; к измышлениям, которым Питт, однако, серьезно поверил и которые он в своих законах о sinking fund [фонде погашения долгов] превратил в столпы, на которых держится его финансовое хозяйство.

«Деньги, приносящие проценты на проценты, растут сначала медленно; но так как темп роста постоянно ускоряется, то через некоторое время он становится таким быстрым, что превосходит всякое воображение. Один пенни, отданный в ссуду при рождении нашего спасителя из 5%, вместе с процентами на проценты вырос бы теперь в сумму, превышающую ту, которая содержалась бы в 150 миллионах земных шаров, сделанных из чистого золота. Но этот же пенни, отданный в ссуду из простых процентов, в то же самое время увеличился бы лишь до 7 шилл. 4¹/₂ пенса. До сего времени наше правительство предпочитало улучшать свои финансы этим последним способом вместо того, чтобы пользоваться первым»⁸⁰.

⁸⁰ *Richard Price*: «An Appeal to the Public on the subject of the National Debt», 2-е изд., London 1774 [стр. 18 и сл.]. Он наивно острит: «Следует брать деньги взаймы из простых процентов, чтобы увеличивать их, отдавая в ссуду из сложных процентов». (См. *R. Hamilton*: «An Inquiry into the Rise and Progress of the National Debt of Great Britain», 2-е изд., Edinburgh 1814, стр. 133.) Если так, то займы вообще и для частных лиц были бы вернейшим средством обогащения. Но если я беру, напр., 100 ф. ст. из 5% годовых, то в конце года

Еще выше парит он в своих «Observations on reversiary payments etc.». London 1772: «1 шилл., отданный в ссуду при рождении спасителя» (т. е. вероятно в храме Иерусалимском) «из 6% с процентами на проценты, вырос бы в сумму большую, чем сколько могла бы вместить вся солнечная система, превращенная в шар, диаметр которого равнялся бы диаметру орбиты Сатурна». — «Поэтому государство никогда не должно оказаться в затруднительном положении, так как с помощью самых маленьких сбережений оно может выплатить самые большие долги в такое короткое время, как того потребуют его интересы» (стр. XIII, XIV). Какое милое теоретическое введение к английскому государственному долгу!

Прайса попросту ослепила чудовищность числа, возникающего из геометрической прогрессии. Так как он рассматривал капитал, не принимая во внимание условия воспроизводства и труда, рассматривал его как самодеятельный автомат, как простое самоувеличивающееся число (совершенно так же, как Мальтус рассматривал в своей геометрической прогрессии людей), то он вообразил, что нашел закон возрастания капитала в формуле $s = c(1 + z)^n$, где s = сумме капитала + проценты на проценты, c = авансированному капиталу, z = ставке процента (выраженной в соответственных частях 100), а n — ряд лет, на протяжении которых протекает процесс.

Питт совершенно серьезно принимает мистификацию д-ра Прайса. В 1786 г. палата общин постановила собрать путем обложения населения 1 миллион ф. ст. для нужд государственного долга. По Прайсу, в которого веровал Питт, конечно, не могло быть ничего лучшего,

я должен заплатить 5 ф. ст., и если предположить, что этот заем заключен на 100 миллионов лет, то в этот промежуток времени я могу давать ежегодно в заем все те же 100 ф. ст. и точно так же каждый год должен уплачивать по 5 ф. ст. Таким путем я никогда не буду в состоянии, взяв 100 ф. ст., дать в ссуду 105 ф. ст. Но из какого источника должен я уплачивать 5%? Из новых займов или, если я — государство, из налогов. Если же деньги берет взаймы промышленный капитал, то при прибыли, скажем, в 15% ему придется 5% уплачивать как процент, 5% — потреблять (хотя его аппетит возрастает с его доходом) и 5% — капитализировать. Итак, приходится предположить прибыль в 15% для того, чтобы можно было постоянно платить 5% как процент. Если процесс продолжится, то норма прибыли упадет вследствие уже изложенных причин, скажем, с 15% до 10%. Но Прайс совершенно забывает, что ставка процента, равная 5%, предполагает норму прибыли в 15% и оставляет ее такою же и при накоплении капитала. Ему вообще нет дела до действительного процесса накопления, его дело лишь давать взаймы деньги с тем, чтобы они претенали обратно с процентами на проценты. Как это происходит, ему безразлично, потому что это ведь приращенное свойство капитала, приносящего проценты.

как обложить налогом народ, чтобы «накопить» полученную таким способом сумму и таким чудесным образом избавиться от государственного долга при посредстве таинства сложных процентов. За этой резолюцией палаты общин вскоре последовал внесенный Питтом закон, который постановил накапливать по 250 000 ф. ст. до тех пор, «пока образовавшийся таким образом фонд не будет давать вместе с освободившимися пожизненными рентами 4 000 000 ф. ст. в год» (Акт 26, Георга III, глава 31). Питт в своей речи 1792 г., в которой он предлагал увеличить сумму, поступающую в фонд погашения долгов, среди причин торгового превосходства Англии приводит машины, кредит и т. д., но как «наиболее широко действующую и постоянную причину — накопление. Принцип этот вполне развит и достаточно разъяснен в сочинении Смита, этого гения... Это накопление капиталов было бы осуществлено, если бы откладывали хоть часть годичной прибыли для того, чтобы увеличить основную сумму, которая, при условии такого же употребления ее и в следующем году, давала бы постоянную прибыль». Таким образом с помощью д-ра Прайса Питт превращает теорию накопления Смита в теорию обогащения народа посредством накопления долгов и приходит к приятному бесконечному нарастанию займов и займов для платежей по займам.

Уже у Иосии Чайльда, отца современных банкиров, мы находим, что 100 ф. ст. из 10% произвели бы через 70 лет с процентами на проценты 102 400 ф. ст. («*Traité sur le commerce etc. par J. Child, traduit etc.*». Amsterdam et Berlin 1754, стр. 115. Написано в 1669 г.).

Как воззрение д-ра Прайса бессознательно проскальзывает у современных экономистов, это показывает следующее место из «*Economist*»: «Капитал со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала является настолько всепоглощающим, что все богатство мира, от которого происходит доход, уже давно превратилось в процент на капитал... Всякая рента является теперь уплатой процентов на капитал, раньше вложенный в землю» («*Economist*», 19 июля 1859 г.). Капиталу в его качестве капитала, приносящего проценты, принадлежит все богатство, которое вообще может быть произведено, и все, что получал он до настоящего времени, это лишь рассроченные платежи его всепоглощающему аппетиту. По законам, с которыми он появляется, ему принадлежит весь прибавочный труд, который род человеческий когда бы то ни было мог бы произвести. Молох.

В заключение еще следующая галиматья «романтического» Мюллера: «Описанное д-ром Прайсом чудовищное нарастание про-

центов на проценты, или возрастание самоускоряющихся сил людей, для того, чтобы оказывать это необычайное действие, предполагает неизменный или ненарушимый единообразный порядок, существующий многие столетия. Как только капитал раздробляется, разделяется на многие отдельные продолжающие расти побег, общий процесс накопления сил начинается снова. Природа распределила нарастание силы на периоды приблизительно в 20—25 лет, приходящиеся в среднем на долю каждого отдельного рабочего (!). По прошествии этого времени рабочий оставляет свою жизненную стезю и должен передать капитал, полученный благодаря процентам на проценты с труда, новому рабочему, в большинстве случаев распределить его между несколькими рабочими или детьми. Эти последние, прежде чем извлекать собственные проценты на проценты с доставшегося им капитала, должны научиться вдыхать в него жизнь и применять его. Далее, огромная масса капитала, который приобретает гражданское общество даже в наиболее беспокойных общественных организмах, постепенно накапливается в течение долгих лет и не употребляется непосредственно для расширения труда, а, напротив, лишь только составит значительная сумма, она под названием займа передается другому индивидууму, рабочему, банку, государству, после чего заемщик, приводя капитал в действительное движение, получает с него проценты на проценты и легко может взять на себя обязательство уплачивать заимодавцу простые проценты. Наконец, неизменно быстрому возрастанию сил людей и их продукта, возможному при том условии, если проявляет свое действие только закон производства или бережливости, противодействует закон потребления, желаний, расточительности» (А. Muller: «Elemente der Staatskunst», 1809 г., часть III, стр. 147—149).

Невозможно нагородить больше нелепейшего вздора в немногих строках. Не говоря уже о забавном смешении рабочего с капиталистом, стоимости рабочей силы с процентом на капитал и т. д., взимание процента на процент должно получить объяснение из того, что капитал ссужается с той целью, чтобы приносить проценты на проценты. Метод нашего Мюллера характерен для романтики всяких профессий. Ее содержание составляется из ходячих предвзятых мнений, почерпнутых из поверхностнейшей внешней видимости вещей. А затем это ложное и банальное содержание должно быть «вышлено» и опоэтизировано мистифицирующей манерой изложения.

Процесс накопления капитала может быть изображен как накопление процентов на проценты лишь в той мере, в какой можно назвать процентом ту часть прибыли (прибавочной стоимости)'

которая превращается обратно в капитал, т. е. служит для высасывания нового прибавочного труда. Но:

1) Если отвлечься от всех случайных нарушений, большая часть имеющегося налицо капитала постоянно более или менее обесценивается в течение процесса воспроизводства вследствие того, что стоимость товаров определяется не тем рабочим временем, которого первоначально стоит их производство, а тем рабочим временем, которого стоит их воспроизводство, а оно постоянно уменьшается вследствие развития общественной производительной силы труда. Поэтому на более высокой ступени развития общественной производительности весь наличный капитал представляется не результатом продолжительного процесса накопления капитала, а результатом сравнительно очень короткого периода воспроизводства ⁸¹.

2) Как было показано в III отделе этой книги, норма прибыли понижается по мере возрастания накопления капитала и соответствующего ему увеличения производительной силы общественного труда, которое получает выражение как раз в растущем относительном уменьшении переменной части капитала сравнительно с постоянной. Если постоянный капитал, приводимый в движение одним рабочим, удесятерится, то, чтобы принести такую же норму прибыли, прибавочное рабочее время должно было бы удесятериться, и скоро для него нехватило бы всего рабочего времени и всех 24 часов в сутки, даже если бы капитал присваивал их целиком. Представление же, что норма прибыли не понижается, лежит в основе прогрессии Прайса и вообще в основе «всепоглощающего капитала со сложными процентами» ⁸².

Тождество прибавочной стоимости и прибавочного труда ставит качественную границу накоплению капитала: *весь рабочий день*, данное развитие производительных сил и населения, ограничивающее число рабочих дней, поддающихся эксплуатации одновременно. Если же, напротив, прибавочная стоимость берется в иррациональной форме процента, то предел становится исключительно количественным, и накопление капитала превосходит всякое воображение.

⁸¹ См. Милля и Кэри, а также основанный на непонимании комментарий к этому Рошера.

⁸² «Ясно, что никакой труд, никакая производительная сила, никакой талант и искусство не могут удовлетворить всепоглощающим требованиям сложного процента. Но всякое сбережение составляется из дохода капиталиста, и потому в действительности эти требования предъявляются постоянно, и производительная сила труда никогда не удовлетворяет их. Поэтому некоторое равновесие постоянно нарушается» («Labour Defended against the Claims of Capital» [London 1825], стр. 23. — Книга Годскина).

Но в капитале, приносящем проценты, представление капитала-фетиша закончено; то представление, которое накопленному продукту труда, к тому же еще фиксированному в форме денег, приписывает силу производить прибавочную стоимость в геометрической прогрессии, производить ее при посредстве прирожденного тайного свойства, чисто автоматически, так что этот накопленный продукт труда, по мнению «Economist», уже давно дисконтировал все богатства мира за все времена, — дисконтировал все богатства, как по праву принадлежащие и достающиеся ему. Продукт прошлого труда, даже сам прошлый труд здесь уже сам по себе чреват частью настоящего или будущего живого прибавочного труда. Но мы знаем, напротив, что на самом деле сохранение, а постольку и воспроизводство, стоимости прошлого труда есть *только* результат его контакта с живым трудом; и, во-вторых, что господство продуктов прошлого труда над живым прибавочным трудом продолжается как раз лишь до того времени, пока сохраняется капиталистическое отношение, — определенное социальное отношение, при котором прошлый труд самостоятельно противостоит живому труду и подчиняет его себе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

КРЕДИТ И ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ.

Подробный анализ кредита и тех орудий, которые он создает для себя (кредитных денег и т. п.), не входит в наш план. Здесь следует отметить только некоторые немногие пункты, необходимые для характеристики капиталистического способа производства вообще. При этом мы будем иметь дело только с коммерческим и банковским кредитом. Связь между развитием этого кредита и общественного кредита остается вне нашего рассмотрения.

Я показал уже (книга I, гл. III, 3, б), каким образом из простого товарного обращения развивается функция денег как средства платежа и вместе с тем отношение кредитора и должника между производителями товара и торговцами товаром. С развитием торговли и капиталистического способа производства, которое производит в расчете лишь на обращение, это естественное основание кредита расширяется, получает всеобщее значение, развивается. В общем и целом деньги функционируют здесь лишь в качестве средств платежа, т. е. товар продается не за деньги, а под письменное обещание платежа в определенный срок. Все такого рода платежные обязательства мы можем для краткости подвести под общую категорию векселей. Такие векселя до истечения их срока и до наступления дня платежа, в свою очередь, сами обращаются как платежное средство; они-то и образуют собственно торговые деньги. Поскольку они в конце концов погашают друг друга при сведении счетов по требованиям и долгам, они функционируют абсолютно как деньги, так как в таком случае не происходит заключительного их превращения в деньги. Подобно тому, как эти взаимные авансирования производителей и купцов друг другу образуют подлинное основание кредита, так и орудие их обращения, вексель, образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим основанием не денежное обращение, будь то металлические или государственные бумажные деньги, а вексельное обращение.

W. Leatham (банкир в Йоркшире): «*Letters on the Currency*», 2-е изд., London 1840: «Я полагаю, что общая сумма векселей за весь 1839 г. составила 528 493 842 ф. ст.» (сумма иностранных векселей определяется им приблизительно в $\frac{1}{3}$ всего количества), «а сумма векселей, обращавшихся одновременно в том же году, 132 123 460 ф. ст.» (стр. 56). — «Векселя представляют собою составную часть обращения, превышающую по размерам все другие части, вместе взятые» (стр. 3). — «Эта колоссальная надстройка из векселей покоится (1) на фундаменте, образованном суммой банкнот и золота; и если в ходе событий этот фундамент слишком суживается, прочности надстройки и даже ее существованию грозит опасность» (стр. 8). — «Если оценить все обращение» (он подразумевает банкноты) «и сумму обязательств всех банков, по которым может немедленно потребоваться платеж наличными, то, по моим расчетам, получится сумма в 153 миллиона, превращения которой в золото можно требовать по закону, а между тем золота на покрытие этих требований имеется 14 миллионов» (стр. 11). — «Векселей нельзя поставить под контроль, разве что мы создадим препятствия возникновению избыточных денег и низкому проценту или учету, которым порождается часть векселей и дается толчок к большому и опасному их распространению. Невозможно установить, сколько векселей возникло из действительных сделок, напр. из действительных покупок и продаж, и какая их часть искусственно создана (*fictitious*) и состоит из одних только бронзовых векселей, т. е. когда вексель выдается, чтобы заменить текущий вексель до просрочки по нему платежа и таким образом создать фиктивный капитал посредством создания чистых средств обращения. Я знаю, что во времена обильных и дешевых денег эта практика достигает огромных размеров» (стр. 43, 44). — *J. W. Bosanquet*: «*Metallic, Paper and Credit Currency*». London 1842: «Сумма платежей, совершаемых в *clearing house* [расчетной палате]» (где лондонские банкиры взаимно обмениваются подлежащими оплате чеками и векселями, коим наступил срок), «составляет в каждый торговый день в среднем свыше 3 миллионов ф. ст., а необходимый для этого ежедневный денежный запас немногим больше 200 000 ф. ст.» (стр. 86). {В 1889 г. общий оборот *clearing house* [расчетной палаты] составил 7 618 $\frac{3}{4}$ миллионов ф. ст., или, при 300 круглым счетом торговых днях, в среднем 25 $\frac{1}{2}$ миллионов ежедневно. — Ф. Э.} «Векселя являются бесспорно средством обращения (*currency*), независимо от денег, поскольку они передают собственность из рук в руки посредством передаточной надписи» (стр. 92—93). — «В среднем можно принять, что каждый находящийся в обращении вексель имеет на себе две передаточных надписи и что, следовательно, каждый вексель до срока истечения погашает в среднем два платежа. При этом условии благодаря одним только передаточным надписям в течение 1839 г. при помощи векселей было перемещено из рук в руки собственности на сумму, вдвое превышающую 528 миллионов, т. е. на 1 056 миллионов ф. ст., более 3 миллионов ежедневно. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что векселя и вклады, вместе взятые, посредством передачи собственности из рук в руки и без помощи денег выполняют денежные функции на сумму не менее 18 миллионов ф. ст. ежедневно» (стр. 93).

О кредите вообще Тук говорит следующее: «В простейшем своем выражении кредит представляет собою хорошо или худо обоснованное доверие, в силу которого одно лицо доверяет другому известную сумму капитала в деньгах или в товарах, оцененных в известной денежной стоимости, каковая сумма всегда подлежит возврату по истечении определенного срока. Если капитал

ссужается в виде денег, т. е. в виде банкнот, или кредита наличными или путем перевода на корреспондента, то за пользование капиталом дополнительно начисляется столько-то процентов на подлежащую возврату сумму. При предоставлении же кредита товарами, денежная стоимость которых устанавливается участниками сделки и передача которых обозначает продажу, установленная сумма, которая должна быть уплачена, включает в себя вознаграждение за пользование капиталом и за риск, перенимаемый до истечения срока. Письменные платежные обязательства с определенным сроком платежа обыкновенно выдаются для таких кредитов. И эти допускающие передачу обязательства, или promesses, образуют средство, при помощи которого заимодавцы, если им предоставляется случай употребить свой капитал в форме денег или товаров, в большинстве случаев оказываются в состоянии еще до истечения срока этих векселей дешевле занять или купить, так как их собственный кредит укрепляется кредитом другой подписи на векселе» («Inquiry into the Currency Principle», стр. 87).

Ch. Coquelin: «Du Crédit et des Banques dans l'Industrie», «Revue des deux Mondes» 1842, т. XXXI [стр. 797]: «Во всякой стране большинство кредитных сделок исполняется в самой сфере промышленных отношений... Производитель сырья авансирует его перерабатывающему последнее фабриканту и получает с него платежные обязательства с определенным сроком платежа. Исполнив свою часть работы, фабрикант, в свою очередь, на подобных же условиях авансирует свой продукт другому фабриканту, который должен подвергнуть его дальнейшей переработке, и таким образом кредит распространяется все дальше от одного лица к другому, вплоть до потребителя. Оптовый торговец авансирует товар розничному, а сам он получает товар в кредит от фабриканта или посредника. Каждый занимает одной рукой и ссужает другой иногда деньги, но много чаще продукты. Таким путем осуществляется в промышленных делах непрерывный обмен ссуд, комбинирующихся и перекрещивающихся во всех направлениях. Именно в умножении и росте этих взаимных ссуд состоит развитие кредита, и здесь истинное местопребывание его могущества».

Другая сторона кредита примыкает к развитию торговли деньгами, которое в капиталистическом производстве, конечно, идет параллельно с развитием товарной торговли. В предыдущем отделе (гл. XIX) мы уже видели, как в руках торговцев деньгами концентрируется хранение принадлежащих коммерсантам резервных фондов, технические операции по приему и платежу денег, по международным платежам, а вместе с тем и торговля слитками. В связи с этой торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела — управление приносящим проценты капиталом или денежным капиталом как особая функция торговцев деньгами. Заем и ссуда денег становятся их особым делом. Торговцы деньгами выступают как посредники между действительным кредитором и заемщиком денежного капитала. Говоря вообще, банкирское дело с этой стороны состоит в том, чтобы концентрировать большими массами в своих руках ссужаемый денежный капитал, так что вместо

отдельного ссужающего лица промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители всех лиц, ссужающих деньги. Они становятся общими управителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем ссужающим они концентрируют заемщиков, так как они берут займы для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала, кредиторов, с другой — централизацию заемщиков. Его прибыль, вообще говоря, состоит в том, что он берет займы из более низких процентов, чем отдает займы.

Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к ним многообразными путями. Прежде всего, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках концентрируется денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды превращаются таким образом в ссудный денежный капитал. Благодаря этому резервный фонд торгового мира сводится к необходимому минимуму, так как он концентрируется как общественный, и часть денежного капитала, которая иначе бездействовала бы в качестве резервного фонда, отдается в ссуду, функционирует как капитал, приносящий проценты. Во-вторых, ссудный капитал банков образуется из вкладов денежных капиталистов, предоставляющих банкам отдачу их займы. С развитием системы банков, а именно, как только они начинают платить проценты по вкладам, в них вкладываются, далее, денежные сбережения и временно незанятые деньги всех классов. Мелкие суммы, сами по себе неспособные действовать как денежный капитал, объединяются в большие массы и таким образом вырастают в денежную силу. Это собирание мелких сумм, как особый результат банковской системы, следует отличать от ее посреднической роли между собственно денежными капиталистами и заемщиками. Наконец, в банках депонируются и доходы, которые предполагается потреблять лишь постепенно.

Кредитование (здесь мы имеем дело только с собственно торговым кредитом) производится посредством учета векселей — превращения их в деньги до истечения их срока — и посредством ссуд в различных формах: прямой ссуды по личному кредиту, ломбардных ссуд под залог процентных бумаг, государственных фондов, всякого рода акций, в особенности же путем ссуд под накладные, доковые варранты и другие засвидетельствованные документы о праве собственности на товары, под вклады и т. п.

Кредит же, оказываемый банкиром, может быть оказан в различных формах, напр. векселями на другие банки, чеками на них,

открытием кредита того же рода, наконец, — у банков, имеющих права на выпуск банкнот, — собственными банкнотами банка. Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель во всякое время может получить деньги и которым банкир замещает частные векселя. Последняя форма кредита кажется профану особенно поразительной и важной, во-первых, потому что этого рода кредитные деньги переходят из простого торгового обращения в общее обращение и здесь функционируют как деньги; а также и потому, что в большинстве стран главные банки, выпускающие банкноты, представляя собою удивительное смешение национального банка и частного банка, в действительности имеют за собой национальный кредит, а их банкноты являются в большей или меньшей степени законным платежным средством; потому что здесь становится явным, что именно кредит есть то, чем торгует банкир, так как банкнота представляет только кредитный знак, находящийся в обращении. Но банкир торгует кредитом и во всех других формах, даже когда дает наличными в ссуду депонированные у него деньги. В действительности банкнота составляет лишь монету для оптовой торговли — самое же важное значение для банков всегда имеют вклады. Лучшее тому доказательство дают шотландские банки.

Для наших целей нет надобности подробнее рассматривать особые виды кредитных учреждений, как и особые формы банков:

«Банкирское дело... может быть разделено на двоякого рода операции ...1) *Собирать* капитал с тех, кто не находит для него непосредственного применения, и распределять его или передавать тем, кто может его применить. 2) Принимать вклады из *доходов* своих клиентов и выплачивать им суммы, необходимые для расходов на предметы потребления. Первое есть обращение *капитала*, последнее — обращение *средств обращения* (currency)». — «Первый род операций есть сосредоточение капитала, с одной стороны, и распределение его, с другой; второй — регулирование обращения для местных надобностей округа». *Tooke: «Inquiry into the Currency Principle»*, стр. 36, 37. К этому месту мы вернемся в гл. XXVIII.

«Reports of Committees», т. VIII. «Commercial Distress», т. II, ч. I, 1847—1848. Протоколы показаний. — (В дальнейшем цитируются как «Commercial Distress» 1847—1848.) В сороковых годах при учете векселей в Лондоне в бесчисленных случаях принимали вместо банкнот векселя одного банка на другой сроком в 21 день. (Показание Дж. Пииза, провинциального банкира, №№ 4636 и 4645.) Согласно тому же отчету, банкиры имели обыкновение, когда деньги становились редки, регулярно производить платежи своим клиентам такими векселями. Если получатель хотел банкнот, он должен был вновь учесть этот вексель. Таким образом банки как бы получили привилегию делать деньги. Господа Джонс, Лойд и К⁰ платили таким способом «с незапамятных времен», раз деньги становились редки и процент превышал 5%. Клиент охотно принимал такие банковские векселя, потому что векселя фирмы

Джонс, Лойд и К^о можно было легче учесть, чем свои собственные; при этом векселя эти часто проходили через 20—30 рук (там же, №№: 901—904, 905, 992).

Все эти формы служат к тому, чтобы сделать передаваемым право на получение платежа. «Едва ли найдется хоть одна форма кредита, в которой по временам ему не приходилось бы выполнять функции денег; является ли этой формой банкнота, вексель или чек, процесс остается по существу тот же, и результат остается по существу один и тот же». — *Fullarton*: «On the Regulation of Currencies», 2-е изд., London 1845, стр. 38. — «Банкноты — это разменные деньги кредита» (стр. 51).

Последующее взято из книги: *J. W. Gilbart*: «The History and Principles of Banking». London 1834: «Капитал банка состоит из двух частей — основного капитала (*invested capital*) и банкового капитала (*banking capital*), взятого в ссуду» (стр. 117). «Банковский, или занятый, капитал получается тремя способами: 1) принятием вкладов, 2) выпуском собственных банкнот, 3) выдачей векселей. Если кто-нибудь согласен мне ссудить бесплатно 100 ф. ст. и я отдам займа эти 100 ф. ст. другому из 4%, то сделка эта принесет мне в конце года 4 ф. ст. прибыли. Равным образом, если кто-нибудь согласен принять мое обещание уплаты (*I promise to pay* — я обещаю уплатить — обычная формула английских банкнот), вернуть его в конце года и уплатить мне за это 4%, как будто я ему ссудил 100 ф. ст., то на этой сделке я получу прибыли 4 ф. ст.; и опять-таки, если кто-нибудь в маленьком провинциальном городке принесет мне 100 ф. ст. под условием, чтобы я уплатил эту сумму в Лондоне третьему лицу 21 день спустя, всякий процент, который мне удастся выручить с этих денег в промежуточное время, составит мою прибыль. Такова соответствующая делу суть операций банка и того пути, которым создается банковый капитал посредством вкладов, банкнот и векселей» (стр. 117). «Прибыль банкира по общему правилу пропорциональна сумме полученного им займа или банкового капитала. Чтобы определить действительную прибыль банка, необходимо вычесть из валовой прибыли процент на основной капитал. Остаток и составит банковую прибыль» (стр. 118). «*Ссуды, выдаваемые банкиром своим клиентам, производятся деньгами других людей*» (стр. 146). «Именно банкиры, не выпускающие банкнот, создают банковый капитал путем учета векселей. Они увеличивают свои вклады посредством своих дисконтных операций. Лондонские банкиры учитывают векселя только тех фирм, которые имеют у них текущий счет» (стр. 119). «Фирма, учитывающая векселя у своего банка и платящая проценты на всю сумму этих векселей, должна по меньшей мере часть этой суммы оставить в руках банка, не получая за нее процентов. Таким путем банкир получает на ссуженные им деньги процент выше текущего и создает себе банковый капитал за счет того остатка, который остается в его руках» (стр. 120). — Об экономии резервных фондов, вкладов, чеков: «Депозитные банки посредством перевода долгов достигают экономии в употреблении средств обращения и с небольшими суммами действительных денег выполняют сделки на большие суммы. Освободившиеся таким образом деньги банкир употребляет на ссуду своим клиентам посредством учета и т. д. Поэтому перевод долгов повышает эффективность депозитной системы» (стр. 123). «Безразлично, имеют ли оба клиента, ведущие между собой дела, счет у одного и того же или у различных банкиров. Потому что банкиры размениваются своими чеками в *clearing house* [расчетной палате]. Посредством перевода долгов депозитная система могла бы достигнуть такого распространения, что совсем вытеснила бы употребление металлических денег. Если бы

каждый имел у банка текущий счет и производил все свои платежи посредством чеков, эти чеки сделались бы единственным средством обращения. В этом случае следовало бы предполагать, что деньги находятся в руках банкиров, иначе чеки не имели бы никакой цены» (стр. 124). Централизация местного обращения в руках банков производится 1) посредством филиальных банков. Провинциальные банки имеют отделения в мелких городах своего округа; лондонские банки — в различных городских кварталах Лондона. 2) Посредством агентур. «Всякий провинциальный банк имеет своего агента в Лондоне, чтобы там платить по своим банкнотам или векселям и получать деньги, вносимые жителями Лондона на счета лиц, живущих в провинции» (стр. 127). Каждый банкир собирает банкноты другого банка и не выдает их. В каждом более крупном городе банкиры собираются раз или два раза в неделю и обмениваются своими банкнотами. Сальдо оплачивается переводом на Лондон (стр. 134). «Назначение банков — облегчать коммерческие операции. Все, что облегчает коммерцию, облегчает и спекуляцию. Коммерция и спекуляция во многих случаях так тесно связаны друг с другом, что трудно сказать, где кончается коммерция и где начинается спекуляция... Всюду, где существуют банки, легче и дешевле получить капитал. Дешевизна капитала стимулирует спекуляцию, подобно тому как дешевизна мяса и пива стимулирует прожорливость и пьянство» (стр. 137, 138). «Так как банки, выпускающие собственные банкноты, постоянно расплачиваются этими банкнотами, то может показаться, будто их учетные операции совершаются исключительно посредством капитала, полученного таким путем; но это не так. Банкир может, конечно, оплатить все учетные им векселя своими собственными банкнотами, и тем не менее $\frac{9}{10}$ находящихся в его портфеле векселей могут представлять действительный капитал. Потому что, хотя он сам выдал за эти векселя только свои бумажные деньги, однако нет необходимости в том, чтобы они оставались в обращении до истечения срока векселей. До истечения срока векселей может оставаться еще три месяца, а билеты могут возвратиться через три дня» (стр. 172). «Покрытие счетов клиентами есть нормальная деловая операция. В действительности ради этой цели обеспечивается наличный кредит... Наличные кредиты обеспечиваются не только личной гарантией, но и депонированием ценных бумаг» (стр. 174, 175). «Капитал, ссуженный под залог товаров, имеет то же действие, что и капитал, ссуженный при учете векселей. Если кто-нибудь берет займы 100 ф. ст. под обеспечение своего товара, то это то же самое, как если бы он продал товар за вексель в 100 ф. ст. и затем учел его у банкира. Но ссуда дает ему возможность придержать товар до лучших цен и тем избежать жертв, которые он иначе должен был бы понести, чтобы получить деньги на неотложные дела» (стр. 180, 181).

«The Currency Theory Revealed etc.». [Edinburgh 1845], стр. 62, 63: «Бесспорная истина, что 1 000 ф. ст., которые сегодня я депонировал у *A*, завтра будут снова выданы и составят вклад у *B*. Послезавтра они могут быть снова выданы *B*, депонированы у *C* и так далее до бесконечности. Следовательно, одна и та же 1 000 ф. ст. денег посредством ряда передач может умножиться до абсолютно неопределенной суммы вкладов. Поэтому возможно, что *девять десятых всех вкладов в Англии вовсе не существуют вне бухгалтерских рубрик в книгах банкиров*, каждый из которых зато настаивает на том, что его-то часть существует... Так, в Шотландии, где находящиеся в обращении деньги» (к слову сказать, почти исключительно бумажные деньги!) «никогда не превышают 3 миллионов ф. ст., вклады составляют 27 миллионов. Пока не наступит всеобщее

неожиданное истребование вкладов (a run on the banks), одна и та же 1 000 ф. ст., странствуя туда и сюда, может с такой же легкостью покрыть столь же неопределенную сумму. Так как те же 1 000 ф. ст., которыми я плачу сегодня мой долг коммерсанту, завтра покроют его долг другому купцу, а послезавтра долг банку и так далее до бесконечности, то одни и те же 1 000 ф. ст. могут переходить из рук в руки, от банка к банку, покрывая самую крупную сумму вкладов».

{Как мы видели, Джильбарт уже в 1834 г. понимал, что «все, что облегчает коммерцию, облегчает и спекуляцию. Коммерция и спекуляция во многих случаях так тесно связаны друг с другом, что трудно сказать, где кончается коммерция и где начинается спекуляция». Чем легче можно получить ссуду под непроданные товары, тем больше берется таких ссуд, тем сильнее искушение усилить производство товаров или выбросить на отдаленные рынки уже произведенные товары, — только бы получить под них денежную ссуду. Яркий пример того, как весь торговый мир страны может быть охвачен подобной горячкой и чем она кончается, дает нам история английской торговли 1845—1847 гг. Здесь можно видеть, что может сотворить кредит. В пояснение дальнейших примеров, — несколько предварительных кратких замечаний.

В конце 1842 г. угнетение, тяготевшее над английской промышленностью почти непрерывно с 1837 г., стало ослабевать. В два следующие года спрос из-за границы на товары английской промышленности еще больше повысился; 1845—1846 гг. были периодом высшего процветания. Война из-за ввоза опиума в 1843 г. открыла английской торговле Китай. Новый рынок дал новый толчок и без того бурному подъему, в особенности хлопчатобумажной промышленности. «Как можем мы производить слишком много? Нам предстоит одеть 300 миллионов человек», говорил тогда автору этих строк один манчестерский фабрикант. Но всех этих вновь построенных фабричных зданий, паровых и прядильных машин и ткацких станков было недостаточно для того, чтобы поглотить потоком притекавшую прибавочную стоимость Ланкашира. С той же страстностью, с какой расширяли производство, кинулись на постройку железных дорог; жажда спекуляции, охватившая фабрикантов и купцов, нашла себе удовлетворение прежде всего здесь, именно — уже с лета 1844 г. Подписывались на акции насколько хватало сил, т. е. насколько хватало денег на покрытие первых взносов; для дальнейших взносов средства найдутся! Но, когда наступил срок дальнейших платежей, — согласно вопросу 1059 «Commercial Distress» 1848—1857, сумма капиталов, вложенных в 1846—1847 гг. в железные дороги, достигла 75 миллионов ф. ст., — пришлось прибегнуть к помощи

кредита, и собственным предприятиям фирм по большей части тоже приходилось полатиться за это.

А собственные предприятия были в большинстве случаев уже перенапряжены. Заманчивая высокая прибыль соблазнила на более широкое распространение операций, чем это позволяли имевшиеся в распоряжении свободные средства. Но к услугам был кредит, легко доступный и, кроме того, дешевый. Банковский дисконт стоял низко: в 1844 г. $1\frac{3}{4}$ — $2\frac{3}{4}$ %, в 1845 г. до октября ниже 3%, затем на некоторое время повысился до 5% (февраль 1846), чтобы снова упасть до $3\frac{1}{4}$ % в декабре 1846 г. В кладовых Английского банка накопился золотой запас неслыханного размера. Все отечественные биржевые ценности стояли так высоко, как никогда прежде. Итак, зачем же упускать удобный случай, почему бы быстро не взяться за дело? Почему бы не послать на иностранные рынки, жаждущие английских фабрикатов, все товары, какие только можно произвести? И почему бы самому фабриканту не заполучить двойную прибыль — от продажи пряжи и тканей на Дальнем Востоке и от обратной продажи в Англии полученных за них товаров?

Так возникла система массовых отправок товаров на консигнацию под аванс в Индию и Китай, очень скоро развившаяся в систему отправок на консигнацию исключительно ради авансов, как это подробно изображено в нижеследующих заметках, и неизбежно окончившаяся массовым переполнением рынков и крахом.

Крах этот разразился вследствие неурожая 1846 г. Англия и особенно Ирландия нуждались в огромном привозе пищевых продуктов, в особенности хлеба и картофеля. Но странам, доставлявшим эти продукты, лишь в самой ничтожной доле можно было платить за них продуктами английской промышленности; необходимо было расплачиваться благородным металлом: по меньшей мере 9 миллионов золота ушло за границу. Из этой суммы целых $7\frac{1}{2}$ миллионов золота было взято из наличных запасов Английского банка, благодаря чему свобода действий банка на денежном рынке была чувствительно парализована; прочие банки, резервы которых помещались в Английском банке и фактически были тождественны с резервами этого последнего, точно так же должны были ограничить свои денежные операции; быстро и легко направлявшийся в банк поток платежей приостановился сначала в отдельных местах, потом повсеместно. Банковский дисконт, стоявший еще в январе 1847 г. на высоте 3— $3\frac{1}{2}$ %, поднялся в апреле, когда разразился первый приступ паники, до 7%; затем летом снова наступило слабое преходящее облегчение ($6\frac{1}{2}$ %, 6%), но лишь только выяснился новый неурожай, разразилась новая еще

более сильная паника. Официальный минимальный дисконт Английского банка поднялся в октябре до 7, в ноябре — до 10%, другими словами, огромное большинство векселей можно было учесть только под колоссальные ростовщические проценты или вовсе нельзя было учесть; всеобщая приостановка платежей привела к банкротству ряда первоклассных фирм и многого множества средних и мелких; самому Английскому банку угрожала опасность неизбежного краха вследствие ограничений, возложенных на него хитроумным Банковым актом 1844 г., — тогда правительство, по всеобщему настоянию, приостановило 25 октября действие Банкового акта и тем устранило абсурдные оковы, наложенные на банк законом. Теперь банк мог уже беспрепятственно вводить в обращение свой запас банкнот; так как кредит этих банкнот фактически обеспечивался кредитом нации, следовательно не был потрясен, то вместе с тем немедленно наступило решительное облегчение стеснения с деньгами; разумеется, еще обанкротилось множество крупных и мелких безнадежно зарвавшихся фирм, но высшее напряжение кризиса было уже пережито, банковый учет упал в сентябре снова до 5%, и уже в течение 1848 г. было подготовлено то новое оживление в делах, которое сорвало в 1849 г. дальнейший подъем революционных движений на континенте, в пятидесятых же годах привело к неслыханному дотолу промышленному процветанию, а вслед за ним — к краху 1857 г. — Ф. Э. }

I. О колоссальном обесценении государственных бумаг и акций в течение кризиса 1847 г. дает указания документ, изданный палатой лордов в 1848 г. Согласно этим сведениям, падение ценности бумаг по сравнению с февралем того же года составляло 23 октября 1847 г.:

На английские государственные бумаги	93 824 217	ф. ст.
» акции доков и каналов	1 358 288	»
» железнодорожные акции	19 579 820	»

Итого 114 762 325 ф. ст.

II. «Manchester Guardian» 24 ноября 1847 г. сообщает следующее о мошенничествах в ост-индской торговле, где не векселя выписывались потому, что был куплен товар, а покупали товар затем, чтобы иметь возможность выписать вексель, который можно было бы учесть, превратить в деньги:

А в Лондоне при посредстве В покупает товар у манчестерского фабриканта С для погрузки на корабль в адрес D в Ост-Индию. В рассчитывается с С шестимесячным векселем, выписанным лицом С на В. В, в свою очередь, покрывается шестимесячным векселем на А. Как только товар погружен на корабль, А, в свою очередь, выписывает под накладную шестимесячный переводный вексель на D. «Таким образом оба, и покупатель и отправитель, располагают фондами на много месяцев раньше, чем действительно оплатят товары; и весьма часто векселя эти по истечении срока возобновлялись под тем предлогом,

что при такой длительной сделке необходимо дать время на ее реализацию. Но, к сожалению, потери на такого рода сделках ведут не к ограничению этих сделок, а, напротив, как раз к их распространению. Чем беднее становились участники, тем сильнее делалась для них потребность покупать, чтобы таким образом возместить в новых ссудах утеранный при прежних спекуляциях капитал. Закупки уже не регулировались спросом и предложением, они становились главной финансовой операцией какой-нибудь определенной фирмы. Но это лишь одна сторона дела. Что творилось здесь с экспортом мануфактурных товаров, то происходило и там с закупкой и отправкой продуктов. Торговые дома в Индии, пользовавшиеся достаточным кредитом, чтобы учесть свои векселя, закупали сахар, индиго, шелк или хлопок — не потому, что покупные цены обещали прибыль против последних лондонских цен, а потому, что прежним траттам на лондонскую фирму скоро истек срок и их нужно было покрыть. Так чего же проще: купить груз сахара, заплатить за него десятимесячным векселем на лондонскую фирму и отправить накладную почтой в Лондон? Меньше чем через два месяца накладная на эти едва только погруженные товары, а с ней и сами товары закладывались на Ломбард Стрит, и лондонская фирма получала на руки деньги за восемь месяцев до истечения срока выданных за товар векселей. И все это шло гладко, без всяких перебоев или затруднений, пока дисконтирующие фирмы находили в изобилии деньги для того, чтобы ссужать их под накладные и доковые варранты и учитывать на неограниченные суммы векселя индийских торговых домов у «солидных» фирм на Минсинг Лэн.

{Эта мошенническая процедура практиковалась во-всю до тех пор, пока товары из Индии и в Индию должны были на парусных судах огибать мыс Доброй Надежды. С тех пор, как товары направляются через Суэцкий канал и притом на пароходах, этот способ фабриковать фиктивный капитал потерял под собой такую основу, как продолжительность перевозки товаров. А с тех пор, как телеграф в тот же самый день оповещает английского купца о состоянии индийского рынка и индийского торговца о состоянии английского рынка, этот метод стал совершенно невозможным.—Ф. Э.}

III. В цитированном уже отчете «Commercial Distress» 1847—1848 приводится следующее: «В последнюю неделю апреля 1847 г. Английский банк известил Royal Bank of Liverpool, что с этого числа он наполовину сокращает учетную операцию с последним. Сообщение это произвело очень скверное действие, потому что платежи в Ливерпуле за последнее время гораздо больше производились векселями, чем наличными, и потому что купцы, обычно приносившие банку много наличных денег, чтобы оплатить ими свои акцепты, в последнее время могли принести только векселя, ими самими полученные за их хлопок и другие продукты. Явление это сильно распространилось, а с ним увеличилось и затруднения в делах. Акцепты, которые должен был оплатить банк за купцов, по большей части выдавались за границей и до сего времени обыкновенно покрывались платежами, полученными за продукты. Векселя, доставлявшиеся теперь купцами вместо прежних наличных денег, были различных сроков и различного рода; значительную их часть составляли банковые векселя на три месяца *dato*; большое количество векселей составляли векселя под хлопок. Векселя эти акцептировались лондонскими банкирами, если они были банковыми векселями, в противном же случае — всякого рода купцами, бразильскими, американскими, канадскими, вест-индскими и т. д. фирмами. Купцы не выдавали векселей друг на друга, а клиенты внутри страны, покупав-

шие продукты в Ливерпуле, оплачивали их векселями на лондонские банки, или векселями на другие фирмы в Лондоне, или векселями на какое-нибудь лицо. Объявление Английского банка привело к тому, что был сокращен срок для векселей под проданные иностранные товары, обыкновенно превышавший три месяца» (стр. 26, 27).

Период процветания 1844—1847 гг. в Англии, как указано выше, был связан с первой крупной железнодорожной горячкой. О ее влиянии на торговые дела вообще названный отчет сообщает следующее: «В апреле 1847 г. почти все торговые фирмы стали более или менее обессиливать свои предприятия (to starve their business), помещая часть своего торгового капитала в железные дороги (стр. 42).— Под железнодорожные акции заключались и займы из высоких процентов, напр. из 8%, у частных лиц, банкиров и страховых обществ (стр. 66). Ссужая такие огромные суммы железным дорогам, эти торговые фирмы, в свою очередь, были вынуждены брать у банков посредством учета векселей слишком много капитала, чтобы на эти деньги продолжать ведение своего собственного дела» (стр. 67). — (Вопрос:) «Можете ли вы утверждать, что платежи по железнодорожным акциям сильно способствовали угнетению, господствовавшему» (на денежном рынке) «в апреле и октябре» (1847 г.)? (Ответ:)— «Я полагаю, что едва ли они оказывали какое-либо влияние на угнетение в апреле. Я думаю, что платежи до апреля и, пожалуй, вплоть до лета скорее подкрепляли, чем ослабляли банкиров. Потому что действительное применение денег отнюдь не производилось так быстро, как поступали платежи; вследствие этого большинство банков имело в своих руках в начале года довольно значительную сумму железнодорожных фондов». (Это подтверждается многочисленными показаниями банкиров в комиссии. «С. D.» 1848—1857.) «Сумма эта летом мало-помалу растаяла и к 31 декабря была значительно меньше. Одной из причин угнетения в октябре было постепенное уменьшение железнодорожных фондов в распоряжении банков; между 22 апреля и 31 декабря железнодорожные сальдо в наших руках сократились на треть. Такое влияние имели платежи по железнодорожным акциям по всей Великобритании, мало-помалу они высосали вклады банков» (стр. 43, 44). — То же говорит и Сэмюэль Гарней (глава знаменитой фирмы Overend Gurney and Co): «В 1846 г. был значительно больший спрос на капиталы для железных дорог, но он не повысил ставки процента. Произошло слияние мелких сумм в крупные массы, и эти крупные массы были затрачены на нашем рынке; так что в общем результат был таков, что на денежный рынок в Сити выбрасывалось больше денег, обратно же они не так скоро извлекались» [стр. 159].

А. Ходжсон, директор ливерпульского Joint Stock Bank, показывает, насколько векселя могут служить банкирам в качестве резервов: «У нас было правило по меньшей мере $\frac{9}{10}$ всех наших вкладов и все деньги, полученные нами от других лиц, хранить в нашем портфеле в векселях, срок которым истекал изо дня в день... настолько, что во время кризиса сумма ежедневно истекавших векселей почти равнялась сумме требований об уплате, ежедневно предъявлявшихся к нам» (стр. 53).

Спекулятивные векселя. — (№ 5092.) «Кем главным образом акцептировались векселя» (за проданный хлопок)?—(Р. Гарднер, неоднократно упоминавшийся в настоящей работе хлопчатобумажный фабрикант): «Товарными маклерами; торговец покупает хлопок, передает его маклеру, выписывает вексель на этого маклера и учитывает вексель». — (№ 5094.) «И эти векселя направляются

в ливерпульские банки и учитываются там?» — «Да, а также и в других местах... Не будь этих операций, на которые пошли главным образом ливерпульские банки, хлопок в прошлом году был бы, по моему мнению, дешевле на 1½ или 2 пенса за фунт». — (№ 600.) «Вы сказали, что в обращении находилось огромное количество векселей, выставленных спекулянтами на хлопковых маклеров в Ливерпуле; относится ли то же самое к вашим ссудам под векселя за другие колониальные продукты, кроме хлопка?» — (А. Ходжсон, ливерпульский банкир): «Это касается всех видов колониальных продуктов, особенно же хлопка». — (№ 601.) «Стремитесь ли вы как банкир держаться в стороне от векселей этого рода?» — «Нисколько, мы считаем их совершенно законными векселями, если иметь их в умеренном количестве... По векселям этого рода часто дается отсрочка».

Жульнические махинации на ост-индско-китайском рынке в 1847 г. — Показание Чарльза Тэрнера (главы одной из первоклассных ост-индских фирм в Ливерпуле): «Все мы знаем случаи, имевшие место с операциями на острове Маврикия и в тому подобных делах. Маклеры привыкли брать ссуду под товары не только по их прибытии на покрытие векселей, выданных за эти товары, что вполне в порядке вещей, и ссуды под накладные, но они брали ссуды под продукт, прежде чем он погружен, а в некоторых случаях — прежде чем он произведен. Например, в одном конкретном случае я купил в Калькутте векселей на 6 000—7 000 ф. ст.; выручка от этих векселей пошла на Маврикий на содействие культуре сахара; векселя прибыли в Англию, и более половины их было там опротестовано; когда же, наконец, прибыл груз сахара, которым должны были быть оплачены векселя, то оказалось, что сахар этот уже был заложен третьим лицам, прежде чем он был погружен, в действительности даже почти раньше, чем он был произведен» (стр. 78). «За товары для ост-индского рынка приходится теперь платить фабриканту наличными; но это ничего не значит, так как, если покупатель пользуется в Лондоне каким-нибудь кредитом, он выставляет вексель на Лондон и учитывает его в Лондоне, где дисконт стоит теперь низко; полученными таким образом деньгами он расплачивается с фабрикантом... проходит по меньшей мере двенадцать месяцев, пока отправитель товаров в Индию не получит оттуда своей выручки;... человек с 10 000 или 15 000 ф. ст., начинающий операции с Индией, добьется на значительную сумму кредита у лондонской фирмы; этой фирме он будет платить 1% и выдавать на нее векселя под условием, что выручка от проданных в Индию товаров будет прислана лондонской фирме; при этом обе стороны молчаливо вступают в соглашение, что лондонская фирма не должна выдавать действительной ссуды наличными деньгами, т. е. что векселя будут пролонгированы, пока не придут вырученные деньги. Векселя дисконтировались в Ливерпуле, Манчестере, Лондоне; некоторые из них находятся во владении шотландских банков» (стр. 79). — (№ 730.) «Вот фирма, недавно обанкротившаяся в Лондоне; при исследовании книг оказалось следующее: существовала одна фирма в Манчестере и другая в Калькутте; они открыли кредит у лондонской фирмы на 200 000 ф. ст.; т. е. клиенты этой манчестерской фирмы, посылавшие фирме в Калькутте из Глазго и Манчестера товары на консигнацию, трассировали на лондонскую фирму в сумме до 200 000 ф. ст.; в то же время устанавливалось соглашение, что калькуттская фирма выдаст векселей на лондонскую фирму тоже на 200 000 ф. ст.; векселя эти были проданы в Калькутте, на вырученные деньги были куплены другие векселя, и эти последние были отправлены в Лондон, чтобы дать возможность лондонской фирме уплатить по первым векселям, выданным в Глазго или Ман-

честере. Таким образом благодаря одной этой операции было выпущено в свет векселей на 600 000 ф. ст.».—(№ 971.) «В настоящее время, если фирма в Калькутте покупает корабельный груз» (для Англии) «и расплачивается за него своей собственной траттой на своего лондонского корреспондента и накладные отправляются сюда, то эти накладные тотчас пускаются им в дело для получения ссуды на Ломбард Стрит; следовательно, торговый дом может в течение восьми месяцев пользоваться деньгами, прежде чем его корреспонденту придется уплатить по векселям».

IV. В 1848 г. заседала секретная комиссия палаты лордов для исследования причин кризиса 1847 г. Свидетельские показания, данные перед этой комиссией, были, однако, опубликованы только в 1857 г. («Minutes of Evidence, taken before the Secret Committee of the H. of L. appointed to inquire into the Causes of Distress и т.д.» 1857; нами цитируется: «С. D.» 1848/57). В этой комиссии управляющий Union Bank of Liverpool, г. Листер, сказал, между прочим, следующее:

(2444.) «Весной 1847 г. кредит получил неслыханное расширение, потому что коммерсанты переводили свой капитал из собственных предприятий в железные дороги и тем не менее хотели продолжать свое дело в прежних размерах. Каждый, вероятно, думал вначале, что ему удастся продать с прибылью железнодорожные акции и таким образом вернуть деньги в дело. Увидев, может быть, что это невозможно, они стали для своих предприятий брать кредит там, где раньше расплачивались наличными. Отсюда и возникло расширение кредита».

(2500.) «Векселя эти, на которых банки, их принявшие, потерпели убытки, были ли эти векселя главным образом за хлеб или хлопок?»... «Векселя эти были за продукты всякого рода, хлеб, хлопок и сахар и всякого рода продукты. В то время не было ни одного продукта, — за исключением, быть может, масла, — который не упал бы в цене». — (2506.) «Маклер, акцептирующий вексель, не акцептирует его без достаточного покрытия, в том числе и на случай падения цен на товар, служащий покрытием».

(2512.) «За продукты выдаются двоякого рода векселя. К первому роду принадлежит первоначальный вексель, выданный извне на импортера... Сроки векселей, выдаваемых таким образом за продукты, нередко истекают до прибытия продуктов. Поэтому купец, если прибудет товар и у него нет достаточно капитала, должен заложить товар у маклера, пока не удастся продать его. Тогда немедленно выдается другого рода вексель ливерпульским купцом на маклера, под обеспечение того товара... тогда уже дело банкира осведомиться у маклера, есть ли у него товар и сколько дал он под него ссуд. Он должен убедиться, что маклер имеет покрытие, чтоб поправить дело в случае убытков».

(2516.) «Мы получаем также векселя из-за границы. Кто-нибудь покупает за границей вексель на Англию и посылает его в английскую фирму; мы не можем видеть по векселю, выдан ли он разумно или неразумно, представляет ли он товар или ветер».

(2533.) «Вы сказали, что иностранные продукты почти всех родов были проданы с большими убытками. Думаете ли вы, что это было следствием неоправданной спекуляции с этими продуктами?»—«Убытки произошли от слишком большого привоза, между тем как не было соответствующего потребления, которое поглотило бы его. По всей видимости, потребление очень сильно понизилось». — (2534.) «В октябре... продуктов почти нельзя было продать».

О том, как в момент высшего развития катастрофы раздается всеобщий крик *saive qui peut* [спасайся, кто может], об этом говорит в том же отчете перво-

классный внаток — достопочтенный бывалый квакер Сэмюель Гарней, глава фирмы Overend Gurhey and Co: (1262.) «Когда царит паника, деловой человек не спрашивает себя, по какой цене может он поместить свои банкноты, потеряет ли он 1 или 2% на продаже своих сертификатов или трехпроцентной ренты. Раз он находится под влиянием страха, его не интересует ни прибыль, ни убыток; он старается обезопасить себя самого, все остальные пусть делают, что хотят».

V. О взаимном переполнении обоих рынков г. Александер, купец, участвующий в ост-индской торговле, показал следующее перед комиссией Нижней палаты о Банковом акте 1857 г. (цитируется «В. С.» 1857); (4330.) «В настоящий момент, если я заплачу в Манчестере 6 шилл., я получу в Индии 5 шилл.; если же я заплачу в Индии 6 шилл., я получу в Лондоне 5 шилл.». Таким образом индийский рынок через Англию и английский через Индию переполняются в одинаковой мере. И именно такой случай имел место летом 1857 г. через неполных десять лет после горького опыта 1847 г.!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

НАКОПЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА; ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАВКУ ПРОЦЕНТА.

«В Англии происходит постоянное накопление все нового богатства, имеющее тенденцию принять в конечном счете денежную форму. Но вслед за желанием приобретать деньги наиболее настойчивым является желание снова освободиться от них путем какого-нибудь приложения, дающего проценты или прибыль, потому что деньги как деньги ничего не приносят. Поэтому, если одновременно с этим постоянным притоком избыточного капитала не происходит постепенного и достаточного расширения поля деятельности для него, мы должны быть подвержены периодическим накоплениям денег, ищущих приложения, причем эти накопления, смотря по обстоятельствам, могут быть более или менее значительны. В течение длинного ряда лет государственные займы были главным средством для высасывания избыточного богатства Англии. С того времени, как государственный долг достиг в 1816 г. своего максимума и больше уже не высасывает избыточного богатства, ежегодно оказывалась сумма по меньшей мере в 27 миллионов, ищущая для себя другого помещения. К тому же происходит возврат капиталов в различных видах... Предприятия, нуждающиеся для своего осуществления в крупных капиталах и от времени до времени отводящие избыток незанятого капитала... по крайней мере нашей стране абсолютно необходимы для того, чтобы отвлечь периодические накопления избыточного общественного богатства, которые в обычных отраслях приложения капиталов не могут найти себе места» («The Currency Theory Reviewed». London 1845, стр. 32—34). О 1845 г. там же говорится: «В течение очень короткого периода цены поднялись по сравнению с самым низким пунктом депрессии... трехпроцентный государственный заем стоит почти *al pari*... золото в кладовых Английского банка превышает суммы, когда-либо накопившиеся там. На всякого рода акции стоят цены, почти никогда не слыханные, а процент так упал, что он почти номинален... Все это доказывает, что теперь в Англии снова налицо тягостное накопление незанятого богатства, что в недалеком

будущем нам снова предстоит период спекулятивной горячки» (там же, стр. 36).

«Хотя ввоз золота не служит верным показателем прибылей во внешней торговле, однако, при отсутствии других показателей, он *prima facie* [прежде всего] отражает такую прибыль» (J. G. Hubbard: «The Currency and the Country». London 1843, стр. 40—41). «Предположим, что в период устойчивого благоприятного положения дел, прибыльных цен и достаточного денежного обращения вследствие плохого урожая необходим вывоз 5 миллионов золота и ввоз хлеба на ту же сумму. Обращение {это означает, как сейчас будет видно, не средства обращения, а незанятый денежный капитал. — Ф. Э.} сократится на ту же сумму. Сколько бы средств обращения ни имели частные лица, вклады купцов в их банках, сальдо банков у их денежных маклеров и резервы в кассах банков — все они сократятся, и непосредственным следствием этого уменьшения количества незанятого капитала явится повышение процента, скажем с 4 до 5%. Так как положение дел здоровое, доверие не будет потрясено, но кредит станет цениться выше» (там же, стр. 42). «Если все товарные цены понизятся, избыточные деньги обратно притекут в банки в форме увеличенных вкладов, избыток незанятого капитала понизит ставку процента до минимума, и это положение вещей будет продолжаться до тех пор, пока более высокие цены или торговое оживление не введут в дело бездействующие деньги или пока эти деньги не будут затрачены на покупку иностранных ценных бумаг или иностранных товаров» (стр. 68).

Дальнейшие выдержки снова взяты из парламентского отчета о Commercial Distress [торговом кризисе] 1847—1848 гг. — Вследствие неурожая и голода 1846—1847 гг. потребовался большой ввоз продовольственных продуктов. «Отсюда крупный перевес ввоза над вывозом... Отсюда значительный отлив денег из банков и усиленный наплыв к учетным маклерам лиц, вынужденных дисконттировать векселя; маклеры начинают строже принимать векселя. Открытый до сих пор кредит подвергся весьма серьезному ограничению, и среди слабых фирм начались крахи. Те, кто строил свои дела исключительно на кредите, окончательно разорились. Это усилило уже ранее ощущавшееся беспокойство; банкиры и другие увидели, что они не могут с такой уверенностью, как раньше, рассчитывать на превращение своих векселей и других ценных бумаг в банкноты, чтобы выполнить свои обязательства; они еще сильнее сократили кредит, часто вовсе прекращали его; во многих случаях они припрятывали свои банкноты для будущего покры-

тия своих собственных обязательств; они предпочитали вовсе не выпускать их. Беспокойство и смятение росли с каждым днем, и, не появившись письмо лорда Джона Расселя, всеобщее банкротство было бы налицо» (стр. 74, 75). Письмо Расселя приостанавливало действие Банковского акта. — Вышеупомянутый Чарльз Тэрнер показал: «У некоторых фирм были большие средства, но они не были свободны. Весь их капитал крепко застрял в земельной собственности на острове Маврикия или на фабриках индиго и сахарных заводах. Некогда приняв обязательства на 500 000—600 000 ф. ст., они не имели свободных средств для расплаты по векселям, и в конце концов оказалось, что они могли платить по своим векселям лишь посредством своего кредита и лишь постольку, поскольку его хватало» (стр. 81). — Упомянувшийся С. Гарней показал: [1664.] «В настоящее время (в 1848 г.) наблюдается сокращение оборотов и большое изобилие денег». — (№ 1763.) «Я не думаю, чтобы недостаток капитала был причиной, которая так высоко погнала вверх ставку процента; то был страх (the alarm), трудность получить банкноты».

В 1847 г. Англия уплатила за границу по меньшей мере 9 миллионов ф. ст. золота за ввезенные пищевые продукты. Из них 7½ миллионов взяты из Английского банка и 1½ из других источников (стр. 245). — Моррис, управляющий Английским банком, заявил: [3800.] «23 октября 1847 г. государственные фонды и акции каналов и железных дорог были уже обесценены на 114 752 225 ф. ст.» (стр. 312). Тот же Моррис в ответ на вопрос лорда Дж. Бентинка показал: [3846.] «Не известно ли вам, что весь капитал, помещенный в ценные бумаги и продукты всякого рода, обесценился таким же образом, что сырье, хлопок-сырец, шелк-сырец, сырая шерсть посылались на континент по таким же чрезвычайно низким ценам и что... сахар, кофе и чай пошли с большими жертвами с аукционов?» — «Нация неизбежно должна была принести значительные жертвы, чтобы справиться с отливом золота, вызванным колоссальным ввозом пищевых продуктов». — [3848.] «Не думаете ли вы, что было бы лучше потревожить 8 миллионов фунтов стерлингов, лежащих в хранилищах банка, чем пытаться возратить золото с такими жертвами?» — «Нет, я не думаю этого». — А вот комментарии к этому героизму. Дизраэли допрашивает господина В. Коттона, директора и бывшего управляющего Английским банком: «Как велик был дивиденд, полученный акционерами банка в 1844 г.?» — «7% годовых». — «А дивиденд 1847 г.?» — «9%». — «Уплачивает ли банк в текущем году подоходный налог за своих акционеров?» — «Конечно». — «Сделал ли

это банк и в 1844 г.?) — «Нет»⁸³. — «В таком случае, следовательно, этот Банковый акт (1844 г.) был весьма в интересах акционеров. Значит, результат таков, что со времени введения в действие нового закона дивиденд акционеров повысился с 7% до 9%, и, кроме того, подоходный налог уплачивается теперь банком, тогда как прежде он должен был уплачиваться акционерами?» — «Совершенно верно». — (№№ 4356—4361.)

Мистер Пииз, провинциальный банкир, сообщает следующее относительно накопления запасов в банках во время кризиса 1847 г.: (4605.) «Так как банк был вынужден все более повышать свой процент, то опасения стали всеобщими; провинциальные банки увеличили свои денежные запасы, равно как и суммы банковых билетов; и многие из нас, которые, быть может, в обычное время держали у себя лишь несколько сот фунтов в золоте или в банкнотах, стали немедленно накапливать тысячи фунтов в денежных шкафах и конторках, так как господствовала полная неизвестность относительно дисконта и способности векселей обращаться на рынке, и таким образом последовало всеобщее накопление денежных запасов». Член комиссии замечает: (4691.) «Следовательно, какова бы ни была причина в течение последних 12 лет, результат во всяком случае был больше к выгоде ростовщика и торговца деньгами, чем к выгоде производительного класса вообще».

Как сильно эксплуатируют торговцы деньгами время кризиса, показывает Тук: «В металлическом производстве Уорвикшира и Стаффордшира многие заказы на товар в 1847 г. были аннулированы, потому что процент, который должен был платить фабрикант за учет своих векселей, больше чем поглотил бы всю его прибыль». (№ 5451.)

Возьмем теперь другой, уже ранее цитированный парламентский отчет: «Report of Select Committee on Bank Acts, communicated from the Commons to the Lords, 1857» (в дальнейшем цитируется как «В. С.» 1857). Вот что показывал на допросе г. Нормэн, директор Английского банка и главное светило среди сторонников currency principle:

(3635.) «Вы сказали, что держитесь того взгляда, что ставка процента зависит не от количества банкнот, а от спроса и предложения

⁸³ То-есть прежде сначала устанавливался дивиденд, и затем уже при выплате дивиденда удерживался с каждого акционера подоходный налог; после же 1844 г. сначала уплачивался налог со всей прибыли банка, а затем уже распределялся дивиденд «free of income Tax» [свободный от подоходного налога]. Следовательно, процент номинально один и тот же, во втором случае выше на сумму налога. — Ф. Э.

капитала. Не угодно ли вам будет пояснить, что разумеете вы под капиталом помимо банкнот и металлических денег?» — «Я полагаю, что обыкновенное определение капитала таково: это товары или услуги, употребляемые в производстве». — (3636.) «Все ли товары вы охватываете словом капитал, когда говорите о ставке процента?» — «Все товары, употребляемые в производстве». — (3637.) «Все это вы разумеете под словом капитал, когда говорите о ставке процента?» — «Да. Допустим, что хлопчатобумажному фабриканту требуется хлопок для своей фабрики; по всей вероятности, он раздобудет его таким образом, что возьмет ссуду у своего банкира и отправится с полученными таким образом банкнотами в Ливерпуль и купит хлопок. Что ему действительно требуется, так это хлопок; банкноты или золото ему требуются только как средство получить хлопок. Или, напр., ему требуются средства для расплаты с рабочими; тогда он снова занимает банкноты и уплачивает ими заработную плату своим рабочим; рабочим, в свою очередь, требуется пища и квартира, и деньги являются средством платежа за них». — (3638.) «Но ведь процент платится за деньги?» — «Конечно, прежде всего; но возьмите другой случай. Допустим, что фабрикант покупает хлопок в кредит, не беря ссуды в банке; тогда разница между ценой за наличный расчет и ценой в кредит в момент окончания срока и будет мерой процента. Процент существовал бы, даже если бы вообще не было на свете денег».

Этот самодовольный вздор вполне достоин этого столпа суггесу principle. Прежде всего гениальное открытие, что банкноты или золото являются средством что-нибудь купить, что их берут займы не ради них самих. И отсюда должно следовать, что процентная ставка регулируется чем? Спросом и предложением товаров, хотя мы до сих пор знали только, что они регулируют рыночные цены товаров. Но с одинаковыми рыночными ценами товаров совместимы совершенно различные нормы процента. — И дальше такая мудрость. На правильное замечание: «Но ведь процент платится за деньги», которое, конечно, заключает в себе вопрос: какое касательство к товарам имеет процент, получаемый банкиром, который вовсе не торгует этими товарами? И разве фабриканты, затрачивающие эти деньги на самых различных рынках, т. е. на рынках, где господствует совершенно различное соотношение спроса и предложения употребляемых в производстве товаров, не получают денег по одинаковой процентной ставке? — На этот вопрос наш величавый гений отвечает: если фабрикант покупает хлопок в кредит, «то разница между ценой за наличный расчет и ценой в кредит в момент истечения срока

и будет мерой процента». Наоборот. Существующая норма процента, регулирование которой должен разъяснить гений Нормэна, есть масштаб разницы между ценой за наличный расчет и ценой в кредит до истечения срока. Прежде всего надо продать хлопок по его цене за наличный расчет, а эта цена определяется рыночной ценой, которая, в свою очередь, регулируется состоянием спроса и предложения. Допустим, что цена = 1 000 ф. ст. На этом кончается сделка между фабрикантом и хлопковым маклером, поскольку идет речь о купле-продаже. Но сюда присоединяется вторая сделка. Сделка между займодавцем и заемщиком. Стоимость в 1 000 ф. ст. дается фабриканту в ссуду хлопком, а он должен возвратить ее деньгами, скажем, через три месяца. Тогда проценты с суммы в 1 000 ф. ст. за три месяца, устанавливаемые рыночной нормой процента, и составят надбавку к цене за наличный расчет. Цена хлопка определяется спросом и предложением. Но цена ссуженной стоимости хлопка, 1 000 ф. ст. на три месяца, определяется нормой процента. И тот факт, что сам хлопок превращается таким образом в денежный капитал, служит в глазах г. Нормэна доказательством того, что процент существовал бы, даже если бы вообще не было на свете денег. Не будь вообще денег, во всяком случае не было бы общей нормы процента.

Прежде всего вульгарное представление о капитале как о «товарах, употребляемых в производстве». Поскольку эти товары фигурируют как капитал, их стоимость как *капитала*, в отличие от их стоимости как *товаров*, выражается в прибыли, которая получается от их производительного или торгового применения. И норма прибыли безусловно имеет всегда известное отношение к рыночной цене купленных товаров и к их спросу и предложению, но определяется она совсем другими обстоятельствами. И что норма процента в общем имеет предел в норме прибыли, в этом нет никакого сомнения. Но пусть г. Иормэн прямо скажет нам, как определяется этот предел. Определяется же он спросом и предложением денежного капитала *в отличие* от всех других форм капитала. Но можно было бы дальше спросить: как определяется спрос и предложение денежного капитала? Не подлежит сомнению, что существует скрытая связь между предложением вещного капитала и предложением денежного капитала, равно как и то, что спрос промышленных капиталистов на денежный капитал определяется условиями действительного производства. Вместо того, чтобы разъяснить нам это, г. Нормэн раскрывает нам ту премудрость, что спрос на денежный капитал не тождествен со спросом на деньги как таковые; — и только эту

премудрость, потому что в глубине души у него, у Оверстона и других пророков *surgensu principle* таится нечистая совесть, так как они путем искусственного законодательного вмешательства стремились сделать капитал из средства обращения как такового и повысить ставку процента.

Обратимся теперь к лорду Оверстону, *alias* [иначе именуемому] Сэмюэлю Джонсу Лойду, и посмотрим, как ему приходится объяснять, почему он взимает 10% за свои «деньги», раз так редко в стране «капитал».

(3653.) «Колебания нормы процента происходят от одной из двух причин: от изменения стоимости капитала» (превосходно! Ведь стоимость капитала и есть, вообще говоря, ставка процента! Следовательно, изменение нормы процента происходит здесь от изменения нормы процента! «Стоимость капитала», как мы раньше показали, теоретически никогда не понимается иначе. Или, быть может, г. Оверстон понимает под стоимостью капитала норму прибыли, — тогда глубокомысленный мыслитель возвращается к тому, что норма процента регулируется нормой прибыли!) «или от изменения суммы имеющихся в стране денег. Все крупные колебания процента, крупные или по продолжительности или по амплитуде колебаний, могут быть явственно сведены к изменениям в стоимости капитала. Наиболее убедительной практической иллюстрацией этого факта может служить повышение ставки процента в 1847 г. и затем в последние два года (1855—1856); меньшие колебания ставки процента, вытекающие из изменения суммы имеющихся денег, невелики как по их амплитуде, так и по их продолжительности. Они происходят часто, и чем они чаще, тем действительно приводят они к своей цели», т. е. к обогащению банкиров *à la* [типа] Оверстон. Милейший Сэмюэль Гарней по этому поводу очень наивно выражается перед комитетом палаты лордов, «С. D.» 1848: (1324.) «Придерживаетесь ли вы того мнения, что крупные колебания ставки процента, имевшие место в прошлом году, были выгодны банкирам и торговцам деньгами, или нет?» — «Я думаю, они были выгодны торговцам деньгами. Все колебания в хозяйственной жизни выгодны тем, кто знает в этом толк (*to the knowing men*)». — (1325.) «Не теряет ли в конце концов банкир при высокой ставке процента вследствие обеднения своих лучших клиентов?» — «Нет, я того мнения, что в сколько-нибудь заметной степени такой результат не имеет места». — *Voilà ce que parler veut dire.* [Вот что значит болтать.]

Мы еще возвратимся к вопросу о влиянии на ставку процента суммы имеющихся в стране денег. Но уже теперь необходимо заме-

тять, что и здесь Оверстон совершает *quid pro quo*. Спрос на денежный капитал в 1847 г. (до октября не было никаких забот из-за недостатка в деньгах, из-за «количества имеющихся денег», как выше назвал его Оверстон) стал усиливаться по различным причинам: вздорожание хлеба, повышение цен на хлопок, невозможность продать сахар вследствие перепроизводства, железнодорожная спекуляция и крах, переполнение внешних рынков хлопчатобумажными товарами, вышеописанный форсированный ввоз в Индию и вывоз из Индии с одной только целью раздобыть бронзовых векселей. Все эти обстоятельства, перепроизводство в промышленности, равно как и недопроизводство в земледелии, следовательно совершенно различные причины обусловили повышение спроса на денежный капитал, т. е. на кредит и деньги. Повысившийся спрос на денежный капитал имел свои причины в ходе самого процесса производства. Но какова бы ни была причина, именно спрос на *денежный* капитал повел к повышению ставки процента, стоимости денежного капитала. Если Оверстон хочет сказать, что стоимость денежного капитала повысилась, *потому что* она повысилась, то это тавтология. Если же он разумеет здесь под «стоимостью капитала» повышение нормы прибыли как причину повышения ставки процента, то ошибочность этого положения сейчас будет обнаружена. Спрос на денежный капитал, а потому «стоимость капитала» может повыситься, хотя прибыль понижается; как только относительное предложение денежного капитала понизится, повысится его «стоимость». Оверстону хотелось доказать, что кризис 1847 г. и сопровождавшая его высокая норма процента ничуть не зависели от «количества имеющихся денег», т. е. от постановлений инспирированного им Банкового акта 1844 г.; хотя в действительности они зависели от него, поскольку страх перед возможностью исчерпания [Erschöpfung] банковского резерва, — этого творения [Schöpfung] Оверстона, — присоединил к кризису 1847—1848 гг. денежную панику. Но сейчас вопрос не в этом. Был налицо недостаток денежного капитала, обусловленный чрезмерными по сравнению с имевшимися средствами размерами операций и поведший к взрыву вследствие нарушения процесса воспроизводства, порожденного неурожаем, неумеренным железнодорожным строительством, перепроизводством, особенно хлопчатобумажных товаров, индийскими и китайскими махинациями, спекуляциями, чрезмерным ввозом сахара и т. д. Лицам, купившим хлеб тогда, когда он стоил 120 шилл. за квартал, доставало теперь, когда его цена упала до 60 шилл., именно 60 шилл., переплаченных ими, и на такую же сумму доставало залогового кредита под хлеб. Отнюдь не недостаток

в банкнотах мешал им обратить свой хлеб в деньги по старой цене в 120 шилл., как не он мешал и тем, кто ввез слишком много сахара, который затем почти не удавалось продать. Таково же было положение тех господ, которые прочно поместили свой оборотный капитал (floating capital) в железные дороги и для возмещения его в своем «официальном» деле обратились к кредиту. Все это для Оверстона выражается в «моральном сознании повысившейся стоимости его денег (a moral sense of the enhanced value of his money)». Но этой повысившейся стоимости денежного капитала как раз соответствовала на другой стороне понизившаяся денежная стоимость реального капитала (товарного капитала и производительного капитала). Стоимость капитала в одной форме повысилась, потому что стоимость капитала в другой форме понизилась. Оверстон же пытается отождествить обе эти стоимости различного рода капиталов в единой стоимости капитала вообще и притом таким образом, что противопоставляет обе их недостатку в средствах обращения, в наличных деньгах. Но одна и та же сумма денежного капитала может быть отдана взаймы посредством самого различного количества средств обращения.

Возьмем его пример 1847 г. Официальная ставка банковского процента составляла: в январе 3—3½%, в феврале 4—4½%, в марте по большей части 4%, в апреле (паника) 4—7½%, в мае 5—5½%, в июне в общем 5%, в июле 5%, в августе 5—5½%, в сентябре 5% с небольшими колебаниями до 5¼, 5½, 6%, в октябре 5, 5½, 7%, в ноябре 7—10%, в декабре 7—5%. — В этом случае процент повышался, потому что прибыль падала, а денежные стоимости товаров упали непомерно низко. Следовательно, если Оверстон говорит здесь, что ставка процента в 1847 г. повысилась, так как стоимость капитала повысилась, то под стоимостью капитала он может разуметь здесь только стоимость денежного капитала, а стоимость денежного капитала есть именно ставка процента и только ставка процента. Но позднее выглядывает лисий хвост — стоимость капитала отождествляется с нормой прибыли.

Что касается высокой ставки процента в 1856 г., то Оверстон действительно не знал, что она была отчасти симптомом появления категории рыцарей кредита, уплачивавших проценты не из прибыли, а из чужого капитала; он утверждал всего лишь за несколько месяцев до кризиса 1857 г., что «положение дела безусловно здоровое».

Далее он говорит: (3722.) «Представление, будто прибыль предприятия уничтожается с повышением ставки процента, в высшей степени ошибочно. Во-первых, повышение ставки процента редко бывает продолжительным; во-вторых, если оно и бывает длительным

и значительным, то по существу оно представляет собою повышение стоимости капитала; а почему повышается стоимость капитала? Потому, что поднялась норма прибыли». — Итак, здесь мы, наконец, узнали, какой смысл имеет «стоимость капитала». Впрочем, норма прибыли может оставаться продолжительное время на высоком уровне, а предпринимательский доход упасть, и ставка процента повыситься, так что процент поглотит большую часть прибыли.

(3724.) «Повышение ставки процента было следствием колоссального развития торговых дел в нашей стране и крупного повышения нормы прибыли; и если раздаются жалобы, что повышенная ставка процента разрушает те самые две вещи, которые были ее собственной причиной, то это логический абсурд, о котором не знаешь, что сказать». — Но это как раз столь же логично, как если бы он сказал: повышенная норма прибыли была следствием повышения товарных цен спекуляцией, и если раздаются жалобы, что повышение цен уничтожает свою собственную причину, т. е. спекуляцию, то это логический абсурд и т. д. Что вещь может в конце концов уничтожить свою собственную причину, — это логический абсурд только для ростовщика, влюбленного в высокую ставку процента. Могущество римлян было причиной их завоеваний, а эти завоевания уничтожили их могущество. Богатство — причина роскоши, а роскошь действует разрушительно на богатство. Этаким хитрец! Идиотизм современного буржуазного мира как нельзя лучше характеризуется той почтительностью, какую внушала всей Англии «логика» миллионера, этого *dung-hill aristocrat* [аристократа навозной кучи]. Впрочем, если высокая норма прибыли и расширение предприятий могут быть причинами высокой ставки процента, то отсюда отнюдь не следует, что высокая процентная ставка является причиной высокой прибыли. Вопрос именно в том и состоит, не удержался ли этот высокий процент (как это действительно показал кризис) или не поднялся ли он до высшей своей точки после того, как от высокой нормы прибыли осталось лишь одно воспоминание.

(3718.) «Что касается крупного повышения нормы учетного процента, то обстоятельство это возникает исключительно из увеличившейся стоимости капитала, а причину увеличившейся стоимости капитала, думается мне, с полной ясностью может открыть всякий. Я уже упоминал о том факте, что за 13 лет действия Банкового акта торговля Англии выросла с 45 до 120 миллионов фунтов стерлингов. Восстановите в своей памяти все события, заключающиеся в этих кратких цифровых данных; вспомните колоссальный спрос на капитал, принесший с собой такое неслыханное развитие торговли; вспом-

ните, наконец, что естественный источник предложения для этого громадного спроса, а именно ежегодные сбережения страны, был в течение трех или четырех последних лет исчерпан на затраты для военных надобностей, не приносящие прибыли. Признаюсь, я был поражен, что процент не поднялся еще выше, или, другими словами, я поражен, что стеснение капиталов вследствие таких колоссальных операций не стало еще сильнее, чем вы его уже наблюдали).

Какая удивительная игра словами у нашего ростовщического логика! Он снова тут со своей повывисшейся стоимостью капитала! Повидимому, он воображает себе, что на одной стороне происходило это колоссальное расширение процесса воспроизводства, следовательно накопление действительного капитала, а на другой находился «капитал», на который появился «колоссальный спрос», вызванный стремлением осуществить это колоссальное увеличение торговли! Но разве это колоссальное увеличение производства не представляло собой самого увеличения капитала и разве, создавая спрос, оно вместе с тем не создавало и предложения и даже увеличенного предложения денежного капитала? Если ставка процента поднялась очень высоко, то ведь только потому, что спрос на денежный капитал рос еще быстрее, чем предложение, другими словами, потому, что с расширением промышленного производства расширилось ведение его на основе кредитной системы. Другими словами, действительное расширение промышленности вызвало усиленный спрос на «суды», и этот последний спрос есть, очевидно, то, что наш банкир разумеет под «колоссальным спросом на капитал». Конечно, не расширение простого *спроса* на капитал подняло вывозную торговлю с 45 до 120 миллионов. И что разумеет дальше Оверстон, когда говорит, что поглощенные Крымской войной ежегодные сбережения страны образуют естественный источник предложения для этого большого спроса? Во-первых, при помощи чего же накопляла Англия в период 1792—1815 гг., когда война была совсем не та, что маленькая Крымская война? Во-вторых, если естественный источник иссяк, из какого же источника притекает капитал? Как известно, Англия не брала займы у других наций. Но если рядом с естественным источником существует еще искусственный, то ведь было бы самым приятным методом для страны пользоваться естественным источником для войны, а искусственным источником—в торговом деле. Если же был налицо только старый денежный капитал, то ведь не мог он удвоить своей эффективности благодаря высокой ставке процента? Г-н Оверстон, очевидно, полагает, что ежегодные сбережения страны (однако в этом случае, повидимому, потребленные)

превращаются только в денежный капитал. Но если бы не происходило действительного накопления, т. е. повышения производства и увеличения количества средств производства, какой прок был бы от накопления долговых требований на это производство, обремененных в денежную форму?

Повышение «стоимости капитала», вытекающее из высокой нормы прибыли, Оверстон путает с повышением, вытекающим из усиленного спроса на денежный капитал. Этот спрос может возрастать по причинам, совершенно независимым от нормы прибыли. Сам же Оверстон приводит в пример, что в 1847 г. этот спрос усилился вследствие обесценения реального капитала. Смотри по тому, как ему удобнее, он относит стоимость капитала то к реальному капиталу, то к денежному капиталу.

Недобросовестность нашего банкового лорда, так же как и его ограниченная банкирская точка зрения, которую он дидактически подчеркивает, обнаруживается дальше в следующем: (3728. Вопрос:) «Вы сказали, что, по вашему мнению, норма учета не имеет для купца существенного значения; не будете ли так добры сказать, что вы считаете обычной нормой прибыли?». Дать ответ на этот вопрос г. Оверстон признает «невозможным». (3729.) «Допустим, что средняя норма прибыли 7—10%; в таком случае изменение нормы учета с 2% до 7% или 8% должно сильно повлиять на норму прибыли, не правда ли?» (Сам автор вопроса смешивает норму предпринимательского дохода с нормой прибыли и упускает из виду, что норма прибыли является общим источником процента и предпринимательского дохода. Норма процента может оставить без изменения норму прибыли, но не предпринимательский доход. Оверстон отвечает): «Во-первых, коммерсанты не станут платить такую норму учета, которая поглощает значительную часть их прибыли; в этом случае они скорее приостановят свое дело». (Конечно, если они могут это сделать, не разоряя себя. Пока их прибыль высока, они будут платить дисконт, потому что этого хотят, а раз она низка, они будут платить, потому что вынуждены платить.) «Что значит учет? Почему кто-нибудь учитывает вексель?... Потому что он хочет получить больше капитала». (Стоп! Потому что он хочет предвосхитить обратный приток в денежной форме своего прочно помещенного капитала и избежать застоя в своих делах. Потому что он должен покрыть срочные платежи. Увеличения капитала он требует только, когда дело идет хорошо или, если он спекулирует на чужих капиталах, даже когда оно плохо идет. Учет отнюдь не является только средством для расширения дела.) «А почему он хочет получить в свое распоряжение большой

капитал? Потому что он хочет дать приложение этому капиталу; а почему он хочет дать приложение капиталу? Потому что это выгодно, но для него было бы невыгодно, если бы учет поглощал его прибыль».

Этот самодовольный логик полагает, что векселя учитываются только для расширения дела и что дело расширяется потому, что оно прибыльно. Первое предположение ложно. Обыкновенный предприниматель дисконтирует, чтобы антиципировать денежную форму своего капитала и тем сохранить непрерывность процесса воспроизводства; не за тем, чтобы расширить дело или раздобыть добавочный капитал, а чтобы уравновесить кредит, который он дает, кредитом, который он получает. И, если он станет расширять свое дело в кредит, учет векселей принесет ему мало пользы, так как учет есть только превращение уже находящегося в его руках денежного капитала из одной формы в другую; он предпочтет заключить твердый заем на более длинный срок. Впрочем, рыцарь кредита учитывает свои бронзовые векселя, чтобы расширить свое дело, чтобы покрыть одно несолидное дело другим, не за тем, чтобы получить прибыль, а чтобы получить в свое распоряжение чужой капитал.

Отожествив таким образом учет с займом добавочного капитала (а не с превращением в наличные деньги векселей, представляющих капитал), г. Оверстон немедленно ретируется, как только его припрут. — (3730. Вопрос:) «Разве купцы, раз втянувшись в дело, не оказываются вынужденными продолжать некоторое время свои операции, несмотря на временное повышение процента?» — (Оверстон:) «Несомненно, что если при какой-нибудь отдельной сделке кто-нибудь может получить в свое распоряжение капитал по более низкой ставке процента вместо высокой, то такой случай, взятый с этой ограниченной точки зрения, для него приятен». — Зато как безгранична точка зрения г. Оверстона, когда под «капиталом» он неожиданно понимает только свой банкирский капитал и потому считает человека, учитывающего у него вексель, человеком без капитала, так как капитал последнего существует в товарной форме или так как денежной формой капитала в этом случае является вексель, который превращается г. Оверстоном в другую денежную форму.

(3732.) «Можете ли вы в связи с Банковым актом 1844 г. указать, каково было приблизительно отношение ставки процента к золотому резерву банка; верно ли, что, когда в банке было золота на 9 или на 10 миллионов, ставка процента составляла 6 или 7%, а когда золота

было на 16 миллионов, ставка процента стояла на уровне приблизительно 3—4%?» (Автор вопроса хочет заставить его объяснить ставку процента, поскольку она определяется количеством золота в банке, ставкой процента, поскольку она определяется стоимостью капитала.) — «Я не скажу, что это так... но будь это так, мы должны были бы, по моему мнению, принять еще более строгие меры, чем те, которые были приняты в 1844 г.; так как, если было бы правдой, что чем больше запас золота, тем ниже ставка процента, тогда, согласно этому взгляду на вопрос, мы должны были бы взяться за дело, увеличить золотой запас до неограниченной суммы, и тогда мы свели бы процент к нулю». Кэйли, предложивший вопрос, несколько не смущенный этой неудачной остротой, продолжает: (3733.) «Пусть это так, допустим, что банку были бы возвращены 5 миллионов золотом, в таком случае в течение ближайших шести месяцев золотой запас составил бы около 16 миллионов, и допустим, что благодаря этому ставка процента упала бы до 3 или 4%, — тогда как же можно было бы утверждать, что понижение ставки процента произошло от сильного сокращения дела?» — «Я сказал, что бывшее недавно сильное повышение ставки процента, а не ее падение, тесно связано с сильным расширением дел». Но Кэйли говорил вот что: если повышение ставки процента вместе с сокращением золотого запаса есть показатель расширения дел, в таком случае понижение ставки процента вместе с расширением золотого запаса должно быть показателем сокращения дел. На это Оверстон не может дать никакого ответа. (3736. Вопрос:) «Помнится мне, вы» (в тексте постоянно Your Lordship [ваша светлость]) «сказали, что деньги — орудие для получения капитала». (Какая нелепость считать их орудием для получения капитала; они — форма капитала.) «При сокращении золотого запаса» (Английского банка) «не существует ли, наоборот, большая трудность в том, что *капиталисты* не могут достать денег?» — (Оверстон:) «Нет; то не капиталисты, а не-капиталисты ищут как бы достать денег; а почему они ищут денег?... Потому что посредством денег они получают в свое распоряжение капитал капиталистов, чтобы вести дело людей, которые не являются капиталистами». — Здесь он как раз объясняет, что фабриканты и купцы — не-капиталисты и что капитал капиталиста это только денежный капитал. — (3737.) «Разве люди, выписывающие векселя, не капиталисты?» — «Люди, выписывающие векселя, могут быть капиталистами, а могут и не быть». Здесь он крепко засел.

Ему ставится вопрос, не представляют ли векселя купцов товары, которые они продали или погрузили. Оверстон отрицает,

чтобы эти векселя так точно представляли стоимость товаров, как банкноты — золото. (3740, 3741.) Это уж бесстыдство!

(3742.) «Не является ли целью купца получить деньги?»—«Нет, получение денег не составляет цели при выдаче векселя; получение денег это — цель при учете векселей». Выдача векселей это — превращение товара в одну из форм кредитных денег, а учет векселей лишь превращение этих кредитных денег в другие деньги, а именно в банкноты. Во всяком случае г. Оверстон соглашается здесь, что цель учета векселей — получение денег. Раньше он не позволял учитывать затем, чтобы превратить капитал из одной формы в другую, а только затем, чтобы получить дополнительный капитал.

(3743.) «Каково главное желание торгового мира под гнетом паники, имевшей место по вашим словам в 1825, 1837 и 1839 гг., стремятся ли деловые люди получить в свое распоряжение капитал или законные платежные деньги?»—«Они стремятся получить в свое распоряжение капитал для дальнейшего ведения своего дела».— Их цель — получить средства платежа для истекающих векселей, выставленных на них самих, ввиду наступившего недостатка в кредите, чтобы не быть вынужденными продать свой товар ниже цены. Если у них самих вообще нет капитала, то вместе со средствами платежа они, разумеется, получают одновременно и капитал, потому что они получают стоимость без эквивалента. Спрос на деньги как таковые всегда сводится только к желанию превратить стоимость из формы товара или долговых требований в форму денег. Потому-то, даже если оставить в стороне кризисы, существует крупное различие между займом капитала и учетом, который только осуществляет превращение денежных требований из одной формы в другую или в действительные деньги.

{ Я — редактор — позволю себе здесь вставить замечание.

У Нормэна, как и у Лойда-Оверстона, банкир всегда является в виде лица, «ссужающего капитал», а клиент его — в виде лица, требующего от него «капитал». Так, по словам Оверстона, то или другое лицо учитывает через банкира вексель «потому, что оно хочет получить *капитал*» (3729), и такому человеку очень приятно, если он «может получить в свое *распоряжение капитал* из низких процентов» (3730). «Деньги—орудие для получения *капитала*» (3736), и в случае паники главное желание торгового мира «получить в свое распоряжение *капитал*» (3743). При всей путанице у Лойда-Оверстона на тот счет, что такое капитал, все же из его слов достаточно ясно видно, что то, что банкир дает деловому клиенту, он называет капи-

талом, капиталом, раньше не имевшимся у клиента и данным ему в ссуду, дополнительным к тому, чем раньше располагал клиент.

Банкир настолько привык фигурировать как распределитель — в форме ссуды — свободного в денежной форме общественного капитала, что всякая функция, при которой он отдает деньги, кажется ему выдачей аванса, ссуды. Все деньги, которые он выплачивает, представляются ему ссудой, авансом. Если банкир расходует деньги прямо на выдачу ссуды, то это верно в буквальном смысле. Если он затрачивает их на учет векселей, то для него самого они в действительности представляют собою аванс, ссуду, выданную до истечения срока векселя. Таким путем в голове банкира укрепляется представление, что он не может произвести ни одного платежа, который не был бы авансом, и притом авансом не в том только смысле, что всякое помещение денег с целью извлечения процента или прибыли рассматривается с экономической точки зрения как аванс, который соответствующий владелец денег в качестве частного лица выдает себе самому в качестве предпринимателя. Нет, — авансом, ссудой в том определенном смысле, что банкир заимообразно передает клиенту сумму, на которую увеличивается находящийся в распоряжении последнего капитал.

Именно это представление, перенесенное из банкирской конторы в политическую экономию, создало спутывающий спорный вопрос: является ли то, что банкир наличными деньгами предоставляет в распоряжение своего клиента, капиталом или же только деньгами, средством обращения, суррогатом? Чтобы разрешить этот — по существу простой — спорный вопрос, мы должны стать на точку зрения клиентов банка. Все зависит от того, чего те требуют и что получают.

Если банк соглашается дать своему клиенту заем просто под личный его кредит, без предоставления с его стороны обеспечения, то дело ясно. Клиент безусловно получает определенный по величине стоимости аванс, ссуду, как дополнение к его капиталу, которым он до сих пор располагал. Он получает аванс, ссуду в денежной форме, т. е. получает не только деньги, но и денежный капитал.

Если же он получает ссуду, выданную под залог ценных бумаг и т. п., то это — аванс в том смысле, что ему даются деньги под условием их обратной уплаты. Но это не авансирование капитала. Потому что ценные бумаги тоже представляют капитал, и притом на большую сумму, чем ссуда. Следовательно, получатель берет меньшую капитальную стоимость, чем отдает в залог;

такая операция отнюдь не представляет собою для него приобретения добавочного капитала. Он совершает сделку не потому, что ему нужен капитал, — он уже имеет его в своих ценных бумагах, — а потому, что ему нужны деньги. Здесь, следовательно, перед нами ссуда *денег*, а не капитала.

Если аванс выдается под учет векселей, тогда исчезает и *форма* аванса. Налицо простая купля-продажа. Посредством передаточной надписи вексель переходит в собственность банка, а деньги — в собственность клиента; о возврате их с его стороны нет и речи. Если клиент покупает наличные деньги векселем или другим орудием кредита, то это такой же аванс, такая же ссуда, не больше, не меньше, как если бы он купил наличные деньги каким-нибудь другим товаром: хлопком, железом, хлебом. И всего меньше может быть тут речь об авансировании *капитала*. Всякая купля-продажа между торговцем и торговцем есть передача капитала. Ссуда же имеет место только там, где передача капитала не является взаимной, а происходит односторонне и на срок. Поэтому ссуда капитала посредством учета векселей может иметь место только там, где вексель — бронзовый вексель, который отнюдь не представляет проданного товара и которого не берет ни один банкир, раз он знает, что это за вексель. Следовательно, в нормальной учетной сделке клиент банка не получает никакого аванса, никакой ссуды ни капиталом, ни деньгами; он получает деньги за проданный товар.

Таким образом случаи, когда клиент требует у банка и получает от него капитал, очень ясно отличаются от тех, когда он получает в ссуду деньги или покупает деньги у банка. И так как именно г. Ллойд-Оверстон имел обыкновение без покрытия выдавать в ссуду свои фонды только в самых редких случаях (он был банкиром моей фирмы в Манчестере), то так же ясно и то, что его красивые описания тех масс капитала, которые великодушные банкиры авансируют нуждающимся в капитале фабрикантам, — сплошная небывлица.

Впрочем, в гл. XXXII Маркс говорит по существу то же самое: «Спрос на средства платежа есть просто спрос на *превращение в деньги*, поскольку купцы и производители могут предоставить хорошее обеспечение; он есть спрос на *денежный капитал*, поскольку этого обеспечения нет, поскольку, следовательно, ссуда средств платежа дает им не только *денежную форму*, но и недостающий им для уплаты *эквивалент*, в какой бы то ни было форме». — Затем в гл. XXXIII: «При развитом кредите, когда деньги сосредотачиваются в руках банков, банки, *по крайней мере номинально*, аванси-

ругую деньги. Авансирование это не касается денег, находящихся в обращении. Перед нами авансирование *орудия обращения*, а не авансирование капиталов, обращающихся при посредстве этого орудия». — Г-н Чэпман, который это должен знать, также подтверждает вышеприведенное понимание учетной операции: «В. С.» 1857: «У банкира есть вексель, банкир *купил вексель*». Показания. Вопрос 5139.

Впрочем, мы еще вернемся к этой теме в гл. XXVIII. — Ф. Э. }
(3744.) «Не будете ли так любезны описать, что вы в действительности разумеете под выражением капитал?» — (Ответ Оверстона:) «Капитал состоит из различных товаров, посредством которых дело поддерживается в ходу (*capital consists of various commodities, by the means of which trade is carried on*); бывает основной капитал, и бывает оборотный капитал. Ваши корабли, ваши доки, ваши верфи — основной капитал; ваши пищевые продукты, ваши платья и т. д. — оборотный капитал».

(3745.) «Имеет ли отлив золота за границу вредные последствия для Англии?» — «Нет, если связывать с этим словом разумный смысл». (Появляется старая теория денег Рикардо)... «При естественном порядке вещей деньги всего света распределяются в известных пропорциях между различными странами; пропорции эти такого рода, что при подобном распределении» (денег) «сношения между какой-нибудь страной, с одной стороны, и всеми другими странами мира, с другой, являются простым обменом; но бывают пертурбации, от времени до времени влияющие на это распределение; раз они возникают, часть денег данной страны отливает в другие». — (3746.) «Вы употребляете теперь выражение: деньги. Если раньше я вас правильно понял, вы называли это потерей капитала». — «Что называл я потерей капитала?» — (3747.) «Отлив золота». — «Нет, я этого не говорил. Если вы употребляете золото как капитал, то, без сомнения, это будет потерей капитала; это будет отдачей известной части благородного металла, из которого состоят всемирные деньги». — (3748.) «Разве раньше вы не говорили, что изменение нормы учета есть простой показатель изменения стоимости капитала?» — «Да». (3749.) «И что норма учета изменяется в общем с изменением золотого резерва Английского банка?» — «Да; но я уже сказал, что колебания ставки процента, вытекающие из изменения количества денег» (следовательно, он разумеет здесь количество действительного золота), «в стране очень ничтожны...»

(3750.) «Итак, вы хотите сказать, что произошло уменьшение капитала, раз произошло более продолжительное, но все же только вре-

менное повышение учета сверх обычной нормы?» — «Уменьшение в известном смысле слова. Изменилось соотношение между капиталом и спросом на капитал; но возможно, что вследствие увеличения спроса, а не вследствие уменьшения количества капитала». (Но ведь только сейчас капитал приравнивался к деньгам или золоту, и еще несколько раньше повышение ставки процента объяснялось высокой нормой прибыли, происшедшей от расширения, а не от сокращения коммерческой деятельности или капитала.)

(3751.) «Какой это капитал вы имеете здесь специально в виду?» — «Это целиком зависит от того, какой капитал требуется каждому отдельному человеку. Это тот капитал, которым располагает нация для ведения своих дел, и если эти дела увеличатся вдвое, должно наступить большое увеличение спроса на капитал, необходимый для дальнейшего их ведения». (Этот хитроумный банкир сначала увеличивает вдвое дело и вслед затем — спрос на капитал, необходимый для этого удвоения. Всегда он видит перед собой лишь своего клиента, требующего у господина Лойда большего капитала для расширения своего дела вдвое.) — «Капитал таков же, как и всякий другой товар» (но ведь капитал, по мнению г. Лойда, есть не что иное, как совокупность товаров); «он изменяется в своей цене» (следовательно, товары дважды меняются в цене — один раз как товары, другой — как капитал) «в зависимости от спроса и предложения».

(3752.) «Колебания нормы учета в общем находятся в связи с колебаниями золотого запаса в хранилищах банка. Этот ли капитал имеете вы в виду?» — «Нет». — (3753.) «Можете ли вы указать пример, когда в Английском банке были бы накоплены большие запасы капитала и в то же время норма учета стояла бы высоко?» — «В Английском банке накапливают не капиталы, а деньги». — (3754.) «Вы показали, что ставка процента зависит от количества капитала; не будете ли вы любезны сказать, какой капитал имеете вы в виду, и не можете ли вы привести пример, когда бы в банке лежали большие запасы золота и в то же время ставка процента стояла бы высоко?» — «Весьма вероятно» (ага!), «что накопление золота в банке могло совпасть с низкой ставкой процента, потому что в период слабого спроса на капитал» (именно денежный капитал; время, о котором здесь идет речь, 1844 и 1845 гг., было временем процветания) «естественно можно накапливать то средство или орудие, при помощи которого осуществляется командование капиталом». — (3755.) «Следовательно, вы думаете, что между нормой учета и количеством золота в кладовых банка не существует никакой связи?» — «Такая

связь, может быть, и существует, но это не принципиальная связь (но его Банковский акт 1844 г. возвел именно в принцип Английского банка регулирование ставки процента по количеству находящегося в его распоряжении золота); «явления эти могут совпадать по времени (there may be a coincidence of time)». — (3758.) «Следовательно, вы хотите сказать, что затруднение купцов здесь в стране, в периоды недостатка в деньгах, вследствие высокой нормы учета, состоит в том, чтобы получить капитал, а не в том, чтобы получить деньги?» — «Вы смешиваете две разные вещи, которых я в этой форме не соединяю; трудность состоит в том, чтобы получить капитал, и точно так же трудно получить деньги... Трудность получить деньги и трудность получить капитал — одна и та же трудность, рассматриваемая в два различных момента ее развития». — Здесь рыба снова крепко попалась. Первая трудность — учесть вексель или получить ссуду под залог товара. Трудность состоит в том, чтобы превратить капитал или торговый знак стоимости капитала в деньги. И эта трудность выражается, между прочим, в высокой ставке процента. Но раз деньги уже получены, в чем же тогда состоит вторая трудность? Если речь идет только о платеже, разве кто-нибудь найдет трудность в том, чтобы освободиться от своих денег? А если речь идет о купле, разве у кого бы то ни было встречалось когда-нибудь в эпоху кризиса затруднение купить товар? И если даже допустить, что это касается особого случая вздорожания хлеба, хлопка и т. д., то ведь трудность эта могла бы выражаться не в стоимости денежного капитала, т. е. не в ставке процента, а только в цене товара; и эта трудность ведь уже преодолена тем, что у нашего человека теперь имеются деньги для купли этого товара.

(3760.) «Но разве повышенная норма дисконта не увеличивает трудности получить деньги?» — «Она увеличивает трудность получить деньги, но не об обладании деньгами идет речь, деньги — только форма» (и эта форма приносит прибыль в карманы банкира), «в которой выражается усилившаяся трудность получить капитал в сложных отношениях культурного порядка».

(3763.) (Ответ Оверстона:) «Банкир — это посредник, который, с одной стороны, принимает вклады, с другой — применяет эти вклады, доверяя их *в форме капитала* в руки лиц, которые и т. д.».

Здесь мы узнаём, наконец, что разумеет он под капиталом. Он превращает деньги в капитал, «доверяя их», — или, говоря менее деликатно, — отдавая их под проценты.

Сказав раньше, что изменение учетной нормы по существу не стоит в связи с изменением суммы золотого запаса банка или с коли-

чеством имеющих денег, а, самое большее, совпадает по времени, г. Оверстон повторяет:

(3804.) «Если в стране станет меньше денег вследствие отлива, то стоимость их повысится, и Английский банк должен будет приспособиться к этому изменению в стоимости денег» (следовательно, к изменению стоимости денег *как капитала*, другими словами, к изменению ставки процента, потому что стоимость денег *как денег*, по сравнению с товарами, остается прежняя). «Технически это выражают так, что банк повышает ставку процента».

(3819.) «Я никогда не смешиваю их друг с другом». — То-есть деньги и капитал. Он не смешивает их по той простой причине, что он их никогда не различает.

(3834.) «Очень крупная сумма, которую пришлось уплатить» (за хлеб в 1847 г.) «за необходимые средства существования страны и которая *в действительности была капиталом*».

(3841.) «Колебания нормы дисконта имеют несомненно очень тесную связь с состоянием золотого резерва» (Английского банка), «потому что состояние резервов есть показатель увеличения или уменьшения массы имеющих в стране денег; и в той же пропорции, в какой увеличивается или уменьшается количество денег в стране, падает или повышается стоимость денег, а с этим соотносится и банковая норма дисконта». — Таким образом Оверстон признает здесь то, что он категорически отрицал в своем показании № 3755. — (3842.) «Между тем и другим существует тесная связь». — А именно между количеством золота в Issue department [эмиссионном отделе банка] и резервом банкнот в Banking department [отделе банковых операций]. Здесь он объясняет изменения ставки процента изменением количества денег. При этом он говорит неправду. Резервы могут сократиться, потому что увеличилось количество обращающихся в стране денег. Такой случай бывает тогда, когда публика берет больше банкноты, а металлический запас не сокращается. Но тогда повысится ставка процента, потому что в этом случае банковый капитал Английского банка по закону 1844 г. ограничен. Но об этом ему не следует говорить, так как вследствие этого закона оба отдела банка не имеют между собой ничего общего.

(3859.) «Высокая норма прибыли всегда повлечет за собой усиленный спрос на капитал; усиленный спрос на капитал повысит его стоимость». — Такова, наконец, связь между высокой нормой прибыли и спросом на капитал, как ее представляет себе Оверстон. Между тем в 1844—1845 гг., напр. в хлопчатобумажной промышленности, господствовала высокая норма прибыли, потому что при сильном

спросе на хлопчатобумажные товары хлопок-сырец был дешев и остался дешев. Стоимость капитала (а по данному Оверстоном ранее определению капитал это то, что нужно каждому для своего дела), следовательно в данном случае стоимость хлопка-сырца, не повысилась для фабриканта. Пусть высокая норма прибыли побудила какого-нибудь хлопчатобумажного фабриканта занять деньги на расширение своего дела. В таком случае повысился бы его спрос на *денежный* капитал и ни на что больше.

(3889.) «Золото может быть и не быть деньгами, как бумага может быть и не быть банкнотой».

(3896.) «Правильно ли я вас понимаю в том смысле, что вы отказываетесь от того положения, которым вы аргументировали в 1840 г.: что колебания в количестве находящихся в обращении банкнот Английского банка должны следовать за колебаниями в сумме золотого запаса?» — «Я постольку отказываюсь от него... поскольку при нынешнем состоянии наших знаний мы должны присоединить к находящимся в обращении банкнотам еще и те банкноты, которые лежат в банковом резерве Английского банка». Это превосходно. Произвольное постановление, что банк может печатать столько бумажных банкнот, сколько у него золота в хранилищах и в придачу еще 14 миллионов, обуславливает, конечно, то, что выпуск банкнот банком колеблется вместе с колебаниями золотого запаса. Но так как «нынешнее состояние наших знаний» ясно показало, что количество банкнот, которое в соответствии с этим имеет право фабриковать банк (и которое Issue department [эмиссионный отдел] передает в Banking department [отдел банковых операций]), — что это обращение между обоими отделами Английского банка, колеблющееся с изменением золотого запаса, не определяет колебаний обращения банкнот вне стен Английского банка, то последнее, действительное обращение, становится теперь для администрации банка безразличным, и решающим становится только обращение между обоими отделами банка, отличие которого от действительного отражается на резерве. Для внешнего мира это обращение важно лишь постольку, поскольку резерв показывает, насколько приблизился банк к установленному законом максимуму выпуска банкнот и как много могут еще получить клиенты банка из Banking department [отдела банковых операций].

O mala fides [недобросовестности] Оверстона говорит следующий блестящий пример:

(4243.) «Колеблется ли, по вашему мнению, из месяца в месяц количество капитала в такой степени, чтобы стоимость его могла

вследствие этого так измениться, как это мы видели за последние годы на колебаниях учетной нормы?» — «Соотношение между спросом и предложением капитала несомненно может изменяться даже в короткие промежутки времени... Если Франция заявит завтра, что она собирается заключить большой заем, то, без сомнения, это тотчас же вызовет в Англии сильное изменение *в стоимости денег*, т. е. *в стоимости капитала*».

(4245.) «Если Франция даст знать, что ей сразу требуется для какой-нибудь цели на 30 миллионов товаров, то возникнет, употребляя более научное и простое выражение, сильный спрос на *капитал*».

(4246.) «*Капитал*, который хотела бы купить Франция при помощи своего займа, — это *одно* дело; *деньги*, на которые Франция купит его, — это *другое* дело; так что же изменяет свою стоимость — *деньги* или нет?» — «Мы снова возвращаемся к старому вопросу, и я полагаю, что этот вопрос более пригоден для кабинета ученого, чем для этого зала заседаний комитета». С этими словами он удаляется, но не в кабинет ученого ⁸⁴.

⁸⁴ Дальнейшие замечания о путанице понятий Оверстона в вопросах капитала в конце главы XXXII.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

РОЛЬ КРЕДИТА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.

Общие замечания, до сих пор высказанные нами по поводу кредита, сводились к следующему:

I. Необходимость образования кредита для того, чтобы опосредствовать уравнение нормы прибыли или движение этого уравнения, на чем покоится все капиталистическое производство.

II. Сокращение издержек обращения.

1) Одной из главных издержек обращения являются сами деньги, поскольку они сами имеют стоимость. Деньги экономизируются посредством кредита трояким образом:

A. Для большей части сделок деньги вовсе отпадают.

B. Обращение средств обращения ускоряется⁸⁵. Отчасти это совпадает с тем, что придется сказать в пункте 2). С одной стороны, это ускорение — техническое, т. е. при неизменной величине и количестве действительных товарных оборотов, опосредствующих потребление, меньшее количество денег или денежных знаков исполняет ту же самую службу. Это находится в связи с техникой банко-

⁸⁵ «Среднее обращение банкнот Французского банка составляло в 1812 г. 106 538 000 франков; в 1818 г.: 101 205 000 франков, тогда как денежное обращение, общая сумма всех поступлений и платежей, составляло в 1812 г. 2 837 712 000 франков; в 1818 г.: 9 665 030 000 франков. Следовательно, интенсивность обращения во Франции в 1818 г. относилась к интенсивности 1812 г. как 3 : 1. Великий регулятор быстроты обращения — кредит... Этим объясняется, почему сильное давление на денежный рынок обыкновенно совпадает с заполненным обращением» («The Currency Theory reviewed etc.», стр. 65). — «Между сентябрем 1833 г. и сентябрем 1843 г. в Великобритании возникло около 300 банков, выпускающих собственные банкноты; следствием этого было сокращение банкнот в обращении на 2½ миллиона; в конце сентября 1833 г. оно составляло 36 035 244 ф. ст. и в конце сентября 1843 г. 33 518 554 ф. ст. (там же, стр. 53). — «Удивительная интенсивность шотландского обращения позволяет ему при помощи 100 ф. ст. исполнить такое же количество денежных сделок, какое в Англии требует 420 ф. ст.» (там же, стр. 55. Последнее касается лишь технической стороны операции).

вого дела. С другой стороны, кредит ускоряет быстроту товарной метаморфозы и вместе с тем быстроту денежного обращения.

С. Замещение золотых денег бумажными.

2) Ускорение посредством кредита отдельных фаз обращения, или метаморфозы товаров, затем метаморфозы капитала, а вместе с тем ускорение процесса воспроизводства вообще. (С другой стороны, кредит позволяет на больший срок отделять друг от друга акты купли и продажи и потому служит основой спекуляции.) Сокращение резервных фондов, что можно рассматривать с двоякой точки зрения: с одной стороны, как уменьшение циркулирующих средств обращения, с другой — как сокращение той части капитала, которая должна всегда существовать в денежной форме ⁸⁶.

III. Образование акционерных обществ. Отсюда:

1) Колоссальное расширение размеров производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

2) Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочих сил, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в границах самого капиталистического способа производства.

3) Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, т. е. всю прибыль (потому что содержание управляющего является или должно быть только заработной платой за известного рода искусный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда), тем не менее вся эта прибыль получается только в форме процента, т. е. вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действи-

⁸⁶ «До учреждения банков сумма капитала, необходимая для функционирования орудия обращения, была во всякое время больше, чем этого требовало действительное товарное обращение». «Economist», [15 марта] 1845 г., стр. 238.

тельном процессе воспроизводства, подобно тому, как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал. Таким образом прибыль выступает (уже не одна только часть ее, процент, получающая свое оправдание в прибыли заемщика) как простое присвоение чужого прибавочного труда, возникающее из превращения средств производства в капитал, т. е. из их отчуждения от действительных производителей, из их противоположности как чужой собственности всем действительно участвующим в производстве индивидуумам, от управляющего до последнего поденщика. В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность раздельных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции.

Прежде чем пойти дальше, отметим еще следующий экономически важный факт: так как прибыль принимает здесь чистую форму процента, то подобные предприятия оказываются возможными даже тогда, когда они приносят только процент; это — одна из причин, задерживающих падение общей нормы прибыли, так как эти предприятия, где постоянный капитал находится в такой колоссальной пропорции к переменному, не должны необходимо участвовать в уравнении общей нормы прибыли.

{С тех пор, как Маркс написал эти строки, развились, как известно, новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества. Ежедневно увеличивающейся быстроте, с какой может быть ныне увеличено во всех отраслях крупной промышленности производство, противостоит постоянно увеличивающаяся медленность расширения рынка для этих умножившихся продуктов. Что промышленность создает в месяцы, то рынок едва может потребить в несколько лет. Сюда же присоединяется политика охранительных пошлин, при помощи которой каждая промышленная страна отгораживает себя от всех других и в особенности от Англии и еще искусственно повышает отечественное производство. Следствием этого являются общее хро-

ническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль; словом, издревле прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании [am Ende ihres Lateins] и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве. Это банкротство выражается именно в том, что в каждой стране крупные промышленники определенной отрасли соединяются в картель для регулирования производства. Комитет твердо устанавливает количество товаров, которое должно произвести каждое предприятие, и в конечном счете распределяет поступающие заказы. В отдельных случаях возникали от времени до времени даже международные картели, так, напр., между английской и германской железной промышленностью. Но и этой формы обобществления производства оказалось мало. Противоположность интересов отдельных предприятий слишком часто взрывала их и снова восстанавливала конкуренцию. Тогда пришел к тому, что в отдельных отраслях, где это допускала ступень развития производства, стали концентрировать общее производство этой отрасли предприятий в одно крупное акционерное общество под единым руководством. В Америке это осуществлялось уже неоднократно, в Европе величайшим примером этого рода до сих пор остается «United Alkali Trust», сосредоточивший все английское производство калия в руках одной единственной фирмы. Прежние владельцы отдельных заводов — свыше тридцати — получили за все оборудование по оценочной стоимости в акциях в общем до 5 миллионов фунтов стерлингов, представляющих основной капитал треста. Техническое управление остается в руках прежних руководителей, коммерческое же руководство концентрируется в руках генеральной дирекции.оборотный капитал (floating capital) в сумме около одного миллиона фунтов стерлингов был предложен публике для покрытия. Весь капитал треста составляет таким образом 6 миллионов фунтов стерлингов. Таким путем в этой отрасли, образующей основу всей химической промышленности, в Англии конкуренция заменена монополией и самым удовлетворительным образом подготавливается будущая экспроприация всем обществом; нацией. — Ф. Э. }.

Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое *prima facie* [прежде всего] представляется просто переходным пунктом к новой форме производства. Как такое противоречие выступает оно и в своем проявлении. В известных сферах оно ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства. Оно

воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, грюндеров и чисто номинальных директоров; целую систему мошенничества и обмана в отношении учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности.

IV. Если оставить в стороне акционерное дело, — которое является упразднением капиталистической частной промышленности на основе самой капиталистической системы и которое по мере того, как расширяется и захватывает новые отрасли производства, уничтожает частную промышленность, — кредит предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное в пределах известных границ распоряжение чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого чужим трудом⁸⁷. Распоряжение общественным, а не собственным, капиталом дает ему распоряжение общественным трудом. Сам капитал, которым владеет лицо в действительности или в мнении публики, становится лишь основой для кредитной надстройки. В особенности это относится к оптовой торговле, через которую проходит крупнейшая часть общественного продукта. Здесь исчезает всякое мерило, всякие более или менее обоснованные в пределах капиталистического способа производства оправдания. Спекулирующий оптовый торговец рискует не *своей*, а общественной собственностью. Такой же пошлой становится фраза о происхождении капитала из сбережений, так как спекулирующий, наоборот, требует, чтобы *другие* делали за него сбережения. {Как недавно вся Франция сберегла полтора миллиарда франков для панамских мошенников. С какой точностью изображено здесь все панамское мошенничество за целых двадцать

⁸⁷ Посмотрите, напр., в «Times» списки банкротств за такой год кризиса, как 1857, и сравните собственное имущество обанкротившихся с размером их долгов. — «Воистину покупательная сила людей, пользующихся капиталом и кредитом, далеко превосходит все, что могут себе представить те, кто не имеет практического знакомства со спекулятивными рынками» (*Tooke: «Inquiry into the Currency Principle», стр. 73*). «Человек, пользующийся репутацией лица, имеющего достаточный капитал для своего постоянного дела, и располагающий в своей отрасли хорошим кредитом, если он питает сангвиническую уверенность в повышении конъюнктуры производимого им товара и если в начале и в течение его спекуляции ему благоприятствуют обстоятельства, может произвести закупки колоссальных размеров по сравнению со своим капиталом» (там же, стр. 136). — «Фабриканты, купцы и т. д. — все производят операции, далеко превосходящие их капиталы... В настоящее время капитал скорее основа, на которой строится хороший кредит, чем предел оборотов какого-нибудь коммерческого предприятия» («Economist», [20 ноября] 1847 г., стр. 333).

лет до того времени, как оно произошло! — Ф. Э.} Другой фразе о воздержании бьет прямо в лицо свойственная капиталу роскошь, которая сама теперь становится средством кредита. Представления, имевшие еще некоторый смысл на менее развитой ступени капиталистического производства, становятся здесь совершенно бессмысленными. Удача и неудача равно ведут здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе. Экспроприация распространяется здесь с непосредственного производителя на самих капиталистов, мелких и средних. Эта экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление этой экспроприации является его задачей, и притом в конечном счете экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит все больше придает этим немногим характер чистых рыцарей наживы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то ее движение и передача становятся просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками. В акционерном деле уже существует противоположность старой форме, в которой общественные средства производства выступают в виде индивидуальной собственности; но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими границами; поэтому вместо того, чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде.

Кооперативные фабрики самих рабочих являются, в пределах старой формы, первой брешью в старой форме, хотя они всюду, в их действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но антагонизм между капиталом и трудом уничтожается в пределах этих фабрик, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются своим собственным капиталистом, т. е. потребляют средства производства для использования своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм

производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства. Без фабричной системы, возникающей из капиталистического способа производства, как и без кредитной системы, возникающей из того же самого способа производства, не могла бы развиваться кооперативная фабрика. Кредитная система, образующая главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные общества, составляет точно так же и средство к постепенному расширению кооперативных предприятий в более или менее национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоречие устранено отрицательно, а в других — положительно.

До сих пор мы рассматривали развитие кредита и скрыто заключающееся в нем уничтожение капиталистической собственности главным образом в отношении промышленного капитала. В следующих главах мы рассмотрим кредит в отношении капитала, приносящего проценты, как такового, его влияние на последний, форму, которую он здесь принимает; при этом нам придется еще сделать несколько замечаний специфически экономического характера.

Пока только следующее:

Если кредит оказывается главным рычагом перепроизводства и чрезмерной спекуляции в торговле, то лишь потому, что процесс воспроизводства, эластический по своей природе, форсируется здесь до крайних пределов, и притом форсируется потому, что значительная часть общественного капитала применяется не-собственниками его, пускающимися всилу этого в дело совсем по-иному, чем собственник, который, поскольку он функционирует сам, боязливо учитывает границы, полагаемые его частным капиталом. Это только свидетельствует о том, что основанное на противоречивом характере капиталистического производства возрастание стоимости капитала допускает действительное, свободное развитие лишь до известного предела и, следовательно, в действительности создает для производства имманентные оковы и пределы, постоянно прорываемые кредитом⁸⁸. Поэтому кредит ускоряет материальное развитие производительных сил и создание всемирного рынка, доведение которых, как материальных основ новой формы производства, до известной степени развития и составляет историческую задачу капиталисти-

⁸⁸ *Th. Chalmers* [«On Political Economy etc.» London 1832].

ческого способа производства. Вместе с тем кредит ускоряет насильственные взрывы этого противоречия, кризисы, и тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства.

Присущий кредитной системе двойственный характер: с одной стороны, развивать двигательную силу капиталистического производства, обогащение эксплуатацией чужого труда, до чистейшей и колоссальнейшей системы азарта и мошенничества и все более сокращать число немногих, эксплуатирующих общественное богатство; а с другой, составлять переходную форму к новому способу производства, — эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Лю до Исаака Перейры свойственный им приятный смешанный характер мошенника и пророка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ И КАПИТАЛ; ВОЗЗРЕНИЕ ТУКА И ФУЛЛАРТОНА.

Различие между средствами обращения и капиталом, как его изображают Тук⁸⁹, Вильсон и другие, беспорядочно смешивающие при этом различия между средствами обращения как деньгами, денежным капиталом вообще и капиталом, приносящим проценты (*moneyed capital* в английском смысле), сводится к следующим двум пунктам.

⁸⁹ Приведем здесь в оригинале соответствующее место из Тука, цитируемое в выдержке по-немецки на стр. 390 [наст. изд. стр. 441]: «The business of bankers, setting aside the issue of promissory notes payable on demand, may be divided into two branches, corresponding with the distinction pointed out by Dr. (Adam) Smith of the transactions between dealers and dealers, and between dealers and consumers. One branch of the bankers' business is to collect *capital* from those, who have not immediate employment for it, and to distribute or transfer it to those who have. The other branch is to receive deposits of the *incomes* of their customers, and to pay out the amount, as it is wanted for expenditure by the latter in the objects of their consumption... the former being a circulation of *capital*, the latter of *currency*» [«Банкирское дело, если оставить в стороне выпуск банкнот с платежом предъявителю, может быть разделено на двоякого рода операции, отвечающие установленному д-ром (Адамом) Смитом делению сделок между торговцами и торговцами и между торговцами и потребителями. Один род банкирских операций состоит в том, чтобы собирать *капитал* с тех, кто не находит для него непосредственного применения, и распределять его или передавать тем, кто может его применить. Другой род операций состоит в том, чтобы принимать вклады из *доходов* своих клиентов и выплачивать им суммы, необходимые для расходов на предметы потребления... Первая есть обращение *капитала*; последняя — обращение *средств обращения*]. — Тооке: «Inquiry into the Currency Principle». London 1844, стр. 36—37. Первый род операций есть «the concentration of capital on the one hand and the distribution of it on the other» [«сосредоточение капитала, с одной стороны, и распределение его, с другой»], второй «administering the circulation for local purposes of the district» [«регулирование обращения для местных надобностей округа»]. (Там же, стр. 37.) — Гораздо ближе подходит к истинному пониманию вопроса Киннир в следующем месте: «Деньги употребляются для двух существенно различных операций. Как средство обмена между торговцем и торговцем они являются орудием,

Средства обращения обращаются, с одной стороны, как *монета* (деньги), поскольку они обслуживают *расходование доходов*, следовательно обмен между индивидуальными потребителями и розничными торговцами, к каковой категории следует причислить всех купцов, продающих потребителям, — индивидуальным потребителям, в отличие от производительных потребителей или производителей. Здесь деньги обращаются в функции монеты, хотя они постоянно *возмещают капитал*. Известная часть денег в стране всегда предназначается для этой функции, хотя эта часть складывается из постоянно меняющихся отдельных единиц денег. Напротив, поскольку деньги обслуживают *передачу капитала*, в качестве ли покупательного средства (средства обращения) или в качестве средства платежа, они представляют собою *капитал*. Следовательно, не функция денег как покупательного средства и не функция денег как средства платежа отличает их от монеты, потому что деньги могут функционировать как покупательное средство даже между торговцем и торговцем, поскольку последние покупают друг у друга на наличные, и могут функционировать как средство платежа также между торговцем и потребителем, поскольку дается кредит и доходы сначала потребляются, а потом оплачиваются. Следовательно, различие состоит в том, что во втором случае эти деньги не только возмещают капитал для одной стороны, продавца, но и расходуются, авансируются как капитал другой стороной, покупателем. Следовательно, в действительности это — отличие *денежной формы дохода от денежной формы капитала*, а не отличие средств обращения от капитала, потому что в качестве посредника между торговцами, равно как и в качестве посредника между потребителем и торговцем, *обращается* определенная по своему количеству часть денег, и потому в *обеих* функциях одинаково имеют место *средства обращения*. Но в воззрениях Тука примешивается различного рода путаница:

посредством которого осуществляется передача капитала, т. е. обмен определенной суммы капитала в деньгах на равную сумму капитала в товарах. Но деньги, затрачиваемые на уплату заработной платы и на куплю и продажу между торговцем и потребителем, — это не капитал, а доход; это часть дохода всего общества, предназначающаяся для ежедневного расходования. Эти деньги обращаются в непрерывном ежедневном употреблении, и только эти деньги могут быть названы в строгом смысле слова средствами обращения (*сиггенсу*). Судьбы капитала зависят исключительно от воли банка и других владельцев капитала, — заемщики всегда найдутся; но сумма средств обращения зависит от потребностей общества, в пределах которых деньги обращаются с целью ежедневного расходования» (*J. G. Kinnear: «The Crisis and the Currency»*. London 1847 [стр. 3—4]).

- 1) вследствие смешения функциональных определений;
- 2) вследствие привнесения вопроса о количестве обращающихся денег, вместе взятых в обеих функциях;
- 3) вследствие привнесения вопроса об относительной пропорции количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства.

К пункту 1) о смешении функциональных определений, т. е. о непонимании того, что деньги в одной форме являются средствами обращения (*сиггенсу*), а в другой форме — капиталом. Поскольку деньги служат в той или другой функции, для реализации дохода или для передачи капитала, они функционируют в купле и продаже или в платеже как покупательное средство или средство платежа и в более широком смысле слова как средство обращения. Дальнейшее определение денег, которое они имеют в счете расходующего или получающего их лица, — определение, выражающееся в том, что они представляют для него капитал или доход, — ровно ничего здесь не меняет; это и обнаруживается двояко. Хотя виды денег, обращающихся в обеих сферах, различны, но одна и та же единица денег, напр. пятифунтовый банковый билет, переходит из одной сферы в другую и попеременно исполняет обе функции; это неизбежно уже потому, что розничный торговец может придать своему капиталу денежную форму только в форме монеты, которую он получает от своих покупателей. Можно принять, что собственно разменная монета имеет центр тяжести своего обращения в области розничной торговли; она постоянно нужна розничному торговцу для размена, и он постоянно получает ее обратно в платежах от своих клиентов. Но он получает также деньги, т. е. монету в металле, служащем мерилom стоимости; следовательно, в Англии — стерлинги и даже банкноты, а именно банкноты на мелкие суммы, напр. в 5 или 10 фунтов. Эти золотые монеты и банкноты вместе с излишней разменной монетой каждый день или каждую неделю он депонирует в своем банке и оплачивает ими свои закупки, выписывая чеки на свой банковый вклад. Но те же самые золотые монеты и банкноты столь же постоянно, прямо или косвенно, извлекаются из банков всей публикой как потребителем в качестве денежной формы дохода (напр., фабриканты берут мелкие деньги для выплаты заработной платы) и постоянно обратно притекают к розничным торговцам, для которых они таким образом вновь реализуют часть их капитала, но вместе с тем и часть их дохода. Это последнее важное обстоятельство Тук совершенно упускает из виду. Лишь когда деньги затрачиваются как денежный капитал в начале процесса воспроизводства (книга II,

отдел I), капитальная стоимость существует как таковая в чистом ее виде. Потому что в произведенном товаре заключается не только капитал, но уже и прибавочная стоимость, товар есть не только капитал в себе, но уже осуществившийся капитал, капитал с присоединенным к нему источником дохода. Следовательно, то, что розничный торговец отдает за деньги, обратно притекающие к нему, — его товар, — представляет собою для него капитал плюс прибыль, капитал плюс доход.

Далее, обращающиеся деньги, обратно притекая к розничному торговцу, снова восстанавливают денежную форму его капитала.

Следовательно, совершенно неправильно превращать различие между обращением как обращением дохода и обращением как обращением капитала в различие между средством обращения и капиталом. Такой оборот речи происходит у Тука потому, что он просто становится на точку зрения банкира, выпускающего собственные банкноты. Сумма его банкнот, постоянно находящаяся на руках у публики (хотя постоянно слагающаяся из других банкнот) и функционирующая как средство обращения, ничего ему не стоит помимо бумаги и печати. Банкноты — это выставленные на него самого обращающиеся долговые обязательства (векселя), которые, однако, приносят ему деньги и таким образом служат средством увеличения стоимости его капитала. Но они отличны от его капитала, будет ли то собственный капитал или капитал, взятый в ссуду. Отсюда для него вытекает специальное различие между обращением и капиталом, которое, однако, не имеет ничего общего со значением этих понятий самих по себе и всего менее с тем их значением, какое они получили у Тука.

Различное назначение денег — функционируют ли они как денежная форма дохода или как денежная форма капитала — прежде всего ничего не изменяет в характере денег как средства обращения; они сохраняют этот характер, выполняют ли они ту или другую функцию. Впрочем, если деньги выступают как денежная форма дохода, они функционируют больше в качестве собственно средства обращения (монеты, покупательного средства), вследствие раздробления этих покупок и продаж и потому что большинство тратящих доход — рабочие — сравнительно мало могут купить в кредит, тогда как в оборотах торгового мира, где средство обращения представляет денежную форму капитала, деньги, частью вследствие концентрации, частью вследствие преобладания кредитной системы, функционируют главным образом как средство платежа. Но различие между деньгами как средством платежа и деньгами как покупательным средством

(средством обращения) есть различие, принадлежащее самим деньгам, а не различие между деньгами и капиталом. Из-за того, что в розничной торговле обращается больше медной и серебряной монеты, а в оптовой — больше золотой, различие между серебряной и медной монетой, с одной стороны, и золотой, с другой, не становится различием между средством обращения и капиталом.

К пункту 2) о привнесении вопроса о количестве денег, обращающихся в обеих функциях вместе. Поскольку деньги обращаются как покупательное средство или средство платежа, — безразлично, в какой из двух сфер и независимо от их функции реализовать доход или капитал, — законы, ранее развитые при исследовании простого товарного обращения (книга I, гл. III, 2, b), сохраняют свою силу для количества обращающихся денег. Массу обращающихся денег, *surgensu*, в обоих случаях определяет степень быстроты обращения, т. е. число повторений одной и той же единицей денег в данный промежуток времени одной и той же функции покупательного средства и средства платежа, количество одновременных покупок и продаж, *resp.* [соответств.] платежей, сумма цен обращающихся товаров, наконец платежные балансы, подлежащие одновременному погашению. Представляют ли функционирующие таким образом деньги для плательщика или получателя капитал или доход — это безразлично, ровно ничего не изменяет в положении дела. Масса денег просто определяется их функциями как покупательного средства и средства платежа.

К пункту 3), к вопросу об относительной пропорции количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства. Обе сферы обращения находятся во внутренней связи, потому что, с одной стороны, количество подлежащих израсходованию доходов выражает размеры потребления, а с другой — величина обращающихся в производстве и торговле масс капитала выражает размеры и быстроту процесса воспроизводства. Несмотря на то, одни и те же обстоятельства влияют различно, и даже в противоположном направлении, на количество денежных масс, обращающихся в обеих функциях или сферах, или, как говорят англичане на своем банковском языке, на количество обращения. И это снова дает Туку повод к вульгарному разграничению средств обращения и капитала. То обстоятельство, что господа из лагеря *surgensu-theory* смешивают две разные вещи, отнюдь не дает основания изображать их как различные понятия.

В периоды процветания, большого расширения, ускорения и энергии процесса воспроизводства, рабочие заняты полностью.

В большинстве случаев наступает и повышение заработной платы, несколько выравнивающее ее падение ниже среднего уровня в другие периоды коммерческого цикла. Вместе с тем значительно растут доходы капиталистов. Потребление всюду повышается. Товарные цены тоже регулярно повышаются, по крайней мере в различных решающих отраслях предпринимательской деятельности. Вследствие этого возрастает количество обращающихся денег, по крайней мере в известных границах, ибо большая быстрота обращения, в свою очередь, ставит предел возрастанию количества средств обращения. Так как часть общественного дохода, состоящая из заработной платы, первоначально авансируется промышленным капиталистом в форме переменного капитала и всегда в форме денег, то в периоды процветания она требует больше денег для своего обращения. Но мы не должны дважды считать их: первый раз как деньги, необходимые для обращения переменного капитала, и второй раз как деньги, необходимые для обращения дохода рабочих. Уплачиваемые рабочим в виде заработной платы деньги расходуются в розничной торговле и приблизительно еженедельно возвращаются в банки в качестве вкладов розничных торговцев, предварительно обслужив в мелких кругооборотах ряд разного рода промежуточных сделок. В периоды процветания возврат денег к промышленным капиталистам протекает гладко, и таким образом их потребность в денежных ссудах растет не от того, что им необходимо выплатить больше заработной платы; что требуется больше денег для обращения их переменного капитала.

Общий результат тот, что в периоды процветания масса средств обращения, служащих для расходования доходов, решительно возрастает.

Что касается обращения, необходимого для передачи капитала, следовательно обращения только между самими капиталистами, то время бойких дел является вместе с тем и периодом самого эластического и легкого кредита. Быстрота обращения между капиталистом и капиталистом непосредственно регулируется кредитом, и масса средств обращения, требующихся для покрытия платежей и даже для покупок за наличный расчет, сравнительно сокращается. Абсолютно она может увеличиться, но относительно, по сравнению с расширением процесса воспроизводства, она при всех обстоятельствах сокращается. С одной стороны, крупные массовые платежи ликвидируются без всякого посредничества денег; с другой — вследствие сильного оживления процесса ускоряется движение одного и того же количества денег в качестве как покупательного средства,

так и средства платежа. Та же самая масса денег обслуживает обратный приток большего количества отдельных капиталов.

В общем в такие периоды денежное обращение является полным (full), хотя часть II его (передача капитала) сокращается, по крайней мере относительно, тогда как часть I (расходование доходов) абсолютно расширяется.

Обратный приток денег выражает обратное превращение товарного капитала в деньги, $D - T - D'$, как это мы видели при исследовании процесса воспроизводства (книга II, отдел I). Обратный приток в денежной форме становится благодаря кредиту независимым от времени действительного возврата как для промышленного капиталиста, так и для купца. Каждый из них продает в кредит; следовательно, их товар отчуждается прежде, чем он превратится для них в деньги, т. е. прежде, чем он обратно вернется к ним самим в форме денег. С другой стороны, каждый из них покупает в кредит, и таким образом стоимость их товара совершает для них обратное превращение в производительный капитал или в товарный капитал прежде, чем эта стоимость действительно превратится в деньги, прежде, чем наступит срок платы за товары и будет заплачено за них. В такие периоды процветания обратное возвращение капитала протекает легко и гладко. Розничный торговец с полной надежностью платит оптовому торговцу, этот последний — фабриканту, фабрикант — импортеру сырья и т. д. Видимость быстрого и верного обратного притока капитала всегда сохраняется еще долго после того, как в действительности этого уже нет, — сохраняется благодаря наладившемуся кредиту, потому что возврат посредством кредита замещает действительный возврат. Банки начинают предчувствовать беду, как только их клиенты станут уплачивать больше векселями, чем деньгами. См. вышеприведенное показание ливерпульского директора банка, стр. 398 [наст. изд. стр. 449—450].

Здесь следует еще вставить то, о чем я упоминал раньше: «В периоды, когда преобладает кредит, скорость обращения денег увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров, между тем как при сокращении кредита цены товаров падают медленнее, нежели скорость обращения» («Zur Kritik der Politischen Oekonomie». 1859, стр. 83, 84. [Ср. К. Маркс: «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 90.]).

В периоды кризисов отношение становится обратным. Обращение № I сокращается, цены падают, падает также и заработная плата; число занятых рабочих сокращается, масса оборотов уменьшается. Напротив, в обращении № II с сокращением кредита увеличивается

потребность в денежных ссудах — обстоятельство, на котором мы сейчас остановимся подробнее.

Не подлежит никакому сомнению, что с сокращением кредита, совпадающим с застоём в процессе воспроизводства, сокращается масса средств обращения, требующихся для № I, расходования доходов, тогда как для № II, для передачи капиталов, она увеличивается. Но необходимо исследовать, насколько это положение тождественно с положением, выставленным Фуллартоном и др.: «Спрос на заемный капитал и спрос на добавочные средства обращения — совершенно различные вещи и не часто встречаются вместе»⁹⁰.

⁹⁰ A demand for capital on loan and a demand for additional circulation are quite distinct things, and not often found associated (*Fullarton: «On the Regulation of Currencies»*. London 1845, стр. 82. Заголовок к гл. 5). — «В самом деле, крупная ошибка воображать, будто спрос на денежную ссуду» (т. е. на заем капитала) «тождествен со спросом на добавочные средства обращения или что тот и другой часто выступают вместе. Каждый из них возникает из своих собственных обстоятельств и весьма отличен от другого спроса. Когда все представляется в состоянии расцвета, когда заработная плата высока, цены повышаются, и фабрики делают дела, дополнительное предложение *средств обращения* обыкновенно требуется для выполнения дополнительных функций, неотделимых от необходимости производить более крупные и многочисленные платежи, тогда как главным образом на более поздней стадии коммерческого цикла, когда начинают выступать затруднения, когда рынки переполнены и обратные выручки задерживаются, процент повышается, и к банкам предъявляется усиленный спрос на ссуду *капитала*. Несомненно, что банк, кроме выпуска банкнот, не имеет иного средства, при помощи которого он обыкновенно ссужает капитал; и что, следовательно, отказать в банкнотах — значит отказать в ссуде. Но, раз ссуда разрешена, все сообразуется с потребностями рынка; заем остается, а средство обращения, если в нем нет нужды, возвращается обратно к ссудившему. Согласно этому, даже поверхностный взгляд на парламентские отчеты может убедить всякого, что количество ценных бумаг, находящихся в распоряжении Английского банка, обыкновенно колеблется в направлении, противоположном обращению его банкнот, а не в одном направлении с ним, и, следовательно, что пример этого крупного учреждения подтверждает испытанное правило провинциальных банков, что никакой банк не может повысить выпуск своих банкнот за пределы потребностей, для удовлетворения которых обычно служит обращение банкнот; если же банк хочет выдавать ссуды свыше этой суммы, он должен производить их за счет своего капитала, т. е. или пустить в оборот служившие обеспечением ценные бумаги или употребить для этой цели денежные поступления, которые иначе он поместил бы в ценные бумаги. Таблица, составленная по парламентским отчетам за промежуток 1833—1840 гг., на которую я ссылался на предыдущей странице, постоянно дает примеры этой истины; но два из них так замечательны, что я не могу обойти их. 3 января 1837 г., когда ресурсы банка были напряжены до крайней степени для поддержания кредита и противодействия затруднениям денежного рынка, мы находим, что его ссуды и учет дошли до огромной суммы в 17 022 000 ф. ст., до

Прежде всего ясно, что в первом из двух вышеуказанных случаев, в периоды процветания, когда масса находящихся в обращении средств обращения должна расти, спрос на них увеличивается. Но ведь так же ясно, что если фабрикант берет из своего вклада в банке больше золота или банкнот, потому что ему предстоит большой расход капитала в денежной форме, то от этого его спрос на капитал не растет, а растет лишь спрос на ту особую форму, в которой он расходует свой капитал. Спрос касается лишь технической формы, в которой он бросает свой капитал в обращение. Точно так же, как, напр., при различном развитии кредита один и тот же переменный капитал, одно и то же количество заработной платы требует в одной стране большего количества средств обращения, чем в другой: в Англии, напр., больше, чем в Шотландии, в Германии больше, чем в Англии. Равным образом в сельском хозяйстве один и тот же капитал, действующий в процессе воспроизводства, требует для исполнения своей функции в различные времена года различного количества денег.

Но противоположность в той постановке, в какой ее дает Фуллартон, неверна. Отнюдь не сильный спрос на займы, как он говорит, отличает периоды зстоя от процветания, а та легкость, с какой этот спрос удовлетворяется во времена процветания, и та трудность,

суммы, едва ли достигавшейся после войны и почти равной всей сумме выпусков, которая между тем оставалась без движения на таком низком уровне, как 17 076 000 ф. ст. С другой стороны, на 4 июня 1833 г. мы имеем средств обращения на 18 892 000 ф. ст. при счете частных обеспечений более низком, если только не самом низком за последнее полувековье, не превышавшем 972 000 ф. ст.» (*Fullarton*, там же, стр. 97, 98). — Из следующих показаний г. Вегелайна, управляющего Английским банком, видно, что отнюдь не требуется, чтобы «demand for pecuniary accomodation» [спрос на денежные ссуды] был тождествен с «demand for gold» [спросом на золото] (что Вильсон, Тук и др. называют капиталом). «Учет векселей до этой суммы» (до одного миллиона ежедневно в течение трех последовательных дней) «не сократил бы запаса» (банкнот), «если бы публика не требовала большей суммы активного обращения. Банкноты, выданные при учете векселей, возвращались бы обратно при посредстве банков и путем вкладов. Если целью таких сделок не является вывоз золота или если внутри страны не господствует такого рода паника, что публика крепко держит свои банкноты вместо того, чтобы производить ими платежи банку, то такие грандиозные обороты не повлияли бы на запас». — «Банк может ежедневно учитывать на полтора миллиона, и это происходит постоянно, нисколько не затрагивая его запасов. Банкноты возвращаются обратно в виде вкладов, и единственное происходящее при этом изменение состоит в простом переносе с одного счета на другой» («Report on Bank Acts». 1857. Показания № 241 и 500). Следовательно, банкноты служат здесь только средством перенесения кредитов.

с какой он удовлетворяется при наступившем зastoе. Ведь именно огромное развитие кредитной системы в периоды процветания, стало быть также колоссальное повышение спроса на ссудный капитал и готовность, с какой предложение ставит себя в такие периоды в его распоряжение, создает кредитные тиски в период зastoя. Следовательно, не различие в величине спроса на ссуды характеризует оба периода.

Как уже было сказано раньше, оба периода различаются прежде всего тем, что в период процветания преобладает спрос на средства обращения между потребителями и торговцами, в период угнетения — спрос на средства обращения между капиталистами. В период зastoя в делах первый спрос сокращается, второй — усиливается.

Фуллартону и другим кажется решающе важным, что в такие времена, когда размеры securities — залогов по ссудам и векселей — в распоряжении Английского банка увеличиваются, обращение его банкнот сокращается, и наоборот. Но размер securities отражает объем денежных операций, учтенных векселей и ссуд под ходовые ценные бумаги. Так, Фуллартон в приведенном выше месте (примечание 903, стр. 435 [наст. изд. стр. 490—491]) говорит: «Количество ценных бумаг (securities), находящихся в распоряжении Английского банка, обыкновенно колеблется в направлении, противоположном обращению его банкнот, и это подтверждает испытанное правило частных банков, что никакой банк не может повысить выпуск своих банкнот за пределы известной суммы, определяемой потребностями его клиентов; если же банк хочет выдавать ссуды свыше этой суммы, он должен производить их за счет своего капитала, т. е. или пустить в оборот ценные бумаги или употребить для этой цели денежные поступления, которые иначе он поместил бы в ценные бумаги».

Здесь, однако, выясняется, что понимает Фуллартон под капиталом. Что называется здесь капиталом? Что банк не может более выдавать ссуд своими собственными банкнотами, обещаниями платежа, которые, конечно, ему ничего не стоят. Но в таком случае при помощи чего он выдает ссуды? Он выдает их из выручки от продажи имеющихся в запасе securities, т. е. государственных бумаг, акций и других процентных бумаг. Но за что продает он эти бумаги? За деньги, за золото или банкноты, поскольку последние являются законным средством платежа, как билеты Английского банка. Следовательно, то, что он выдает в ссуду, есть во всяком случае деньги. Но теперь эти деньги образуют часть его капитала. Если он дает в ссуду золото, то это само собой очевидно. Если — банкноты, то

теперь эти банкноты представляют капитал, потому что банк отдал в обмен за них действительную стоимость, процентные бумаги. У частных банков банкноты, приливающие к ним вследствие продажи ценных бумаг, в большей своей части могут быть только билетами Английского банка или их собственными, так как другие едва ли принимаются в уплату за ценные бумаги. Если же эту операцию производит сам Английский банк, то его собственные билеты, которые он получает обратно, стоят ему капитала, т. е. процентных бумаг. Кроме того, он таким способом извлекает из обращения свои собственные билеты. Если он вновь выпускает эти билеты или вместо них новые на такую же сумму, то они, следовательно, представляют теперь капитал. И притом они одинаково представляют капитал как в том случае, когда они выдаются в ссуду капиталистам, так и в том случае, если впоследствии, при сокращении спроса на такие денежные ссуды, они снова употребляются на приобретение ценных бумаг. Во всех этих случаях слово «капитал» употребляется здесь только в банковском смысле, причем оно означает, что банкир вынужден выдавать ссуды на сумму большую, чем просто его кредит.

Как известно, Английский банк выдает все свои ссуды своими билетами. Если же, несмотря на то, обращение билетов банка, как правило, сокращается по мере того, как увеличивается в его руках количество учтенных векселей и залогов под ссуды, следовательно по мере того, как увеличивается количество выданных им ссуд, то что делается с билетами, выпущенными в обращение, каким образом они приливают обратно в банк?

Прежде всего, если спрос на денежные ссуды вызывается неблагоприятным национальным платежным балансом и, следовательно, обуславливает отлив золота, то дело очень просто. Векселя учитываются в банкнотах. Банкноты в самом же банке, в эмиссионном отделе, обмениваются на золото, и золото вывозится за границу. Это все равно, как если бы банк при самом учете векселей прямо платил золотом, без посредства банкнот. Такое усиление спроса, достигающее в известных случаях от 7 до 10 миллионов фунтов стерлингов, конечно, не прибавляет к внутреннему обращению страны ни одного пятифунтового билета. Если же говорят, что банк дает при этом в ссуду капитал, а не средства обращения, то это имеет двойкий смысл. Во-первых, что он дает в ссуду не кредит, а действительную стоимость, часть своего собственного или депонированного у него капитала. Во-вторых, что он дает в ссуду деньги не для внутреннего, а для международного обращения, дает всемирные деньги;

а для такой цели деньги всегда должны находиться в своей форме сокровища, в своей металлической телесности, в форме, в которой они не только представляют собою форму стоимости, но сами равны той стоимости, денежной формой которой они являются. Хотя это золото как для банка, так и для экспортера золота представляет капитал, — банкирский капитал или купеческий капитал, — однако спрос на него возникает не как спрос на капитал, а как спрос на абсолютную форму денежного капитала. Он возникает именно в тот момент, когда иностранные рынки переполнены не находящим реализации английским товарным капиталом. Следовательно, при этом требуется капитал не как *капитал*, а капитал как *деньги*, в форме, в которой деньги суть всеобщий товар всемирного рынка; а это — первоначальная форма денег, благородный металл. Следовательно, отлив золота не «a mere question of capital» [«просто вопрос капитала»], как говорят Фуллартон, Тук и др., но «a question of money» [«вопрос денег»], хотя и в их специфической функции. То обстоятельство, что это не вопрос *внутреннего* обращения, как утверждают люди из лагеря *currency-theory*, конечно, не служит доказательством того, что это просто question of capital [вопрос капитала], как полагают Фуллартон и др. Это a question of money [вопрос денег] в той форме, в которой деньги служат международным средством платежа. «Передается ли этот капитал» (покупная цена миллионов кварталов иностранной пшеницы после неурожая в стране) «товарами или деньгами, — это обстоятельство несколько не влияет на характер сделки» (*Fullarton*, цит. произв., стр. 131). Но это очень важно по отношению к вопросу, происходит отлив золота или нет. Капитал передается в форме благородного металла, потому что в форме товаров он или совсем не может быть передан или только с очень большими потерями. Страх современной банковской системы перед отливом золота превосходит все, что когда-либо грезилось представителям монетарной системы, для которых благородный металл — единственное истинное богатство. Возьмем, напр., следующее показание управляющего Английским банком Морриса перед парламентской комиссией о кризисе 1847—1848 гг. (3846. Вопрос:) «Если я говорю об обесценении запасов (stocks) и основного капитала, то не известно ли вам, что весь капитал, помещенный в запасы и продукты всякого рода, обесценился таким же образом, что сырье, хлопок-сырец, шелк-сырец, сырая шерсть посылались на континент по таким же чрезвычайно низким ценам и что сахар, кофе и чай пошли с большими жертвами с аукционов?» — «Страна неизбежно должна была принести *значительные жертвы*, чтобы

справиться с *отливом золота*, вызванным колоссальным ввозом пищевых продуктов». — (3848.) «Не думаете ли вы, что было бы лучше потревожить 8 миллионов фунтов стерлингов, лежащих в хранилищах банка, чем пытаться возвратить золото с такими жертвами?» — «Нет, я не думаю этого». — Здесь значение единственного действительного богатства придается золоту.

Цитированное Фуллартонем открытие Тука, — что «за одним или двумя исключениями, которые притом допускают удовлетворительное объяснение, всякое сопровождаемое отливом денежного металла заметное падение курса, совершившееся за последнее полу столетие, совпадало с относительно низким уровнем средств обращения и *vice versa* [наоборот]» (Fullarton, стр. 121), — доказывает, что такие отливы золота в большинстве случаев наступают после периода оживления и спекуляции, как «признак уже начавшегося упадка... проявление переполнения рынков, прекращения иностранного спроса на наши продукты, замедления оборотов и, как необходимое следствие всего этого, коммерческого недоверия, закрытия мануфактур, голодания рабочих и общего застоя промышленности и предпринимательства» (стр. 129). В то же время это, конечно, лучшее возражение против утверждения представителей теории *currency*, будто «переполненное обращение вызывает отлив золота, а слабое обращение привлекает его». Напротив, хотя в Английском банке во времена процветания по большей части имеется большой запас золота, но образуется этот запас всегда в вялое время, в период застоя, следующего за бурей.

Следовательно, вся мудрость в отношении отлива золота сводится к тому, что спрос на *международные* средства обращения и платежа отличен от спроса на *внутренние* средства обращения и платежа (из чего само собой следует также, что «наличие отлива не предполагает необходимо уменьшения внутреннего спроса на средства обращения», как говорит Фуллартон, стр. 112) и что отправка благородных металлов из страны, выбрасывание их в международное обращение, не тождественно с выбрасыванием банкнот или монеты во внутреннее обращение. Впрочем, уже раньше я показал, что движение сокровища, сконцентрированного в качестве резервного фонда для международных платежей, само по себе не имеет ничего общего с движением денег как средства обращения. Конечно, при этом дело усложняется тем, что различные функции сокровища, которые я вывел из природы денег: его функция как резервного фонда средств платежа для срочных платежей внутри страны; как резервного фонда средств обращения; наконец, как резервного

фонда всемирных денег — все эти функции возложены на один единственный резервный фонд, из чего следует также, что при известных обстоятельствах отлив золота из банка внутрь страны может соединяться с отливом его за границу. Еще одно дальнейшее осложнение возникает вследствие новой функции, совершенно произвольно возлагаемой на это сокровище, — служить фондом для обеспечения размена банкнот в странах с развитой кредитной системой и кредитными деньгами. Затем ко всему этому в конце концов присоединяется 1) концентрация национального резервного фонда в единственном главном банке, 2) его сведение к возможному минимуму. Отсюда и жалоба Фуллартонна (стр. 143): «Видя то полное спокойствие и легкость, с какими изменения курса обыкновенно проходят в континентальных странах по сравнению с лихорадочным беспокойством и шумом, каждый раз возникающими в Англии, когда представляется, будто наличность банка близка к полному истощению, нельзя не изумляться тем крупным выгодам, которые имеет в этом отношении металлическое денежное обращение».

Но если мы оставим в стороне отлив золота, то как же может банк, выпускающий банкноты, следовательно напр. Английский банк, увеличивать сумму выдаваемых им денежных ссуд, не увеличивая выпуска своих банкнот?

За стенами банка все банкноты, обращаются ли они или спокойно лежат в частных хранилищах, для самого банка находятся в обращении, т. е. не в его владении. Следовательно, если банк расширяет свои учетные и ломбардные операции, ссуды под *securities* [обеспечение], то выпущенные для этого банкноты должны притекать к нему обратно, потому что иначе они увеличивают сумму обращения, чего именно и не должно быть. Этот обратный приток может происходить двояким образом.

Во-первых: банк платит лицу *A* банкнотами за ценные бумаги; *A* платит ими лицу *B* по векселю при наступлении срока платежа, а *B* снова депонирует их в банке. Таким образом обращение этих банкнот закончено, но заем остается. («Заем остается, а средство обращения, если в нем нет нужды, возвращается обратно к ссудившему». *Fullarton*, стр. 97.) Банкноты, ссуженные банком лицу *A*, теперь возвратились к нему обратно, напротив, банк является кредитором *A* или того лица, которым выдан учтенный *A* вексель, и должником *B* на сумму стоимости, выраженную в этих банкнотах, а *B* располагает таким образом соответствующей частью капитала банка.

Во-вторых: *A* платит лицу *B*, а сам *B* или *C*, которому в свою

очередь *B* платит банкнотами, платит ими же банку, непосредственно или посредственно, по векселям, которым наступил срок. В этом случае банку платят его собственными банкнотами. И тогда сделка этим заканчивается (до обратного платежа банку лицом *A*).

В какой же мере можно рассматривать ссуду банка лицу *A* как ссуду капитала и в какой — просто как ссуду средств платежа?⁹¹

{ Это зависит от природы самой ссуды. При этом мы должны исследовать три случая.

Первый случай. — *A* получает от банка известную сумму в ссуду под свой личный кредит, не предоставляя для этого никакого обеспечения. В этом случае он получил в ссуду не только средство платежа, но безусловно также и новый капитал, который он может применить в своем деле в качестве добавочного капитала и увеличивать в стоимости до обратной уплаты банку.

Второй случай. — *A* заложил в банке ценные бумаги, свидетельства государственного займа или акции, и получил под них ссуду наличными деньгами, скажем, до двух третей их курсовой стоимости. В этом случае он получил средства платежа, в которых он нуждается, но не дополнительный капитал, потому что он отдал банку большую капитальную стоимость, чем та, какую получил от него. Но, с одной стороны, он не мог воспользоваться этой большей капитальной стоимостью для своих потребностей текущего момента — потребностей в средствах платежа, — потому что эта капитальная стоимость была затрачена в определенной форме с целью получения процента; с другой стороны, у *A* были свои основания не превращать этой стоимости прямо в средства платежа путем продажи. Его ценные бумаги, между прочим, имели назначение функционировать в качестве запасного капитала, и он заставил их функционировать именно как запасный капитал. Следовательно, между *A* и банком произошла временная взаимная передача капиталов, причем *A* не получил никакого дополнительного капитала (наоборот!), но, конечно, получил необходимые для него средства платежа. Напротив, для банка сделка была временным солидным помещением денежного капитала в форме займа, превращением денежного капитала из одной формы в другую, а такое превращение именно и составляет существенную функцию банкового дела.

⁹¹ Следующее за этим место оригинала непонятно в данной связи и до заключения скобок заново переработано редактором. В иной связи этот вопрос уже был затронут в гл. XXVI. — Ф. Э.

Третий случай. — *A* учел в банке вексель и получил при этом за вычетом учета определенную сумму наличными. В этом случае он продал банку денежный капитал в несвободной форме за сумму стоимости в свободной форме; вексель, которому еще не истек срок, он продал за наличные деньги. Вексель составляет теперь собственность банка. Дело нисколько не изменяется от того, что в случае неуплаты по векселю последний индоссент *A* отвечает перед банком на сумму векселя; эту ответственность он разделяет с другими индоссентами и с лицом, выставившим вексель, к которым он в свое время может обратиться взыскание. Следовательно, здесь нет никакой ссуды, а вполне обыкновенная купля и продажа. Поэтому *A* ничего не должен уплачивать банку: при наступлении срока платежа банк покрывает свой расход, получая по векселю. В этом случае тоже произошла взаимная передача капитала между *A* и банком, притом совершенно такая, как при купле и продаже всякого другого товара, и именно поэтому *A* не получил никакого дополнительного капитала. Ему требовались, и он получил средства платежа, и получил благодаря тому, что банк превратил для него одну форму его денежного капитала, вексель, в другую, в деньги.

Следовательно, о действительной ссуде капитала, о действительном авансировании его может идти речь только в первом случае. Во втором и в третьем случае можно говорить о ссуде капитала, об авансировании капитала разве только в том смысле, как говорят об «авансировании капитала» при всяком помещении капитала. В этом смысле банк ссужает, авансирует, лицу *A* денежный капитал; но для *A* он представляет *денежный капитал* самое большее в том смысле, что он вообще является частью его капитала. И он получает и употребляет его не как собственно капитал, а именно как средство платежа. Иначе каждую обыкновенную продажу товара, посредством которой получают средства платежа, пришлось бы также считать получением в ссуду капитала. — Ф. Э. }

Для частного банка, выпускающего банкноты, различие заключается в том, что в случае, если его билеты не остаются в местном обращении и не возвращаются к нему в форме вкладов или при уплатах по векселям, которым наступил срок, эти билеты попадают в руки лиц, которым банк в обмен за них должен платить золото или билеты Английского банка. Таким образом в этом случае ссуда его билетов в действительности представляет ссуду билетов Английского банка, или, — что для банка то же самое, — ссуду золота, следовательно части его банкового капитала. То же самое имеет место в том случае, когда сам Английский банк или какой-нибудь другой банк,

подчиненный закону о максимуме выпуска билетов, должен продавать ценные бумаги, чтобы извлечь из обращения свои собственные билеты и затем снова выдавать их в ссуду; в этом случае его собственные билеты представляют часть его мобилизованного банковского капитала.

Если бы даже обращение было чисто металлическое, то одновременно 1) отлив золота мог бы опустошить кладовые банка {здесь, очевидно, имеется в виду такой отлив золота, при котором по крайней мере часть его уходит за границу.— Ф. Э.} и 2) так как золото требовалось бы банку главным образом только для уплаты разницы по платежам (для завершения прежних сделок), то его ссуды под ценные бумаги могли бы сильно возрасти, но возвращались бы к нему в форме вкладов или платежей по векселям, которым истек срок; так что, с одной стороны, при увеличении количества ценных бумаг в портфеле банка общая сумма его золотого запаса уменьшилась бы, а с другой стороны, ту же самую сумму, которую раньше банк держал как ее собственник, он держал бы теперь как должник своих вкладчиков, и, наконец, уменьшилась бы общая масса средств обращения.

До сих пор мы предполагали, что ссуды выдаются в банкнотах, следовательно влекут за собой по крайней мере временное, хотя тотчас же снова исчезающее увеличение выпуска банковых билетов. Но это не представляет необходимости. Вместо выдачи бумажных билетов банк может открыть лицу *A* кредит по своим счетам, причем *A*, должник банка, становится его мнимым вкладчиком. Он платит своим кредиторам чеками на банк, а получатель этих чеков, в свою очередь, платит ими своему банкиру, который обменивает их в *clearing house* [расчетной палате] на чеки, выданные на него. В этом случае дело обходится без всякого участия банкнот, и вся сделка ограничивается тем, что требования, которые банк должен выполнить, сальдируются чеками на него самого, а его действительная рекомпенсация состоит в кредитном требовании к *A*. В этом случае банк выдал ему в ссуду часть своего банковского капитала, потому что он выдал свои собственные долговые требования.

Поскольку этот спрос на денежные ссуды представляет собою спрос на капитал, он есть спрос лишь на денежный капитал, на капитал с точки зрения банкира, именно на золото — при отливе золота за границу — или на билеты национального банка, которые частный банк может получить только куплей за эквивалент; следовательно, для него они представляют капитал. Или, наконец, дело

идет о процентных бумагах, государственных фондах, акциях и т. д., которые должны быть проданы, чтобы банк мог привлечь к себе золото или банкноты. Но если это — государственные бумаги, они суть капитал только для того, кто их купил, для кого они представляют, следовательно, ту цену, за которую он их купил, представляют его капитал, помещенный в эти бумаги; сами по себе они не капитал, а простые долговые требования. Если это — ипотеки, то они являются просто свидетельствами на получение будущей земельной ренты, а если — акции, то они являются просто титулами собственности, дающими право на получение будущей прибавочной стоимости. Все эти вещи не суть действительный капитал, не образуют никакой составной части капитала и сами по себе не суть стоимости. При помощи подобных сделок можно также превратить деньги, принадлежащие банку, во вклады, так что банк вместо собственника делается по отношению к этим деньгам должником, будет владеть ими на основании другого титула. Как ни важно это для самого банка, это несколько не изменяет количества запасного капитала и даже денежного капитала, имеющегося в стране. Следовательно, капитал фигурирует здесь только как денежный капитал, а если он существует не в действительной денежной форме, то — как простой титул на капитал. Это очень важно, так как недостаток *банковского* капитала и усиленный спрос на него смешивается с уменьшением *действительного* капитала, который в форме средств производства и продуктов имеется в подобных случаях, напротив, в избытке и угнетает рынки.

Итак, очень просто объясняется, каким образом возрастает количество пенных бумаг, которые удерживаются банками в качестве обеспечения, следовательно очень просто объяснить и то, каким образом банки могут удовлетворять возрастающий спрос на денежные ссуды при прежней или уменьшающейся общей массе средств обращения. А именно в такие периоды стесненности в деньгах эта общая масса удерживается в известных пределах двояким образом: 1) путем отлива золота; 2) путем спроса на деньги просто как на средства платежа, причем выданные банкноты тотчас притекают обратно или же сделка совершается при помощи кредита по книгам банка без всякой выдачи банкнот, следовательно простая кредитная сделка обслуживает платежи, расчет по которым является единственной целью операции. Такова особенность денег, что, когда они функционируют лишь для сальдирования платежей (а во времена кризисов ссуда берется для того, чтобы платить, а не для того, чтобы покупать; — для того, чтобы завершить прежние сделки, а не для того,

чтобы начинать новые), их обращение мимолетно, даже если это сальдирование происходит не путем чистой кредитной операции, происходит без всякого участия денег; следовательно, при сильном спросе на денежные ссуды может совершаться огромное количество этих сделок, не увеличивая обращения. Но один тот факт, что обращение Английского банка остается неизменным или даже уменьшается одновременно с сильным увеличением выдаваемых им денежных ссуд, отнюдь не доказывает *prima facie* [прежде всего], — как это принимают Фуллартон, Тук и др. (вследствие их ошибочного мнения, что денежная ссуда тождественна с займом дополнительного капитала, *capital on loan*), — что обращение денег (банкнот) в их функции средства платежа не увеличивается и не расширяется. Так как обращение банкнот как покупательного средства сокращается в период застоя в делах, когда требуются столь значительные ссуды, то их обращение как средства платежа может увеличиваться, а вся сумма обращения, сумма банкнот, функционирующих в качестве покупательных средств и средств платежа, все же может оставаться неизменной или даже уменьшаться. Обращение в качестве средств платежа банкнот, которые тотчас притекают обратно в выпускающий их банк, в глазах упомянутых экономистов вовсе не есть обращение.

Если бы обращение денег как средства платежа увеличилось в более высокой степени, чем оно уменьшилось бы как обращение покупательных средств, то все обращение возросло бы, хотя бы количество денег, функционирующих в качестве покупательного средства, значительно уменьшилось. И это действительно наступает в известные моменты кризиса, именно при полном крушении кредита, когда становится невозможным не только продавать товары и ценные бумаги, но и учитывать векселя, и когда не остается ничего иного, как платеж наличными, или, как говорят купцы, касса. Так как Фуллартон и другие не понимают, что обращение банкнот как средств платежа является характерным для таких периодов нужды в деньгах, то они и рассматривают это явление как случайное. «Что касается примеров сильной конкуренции из-за получения банкнот, которая характеризует времена паники и которая иногда, как в конце 1825 г., может повести к внезапному, хотя бы только и временному, увеличению эмиссии, даже при продолжающемся отливе золота, то, думается мне, на это не следует смотреть как на одно из явлений, естественно или необходимо сопровождающих низкий курс; спрос в таких случаях есть спрос не на средства обращения (следовало бы сказать: не на средства обращения как покупательные средства),

а на сокровище, спрос части встревоженных банкиров и капиталистов, возникающий обыкновенно в последнем акте кризиса (следовательно, спрос на резерв средств платежа), после продолжительного отлива и является предвестником окончания последнего» (*Fu'llarton* [цитиров. произв.], стр. 130).

Уже при исследовании денег как средства платежа (книга I, гл. III, 3, б) мы показали, как при резком перерыве цепи платежей деньги по отношению к товарам превращаются из чисто идеальной формы в вещную и вместе с тем абсолютную форму стоимости. Там же мы привели некоторые примеры этого, в примечаниях 100 и 101. Этот перерыв сам является, отчасти следствием, отчасти причиной потрясения кредита и сопровождающих его обстоятельств: переполнения рынков, обесценения товаров, перерыва в производстве и т. д.

Однако ясно, что Фуллертон превращает различие между деньгами как покупательным средством и деньгами как средством платежа в ошибочное различие между средством обращения (*currency*) и капиталом. Но в основании этого опять-таки лежит узкое, свойственное банкиру, представление об обращении.

Можно было бы еще спросить: в чем же чувствуется недостаток в такие трудные времена, в капитале или в деньгах в их определенной форме средства платежа? Как известно, в этом и заключается спор.

Прежде всего, поскольку стесненное состояние проявляется в отливе золота, ясно, что требуются именно международные средства платежа. Но деньги в своей определенной форме международного средства платежа есть золото в его металлической реальности, как сама преисполненная стоимости субстанция, как материя стоимости. Вместе с тем они суть капитал, но капитал не как товарный капитал, а как денежный капитал, капитал не в форме товара, а в форме денег (и притом денег в том возвышенном смысле, в каком они существуют как всеобщий товар всемирного рынка). Здесь нет противоположности между спросом на деньги как средства платежа и спросом на капитал. Противоположность существует между капиталом в его форме денег и капиталом в его форме товара; и та форма, в которой в данном случае он требуется и в которой только и может функционировать, есть его денежная форма.

Оставляя в стороне этот спрос на золото (или серебро), нельзя сказать, что в такие периоды кризиса чувствуется каким бы то ни было образом недостаток в капитале. Это может иметь место при

чрезвычайных обстоятельствах, как, напр., вздорожание хлеба, недостаток хлопка и т. д.; но такие обстоятельства отнюдь не необходимые или обычные спутники подобных периодов; и существования такого недостатка капитала нельзя поэтому с самого начала выводить из того, что наблюдается сильный спрос на денежные ссуды. Напротив, рынки переполнены, наводнены товарным капиталом. Следовательно, стеснение вызывается во всяком случае не недостатком *товарного* капитала. Мы возвратимся к этому вопросу впоследствии.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

Стр.

От Института Маркса — Энгельса — Ленина	VII
Предисловие	§

Книга третья. ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ.

Отдел первый. ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПРИБЫЛЬ И НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НОРМУ ПРИБЫЛИ.

Глава первая. <i>Издержки производства и прибыль</i>	25
Глава вторая. <i>Норма прибыли</i>	40
Глава третья. <i>Отношение нормы прибыли к норме прибавочной стоимости</i>	49
Глава четвертая. <i>Влияние оборота на норму прибыли</i>	71
Глава пятая. <i>Экономия в применении постоянного капитала.</i>	
I. Общие положения	79
II. Сбережение в условиях труда за счет рабочего	91
III. Экономия при получении двигательной силы, на передаче силы и на постройках	100
IV. Утилизация экскрементов производства	105
V. Экономия, достигаемая благодаря изобретениям	108
Глава шестая. <i>Влияние изменения цен</i>	110
I. Колебания цен сырья. Их непосредственное влияние на норму прибыли	—
II. Повышение и понижение стоимости капитала, его высвобождение и связывание	115
III. Общая иллюстрация: хлопковый кризис 1861—1865 гг.	131
Глава седьмая. <i>Добавления</i>	146

Отдел второй. ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБЫЛИ В СРЕДНЮЮ ПРИБЫЛЬ.

Глава восьмая. <i>Различное строение капитала в различных сферах производства и вытекающее отсюда различие в нормах прибыли</i>	150
Глава девятая. <i>Образование общей или средней нормы прибыли и превращение стоимостей в цены производства</i>	164

Стр.

Глава десятая. Уравнение общей нормы прибыли посредством конкуренции. Рыночные цены и рыночные стоимости	184
Глава одиннадцатая. Влияние общих колебаний заработной платы на цены производства	214
Глава двенадцатая. Добавления	219
I. Причины изменения цен производства	—
II. Цена производства товаров среднего строения	220
III. Основания капиталиста для компенсации	222

Отдел третий. ЗАКОН ТЕНДЕНЦИИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К Понижению.

Глава тринадцатая. Закон как таковой	226
Глава четырнадцатая. Противодействующие причины	249
Глава пятнадцатая. Развитие внутренних противоречий закона	259
I. Общие замечания	—
II. Конфликт между расширением производства и самовозрастанием стоимости	265
III. Избыток капитала при избытке населения	269
IV. Добавления	280

Отдел четвертый. ПРЕВРАЩЕНИЕ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА И ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА В ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ И ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ.

Глава шестнадцатая. Товарно-торговый капитал	288
Глава семнадцатая. Торговая прибыль	303
Глава восемнадцатая. Оборот купеческого капитала. Цены.	327
Глава девятнадцатая. Денежно-торговый капитал	341
Глава двадцатая. Из истории купеческого капитала.	350

Отдел пятый. РАСПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ.

Глава двадцать первая. Капитал, приносящий проценты	366
Глава двадцать вторая. Деление прибыли. Ставка процента. «Естественная» норма процента	388
Глава двадцать третья. Процент и предпринимательский доход.	401
Глава двадцать четвертая. Выделение капиталистического отношения в форме капитала, приносящего проценты	425
Глава двадцать пятая. Кредит и фиктивный капитал	435

Стр.

Глава двадцать шестая. <i>Накопление денежного капитала; его влияние на ставку процента</i>	450
Глава двадцать седьмая. <i>Роль кредита в капиталистическом производстве</i>	473
Глава двадцать восьмая. <i>Средства обращения и капитал. Возвращение Тука и Фуллартона</i>	481

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Титульный лист первого немецкого издания I части III тома «Капитала»	4—5
Титульный лист первого русского издания I части III тома «Капитала»	10—11
Факсимиле рукописи Маркса к I странице III тома «Капитала»	26—27
I страница III тома «Капитала», переписанная рукой секретаря, с поправками Энгельса	30—31

(1—28 тыс.)

Под наблюдением А. Ф. Кома

Техред А. Б. Потапова

Отв. корректор А. А. Кретищенко

Сдано в производство 26/VIII 1938 г. Подписано к печати 19/I 1939 г. КЛ./МЭ. Политиздат № 1007. Уполн. Главл. Б-41145. Формат бумаги 68×100¹/₁₆. Печат. л. 32. 84 400 тип. в. в 1 б. л. Бум. листов 16. Тираж 47 000 экз. Заказ 2473. Бумага фабрики им. Менжинского. Коленкор Шелковской фабрики.

Фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>
29	7 сн.	на заработную плату в виде	на заработную плату, в виде
33	49 св.	особое	собою
142	10 сн.	в почти	к почти
233	10—41 сн.	Это не только может быть на основе капи- талистического про- изводства, это долж- но так быть,	Это не только мо- жет быть. На основе капиталистического производства это должно так быть,
286	41 сн.	Джоне	Джонс
341	4 сн.	поскольку	постольку
377	18 св.	дополнительном, и закл ^ю чительном	дополнительном и закл ^ю чительном,
440	6 св.	банкнота	банкнота,